РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
БИБЛИОТЕКИ
ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Абашидзе И. В.
Айтматов Ч.
Алексеев М. П.
Бажан М. П.
Благой Д. Д.
Брагинский И. С.
Бровка П. У.
Бурсов Б. И.
Ванаг Ю. П.
Гамзатов Р.
Грабарь-Пассек М. Е.
Грибанов Б. Т.
Егоров А. Г.
Елистратова А. А.
Емельяников С. П.
Жирмунский В. М.
Ибрагимов М.
Кербабаев Б. М.
Конрад Н. И.
Косолапов В. А.
Лупан А. П.
Любимов Н. М.
Марков Г. М.
Межелайтис Э. Б.
Неупокоева И. Г.
Нечкина М. В.
Новиченко Л. Н.
Нурпеисов А. К.
Пузиков А. И.
Рашидов Ш. Р.
Реизов Б. Г.
Самарин Р. М.
Семпер И. Х.
Сучков Б. Л.
Тихонов Н. С.
Турсун-заде М.
Федин К. А.
Федосеев П. Н.
Ханзадян С. Н.
Храпченко М. Б.
Черноусан И. С.
Шамота Н. З.

УТОПИЧЕСКИЙ РОМАН XVI—XVII ВЕКОВ

ТОМАС МОР
УТОПИЯ

КАМПАНЕЛЛА
ГОРОД СОЛНЦА

ФРЭНСИС БЭКОН
НОВАЯ АТЛАНТИДА

СИРАНО ДЕ БЕРЖЕРАК
ГОСУДАРСТВА ЛУНЫ

ДЕНИ ВЕРАС
ИСТОРИЯ СЕВАРАМБОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА · 1971

Вступительная статья
Л. Воробьева

И
У85

Иллюстрации
Ю. Селиверстова

7-3-4
1971

УТОПИИ И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Бывают литературные явления, значение которых исчерпывается идейно-художественными потребностями времен и стран, в исторической и национальной стихии которых они возникли. Художественный процесс без них невозможен так же, как невозможно мгновенное превращение желудя в вековой дуб. Сыграв свою роль, они навсегда переходят в ведомство истории литературы. Иной была судьба утопий Томаса Мора, Томазо Кампанеллы, Фрэнсиса Бэкона, Сирано де Бержерака, Дени Вераса. Первые европейские утопии XVI—XVII веков, безусловно, произвели мощное воздействие на ум и воображение передовых современников. Но прошло время, и отдаленные связи оказались более органичными и глубокими, чем можно было предположить, влияния внутринациональные уступили место международным. Поэтому оценка ранних утопий XVI—XVII веков невозможна не только вне исторического и национального окружения, но и вне мирового процесса становления общественно-политической, философской и художественной мысли.

Что такое утопия? Обратимся к классической формулировке В. И. Ленина.

«Утопия есть слово греческое: «у» по-гречески значит «не», «топос» — место. Утопия — место, которого нет, фантазия, вымысел, сказка.

Утопия в политике есть такого рода пожелание, которое осуществить никак нельзя, ни теперь, ни впоследствии,— пожелание, которое не опирается на общественные силы и которое не подкрепляется ростом, развитием политических, классовых сил»[1].

Утопия понятие емкое; в утопиях выражаются различные и даже противоположные общественные идеалы и устремления: либеральные и революционные, реакционные и прогрессивные, уводящие от действи-

[1] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 22, стр. 117.

тельности и связанные с решением ее «проклятых вопросов». Фантастичность предполагает колоссальный спектр возможностей. Если Мор и Кампанелла, а вслед за ними и Верас были зачинателями утопического социализма и коммунизма, то Бэкон является убежденным противником народовластия и идеализирует безграничную мощь науки, творимой аристократией духа. Если в соответствии со своими социальными симпатиями эти мыслители заняты умозрительным построением идеальных общественных систем, то сатирический гротеск Сирано развенчивает и действительность, и воображаемый идеал: за всеразрушающим скепсисом едва-едва просвечивает робкая мечта о будущей человечности. Но различие политических идеалов ранних утопистов предполагало и определенное единство. Все они были прогрессивными мыслителями и писателями, детьми эпохи Возрождения, XVI и XVII столетий, когда Западная Европа, потрясаемая антифеодальными движениями, вошла в стадию первоначального развития капитализма, когда техника и наука энергично пошли вперед по своему нескончаемому пути, когда мысль упрямо обгоняла действительность в поисках новых горизонтов.

Утопия есть неосуществимое мечтание. Но порожденные историческими обстоятельствами утопии побуждали к деятельности и, значит, приводили к определенным результатам. В данном случае особенно интересен вопрос: в чем суть эстетического и художественного воздействия утопических фантазий?

Синкретичность, слияние философского и эстетического подхода были общей характерной особенностью западноевропейской литературы эпохи Возрождения. Однако принадлежность «Гаргантюа и Пантагрюэля» или «Дон-Кихота», произведений той же эпохи и столь же насыщенных глубокой социальной и философской проблематикой, к рангу художественной литературы не может вызвать сомнений. Иное дело «Утопия» Мора, «Город Солнца» Кампанеллы, «Новая Атлантида» Бэкона — произведения (по крайней мере, с точки зрения современного читателя) скорее политические и научные, нежели художественные. Их авторы известны как великие философы, социологи и политические деятели. Но можно ли говорить о них как о художниках?

Ответ невозможен вне рассмотрения места ранних европейских утопий в литературно-художественном процессе, взятом в широком историческом плане.

Европейские утопии XVI—XVII веков не были самыми ранними. Мечты о счастье, об идеальном устройстве общества издавна волновали умы известных и безымянных апостолов народных низов и интеллектуальной элиты. Без осмысления, хотя бы вкратце, существа этих

действительно *первоначальных* фантазий нельзя понять утопий нового времени.

Подневольный труд стал проклятием всех народов, вышедших из первобытно-общинного строя. Вспыхивает мечта об утраченном золотом веке, когда не было ни богатых, ни бедных, царило всеобщее равенство и братство. Поэтизацию «времени Кроноса» мы находим и у Гесиода (VIII—VII вв. до н. э.), и у других древнегреческих поэтов более позднего периода. В период эллинизма появляется первый фантастический роман путешествий Ямбула (II в. до н. э.).— Далеко, за Африкой, за Мадагаскаром, есть Остров Совершенства; он круглый, совершенной — в пифагорейском смысле — формы. Дары природы там изобильны, жители сильны и выносливы, не подвержены болезням, центральной власти нет, и люди, соединившись в родовые общины, поочередно исполняют несложные обязанности. Все общее: земля и угодья, жилье и орудия, даже жены и дети. Царит вечный мир, и нет недовольных идеальными порядками.

Эти поэтические мечтания явились реакцией на бесчеловечное угнетение, характерное для рабовладельческого строя. Но они тянули назад, к низшему уровню общественного развития. Частная собственность отрицалась как главный источник общественных зол только в сфере потребления, а не производства. Это был поистине рабский идеал, удел слабых — свобода от труда и чудотворное изобилие.

В кругу подобных утопических мечтаний оказался и древнегреческий философ-идеалист Платон (427—347 гг. до н. э.). Платон тоже понимает первобытное состояние как царство равенства. Однако его утопия, разработанная в диалогах «Государство», «Политик», «Тимей», «Критий», основана на идее *государственности,* которая перечеркивает возможность возврата к раннему детству человечества.

Аристократ по происхождению и по всем симпатиям, Платон презирает материальный интерес, торговлю, барыш. Чрезмерное богатство, имущественное расслоение — вот что губит и богатых и бедных, обрекая одних на пресыщение и изнеженность, а других — на злобу и зависть. Введение общественных столовых способно, по мнению Платона, уменьшить злоупотребления собственностью. Но поравнение членов общества, исключая, конечно, рабов, на этом пороге и останавливается.

В диалоге «Государство» Платон выступает убежденным противником тирании и олигархии, смертной казни и произвола власти. Но гуманизм его антидемократичен, ибо, как он считает, демократия недальновидна. Полного равенства не может быть, люди неравны от природы. Государство должны возглавить разумнейшие — ученые-философы, создающие законы. Их охраняют воины. В самом низу — торговцы,

ремесленники, земледельцы, которые и распоряжаются материальной собственностью. Но главная их обязанность — снабжать высшие группы всем требуемым. Таким образом, экономическая свобода производителей фиктивна, она подавлена их политическим бесправием, над ними властвует внеэкономическое принуждение. Выступая на словах против частной собственности, Платон фактически сохраняет ее в своем государстве в виде кастовой частной собственности, потребительской монополии господствующей аристократии.

Суть утопической мечты Платона — в ликвидации раздоров и борьбы внутри господствующего класса рабовладельцев. Он хочет вернуться отнюдь не к первобытной общине, а к более близкому прошлому, реставрировать обветшавшие государственные формы, наподобие египетского кастового строя или рабовладельческой Спарты. А затем — никаких сдвигов, никакого развития, все установлено навеки при абсолютном разделении умственного и физического труда.

Аристократическая утопия Платона антиисторична и уже поэтому реакционна. Средства социальных преобразований для Платона — только слово, только философские размышления, только убеждение. Развитие эллинистического государства делает очевидной иллюзорность подобных мечтаний, и Платон переходит к более реальным планам. В «Законах», написанных на склоне лет, управителям-политикам придана бесконтрольная законодательная и исполнительная власть. Они казнят и милуют, вводят всеобщий шпионаж, мелочно регулируют все стороны индивидуальной жизни. Если в «Государстве» постоянная семья запрещена как источник эгоистических интересов, то в «Законах» скрупулезно регламентируется любовь и половые отношения — ради «блага» общества, ради улучшения человеческой природы. Перед нами мрачная казарменная утопия, идеал полицейского правления. Государство Платона превращается, по словам советского исследователя А. Ф. Лосева, во всеобщую тюрьму и организованный конный завод. Недаром «Законы» были подняты на щит идеологами фашизма. И все же в самой постановке проблемы создания идеального человеческого общества у Платона содержалось немало положительного, и поэтому влияние Платона на утопистов XVI—XVII веков вовсе не было парадоксальным. Ссылки на мнения древнегреческого философа мы находим даже у крестьянского революционера Томаса Мюнцера. Популярности идей Платона способствовала и схоластическая традиция, и канонизация его произведений, проштудировать которые считал своим долгом каждый ученый — и богослов, и светский человек. Избранная Платоном живая и остроумная диалогодраматическая форма, «тонко разработанная поэтика речи» (А. Ф. Лосев), а главное, органическое воплощение социально-философской мысли в художественно-образной форме также оказали воздействие

на последующее развитие утопического жанра в европейской литературе. Конечно, в условиях эпохи Возрождения и особенно у социалистов-утопистов Мора и Кампанеллы основные идеи Платона преобразованы до неузнаваемости, но вместе с тем сохранились и родимые пятна многих реакционных измышлений античного философа.

У ранних европейских утопий имелись и иные, более близкие, источники.

Во второй половине средних веков многие страны Западной Европы были охвачены антифеодальным движением крестьянства и городских низов. Апеллируя к раннему христианству, сектанты-уравнители требовали общности имуществ и пытались организовать потребление на коммунистических началах. В это время ставился острейший вопрос о происхождении и законности сословных привилегий: «Кто был дворянином, когда Адам пахал, а Ева пряла?» Английские политические баллады XIV—XV столетий поэтизировали идею такого счастливого строя, когда не будет эксплуатации и уделом всех станет животворный труд. Вершиной подобных устремлений явилась программа плебейских масс, выдвинутая в период крестьянского восстания 1525 года в Германии Томасом Мюнцером, программа, близкая к утопическому коммунизму. Религиозная оболочка взглядов Мюнцера не помешала ему выступить за права разума, призванного, как он полагал, установить царство божие не на небе, а на земле. А это представлялось возможным только через уничтожение сословных привилегий, частной собственности и самостоятельной государственной власти. Равенство должно было стать всеобщим, проявиться во всех отношениях, только тогда все люди смогут обрести подлинное счастье.

Беспощадные пушки и арбалеты феодалов доказали несостоятельность плебейско-крестьянских иллюзий. В самой атмосфере общественной жизни произошел, однако, решительный сдвиг: требования масс не могли быть забыты ни самими массами, ни представителями передовой общественной мысли. Конечно, крестьянам и ремесленникам, мечтавшим об общинном строе, и в голову не могла прийти мысль о преобразовании характера производства. Уравнительность охватывала имущество, потребление, политические права. Но в идейной программе крестьянских масс появляется и нечто новое: трудовой принцип. Надо трудиться, чтобы иметь право на жизнь. Эти слова, написанные на знамени народных движений, имели большее значение для судеб утопического социализма, чем все диалектические построения и тонкие измышления Платона и даже того пантеистически преобразованного, свободомыслящего Платона, которого передовые мыслители Возрождения противопоставляли всей средневековой схоластике.

Основатель утопического социализма Томас Мор (1478—1535) открыл эпоху Возрождения в Англии, завершенную творчеством Шекспира и Бэкона и хронологически почти совпавшую с правлением Тюдоров, от коронации Генриха VII (1485 г.) до смерти королевы Елизаветы (1603 г.). Он был зачинателем новой английской прозы.

С конца XV века феодальная Англия постепенно преобразуется в классическую страну первоначального накопления. Во время правления Генриха VII растут поборы и подати, идет конфискация имущества непокорных феодалов. Начинаются «огораживания»: крестьяне сгоняются с земли во имя торжества промышленного развития. Самопрялка и суконовальные мельницы, различные виды токарных, сверлильных, шлифовальных станков,— машинная техника способствует массовому производству все новых и новых товаров. Обогащение беспощадно, здесь хороши любые средства, законные и незаконные, и Англия стонет от злоупотреблений. Приход к власти Генриха VIII (1509 г.) поначалу оживляет надежды на восстановление справедливости. Новый король провозглашает всеобщую амнистию, наказывает лихоимцев. Он объявляет себя гуманистом, покровительствует ученым, поощряет рост мануфактур. Но социальные контрасты при нем лишь усиливаются: с одной стороны, невиданная роскошь, власть и богатство имущих, с другой — мириады бродяг, бывших крестьян и ремесленников, отчаявшихся, преследуемых неумолимым законом, рабочие руки которых никому не нужны. Это было время того самого Генриха VIII, который, сбросив маску человеколюбца, оказался вероломным и жестоким деспотом; он отправил на эшафот многие тысячи людей низшего и высшего звания. Но это было время и Томаса Мора, в глухой тьме произвола предвидевшего новую справедливость.

Трудно представить более противоречивую, контрастную судьбу, чем его судьба. Выходец из семьи потомственных юристов, Томас Мор сделал невиданную политическую карьеру от члена парламента до лорда-канцлера Англии (1529 г.). И это в век мздоимства и злоупотреблений, бескомпромиссно отвергая все предложения о личном обогащении! Он сторонник монархической власти, и он же дерзко препятствует королям в их противозаконных действиях, защищая права и привилегии граждан-ремесленников. Его ласкает и с ним советуется сам Генрих VIII, он дает Мору ряд важнейших дипломатических поручений. Заключение мира между Англией и Францией, с одной стороны, и с Испанией — с другой (1529 г.) на выгоднейших условиях — это, например, несомненная заслуга Мора. И тот же Генрих VIII обвиняет его в государственной измене и осуждает на мучительную казнь. Не в «Утопии» тут дело и не во взглядах ученого-гуманиста, как могло бы подуматься неосведомленному человеку. «Утопия» в те времена представляется королевской власти безобидной сказкой. Нет, Мор осмелился

противодействовать Реформации, он сохранил верность папе и отказался принести присягу королю как главе новой англиканской церкви. Почему же? Ведь он был веротерпимым и свободомыслящим человеком. Но он был также и убежденным противником восстаний и всякого рода насилия, он опасался, что реформация внесет смуту в народ. Вот почему он старался воспрепятствовать не только новой волне «огораживаний», но и секуляризации церковных и монастырских земель. Этого королевская власть не смогла ему простить.

В ранней юности мы видим Мора в доме влиятельнейшего Джона Мортона, архиепископа Кентерберийского и лорда-канцлера Англии. Здесь он впервые встречается с молодыми учеными-гуманистами из Оксфорда: Вильямом Гросином, Томасом Линэкром и Джоном Колетом. Влияние оксфордцев постепенно распространялось на Лондон, Кембридж: увлечение новыми гуманитарными и естественнонаучными проблемами в среде университетской молодежи, к которой принадлежал и Мор, становилось всеобщим. Мор изучает древние языки, штудирует Платона, увлекается искусством и литературой. Но он обнаруживает склонность и к естествознанию; геометрия и астрономия пленяют его своей точностью. Если к этому прибавить специальные занятия юридическими науками, то и тогда даже круг интересов молодого ученого будет очерчен только приблизительно. Он буквально глотает знания и не может насытиться. Затем наступает время творчества.

Мор заметил однажды, что, отдаваясь различным общественным и семейным обязанностям, он не оставлял ничего «себе, то есть литературе». Суть своего таланта, своего призвания он видел именно в писательском труде. И хотя литературное наследие Мора не столь уж велико, влияние его было огромным. Миниатюрные комедии, сатиры, эпиграммы. Стихотворения, названия которых примечательны — «О жажде власти», «Воля народа дает короны и отнимает их». Жизнеописание одного из величайших деспотов, обитавших когда-либо в Вестминстерском дворце — «История Ричарда III»,— которое даст Мору основание именоваться отцом новой английской прозы и станет одним из источников гениальной драмы Шекспира. Блистательный перевод биографии итальянского гуманиста и философа Пико делла Мирандола (1463—1494), пламенного изобличителя ложности авторитарного мышления, провозгласившего человека творцом собственной судьбы и осужденного за ересь папской курией. Но истинную, не меркнущую в веках славу принесла Томасу Мору «Золотая книга, столь же полезная, как забавная, о наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопии».

Летом 1515 года Томас Мор отправился во Фландрию с важным дипломатическим поручением от короля. Его ожидал Эразм Роттердамский, давний друг, посвятивший Мору свою знаменитую «Похвалу глу-

ности» (1509), в которой сатирически высмеивалась нелепость господствующих порядков и доставалось даже самому папе. Эразм восхищался Мором, в одном из писем он риторически вопрошал: «Создавала ли природа когда-либо что-нибудь более светлое, достойное любви, чем гений Томаса Мора?» Мор стал желанным гостем кружка местных гуманистов, наступило время осуществить давно задуманное.

Мор пишет на латинском языке «Утопию», вышедшую в 1516 году в Лувене.

Беседа между персонажами «Утопии» лишь по внешности напоминает платоновские диалоги. У Платона носителем абсолютной мудрости сделан Сократ, разящий противников силой логики. Между Мором и Гитлодеем обязанности разделены по-иному: один рассказывает, другой сомневается, и убедить последнего может только факт. Мор как участник диалога осторожен: его-то не удастся упрекнуть в легковерии, он знает цену человеческой косности. «Ведь нельзя,— говорит он,— чтобы все было хорошо, раз не хороши все люди, а я не ожидаю, что это случится всего через несколько лет в будущем». Сам Мор будто бы и ни при чем, он благонамерен и не покушается на права и прерогативы власти. Но весь внутренний смысл его сомнений и вопросов в том, чтобы подтолкнуть вымышленного Гитлодея к критике существующих порядков и обоснованию нового справедливого общества.

«Утопия» состоит из двух частей. Они резко антиномичны, и динамика повествования (а диалог в «Утопии» постоянно переходит в повествование) развертывается через противопоставление господствующих порядков и идеального общественного устройства.

В первой части речь идет не о каком-нибудь абстрактном государстве: перед нами Англия начала XVI века и ее жизненные проблемы. «Огораживания», стон несчастных арендаторов с земли, которую обрабатывали их отцы и деды, бесконечные лишения и нищета. Кроткие овцы, не догадываясь о содеянном, поистине «поедают людей». Зверские законы против бродяг, не повинных в своем бродяжничестве, смертная казнь. Но «ни одно наказание не является настолько сильным, чтобы удержать от разбоев тех, у кого нет никакого другого способа снискать пропитание». С другой стороны, как проявление резкого социального контраста, неуместные излишества в еде и чрезмерная прихотливость в одежде лордов и высшего дворянства, священников и монахов, войска и челяди. Множатся притоны, игорные и публичные дома, эти язвы общественной жизни, свидетельствующие о глубоком моральном упадке. Чего хорошего можно ждать от порядков, порождающих воровство и бродяжничество, чтобы потом жестоко и беззастенчиво карать их?

Что делать? Мору неведома неотвратимость процесса, протекающего на его глазах. Ему кажется, что все можно направить по иному

руслу, но не средствами обычной политики, вызывающей отвращение. Нельзя ли стать советником какого-либо великого государя и внушать ему «надлежащие честные мысли»? Нельзя ли самого цезаря превратить в философа на манер мудрого правителя Платона? Идеальный монарх должен выгнать вон льстивых и корыстных советников, поднять благосостояние народа, а не заботиться только о собственной казне. Мор попросту пугает королей нищетой народа, ибо: «Кто интенсивнее стремится к перевороту, как не тот, кому отнюдь не нравится существующий строй жизни?» Гитлодей сурово и небезосновательно замечает своему собеседнику, что «государи с гораздо большим удовольствием, гораздо больше заботятся о том, как бы законными и незаконными путями приобрести себе новые царства, нежели о том, как надлежаще управлять приобретенным».

На последних страницах первой части «Утопии» Мор приходит к подготовленному всем ходом раздумий решению: преградой на пути к справедливости и счастью стоит *частная собственность*. Он ссылается на авторитет Платона и провозглашает, «что один-единственный путь к благополучию общества заключается в объявлении имущественного равенства, а вряд ли это когда-либо можно выполнить там, где у каждого есть своя собственность». Речь идет не о *поравнении* граждан, не об *ограничении* имущественного неравенства и злоупотреблений, с ним связанных, а именно о *совершенном уничтожении частной собственности*. С мнимой наивностью Мор так перекраивает аристократическую утопию Платона, что ее и не узнать. У последнего философская элита регулирует все стороны общественной жизни и в конечном итоге — собственность. В идеальном государстве Мора люди равны во всех отношениях, не исключая ни экономического, ни политического.

Теперь Мор готов нарисовать конкретную картину идеального, *социалистического* общества. (Термины «социализм» и «коммунизм» будут введены в обиход гораздо позже, французскими утопистами 30-х годов XIX века, но у Мора речь идет именно о социализме.) Последние сомнения... «Никогда нельзя жить богато там, где все общее. Каким образом может получиться изобилие продуктов, если каждый будет уклоняться от работы, так как его не вынуждает к ней расчет на личную прибыль, а, с другой стороны, твердая надежда на чужой труд дает возможность лениться?» Это не моровские сомнения, они чуждые, пошлые, и как напоминают они все наветы всех критиков социализма и коммунизма во все последующие века! Но Томас Мор должен быть добросовестным, не утаивать никаких «против», чтобы убедительно опровергнуть их.

Итак, остров Утопия, не известный никому из европейцев. Образ нового общества предстает как противоположность старого, разъедаемого язвами собственности.

Утопия это не анархия, это организованное государство, учрежденное легендарным королем Утопом, идеальным монархом, в стародавние времена и достигшее высокой степени культуры и образованности. На острове пятьдесят четыре города, в главном из которых, Амауроте, собирается нечто вроде парламента старейшин для обсуждения текущих дел. Постоянных сельских поселений нет, граждане поочередно занимаются земледельческим трудом. Семья не отменена, как у Платона, напротив, семейная патриархальная община есть основа государства, которое организуется по иерархическому принципу и возглавляется пожизненно избираемым князем. Однако «кто путем происков добивается получить какую-либо должность, лишается надежды на достижение всех». Нравственные ограничения, налагаемые существованием семьи, весьма строги, но не бесчеловечны: при определенных условиях брак может быть расторгнут. По существу, все основано на доверии: общественные рынки, где семьи получают все необходимое без денег, открытые двери домов без запоров. Отсутствует частная собственность, и нечего охранять... Нет надобности перечислять подробности жизни Утопии, читатель познакомится с ними сам.

Отмена частной собственности в Утопии, вообще-то говоря, не новость. Самое главное в фантазии Мора, где он пошел дальше требований плебейских масс, это *организация производства*. Для того чтобы все получили всё необходимое, оно должно быть произведено. Мор рисует картину трудового общества, где от физического труда освобождены только занятые государственной деятельностью и люди науки, мыслители, и то на определенное время. Производство — и ремесленное и земледельческое — организовано по плановому принципу. Но производство материальных благ не самоцель. Физическому труду в соответствии со склонностями человека отдано лишь шесть часов в сутки. Остальное время посвящено наукам, образованию, духовному совершенствованию.

Ныне, с высот научного коммунизма, нетрудно подметить многие наивности и несообразности утопии Мора. Изобилие материальных благ на основе простого физического труда, к тому же столь ограниченного временем, вещь крайне сомнительная. Мор взывает к науке и от нее ждет помощи труду, но его воображение ограничено: он предвидел только инкубатор для домашней птицы, изобретенный в конце будущего, XVII столетия. Поэтому он не знает, что делать, например, с неприятными, унижающими достоинство человека работами. Для Роберта Оуэна в начале XIX века это не проблема: уборные в коммунах очищаются механически, без прикосновения человеческих рук. А Мор вынужден ввести в своей утопии институт общественных рабов — преступников, иноземцев,— что никак не вяжется с общими основами утопийской жизни и нашло бы законное место в аристократическом государстве

Платона. Мор и сам сомневается в возможности постоянного изобилия, он призывает к разумному ограничению потребностей, к скромности, а значит, к единообразию. «Кто узнает хотя бы один город, тот узнает все города Утопии»,— пишет Мор. Можно добавить; кто узнает одного утопийского гражданина, то узнает всех. Единообразие одежд и единообразие регламента жизни являются внешним проявлением унификации личности. Мор только прокламирует богатство интересов, но не знает, как его достичь, и это не единственная поясность его утопических фантазий. Но, следует еще раз подчеркнуть, Мор первым в истории человечества провозгласил возможность организации общественного производства на началах равенства, без частной собственности, а следовательно, возможность трудового преобразования, трудового перевоспитания человека.

Большое место,— и в этом дань историческим условиям,— занимают в «Утопии» вопросы религии. Мор, как уже было замечено, противник Реформации. Но странный это католик: его рассуждения о ценности жизненных благ и иллюзорности небесных, о бесплодии аскетизма, о возможности и законности различных вариантов веры в бога вплоть до пантеизма и т. д. и т. п. сближают его скорее с вольнодумцами XVII—XVIII веков — непосредственными предшественниками атеизма, чем с отцами церкви. Католическая церковь, объявившая Томаса Мора святым (1935 г.), проявила крайнюю снисходительность к его высказываниям о религии!

Утопия — это будущее Англии, каким хотел бы видеть его Томас Мор, сын своего века. Неосуществимое в то время будущее, но вовсе не прихотливая игра ума фантаста. Мор отошел от интересов своей социальной группы и осознал необходимость освобождения народных масс, прежде всего крестьянства и ремесленников, как представителей предпролетариата. Он борется против всякой собственности, он хочет устранить старых эксплуататоров-феодалов, заодно устранив и новых заправил денежного мешка. Его взгляды утопичны и выражают незрелость экономических и политических устремлений масс того времени. Но во всемирно-историческом смысле его книга — предвозвестие классовой борьбы пролетариата. Томас Мор в родстве с ним: на гербе его Утопии, как и на гербе первого в мире социалистического государства,— символы плодотворного труда: серп, молот, колосья.

При чтении «Утопии» возникает ощущение того, что идеальное общество есть законченное совершенство и все жизненные трудности разрешены здесь навсегда. Это нетрудно почувствовать. Труднее понять, что провозглашение науки и производства основой человеческой жизни подводит к понятию прогресса. Идеал «Утопии» ведет вперед, он разрушает застойность средневекового мышления, создает предпосылки исторического взгляда на человеческое общество.

Интернациональный характер латыни, на которой была написана и издана «Утопия», обеспечил распространение ее идей среди образованных современников. Всходы этих идей обнаруживаются уже в 30-е годы XVI века, в «Гаргантюа и Пантагрюэле» Рабле: идейный стержень книги составляют размышления о воспитании человека и разумном социальном устройстве. Проникнутая ненавистью к рабству и насилию, мечтаниями о свободе, равенстве и братстве людей, сатира Рабле — это чисто художественный вариант утопии, где все показано в картинах веселых похождений и дерзких предприятий, и чисто французский вариант, где принцип умеренности Мора заменен эпикурейским отношением к жизни. Несомненно, что сатира Рабле, выдержавшая в XVI веке многие десятки изданий, сыграла колоссальную роль в распространении утопических идей вширь — не только среди образованной элиты, но и в народной среде.

Более четырехсот лет прошло с того момента, как в Тауэре был казнен великий Томас Мор. Наконец-то очередное правительство Англии решилось водрузить в Вестминстерском аббатстве мемориальную доску в его честь. Но приговор суда 1535 года «за государственную измену» не отменен, и в этом есть своя логика, ибо «Утопия» Томаса Мора явилась первым ударом, нанесенным формирующемуся буржуазному государству его собственным лордом-канцлером.

Дальнейшее распространение утопического социализма в Европе связано с именем Джованни Доменико Кампанеллы, автора «Города Солнца», известного итальянского философа, социолога и литератора. Он родился в 1568 году на юге Италии, в Калабрии, которая находилась под гнетом испанской короны. Пятнадцати лет, вопреки воле отца, который мечтал видеть его дипломированным юристом, он постригся в монастырь доминиканцев под именем Томмазо (Фома). Начинаются упорные занятия философией и теологией, изучение работ Аристотеля и Фомы Аквинского. Но пытливый и глубокий ум Кампанеллы рвется из тенет церковной учености. На полках монастырских библиотек он находит труды Демокрита и Платона, по-своему осмысливает их. Наибольший его интерес вызвала натуралистическая философия итальянца Бернардино Телезио (1509—1588), яростного противника аристотелевской схоластики, работы которого были включены католической церковью в список запрещенных книг. Кампанелла открыто защищает идеи Телезио, публикует философские сочинения, где развивает их в направлении пантеистического одухотворения природы. Такая дерзость не могла пройти безнаказанной, и инквизиция заинтересовалась Кампанеллой. Но до поры до времени все сошло благополучно: Кампанелла проявил себя как противник Реформации и сторонник не только церков-

мой, но и светской власти папы, что заставило инквизицию закрыть глаза на многие его прегрешения.

Воззрения Кампанеллы весьма противоречивы. Он всерьез занимался астрологией, что сыграло неожиданно значительную роль в его жизни и деятельности. В 1597 году он вернулся на родину и, основываясь на положении звезд, предсказал победоносное восстание против власти испанских Габсбургов. Впрочем, возмущение произволом иноземцев охватило тогда все слои Калабрии, и Кампанелла возглавил заговор, к которому примкнули и дворяне, и монахи, и крестьяне, и разбойники; ожидалась помощь турецкого флота. День выступления назначили на 10 сентября 1599 года. Но испанцев предупредили, и верхушка заговора была схвачена. Попал в неаполитанскую тюрьму и Кампанелла. Политического преступника спасло от немедленного смертного приговора только то обстоятельство, что его объявили еретиком, и посему он подлежал юрисдикции папы.

Начался крестный путь Кампанеллы. Жесточайшие пытки, которым его подвергли, не вырвали нужных инквизиторам признаний. В 1602 году Кампанеллу осудили *всего только* на пожизненное заключение, и он провел в различных тюрьмах свыше двадцати семи лет. Постоянная работа и самодисциплина, каждодневное напряжение творческой мысли помогли ему выстоять. В 1616 году Кампанелла написал книгу в защиту Галилея (издана в 1622 г.), где обосновал принцип свободы науки. И это в тюрьме, в полной зависимости от палачей! Все попытки устроить побег, предпринятые его друзьями, окончились неудачей. Только в 1626 году папа Урбан VIII, известный своей антииспанской ориентацией, переводит Кампанеллу в Рим, и отнюдь не бескорыстно. Папу крайне интересовали астрологические предсказания, а Кампанелле был якобы известен «секрет», как избежать подвластной звездам судьбы. На этот раз астрология не подвела, и вскоре он был выпущен на свободу. Но положение его оставалось неустойчивым, наветы продолжались, а когда в 1632 году начался процесс Галилея и Кампанелла снова выступил в его защиту, неустойчивость эта еще более усугубилась. Кампанелла переехал в Венецию, а оттуда бежал во Францию, где среди друзей,— одним из них был известный философ-материалист Гассенди,— получил наконец возможность свободно заняться научной деятельностью. Не закончив подготовки к печати собрания своих сочинений, он умер в 1639 году.

Утопия «Город Солнца, или Идеальная Республика. Поэтический диалог» была написана на латыни в тюрьме, в 1602 году, а опубликована впервые в 1623 году. И на этой утопии лежит отпечаток своего времени, его мучений и проблем.

В жизни Англии начала XVI и Италии начала XVII веков были существенные черты сходства. После бурного развития мануфактур-

ного производства, когда Италия являлась самой передовой страной Европы, и передовой не только в экономическом отношении, наступило время упадка. Ориентация на внешний рынок оказалась роковой: великие географические открытия и господство турок на востоке Средиземного моря привели к перемещению главных торговых путей и жестокому экономическому кризису. Как в Англии во времена «огораживаний», хотя и по другой причине, тысячи людей — ремесленников, мелких торговцев, работников мануфактур — не знали, куда приложить свои руки. Крестьянство страдало от самых варварских форм феодальной эксплуатации, от иноземного владычества. Техническое развитие зашло в тупик, а между тем творческая деятельность людей науки продолжалась, и это приводило к оппозиционности интеллигенции. Но в тогдашней Италии, экономически разобщенной и политически раздробленной, не могло сложиться революционной ситуации. Народный протест выражался в стихийных формах,— тот, кто не хотел нищенствовать и умирать от голода, шел в бандиты, в разбойники и мстил за попранное достоинство. В этих условиях утопизм, как мечтание о разрубленном гордиевом узле гибельных обстоятельств, был, по существу, неизбежен.

На мрачном горизонте драматической жизни тогдашней Италии Государство Солнца появляется как светлое видение. Где-то в Индийском океане, в некоей неизвестной земле возвышается гора, на которой построен прекрасный лучезарный город. Стены его украшены чудесной и в то же время поучительной живописью, здания светлы и поместительны. Там воплотились заветные мечты о человеческом счастье, ибо там нет частной собственности и все построено на основе естественных законов природы.

Город Солнца — теократическая республика, организованная по образцу монашеского Ордена и отдаленно напоминающая иерархическую структуру государства древних инков. Во главе его стоит мудрейший и всезнающий первосвященник Солнце (он же Метафизик), которому подчинены три соправителя: Мощь, ведающий военным делом, Мудрость — познанием, науками, и Любовь — продовольствием, одеждой, деторождением и воспитанием. Они выбирают низших должностных лиц, носителей истинного знания, презирающих схоластику — «мертвые знаки вещей». В Городе Солнца, пишет Кампанелла, «того почитают за достойнейшего, кто изучил больше искусств и ремесел и кто умеет применять их с бо́льшим знанием дела. Поэтому они издеваются над нами за то, что мы называем мастеров неблагородными, а благородными считаем тех, кто не знаком ни с каким мастерством, живет праздно и держит множество слуг для своей праздности и распутства, отчего, как из школы пороков, и выходит на погибель государства столько бездельников и злодеев». (Как напоминает эта филиппика «Утопию» Мора!)

Каждый месяц для обсуждения действий должностных лиц собирается Совет и недостойные «сменяются по воле народа». Только четыре высших правителя несменяемы.

Философские работы Кампанеллы дают возможность раскрыть смысл символики имен, в которой воплощен его пантеизм. Основные качества бытия («прималитеты») определяют и основные свойства человека: мощь обнаруживается в силе, мудрость — в способности представления, любовь — в желаниях и стремлениях. Прималитеты находятся в постоянной борьбе с небытием: с немощью, незнанием и ненавистью — как отрицательными человеческими качествами. Элементы диалектики в философии Кампанеллы служат обоснованию плодотворности насилия в общественной жизни. Зло необходимо не только выявить, но и подавить.

Источник человеческих зол — эгоизм. Кампанелла видит возможность его искоренения в поравнении членов общества (если исключить незначительные материальные привилегии организаторов новой республики) буквально во всех отношениях. Общие столовые, одинаковая одежда, общие украшения, общие дома, спальни и кровати... Картина несколько жутковатая, но Кампанелла не знает иных путей обуздания собственнических инстинктов. И если уж все общее, то должны быть и общие мужья и жены, общие дети. Влияние Платона обнаруживается здесь далеко не с лучшей стороны. С невероятной дотошностью Кампанелла регламентирует деторождение и половые отношения и обнаруживает почти нескрываемое презрение к парной любви. Она для него скорее допустимая забава, чем серьезное чувство, и не может даже и сравниваться с «любовью к общине».

Сколько клеймили коммунистов их враги за эту самую «общность жен»! Научный коммунизм, безусловно, не ответствен за выдумки монаха Кампанеллы. Но стоит вникнуть в его логику. За «общностью жен» у Кампанеллы не скрывается их превращение в собственность, обесчеловечение. Женщины Города Солнца имеют те же права, что и мужчины, они могут заниматься и науками, и чем угодно. Они только освобождены от тяжелых форм труда вроде, например, кузнечных работ. «Общности жен» соответствует «общность мужей» на основе взаимного равенства. Поэтому, решительно отвергая такого рода *бессемейный коммунизм,* следует еще подумать, кто стоит на более высоком моральном уровне — женщина Кампанеллы, чуждая обмана и притворства, или фальшивая буржуазка, участь которой — адюльтер и узаконенная продажа тела.

В «Городе Солнца» можно заметить некоторые новые подробности экономического и социального бытия по сравнению с «Утопией». Рабочий день сокращен до четырех часов, и все же изобилие, как результат соревнования в работе, налицо, ибо труд, как об этом впервые в исто-

рии человеческой мысли догадывается Кампанелла, есть первая потребность человека и дело его чести. Кампанеллу весьма интересует проблема выявления способностей человека, хотя решает он ее в фантастико-астрологическом духе: природные склонности должны быть разгаданы через тот же гороскоп. Но как освободить трудящуюся личность от скуки повторений, как добиться гармонического развития? Смена труда? Всестороннее образование? Земледельческий труд, который, как кажется влюбленному в него Кампанелле, приводит в действие все физические и умственные силы человека? Развитие производительной мощи науки? Мыслитель перебирает различные варианты, но найти действительного решения, конечно, не может. Однако им поставлен важнейший вопрос, и это уже много.

Моральное регулирование общественной жизни Кампанелла возлагает на религию, но хотя он постоянно обращается к имени Христа, его едва ли можно считать правоверным христианином-католиком. Культ Солнца и Земли, пантеистическое представление о мире как об огромном живом существе не укладывается в рамки религиозной догматики. Кампанелла надеется на религию далеко не во всем, он разработал ряд правовых и моральных санкций нерелигиозного характера, иногда весьма жестоких, направленных против бездельников и развращенных личностей. Он не уповает на одно убеждение, в необходимых случаях он считает принуждение обязательным. И он, в отличие от Мора, показывает обитателей своего государства способными взять в руки оружие не только для защиты от внешних нападений. Убить тирана — почетно. Изгнать вздорного и ничтожного монарха — человечно. Откуда взялось Государство Солнца? Кампанелла прозрачно намекает: «Сначала ведь все исторгается и искореняется, а потом уже созидается, насаждается...» Нет оснований называть его провозвестником социалистической революции, но этот пылкий итальянец готов повести народ на бой ради осуществления идеалов равенства.

В литературе установилось мнение, которое поддерживает и известный советский исследователь В. П. Волгин, что влияние «Утопии» на «Город Солнца» было самым общим, а значит, малозначительным. Это, по-видимому, неверно. Различие в конкретных частностях (у Кампанеллы, например, правящая философская элита в платоновском духе существенно ограничивает права демократии) не должно снимать принципиального генетического родства двух утопий. Кампанелла развивает коренные идеи Мора, да и как бы он мог пренебречь столь важным источником социалистической мысли? В трактате «О наилучшем государстве» (1609) Кампанелла ссылается на «авторитет недавнего мученика Томаса Мора, который описал вымышленное государство Утопию с той целью, чтобы мы по его образцу создали свое государство или, по

крайней мере, его отдельные устои». Как видно отсюда, Кампанелла не надеялся на немедленное осуществление своих планов. Время фаланстеров и коммун, то есть попыток реализации утопий, тогда еще не настало. Эти попытки, а также и горечь провала Мор и Кампанелла оставляли будущим поколениям — создателям социалистических утопий XIX века.

В течение столетия после издания «Утопии» у Мора не нашлось сколько-нибудь заметных последователей в Англии. «Новая Атлантида» (1627) Бэкона есть антитеза утопического социализма, отражающая как изменение социальных условий в стране, так и общественные симпатии автора.

Фрэнсис Бэкон (1561—1626), крупнейший английский ученый, философ-материалист и государственный деятель, родился в состоятельной семье: его отец был лордом — хранителем печати при королеве Елизавете. Еще совсем молодым человеком он окончил Кембридж (1575 г.) и несколько лет находился при английском после в Париже, а затем вел юридическую практику в Лондоне. По собственному признанию Бэкона, его истинной стихией была политика; его томила жажда политической деятельности. В 1593 году он стал членом парламента, примкнул к оппозиции и в результате вынужден был удалиться в свое поместье. Блистательная карьера Бэкона развернулась после вступления на престол Якова I (1603—1625). Быстро продвигаясь в служебной иерархии, он в 1616 году получил должность лорда — хранителя печати, затем — лорда-канцлера и был пожалован титулами барона Веруламского и герцога Сент-Альбанского. Но в 1621 году Бэкона обвинили в злоупотреблениях и присудили к денежному штрафу и тюремному заключению. Помилованный вскоре Яковом I, он не вернулся к государственным делам и последние годы жизни отдал науке и литературной работе.

Если во времена Томаса Мора промышленное развитие Англии было относительно слабым, то с середины XVI века начинается стремительный подъем производства. Каменноугольная, горнорудная, металлообрабатывающая, стекольная промышленность, судостроение,— в этих отраслях Англия обгоняет большинство континентальных государств. Акционерные и торговые компании растут, как грибы. Английская колониальная экспансия, начало которой было положено в это время, знаменуется безудержным ограблением других народов с применением грубейшего насилия. Печальной славы Ост-Индская компания приступает к утверждению британского владычества в Индии и присваивает себе не только торговые и промышленные функции, но и дипломатические, и административные. Это было симптомом изменения расстановки сил внутри господствующих классов Англии. На сцену выходит «новое дворянство» и купечество, оттирая старую знать, которая

отчаянно сопротивлялась пашествию выскочек. Новое буржуазное общество, основанное на капиталистической собственности и наживе, все больше раскрывало свой сокровенный смысл. В стране продолжались массовые «огораживания», но теперь уже не ради овцеводства, а ради продуктивного земледелия. Кровавое законодательство по-прежнему действовало вовсю, как и во времена Тюдоров. Среди отчаявшихся бедняков зрело негодование, и уравнительные идеи, преданные проклятию наверху, сохранили внизу свою живую силу, которая еще покажет себя в движении диггеров-копателей... Время Бэкона было прологом английской революции середины XVII века.

Его политическая позиция абсолютно недвусмысленна: Бэкон на стороне «нового дворянства», заинтересованного в сильной королевской власти и в активном парламенте. Он морально оправдывает обогащение и является глашатаем колониальных экспансий, непосредственно участвует в разработке планов захвата Виргинии и Ньюфаундленда. Он, наконец, принимает все меры к тому, чтобы держать в покорности народные массы. Все это определило и характер его утопии.

Бэкон считал свою философскую и литературную деятельность побочным занятием, но именно ей суждено было обессмертить его имя. По словам К. Маркса, Бэкон был родоначальником *«английского материализма* и *всей современной экспериментирующей* науки»[1]. Он написал на латыни ряд философских трудов, важнейшим из которых был «Новый Органон» (1620), где Бэкон сформулировал основы эмпирико-индуктивного метода познания и разработал принципы классификации наук. Бэкон серьезно проявил себя и в изящной словесности. Его «Опыты» (1597 г.; второе издание — 1612 г.), состоящие из небольших, живо написанных очерков по разным вопросам философии, эстетики, морали и политики, отличаются живым и доступным изложением, остроумием афористичной мысли. Изданные, в отличие от его философских работ, на английском языке, «Опыты» пользовались большим успехом у современников. «Новая Атлантида», которая интересует нас в данном случае, тоже была написана вначале по-английски, а затем уже переведена на латынь и издана после смерти Бэкона именно в таком виде.

Начало утопии Бэкона вполне традиционно: в южных морях Тихого океана английские путешественники обнаружили остров или материк, где находится идеальное государство Бенсалем — Новая Атлантида. Но дела здесь происходят совсем иные, чем у Мора или Кампанеллы. Здесь есть король, сенат, церковь (да не какой-нибудь, а христианской веры, чудесным образом явленной бенсалемцам). Чиновники разных степеней. Знать и простой народ. Деньги, золото. (А у Мора оно предназначалось для общественных уборных!) Все это приметные

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 2, стр. 142.

черты современной Бэкону Англии, правда достаточно идеализированной: в Бенсалеме нет взяток и злоупотреблений, все всем довольны. Построенное по патриархальному принципу, с сохранением права наследования, общество процветает, ибо уничтожены причины мятежей — голод и нищета. И все это на основе частной собственности! Невольно возникает вопрос: не реакционная ли это утопия?

Особую роль в жизни бенсалемского общества играет Дом Соломона, организация, которую Бэкон именует наподобие монашеской — Орденом. Действительно, здесь отправляют богослужение, но главная цель в другом. Общество занято «изучением творений природных», то есть познанием природы и применением этого знания на деле. Ради изображения деятельности Ордена и написана «Новая Атлантида», здесь раскрывается прогрессивная суть утопии Бэкона, зачатка технократических утопий будущего.

Обратимся к «Новому Органону», где Бэкон изложил свои материалистические воззрения, это многое прояснит. Бэкон наивно полагал, что богатство форм природы ограничено и, следовательно, теоретическое познание исчерпаемо. Достаточно немногих лет, чтобы полностью достроить здание науки, открыть все причины и следствия. Это метафизическое представление об абсолютной истине связано у Бэкона с практицизмом. Бэкон и его общество торопятся: скорее бы проникнуть в суть. А затем все новые технические усовершенствования, все новые изобретения и, как следствие, повышение производительности труда — прибыль, выгода! Вот это поистине безграничный процесс... И сколько бы ни заверял нас Бэкон устами бенсалемских торговцев, что не ради золота и серебра, не ради шелков и пряностей ведут они торговлю, а ради «света» («свет» в терминологии Бэкона — глубокое познание сущности), за этим все равно видятся собственнические интересы. Подчинение знания экономическим нуждам, знания именно как высшего капитала, есть неизбежный вывод из его утопии.

Бэкон сознательно противопоставил «Новую Атлантиду» социалистическим идеалам Мора и Кампанеллы. Крах ренессансных идеалов, в том числе идеи равенства, остро выражается у Бэкона в утверждении естественного неравенства людей во всех отношениях, то есть в духовном и отсюда — в материальном. Наука и техническое творчество являются в Бенсалеме привилегией господствующей группы. Общество, организованное по иерархическому принципу, а точнее, по принципу мануфактурного разделения труда, в социальном смысле ближе всех ранних утопий к аристократическому идеалу Платона. Рабовладелец Платон воскресает частью своего существа в буржуа Бэконе, и стремление «увековечить столь счастливое состояние», как в Бенсалеме, подавляет зачатки историзма предшествующих утопий. Но между Платоном и Бэконом есть и существенные различия. Мыслители Дома Соломона увле-

чены не созерцанием небесного свода, а вполне насущными делами. Познание и изобретательство являются здесь непосредственным, живым ответом на нужды производства и военного дела, старые мехи Платона наполняются новым вином.

Цель Дома Соломона — «познание причин и скрытых сил всех вещей и расширение власти человека над природою, покуда все не станет для него возможным». Последние страницы «Новой Атлантиды» — это подлинная поэма науки и техники. В Бенсалеме роют глубочайшие рудники и получают искусственные металлы с заданными свойствами; здесь имеются механизмы, движение которых быстрее, чем полет мушкетной пули. Подчинена сила мощнейших водопадов, и созданы столь же мощные магниты: соедините их мысленно, и вы получите идею гидроэлектростанции! Есть печи, в которых достигнут жар солнца. Есть подводные лодки и летательные аппараты. Не забыто и сельское хозяйство: Дом Соломона создал рецепты сложных удобрений, прививки и скрещивания дали жизнь новым сортам и породам растений и животных. В Бенсалеме заботятся о здоровье человека: улучшена природная пища и разработана искусственная, с целебными свойствами. Опыты по оживлению мертвых животных приведут, по-видимому, и к спасению человеческих жизней. Сила опытного мышления и наблюдательность неизмеримо возросли, ибо созданы приборы, которые улучшили природное зрение и слух, обоняние и осязание человека. И так далее, и тому подобное. «Новая Атлантида» — это целый каскад научно-технических идей, которые были впоследствии все, или почти все, осуществлены. В этом смысле перед нами не утопия, а вариант научной фантастики, одним из предшественников которой может быть назван Фрэнсис Бэкон. Его идей хватило на сотню фантастических романов вплоть до XX столетия, и в этом его немалая заслуга.

В чем же смысл его утопизма? Он двойствен, противоречив. Поскольку Бэкон защищает и увековечивает экономические и политические интересы буржуазии, «Новая Атлантида» есть антиутопия, реакционное мечтание. Но Бэкон не только идеолог промышленной и торговой буржуазии, он ученый-интеллектуал, он влюблен во все разумное. Он совершенно искренне соединяет интересы своего класса с интересами страждущих масс, хочет облегчить их участь и поэтому остается гуманистом. Положительный смысл его утопии в утверждении *всесильности знания.*

Эта мысль, впервые высказанная им еще до «Новой Атлантиды» в 1605 году, находит, между прочим, свою параллель в последней драме Шекспира «Буря» (1611), драме-завещании. Мудрец Просперо с иронией относится к идеалу наивного потребительского коммунизма гуманного правителя Гонзало, основанному на «естественном состоянии» и милостях природы. В обществе Гонзало нет богатых и бедных, торговли

и наследования, никто не ведет войн и отсутствует верховная власть. Идеал утопического социализма доведен здесь до абсурда, ибо никто не трудится и природа остается единственным источником существования. Просперо более мудр, его идеалы основаны на деятельной природе человека. Он не тщится перевоспитать злодея Калибана, но он хочет парализовать силы зла через гармоническое сочетание интересов разных сословий, которые трудятся, как пчелы в улье. А наверху ученые, создающие книги, концентрат знаний. Вот в чем источник мудрости и силы, источник интеллектуального могущества, преобразующего мир! Шекспир предвосхитил идею Дома Соломона.

Безусловно, проблема создания изобилия, на котором зиждется богатая духовная жизнь социалистического общества у Мора и Кампанеллы, решена ими не до конца. Всестороннее развитие науки и техники в Новой Атлантиде восполняет этот пробел. Но вполне ли осуществимы бэконовские идеалы кооперации науки и использования научных открытий в общегосударственном масштабе в тех рамках, которые полагает капиталистическая собственность и буржуазное государство? Кому, собственно, принадлежат эти идеалы в последующем историческом развитии?

В книге «Конец идеологии», изданной в 50-е годы нашего века, профессор Колумбийского университета Дэниел Белл, автор теории так называемой «постиндустриальной цивилизации», прямо ссылается на Бэкона и «Новую Атлантиду», как первоисточник идеи «интеллектуализованной технократии». В новом варианте Дома Соломона, сконструированном Д. Беллом, действительно, доведены до абсурда реакционные стороны утопии Бэкона. Правящая интеллектуальная элита превратила «вечное» классовое деление в общественную трагедию, ибо едва ли можно назвать людьми бездумных исполнителей и потребителей, составляющих массу населения, все действия и мысли которых находятся под жестким контролем. От гуманистических иллюзий Бэкона здесь не остается и следа. Очевидно, что Дом Соломона как средство всеобщего счастья — это неосуществимая мечта, и язвы капитализма не могут быть излечены никакой техникой и никаким изобилием материальных благ. Научно-производственная ассоциация общегосударственного значения невозможна в условиях анархии производства; она находит свое законное место только в социалистическом обществе, основанном на планировании хозяйства и самого развития науки. В этом смысле Бэкон принадлежит нам, а не тому обществу, которое его породило.

Отрицание Бэконом утопического социализма приводит в историческом плане и к отрицанию его собственного гуманистического идеала. Отдаленную перспективу, хотя и в самом общем виде, точнее угадали Мор и Кампанелла, чем Фрэнсис Бэкон.

Сирано де Бержерак занимает совершенно особое место среди утопистов XVI—XVII веков. «Иной свет, или Государства и империи Луны» — это сатира, которая отличается парадоксальностью мыслей и образов, а вряд ли сатира может быть одновременно и глубокой утопией. Но она важна для понимания кризиса ранних утопических иллюзий и в художественном развитии своего времени сыграла выдающуюся роль. Без Сирано оценка раннего утопизма была бы неполной.

Сама его жизнь изобилует неожиданными поворотами и парадоксами. В сознании потомков, отчасти благодаря известной комедии Эдмона Ростана «Сирано де Бержерак», укрепился образ бесшабашного и остроумного гасконца-бреттера. А он вовсе и не был гасконцем, хотя шпагой и оружием шутки владел безукоризненно. Савиньян де Сирано родился в 1619 году в Париже. Отцу его, именитому обедневшему дворянину, принадлежал Мовьер — небольшое имение недалеко от столицы. Имение это раньше называлось Бержерак,— судя по названию, его прежние владельцы были гасконцами. Здесь и прожил Сирано до двенадцати лет, пока замок не был продан и мальчика не поместили стипендиатом в Коллеж-де-Бове при Парижском университете. Начались трудные годы ученичества — строжайший устав школы предусматривал телесные наказания за любую провинность. Схоластическая ученость и оковы дисциплины претили живому характеру Сирано, и все же ему удалось вынести из коллежа неплохое знание античной литературы. Закончив в 1637 году свое образование, Сирано поселился в Латинском квартале почти без средств к существованию. Но он не унывал,— нескончаемые попойки сочетались с застольными беседами о поэзии, о философии, когда молодые умы разрушали все привычные авторитеты. Сирано жаждал светской жизни, ради этого он зарабатывал себе славу дуэлянта, но если второе удалось, то честолюбивым планам не суждено было сбыться. В 1639 году, когда Франция активно втянулась в Тридцатилетнюю войну, он, под давлением материальных обстоятельств, поступил солдатом в королевскую гвардию. Два года прошло в военных походах. Тяжелое ранение заставило Сирано уйти в отставку. Снова Латинский квартал, снова вино, игра, женщины, ссоры, дуэли... Но к этому времени относились и первые литературные опыты Сирано.

В доме своего приятеля, молодого поэта Шапеля, Сирано познакомился с известным философом-материалистом и естествоиспытателем Пьером Гассенди (1592—1655), который читал частный курс для кружка молодежи. Среди его слушателей можно было увидеть Жана Поклена (будущего Мольера); прилежным посетителем лекций стал и Сирано. Творческие планы становятся все более серьезными. И в это время Сирано, столь преданного жизненным удовольствиям, постигла нелепая, но от того не менее грозная катастрофа: он заболел сифилисом. Борьба

с болезнью, длившаяся несколько лет, преобразила его характер, с прежними привычками было кончено. Сирано умер в 1655 году, всего тридцати шести лет от роду, без церковного покаяния, рассорившись и с этим, и с потусторонним миром.

Первая половина XVII века — переломное время французской истории, когда абсолютная монархия стала главным рычагом политического и экономического объединения нации. Она осуществляла свою централизаторскую роль, более или менее искусно лавируя между дворянством и буржуазией и не забывая демонстрировать силу плебейским и крестьянским массам, тяжко страдавшим от бесконечных поборов и полного бесправия. Недовольство народа, использованное феодальной знатью, вылилось в 1648—1653 годах в мощное движение Фронды. А в это время Сирано наносит бесконечные визиты разным врачам и целителям-шарлатанам, переходит из больницы в больницу. Известная деклассированность автора «Иного света» укрепилась подобными обстоятельствами. Он так и не узнал масс, не проник в их стремления. Но он не нашел себе места и среди хозяев жизни. Отсюда отчасти и проистекает его безграничная ирония, осуждение всех и вся, неясность политической ориентации.

Сирано де Бержерак — фигура переходного времени во французской литературе: век гуманизма и Возрождения завершился, эпоха расцвета классицизма еще не началась. Он был звеном в цепи, соединяющей Рабле с Мольером и Вольтером, а за пределами Франции и со Свифтом. Сирано оставил небольшое, хотя и весьма разнообразное литературное наследие; здесь чувствуется проба незаурядных и многосторонних сил, далеко не полностью реализованные намерения. Комедия, где насмешливо и без прикрас был выведен быт Коллежа-де-Бове; трагедия «Смерть Агриппины», затронувшая церковников; язвительные памфлеты о всесильном кардинале Мазарини и о многих других — все это было смело и талантливо, обличало наблюдательный и глубокий ум, высокий уровень поэтической техники. И неизменно приводило к скандалам, не всегда связанным с существом дела. Сирано не умел приобретать сторонников, он раздавал тумаки направо и налево, не щадя ни врагов, ни друзей. Из близкого его окружения мало кто по-настоящему разбирался в изощренно-философских, иногда преднамеренно темных и запутанных образах и суждениях Сирано, которые были рассчитаны на широко образованного читателя, и это еще больше углубило его интеллектуальное одиночество.

В 1647—1650 годах Сирано погрузился в работу над утопией-памфлетом, полное название которого звучит так: «Иной свет, или Комическая история о государствах и империях Луны». Было задумано и продолжение — «Государства Солнца», завершить которое автору не удалось. Оба произведения вышли в свет уже после его смерти.

На современников они произвели впечатление значительно большее, чем все другие произведения «гасконца».

Сюжет «Иного света» поистине необычаен. Что там неизвестные острова прежних утопий,— у Сирано человек вырывается за пределы Земли! Автор, от лица которого ведется рассказ, пожелал, «подобно Прометею», освободиться от пут земного тяготения. Обвешавшись склянками с росой, он под воздействием солнца поднимается выше облаков и опускается в Канаде. Иезуиты обвинили его в колдовстве, и привязанный к ракете Сирано случайно попадает на Луну. Он обнаруживает там земной рай, откуда были изгнаны Адам и Ева и поныне живут Енох, пророк Илия и другие патриархи. Изгнанный отсюда Илией, возмущенным его атеистическими суждениями, Сирано попадает в страну четвероногих разумных существ, которые принимают его «за самку зверька королевы» и водят напоказ на веревке. После множества смешных и нелепых перипетий Сирано встречает бессмертного Демона Сократа, который был когда-то невидимым советником древнегреческого мыслителя. Он разъясняет земному жителю особенности общества лунян, и в разговорах между ними выявляется сокровенная суть новой утопии.

О полетах на Луну писали и раньше. При желании можно найти многочисленные параллели между «Иным светом» Сирано и «Правдивой историей» римского сатирика Лукиана (II в. н. э.) или приключенческой повестью шотландского епископа Годуина «Человек на Луне» (1638), переведенной и изданной во Франции в 1648 году. Лунный мир Лукиана столь же парадоксален, как и у Сирано: тамошние жители потеют молоком, а сморкаются медом, детей рожают мужчины, вынашивая их в икрах ног и т. п. Подробности повести Годуина, героя которого уносят на Луну дикие лебеди, тоже использованы в «Ином свете»: лунные, например, переговариваются музыкальными звуками. Оба произведения (неравноценные во многих отношениях) дали, однако, только повод, только внешнее обрамление совершенно иному смыслу утопического памфлета французского писателя. Фантазии Сирано и самому не занимать стать. Среди всякой чепуховины, напоминающей о будущем бароне Мюнхаузене, на Луне, например, принято завтракать жаворонками, убитыми, ощипанными и изжаренными одним выстрелом из ружья,— просто поражают некоторые рациональные естественнонаучные и технические идеи: о том, что человек и животные состоят из множества мелких организмов *(клеток! — Л. В.)*, или о полете на Луну с помощью многоступенчатой ракеты. «Как только пламя уничтожало один ряд ракет,— они были расположены по шесть штук,— благодаря запалу, помещенному в конце каждого ряда, загорался другой ряд». Сирано, безусловно, должен быть назван автором этой идеи, и глубина

догадки особенно разительна потому, что он не обладал специальными знаниями Кампанеллы и Бэкона.

Основной сатирический прием Сирано можно определить как «все наоборот». На Земле люди двуноги, так пусть на Луне они ходят на четвереньках; за еду и жилье здесь расплачиваются деньгами, а там стихами; исход войн определяется не на поле боя, а в ученых диспутах. Наконец, в лунном мире не молодые оказывают почтение старикам, а родители повинуются детям, ибо «только молодежи дано действовать» и только ей присущи «благородные порывы к справедливости». И мы видим, как сын, чтобы не быть слишком жестоким, тузит палкой чучело отца за непослушание и тупость. Одним словом, восклицает сам Сирано, «мир вверх ногами»! При чтении «Иного света» невольны догадки, а не дурачит ли нас автор и есть ли в мире вещи, к которым он относится серьезно? Не пародия ли это на утопические мечтания его предшественников? Элементы пародирования утопий в «Ином свете», конечно, налицо, но ошибется тот, кто за смехачеством, за желчью не увидит весьма глубоких мыслей. Принцип «все наоборот» доводится до атеистической ереси: на Земле люди живут в тенетах религии, а лунные обитатели — неверующие по природе. Псевдомистические элементы у Сирано есть действительное и уже ничем не ограниченное пародирование религиозного мистицизма, с которым его предшественники-утописты, даже Кампанелла, не смогли полностью расстаться. И чтобы до конца оценить смелость Сирано, стоит вспомнить, что в те времена инквизиция отправляла на костер и за проступки, несравненно меньшие.

Сирано справедливо называют учеником Пьера Гассенди, который подвергался преследованию со стороны иезуитов за апологию этического учения Эпикура и борьбу против схоластической философии. Но утверждать, будто Сирано только пропагандирует идеи Гассенди, не внося в них ничего оригинального, это значит не разобраться в деле по существу. Непоследовательность Гассенди выразилась, как замечает К. Маркс, в стремлении «...примирить свою католическую совесть со своим языческим знанием, Эпикура — с церковью»[1]. Философские догадки Сирано идут значительно дальше, он отвергает не только религию, но даже пантеизм Кампанеллы, произведениями которого увлекался с ранней юности и которого поместил на почетное место в своем «царстве философов» на Солнце. «Вы, люди,— говорит он устами Демона Сократа,— воображаете, будто то, чего вы не понимаете, имеет духовную природу или же что оно вовсе не существует». Это — замечательное указание на гносеологические корни религии и идеализма, путь к атеизму. Пародируя пантеизм в образе «мыслящей капусты», Сирано приходит к ясным заключениям *о единстве и вечности материального мира* (это, заметим в

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс, Из ранних произведений, 1956, стр. 23.

скобках, не наша модернизация, а его собственная терминология), о том, что рациональное мышление присуще только человеку и, самое важное, о смертности человеческой души и фиктивности понятия «бог». Признание системы Коперника было весьма затруднительным для Кампанеллы и Бэкона, а у Сирано это вполне органично, хотя и сюда он вносит элемент комизма. «...Предполагать, что огромное раскаленное светило,— говорит он, доказывая справедливость гелиоцентрической системы губернатору Канады,— вертится вокруг точки, до которой ему нет решительно никакого дела, столь же нелепо, как при виде зажаренного жаворонка думать, что его приготовили, вращая вокруг него плиту». Сирано знает только разум и материю, больше в мире ничего нет, и отсюда — особенности его утопических желаний.

Именно *желаний*. Сирано не строит идеальной системы государственного и общественного устройства, он меньше всего озабочен политическими и экономическими преобразованиями. В «Ином свете» упоминается лишь вскользь, что на Луне существует государство. Есть король, есть знатные и незнатные люди и прочие прелести земного мира: они оставлены в неприкосновенности. Сердце Сирано принадлежит другой утопии, так сказать, утопии интеллектуальной неограниченности. Вечная весна, цветы, птицы, ручьи, соловьи и т. п., изобилие всяческих благ есть только декорации, на фоне которых выступает главное завоевание лунян — *свобода мысли*. «...А живу я здесь потому,— говорит Демон Сократа,— что тут люди любят правду, тут нет педантов, тут философа можно убедить только доводами разума, авторитет же ученого, так же как и авторитет большинства, ценится не выше, чем мнение простого молотобойца, если он рассуждает здраво». На Земле нет страны, где хотя бы воображение было свободно, и Сирано рисует картину торжества разума на Луне. Это самоцель, и все остальное должно быть этому подчинено.

Сирано недаром переносит свою утопию в космические просторы. Дальние острова Мора, Кампанеллы и Бэкона давали отграниченность и защиту от грубой реальности, но они принадлежали земному миру, были символом его возможного процветания. Лунный мир Сирано — это антиземля, то, чего на Земле никогда не будет. Утопия фактически снята, и наглядно демонстрируется неосуществимость утопических желаний. Кризис утопии у Сирано есть результат изолированности от действительной жизни. В известном смысле здесь подводится художественный и логический итог всему развитию ранних утопий. Если Мор и Кампанелла, если Бэкон рассматривали народ как пассивный материал разумных преобразований, то у Сирано тема народа отсутствует. Его утопия как бы абстрагирована от больших социальных движений. В «Ином свете» выразилось мужество и отчаяние атеиста-одиночки, вставшего перед лицом бесконечного и безразличного космоса. Какая

моральная основа должна заменить религиозную? Трудно вынести груз материализма, опираясь только на эпикурейскую этику удовольствий, и тогда, уходя в небытие, остается погрозить кулаком всем задержавшимся на жизненном пиру.

Имя Сирано во Франции всегда было более популярным, чем его произведения. Но за последние годы «Иной свет» неожиданно выдержал десятки изданий. Чем это объясняется? Только ли художественными достоинствами утопии-сатиры? Разумеется, нет. Суть в том, что Сирано де Бержерак, как немногие, подметил абсурдность буржуазных нравов, буржуазного мышления, буржуазного общества в целом.

Обстоятельства жизни Дени Вераса, автора «Истории севарамбов», во многом остались невыясненными: неизвестны даже точные даты его рождения и смерти. Родился он около 1630 года в г. Алле (Лангедок), в гугенотской семье. Готовился к военной карьере, занимался правоведением, но, по его собственным словам, «нечистоплотность судебной практики» внушила ему отвращение к судейской мантии. В 1665 году Верас уехал в Англию и преподавал французский язык в придворных кругах, близких к известному политическому деятелю Бекингему. Здесь он познакомился с английским философом-материалистом Джоном Локком. В 1674 году Верас рассорился со своими сановными покровителями и вернулся во Францию. Отказ сменить религию сделал невозможным его поступление на государственную службу; Верас преподавал французский и английский языки, читал лекции по истории и географии. К этому времени относится и его активная литературная деятельность. Отмена Людовиком XIV Нантского эдикта (1685 г.), охранявшего права гугенотов, вызвала широкую эмиграцию из Франции, в этой волне оказался и Дени Верас. Умер он в Голландии около 1700 года.

По форме и сюжету «История севарамбов» (1675—1679) — приключенческий роман, роман путешествий; здесь решительно отброшена форма диалога и все рассуждения даны в повествовательной форме. Указывая на родство своей утопии с «Государством» Платона, «Утопией» Мора и «Новой Атлантидой» Бэкона, Верас стремится подчеркнуть достоверность «Истории севарамбов»: он замечает, что эта книга не есть плод богатой фантазии, а «правдивые записки капитана Сидена». Да и при всем решающем влиянии утопии Мора на утопию Вераса, отмеченном академиком В. П. Волгиным, в ней есть оригинальные, неповторимые черты, отражающие иное время.

Кораблекрушение постигло капитана Сидена и его команду у неисследованных берегов Австралии; они оказались в крайне бедственном положении и, не надеясь на быстрое возвращение домой, вынуж-

дены были заняться земледелием и охотой. Из расположенной за высокими горами страны Севарамб приходит неожиданная помощь: капитан и его спутники оказываются в государстве счастливых, благоденствующих людей. Великолепные поля и сады, прекрасно сложенные мужчины и женщины, благоустроенные жилища и общественные здания... Но прекраснее всего столица государства, расположенная на острове посередине реки и обнесенная высокими стенами. Дворец владыки и храм Солнца, амфитеатры и бассейны поражают воображение путешественников. Они узнают, что государство было основано в 1427 году (характерна точная дата!) выходцем из Персии Севарнасом, который «обладал красотою гения и несравненной твердостью ума». Он и создал те законы, которые послужили основанием счастливой жизни севарамбов.

Общество севарамбов основано на коммунистических началах. Первоначальный проект деления его на классы был отвергнут Севарнасом, ибо «природа создала нас равными», а гордость, алчность и праздность, проистекающие из сословного неравенства и частной собственности, делают людей аморальными. Собственность у севарамбов отменена, и материальные блага сделались средством процветания, а не самоцелью развития общества. Здесь нет ни податей, ни налогов; через общественные склады всем обеспечено полное довольство и необходимый отдых; дети усыновлены и содержатся государством. Примечательно, что Верас начинает историю сконструированного им общества с первобытного состояния; община без собственности, а с другой стороны, механизация труда,— то есть моральная нетронутость, соединенная с высшим знанием,— и являются социальной основой счастья севарамбов. Утопия Вераса есть утопия *сохранения* общинного хозяйства на протяжении всей истории человечества, и он хотел бы вновь начать последнюю с нулевой отметки, и это интересно, как одно из первых предвозвестий идей Герцена и Чернышевского.

В «Истории севарамбов» Верас полемизирует с Джоном Локком, с которым он, по-видимому, неоднократно встречался и во время пребывания английского философа во Франции (1675—1679 гг.). Существует ли красота? Играет ли существенную роль в жизни общества поэзия, музыка, живопись? Для Локка, преклонявшегося перед буржуазным предпринимательством, ответ негативен: на Парнасе нет золотых и серебряных рудников, и посему искусство бесполезно. Верас далек от пуританского отрицания искусства: в Севарамбе звучит прекрасная музыка, соревнуются поэты; безгранична красота «души Вселенной» — Солнца. Красота пронизывает собой и общественные отношения. Между прочим, идеал красоты у Вераса несет на себе отпечаток вкусов эпохи барокко,— это сказывается в бесчисленных тяжелых колоннадах зданий и дворцов, в позолоченных статуях. Верховный правитель носит золотую

корону, он одет в золотые ткани, украшенные бриллиантами, трон его вырезан из слоновой кости. Впрочем, откуда эти аксессуары сильной власти?

Мы смогли убедиться в том, что при всем отстаивании равенства граждан социалисты-утописты XVI—XVII веков не смогли прийти к идее уничтожения разделения труда. Вот почему, отрицая классовое деление, они все-таки возвышают аристократию умственного труда. Не избежал этого и Верас. В Севарамбе нет привилегий рождения, но есть привилегии ума и должности, выражающиеся в целостной системе гелиократического государственного управления. В этом обществе господствуют лучшие; верховный правитель и губернаторы пользуются колоссальной властью, подчиняясь только закону. Введены и особые привилегии: право на многоженство и пребывание во дворцах имеет только управляющая знать. Таковы неизбежные последствия увековечения разрыва физического и умственного труда: общество остается разделенным на две неравноправные части. Впрочем, Верас и не может представить иной формы правления, кроме монархической. Его, сына своего века, буквально мучает проблема ограничения королевской власти, ограничения абсолютизма, и в этом реальная *политическая* сущность его утопии. Однако все предосторожности, предусмотренные Верасом для того, чтобы избежать злоупотреблений, в конечном итоге завершаются идеалистическим упованием на совесть власть имущих.

Идея сильной, хотя и не абсолютной власти у Вераса имеет и иные основания. Верас бескомпромиссный противник пуританского аскетизма, и все же его протестантизм сказался в оценке природы человеческого существа и роли религии в жизни общества. По его мнению (и здесь полный разрыв с идеалами Возрождения), люди по своей природе порочны, и их нужно держать в узде, внушать им, что власть происходит от бога. Он сам называет религию «ловкой выдумкой», но он же убежден в том, что учение о бессмертии души и загробном возмездии есть единственное возможное основание человеческой морали. В. П. Волгин совершенно справедливо называет Дени Вераса одним из самых ранних проповедников идеи разумной «естественной религии», связанной с признанием ее служебной роли в политико-утилитарном смысле и нашедшей разнообразный отклик в концепциях ряда европейских мыслителей и общественных деятелей от Локка и Вольтера до Гольбаха и Робеспьера.

Жизнь Вераса целиком принадлежит XVII веку, но подлинный успех «Истории севарамбов» относится к следующему столетию. Ее переводят на английский, немецкий, итальянский, польский языки, ее читают Вольтер и Монтескье, Лейбниц и Кант, и что особенно важно — это первая утопия, достигшая массового читателя того времени. Истинное значение книги Вераса не в дальнейшем развитии утопического

социализма, а в создании новой формы его распространения, *популярного утопического романа,* расцвет которого относится к XVIII веку. Устои феодализма были еще прочны, но многие слои общества, проявляли недовольство, и Верас стал одним из его выразителей.

Оценка художественного смысла ранних утопий наталкивается на существенные трудности. Может показаться, что все здесь подчинено обоснованию утопической социальной концепции именно как концепции. Но это впечатление ложное: в утопиях нет научной системы изложения; философские и социологические тезисы прихотливо переплетаются и повторяются; рассказ, напоминающий древние мифы, течет вольно, поистине фантастически. Утопии это не научные трактаты, хотя Мор, Кампанелла и Бэкон знали толк в их писании. Что же это такое? Назвать «Утопию» или «Новую Атлантиду» романом можно лишь условно, считаясь с установившейся традицией, даже если понимать этот термин в том смысле, который установился в европейской средневековой литературе XII—XIII веков,— как обобщенное наименование сюжетных повествовательных произведений. Отличие утопии от романа эпохи Возрождения и более поздних времен еще разительнее. Утопию следует, по-видимому, рассматривать как особый жанр, со своими особыми приметами, перерастающий в *утопический роман* в собственном смысле этого слова лишь на грани XVIII века.

Художественная оценка утопий ограничивалась обычно стилистической стороной, и хотя здесь есть чем заняться знатокам и средневековой латыни, и французского языка того времени, в исследованиях встречаются только самые общие определения. «Прекрасная проза», «образцы талантливой, блестящей прозы», которым свойственны «артистическая пластичность, живость и остроумие стиля» (последняя характеристика «Утопии» Томаса Мора принадлежит известному итальянскому философу и эстетику, неогегельянцу Бенедетто Кроче),— все это, конечно, справедливо. Но такая узкая мерка может привести к неверным представлениям. Например, «Город Солнца» Кампанеллы по давней уже традиции объявлен примером «грубой» латыни и, следовательно, оценивается только как факт философско-политической, но отнюдь не художественной жизни. Разгадка художественного достоинства и влияния ранних европейских утопий должна быть найдена в их *идейном содержании.* Идеи утопий представляют собой органическое единство изображения и мысли, мысли не столько доказываемой, сколько показываемой и, следовательно, подвластной эмоционально-эстетическому восприятию и оценке. Поэтому Кампанелла, назвавший «Город Солнца» *поэтическим* диалогом, прав не только в своих намерениях, но и по существу.

В ранних утопиях нет основной приметы романического жанра — индивидуальных человеческих характеров. Здесь нет даже разработанных персонажей; Гитлодей и Мор в «Утопии», не говоря уже о собеседниках в «Городе Солнца», лишены зримых человеческих качеств, они почти невидимы. Но зато зрима и видима их мысль. Истинным эстетическим феноменом является здесь человеческая мысль, драматизм ищущей, рвущейся за рамки действительности мысли,— социологической и технической,— которая пытается проникнуть в туманное будущее средствами фантазии. Иногда кажется, что в ранних утопиях господствует абстрактное мышление, и это объяснимо, ибо фантазия о человеке будущего при всей конкретности выдуманных подробностей никого не введет в заблуждение: индивидуального человека здесь нет, есть *концепция* человека. И все же в конечном итоге Понятие подчиняется Образу. Особенности их взаимодействия неясны до тех пор, пока не поймешь, что все средства изложения и изображения подчинены здесь созданию грандиозной картины будущего общества как единого коллектива, образа светлой мечты о справедливой человеческой жизни, основанной на животворном труде. В этом проявляется социальная характерность авторов, за которыми стоят определенные общественные силы. Этот всеохватывающий образ не лишен, как мы убедились, и особых черт. Утопия, Город Солнца, Новая Атлантида, Государства Луны, Севарамб — все это разные воплощения, исходящие из отнюдь не тождественных идейных установок. Поэтому ранние утопии и следует рассматривать прежде всего как художественные произведения, среди которых «Город Солнца» занимает свое прочное место. Недаром в работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» В. И. Ленин сочувственно приводит высказывание К. Каутского об эпохе утопического социализма, «когда каждый социалист был поэтом и каждый поэт — социалистом» [1].

Между суждениями некоторых утопистов об искусстве и их художественным творчеством существует разрыв. Они испытывали определенное недоверие к эстетической деятельности и к самому понятию красоты: Мор видел в ней не более чем «приправу жизни» среди других удовольствий, Бэкон считал красоту установившимся свойством природных предметов и на этом основании отвергал поиски идеала и, значит, суживал собственное представление о воображении как необходимой предпосылке художественного творчества. И все они смотрели на искусство *только* как на средство познания жизни, подобное опытной науке. «Недостоин имени поэта тот, кто занят ложными вымыслами»,— пишет Кампанелла в «Городе Солнца» и обещает суровое возмездие художникам, которые присочиняют что-либо «от себя», хотя бы и ради

[1] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 271.

благих намерений. Таким образом, в области художественной теории утописты отстаивали чуть подновленную концепцию подражания. Но ведь в их художественной практике господствует мечта и идеал! Парадокс вызван подходом к решению проблемы прекрасного с позиций осуществленной утопии: история завершена, и тогда, конечно, остается только изображать и воспевать содеянное.

Ранние социалисты-утописты Мор и Кампанелла сделали большой вклад в развитие литературы не столько своими эстетическими суждениями, сколько глубоким эстетическим смыслом своих утопий. «Я считаю,— писал Томас Мор в «Утопии»,— что человеческую жизнь по ее ценности нельзя уравновесить всеми благами мира». На место религиозного идеала пассивности и смирения вместе с утопическим социализмом приходит новый идеал человека, который совершенствует себя и исправляет окружающий мир. Меняется сама природа фантазии, и это — коренное, вековое изменение. Идеал гармонического общества и человека есть *поворот в эстетической ситуации,* важная ступень в развитии жизни и искусства. Пройдет время, и он сольется с мыслью о необходимости революционного изменения жизни. Критика частной собственности Мором, Кампанеллой и Верасом указала на главного врага человечности. Суть будущей прогрессивной художественной литературы, ее идейный хребет — в противоположении чистогана и накопления, а значит, рабства и насилия всем истинным человеческим качеством — совести, гуманности, трудолюбию. Да и та роль, которую в европейской романистике XVII—XIX веков занимает любовь, объясняется, в частности, тем, что истинная любовь неподкупна, и поэтому поведение человека в этом интимном чувстве самым наглядным образом проявляет все его достоинства и недостатки.

Таким было общеэстетическое влияние утопий,— оно нигде и везде. Трудно обнаружить его отдельные фактические проявления, но в любом высокохудожественном произведении искусства и литературы есть частичка утопии — мечта о совершенной человечности.

Дальнейшее развитие утопического социализма как целостной системы взглядов в XVIII и в начале XIX века относится главным образом уже не к истории литературы, а к истории общественно-политической мысли. И мы видим, как Морелли и Мабли более четко формулируют уже собственно коммунистические идеалы, как Жан Мелье окончательно связывает их с атеизмом, как Бабеф приходит к мысли о неизбежной борьбе за их торжество, а социальный эксперимент Оуэна и Фурье обличает ложность либеральных иллюзий. Так формировался исходный теоретический и отчасти практический материал для научного социализма и коммунизма. Утопический же роман развивался дальше скорее как средство художественной пропаганды, чем разработки новых идей.

Но в истории социального утопизма было и другое ответвление. Ведь утопии — это такого рода фантазии о реальном мире, где выдуманное соседствует с действительным. Эта их особенность и стала одним из источников научной фантастики. При всей научности последней это все же фантастика, и, значит, она пытается силой воображения проникнуть в те области будущего — общества ли в целом, технического ли его состояния,— для предсказания которых нет полных фактических и научных данных, то есть ей обязательно присущи элементы утопии. Утопии и современная научная фантастика соединены приключениями интуитивной мысли, в них особенно обнаженно воплощена общая тяга искусства и литературы к исключительному, к мечте.

Бурное развитие науки и техники в XIX и XX веках отодвинуло в сторону ту романтико-фантастическую литературу, которая жила сверхъестественным и высшие образцы которой были представлены творчеством Э.-Т.-А. Гофмана. За стенами кабинетов, лабораторий и фабрик задумывается и изготовляется такое, что прежде показалось бы бредом необузданного воображения. С 1863 года, когда появился первый роман Жюля Верна, и до настоящего времени научная фантастика захватывает все новые и новые круги читателей и требует миллионных тиражей. Ее влияние колоссально, зачастую именно отсюда молодежь берет свои первые философские, социологические и технические представления, учится воображать и творчески мыслить. Но, как и все другие литературные жанры, фантастика отнюдь не вне идеологии. Фантастика разделилась на два течения, и если одно из них уверенно смотрит в будущее, изображая моральное и техническое совершенствование человеческого общества, то другое рисует среди технических чудес застывшего в развитии человека, по-прежнему обуреваемого своими дурными наклонностями, движимого жаждой власти и наживы. В современной научной фантастике — итог того расхождения, которое столь определенно наметилось уже между ранними утопистами, между Мором и Бэконом.

Главная историческая заслуга Томаса Мора и Томазо Кампанеллы выходит далеко за пределы их художественного значения и литературного влияния. Они были первыми предшественниками научного социализма и коммунизма; в современном преобразовании действительности есть и их вклад. Социализм научный, писал Ф. Энгельс, «...должен был исходить прежде всего из накопленного до него идейного материала...» [1]. И он не отказывается от своего родства с утопическим социализмом.

Можно встать на нигилистические позиции и вообще отрицать его историческое значение. «Содействие развитию спасительного нерасположения к утопиям,— писал Бенедетто Кроче,— вот единственный

[1] К. Маркс, Ф. Энгельс, Сочинения, т. 19, стр. 189.

результат, которым Кампанелла, вместе с другими утопистами, может похвалиться». Это недальнозоркий и ненаучный вывод. Наступило время революционной борьбы рабочего класса, и идеи утопического социализма, прежде передовые, стали препятствовать ей. Марксу и Энгельсу, а затем Ленину пришлось вступить в борьбу с различными вариантами утопического социализма, дать анализ его экономических и политических заблуждений. «Но утопический социализм,— писал В. И. Ленин,— был *прав* в всемирно-историческом смысле, ибо он был симптомом, выразителем, предвестником того класса, который, порождаемый капитализмом, вырос теперь, к началу XX века, в массовую силу, способную положить конец капитализму и неудержимо идущую к этому» [1].

Произведения ранних европейских утопистов далеки от развлекательности, они требуют размышлений, *труда чтения*. Знакомство с ними многое даст мыслящему человеку,— осознание сложного и противоречивого пути развития идеи социализма в ее глубоком влиянии на политическое и художественное развитие человечества.

Л. ВОРОБЬЕВ

[1] В. И. Ленин, Полное собрание сочинений, т. 22, стр. 120.

ТОМАС МОР

ЗОЛОТАЯ КНИГА, СТОЛЬ ЖЕ ПОЛЕЗНАЯ, КАК ЗАБАВНАЯ, О НАИЛУЧШЕМ УСТРОЙСТВЕ ГОСУДАРСТВА И О НОВОМ ОСТРОВЕ УТОПИИ

ПЕРЕВОД С ЛАТИНСКОГО
А. МАЛЕИНА И Ф. ПЕТРОВСКОГО

ТОМАС МОР ШЛЕТ ПРИВЕТ ПЕТРУ ЭГИДИЮ

Дорогой Петр Эгидий, мне, пожалуй, и стыдно посылать тебе чуть не спустя год эту книжку о государстве утопийцев, так как ты, без сомнения, ожидал ее через полтора месяца, зная, что я избавлен в этой работе от труда придумывания; с другой стороны, мне нисколько не надо было размышлять над планом, а надлежало только передать тот рассказ Рафаила, который я слышал вместе с тобою. У меня не было причин и трудиться над красноречивым изложением,— речь рассказчика не могла быть изысканной, так как велась экспромтом, без приготовления; затем, как тебе известно, эта речь исходила от человека, который не столь сведущ в латинском языке, сколько в греческом, и чем больше моя передача подходила бы к его небрежной простоте, тем она должна была бы быть ближе к истине, а о ней только одной я в данной работе должен заботиться и забочусь.

Признаюсь, друг Петр, этот уже готовый материал почти совсем избавил меня от труда, ибо обдумывание материала и его планировка потребовали бы немало таланта, некоторой доли учености и известного количества времени и усердия; а если бы понадобилось изложить предмет не только правдиво, но также и красноречиво, то для выполнения этого у меня не хватило бы никакого времени, никакого усердия. Теперь, когда исчезли заботы, из-за которых пришлось бы столько попотеть, мне оставалось только одно — просто записать слышанное, а это было уже делом совсем нетрудным; но все же для выполнения этого «совсем нетрудного дела» прочие дела мои оставляли мне обычно менее чем ничтожное количество времени. Постоянно приходится мне то возиться с судебными процессами (одни я веду, другие слушаю, третьи заканчиваю в качестве посред-

ника, четвертые прекращаю на правах судьи), то посещать одних людей по чувству долга, других — по делам. И вот, пожертвовав вне дома другим почти весь день, я остаток его отдаю своим близким, а себе, то есть литературе, не оставляю ничего.

Действительно, по возвращении к себе надо поговорить с женою, поболтать с детьми, потолковать со слугами. Все это я считаю делами, раз это необходимо выполнить (если не хочешь быть чужим у себя в доме). Вообще надо стараться быть возможно приятным по отношению к тем, кто дан тебе в спутники жизни или по предусмотрительности природы, или по игре случая, или по твоему выбору, только не следует портить их ласковостью или по снисходительности из слуг делать господ. Среди перечисленного мною уходят дни, месяцы, годы. Когда же тут писать? А между тем я ничего не говорил о сне, равно как и обеде, который поглощает у многих не меньше времени, чем самый сон,— а он поглощает почти половину жизни. Я же выгадываю себе только то время, которое краду у сна и еды; конечно, его мало, но все же оно представляет нечто, поэтому я хоть и медленно, но все же напоследок закончил «Утопию» и переслал тебе, друг Петр, чтобы ты прочел ее и напомнил, если что ускользнуло от меня. Правда, в этом отношении я чувствую за собой известную уверенность и хотел бы даже обладать умом и ученостью в такой же степени, в какой владею своей памятью, но все же не настолько полагаюсь на себя, чтобы думать, что я не мог ничего забыть.

Именно, мой питомец Иоанн Клемент, который, как тебе известно, был вместе с нами (я охотно позволяю ему присутствовать при всяком разговоре, от которого может быть для него какая-либо польза, так как ожидаю со временем прекрасных плодов от той травы, которая начала зеленеть в ходе его греческих и латинских занятий), привел меня в сильное смущение. Насколько я припоминаю, Гитлодей рассказывал, что Амауротский мост, который перекинут через реку Анидр, имеет в длину пятьсот шагов, а мой Иоанн говорит, что надо убавить двести; ширина реки, по его словам, не превышает трехсот шагов. Прошу тебе порыться в своей памяти. Если ты одних с ним мыслей, то соглашусь и я и признаю свою ошибку. Если же ты сам не припоминаешь, то я оставлю, как написал, именно то, что, по-моему, я помню сам. Конечно, я приложу все старание к тому, чтобы в моей книге не было никакого обмана, но, с другой стороны, в сомнительных случаях я скорее скажу невольно ложь, чем допущу ее по своей воле, так как предпочитаю быть лучше честным человеком, чем благоразумным.

Впрочем, этому горю легко будет помочь, если ты об этом разузнаешь у самого Рафаила или лично, или письменно, а это необходимо сделать также и по другому затруднению, которое возникло у нас, не знаю, по чьей вине: по моей ли скорее, или по твоей, или по вине самого Рафаила. Именно, ни нам не пришло в голову спросить, ни ему — сказать, в какой части Нового Света расположена Утопия. Я готов был бы, разумеется, искупить это упущение изрядной суммой денег из собственных средств. Ведь мне довольно стыдно, с одной стороны, не знать, в каком море находится остров, о котором я так много распространяюсь, а с другой стороны, у нас находится несколько лиц, а в особенности одно, человек благочестивый и по специальности богослов, который горит изумительным стремлением посетить Утопию не из пустого желания или любопытства посмотреть на новое, а подбодрить и развить нашу религию, удачно там начавшуюся. Для надлежащего выполнения этого он решил предварительно принять меры к тому, чтобы его послал туда папа и даже чтобы его избрали в епископы утопийцам; его нисколько не затрудняет то, что этого сана ему приходится добиваться просьбами. Он считает священным такое домогательство, которое порождено не соображениями почета или выгоды, а благочестием.

Поэтому прошу тебя, друг Петр, обратиться к Гитлодею или лично, если ты можешь это удобно сделать, или списаться заочно и принять меры к тому, чтобы в настоящем моем сочинении не было никакого обмана или не было пропущено ничего верного. И едва ли не лучше показать ему самую книгу. Ведь никто другой не может наравне с ним исправить, какие там есть, ошибки, да и сам он не в силах исполнить это, если не прочтет до конца написанного мною. Сверх того, таким путем ты можешь понять, мирится ли он с тем, что это сочинение написано мною, или принимает это неохотно. Ведь если он решил сам описать свои странствия, то, вероятно, не захотел бы, чтобы это сделал я: во всяком случае, я не желал бы своей публикацией о государстве утопийцев предвосхитить у его истории цвет и прелесть новизны.

Впрочем, говоря по правде, я и сам еще не решил вполне, буду ли я вообще издавать книгу. Вкусы людей весьма разнообразны, характеры капризны, природа их в высшей степени неблагодарна, суждения доходят до полной нелепости. Поэтому несколько счастливее, по-видимому, чувствуют себя те, кто приятно и весело живет в свое удовольствие, чем те, кто терзает себя заботами об издании чего-нибудь, могущего одним

принести пользу или удовольствие, тогда как у других вызовет отвращение или неблагодарность. Огромное большинство не знает литературы, многие презирают ее. Невежда отбрасывает как грубость все то, что не вполне невежественно; полузнайки отвергают как пошлость все то, что не изобилует стародавними словами; некоторым нравится только ветошь, большинству — только свое собственное. Один настолько угрюм, что не допускает шуток; другой настолько неостроумен, что не переносит остроумия; некоторые настолько лишены насмешливости, что боятся всякого намека на нее, как укушенный бешеной собакой страшится воды; иные до такой степени непостоянны, что сидя одобряют одно, а стоя — другое. Одни сидят в трактирах и судят о талантах писателей за стаканами вина, порицая с большим авторитетом все, что им угодно, и продергивая каждого за его писание, как за волосы, а сами меж тем находятся в безопасности и, как говорится в греческой поговорке, вне обстрела. Эти молодцы настолько гладки и выбриты со всех сторон, что у них нет и волоска, за который можно было бы ухватиться. Кроме того, есть люди настолько неблагодарные, что и после сильного наслаждения литературным произведением они все же не питают никакой особой любви к автору. Они вполне напоминают этим тех невежливых гостей, которые, получив в изобилии богатый обед, наконец сытые уходят домой, не принеся никакой благодарности пригласившему их. Вот и затевай теперь на свой счет пиршество для людей столь нежного вкуса, столь разнообразных настроений и, кроме того, для столь памятливых и благодарных.

А все же, друг Петр, ты устрой с Гитлодеем то, о чем я говорил. После, однако, у меня будет полная свобода принять по этому поводу новое решение. Впрочем, покончив с трудом писания, я, по пословице, поздно хватился за ум; поэтому, если это согласуется с желанием Гитлодея, я в дальнейшем последую касательно издания совету друзей, и прежде всего твоему. Прощайте, милейший Петр Эгидий и твоя прекрасная супруга, люби меня по-прежнему, я же люблю тебя еще больше прежнего.

ПЕРВАЯ КНИГА

БЕСЕДЫ, КОТОРУЮ ВЕЛ ВЫДАЮЩИЙСЯ МУЖ РАФАИЛ ГИТЛОДЕЙ, О НАИЛУЧШЕМ СОСТОЯНИИ ГОСУДАРСТВА, В ПЕРЕДАЧЕ ЗНАМЕНИТОГО МУЖА ТОМАСА МОРА, ГРАЖДАНИНА И ВИКОНТА СЛАВНОГО БРИТАНСКОГО ГОРОДА ЛОНДОНА

У непобедимейшего короля Англии Генриха, восьмого с этим именем, щедро украшенного всеми качествами выдающегося государя, были недавно немаловажные спорные дела с пресветлейшим государем Кастилии Карлом.

Для обсуждения и улажения их он отправил меня послом во Фландрию в качестве спутника и товарища несравненного мужа Кутберта Тунсталла, которого недавно, к всеобщей радости, король назначил начальником архивов. В похвалу ему я не скажу ничего, но не из боязни, что дружба с ним не будет верной свидетельницей моей искренности, а потому, что его доблесть и ученость стоят выше всякой моей оценки; затем повсеместная слава и известность его настолько исключают необходимость хвалить его, что, поступая так, я, по пословице, стал бы освещать солнце лампой.

Согласно предварительному условию, в Бругге встретились с нами представители государя, все выдающиеся мужи. Среди них первенствовал и был главою губернатор Бругге, а устами и сердцем посольства был Георгий Темзиций, настоятель собора в Касселе, красноречивый не только в силу искусства, но и от природы. К тому же он был превосходным знатоком права и выдающимся мастером в ведении переговоров благодаря своему уму, равно как и постоянному опыту. После нескольких встреч мы не пришли к полному согласию по некоторым пунктам, и потому они, простившись с нами, поехали на несколько дней в Брюссель, чтобы узнать волю их государя.

А я на это время, по требованию обстоятельств, отправился в Антверпен.

Во время пребывания там наиболее приятным из всех моих посетителей был Петр Эгидий, уроженец Антверпена, человек, пользующийся среди сограждан большим доверием и почетом и достойный еще большего. Неизвестно, что стоит выше в этом юноше — его ученость или нравственность, так как он и прекрасный человек и высокообразованный. К тому же он мил со всеми, а к друзьям особенно благожелателен, любит их, верен им, относится к ним так сердечно, что вряд ли найдешь где другого человека, которого можно было бы сравнить с ним в отношении дружбы. Он на редкость скромен; более всех других ему чужда напыщенность; ни в ком простодушие не связано в такой мере с благоразумием. Речь его весьма изящна и безобидно-остроумна. Поэтому приятнейшее общение с ним и его в высокой степени сладостная беседа в значительной мере облегчили мне тоску по родине и домашнему очагу, по жене и детям, к свиданию с которыми я стремился с большой тревогой, так как тогда уже более четырех месяцев отсутствовал из дому.

Однажды я был на богослужении в храме девы Марии, который является и красивейшим зданием, и всегда переполнен народом. По окончании обедни я собирался вернуться в гостиницу, как вдруг случайно вижу Петра говорящим с иностранцем, близким по летам к старости, с опаленным от зноя лицом, отпущенной бородой, с плащом, небрежно свесившимся с плеча; по наружности и одежде он показался мне моряком. Заметив меня, Петр тотчас подходит и здоровается. Я хотел ответить ему, но он отводит меня несколько в сторону и спрашивает:

— Видишь ты этого человека? — Одновременно он показывает на того, кого я видел говорившим с ним.— Я собирался,— добавил он,— прямо отсюда вести его к тебе.

— Его приход был бы мне очень приятен,— ответил я,— ради тебя.

— Нет,— возразил Петр,— ради тебя, если бы ты знал этого человека. Нет ведь теперь никого на свете, кто мог бы рассказать столько историй о неведомых людях и землях, а я знаю, что ты большой охотник послушать это.

— Значит,— говорю,— я сделал неплохую догадку. Именно, сразу, с первого взгляда, я заметил, что это — моряк.

— И все-таки,— возразил Петр,— ты был очень далек от истины. Правда, он плавал по морю, но не как Палинур, а как Улисс, вернее — как Платон. Ведь этот Рафаил — таково

его имя, а фамилия Гитлодей — не лишен знания латыни, а греческий он знает превосходно. Он потому усерднее занимался этим языком, чем римским, что всецело посвятил себя философии, а в области этой науки, как он узнал, по-латыни не существует ничего сколько-нибудь важного, кроме некоторых сочинений Сенеки и Цицерона. Оставив братьям имущество, которое было у него на родине (он португалец), он из желания посмотреть на мир примкнул к Америго Веспуччи и был постоянным его спутником в трех последующих путешествиях из тех четырех, про которые читают уже повсюду, но при последнем не вернулся с ним. Ибо Рафаил приложил все старание и добился у Веспуччи быть в числе тех двадцати четырех, кто был оставлен в крепости у границ последнего плавания. Таким образом, он был оставлен в угоду своему характеру, более склонному к странствиям по чужбине, чем к пышным мавзолеям на родине. Он ведь постоянно повторяет следующие изречения: «Небеса не имеющих урны укроют» и: «Дорога к всевышним отовсюду одинакова». Не будь божество благосклонно к нему, такие мысли его обошлись бы ему очень дорого.

В дальнейшем, после разлуки с Веспуччи, он с пятью своими товарищами по крепости объездил много стран, и напоследок удивительная случайность занесла его на Тапробану; оттуда прибыл он в Каликвит, где нашел, кстати, корабли португальцев, и в конце концов неожиданно вернулся на родину.

После этого рассказа Петра я поблагодарил его за услужливость, именно — за усиленную заботу о том, чтобы мне насладиться беседой с тем лицом, разговор с которым, как он надеялся, будет мне приятен. Затем я поворачиваюсь к Рафаилу. Тут после взаимных приветствий и обмена теми общепринятыми фразами, которые обычно говорятся при первой встрече лиц незнакомых, мы идем ко мне домой и здесь в саду, усевшись на скамейке, покрытой зеленым дерном, начинаем разговор.

Рафаил рассказал нам, как после отъезда Веспуччи он сам и его товарищи, оставшиеся в крепости, начали мало-помалу, путем встреч и ласкового обхождения, приобретать себе расположение жителей той страны. В результате они не только жили среди них в безопасности, но чувствовали себя с ними по-приятельски; затем они вошли в милость и расположение к одному государю (имя его и название его страны выпали у меня из памяти). Благодаря его щедрости, продолжал Рафаил, как сам он, так и его товарищи получили в изобилии продовольствие и денежные средства, а вместе с тем и вполне надежного проводника. Он должен был доставить их — по воде на плотах, по

суше на повозках — к другим государям, к которым они ехали с дружескими рекомендациями. После многодневного пути Рафаил, по его словам, нашел малые и большие города и густонаселенные государства с отнюдь не плохим устройством.

Действительно, под экваториальной линией, затем с обеих сторон вверх и вниз от нее, почти на всем пространстве, которое охватывает течение солнца, лежат обширные пустыни, высохшие от постоянного жара; в них повсюду нечистота, грязь, предметы имеют скорбный облик, все сурово и невозделано, заселено зверями и змеями или, наконец, людьми, не менее дикими, чем чудовища, и не менее вредными. Но по мере дальнейшего продвижения все мало-помалу смягчается: климат становится менее суровым, почва — привлекательной от зелени, природа живых существ — более мягкой. Наконец открываются народы, города, большие и малые; в их среде постоянные торговые сношения по суше и по морю не только между ними и соседями, но даже и с племенами, живущими в отдалении.

По словам Рафаила, он имел возможность осмотреть многие страны во всех направлениях потому, что он и его товарищи весьма охотно допускались на всякий корабль, снаряжавшийся для любого плавания. Он рассказывал, что корабли, виденные им в первых странах, имели киль плоский, паруса на них натягивались из сшитых листьев папируса или из прутьев, в иных местах — из кож. Далее находили они кили заостренные, паруса пеньковые, наконец — во всем похожие на наши. Моряки оказались достаточно сведущими в знании моря и погоды.

Но, как он рассказывал, он приобрел у них огромное влияние, сообщив им употребление магнитной иглы, с которой они раньше были совершенно незнакомы и потому с робостью привыкали к морской пучине, доверяясь ей без колебаний не в иную пору, как только летом. Ныне же, крепко уповая на эту иглу, они презирают зиму. Результатом этого явилась скорее их беззаботность, чем безопасность; поэтому можно опасаться, как бы та вещь, которая, по их мнению, должна была принести им большую пользу, не явилась, в силу их неблагоразумия, причиной больших бедствий.

Слишком долго было бы излагать его рассказы о том, что он видел в каждой стране, да это и не входит в план настоящего сочинения и, может быть, будет передано нами в другом месте. Особенно полезным будет, конечно, прежде всего знакомство с теми правильными и мудрыми мероприятиями, которые он замечал где-либо у народов, живущих в гражданском

благоустройстве. Об этом и мы расспрашивали его с большою жадностью, и он распространялся охотнее всего. Между тем мы оставили в стороне всякие вопросы о чудовищах, так как это представляется отнюдь не новым. Действительно, на хищных Сцилл, и Целен, и пожирающих народы Лестригонов и тому подобных бесчеловечных чудовищ можно наткнуться почти всюду, а граждан, воспитанных в здравых и разумных правилах, нельзя найти где угодно.

И вот, отметив у этих новых народов много превратных законов, Рафаил, с другой стороны, перечислил немало и таких, из которых можно взять примеры для исправления заблуждений наших городов, народов, племен и царств; об этом, как я сказал, я обещаюсь упомянуть в другом месте. Теперь я имею в виду только привести его рассказ об обычаях и учреждениях утопийцев, но предварительно все же передам тот разговор, который послужил как бы путеводной нитью к упоминанию этого государства.

Именно, Рафаил стал весьма умно перечислять сперва ошибки наши и тех народов, во всяком случае, очень многочисленные с обеих сторон, а затем мудрые и благоразумные распоряжения у нас, равно как и у них. При этом он излагал обычаи и учреждения каждого народа так, что казалось, будто, попадая в какое-либо место, он прожил там всю жизнь. Тогда Петр в восхищении воскликнул:

— Друг Рафаил, почему ты не пристроишься при какомлибо государе? Я убежден, что ты вполне угодишь каждому из них, так как в силу такой своей учености и такого знания мест и людей ты способен не только позабавить, но привести поучительный пример и помочь советом. Вместе с тем таким способом ты сможешь отлично устроить и собственные дела, оказать большую помощь преуспеянию всех твоих близких.

— Что касается моих близких,— возразил Рафаил,— то я не очень волнуюсь из-за них. Я считаю, что посильно выполнил лежавший на мне долг по отношению к ним. Именно, будучи не только вполне здоровым и бодрым, но и молодым человеком, я распределил между родственниками и друзьями свое имущество. А обычно другие отступаются от него только под старость и при болезни, да и тогда даже отступаются с трудом, будучи не в силах более удержать его. Думаю, что мои близкие должны быть довольны этой моей милостью и не будут требовать и ждать того, чтобы ради них я пошел служить царям.

— Не выражайся резко! — заметил Петр.— Я имел в виду не служить царям, а услужить им.

— Но это,— ответил Рафаил,— только один лишний слог по сравнению с служить.

— А я,— возразил Петр,— думаю так: как бы ты ни называл это занятие, именно оно является средством, которым ты можешь принести пользу не только тесному кругу лиц, но и обществу, а также улучшить свое собственное положение.

— Улучшится ли оно,— спросил Рафаил,— тем путем, который мне не по сердцу? Ведь теперь я живу так, как хочу, а я почти уверен, что это — удел немногих порфироносцев! Разве мало таких лиц, которые сами ищут дружбы с владыками, и разве, по-твоему, получится большой урон, если они обойдутся без меня или без кого-либо мне подобного?

Тогда вступаю в беседу я:

— Друг Рафаил, ты, очевидно, не стремишься ни к богатству, ни к могуществу, и, разумеется, человека с таким образом мыслей я уважаю и почитаю не менее, чем и каждого из тех, кто обладает наивысшим могуществом. Но, как мне кажется, ты поступишь с полным достоинством для себя и для твоего столь возвышенного и истинно философского ума, если постараешься даже с известным личным ущербом отдать свой талант и усердие на служение обществу; а этого ты никогда не можешь осуществить с такой пользой, как если ты станешь советником какого-либо великого государя и, в чем я уверен, начнешь внушать ему надлежащие честные мысли. Не надо забывать, что государь, подобно неиссякаемому источнику, изливает на весь народ поток всего хорошего и дурного. Ты же всегда, даже без большой житейской практики, явишься превосходным советником для всякого из королей благодаря твоей совершенной учености и даже без всякой учености, благодаря твоей многосторонней опытности.

— Друг Мор,— ответил Рафаил,— ты дважды ошибаешься: во-первых, в отношении меня, во-вторых, по сути дела. У меня нет тех способностей, которые ты мне приписываешь, а если бы они и были, то, жертвуя для дела своим бездействием, я не принес бы никакой пользы государству. Прежде всего все короли в большинстве случаев охотнее отдают свое время только военным наукам (а у меня в них нет опытности, да я и не желаю этого), чем благим деяниям мира; затем государи с гораздо большим удовольствием, гораздо больше заботятся о том, как бы законными и незаконными путями приобрести себе новые царства, нежели о том, как надлежаще управлять приобретенным. Кроме того, из всех советников королей нет никого, кто действительно настолько умен, чтобы

не нуждаться в советах другого, однако каждый представляется самому себе настолько умным, что не желает одобрять чужое мнение. Впрочем, есть исключение: советники льстиво и низкопоклонно потворствуют каждому нелепому мнению лиц, пользующихся у государя наибольшим влиянием, желая подобной лестью расположить их к себе. И, во всяком случае, природой так устроено, что каждому нравятся его произведения. Так и ворону мил его выводок, и обезьяне люб ее детеныш.

Поэтому, если в кругу подобных лиц, завидующих чужим мнениям и предпочитающих собственные, кто-нибудь приведет факт, вычитанный им из истории прошлого или замеченный в других странах, то слушатели относятся к этому так, как будто вся репутация их мудрости подвергается опасности и после этого замечания их сочтут круглыми дураками, если они не сумеют придумать чего-нибудь такого, чем можно опорочить чужую выдумку. Если других средств нет, то они прибегают к следующему: это, говорят они, нравилось нашим предкам, а мы желали бы равняться с ними в мудрости. И на этом они успокаиваются, считая, что подобным замечанием прекрасно себя защитили. Как будто великая опасность получится от того, если кто в каком-либо деле окажется умнее своих предков. А между тем всему, что ими удачно установлено, мы с полным спокойствием предоставляем существовать. Но если по какому-либо поводу можно придумать нечто более благоразумное, то мы тотчас страстно хватаемся за этот довод и цепко держимся установленного ранее. С подобными высокомерными, нелепыми и капризными суждениями я встречался неоднократно в других местах, а особенно однажды столкнулся с ними в Англии.

— Скажи, пожалуйста,— спрашиваю я,— так ты был в нашей стране?

— Да,— ответил он,— и провел там несколько месяцев после поражения западных англичан в гражданской войне против короля, которая была подавлена безжалостным их избиением. В это время я многим обязан был досточтимому отцу Иоанну Мортону, архиепископу Кентерберийскому и кардиналу, а тогда также и канцлеру Англии. Этот муж, друг Петр (я обращаюсь к тебе, так как Мор знает, что я имею в виду сказать), внушал уважение столько же своим авторитетом, как благоразумием и добродетелью. Стан у него был средний, но не согбенный от возраста, хотя и преклонного. Лицо внушало почтение, а не страх. В обхождении он был не тяжел, но серьезен и важен. У него появлялось иногда желание слишком

сурового обращения с просителями, впрочем без вреда для них; он хотел этим испытать, какою находчивостью, каким присутствием духа обладает каждый. В смелости их, но отнюдь не связанной с нахальством, он находил большое удовольствие, так как это качество было сродни и ему самому, и он признавал такого человека пригодным для служебной деятельности. Речь его была гладкая и проникновенная. Он обладал превосходным знанием права, несравненным остроумием, на редкость дивной памятью. Эти выдающиеся природные качества он развил учением и упражнением.

Король вполне полагался на его советы; в мою бытность там находило в них опору и государство. С ранней юности, прямо со школьной скамейки, попал он ко двору, провел всю жизнь среди важных дел и, постоянно подвергаясь превратностям судьбы, среди многих и великих опасностей приобрел большой государственный опыт, который, будучи получен таким образом, нескоро исчезает.

По счастливой случайности я присутствовал однажды за его столом; тут же был один мирянин, знаток ваших законов. Не знаю, по какому поводу он нашел удобный случай для обстоятельной похвалы тому суровому правосудию, которое применялось в то время по отношению к ворам; их, как он рассказывал, вешали иногда по двадцати на одной виселице. Тем более удивительным, по его словам, выходило то, что, хотя незначительное меньшинство ускользало от казни, в силу какого-то злого рока, многие все же повсюду занимались разбоями. Тогда я, рискнув говорить свободно в присутствии кардинала, заявил:

«Ничего тут нет удивительного. Такое наказание воров заходит за границы справедливости и вредно для блага государства. Действительно, простая кража не такой огромный проступок, чтобы за него рубить голову, а с другой стороны, ни одно наказание не является настолько сильным, чтобы удержать от разбоев тех, у кого нет никакого другого способа снискать пропитание. В этом отношении вы, как и значительная часть людей на свете, по-видимому, подражаете плохим педагогам, которые охотнее бьют учеников, чем их учат. В самом деле, вору назначают тяжкие и жестокие муки, тогда как гораздо скорее следовало бы позаботиться о каких-либо средствах к жизни, чтобы никому не предстояло столь жестокой необходимости сперва воровать, а потом погибать».

«В этом отношении,— отвечал тот,— приняты достаточные меры, существуют ремесла, существует земледелие: ими мож-

но поддержать жизнь, если люди сами не предпочтут быть дурными».

«Нет, так тебе не вывернуться,— отвечаю я.— Оставим, прежде всего, тех, кто часто возвращается домой калеками с войн внешних или гражданских, как недавно у вас после битвы при Корнуэлле и немного ранее — после войн с Францией. После потери членов тела ради государства и ради короля убожество не позволяет им вернуться к прежним занятиям, а возраст — изучить новые. Но, повторяю, оставим это, так как войны происходят через известные промежутки времени. Обратимся к тому, что бывает всякий день.

Во-первых, существует огромное число знати: она, подобно трутням, живет праздно, трудами других, именно — арендаторов своих поместий, которых для увеличения доходов стрижет до живого мяса. Только такая скупость и знакома этим людям, в общем расточительным до нищеты. Мало того, эти аристократы окружают себя также огромной толпой телохранителей, которые не учились никогда никакому способу снискивать пропитание. Но стоит господину умереть или этим слугам заболеть, как их тотчас выбрасывают вон. Хозяева охотнее содержат праздных, чем больных, и часто наследник умершего не в силах содержать отцовскую челядь. И вот они усиленно голодают, если не начинают усиленно разбойничать. Действительно, что им делать? Когда в скитаниях они поизносят несколько платье и поизносятся сами, то подкошенных болезнью и покрытых лохмотьями не соблаговолят принять благородные и не посмеют крестьяне. Эти последние прекрасно знают, что человек, деликатно воспитанный среди праздности и наслаждений, со шпагой на боку и со щитом в руке, привык только хвастливо бросать гордые взгляды на соседей и презирать всех по сравнению с собою, а отнюдь не пригоден для того, чтобы с заступом и мотыгой за скудное вознаграждение и скромный стол верно служить бедняку».

На это мой собеседник возразил:

«А нам, однако, надо особенно поддерживать людей этого рода; в них ведь, как в людях более возвышенного и благородного настроения, заключается, в случае если дело дойдет до войны, главная сила и крепость войска».

«Отлично,— отвечаю я,— с таким же основанием ты мог бы сказать, что ради войны надо поддерживать и воров, от которых, несомненно, вы никогда не избавитесь, пока у вас будут эти дворовые. Почему, с одной стороны, разбойникам не быть вполне расторопными солдатами, а с другой, солдатам — самыми

отъявленными трусами из разбойников,— до такой степени эти два занятия прекрасно подходят друг к другу. Впрочем, этот порок, несмотря на свою распространенность у вас, не составляет, однако, вашей отличительной особенности: он общий у всех почти народов. Так, что касается Франции, то ее сверх этого разоряет другая язва, еще более губительная: вся страна даже и во время мира (если это можно назвать миром) наполнена и осаждена наемными солдатами, призванными в силу того же убеждения, в силу которого вы признали нужным держать здесь праздных слуг. Именно, эти умные дураки решили, что благо государства заключается в том, что оно должно иметь всегда наготове сильный и крепкий гарнизон, состоящий главным образом из ветеранов: эти политики отнюдь не доверяют новобранцам. Поэтому им приходится искать войны даже и для того, чтобы дать опыт солдатам и вообще иметь людей для резни; иначе, по остроумному замечанию Саллюстия, руки и дух закоченеют в бездействии.

Франция познала собственным бедствием, насколько гибельно содержать чудовищ такого рода, а с другой стороны, то же доказывают примеры римлян, карфагенян, сирийцев и вообще многих народов. Постоянные войска всех этих народов уничтожили по разным поводам не только их владычество, но поля и даже самые города. В какой степени, однако, это не вызывается необходимостью, видно хотя бы из следующего: даже и французские солдаты, вполне от молодых ногтей закаленные в боях, при столкновении с вашими призывными не могут слишком часто похвастаться победами. Впрочем, я не буду дальше распространяться об этом в вашем присутствии, чтобы не оказаться льстецом. Но нельзя думать, чтобы и у вас праздные телохранители аристократов внушали больший страх вашим городским ремесленникам или простым и грубым земледельцам, кроме разве как тем из них, кто по своему телосложению не отличается особой физической силой и отвагой или чья бодрость надломлена имущественными недостатками. Поэтому нет никакого основания опасаться, что эти сильные и крепкие физически люди (ведь только отборные удостаиваются развращенного внимания аристократии), теперь слабеющие в праздности или в занятиях чуть ли не женских, станут недостаточно мужественны, если получат подготовку для жизни в полезных ремеслах и мужских трудах. Во всяком случае, мне отнюдь не представляется полезным для государства содержать на случай войны, которой у вас никогда не будет без вашего желания, беспредельную толпу людей такого рода; они

вредят миру, о котором, во всяком случае, надо заботиться гораздо больше, чем о войне.

Впрочем, это не единственная причина для воровства. Есть другая, насколько я полагаю, более присущая специально вам».

«Какая же это?» — спросил кардинал.

«Ваши овцы,— отвечаю я,— обычно такие кроткие, довольные очень немногим, теперь, говорят, стали такими прожорливыми и неукротимыми, что поедают даже людей, разоряют и опустошают поля, дома и города. Именно, во всех тех частях королевства, где добывается более тонкая и потому более драгоценная шерсть, знатные аристократы и даже некоторые аббаты, люди святые, не довольствуются теми ежегодными доходами и процентами, которые обычно нарастали от имений у их предков; не удовлетворяются тем, что их праздная и роскошная жизнь не приносит никакой пользы обществу, а, пожалуй, даже и вредит ему. Так вот, в своих имениях они не оставляют ничего для пашни, отводят все под пастбища, сносят дома, разрушают города, делают из храмов свиные стойла. Эти милые люди обращают в пустыню все поселения и каждую пядь возделанной земли, как будто и без того у вас мало ее теряется под загонами для дичи и зверинцами.

Таким образом, с тех пор как всего один обжора, ненасытная и жестокая язва отечества, уничтожает межи полей, окружает единым забором несколько тысяч акров, он выбрасывает вон арендаторов, лишает их — или опутанных обманом, или подавленных насилием — даже их собственного достояния или, замучив обидами, вынуждает к продаже его. Во всяком случае, происходит переселение несчастных: мужчин, женщин, мужей, жен, сирот, вдов, родителей с малыми детьми и более многочисленными, чем богатыми, домочадцами, так как хлебопашество требует много рук. Они переселяются, повторяю, с привычных и насиженных мест и не знают, куда деться; всю утварь, стоящую недорого, даже если бы она могла дожидаться покупателя, они продают за бесценок при необходимости сбыть ее. А когда они в своих странствиях быстро потратят это, то что́ им остается другое, как не воровать и попадать на виселицу по заслугам или скитаться и нищенствовать? Впрочем, и тут, как бродяги, они попадают в тюрьму за свое праздное хождение,— никто ведь не нанимает их труд, хотя они самым пламенным образом предлагают его. А хлебопашеству, к которому они привыкли, нечего делать там, где ничего не сеют. Ведь достаточно одного овчара или пастуха вообще, чтобы

пустить под пастбище ту землю, для надлежащей обработки которой под посев требовалось много рук.

От этого также сильно поднялась во многих местах цена на хлеб. Мало того, и сама шерсть возросла в цене настолько, что покупать ее стало совершенно не под силу более бедным людям, занимавшимся приготовлением из нее одежды, и потому большинство из них от дела должно переходить к праздности. Дело в том, что после умножения пастбищ бесчисленное количество овец погибло от чумы, как будто этот мор, посланный на овец, был отмщением свыше за алчность их владельцев, хотя справедливее было бы обратить эту гибель на собственные головы владельцев. Но если даже количество овец сильно возрастет, то цена на шерсть все же нисколько не спадет, потому что если продажу ее нельзя назвать монополией, так как этим занято не одно лицо, то, во всяком случае, это — олигополия. Ведь это дело попало в руки немногих и притом богатых людей, которых никакая необходимость не вынуждает продавать раньше, чем это им заблагорассудится, а заблагорассудится им не раньше, чем станет возможным продать за сколько им заблагорассудится. Та же причина вызывает одинаковую дороговизну и прочих пород скота, и даже в тем большей степени, что с разрушением поместий и сокращением хлебопашества нет лиц, которые бы заботились о приплоде. Упомянутые богачи не выращивают ни ягнят, ни телят, но, купив их в других местах за дешевую цену, они откармливают их на своих пастбищах и перепродают дорого. Позволяю себе думать, что все неудобство такого положения дел еще не ощущается. Именно, до сих пор эти лица создают дороговизну скота только там, где продают его. Но когда они будут вывозить его с места покупки несколько быстрее, чем он может рождаться, то и там также запас его будет мало-помалу уменьшаться, и здесь по необходимости недостаток его будет очень ощутителен.

Таким образом, ненасытная алчность немногих лиц обратила в гибель вашему острову то самое, от чего он казался особенно счастливым. Эта дороговизна хлеба служит причиною того, что каждый отпускает от себя возможно большее количество челядинцев, но, спрашивается, на что, как не на нищету или — к чему можно легче склонить благородные натуры — на разбой?

Далее, к этой жалкой нищете и скудости присоединяется неуместная роскошь. Именно, и у слуг знати, и у ремесленников, и почти что у самих крестьян, одним словом, у всех сословий заметно много чрезмерной пышности в одежде, излиш-

няя роскошь в еде. Разве не посылают прямо на разбой своих поклонников, после предварительного быстрого опустошения их кошельков, все эти харчевни, притоны, публичные дома и еще раз публичные дома в виде винных и пивных лавок, наконец, столько бесчестных игр — кости, карты, стопка, большие и малые мячи, диск?

Уничтожьте эти губительные язвы, постановите, чтобы разрушители ферм и деревень или восстановили их, или уступили желающим восстановить и строить. Обуздайте скупки, производимые богачами, их своеволие, переходящее как бы в их монополию. Кормите меньше дармоедов. Верните земледелие, возобновите обработку шерсти, да станет она почетным делом! Пусть с пользой занимается им эта праздная толпа: те, кого до сих пор бедность сделала ворами, или те, кто является теперь бродягами либо праздными слугами,— то есть в обоих случаях будущие воры. Если вы не уврачуете этих бедствий, то напрасно станете хвастаться вашим испытанным в наказаниях воровства правосудием, скорее с виду внушительным, чем справедливым и полезным. В самом деле, вы даете людям негодное воспитание, портите мало-помалу с юных лет их нравственность, а признаете их достойными наказания только тогда, когда они, придя в зрелый возраст, совершат позорные деяния; но этого можно было постоянно ожидать от них начиная с детства. Разве, поступая так, вы делаете что-нибудь другое, кроме того, что создаете воров и одновременно их караете?»

Во время этой моей речи упомянутый правовед сосредоточенно приготовился к возражению. Он решился прибегнуть к тому обычному способу рассуждения, когда с бóльшим старанием повторяют доводы противника, чем отвечают на них; такие возражатели вменяют себе в заслугу прежде всего свою хорошую память.

«Ты, конечно,— начал он,— сказал красиво; но легко догадаться, что ты иностранец, который мог скорее кое-что слышать об этих делах, чем иметь о них какие-либо точные сведения; это я и выявлю в немногих словах. Именно, прежде всего я перечислю по порядку твои доводы; затем покажу, в каких пунктах ты ошибся в силу незнания наших обстоятельств; наконец, разобью и опровергну все твои положения. Так вот, начиная, согласно обещанию, с первого, ты, как мне показалось, в четырех пунктах...»

«Молчи,— перебил кардинал,— раз ты начинаешь так, то собираешься отвечать не в немногих словах. Поэтому мы

освободим тебя в настоящее время от этого тягостного ответа. Но сохраним за тобою такую задачу целиком во второй вашей встрече; ее мне желательно было бы устроить завтра, если ничто не помешает ни тебе, ни Рафаилу. А пока, друг Рафаил, я очень охотно услышал бы от тебя, почему ты не признаешь нужным карать воровство высшей мерой наказания и какую кару за него, более полезную для общества, назначаешь ты сам; ведь и ты также не признаешь воровство терпимым. А если теперь люди рвутся воровать, несмотря на смерть, то, раз устранен будет страх ее, какая сила, какой страх может отпугнуть злодеев: смягчение наказания они, пожалуй, истолкуют как поощрение и приглашение к злодеянию?»

«Во всяком случае, всемплостивейший владыка,— отвечаю я,— по моему мнению, совершенно несправедливо отнимать жизнь у человека за отнятие денег. Я считаю, что человеческую жизнь по ее ценности нельзя уравновесить всеми благами мира. А если мне говорят, что это наказание есть возмездие не за деньги, а за попрание справедливости, за нарушение законов, то почему тогда не назвать с полным основанием это высшее право высшею несправедливостью? Действительно, нельзя одобрить, с одной стороны, достойные Манлия законы, повелевающие обнажать меч за малейшее нарушение дисциплины; с другой стороны, порицания заслуживают и стоические положения, признающие все прегрешения до такой степени равными, что, по их мнению, нет никакой разницы между убийством человека и кражей у него гроша; а на самом деле между этими преступлениями, рассматривая их сколько-нибудь беспристрастно, нет никакого сходства и родства. Бог запретил убивать кого бы то ни было, а мы так легко убиваем за отнятие ничтожной суммы денег. Если же кто-нибудь стал бы толковать это так, что данное повеление божие запрещает убийство во всех случаях, кроме тех, когда оно допускается человеческими законами, то что же мешает людям точно таким же образом согласиться между собой о допустимости разврата, прелюбодеяния и клятвопреступления? Бог отнял право лишать жизни не только другого, но и себя самого; так неужели соглашение людей об убийстве друг друга, принятое при определенных судебных условиях, должно иметь такую силу, чтобы освобождать от применения этой заповеди сто исполнителей, которые без всякого указания божия уничтожают тех, кого велел им убить людской приговор? Не будет ли в силу этого данная заповедь божия правомочной только постольку, поскольку допустит ее право человеческое? В результате люди

таким же образом могут принять общее постановление о том, в какой мере следует вообще исполнять повеления божии. Наконец, и закон Моисеев, несмотря на все его немилосердие и суровость (он дан был против рабов, и притом упрямых), все же карал за кражу денежным штрафом, а не смертью. Не будем же думать, что в новом законе милосердия, где бог повелевает, как отец детям, он предоставил нам больший произвол свирепствовать друг против друга.

Вот причины, по которым я высказываюсь против казни. А насколько нелепо и даже гибельно для государства карать одинаково вора и убийцу, это, думаю, известно всякому. Именно, если разбойник видит, что при осуждении только за кражу ему грозит не меньшая опасность, как за уличение еще и в убийстве, то этот один расчет побуждает его к убийству того, кого при других обстоятельствах он собирался только ограбить. Действительно, в случае поимки опасность для него нисколько не увеличивается, а при убийстве она даже уменьшается, так как с уничтожением доказчика преступления можно иметь бóльшую надежду скрыться. Поэтому, стремясь чересчур сильно устрашить воров, мы подстрекаем их к уничтожению хороших людей.

Что же касается обычного дальнейшего вопроса, какое наказание может быть более подходящим, то ответить на это, по моему мнению, несколько легче, чем на то, какое наказание может быть еще хуже. Зачем нам сомневаться в пользе того способа кары за злодеяния, который, как мы знаем, был так долго в ходу у римлян, весьма опытных в управлении государством? Именно уличенных в крупных злодеяниях они присуждали к каменоломням и рудникам, держа их, кроме того, постоянно в кандалах.

Впрочем, в этом отношении я ни у одного народа не нахожу лучшего порядка, чем тот, какой я наблюдал и заметил, путешествуя по Персии, у так называемых полилеритов; это — народ не маленький и вполне разумно организованный. За исключением дани, платимой им ежегодно персидскому царю, он в остальных отношениях свободен и управляется по своим законам. Живя далеко от моря и будучи почти со всех сторон окружены горами, они довольствуются плодами своей земли, отнюдь ни в чем не скупой, и сами не часто посещают других, не часто и посещаются; по старинному национальному обычаю, они не стремятся к расширению своих границ, которые в их теперешнем виде легко защищены от всякого несправедливого посягательства горами и платой, вносимой могу-

щественному властелину. Вполне свободные от военной службы, они живут не столько блестяще, сколько благополучно, и скорее счастливо, чем пышно и славно; даже самое имя их известно только ближайшим соседям.

Так вот, у полилеритов пойманные при краже возвращают утащенное хозяину, а не государю, как это обычно делается в других местах: по мнению этого народа, у государя столько же прав на украденную вещь, как и у самого вора. Если же вещь пропадет, то после оценки стоимость ее выплачивается из имущества воров, остальное же отдается целиком их женам и детям, а сами воры осуждаются на общественные работы. Если совершение кражи не осложнено преступлением, то похитителей не сажают в тюрьму, избавляют от кандалов, и они свободно и беспрепятственно занимаются общественными работами. Если же преступники уклоняются от них или производят их слишком вяло, то их не столько наказывают кандалами, сколько поощряют ударами. Работающие усердно избавлены от оскорблений; только ночью, после поименного счета, их запирают по камерам. Кроме постоянного труда, их жизнь не представляет никаких неприятностей. Питаются они не скудно: работающие для государства — на казенный счет, в других случаях — по-разному. Иногда траты на них собираются путем милостыни; хотя это путь очень ненадежный, однако, в силу присущего данному народу милосердия, он дает результат, лучший всякого другого; в других местах назначаются для этого известные общественные доходы. В иных местах для этой потребности устанавливают определенный поголовный налог. Наконец, в некоторых местностях преступники не исполняют никаких общественных работ; но если то или иное частное лицо нуждается в наемных рабочих, оно нанимает на рынке любого из них за определенную плату, несколько дешевле по сравнению со свободным человеком; кроме того, раба за его леность позволяется наказать бичом.

В результате эти люди никогда не бывают без работы, и, помимо заработка на свое содержание, каждый вносит еще нечто в государственную казну. Все вместе и каждый в отдельности одеты они в один определенный цвет, волос им не бреют, а подстригают немного выше ушей, одно из которых слегка подрезают. Друзья могут давать каждому пищу, питье и платье надлежащего цвета; но дать деньги считается уголовным преступлением как для дающего, так и для получающего; не менее опасным является для человека свободного получать по какой бы то ни было причине монету от осужденного, равно как ра-

бам (так называют осужденных) запрещается касаться оружия. Каждая область различает своих рабов особой отметкой, бросить которую считается уголовным преступлением, равно как показаться вне своих пределов и вести какой-либо разговор с рабом другой области. Замысел бегства является столь же опасным, как и самое бегство. За соучастие в таком решении рабу полагается казнь, свободному — рабство. С другой стороны, доносчику назначены награды: свободному — деньги, рабу — свобода, далее, обоим прощение и безнаказанность за соучастие; таким образом, приведение в исполнение дурного намерения ни в каком случае не может доставить бо́льшую безопасность, чем раскаяние в нем.

Законы и порядки насчет воровства таковы, как я сказал. Легко можно видеть, насколько они человечны и удобны. Гнев проявляется настолько, чтобы уничтожить пороки; но люди остаются в целости и встречают такое обхождение, что им необходимо стать хорошими и в остальную часть жизни искупить все то количество вреда, какое они причинили раньше.

Далее, не может быть никакого опасения за то, что они вернутся к прежним нравам. Мало того, путешественники при своем отправлении куда-либо считают себя в наибольшей безопасности, когда их проводниками являются именно эти рабы, которых они неоднократно меняют в каждой области. Действительно, для совершения разбоя рабы не видят ни в чем никакой подмоги: руки у них безоружны, деньги явятся только доносчиком злодеяния, в случае поимки кара наготове, и нет абсолютно никакой надежды убежать куда бы то ни было. В самом деле, как сделать незаметным и скрыть свое бегство человеку, нисколько не похожему платьем на остальных? Разве только уйти голому? Да и в этом случае беглеца может выдать его урезанное ухо. Но, наконец, может, пожалуй, еще явиться опасение, что они вознамерятся составить заговор против государства. Как будто какая-нибудь отдельная округа может возыметь такую надежду, не опросив и не подговорив предварительно рабов многих областей! Они не только лишены возможности устраивать заговоры, но им нельзя даже собраться вместе побеседовать и обменяться приветствиями: тут же надо признать, что они бесстрашно вверят своим сотоварищам такой план, умолчать о котором, как известно, опасно, а выдать его будет очень выгодно. С другой стороны, никто из рабов отнюдь не лишен надежды на то, что если он будет послушен, скромен и подаст доказательства своего стремления исправиться в будущем, то он может под этими условиями рассчитывать

на обратное получение свободы; это и делается ежегодно для нескольких лиц из уважения к их терпеливости».

Вот что я сказал и прибавил, что не вижу основания, почему бы этот образ действия не мог принести и в Англии гораздо бóльшие плоды, чем та справедливость, которую так превозносил упомянутый правовед. Тогда этот последний заметил:

«Никогда ничего подобного нельзя установить в Англии, не подвергая государство величайшей опасности».

При этих словах он покачал головою, скривил презрительно губы и замолчал. Все присутствовавшие охотно согласились с его словами. Тогда кардинал заметил:

«Нелегко угадать, будет ли это иметь успех или нет, раз не сделано никакого предварительного опыта. Но если по произнесении смертного приговора государь велит отложить казнь, то можно применить обычай полилеритов, уничтожив привилегию заповедных мест; и вот тут, если результат дела докажет его пользу, правильно было бы ввести это установление; в противном случае заслуженная казнь тех, кто уже подвергся осуждению, будет так же полезна для государства и так же справедлива, как если бы она была совершена ранее; между тем опасности от этого не может быть никакой. Мало того, по-моему, подобный образ действия можно было бы с значительным успехом применить и к бродягам, а то в отношении их мы до сих пор не добились никаких результатов, несмотря на издание многочисленных законов».

Как только кардинал сказал это, все наперерыв осыпали похвалами его мысль, к которой раньше, в моих устах, отнеслись с пренебрежением; особое же одобрение заслужил пункт о бродягах, так как это была его собственная прибавка.

Не знаю, не лучше ли умолчать о том, что произошло далее, так как это было смешно; но все же я расскажу: это было недурно и имело некоторое отношение к настоящей теме.

Случайно тут стоял один блюдолиз, который, по-видимому, хотел строить из себя дурака, но, притворяясь таковым, был очень близок к настоящему. Шутки его, которыми он старался насмешить, были настолько плоски, что сам он вызывал смех гораздо чаще, чем его слова. Но иногда все же у него вырывалось нечто совсем неглупое, что могло оправдать правильность поговорки: «При частой игре добьешься и выигрыша». Именно, один из гостей сказал, что я в своей речи говорил о надлежащих мерах против воров, кардинал подумал о бродягах, и теперь государству остается только позаботиться о тех, кого довела до нищеты болезнь или старость и сделала их непри-

годными к труду для снискания себе пропитания. Тогда упомянутый блюдолиз заметил:

«Позволь мне, я и это устрою правильно. Я страстно желаю удалить куда-нибудь с глаз долой людей этого рода. Они мне сильно и часто надоедали своим требованием денег, сопровождаемым жалобными воплями, но никогда все же причитания их не имели такого успеха, чтобы вытянуть у меня монету. Выходило как-то всегда одно из двух: или мне не хотелось давать, или даже и нельзя было, так как не было ничего. Поэтому теперь они стали умнее; когда они видят, что я иду, то не тратят своего труда и пропускают молча: они совершенно не ждут ничего от меня, как будто бы я был священником. Так вот я и вношу закон, чтобы всех этих нищих разместить и распределить по бенедиктинским монастырям и сделать из них так называемых монахов-мирян, а женщинам я велю стать монахинями».

Кардинал улыбнулся и одобрил это как шутку, а другие приняли ее и всерьез.

Но замечание о священниках и монахах сильно развеселило одного из этих последних, ученого богослова, так что он и сам захотел пошутить, хотя в общем был серьезен до свирепости.

«Но и в этом случае,— заметил он,— ты не отделаешься от нищих, если не подумаешь и о нас — монашествующей братии».

«Да это уже предусмотрено,— ответил паразит.— Ведь кардинал прекрасно позаботился о вас, когда выносил постановление о задержании и привлечении к работе бродяг, ведь вы-то и есть главные бродяги».

При этих словах все взглянули на кардинала и, заметив, что он не отрицает этого, очень охотно подцепили это замечание, все, кроме монаха. Он (что и не удивительно), пораженный такой колкостью, пришел в негодование и до того раскипятился, что не мог удержаться от ругательств: он назвал противника негодяем, подлецом, клеветником и сыном погибели, приводя вместе с тем страшные угрозы из Священного писания. Тогда шут вошел в свою роль всерьез и почувствовал себя вполне как дома.

«Не гневайся, добрый брат,— ответил он,— сказано в Писании: «В терпении вашем овладеете душами вашими».

На это монах (приведу его подлинные слова) ответил:

«Я не гневаюсь, висельник, или, по крайней мере, не грешу, и псалмопевец говорит: «Гневайтесь и не согрешайте».

Затем, в ответ на мягкое внушение кардинала удержать свои страсти, монах заметил:

«Я говорю, как должен, по доброму усердию. Ведь у святых людей было доброе усердие; отсюда и сказано: «Усердие по доме твоем съело меня». И в церквах поют: «Над Елисеем кто смеялся, когда в храм тот направлялся», усердие плешивого почуяли,— как почует, вероятно, и этот насмешник, шут, грубиян».

«Ты,— ответил кардинал,— поступаешь, может быть, с наилучшими побуждениями, но поступишь, по-моему, еще благочестивее, во всяком случае разумнее, если поведешь себя так, что не будешь вступать в смешное состязание с человеком глупым и смешным».

«Нет, владыка,— ответил тот,— я не поступил бы разумнее. Ведь сам премудрый Соломон говорит: «Отвечай глупому по глупости его», как я теперь и делаю и указываю ему яму, в которую он упадет, если не побережется как следует. Ведь если многие насмешники над Елисеем, который был только один плешивый, почувствовали усердие плешивого, то насколько сильнее почувствует это один насмешник над многими братьями, среди которых есть много плешивых? И вдобавок у нас есть папская булла, по которой все осмеивающие нас подлежат отлучению».

Кардинал, увидев, что этому не будет конца, отослал кивком головы паразита и свел удачно разговор на другую тему, а затем немного спустя встал из-за стола и занялся делами своих подчиненных, отпустив нас.

Вот, друг Мор, каким длинным рассказом я замучил тебя; мне было бы очень стыдно так долго передавать это, но ты, с одной стороны, пламенно желал этого, а с другой, казалось, слушал так, как будто не желал ничего упустить из этого разговора. Но, во всяком случае, мне, хотя бы и в сжатом виде, надо было передать это, потому что те же лица, отвергнув высказанную мною мысль, сейчас же сами одобрили ее, услышав одобрение ей от кардинала. Они угождали ему до такой степени, что льстили даже выдумке его паразита, которую кардинал не отверг как шутку, и чуть не приняли ее всерьез. Отсюда ты можешь определить, какую цену имели бы в глазах придворных я и мои советы.

— Конечно, друг Рафаил,— отвечаю я,— ты доставил мне большое удовольствие, до такой степени разумна вместе и изящна была вся твоя речь. Кроме того, во время ее мне представлялось, что я не только нахожусь на родине, но даже до

«Утопия»

известной степени переживаю свое детство, предаваясь приятным воспоминаниям о том кардинале, при дворе которого я воспитывался мальчиком. Друг Рафаил, хотя ты вообще очень дорог мне, но ты не поверишь, насколько стал ты мне дороже оттого, что с таким глубоким благоговением относишься к памяти этого мужа. Но все же я никоим образом не могу еще переменить своего мнения, а именно: если ты решишься не чуждаться дворцов государей, то своими советами можешь принести очень много пользы обществу. Исполнить это ты обязан прежде всего как человек честный. Ведь и твой Платон полагает, что государства будут благоденствовать только в том случае, если философы будут царями или цари философами; но как далеко будет это благоденствие, если философы не соблаговолят даже уделять свои советы царям?

— Нет, они не настолько неблагодарны, чтобы не делать этого с охотой,— возразил он,— наоборот, многие уже и выполнили это изданием своих книг; только бы носители верховной власти были готовы повиноваться добрым советам. Но Платон, без сомнения, отлично предвидел, что если цари не станут сами философами, то, совершенно пропитанные и зараженные с детства превратными мнениями, они никогда не одобрят планов философов: это Платон испытал и сам при дворе Дионисия.

Как по-твоему, если я при дворе какого-нибудь короля предложу проекты здравых распоряжений и попытаюсь вырвать у него злые и гибельные семена, то разве я не подвергнусь немедленно изгнанию и не буду выставлен на посмешище?

Ну вот, предположи, что я нахожусь при дворе французского короля, состою в его Совете, и тут на самом секретном совещании, под председательством самого короля, в кругу умнейших людей, усиленно обсуждается вопрос, какими средствами и ухищрениями король может удержать Милан, привлечь к себе обратно беглый Неаполь, а затем разорить Венецию, подчинить себе всю Италию, далее, захватить власть над Фландрией, Брабантом, наконец, над всей Бургундией и, кроме того, над другими народами, на королевства которых он давно уже нападал мысленно. Тут один советник предлагает заключить союз с венецианцами, имеющий силу на столько времени, на сколько это будет удобно королю, сообщить им свои планы, даже оставить у них некоторую часть добычи, чтобы потребовать ее обратно при удовлетворительном окончании дела. Другой подает мысль о найме германцев, третий о том, чтобы задобрить

деньгами швейцарцев, четвертый о том, чтобы умилостивить золотом, как жертвой, гнев августейшей воли его величества императора; пятому представляется необходимым уладить дела с королем Арагонии и, в залог мира, отказаться от чужого, не французского, королевства Наваррского; шестой предлагает опутать какими-нибудь брачными надеждами короля Кастилии и привлечь, за определенную ежегодную плату, на свою сторону несколько знатных его царедворцев. Тут встречается главнейшее затруднение,— какое решение принять касательно Англии, во всяком случае, надо вести с ней переговоры о мире и закрепить наиболее прочными узами всегда непрочный союз с ней; надо называть англичан друзьями, а рассматривать как недругов. Поэтому следует всегда держать наготове, как на карауле, шотландцев, имея их постоянно в виду для всяких случайностей, и тотчас выпустить на англичан, если те чуть-чуть зашевелятся. Для этого надо тайно (открытому осуществлению этого мешают союзные договоры) поддерживать какого-нибудь знатного изгнанника, который утверждает, что это королевство принадлежит ему, и таким средством обуздывать подозрительность короля Франции. Так вот, повторяю, если бы в такой напряженной обстановке, когда столько выдающихся мужей предлагают наперерыв свои планы для войны, встал вдруг я, ничтожный человек, и предложил повернуть паруса обратно, посоветовал оставить Италию и сказал бы, что надо сидеть дома, так как и одно Французское королевство слишком велико, чтобы им мог надлежаще управлять один человек, а потому пусть король откажется от мысли и расчетов на приобретение других земель, как ко мне отнеслись бы? Затем я мог бы предложить их вниманию постановления ахорийцев, народа, живущего к юго-востоку напротив острова Утопии. Именно эти ахорийцы вели когда-то войну, чтобы добыть своему королю другое королевство, которое, как он утверждал, должно было принадлежать ему по наследству в силу старинных уз свойства.

Добившись наконец этого королевства, ахорийцы сразу увидели, что удержать его стоит отнюдь не меньше труда, чем сколько они потратили для его приобретения: новые подданные были постоянно недовольны ахорийцами или подвергались иноземным набегам, поэтому надо было все время воевать или за них, или против них, и никогда не представлялось возможности распустить войско; а между тем собственная страна ахорийцев подверглась разграблению, деньги уплывали за границу, они проливали свою кровь ради ничтожной и притом

чужой славы, мир не делался нисколько крепче, война испортила нравы внутри государства, жители прониклись страстью к разбоям; убийства укрепили в них наглую дерзость; законы стали предметом презрения. Между тем царь, внимание которого развлекалось между двумя царствами, не мог сосредоточиться на котором-нибудь одном из них. Напоследок ахорийцы, видя, что этим сильным бедствиям не предвидится никакого конца, в результате совещания очень вежливо предложили своему королю удержать за собою одно, какое он хочет, царство, так как на два у него не хватит власти. Они говорили, что их слишком много для того, чтобы ими могла управлять половина короля, а с другой стороны, никто не согласится на то, чтобы даже погонщик мулов у него был общий с другим хозяином. Таким образом, этот благодушный монарх принужден был предоставить новое царство одному из друзей, который в скором времени был изгнан, а сам удовольствовался старым.

Так вот, если бы после истории об ахорийцах я указал королю, что все эти воинственные предприятия, которые по его вине вносят замешательство в жизнь стольких народов, истощат его казну, разорят подданных, а могут в силу какой-либо случайности кончиться ничем, и предложил бы ему заботиться о своем унаследованном от дедов королевстве, насколько возможно украшать его, привести его в самое цветущее состояние, любить своих подданных, снискать их любовь, жить одною с ними жизнью, управлять ими мягко и оставить в покое другие государства, раз то, которое ему досталось, более чем достаточно по своей величине,— как ты думаешь, друг Мор, с каким настроением принята была бы подобная речь?

— Разумеется, не очень благосклонно,— отвечаю я.

— Ну так пойдем дальше,— продолжает он.— Допустим, что советники какого-либо короля в беседе с ним обсуждают и измышляют средства, как ему увеличить казну. Один советует повысить стоимость монеты, когда надо будет платить деньги, и, с другой стороны, понизить ценность ее ниже нормы, когда надо будет собирать капитал,— таким образом можно будет заплатить большую сумму малым количеством денег и за малую сумму приобрести много. Другой внушает притворно готовиться к войне и под этим предлогом собирать деньги, а устроив это, заключить торжественный мир с религиозными обрядами и создать этим в глазах жалкой черни такое впечатление, что вот, мол, благочестивый государь из жалости к человечеству прекратил кровопролитие. Третий приводит ему на мысль какие-то старинные, съеденные червями законы, уста-

ревшие от долгого неприменения их; так как никто не помнит об их издании, то они нарушены всеми, за что следует взыскивать штраф; доход от этого будет обильнее и почетнее всякого другого, так как на этом будет лежать личина справедливости. Четвертый предлагает запретить, под угрозой больших штрафов, многое, особенно такое, что идет вразрез с народными интересами, а потом поделиться полученными деньгами с теми, чьим выгодам наиболее препятствует этот указ; таким образом можно снискать расположение народа и получить двойную выгоду: с одной стороны, штрафам подвергаются только те, кого загнала в эти сети алчность к наживе, а с другой — дорогая цена на привилегии стоит в полном соответствии с прекрасными нравственными качествами государя, который с трудом дарует какому-нибудь частному лицу что-либо, идущее вразрез с выгодами народа, да и то не иначе, как по высокой цене. Пятый убеждает привлечь на свою сторону судей, чтобы они в решении всякого дела принимали во внимание права короля; кроме того, их следует позвать во дворец и приглашать разбирать дела в королевском присутствии; тогда ни одно дело короля не будет настолько несправедливым, чтобы кто-нибудь из судей — или из желания противоречить, или из стыда повторить то же самое, или с целью снискать милости властелина — не нашел в этом процессе какой-нибудь щели, через которую могла бы проскользнуть какая-нибудь кляуза; таким образом, при разногласии судей дело, само по себе вполне очевидное, возбуждает обсуждение, и истина вызывает споры, а это как раз предоставляет королю повод для истолкования закона в свою пользу; остальные присоединятся к этому или из стыда, или из страха; поэтому в результате с трибунала бестрепетно произносится соответственный приговор; ведь при подаче голоса за государя предлог всегда найдется: для этого достаточно, чтобы на его стороне были или справедливость, или слова закона, или запутанность смысла документа, или, наконец, то, что в глазах благочестивых судей стоит выше законов,— неоспоримая прерогатива государя. Все эти советники вполне единодушно и согласно признают следующие положения: правильность изречения Красса, что никакого количества золота не достаточно для государя, которому надо содержать войско; затем король даже при самом сильном своем желании ни в чем не может поступать несправедливо, потому что все и у всех принадлежит ему, как и самые люди, а у каждого имеется собственность лишь настолько, насколько ее не отняла у него королевская милость; при этом для государя очень важ-

но, чтобы такой собственности было возможно меньше, потому что главный оплот его власти заключается в том, чтобы не дать народу избаловаться от богатства и свободы, когда люди не очень-то мирятся с жестокими и несправедливыми приказаниями, между тем как, наоборот, нищета и недостаток притупляют настроение, приучают к терпению и отнимают у угнетенных благородный дух восстания. И вот тут опять поднимусь я и стану спорить, что все эти советы для короля и бесчестны и гибельны, так как не только честь его, но и его безопасность заключаются скорее в благосостоянии народа, чем в собственной казне короля. Затем я покажу, что они выбирают короля для себя, а не для него самого, именно — чтобы, благодаря его труду и расположению, жить в благополучии и безопасности от обид, и королю подобает больше заботиться о том, чтобы хорошо было народу, а не ему самому; таким же образом на обязанности пастуха, поскольку он является овчаром, лежит скорее питать овец, чем себя самого. Если, далее, советники полагают, что нищета народа служит охраной мира, то они жестоко ошибаются по самой сути дела. Действительно, где можно найти больше ссор, как не среди нищих? Кто интенсивнее стремится к перевороту, как не тот, кому отнюдь не нравится существующий строй жизни? У кого, наконец, проявятся более дерзкие порывы привести все в замешательство с надеждой откуда-нибудь поживиться, как не у того, кому уже нечего более терять? Поэтому если какой-нибудь царь вызывает у своих подданных такое презрение или ненависть, что может удержать их в повиновении, только действуя оскорблениями, грабежом и конфискацией и доводя людей до нищенства, то ему, конечно, лучше будет отказаться от королевства, чем удерживать его такими средствами, при которых если он и удерживает свой титул властелина, то, во всяком случае, теряет свое величие. Несовместимо с королевским достоинством проявлять свою власть над нищими, а скорее над людьми достаточными и зажиточными. Это именно и отметил муж ума высокого и благородного, Фабриций, в своем ответе, что он предпочитает управлять богачами, а не быть богачом. И, конечно, допускать, чтобы кто-нибудь один жил среди изобилия удовольствий и наслаждений, а другие повсюду стонали и плакали — это значит быть сторожем не королевства, а тюрьмы. Наконец, как полным неучем является тот врач, который умеет лечить болезнь только болезнью же, так и тот, кто не может исправить жизнь граждан другим путем, как только отнимая у них блага жизни, должен признаться

в своем неумении управлять людьми свободными; мало того, ему следует отказаться от своей косности или высокомерия: этими пороками он вызовет у народа или презрение, или ненависть; он должен, никому не вредя, жить на свои средства, сводить расход с приходом, обуздывать злодеяния, правильным наставлением подданных скорее предупреждая их, чем давая им усиливаться с целью потом карать их; не следует зря возобновлять законы, отмененные обычаем, особенно такие, которые давно устарели и никогда не были желательными; никогда под предлогом штрафа не следует брать ничего такого, чего судья не позволил бы получить ни одному частному лицу, как добытого несправедливо и обманно. Наконец, я мог бы предложить на этом совещании закон макарийцев, которые также живут не очень далеко от Утопии. Именно, их король в первый день по вступлении на престол, после торжественных жертвоприношений, дает клятвенное обязательство не иметь никогда в казне одновременно свыше тысячи фунтов золота или серебра, равного по цене этому золоту. Говорят, что этот закон установил один превосходный король, больше заботившийся о благе родины, чем о своих богатствах. Закон должен был служить преградой для таких огромных накоплений денег, которые могли бы вызвать недостаток их в народе. Король видел, что этого капитала будет достаточно, если ему придется бороться с мятежниками или его королевству с вражеским нашествием, но этой суммы не хватит, чтобы создать соответственное настроение для нападения на чужие владения. Это было главной причиной для издания закона; вторая, по мнению короля, заключалась в предупреждении недостатка в деньгах для повседневного обращения их в народе; а так как король обязан выплачивать все то, что наросло в казне выше указанного законного размера, то в силу этого ему не надо будет искать повода к причинению обид подданным. Такой король будет внушать страх злодеям и приобретет любовь хороших граждан. Так вот, если эти и подобные положения я буду навязывать людям, сильно склонным к совершенно обратному образу мыслей, то не выступлю ли я в роли проповедника перед глухими?

— Несомненно, даже и перед сильно глухими,— отвечаю я.— Я, право, нисколько не удивлюсь этому, да, говоря по правде, мне и не представляется необходимым навязывать подобные разговоры и давать такие советы, которые, ты уверен, никогда не примут. Действительно, какую пользу может принести или каким образом может повлиять такая необычная речь на

настроение тех, в чьем сердце заранее поместилось и засело совершенно противоположное убеждение? В дружеской беседе среди близких приятелей подобные схоластические рассуждения не лишены привлекательности, но в Советах государей, где обсуждаются дела важные и с полным авторитетом, для них нет места.

— Это,— возразил он,— то самое, что я говорил: у государей нет места для философии.

— Да,— отвечаю я,— для той схоластической, которая считает, что она пригодна везде и всюду. Но есть и другая философия, более житейская, которая знает свою сцену действия и, приспособляясь к ней в той пьесе, которая у нее в руках, выдерживает свою роль стройно и благопристойно. Вот ее-то тебе и надо применять. Иначе допустим, что играют какую-нибудь пьесу Плавта, где жалкие рабы говорят вздор друг с другом, а ты вдруг выйдешь в философском одеянии на сцену впереди всех и начнешь декламировать из «Октавии» то место, где Сенека рассуждает с Нероном; разве не лучше будет изобразить лицо без речей, чем, декламируя неподходящее, устраивать подобную трагикомедию? Действительно, ты испортишь и исказишь данную пьесу, припутывая к ней противоположный материал, даже и в том случае, если твои прибавки будут лучше оригинала. Играй возможно лучше ту пьесу, которая у тебя под рукою, и не приводи ее в совершенный беспорядок тем, что тебе приходит на память из другой, хотя бы и более изящной.

Так обстоит дело в государстве, так и на совещаниях у государей. Если нельзя вырвать с корнем превратные мнения, если ты по своему искреннему убеждению не в силах излечить прочно вошедшие в житейский обиход пороки, то из-за этого не следует покидать государственных дел, как нельзя оставлять корабля в бурю, раз ты не можешь удержать ветров. Но нельзя насильно навязывать новые и необычные рассуждения людям, держащимся противоположных убеждений, так как эти рассуждения не будут иметь у них никакого веса; тебе же надо стремиться окольным путем к тому, чтобы по мере сил все выполнить удачно, а то, чего ты не можешь повернуть на хорошее, сделать, по крайней мере, возможно менее плохим. Ведь нельзя, чтобы все было хорошо, раз не хороши все люди, а я не ожидаю, что это случится всего через несколько лет в будущем.

Рафаил ответил:

— Из этого не может выйти ничего другого, как то, что, стремясь вылечить бешенство других, я сам с ними сойду с

ума. Ведь раз я хочу говорить правду, мне и необходимо так говорить. Впрочем, я не знаю, дело ли философа говорить ложь: но, во всяком случае, это не мое дело. Правда, эта моя речь, может быть, будет неприятна и тягостна моим противникам, но я все же не вижу, почему она должна казаться необычной до нелепости. Допустим, что я говорил бы то, что воображает Платон в своем «Государстве» или что делают утопийцы в своем; хотя это и было бы лучше, как оно и есть на самом деле, но все же могло бы показаться чуждым для нас, потому что здесь у каждого есть частная собственность, а там все общее.

Что касается моей речи, то она предостерегает от опасностей и указывает на них; поэтому она может быть неприятной только для тех, кто, идя по противоположной дороге, решил сбросить вместе с собою в пропасть и других; иначе — что в моих словах было такого, что бы нельзя было или не следовало сказать везде? Действительно, если надо опускать, как чуждое и нелепое, все то, чему порочные нравы людей придали вид необычного, то и у христиан надо скрывать многое из учения Христова, а он не только запретил скрывать это, но велел даже открыто на крышах проповедовать своим то, что нашептал им на ухо. Огромная часть этого гораздо более чужда современным нравам, чем была моя речь. Правда, проповедники, люди хитрые, следуя, думаю, твоему совету и видя, что для людей затруднительно приспособить свои нравы к правилам Христовым, приладили его учение к нравам, как свинцовую линейку, чтобы, разумеется, хоть каким-нибудь образом сочетать их. Я вижу, что они добились этим только того, что дурным людям живется беззаботнее; и я, конечно, добьюсь в Советах государей столь же больших результатов. Или я буду держаться мнений, противоположных высказываемым, а это будет все равно, как если бы у меня не было никаких, или я буду думать то же самое и стану, по словам Теренциева Микиона, помощником их безумия. Я не постигаю, что значит тот окольный путь, которым, по-твоему, надо стремиться к тому, чтобы если нельзя всего сделать хорошим, то хоть удачно повернуть это и превратить, насколько возможно, в наименьшее зло. Там нет места для того, чтобы прятаться или смотреть сквозь пальцы; надо открыто одобрять самые скверные мнения и подписываться под самыми губительными решениями. Но даже скупая похвала бесчестным постановлениям была бы достойна только шпиона и почти что предателя.

Далее, попадая в такую среду, которая легче может испортить даже прекрасного человека, чем исправиться сама, ты не можешь встретить ничего такого, где ты мог бы принести какую-нибудь пользу. Извращенные обычаи такого общества или испортят тебя, или, оставаясь непорочным и невинным, ты будешь служить прикрытием чужой злобы и глупости; нечего и говорить тут о каких-либо достижениях путем упомянутой окольной дороги.

Поэтому Платон в очень красивом сравнении поясняет правильность воздержания философов от занятий государственными делами. Именно, философы видят, что, высыпав на улицы, народ попал под проливной дождь, и не могут уговорить его укрыться от дождя — зайти под крышу; и вот, зная, что если они выйдут на улицу, то ничего не добьются, кроме того, что промокнут сами, они остаются в доме, довольствуясь тем, что если не могут вылечить чужую глупость, то, по крайней мере, находятся в безопасности.

Впрочем, друг Мор, если сказать тебе по правде мое мнение, так, по-моему, где только есть частная собственность, где все мерят на деньги, там вряд ли когда-либо возможно правильное и успешное течение государственных дел; иначе придется считать правильным то, что все лучшее достается самым дурным, или удачным то, что все разделено очень немногим, да и те получают отнюдь не достаточно, остальные же решительно бедствуют.

Поэтому я, с одной стороны, обсуждаю сам с собою мудрейшие и святейшие учреждения утопийцев, у которых государство управляется при помощи столь немногих законов, но так успешно, что и добродетель встречает надлежащую оценку и, несмотря на равенство имущества, во всем замечается всеобщее благоденствие. С другой стороны, наоборот, я сравниваю с ними столько других наций, которые постоянно создают у себя порядок, но никогда ни одна из них не достигает его; всякий называет там своей собственностью то, что ему попало; каждый день издаются там многочисленные законы, но они бессильны обеспечить достижение, или охрану, или отграничение от других того, что каждый, в свою очередь, именует своей собственностью, а это легко доказывают бесконечные и постоянно возникающие, а с другой стороны — никогда не оканчивающиеся процессы. Так вот, повторяю, когда я сам с собою размышляю об этом, я делаюсь более справедливым к Платону и менее удивляюсь его нежеланию давать какие-либо законы тем народам, которые отвергали законы,

распределяющие все жизненные блага между всеми поровну. Этот мудрец легко усмотрел, что один-единственный путь к благополучию общества заключается в объявлении имущественного равенства, а вряд ли это когда-либо можно выполнить там, где у каждого есть своя собственность. Именно, если каждый на определенных законных основаниях старается присвоить себе сколько может, то, каково бы ни было имущественное изобилие, все оно попадает немногим; а они, разделив его между собою, оставляют прочим одну нужду, и обычно бывает так, что одни вполне заслуживают жребия других: именно, первые хищны, бесчестны и никуда не годны, а вторые, наоборот, люди скромные и простые и повседневным трудом приносят больше пользы обществу, чем себе лично.

Поэтому я твердо убежден в том, что распределение средств равномерным и справедливым способом и благополучие в ходе людских дел возможны только с совершенным уничтожением частной собственности; но если она останется, то и у наибольшей и наилучшей части человечества навсегда останется горькое и неизбежное бремя скорбей. Я, правда, допускаю, что оно может быть до известной степени облегчено, но категорически утверждаю, что его нельзя совершенно уничтожить. Например, можно установить следующее: никто не должен иметь земельной собственности выше известного предела; сумма денежного имущества каждого может быть ограничена законами; могут быть изданы известные законы, запрещающие королю чрезмерно проявлять свою власть, а народу быть излишне своевольным; можно запретить приобретать должности подкупом или продажей; прохождение этих должностей не должно сопровождаться издержками, так как это представляет удобный случай к тому, чтобы потом наверстать эти деньги путем обманов и грабежей, и возникает необходимость назначать на эти должности людей богатых, тогда как люди умные выполнили бы эти обязанности гораздо лучше. Подобные законы, повторяю, могут облегчить и смягчить бедствия точно так же, как постоянные припарки обычно подкрепляют тело безнадежно больного. Но пока у каждого есть личная собственность, нет совершенно никакой надежды на выздоровление и возвращение организма в хорошее состояние. Мало того, заботясь об исцелении одной его части, ты растравляешь рану в других. Таким образом, от лечения одного взаимно рождается болезнь другого, раз никому нельзя ничего прибавить без отнятия у другого.

— А мне кажется наоборот,— возражаю я,— никогда нельзя жить богато там, где все общее. Каким образом может получиться изобилие продуктов, если каждый будет уклоняться от работы, так как его не вынуждает к ней расчет на личную прибыль, а, с другой стороны, твердая надежда на чужой труд дает возможность лениться? А когда людей будет подстрекать недостаток в продуктах и никакой закон не сможет охранять как личную собственность приобретенное каждым, то не будут ли тогда люди по необходимости страдать от постоянных кровопролитий и беспорядков? И это осуществится тем более, что исчезнет всякое уважение и почтение к властям; я не могу даже представить, какое место найдется для них у таких людей, между которыми «нет никакого различия».

— Я не удивляюсь,— ответил Рафаил,— этому твоему мнению, так как ты совершенно не можешь вообразить такого положения или представляешь его ложно. А вот если бы ты побыл со мною в Утопии и сам посмотрел на их нравы и законы, как это сделал я, который прожил там пять лет и никогда не уехал бы оттуда, если бы не руководился желанием поведать об этом новом мире,— ты бы вполне признал, что нигде в другом месте ты не видал народа с более правильным устройством, чем там.

— Разумеется,— заметил Петр Эгидий,— ты с трудом можешь убедить меня, что народ с лучшим устройством находится в новом мире, а не в этом, известном нам; по-моему, здесь и умы нисколько не хуже, и государства постарше, чем там, да и долгий опыт придумал у нас много удобств для жизни людей; я не распространяюсь уже о некоторых случайных наших открытиях, для измышления которых не могло бы хватить никакого ума.

— Что касается древности их государств,— возразил Рафаил,— то ты мог бы судить правильнее, если бы прочитал историю тех стран; если ей следует верить, то у них города были раньше, чем у нас люди. Далее, и там и тут могло возникнуть все то, что до сих пор изобрел ум или добыл случай. Впрочем, я, во всяком случае, полагаю, что как мы превосходим их талантливостью, так они все же оставляют нас далеко позади своим усердием и трудолюбием. По свидетельству их летописей, до прибытия туда нашего корабля они ничего никогда не слыхали о наших делах (они называют нас «живущими за линией равноденствия»). Правда, некогда, лет тысяча двести тому назад, один корабль, который занесла туда буря, погиб от крушения у острова Утопии; были выброшены на берег

какие-то римляне и египтяне, которые никогда потом оттуда не вернулись. Посмотри теперь, как умело воспользовалось этим удобным случаем их трудолюбие. От выброшенных чужестранцев утопийцы научились всякого рода искусствам, существовавшим в Римской империи и могущим принести какую-нибудь пользу, или, узнав только зародыши этих искусств, они изобрели их дополнительно. Столько хорошего принесло им то обстоятельство, что некоторые от нас всего один раз были занесены к ним. А если бы какой-нибудь подобный случай загнал ранее кого-нибудь оттуда к нам, то это так же изгладилось бы из памяти, как исчезнет, вероятно, у потомков то, что я когда-то был там. И как они сразу после одной встречи усвоили себе все то, что нами было хорошо придумано, так, думаю, пройдет много времени, прежде чем мы узнаем какое-либо из их учреждений, превосходящее наши. Причиной этого, полагаю, служит одно то, что, хотя мы не стоим ниже их ни по уму, ни по средствам, все же их государство имеет более разумный по сравнению с нами способ правления и процветает среди большего счастья.

— Поэтому, друг Рафаил,— говорю я,— убедительно прошу тебя — опиши нам этот остров; не старайся быть кратким, но расскажи по порядку про его земли, реки, города, жителей, их нравы, учреждения, законы и, наконец, про все, с чем ты признаешь желательным ознакомить нас, а ты должен признать, что мы желаем знать все, чего еще не знаем.

— Исполню это с особой охотой,— ответил он,— так как хорошо все помню. Но этот предмет потребует свободного времени.

— Так пойдем,— отвечаю,— в дом пообедать, а потом распорядимся временем по своему усмотрению.

— Хорошо,— сказал он.

Таким образом, мы вошли в дом и стали обедать.

После обеда мы вернулись на то же место, уселись на той же скамейке и приказали слугам, чтобы нам никто не мешал. Затем я и Петр Эгидий уговариваем Рафаила исполнить его обещание. Когда он заметил наше напряженное внимание и сильное желание послушать, то, посидев некоторое время молча и в раздумье, начал следующим образом.

ВТОРАЯ КНИГА

БЕСЕДЫ, КОТОРУЮ ВЕЛ РАФАИЛ ГИТЛОДЕЙ, О НАИЛУЧШЕМ СОСТОЯНИИ ГОСУДАРСТВА, В ПЕРЕДАЧЕ ЛОНДОНСКОГО ГРАЖДАНИНА И ВИКОНТА ТОМАСА МОРА

Остров утопийцев в средней своей части, где он всего шире, простирается на двести миль, затем на значительном протяжении эта ширина немного уменьшается, а в направлении к концам остров с обеих сторон мало-помалу суживается. Если бы эти концы можно было обвести циркулем, то получилась бы окружность в пятьсот миль. Они придают острову вид нарождающегося месяца. Рога его разделены заливом, имеющим протяжение приблизительно в одиннадцать миль. На всем этом огромном расстоянии вода, окруженная со всех сторон землей, защищена от ветров наподобие большого озера, скорее стоячего, чем бурного; а почти вся внутренняя часть этой страны служит гаванью, рассылающей, к большой выгоде людей, по всем направлениям корабли. Вход в залив очень опасен из-за мелей с одной стороны и утесов — с другой. Почти на середине этого расстояния находится одна скала, которая выступает из воды, вследствие чего она не может принести вреда. На ней выстроена башня, занятая караулом. Остальные скалы скрыты под волнами и губительны. Проходы между ними известны только утопийцам, и поэтому не зря устроено так, что всякий иностранец может проникнуть в залив только с проводником от них. Впрочем, и для самих утопийцев вход не лишен опасности без некоторых сигналов, направляющих путь к берегу. Если перенести их в другие места, то легко можно погубить какой угодно по численности неприятельский флот. На другой стороне острова гавани встречаются довольно часто. Но повсюду спуск на берег настолько укреплен природою или

искусством, что немногие защитники со стороны суши могут отразить огромные войска.

Впрочем, как говорят предания и как показывает самый облик земли, эта страна когда-то не была окружена морем. Но Утоп, чье победоносное имя носит остров (раньше этого он назывался Абракса), сразу же при первом прибытии после победы распорядился прорыть пятнадцать миль, на протяжении которых страна прилегала к материку, и провел море вокруг земли; этот же Утоп довел грубый и дикий народ до такой степени культуры и образованности, что теперь они почти превосходят в этом отношении прочих смертных. Не желая, чтобы упомянутая работа считалась позорной, Утоп привлек к ней не только жителей, но, кроме того, и своих солдат. При распределении труда между таким множеством людей он был закончен с невероятной быстротой. Этот успех изумил и поразил ужасом соседей, которые вначале смеялись над бесполезностью предприятия.

На острове пятьдесят четыре города, все обширные и великолепные; язык, нравы, учреждения и законы у них совершенно одинаковые. Расположение их всех также одинаково; одинакова повсюду и внешность, насколько это допускает местность. Самые близкие из них отстоят друг от друга на двадцать четыре мили. С другой стороны, ни один город не является настолько уединенным, чтобы из него нельзя было добраться до другого пешком за один день.

Из каждого города три старых и опытных гражданина ежегодно собираются в Амауроте для обсуждения общих дел острова. Город Амаурот считается первым и главенствующим, так как, находясь в центре страны, он по своему расположению удобен для представителей всех областей. Поля распределены между городами так удачно, что каждый в отдельности не имеет ни с какой стороны менее двадцати миль земли, а с одной стороны даже и значительно больше, именно с той, где города дальше всего разъединены друг с другом. Ни у одного города нет желания раздвинуть свои пределы, так как жители его считают себя скорее земледельцами, чем господами этих владений.

В деревне на всех полях имеются удобно расположенные дома, снабженные земледельческими орудиями.

В домах этих живут граждане, переселяющиеся туда по очереди. Ни одна деревенская семья не имеет в своем составе менее сорока человек — мужчин и женщин, кроме двух приписных рабов. Во главе всех стоят отец и мать семейства, люди уважаемые и пожилые, а во главе каждых тридцати

семейств — один филарх. Из каждого семейства двадцать человек ежегодно переселяются обратно в город; это те, что пробыли в деревне два года. Их место занимают столько же новых из города, чтобы их обучали пробывшие в деревне год и потому более опытные в сельском хозяйстве; эти приезжие на следующий год должны учить других, чтобы в снабжении хлебом не произошло какой-либо заминки, если все одинаково будут новичками и несведущими в земледелии. Хотя этот способ обновления земледельцев является общепринятым, чтобы никому не приходилось против воли слишком долго подряд вести суровую жизнь, однако многие имеющие природную склонность к деревенской жизни, выпрашивают себе большее число лет. Земледельцы обрабатывают землю, кормят скот, заготовляют дрова и отвозят их в город каким удобно путем — по суше или по морю. Цыплят они выращивают в беспредельном количестве, с изумительным уменьем. Они не подкладывают под курицу яиц, но согревают большое количество их равномерной теплотою и таким образом оживляют и выращивают. Едва лишь цыплята вылупятся из скорлупы, как уже бегают за людьми, словно за матками, и признают их. Лошадей они держат очень немногих, при этом только ретивых и исключительно для упражнения молодежи в верховой езде. Весь труд по земледелию или перевозке несут быки. Утопийцы признают, что они уступают лошадям в рыси, но, с другой стороны, берут над ними верх выносливостью; кроме того, они не считают быков подверженными многим болезням, и содержание их стоит меньших затрат и расходов.

Зерно они сеют только ради хлеба, а вино пьют или виноградное, или грушевое, или, наконец, иногда чистую воду, часто также отвар меда или солодкового корня, которого у них немалое количество. Хотя они определяют (и делают это весьма точно), сколько хлеба потребляет город и прилегающий к нему округ, однако они и посевы делают, и скот выращивают в гораздо большем количестве, чем это требуется для их нужд, имея в виду поделиться остатком с соседями. Все, что им нужно и чего нет в деревне, все подобные предметы они просят у города и получают от тамошних властей очень легко, без какого-либо обмена. В город они сходятся каждый месяц на праздник. Когда настанет день уборки урожая, то филархи земледельцев сообщают городским властям, какое количество граждан надо им прислать; так как эта толпа работников является вовремя к самому сроку, то они почти в один ясный день справляются со всей уборкой.

О ГОРОДАХ И ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ОБ АМАУРОТЕ

Кто узнает хотя бы один город, тот узнает все города Утопии: до такой степени сильно похожи все они друг на друга, поскольку этому не мешает природа местности. Поэтому я изображу один какой-либо город (да и не очень важно, какой именно). Но какой же другой предпочтительнее Амаурота? Ни один город не представляется достойнее его, так как остальные уступают ему, как местопребыванию сената; вместе с тем ни один город не знаком мне более его, потому что я прожил в нем пять лет подряд.

Так вот Амаурот расположен на отлогом скате горы и по форме представляет почти квадрат. Именно, начинаясь несколько ниже вершины холма, он простирается в ширину на две мили до реки Анидра, а вдоль берега ее длина города несколько больше.

Анидр начинается в восьмидесяти милях выше Амаурота, из небольшого родника; но, усиленный от притока других рек, в числе их двух даже средней величины, он перед самым городом расширяется до полумили, а затем, увеличившись еще более, он протекает шестьдесят миль и впадает в океан. На всем этом протяжении между городом и морем и даже на несколько миль выше города на быстрой реке каждые шесть часов чередуются прилив и отлив. Во время прилива море оттесняет реку назад и заполняет все русло Анидра своими волнами на тридцать миль в длину. Тут и несколько дальше оно портит соленой водой струи реки; затем она мало-помалу становится пресной, протекает по городу неиспорченной и, будучи чистой и без примесей, почти у самого устья догоняет, в свою очередь, сбывающую воду.

С противоположным берегом реки город соединен мостом не на деревянных столбах и сваях, а на прекрасных каменных арках. Мост устроен с той стороны, которая дальше всего отстоит от моря, так что корабли могут без вреда проходить мимо всей этой части города. Есть там, кроме того, и другая река, правда, небольшая, но очень тихая и привлекательная. Зарождаясь на той же самой горе, на которой расположен город, она протекает по склонам посредине его и соединяется с Анидром. Так как она начинается недалеко за городом, жители Амаурота соединили ее с ним, охватив укреплениями, чтобы в случае какого-либо вражеского нашествия воду нельзя было ни перехватить, ни отвести, ни испортить. Отсюда по кирпичным трубам вода стекает в различных направлениях

к нижним частям города. Там, где местность не позволяет устроить этого, собирают в объемистые цистерны дождевую воду, приносящую такую же пользу.

Город опоясан высокой и широкой стеной с частыми башнями и бойницами. С трех сторон укрепления окружены сухим рвом, но широким, глубоким и заросшим оградою из терновника; с четвертой стороны ров заменяет сама река. Расположение площадей удобно как для проезда, так и для защиты от ветров. Здания отнюдь не грязны. Длинный и непрерывный ряд их во всю улицу бросается в глаза зрителю обращенными к нему фасадами. Эти фасады разделяет улица в двадцать футов ширины. К задним частям домов на всем протяжении улицы прилегает сад, широкий и отовсюду загороженный задами улиц. Нет ни одного дома, у которого бы не было двух дверей: спереди — на улицу и сзади — в сад. Двери двустворчатые, скоро открываются при легком нажиме и затем, затворяясь сами, впускают кого угодно — до такой степени у утопийцев устранена частная собственность. Даже самые дома они каждые десять лет меняют по жребию.

Сады они ценят высоко. Здесь имеются виноград, плоды, травы, цветы; все содержится в таком блестящем виде и так возделано, что нигде не видал я большего плодородия, большего изящества. В этом отношении усердие их разжигается не только самым удовольствием, но и взаимным соревнованием улиц об уходе каждой за своим садом. И, во всяком случае, нелегко можно найти в целом городе что-либо более пригодное для пользы граждан или для удовольствия. Поэтому основатель города ни о чем, по-видимому, не заботился в такой степени, как об этих садах.

Именно, как говорят, весь этот план города уже с самого начала начертан был Утопом. Но украшение и прочее убранство,— для чего, как он видел, не хватит жизни одного человека,— он оставил добавить потомкам. Поэтому в их летописях, которые они сохраняют в старательной и тщательной записи начиная с взятия острова, за период времени в 1760 лет, сказано, что дома были первоначально низкие, напоминавшие хижины и шалаши, делались без разбора из всякого дерева, стены обмазывались глиной, крыши сводились кверху острием и были соломенные. А теперь каждый дом бросается в глаза своей формой и имеет три этажа. Стены построены снаружи из камня, песчаника или кирпича, а внутри полые места засыпаны щебнем. Крыши выведены плоские и покрыты какой-то замазкой, ничего не стоящей, но такого состава, что она

не поддается огню, а по сопротивлению бурям превосходит свинец. Окна от ветров защищены стеклом, которое там в очень большом ходу, а иногда также тонким полотном, смазанным прозрачным маслом или янтарем, что представляет двойную выгоду: именно, таким образом они пропускают больше света и менее доступны ветрам.

О ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦАХ

Каждые тридцать семейств избирают себе ежегодно должностное лицо, именуемое на их прежнем языке сифогрантом, а на новом — филархом. Во главе десяти сифогрантов с их семействами стоит человек, называемый по-старинному транибор, а ныне протофилярх.

Все сифогранты, числом двести, после клятвы, что они выберут того, кого признают наиболее пригодным, тайным голосованием намечают князя, именно — одного из тех четырех кандидатов, которых им предложил народ. Каждая четвертая часть города избирает одного и рекомендует его сенату. Должность князя несменяема в течение всей его жизни, если этому не помешает подозрение в стремлении к тирании. Траниборов они избирают ежегодно, но не меняют их зря. Все остальные должностные лица избираются только на год. Траниборы каждые три дня, а иногда, если потребуют обстоятельства, и чаще, ходят на совещания с князем. Они совещаются о делах общественных и своевременно прекращают, если какие есть, частные споры, которых там чрезвычайно мало. Из сифогрантов постоянно допускаются в сенат двое, и всякий день различные. Имеется постановление, чтобы из дел, касающихся республики, ни одно не приводилось в исполнение, если оно не подвергалось обсуждению в сенате за три дня до принятия решения. Уголовным преступлением считается принимать решения по общественным делам помимо сената или народного собрания. Эта мера, говорят, принята с тою целью, чтобы нелегко было переменить государственный строй путем заговора князя с траниборами и угнетения народа тиранией. Поэтому всякое дело, представляющее значительную важность, докладывается собранию сифогрантов, которые сообщают его семействам своего отдела, а затем совещаются между собою и свое решение сообщают сенату. Иногда дело переносится на собрание всего острова. Сенат имеет сверх того и такой обычай, что ни одно из предложений не подвергается обсуждению в тот

день, когда оно впервые внесено, но откладывается до следующего заседания сената, чтобы никто не болтал зря первое, что ему взбредет на ум, ибо потом он будет более думать о том, как подкрепить свое первое решение, а не о пользе государства; извращенный и ложный стыд заставит его пожертвовать скорее общественным благом, нежели мнением о себе, что якобы вначале он мало позаботился о том, о чем ему надлежало позаботиться, а именно — говорить лучше обдуманно, чем быстро.

О ЗАНЯТИИ РЕМЕСЛАМИ

У всех мужчин и женщин есть одно общее занятие — земледелие, от которого никто не избавлен. Ему учатся все с детства, отчасти в школе путем усвоения теории, отчасти же на ближайших к городу полях, куда детей выводят как бы для игры, между тем как там они не только смотрят, но под предлогом физического упражнения также и работают.

Кроме земледелия (которым, как я сказал, занимаются все), каждый изучает какое-либо одно ремесло, как специальное. Это обыкновенно или пряжа шерсти, или выделка льна, или ремесло каменщиков, или рабочих по металлу и по дереву. Можно сказать, что, кроме перечисленных, нет никакого иного занятия, которое имело бы у них значение, достойное упоминания. Что же касается одежды, то, за исключением того, что внешность ее различается у лиц того или другого пола, равно как у одиноких и состоящих в супружестве, покрой ее остается одинаковым, неизменным и постоянным на все время, будучи вполне пристойным для взора, удобным для телодвижений и приспособленным к холоду и жаре. И вот эту одежду каждая семья приготовляет себе сама. Но из других ремесел всякий изучает какое-либо, и притом не только мужчины, но также и женщины. Впрочем, эти последние, как более слабые, имеют более легкие занятия: они обычно обрабатывают шерсть и лен. Мужчинам поручаются остальные ремесла, более трудные. По большей части каждый вырастает, учась отцовскому ремеслу: к нему большинство питает склонность от природы. Но если кто имеет влечение к другому занятию, то такого человека путем усыновления переводят в какое-либо семейство, к ремеслу которого он питает любовь; при этом не только отец этого лица, но и власти заботятся о том, чтобы передать его солидному и благородному отцу семейства. Кроме того, если кто, изучив одно ремесло, пожелает еще и

другого, то получает на это позволение тем же самым способом. Овладев обоими, он занимается которым хочет, если государство не нуждается скорее в каком-либо одном.

Главное и почти исключительное занятие сифогрантов состоит в заботе и наблюдении, чтобы никто не сидел праздно, а чтобы каждый усердно занимался своим ремеслом, но не с раннего утра и до поздней ночи и не утомлялся подобно скоту. Такой тяжелый труд превосходит даже долю рабов, но подобную жизнь и ведут рабочие почти повсюду, кроме утопийцев. А они делят день на двадцать четыре равных часа, причисляя сюда и ночь, и отводят для работы только шесть: три до полудня, после чего идут обедать; затем, отдохнув после обеда в течение двух послеполуденных часов, они опять продолжают работу в течение трех часов и заканчивают ее ужином. Так как они считают первый час начиная с полудня, то около восьми идут спать; сон требует восемь часов. Все время, остающееся между часами работы, сна и принятия пищи, предоставляется личному усмотрению каждого, но не для того, чтобы злоупотреблять им в излишествах или лености, а чтобы на свободе от своего ремесла, по лучшему уразумению, удачно применить эти часы на какое-либо другое занятие. Эти промежутки большинство уделяет наукам. Они имеют обыкновение устраивать ежедневно в предрассветные часы публичные лекции; участвовать в них обязаны только те, кто специально отобран для занятий науками. Кроме них, как мужчины, так и женщины всякого звания огромной толпой стекаются для слушания подобных лекций, одни — одних, другие — других, сообразно с естественным влечением каждого. Впрочем, если кто предпочтет посвятить это время своему ремеслу,— а это случается со многими, у кого нет стремления к проникновению в какую-либо науку,— то в этом никто ему не мешает; мало того, такое лицо даже получает похвалу, как приносящее пользу государству.

После ужина они проводят один час в забавах: летом в садах, а зимой в тех общих залах, где совместно кушают. Там они или занимаются музыкой, или отдыхают за разговорами. Что касается игры в кости и других нелепых и гибельных забав подобного рода, то они даже не известны утопийцам. Впрочем, у них имеются в ходу две игры, более или менее похожие на игру в шашки: одна — это бой чисел, где одно число ловит другое; другая — в которой пороки в боевом порядке борются с добродетелями. В этой игре в высшей степени умело указуется и раздор пороков между собою, и согласие

их в борьбе с добродетелями, а также то, какие пороки каким добродетелям противополагаются, с какими силами они оказывают открытое сопротивление, с какими ухищрениями нападают искоса, с помощью чего добродетели ослабляют силы пороков, какими искусствами уклоняются они от их нападений и, наконец, каким способом та или другая сторона одерживает победу.

Но тут, во избежание дальнейших недоразумений, необходимо более пристально рассмотреть один вопрос. Именно, если только шесть часов уходят на работу, то отсюда можно, пожалуй, вывести предположение, что следствием этого является известный недостаток в предметах первой необходимости. Но в действительности этого отнюдь нет; мало того, такое количество времени не только вполне достаточно для запаса всем необходимым для жизни и ее удобств, но дает даже известный остаток. Это будет понятно и вам, если только вы поглубже вдумаетесь, какая огромная часть населения у других народов живет без дела: во-первых, почти все женщины — половина общей массы, а если где женщины заняты работой, то там обычно взамен их храпят мужчины. Вдобавок к этому, какую огромную и какую праздную толпу представляют священники и так называемые чернецы! Прикинь сюда всех богачей, особенно владельцев поместий, которых обычно именуют благородными и знатью; причисли к ним челядь, именно — весь этот сброд ливрейных бездельников; присоедини, наконец, крепких и сильных нищих, предающихся праздности под предлогом какой-либо болезни, и в результате тебе придется признать, что число тех, чьим трудом создается все то, чем пользуются смертные, гораздо меньше, чем ты думал. Поразмысли теперь, сколь немногие из этих лиц заняты необходимыми ремеслами; именно, раз мы все меряем на деньги, то неизбежно должны находить себе применение многие занятия, совершенно пустые и излишние, служащие только роскоши и похоти. Действительно, если бы эту самую толпу, которая теперь занята работой, распределить по тем столь немногим ремеслам, сколь немного требуется их для надлежащего удовлетворения потребностей природы, то при таком обильном производстве, которое неизбежно должно отсюда возникнуть, цены на труд, понятно, стали бы гораздо ниже того, что нужно рабочим для поддержки своего существования. Но возьмем всех тех лиц, которые заняты теперь бесполезными ремеслами, и вдобавок всю эту изнывающую от безделья и праздности массу людей, каждый из которых потребляет столько продуктов, производимых тру-

дами других, сколько нужно их для двух изготовителей этих продуктов; так вот, повторяю, если всю совокупность этих лиц, поставить на работу, и притом полезную, то можно легко заметить, как немного времени нужно было бы для приготовления в достаточном количестве и даже с избытком всего того, что требуют принципы пользы или удобства (прибавь также — и удовольствия, но только настоящего и естественного).

Очевидность этого подтверждается в Утопии самой действительностью. Именно, там в целом городе с прилегающим к нему округом из всех мужчин и женщин, годных для работы по своему возрасту и силам, освобождение от нее дается едва пятистам лицам. В числе их сифогранты, которые хотя имеют по закону право не работать, однако не избавляют себя от труда, желая своим примером побудить остальных охотнее браться за труд. Той же льготой наслаждаются те, кому народ под влиянием рекомендации духовенства и по тайному голосованию сифогрантов дарует навсегда это освобождение для основательного прохождения наук. Если кто из этих лиц обманет возложенную на него надежду, то его удаляют обратно к ремесленникам. И, наоборот, нередко бывает, что какой-нибудь рабочий так усердно занимается науками в упомянутые выше свободные часы и отличается таким большим прилежанием, что освобождается от своего ремесла и продвигается в разряд ученых.

Из этого сословия ученых выбирают послов, духовенство, траниборов и, наконец, самого главу государства, которого на старинном своем языке они именуют барзаном, а на новом адемом. Так как почти вся прочая масса не пребывает в праздности и занята небесполезными ремеслами, то легко можно рассчитать, сколько хороших предметов создают они и в какое небольшое количество часов.

К приведенным мною соображениям присоединяется еще то преимущество, что большинство необходимых ремесл берет у них гораздо меньшее количество труда, чем у других народов. Так, прежде всего постройка или ремонт зданий требуют везде непрерывного труда очень многих лиц, потому что малобережливый наследник допускает постепенное разрушение воздвигнутого отцом. Таким образом, то, что можно было сохранить с минимальными издержками, преемник должен восстановлять заново и с большими затратами. Мало того, часто человек с избалованным вкусом пренебрегает домом, стоившим другому огромных издержек, а когда этот дом, оставленный без ремонта, в короткое время разваливается, то владелец строит себе в другом месте другой, с не меньшими затратами.

У утопийцев же, у которых все находится в порядке и государство отличается благоустройством, очень редко приходится выбирать новый участок для постройки домов; рабочие не только быстро исправляют уже имеющиеся повреждения, но даже предупреждают еще только грозящие. Поэтому при малейшей затрате труда здания сохраняются на очень долгое время, и работники этого рода иногда с трудом находят себе предмет для занятий, если не считать того, что они получают приказ временно рубить материал на дому и обтесывать и полировать камни, чтобы, если случится какое задание, оно могло быстро осуществиться.

Далее, обрати внимание на то, какое небольшое количество труда нужно утопийцам для изготовления себе одежды. Во-первых, пока они находятся на работе, они небрежно покрываются кожей или шкурами, которых может хватить на семь лет. Когда они выходят на улицу, то надевают сверху длинный плащ, прикрывающий упомянутую грубую одежду. Цвет этого плаща одинаков на всем острове, и притом это естественный цвет шерсти. Поэтому сукна у них идет не только гораздо меньше, чем где-либо в другом месте, но и изготовление его требует гораздо меньше издержек. На обработку льна труда уходит еще меньше, и потому этот материал имеет гораздо большее применение. Но в полотне они принимают во внимание исключительно чистоту. Более тонкая выделка не имеет никакой цены. В результате этого у них каждый довольствуется одним платьем, и притом обычно на два года, в других же местах одному человеку не хватает четырех или пяти верхних шерстяных одежд, да еще разноцветных, а вдобавок требуется столько же шелковых рубашек, иным же неженкам мало и десяти. Для утопийца нет никаких оснований претендовать на большее количество платья: добившись его, он не получит большей защиты от холода, и его одежда не будет ни на волос наряднее других.

Отсюда, так как все они заняты полезным делом и для выполнения его им достаточно лишь небольшого количества труда, то в итоге у них получается изобилие во всем. Вследствие этого огромной массе населения приходится иногда отправляться за город для починки дорог, если они избиты. Очень часто также, когда не встречается надобности ни в какой подобной работе, государство объявляет меньшее количество рабочих часов. Власти отнюдь не хотят принуждать граждан к излишним трудам. Учреждение этой повинности имеет прежде всего только ту цель, чтобы обеспечить, насколько это

возможно с точки зрения общественных нужд, всем гражданам наибольшее количество времени после телесного рабства для духовной свободы и образования. В этом, по их мнению, заключается счастье жизни.

О ВЗАИМНОМ ОБЩЕНИИ

Однако, по моему мнению, пора уже изложить, как общаются отдельные граждане друг с другом, каковы взаимоотношения у всего народа и как распределяются у них все предметы. Так как город состоит из семейств, то эти семейства в огромном большинстве случаев создаются родством. Женщины, придя в надлежащий возраст и вступив в брак, переселяются в дом мужа. А дети мужского пола и затем внуки остаются в семействе и повинуются старейшему из родственников, если только его умственные способности не ослабели от старости. Тогда его заменяет следующий по возрасту.

Во избежание чрезмерного малолюдства городов или их излишнего роста принимается такая мера предосторожности: каждое семейство, число которых во всяком городе, помимо его округа, состоит из шести тысяч, не должно заключать в себе меньше десяти и более шестнадцати взрослых. Что касается детей, то число их не подвергается никакому учету. Эти размеры легко соблюдаются путем перечисления в менее людные семейства тех, кто является излишним в очень больших. Если же переполнение города вообще перейдет надлежащие пределы, то утопийцы наверстывают безлюдье других своих городов. Ну, а если народная масса увеличится более надлежащего на всем острове, то они выбирают граждан из всякого города и устраивают по своим законам колонию на ближайшем материке, где только у туземцев имеется излишек земли, и притом свободной от обработки; при этом утопийцы призывают туземцев и спрашивают, хотят ли те жить вместе с ними. В случае согласия утопийцы легко сливаются с ними, используя свой уклад жизни и обычаи; и это служит ко благу того и другого народа. Своими порядками утопийцы достигают того, что та земля, которая казалась раньше одним скупой и скудной, является богатой для всех. В случае отказа жить по их законам утопийцы отгоняют туземцев от тех пределов, которые избирают себе сами. В случае сопротивления они вступают в войну. Утопийцы признают вполне справедливой причиной для войны тот случай, когда какой-либо народ, владея попусту и понапрасну такой территорией, которой не пользуется сам,

отказывает все же в пользовании и обладании ею другим, которые по закону природы должны питаться от нее. Если какой-нибудь несчастный случай уменьшает население собственных городов утопийцев до такой степени, что его нельзя восстановить из других частей острова при сохранении надлежащих размеров для каждого города (а это, говорят, было только дважды за все время — от свирепой и жестокой чумы), то такой город восполняется обратным переселением граждан из колонии. Утопийцы дают лучше погибнуть колониям, чем ослабнуть какому-либо из островных городов.

Но возвращаюсь к совместной жизни граждан. Как я уже сказал, во главе семейства стоит старейший. Жены прислуживают мужьям, дети родителям и вообще младшие старшим. Каждый город разделен на четыре равные части. Посредине каждой части имеется рынок со всякими постройками. Туда, в определенные дома, свозятся предметы производства каждого семейства, и отдельные виды их распределяются в розницу по складам. В них каждый отец семейства просит того, что нужно ему и его близким, и без денег, совершенно без всякой уплаты, уносит все, что ни попросит. Да и зачем ему отказывать в чем-либо? Ведь, во-первых, все имеется в достаточном изобилии, а во-вторых, не может быть никакого опасения, что кто-либо пожелает потребовать больше, чем нужно. Зачем предполагать, что лишнего попросит тот, кто уверен, что у него никогда ни в чем не будет недостатка? Действительно, у всякого рода живых существ жадность и хищность возникают или от боязни нужды, или, у человека только, от гордости, вменяющейся себе в достоинство превзойти прочих излишним хвастовством своим имуществом. Порок такого рода совершенно не имеет места среди обычаев утопийцев.

К упомянутым мною рынкам присоединены рынки для съестных припасов, куда свозятся не только овощи, древесные плоды и хлеб, но также рыба и все съедобные части четвероногих и птиц, для чего за городом устроены особые места, где речная вода смывает гниль и грязь. Оттуда привозят скот, после того как слуги убьют его и снимут шкуру. Утопийцы не позволяют своим согражданам свежевать скот, потому что от этого, по их мнению, мало-помалу исчезает милосердие, самое человечное чувство нашей природы. Затем они не дают ввозить в город ничего нечистого и грязного, гниение чего портит воздух и может навлечь болезнь.

Кроме того, на всякой улице имеются поместительные дворцы, отстоящие друг от друга на равном расстоянии; каж-

дый из них известен под особым именем. В них живут сифогранты. К каждому из этих дворцов приписаны тридцать семейств, именно — по пятнадцати с той и другой стороны. Тут эти семьи должны обедать. Заведующие кухней каждого дворца в определенный час собираются на рынок и получают пищу согласно указанному ими числу своих едоков.

Но в первую очередь принимаются во внимание больные, которые лечатся в общественных госпиталях. У утопийцев имеются четыре больницы за стенами города, в небольшом от них расстоянии, настолько обширные, что их можно приравнять к стольким же слободам. Цель этого, с одной стороны, та, чтобы не размещать больных, в каком бы большом количестве они ни были, тесно и вследствие этого неудобно, а с другой — та, чтобы одержимые такой болезнью, которая может передаваться от одного к другому путем прикосновения, могли быть дальше отделены от общения с другими. Эти больницы прекрасно устроены и преисполнены всем нужным для восстановления здоровья; уход в них применяется самый нежный и усердный; наиболее опытные врачи присутствуют там постоянно. Поэтому хотя никого не посылают туда насильно, но нет почти никого в целом городе, кто, страдая каким-либо недугом, не предпочел бы лежать там, а не у себя дома. Когда заведующий кухней больных получит пищу согласно предписанию врачей, то затем все лучшее распределяется равномерно между дворцами сообразно числу едоков каждого. Кроме этого, принимаются во внимание князь, первосвященник, траниборы, а также послы и все иностранцы (если таковые находятся, а они бывают вообще в малом количестве и редко; но когда появляются, то для них также приготовляют определенные и оборудованные жилища). В эти дворцы в установленные часы для обеда и ужина собирается вся сифогрантия, созываемая звуками медной трубы. Исключение составляют только больные, лежащие в госпиталях или дома. Правда, никому не запрещается по удовлетворении дворцов просить с рынка пищу на дом. Утопийцы знают, что никто не сделает этого зря. Действительно, хотя никому не запрещено обедать дома, но никто не делает этого охотно, потому что считается непристойным и глупым тратить труд на приготовление худшей еды, когда во дворце, отстоящем так близко, готова роскошная и обильная. В этом дворце все работы, требующие несколько большей грязи и труда, исполняются рабами. Но обязанность варки и приготовления пищи и всего вообще оборудования обеда лежит на одних только женщинах, именно — из

каждого семейства поочередно. За обедом садятся за тремя или за большим количеством столов, сообразно числу кушающих; мужчины помещаются с внутренней стороны стола, у стены, а женщины напротив, чтобы, если с ними случится какая-либо неожиданная беда (а это бывает иногда с беременными), они могли встать, не нарушая рядов, и уйти оттуда к кормилицам.

Эти последние сидят отдельно с грудными детьми в особой назначенной для того столовой, где всегда имеются огонь и чистая вода, а иногда и люльки, чтобы можно было и положить туда младенцев, и, в случае их желания, при огне освободить их от пеленок и дать им отдохнуть на свободе и среди игр. Каждая мать сама кормит ребенка, если не помешает смерть или болезнь. Когда это случается, то жены сифогрантов разыскивают кормилицу, да это и не трудно: женщины, могущие исполнить эту обязанность, берутся за нее охотнее, чем за всякую другую, потому что все хвалят такую особу за ее сострадание, и питомец признает кормилицу матерью. В убежище кормилиц сидят все дети, которым не исполнилось еще пяти лет. Что касается прочих несовершеннолетних, в числе которых считают всех лиц того или другого пола, не достигших еще брачного возраста, то они или прислуживают сидящим, или, если не могут этого по своим летам, все же стоят тут, и притом в глубоком молчании. И те и другие питаются тем, что им дадут сидящие, и не имеют иного отдельного времени для еды. Место в середине первого стола считается наивысшим, и с него, так как этот стол поставлен поперек в крайней части столовой, видно все собрание. Здесь сидят сифогрант и его жена. С ними помещаются двое старейших, так как за всеми столами сидят по четверо. А если в этой сифограптии есть храм, то священник и его жена садятся с сифогрантом, так что являются председательствующими. С той и другой стороны размещается молодежь; затем опять старики; и, значит, таким образом во всем доме ровесники соединены друг с другом и вместе с тем слиты с людьми противоположного возраста. Причина этого обычая, говорят, следующая: так как за столом нельзя ни сделать, ни сказать ничего такого, что ускользало бы от повсеместного внимания старцев, то, в силу своей серьезности и внушаемого ими уважения, они могут удержать младших от непристойной резкости в словах или движениях. Блюда с едой подаются не подряд, начиная с первого места, а каждым лучшим кушаньем обносят прежде всего всех старейших, места которых особо отмечены, а потом этим блюдом в равных долях обслуживают остальных. А старцы

раздают по своему усмотрению сидящим вокруг свои лакомства, если запас их не так велик, чтобы их можно было распределить вдоволь по всему дому. Таким образом, и за пожилыми сохраняется принадлежащий им почет, и тем не менее их преимущества постольку же доступны всем.

Каждый обед и ужин начинается с какого-либо нравоучительного чтения, но все же краткого, чтобы не надоесть. После него старшие заводят приличный разговор, однако не печальный и не лишенный остроумия. Но они отнюдь не занимают все время еды длинными рассуждениями; наоборот, они охотно слушают и юношей и даже нарочно вызывают их на беседу. Они хотят через это узнать способности и талантливость каждого, проявляющиеся в непринужденном застольном общении. Обеды бывают довольно кратки, а ужины — подольше, так как за первыми следует труд, а за вторыми сон и ночной покой, который, по мнению утопийцев, более действителен для здорового пищеварения. Ни один ужин не проходит без музыки; ни один десерт не лишен сладостей. Они зажигают курения, распрыскивают духи и вообще делают все, что может создать за едой веселое настроение. Они особенно охотно разделяют то мнение, что не нужно запрещать ни один род удовольствия, лишь бы из него не вытекало какой-либо неприятности.

Так устроена их совместная жизнь в городах; а в деревнях, где семьи удалены дальше друг от друга, каждая из них ест дома. Никто не испытывает никаких продовольственных затруднений, так как из деревни идет все то, чем питаются горожане.

О ПУТЕШЕСТВИЯХ УТОПИЙЦЕВ

Если у кого появится желание повидаться с друзьями, живущими в другом городе, или просто посмотреть на самую местность, то такие лица легко получают на это дозволение от своих сифогрантов и транибиров, если в них не встречается никакой надобности. Они отправляются одновременно с письмом от князя, свидетельствующим о позволении, данном на путешествие, и предписывающим день возвращения. Они получают повозку и государственного раба, чтобы погонять волов и ухаживать за ними. Но если среди путешественников нет женщин, то повозка, как бремя и помеха, отсылается обратно. Хотя на весь свой путь они ничего с собой не берут, у них все же ни в чем нет недостатка: они везде дома. Если они останавливаются в каком-либо месте долее одного дня, то

каждый занимается там своим ремеслом и встречает самое радушное отношение со стороны работающих по тому же ремеслу. Если кто преступит свои пределы по собственному почину, то, пойманный без грамоты князя, он подвергается позорному обхождению: его возвращают, как беглого и жестоко наказывают. Дерзнувший на то же вторично — обращается в рабство.

А если у кого появится охота побродить по окрестностям своего города, то он не встречает на то запрета, раз у него есть позволение отца и разрешение его супружеской половины. Но в какую бы деревню он ни пришел, он не получает никакой пищи, раньше чем не закончит предварительно полуденного рабочего задания (или вообще сколько там обычно делают до ужина). Под этим условием можно отправляться куда угодно в пределах владений своего города. Таким образом, он будет не менее полезен городу, чем если бы был в городе.

Вы видите теперь, до какой степени чужды им всякая возможность бездельничать, всякий предлог для лености. У них нет ни одной винной лавки, ни одной пивной; нет нигде публичного дома, никакого случая для разврата, ни одного притона, ни одного противозаконного сборища; но присутствие на глазах у всех создает необходимость проводить все время или в привычной работе, или в благопристойном отдыхе.

Неизбежным следствием таких порядков у этого народа является изобилие во всем, а так как оно равномерно простирается на всех, то в итоге никто не может быть нуждающимся или нищим. Как только в амауротском сенате, который, как я сказал, ежегодно составляется из трех лиц от каждого города, станет известным, где и каких продуктов особенно много и, наоборот, что и где уродилось особенно скудно, то недостаток в одном месте немедленно восполняют обилием в другом. И утопийцы устраивают это бесплатно, не получая, в свою очередь, ничего от тех, кому дарят. Но то, что они дают из своих достатков какому-либо городу, не требуя от него ничего обратно, они получают в случае нужды от другого города без всякого вознаграждения. Таким образом, весь остров составляет как бы одно семейство.

Но когда они достаточно позаботятся о себе,— а это они признают выполненным не раньше, чем будет сделан запас на два года, ввиду неизвестности урожая следующего года,— из остающегося они вывозят в другие страны большое количество зерна, меда, шерсти, льна, леса, червеца и пурпура, руна, воска, сала, кож и вдобавок еще животных. Седьмую часть

всего этого они дарят неимущим жителям тех стран, а остальное продают за умеренную цену. В итоге этой торговли они увозят на родину не только те товары, в которых нуждаются дома (а таковых почти нет, кроме железа), но, кроме того, и большое количество золота и серебра. В силу продолжительности такого обычая утопийцы имеют повсюду эти драгоценности в превышающем вероятие количестве. Поэтому они теперь обращают мало внимания на то, как им продавать: на наличные деньги или в кредит, и держат гораздо большую часть денег в долговых обязательствах; при заключении их, однако, они, по окончании установленных обычаем формальностей, не требуют никогда поручительства частных лиц, но только всего города. Этот последний, как только настанет день уплаты, требует долг с частных лиц, вносит деньги в казну и пользуется процентами на этот капитал, пока утопийцы не попросят его обратно, а они в огромном большинстве случаев никогда не просят. Они не считают справедливым отнимать совершенно ненужную им вещь у тех, кому она нужна. Впрочем, они требуют деньги только в тех случаях, когда по стечению обстоятельств желают дать известную часть капитала другому народу или когда приходится вести войну. Для этого одного они берегут все те сокровища, которые держат дома, чтобы иметь в них поддержку или в крайней, или во внезапной опасности, а главным образом для того, чтобы за непомерную цену нанять иноземных солдат, которых они выставляют для борьбы охотнее, чем своих граждан. Утопийцы знают, что за большие деньги можно обычно купить самих врагов, которые готовы на измену и даже на то, чтобы вступить в открытый бой друг с другом. В силу этого они хранят неоцененное сокровище, но, впрочем, не как таковое, а обходятся с ним так, что мне стыдно и рассказывать; к тому же я боюсь, что словам моим не поверят. Это опасение мое тем более основательно, что я сознаю, как трудно было бы заставить меня самого поверить этому, если бы я не видел этого лично, а только слышал от другого. Но это уже неизбежно: чем более какое-нибудь явление чуждо нравам слушателей, тем менее оно у них может вызвать доверия. Правда, и остальные учреждения утопийцев очень резко разнятся от наших; поэтому тот, кто благоразумно оценивает положение, будет, вероятно, меньше удивляться тому, что употребление золота и серебра приспособлено у них скорее к их собственным, чем к нашим обычаям. Действительно, они сами не пользуются деньгами, а хранят их на упомянутые нужды, которые могут случиться, а могут и никогда не случиться.

Между тем с золотом и серебром, из которых делаются деньги, они обходятся так, что никто не ценит их дороже, чем того заслуживает природа этих металлов. Кто не видит, насколько они ниже железа? Без него действительно люди не могут жить, так же как без огня и воды; между тем золоту и серебру природа не дала никакого применения, без которого нам трудно было бы обойтись, но людская глупость наделила их ценностью из-за редкости. Мало того, природа, как самая нежная мать, все наилучшее, например, воздух, воду и самую землю, поместила открыто, а суетное и не приносящее никакой пользы убрала очень далеко. Поэтому допустим, что утопийцы запрячут эти металлы в какую-нибудь башню; тогда, вследствие глупой изобретательности толпы, князь и сенат навлекут на себя подозрение, что хотят плутовски обмануть народ и сами извлечь отсюда какую-нибудь выгоду. Предположим далее, что они станут искусно чеканить из этих металлов чаши и другие произведения в том же роде, а потом случайно понадобится опять расплавлять их и потратить на жалованье солдатам; тогда, разумеется, можно предвидеть, с каким трудом они позволили бы оторвать у себя то, что однажды начали считать своей утехой.

Для противодействия этому они придумали некое средство, соответствующее остальным их учреждениям, но весьма далекое от нас, которые так высоко ценят золото и так тщательно хранят его. Поэтому подобный образ действия может заслужить доверие только у испытавших его на опыте. Именно, утопийцы едят и пьют в скудельных сосудах из глины и стекла, правда, всегда изящных, но все же дешевых, а из золота и серебра повсюду, не только в общественных дворцах, но и в частных жилищах, они делают ночные горшки и всю подобную посуду для самых грязных надобностей. Сверх того из тех же металлов они вырабатывают цепи и массивные кандалы, которыми сковывают рабов. Наконец, у всех опозоривших себя каким-либо преступлением в ушах висят золотые кольца, золото обвивает пальцы, шею опоясывает золотая цепь, и, наконец, голова окружена золотым обручем. Таким образом, утопийцы всячески стараются о том, чтобы золото и серебро были у них в позоре. В итоге другие народы дают на растерзание эти металлы с не меньшей болью, чем свою утробу, а среди утопийцев, если бы обстоятельства потребовали удаления всех этих зараз, никто, по-видимому, не почувствовал бы от этого для себя ни малейшего лишения.

Кроме того, они собирают на морских берегах жемчуг, а также кое-где по скалам алмазы и карбункулы, но, впрочем,

не ищут их, а обделывают, когда те попадутся случайно. Такими камнями утопийцы украшают малолеток; эти последние в первые годы детства кичатся и гордятся подобными украшениями; но лишь только придут в возраст и заметят, что этими безделушками пользуются одни дети, так, без всякого внушения родителей, сами по чувству стыда оставляют их, совершенно так же, как наши дети, подрастая, бросают орехи, амулеты и куклы. Такое различие порядка утопийцев по сравнению с другими народами создает и различное мировоззрение. Это стало особенно ясно для меня из того, что произошло с анемолийскими послами.

Они приехали в Амаурот при мне, и так как целью их прибытия были важные дела, то их приезду предшествовало собрание трех граждан из каждого города. Но все послы соседних племен, приезжавшие туда раньше, обычно являлись в самой скромной одежде, так как им были известны обычаи утопийцев, у которых не придавалось никакого почета пышному одеянию, шелк служил предметом презрения, а золото было даже позорным. Анемолийцы же жили особенно далеко и имели с утопийцами мало общения. Поэтому послы, узнав, что все утопийцы ходят в одной и той же одежде, и притом грубой, пришли к убеждению, что у утопийцев совсем нет того, чем они пользуются; поэтому анемолийцы, будучи скорее гордыми, чем умными, решили предстать в возможно блестящей обстановке, изображая из себя каких-то богов, и ослепить глаза несчастных утопийцев пышностью своего наряда. Таким образом, вступили три посла со ста спутниками, все в разноцветном одеянии, большинство в шелковом. Сами послы, принадлежавшие на родине к знати, имели златотканые плащи, большие цепи, золотые серьги, вдобавок золотые кольца на руках, и, сверх того, шляпы их были обвешены золотыми ожерельями, блиставшими жемчугом и дорогими камнями. Говоря короче, они были украшены всем тем, что у утопийцев служило или наказанием для рабов, или признаком бесчестья для опозоренных, или безделушками для ребят. Поэтому стоило посмотреть, как анемолийцы петушились, когда сравнили свой наряд с одеянием утопийцев, которые массой высыпали на улицы. С другой стороны, не меньшим удовольствием было видеть, как сильно обманулись они в своих надеждах и ожиданиях и как далеки были они от того уважения, которого рассчитывали достигнуть. Именно, на взгляд всех утопийцев, за исключением весьма немногих, посещавших по какой-либо подходящей причине другие народы, вся эта блестящая обста-

«Утопия»

новка представлялась позорной, и потому, почтительно приветствуя вместо господ всех низкопоставленных, они сочли самих послов по употреблению ими золотых цепей за рабов и пропустили их, не оказав им никакого уважения. Мало того, можно было наблюдать, как дети бросали жемчуг и дорогие камни, когда увидали их прикрепленными на шапках послов, и, толкая мать в бок, обращались к ней с такими словами:

— Вот, мама, какой большой остолоп, а все еще возится с жемчугом и блестящими камушками, как будто мальчишка!

А родительница отвечала также вполне серьезно:

— Молчи, сынок, это, думаю я, кто-нибудь из посольских шутов.

Другие осуждали упомянутые золотые цепи, говоря, что они ни на что не пригодны, так как настолько тонки, что раб может их легко разбить, а с другой стороны, настолько просторны, что, когда ему захочется, он может стряхнуть их и убежать куда угодно, развязанный и свободный.

Но, пробыв день-другой, послы увидели там огромное количество золота и заметили, что оно ценится утопийцами весьма дешево и находится у них в таком же презрении, как у них самих в почете, и что, сверх того, на цепи и оковы одного беглого раба потрачено больше золота и серебра, чем сколько стоила вся пышность их троих. Поэтому у послов опустились крылья, и они со стыдом убрали весь тот наряд, которым так надменно кичились, особенно когда более дружески поговорили с утопийцами и узнали их обычаи и мнения. Именно, у утопийцев вызывает удивление следующее: как может кто-нибудь из смертных восхищаться сомнительным блеском небольшой жемчужинки или самоцветного камушка, раз такому человеку можно созерцать какую-нибудь звезду или, наконец, само солнце; затем может ли кто-нибудь быть настолько безумным, что вообразит себя более благородным из-за нитей более тонкой шерсти, раз эту самую шерсть, из каких бы тонких нитей она ни была, некогда носила овца и все же не была ничем другим, как овцой. Удивительно для утопийцев также и то, как золото, по своей природе столь бесполезное, теперь повсюду на земле ценится так, что сам человек, через которого и на пользу которого оно получило такую стоимость, ценится гораздо дешевле золота; и дело доходит до того, что какой-нибудь медный лоб, у которого ума не больше, чем у пня, и который столько же бесстыден, как и глуп, имеет у себя в рабстве многих умных и хороших людей исключительно по той причине, что ему досталась большая куча золотых

монет; ну, а если судьба или какой-нибудь подвох законов (который нисколько не меньше самой судьбы способен поставить все вверх дном) перенесет эту кучу от упомянутого господина к самому презренному бездельнику из всей его челяди, то в результате, несколько позже, господин переходит в услужение к слуге, как привесок и придаток к деньгам. Но гораздо большее удивление и ненависть вызывает у утопийцев безумие того, кто воздает чуть не божеские почести богачам, которым он ничего не должен и ничем не обязан; он поступает так только из уважения к их богатству и в то же время признает их в высшей степени жадными и скупыми и вернее верного понимает, что при жизни этих богачей из такой огромной кучи денег ему никогда не перепадет ни одного грошика.

Подобные мнения утопийцы отчасти усвоили из воспитания, так как выросли в такой стране, учреждения которой очень далеки от упомянутых нелепостей, а отчасти из учения и литературы. Правда, в каждом городе имеется лишь немного лиц, которые освобождены от прочих трудов и приставлены только к учению,— это именно те, у кого с детства обнаружились прекрасные способности, выдающийся талант и призвание к полезным наукам,— но дети учатся все, и значительная часть народа, мужчины и женщины, проводит в учении те часы, когда, как сказано было раньше [1], они свободны от работ. Учебные предметы они изучают на своем языке. Он не беден словами, не лишен приятности для слуха и превосходит другие более верной передачей мыслей. Этот же язык, только везде в более испорченном виде, в разных местах по-разному, распространен в значительной части того мира.

До нашего прибытия они даже и не слыхивали о всех тех философах, имена которых знамениты в настоящем известном нам мире. И все же в музыке, диалектике, науке счета и измерения они дошли почти до того же самого, как и наши древние (философы). Впрочем, если они во всем почти равняются с нашими древними, то далеко уступают изобретениям новых диалектиков. Именно, они не изобрели хотя бы одного правила из тех остроумных выдумок, которые здесь повсюду изучают дети в так называемой «Малой логике», об ограничениях, расширениях и подстановлениях. Далее, так называемые «вторые интенции» не только не подвергались у утопийцев достаточному обследованию, но никто из них не мог видеть так называемого «самого человека вообще», хотя, как вы

[1] См. стр. 84.

знаете, это существо вполне колоссальное, больше любого гиганта, и мы даже пальцем на него можем показать. Зато утопийцы очень сведущи в течении светил и движении небесных тел. Мало того, они остроумно изобрели приборы различных форм, при помощи которых весьма точно уловляют движение и положение Солнца, Луны, а равно и прочих светил, видимых на их горизонте. Но они даже и во сне не грезят о содружествах и раздорах планет и о всем вздоре гадания по звездам. По некоторым приметам, полученным путем продолжительного опыта, они предсказывают дожди, ветры и прочие изменения погоды. Что же касается причин всего этого, приливов морей, солености их воды и вообще происхождения и природной сущности неба и мира, то они рассуждают об этом точно так же, как наши старые философы; отчасти же, как те расходятся друг с другом, так и утопийцы, приводя новые причины объяснения явлений, спорят друг с другом, не приходя, однако, во всем к согласию.

В том отделе философии, где речь идет о нравственности, их мнения совпадают с нашими: они рассуждают о благах духовных, телесных и внешних, затем о том, присуще ли название блага всем им или только духовным качествам. Они разбирают вопрос о добродетели и удовольствии. Но главным и первенствующим является у них спор о том, в чем именно заключается человеческое счастье, есть ли для него один источник или несколько. Однако в этом вопросе с большей охотой, чем справедливостью, они, по-видимому, склоняются к мнению, защищающему удовольствие; в нем они полагают или исключительный, или преимущественный элемент человеческого счастья. И, что более удивительно, они ищут защиту такого щекотливого положения в религии, которая серьезна, сурова и обычно печальна и строга. Они никогда не разбирают вопроса о счастье, не соединяя некоторых положений, взятых из религии, с философией, прибегающей к доводам разума. Без них исследование вопроса об истинном счастье признается ими слабым и недостаточным. Эти положения следующие: душа бессмертна и по благости божией рождена для счастья; наши добродетели и благодеяния после этой жизни ожидает награда, а позорные поступки — мучения. Хотя это относится к области религии, однако, по их мнению, дойти до верования в это и признания этого можно и путем разума. С устранением же этих положений они без всякого колебания провозглашают, что никто не может быть настолько глуп, чтобы не чувствовать стремления к удовольствию дозволенными и недозволен-

ными средствами; надо остерегаться только того, чтобы меньшее удовольствие не помешало большему, и не добиваться такого, отплатой за которое является страдание. Они считают признаком полнейшего безумия гоняться за суровой и недоступной добродетелью и не только отстранять сладость жизни, но даже добровольно терпеть страдание, от которого нельзя ожидать никакой пользы, да и какая может быть польза, если после смерти ты не добьешься ничего, а настоящую жизнь провел всю без приятности, то есть несчастно. Но счастье, по их мнению, заключается не во всяком удовольствии, а только в честном и благородном. К нему, как к высшему благу, влечет нашу природу сама добродетель, которой одной только противная партия усвояет счастье. Добродетель они определяют как жизнь, согласную с законами природы; к этому мы назначены богом. Надо следовать тому влечению природы, которое повинуется разуму в решении вопроса, к чему надо стремиться и чего избегать. Разум прежде всего зажигает у людей любовь и уважение к величию божию, которому мы обязаны и тем, что существуем, и тем, что можем обладать счастьем. Во-вторых, разум настойчиво внушает нам и самим жить в возможно большем спокойствии и радости, и помогать всем прочим, по природной связи с ними, в достижении того же самого. Не было никогда ни одного столь сурового и строгого приверженца добродетели и ненавистника удовольствия, который бы советовал тебе только труды, бдения и суровость, не предлагая в то же время посильно облегчать нужду и неприятности других и не считая этого похвальным во имя человеколюбия. Нет добродетели, более присущей человеку, и ему особенно свойственно, чтобы один служил на благо и утешение другому, смягчал тягости других и возвращал их, уничтожив печаль, к приятности жизни, то есть к удовольствию. Если это так, то почему природе не внушать каждому делать то же самое и для себя?

Действительно, одно из двух: или приятная жизнь, то есть соединенная с удовольствием, дурна; если это так, ты не только не должен никому помогать в ней, но по мере сил исторгать ее у всех, как вредную и смертоносную; или, если советовать такую жизнь другим как хорошую тебе не только можно, но и должно, то почему этого не применить прежде всего к себе самому?

Тебе приличествует быть не менее благосклонным к себе, чем к другим. Ведь если природа внушает тебе быть добрым к другим, то она не предлагает тебе быть суровым и немило-

сердным к себе самому. Поэтому, по их словам, сама природа предписывает нам приятную жизнь, то есть наслаждение как конечную цель всех наших действий; а добродетель они определяют как жизнь, согласную с предписаниями природы. Она же приглашает смертных к взаимной поддержке для более радостной жизни. И в этом она поступает справедливо: нет никого, стоящего настолько высоко над общим жребием человеческого рода, чтобы пользоваться исключительными заботами природы, которая одинаково благоволит ко всем, объединенным общностью одного и того же облика. Поэтому та же самая природа постоянно предлагает тебе следить за тем, чтобы содействовать своим выгодам постольку, поскольку ты не причиняешь этим невыгод другим.

Следовательно, утопийцы признают необходимым соблюдать не только договоры, заключенные между частными лицами, но и общественные законы о распределении удобств жизни, то есть материала удовольствия, которые, руководясь правилами справедливости, опубликовал добрый государь или утвердил единодушным согласием народ, не угнетенный тиранией и не обманутый коварством. Заботиться о своей выгоде, не нарушая этих законов, есть требование благоразумия, а иметь в виду также и интересы общественные — твой долг. Похищать чужое удовольствие, домогаясь своего, несправедливо. Наоборот, отнять что-нибудь у себя самого, чтобы придать другим, есть исключительная обязанность человеколюбия и благожелательности; эта обязанность никогда не уносит нашей выгоды в такой мере, в какой возвращает ее. Подобная выгода возмещается взаимностью благодеяний, и самое сознание благодеяния и воспоминание о любви и расположении тех, кому ты оказал добро, приносят твоему сознанию больше удовольствия, чем то телесное наслаждение, от которого ты воздержался. Наконец, религия легко убеждает наше сознание, и оно охотно соглашается с этим, что за краткое и небольшое удовольствие бог воздает огромной и никогда не преходящей радостью. На этом основании, тщательно взвесив и обдумав предмет, утопийцы признают, что все наши действия, и в числе их сами добродетели, имеют в виду как конечную цель удовольствие и счастье.

Удовольствием называют они всякое движение и состояние тела и души, пребывая в которых мы получаем наслаждение по указанию природы. Прибавку о природном стремлении утопийцы делают не без основания. Приятным от природы считается все нижеследующее: то, к чему стремятся не путем обиды; то,

ради чего не теряется другое, более приятное; то, что не причиняет страдания; то, чего ищут не только чувства, но и здравый разум. С другой стороны, есть удовольствия, несогласные с природой, которые люди в силу какого-то суетного общего соглашения представляют себе сладкими, как будто бы от человека зависело изменять одинаково предметы и их названия. Но утопийцы признают, что подобные удовольствия нисколько не содействуют счастью. Наоборот, результатом их является то, что, у кого они раз укрепились, у того не остается места для истинных и неподдельных наслаждений, а вся духовная сущность его всецело подчинена ложному пониманию удовольствия. Есть, наконец, очень многое, что по своей природе не заключает никакой сладости и, наоборот, в значительной части содержит даже много горечи, но в силу извращенного соблазна безнравственных желаний считается не только высшим удовольствием, а даже признается главною основою жизни.

К числу подобных поддельных удовольствий утопийцы относят мнение тех людей, про которых я упомянул раньше: [1] чем лучше на них одежда, тем лучшими людьми они себя воображают. В этом одном отношении они ошибаются вдвойне. Не менее лгут они и оттого, что считают свое платье лучшим, чем себя. Действительно, если стать на точку зрения полезности одежды, то почему более тонкая шерсть выше более толстой? Но эти люди все же петушатся и, как будто бы их превосходство имело под собою действительную основу, а не ошибку, считают, что и личная их оценка от этого несколько повышается; вследствие этого, словно с полным правом, они требуют для более изящного платья почета, на который никогда не дерзали бы одетые хуже, и приходят в негодование, если на них не обращают достаточного внимания.

Далее, не является ли признаком того же самого безумия и стремление к суетному и не приносящему никакой пользы почету? Действительно, какое естественное и истинное удовольствие может доставить то обстоятельство, что другое лицо обнажает пред тобою голову или преклоняет колена? Что ж, это излечит страдание твоих колен? Или исцелит безумие твоей головы? На этом же фоне поддельного удовольствия удивительно видеть, с каким наслаждением безумствуют те, кто заносится и гордится в силу мнения о своей знатности, так как этим людям выпало на долю родиться от таких предков, длинный ряд которых считался богатым, особенно земельной собственно-

[1] См. стр. 87 и 97.

стью,— ведь знатность теперь только в этом и заключается. Эта знатность в их глазах ни на волос не уменьшится, хотя бы предки ничего не оставили им из своих богатств или они сами промотали оставленное.

К этому же разряду утопийцы причисляют тех, кто, как я сказал [1], увлекается жемчугом и камушками и считает себя чуть не богом, если ему удалось заполучить какой-нибудь выдающийся экземпляр, особенно такого рода, который в его время и в его среде имеет наибольшую стоимость. Ведь не у всех и не во всякое время ценятся одни и те же породы. Но они приобретают этот экземпляр не иначе, как без золотой оправы и в натуральном виде. Да и тут продавец должен дать клятву и представить залог, что эти жемчуг и камень настоящие. До такой степени эти покупатели озабочены тем, что их зрение будет обмануто фальшивым камнем вместо настоящего. Но почему твоему взгляду искусственный камень доставит меньшее наслаждение, раз твой глаз не различает его от настоящего? Честное слово, оба они должны представлять для тебя такую же ценность, как для слепого. Далее, воспринимают ли настоящее удовольствие и не испытывают ли скорее обман от ложного те, что хранят излишние богатства, нисколько не пользуясь ими, а только наслаждаясь их созерцанием? Или те, что в силу противоположного порока прячут золото, которым никогда не собираются пользоваться и которого, может быть, никогда больше и не увидят? Тревожась, как бы не потерять его, они его теряют на самом деле. Действительно, как иначе назвать твой поступок, если ты отнимаешь у себя лично, а может быть, и у всех людей пользование этим золотом и вручаешь его земле? И вот, запрятав сокровище, ты вполне успокаиваешься и ликуешь от радости. Ну, а допустим, что кто-нибудь украдет это богатство и ты, не зная об этой краже, через десять лет умрешь; в течение десяти лет, которые ты прожил после воровства, какое тебе дело было до того, похищено ли твое золото или цело? И в том и в другом случае тебе от него была одинаковая польза.

К этим столь нелепым наслаждениям утопийцы присоединяют игру в кости (это безумие известно им по слуху, а не по опыту, далее — охоту и птицеловство. Именно, они спрашивают: в чем состоит удовольствие бросать кости на доску? Ты столько раз делал это, что если бы с этим было связано какое-нибудь удовольствие, то от неоднократного повторения могло бы все же возникнуть пресыщение? Или какую приятность, а

[1] См. стр. 96.

не отвращение скорее, можно найти, слушая лай и вой собак? Или почему получается большее ощущение удовольствия, если собака гонится за зайцем, а не собака за собакой? В том и другом случае дело идет об одном и том же: они бегут, если бег тебе доставляет наслаждение. А если тебя привлекает надежда видеть убийство, ожидание, что у тебя на глазах произойдет мучительная травля, то зрелище того, как собака раздерет зайчишку, более сильный — более слабого, свирепый — робкого и трусливого, наконец, жестокий — невинного, должно скорее вызвать сострадание. Поэтому все это занятие охотой, как дело, недостойное свободного человека, утопийцы подкинули мясникам, а мы сказали выше [1], что это искусство у них исполняют рабы. Утопийцы считают, что охота есть самая низменная сторона этого занятия, а остальные его стороны и более практичны, и более благородны, так как они приносят большую пользу и губят животных исключительно по необходимости; между тем охотник ищет в убийстве и травле бедного зверька только удовольствие. По мнению утопийцев, это неудержимое желание смотреть на убийство даже настоящих зверей или возникает в силу природной жестокости, или, при постоянном пользовании таким свирепым удовольствием, окончательно ожесточает человека. В этом и во всех подобных случаях — а их бесчисленное множество — толпа видит удовольствие, а утопийцы, не признавая в природе подобных явлений ничего приятного, решительно считают, что они не имеют ничего общего с истинным, удовольствием. Если эти явления в общем доставляют чувству приятность, что составляет задачу удовольствия, то это отнюдь не вынуждает утопийцев менять свое мнение. Они говорят, что причина этого кроется не в природных свойствах явления, а в извращенной привычке людей: по вине ее они принимают горькое за сладкое, уподобляясь беременным, испорченный вкус которых признает смолу и сало слаще меда. Однако ничье суждение, искаженное или болезнью, или привычкой, не может изменить природных свойств как других вещей, так и удовольствия.

Утопийцы допускают различные виды удовольствий, признаваемых ими за истинные; именно, одни относятся к духу, другие к телу. Духу приписывается понимание и наслаждение, возникающие от созерцания истины. Сюда же присоединяются приятное воспоминание о хорошо прожитой жизни и несомненная надежда на будущее блаженство. Телесные удовольствия разделяются на два вида. Первый — тот, который доставля-

[1] См. стр. 89—90.

ет чувствам явную приятность. Это бывает при восстановлении того, что исчерпала находящаяся внутри нас теплота,— оно достигается пищей и питьем. Другой случай, когда удаляется то, обилие чего переполняет тело: это бывает, когда мы очищаем внутренности испражнениями, совершаем акт деторождения, успокаиваем зуд какого-либо органа трением или почесыванием. Иногда же удовольствие возникает без всякого возмещения того, чего требуют наши члены, и без освобождения их от страданий, но все же при очевидном движении оно щекочет, поражает и привлекает к себе наши чувства какой-то скрытой силой; это, например, доставляет нам музыка.

Другой вид телесного удовольствия заключается, по их мнению, в спокойном и находящемся в полном порядке состоянии тела: это — у каждого его здоровье, не нарушаемое никаким страданием. Действительно, если оно не связано ни с какою болью, то само по себе служит источником наслаждения, хотя бы на него не действовало никакое привлеченное извне удовольствие. Правда, оно не так заметно и дает чувствам меньше, чем ненасытное желание еды и питья; тем не менее многие считают хорошее здоровье за величайшее из удовольствий. Почти все утопийцы признают здоровье большим удовольствием и, так сказать, основой и базисом всего: оно одно может создать спокойные и желательные условия жизни, а при отсутствии его не остается совершенно никакого места для удовольствия. Полное отсутствие боли без наличия здоровья, во всяком случае, называется у них бесчувственностью, а не удовольствием. После оживленного обсуждения вопроса утопийцы давно уже отвергли мнение тех, кто предлагал не считать крепкое и безмятежное здоровье за удовольствие на том основании, что наличие его можно будто бы заметить только при противоположном ощущении. Но теперь почти все они, наоборот, пришли единодушно к тому выводу, что здоровье особенно содействует удовольствию. Они рассуждают так: если с болезнью связано страдание, которое является таким же непримиримым врагом удовольствия, как болезнь — здоровья, то почему удовольствию, в свою очередь, не заключаться в безмятежном здоровье? По их мнению, в этом вопросе нисколько не важно сказать, является ли болезнь страданием или страдание присуще болезни, так как в том и другом случае результат получается один и тот же. Поэтому, если здоровье есть само удовольствие или неизбежно порождает удовольствие, как огонь создает теплоту, то в итоге, в том и другом случае, удовольствие не может отсутствовать у тех, кто обладает крепким здоровьем. Рассуждают они и так

еще: что происходит во время нашей еды, как не борьба здоровья, которое начало колебаться, против голода в союзе с пищей? Пока здоровье в этой борьбе набирается мало-помалу сил, этот успех его доводит до прежней живости то удовольствие, которое так подкрепляет нас. Так неужели же здоровье, которое находит веселье в борьбе, не будет радоваться, достигнув победы? Неужели после счастливого достижения в конце концов прежней силы, к которой исключительно оно стремилось во всей борьбе, оно немедленно оцепенеет, не познает своих благ и не будет ценить их? Кто, спрашивают они, находясь в бодрственном состоянии, не чувствует себя здоровым, если это действительно есть? Неужели кто-нибудь может находиться в таком оцепенении или летаргическом состоянии, что не будет признавать для себя здоровье приятным и усладительным? А что есть услада, как не другое название удовольствия?

Утопийцы особенно ценят духовные удовольствия, их они считают первыми и главенствующими; преимущественная часть их исходит, по их мнению, из упражнения в добродетели и сознания беспорочной жизни. Из удовольствий, доставляемых телом, пальма первенства у них отдается здоровью. Сладкая еда и питье и все, что может доставить подобное наслаждение, по их мнению, конечно, заслуживает стремления, но только ради здоровья. Все это приятно не само по себе, а в той мере, в какой оно противится подкрадывающемуся исподтишка недугу. Мудрец будет скорее избегать болезней, чем выбирать средства против них, будет скорее бороться с страданиями, чем принимать утешения по поводу них. Поэтому лучше будет не нуждаться в физических удовольствиях, чем испытывать наслаждение от них. Если кто испытывает полное удовлетворение от удовольствия такого рода, тот неизбежно должен признать свое полное счастье в том только случае, если ему выпадет на долю жизнь, которую надо проводить в постоянном голоде, жажде, зуде, еде, питье, чесании и натирании; но кто не видит, как подобная жизнь не только безобразна, но и несчастна? Разумеется, эти удовольствия, как наименее чистые,— самые низменные из всех. Они никогда не возникают иначе, как в соединении с противоположными страданиями. Например, с удовольствием от еды связан голод, и притом не вполне равномерно. Именно, страдание является как более сильным, так и более продолжительным: оно и возникает раньше удовольствия, и утоляется только одновременно с отмиранием удовольствия. Так вот подобные удовольствия утопийцы не считают заслуживающими высокой оценки, но признают их только в той мере, в какой это требуется не-

обходимостью. Но все же утопийцы рады и им и с благодарностью признают доброту матери-природы, которая привлекает с самой ласковой приятностью свои творения даже к тому, что приходится делать постоянно в силу необходимости. Действительно, как отвратительна была бы жизнь, если бы, подобно прочим недугам, беспокоящим нас реже, и ежедневные болезни голода и жажды приходилось прогонять ядами и горькими лекарствами?

Утопийцы, любят и ценят красоту, силу, проворство как особые и приятные дары природы. Затем, кроме человека, нет других живых существ, которые благоговеют пред красотой и изяществом мира, получают впечатление от приятного запаха (у зверей это имеет место только применительно к пище) и различают согласие и рознь в звуках и тонах. Поэтому утопийцы признают как приятную приправу жизни и те удовольствия, которые входят к нам через слух, зрение и обоняние и которые природа пожелала закрепить за человеком как его особое преимущество. Во всем этом они держатся такого правила, что меньшее удовольствие не должно мешать большему и вообще порождать когда-нибудь страдание, которое, по их мнению, есть неизбежное следствие удовольствия бесчестного. Но они считают признаком крайнего безумия, излишней жестокости к себе и высшей неблагодарности к природе, если кто презирает дарованную ему красоту, ослабляет силу, превращает свое проворство в леность, истощает свое тело постами, наносит вред здоровью и отвергает прочие ласки природы. Это значит презирать свои обязательства к ней и отказываться от всех ее благодеяний. Исключение может быть в том случае, когда кто-нибудь пренебрегает этими своими преимуществами ради пламенной заботы о других и об обществе, ожидая, взамен этого страдания, большего удовольствия от бога. Иначе совсем глупо терзать себя без пользы для кого-нибудь из-за пустого призрака добродетели или для того, чтобы иметь силу переносить с меньшей тягостью несчастья, которые никогда, может быть, и не произойдут.

Таково их мнение о добродетели и удовольствии. Они верят, что если человеку не внушит чего-нибудь более святого ниспосланная с неба религия, то, с точки зрения человеческого разума, нельзя найти ничего более правдивого. Разбирать, правильна ли эта мысль или нет, нам не позволяет время, да и нет необходимости. Мы приняли на себя задачу рассказать об их уставах, а не защищать их.

Во всяком случае, каковы бы ни были эти постановления, я убежден в том, что нигде нет такого превосходного народа и более счастливого государства. Природа наделила их проворст-

вом и бодростью. Они обладают большей физической силой, чем обещает их рост, в общем все же довольно высокий. И, хотя почва у них не везде плодородна и климат недостаточно здоров, они прекрасно укрепляют себя против превратностей атмосферы умеренностью в пище, а землю успешно врачуют обработкой. В результате ни у одного народа нет более обильных урожаев и приплода скота, люди отличаются значительной жизнеспособностью и подвержены наименьшему количеству болезней. Поэтому там можно видеть, во-первых, тщательное выполнение обычных земледельческих работ, а именно: помощь искусством и трудом земле, не очень-то податливой от природы. Во-вторых, там можно наблюдать зрелище еще более поразительное: лес выкорчевывается руками народа в одном месте, а насаждается в другом. В этом отношении принимается в расчет не плодородие, а удобство перевозки, именно — чтобы дрова были ближе к морю, рекам или к самим городам. Доставка сухим путем хлеба из более отдаленной местности сопряжена с меньшим трудом, чем доставка дров. Это — народ общительный, остроумный, способный, умеющий насладиться покоем, достаточно привычный, в случае надобности, к физическому труду. Впрочем, в других отношениях они не стремительны, а в умственных интересах неутомимы.

Они узнали от нас об античных народах. Что касается латинян, то там, кроме истории и поэзии, не было ничего, что представлялось утопийцам могущим заслужить особое одобрение; но после ознакомления с литературой и наукой греков они с огромным и изумительным усердием приложили старание к тому, чтобы изучить это при нашем объяснении. Поэтому мы начали читать с ними греков, не желая прежде всего подавать учащимся мысль, будто мы отказываемся от такой работы, и не надеясь особенно ни на какой успех от этого. Но стоило нам немного подвинуться вперед, как прилежание утопийцев заставило нас тотчас сообразить, что нам не придется напрасно тратить таковое и с своей стороны. Они начали с большой легкостью воспроизводить формы букв, с большой легкостью произносить слова, с огромной быстротой запоминать их и с замечательной точностью переводить; поэтому успехи утопийцев вызывали у нас положительное удивление. Правда, большинство тех, кто принялся за это изучение не только из добровольных побуждений, но и по приказу сената, принадлежало к числу избраннейших по своим способностям ученых и к людям зрелого возраста. Поэтому менее чем через три года для них не оставалось никаких трудностей с точки зрения языка; классических писателей

они могли читать без всяких затруднений, за исключением искажений в тексте.

Утопийцы усвоили эту литературу тем более легко, что, по моему, по крайней мере, предположению, она им несколько сродни. Именно, я подозреваю, что этот народ ведет происхождение от греков, так как их язык, в остальных отношениях почти напоминающий персидский, в названиях городов и должностных лиц сохраняет некоторые следы греческой речи. Отправляясь в плавание в четвертый раз, я взял с собою на корабль вместо поваров порядочную кипу книг, потому что принял твердое решение лучше не возвращаться никогда, чем скоро. Поэтому у утопийцев имеется от меня значительное количество сочинений Платона, еще больше Аристотеля, равно как книга Феофраста о растениях, но, к сожалению, в очень многих местах неполная. Именно, во время нашего плавания книга эта оставалась без достаточного надзора и попалась обезьяне, которая, резвясь и играя, вырвала здесь и там несколько страниц и растерзала их. Из составителей грамматик у них есть только Ласкарис; Федора я не привозил с собой, а также ни одного словаря, кроме Гесихия и Диоскорида. Они очень любят мелкие произведения Плутарха и восхищаются также изяществом и остроумием Лукиана. Из поэтов у них есть Аристофан, Гомер и Еврипид, затем Софокл, напечатанный мелким шрифтом Альда, из историков Фукидид, Геродот, а также Геродиан. Мало того, мой товарищ Триций Апинат привез с собою также из области медицины некоторые мелкие произведения Гиппократа и так называемое «Малое искусство» Галена. Эти книги у них очень ценятся. Хотя, по сравнению с прочими народами, утопийцы менее всего нуждаются в медицине, однако нигде она не пользуется бóльшим почетом, хотя бы потому, что познание ее ставят наравне с самыми прекрасными и полезными частями философии. Исследуя с помощью этой философии тайны природы, они рассчитывают получить от этого не только удивительное удовольствие, но и войти в большую милость у ее виновника и создателя. По мнению утопийцев, он, по обычаю прочих мастеров, предоставил рассмотрение устройства этого мира созерцанию человека, которого одного только сделал способным для этого, и отсюда усердного и тщательного наблюдателя и поклонника своего творения любит гораздо более, чем того, кто, наподобие неразумного животного, глупо и бесчувственно пренебрег столь величественным и изумительным зрелищем.

Поэтому способности утопийцев, изощренные науками, удивительно восприимчивы к изобретению искусств, содействую-

щих в каком-либо отношении удобствам и благам жизни. Но двумя изобретениями они все же обязаны нам, а именно: книгопечатанием и изготовлением бумаги; но и тут, впрочем, помогли не столько мы, сколько они сами себе. Именно, мы могли только показать им буквы, напечатанные Альдом в бумажных книгах, и скорее толковали кое-что, чем объясняли о материале для изготовления бумаги и об умении оттискивать буквы, так как никто из нас не был достаточно искусен ни в том, ни в другом. Но они тотчас с большим остроумием смекнули, в чем дело; раньше они писали только на коже, коре и папирусе, а теперь тотчас стали делать попытки изготовлять бумагу и оттискивать буквы. Сначала это им не очень удавалось, но после неоднократных и настойчивых попыток они в скором времени постигли то и другое. Успехи их так велики, что, будь у них экземпляры греческих авторов, они не ощущали бы никакого недостатка в книгах. Теперь у них имеется из литературы нисколько не больше того, что упомянуто мною раньше; но эту наличность они распространили уже путем печатных книг во многих тысячах экземпляров.

Утопийцы благосклонно принимают всякого приезжающего посмотреть их страну, особенно если это лицо отличается какими-либо выдающимися талантами или знанием многих земель, полученным в результате продолжительных путешествий; с этой последней точки зрения им был приятен и наш приезд. Они охотно слушают о том, что творится везде на земле. Но ради торговли в Утопию приезжают не очень часто. В самом деле, что ввозить к ним, кроме железа да еще золота и серебра? Но эти два металла каждый предпочел бы вывозить от них. Далее, то, что подлежит экспорту от них, они считают более благоразумным вывозить самим, чем предоставлять это другим. Причиной этого служит их желание приобрести более близкое знакомство с окружающими их другими народами и не забыть опыта и навыка в мореплавании.

О РАБАХ

Утопийцы не считают рабами ни военнопленных, кроме тех, кого они взяли сами в бою с ними, ни детей рабов, ни, наконец, находящихся в рабстве у других народов, кого можно было бы купить. Но они обращают в рабство своего гражданина за позорное деяние или тех, кто у чужих народов был обречен на казнь за совершенное им преступление. Людей этого второго рода гораздо больше, так как многих из них утопийцы добывают

иногда по дешевой цене, а чаще получают их даром. Рабы того и другого рода не только постоянно заняты работой, но и закованы в цепи; обхождение с рабами, происходящими из среды самих утопийцев, более сурово на том основании, что они усугубили свою вину и заслужили худшее наказание, так как прекрасное воспитание отлично подготовило их к добродетели, а они все же не могли удержаться от злодеяния.

Иной род рабов получается тогда, когда какой-либо трудолюбивый и бедный батрак из другого народа предпочитает пойти в рабство к утопийцам добровольно. К таким людям они относятся с уважением и обходятся с ними с не меньшей мягкостью, чем с гражданами, за исключением того, что налагают несколько больше работы, так как те к ней привыкли. Если подобное лицо пожелает уехать, что бывает не часто, то утопийцы не удерживают его против воли и не отпускают с пустыми руками.

Как я сказал [1], утопийцы ухаживают за больными с большим усердием и прилагают решительно все меры, чтобы вернуть им здоровье путем или тщательного лечения, или питания. Даже страдающих неизлечимыми болезнями они утешают постоянным пребыванием около них, разговорами, наконец, оказанием какой только возможно помощи. Но если болезнь не только не поддается врачеванию, но доставляет постоянные мучения и терзания, то священники и власти обращаются к страдальцу с такими уговорами: он не может справиться ни с какими заданиями жизни, неприятен для других, в тягость себе самому и, так сказать, переживает уже свою смерть; поэтому ему надо решиться не затягивать долее своей пагубы и бедствия, а согласиться умереть, если жизнь для него является мукой; далее, в доброй надежде на освобождение от этой горькой жизни, как от тюрьмы и пытки, он должен сам себя изъять из нее или дать с своего согласия исторгнуть себя другим. Поступок его будет благоразумным, так как он собирается прервать смертью не житейские блага, а мучения, а раз он хочет послушаться в этом деле советов священников, то есть толкователей воли божией, то поступок его будет благочестивым и святым. Те, кто даст себя убедить в этом, кончают жизнь добровольно или голодовкой, или, усыпленные, отходят, не ощущая смерти. Но утопийцы не губят никого помимо его желания и нисколько не уменьшают своих услуг по отношению к нему. Умереть в силу подобного рода убеждения считается почетным, а если кто причинит себе смерть, не доказав причины ее священникам и се-

[1] См. стр. 90.

нату, то его не удостоивают ни земли, ни огня, но без погребения позорно бросают в какое-нибудь болото.

Женщина вступает в брак не раньше восемнадцати лет, а мужчина — когда ему исполнится на четыре года больше. Если мужчина или женщина будут до супружества уличены в тайном прелюбодеянии, то оба пола подвергаются тяжкому наказанию и им совершенно запрещается вступление в брак, но князь по своей милости может отпустить им вину. Отец и мать того семейства, в чьем доме был совершен позор, навлекают на себя сильное бесчестие, как небрежно выполнившие лежавшую на них обязанность. Утопийцы подвергают этот проступок столь суровой каре потому, что если не удерживать старательно людей от беспорядочного сожительства, то в их супружеской жизни редко возможно полное единение, а между тем об этом надо заботиться, так как всю жизнь придется проводить с одним человеком и, кроме того, переносить все возникающие отсюда тягости.

Далее, при выборе себе супружеской пары утопийцы серьезно и строго соблюдают нелепейший, как нам показалось, и очень смешной обряд. Именно, пожилая и уважаемая матрона показывает женщину, будь это девица или вдова, жениху голой, и какой-либо почтенный муж ставит, в свою очередь, перед молодицей голого жениха. Мы со смехом высказывали свое неодобрение по поводу этого обычая, считая его нелепым, а утопийцы, наоборот, выражали свое удивление по поводу поразительной глупости всех прочих народов. Именно, при покупке жеребенка, где дело идет о небольшой сумме денег, люди бывают очень осторожны: хотя лошадь и так почти голая, они отказываются покупать ее иначе, как сняв седло и стащив всю сбрую, из опасения, что под этими покровами таится какая-нибудь болячка. Между тем при выборе жены, в результате чего человек получит на всю жизнь удовольствие или отвращение, они поступают очень неосмотрительно: окутав все тело одеждами, они оценивают и соединяют с собою женщину на основании пространства величиною чуть не в ладонь, так как, кроме лица, ничего не видно; этим они подвергают себя большой опасности несчастного сожительства, если впоследствии окажется какой-либо недостаток. Не все настолько благоразумны, что обращают внимание исключительно на характер: даже в браках самих мудрецов к душевным добродетелям придают известную прибавку также и физические преимущества. Во всяком случае, под этими покровами может прятаться самое позорное безобразие, которое способно совершенно отвратить от жены сердце, когда физически от нее отделаться уже нельзя. Если в силу какого-нибудь

несчастного случая это безобразие выпадет на долю после заключения брака, то каждому необходимо нести свой жребий, а чтобы кто не попался в ловушку ранее, от этого надо оградиться законами. Заботиться об этом надлежало тем усерднее, что утопийцы — единственные из обитателей тех стран, которые довольствуются одной женой; брак у них расторгается редко, не иначе как смертью, исключая случаи прелюбодеяния или нестерпимо тяжелого характера. В обоих случаях сенат представляет оскорбленной стороне право переменить супружескую половину, но другая обречена навеки на одновременно позорную и одинокую жизнь. Иначе же они никоим образом не допускают бросать жену против ее воли и без всякой ее вины, а только за то, что у нее появится какой-либо телесный недостаток. Они признают жестоким покидать кого-нибудь тогда, когда он всего более нуждается в утешении; это же, по их мнению, будет служить неопределенной и непрочной опорой для старости, так как она и приносит болезни, и сама является болезнью. Впрочем, иногда бывает так, что если характеры мужа и жены недостаточно подходят друг к другу, а обе стороны находят других, с которыми надеются прожить приятнее, то с обоюдного согласия они расстаются и вступают в новый брак. Но это возможно только с разрешения сената, который не допускает разводов иначе, как по тщательном рассмотрении дела в своем составе и со своими женами. Да и в этом случае дело проходит нелегко, так как утопийцы сознают, что возможность легкой надежды на новый брак отнюдь не содействует укреплению супружеской привязанности.

Оскорбители брачного союза караются тягчайшим рабством, и если обе стороны состояли в супружестве, то понесшие обиду, в случае желания, отвергают половину, уличенную в прелюбодеянии, и сами сочетаются браком между собою или с кем захотят. Но если один из оскорбленных упорствует в любви к своей так дурно поступившей половине, то ему все же не препятствуют оставаться в законном супружестве, если он пожелает последовать за своей половиной, осужденной на рабство. При этом иногда случается, что раскаяние одного и услужливое усердие другого вызывает у князя сострадание, и он возвращает виновному свободу. Но вторичное грехопадение карается уже смертью.

За прочие преступления никакой закон не устанавливает никакого определенного наказания, но за всякий ужасный и злодейский проступок кару назначает сенат. Мужья наставляют на путь жен, родители — детей, если только они не совершат такого преступления, за которое, по правилам общественной

нравственности, требуется публичное наказание. Но обычно все наиболее тяжкие преступления караются игом рабства. По мнению утопийцев, оно является достаточно суровым для преступников и более выгодным для государства, чем спешить убить виновных и немедленно устранить их. Труд этих лиц приносит более пользы, чем их казнь, а, с другой стороны, пример их отпугивает на более продолжительное время других от совершения подобного позорного деяния. Если же и после такого отношения к ним они станут опять бунтовать и противиться, то их закалывают, как неукротимых зверей, которых не может обуздать ни тюрьма, ни цепь. Но для терпеливо сносящих рабство надежда отнюдь не потеряна. Если продолжительное страдание укротит их и они обнаружат раскаяние, свидетельствующее, что преступление тяготит их больше наказания, то иногда власть князя или голосование народа может или смягчить их рабство, или прекратить его. Стремление вовлечь женщину в прелюбодеяние утопийцы считают нисколько не меньшей дерзостью, чем самое прелюбодеяние. Вообще во всяком позорном поступке определенную и решительную попытку они приравнивают к самому деянию. По их мнению, неудача в этом отношении не должна принести никакой пользы тому, по чьей вине она произошла.

Дурачки служат у них предметом забавы; оскорбительное обращение с ними считается весьма позорным, но наряду с этим не запрещается забавляться их глупостью. Именно, утопийцы полагают, что это особенно служит на благо самим дурачкам. Если кто настолько суров и угрюм, что ни одно действие, ни одно слово дурачка не вызывает у него смеха, то такому человеку они никогда не доверяют заботу о нем. Они боятся, что дурачок не встретит достаточно ласкового ухода со стороны того, кому он не только не принесет никакой пользы, но и забавы, а это последнее — его единственное преимущество.

Смеяться над безобразием и уродством они считают позором и поношением, но не для того, кто подвергается осмеянию, а для насмешника: глупо упрекать кого-нибудь как за порок, за то, избежать чего было не в его власти. Не поддерживать естественной красоты служит, по их мнению, признаком косности и вялости, равно как искать ей опору в притираниях есть позорное бесстыдство. Они познают непосредственно на опыте, что никакой красотой наружности жены не могут приобрести расположение мужей в такой мере, как своей нравственностью и почтительностью. Правда, некоторые пленяются одной только красотой, но привязывают мужа лишь добродетель жены и ее повиновение.

Утопийцы не только отвращают людей наказаниями от позора, но и приглашают их к добродетелям, выставляя напоказ их почетные деяния. Поэтому они воздвигают на площади статуи мужам выдающимся и оказавшим важные услуги государству на память об их подвигах. Вместе с тем они хотят, чтобы слава предков служила для потомков, так сказать, шпорами поощрения к добродетели.

Кто путем происков добивается получить какую-либо должность, лишается надежды на достижение всех.

Между собою они живут дружно, так как ни один чиновник не проявляет надменности и не внушает страха. Их называют отцами, и они ведут себя достойно. Должный почет им утопийцы оказывают добровольно, и его не приходится требовать насильно. Даже и сам князь выделяется не одеянием или венцом, а тем, что несет пучок колосьев, равно как отличительным признаком первосвященника служит восковая свеча, которую несут перед ним.

Законов у них очень мало, да для народа с подобными учреждениями и достаточно весьма немногих. Они даже особенно не одобряют другие народы за то, что им представляются недостаточными бесчисленные томы законов и толкователей на них.

Сами утопийцы считают в высшей степени несправедливым связывать каких-нибудь людей такими законами, численность которых превосходит возможность их прочтения или темнота — доступность понимания для всякого. Далее они решительно отвергают всех адвокатов, хитроумно ведущих дела и лукаво толкующих законы. Они признают в порядке вещей, что каждый ведет сам свое дело и передает судье то самое, что собирался рассказать защитнику. В таком случае и околичностей будет меньше, и легче добиться истины, так как говорить будет тот, кого никакой защитник не учил прикрасам, а во время его речи судья может умело все взвесить и оказать помощь более простодушным людям против клеветнических измышлений хитроумцев. У других народов при таком обилии самых запутанных законов это соблюдать трудно, а у утопийцев законоведом является всякий. Ведь, как я сказал, у них законов очень мало, и, кроме того, они признают всякий закон тем более справедливым, чем проще его толкование. По словам утопийцев, все законы издаются только ради того, чтобы напоминать каждому об его обязанностях. Поэтому более тонкое толкование закона вразумляет весьма немногих, ибо немногие могут постигнуть это; между тем более простой и доступный смысл законов открыт для всех. Кроме того, что касается простого народа, который

составляет преобладающее большинство и наиболее нуждается во вразумлении, то для него безразлично — или вовсе не издавать закона, или издавать его в таком изложении, что до смысла его никто не может добраться иначе, как при помощи большого ума и продолжительных рассуждений. Простой народ с его тугой сообразительностью не в силах добраться до таких выводов, да ему и жизни на это не хватит, так как она занята у него добыванием пропитания.

Эти добродетели привлекают к утопийцам внимание их свободных и независимых соседей, многих из которых они давно уже освободили от тирании. И вот эти народы просят себе у них должностных лиц, одни ежегодно, другие на пять лет. По окончании срока иноземцы провожают этих лиц с почетом и похвалою и привозят с собою на родину новых. Разумеется, эти народы выражают подобной мерой прекрасную и тщательную заботливость о пользе своего государства: если и благоденствие и гибель его зависят от характера должностных лиц, то на ком можно с бóльшим благоразумием остановить свой выбор, как не на тех, кого ни за какую плату нельзя отклонить от честного исполнения долга? Этот подкуп бесполезен для утопийцев, так как им предстоит в скором времени вернуться обратно; с другой стороны, гражданам они совершенно чужды и потому не могут дать решения под влиянием дурно направленного лицеприятия или вражды. Как только заведутся в судах эти два бедствия, пристрастие и корыстолюбие, они тотчас нарушают всякую справедливость, этот крепчайший нерв государства. Те народы, которые просят себе у утопийцев должностных лиц, называются у них союзниками, а прочих, кто ими облагодетельствован, они именуют друзьями.

Утопийцы не вступают ни с одним народом в договоры, которые остальные народы столько раз взаимно заключают, нарушают и возобновляют. К чему договор, спрашивают они,— как будто природа не достаточно связует человека с человеком? Неужели можно думать, что тот, кто пренебрежет ею, будет заботиться об исполнении слов? К этому мнению они приходят главным образом потому, что в тех странах договоры и соглашения государей соблюдаются не особенно добросовестно. Вот в Европе, особенно в тех частях ее, где распространена христианская вера и религия, повсюду величие договоров свято и нерушимо. Причиной этого служат, с одной стороны, справедливость и доброта государей, а с другой — уважение и страх перед папами. Они как сами не берут на себя ничего без самого тщательного исполнения, так повелевают всем прочим госу-

дарям всячески держаться своих обещаний, а уклоняющихся побуждают своим пастырским судом и строгостью. Они вполне справедливо признают величайшим позором отсутствие веры в договорах тех людей, которые по преимуществу называются верными.

А в том новом мире, который экватор отделяет от нашего не столько дальним расстоянием, как разницей в жизни и обычаях, нет никакой уверенности в договорах. Чем большими и святейшими церемониями сопровождается заключение каждого из них, тем скорее его нарушают. Именно, легко найти каверзу в словах, которые иногда умышленно диктуют так хитро, что ими нельзя сковать никакие узы, и открывается известная лазейка для одинаковой увертки и от договора и от верности. И вот лица, которые дали государям подобный совет, с похвальбою называют себя виновниками его. А окажись такое лукавство, или скорее обман и коварство, в соглашении частных лиц, то эти же самые лица стали бы весьма высокомерно кричать, что это — святотатство и заслуживает виселицы. Из этого можно сделать двоякий вывод: или вся справедливость представляется только презренной и низменной, сидящей далеко ниже высокого трона царей, или существуют, по крайней мере, две справедливости: одна из них приличествует простому народу, ходящая пешком и ползающая по земле, спутанная отовсюду многими оковами, чтобы она нигде не могла перескочить ограды; другая — добродетель государей; она — величественнее предшествующей, народной, а вместе с тем и значительно свободнее ее, потому ей все позволено, кроме того, что ей не угодно.

Эти нравы тамошних государей, так плохо соблюдающих договоры, служат, по-моему, причиною того, что утопийцы не заключают никаких договоров; но если бы они жили с нами, то, может быть, переменили бы мнение на этот счет. Правда, с точки зрения утопийцев, укоренившаяся привычка заключать договоры в общем противодействует надлежащему выполнению их. Именно, в силу этой привычки, народы, которые отделены один от другого только небольшим холмиком или ручейком, забывают, что их соединяют узы природы, а считают, что родились врагами и недругами друг другу, и законно идут губить одни других, если этому не препятствуют договоры. Мало того, даже после заключения их народы не сливаются в дружбе, а оставляют за собою ту же возможность грабить друг друга, поскольку в условиях договора, при его заключении, не включено решительной оговорки, запрещающей это. Между

тем, по мнению утопийцев, нельзя никого считать врагом, если он не сделал нам никакой обиды; узы природы заменяют договор, и лучше и сильнее взаимно объединять людей расположением, а не договорными соглашениями, сердцем, а не словами.

О ВОЕННОМ ДЕЛЕ

Утопийцы сильно гнушаются войною, как деянием поистине зверским, хотя ни у одной породы зверей она не употребительна столь часто, как у человека; вопреки обычаю почти у всех народов, они ничего не считают в такой степени бесславным, как славу, добытую войной. Не желая, однако, обнаружить, в случае необходимости, свою неспособность к ней, они постоянно упражняются в военных науках. Они никогда не начинают войны зря, а только в тех случаях, когда защищают свои пределы, или прогоняют врагов, вторгшихся в страну их друзей, или сожалеют какой-либо народ, угнетенный тиранией, и своими силами освобождают его от ига тирана и от рабства; это делают они по человеколюбию. Правда, они посылают помощь друзьям не всегда для защиты, но иногда также с целью отплатить и отомстить за причиненные обиды. Но они поступают так только в том случае, если, когда еще все было по-хорошему, к ним обращались за советом, они проверили дело, требовали и не получали удовлетворения. После всего этого они решают напасть на зачинщиков войны. Так поступают они во всех тех случаях, когда враги произвели набег и угнали добычу. Но особенно яростно действуют они тогда, когда их купцы, где бы то ни было, подвергаются, под предлогом справедливости, несправедливому обвинению на основании поддельных законов или злостного подмена настоящих. Именно таково было происхождение той войны, которую незадолго до нашего времени утопийцы вели в защиту нефелогетов против алаополитов. Купцы нефелогетов были обижены алаополитами, которые, по их мнению, стояли на точке зрения права. Но было ли это право или бесправие, во всяком случае, возмездием за него явилась жесточайшая война, во время которой к силам и ненависти той и другой стороны присоединили свою помощь и средства окрестные племена. В результате одни из цветущих народов испытали значительное потрясение, а другие были сильно разорены, и, так как утопийцы боролись не для себя, основанные на зле бедствия алаополитов кончились их рабством и сдачей, в силу чего они перешли во власть нефелогетов. Этот народ, ко-

гда дела алаополитов были в цветущем положении, не мог идти ни в какое сравнение с ними.

С такой жестокостью мстят утопийцы за обиды, даже денежные, причиненные их друзьям. К собственным обидам они менее чувствительны. Если они потерпят в силу обмана имущественный ущерб, но при этом дело обошлось без физического насилия, то до получения удовлетворения они выражают свой гнев только тем, что воздерживаются от сношений с этим народом. Это зависит не от того, что они заботятся о своих гражданах меньше, чем о союзниках, но отобрание у последних денег приводит утопийцев в большее негодование, чем если бы это случилось с ними самими. Дело в том, что купцы их друзей теряют часть своей личной собственности и потому ощущают от урона тяжелую рану; а у граждан Утопии гибнет только часть государственного достояния, и притом такая, которая являлась в своей стране избытком и, так сказать, лишним остатком,— иначе она не подлежала бы вывозу за границу. Таким образом, урон ни для кого не является ощутительным. Поэтому они считают чересчур жестоким мстить смертью многих за убыток, невыгода которого прошла незамеченной для их жизни и ее потребностей. Но если какой их гражданин где бы то ни было получит от обиды увечье или смерть, то, произошло ли это по вине государства или частных лиц, они отправляют послов для расследования дела и успокаиваются только с выдачей виновных, а иначе немедленно объявляют войну. Выданных виновных они карают смертью или рабством.

Победы, соединенные с кровопролитием, вызывают у них не только чувство отвращения, но и стыда. Они приравнивают это к безумию покупать за чрезмерно дорогую цену хотя бы и редкостные товары. Наоборот, победа и подавление врага искусством и хитростью служит для них предметом усиленной похвальбы; они устраивают по этому поводу триумф от имени государства и, как после геройского подвига, воздвигают памятник. Они с гордостью заявляют, что только подобная победа должна быть признана действительно мужественной и доблестной, так как ее не могло таким способом одержать никакое другое животное, кроме человека, а именно — силою таланта. Действительно, физическою силою борются, по их словам, медведи, львы, вепри, волки, собаки и прочие звери; большинство их превосходит нас силой и свирепостью, но, с другой стороны, все они уступают нам в отношении талантливости и разума.

Во время войны утопийцы имеют в виду исключительно одно: добиться осуществления той цели, предварительное дости-

жение которой сделало бы войну излишнею. Если же обстоятельства запрещают это, они требуют для врагов особо сурового возмездия, наводя на них такой ужас, который не даст им дерзнуть на то же самое впоследствии. Эти свои цели и намерения они намечают ясно и стремятся осуществить возможно скорее, но все же на первом плане стоит у них забота о том, чтобы избегнуть опасностей, а не о том, чтобы добиться похвалы и славы. Поэтому сразу по объявлении войны они стараются тайно и одновременно развесить в наиболее заметных местах вражеской страны воззвания, скрепленные своей государственной печатью. Здесь они обещают огромные награды тому, кто погубит вражеского государя; затем меньшие, хотя также очень хорошие награды, назначаются за каждую отдельную голову тех лиц, чьи имена объявлены в тех же воззваниях. Эти лица, с точки зрения утопийцев, стоят на втором месте после государя как виновники раздора с ними. Награда, обещанная убийце, удваивается для того, кто приведет к ним живым кого-нибудь из внесенных в упомянутые списки. Наряду с этим и сами внесенные в списки приглашаются действовать против товарищей, причем им обещаются те же самые награды и вдобавок безнаказанность.

В результате враги утопийцев начинают быстро заподозревать всех прочих людей, не могут ни на кого положиться и не верят друг другу, а пребывают в сильном страхе и ожидании опасностей. Неоднократно известны такие случаи, когда значительную часть внесенных в списки лиц, и прежде всего самого государя, выдавали те, на кого эти лица особенно надеялись. Так легко подарки склоняют людей на любое преступление. А утопийцы не знают никакой меры в обещании этих подарков. Вместе с тем они не забывают, на какой решительный шаг они толкают людей, а потому стараются силу опасности возместить громадностью благодеяний; именно, они обещают не только неизмеримую кучу золота, но и очень доходные имения, которые назначают в полную и постоянную собственность в наиболее безопасных местностях, принадлежащих их друзьям; эти обещания они осуществляют с полнейшей добросовестностью.

Другие народы не одобряют такого обычая торговли с врагом и его покупки, признавая это жестоким поступком, основанным на нравственной низости; утопийцы же вменяют это себе в огромную похвалу, считая подобное окончание сильнейших войн совершенно без всякого сражения делом благоразумия. Вместе с тем они называют такой образ действий и человечным и милосердным. Действительно, смерть немногих виновных искупает жизнь многих невинных, обреченных на смерть в сра-

жении, как из среды самих утопийцев, так и их врагов. Массу простого народа утопийцы жалеют почти не меньше, чем своих граждан. Они знают, что эти люди идут на войну не по своей воле, а гонимые безумием государей.

Если дело не подвигается путем подкупа, то утопийцы начинают разбрасывать и выращивать семена междоусобий, прельщая брата государя или кого-нибудь из вельмож надеждой на захват верховной власти. Если внутренние раздоры утихнут, то они побуждают и натравляют на врагов их соседей, для чего откапывают какую-нибудь старую и спорную договорную статью, которые у королей всегда имеются в изобилии. Из обещанных собственных средств для войны утопийцы деньги дают весьма щедро, а граждан очень экономно; ими тогда они особенно дорожат и вообще настолько ценят друг друга, что никого из своих граждан не согласились бы променять на вражеского государя. Что же касается золота и серебра, то их они тратят без всякого затруднения, так как хранят эти металлы целиком исключительно для подобных надобностей, тем более что и в случае совершенного израсходования этих средств жизнь утопийцев должна протекать с не меньшими удобствами. Вдобавок, кроме богатств, хранящихся дома, у них есть еще неизмеримое сокровище за границей, в силу которого, как я сказал раньше [1], очень многие народы у них в долгу. Таким образом, они посылают на войну солдат, нанятых отовсюду, а особенно из среды заполетов. Этот народ живет на восток от Утопии, на расстоянии пятисот миль, и отличается суровостью, грубостью и свирепостью. Они предпочитают всему непроходимые леса и горы, которые их вскормили. Это — племя дикое, привычное к жаре, холоду и труду, чуждое всякой изнеженности; земледелием они не занимаются, на свои жилища и платье не обращают никакого внимания, а имеют попечение только о скоте. Живут они по большей части охотой и грабежом, рождены исключительно для войны, усердно ищут возможности вести ее, а когда найдут, с жадностью хватаются за это и, выступив в большом числе, за дешевую плату предлагают себя всякому ищущему солдат. В жизни они знают только то искусство, которым добывается смерть. У кого они служат, за того они борются энергично и с неподкупной верностью. Но они не связывают себя никаким определенным сроком, а берутся за дело под тем условием, что на следующий день готовы стать на сторону врагов, если те предложат им большее вознаграждение, через день же могут

[1] См. стр. 94.

вернуться обратно, если их пригласить с надбавкой цены. Редкая война начинается без того, чтобы в войске обеих сторон не было значительной доли заполетов. В силу этого ежедневно бывает, что люди, связанные узами кровного родства, которые, служа по найму на одной и той же стороне, жили в самом тесном дружеском общении, немного спустя разделяются по неприятельским войскам и встречаются как враги и в самом неприязненном настроении; они забывают о происхождении, не помнят о дружбе, а наносят раны друг другу, и к этой взаимной гибели их гонит только та причина, что различные государи наняли их за крохотные деньжонки. Заполеты ведут такой точный счет им, что за прибавку к ежедневной плате одного гроша легко склонны перейти на другую сторону. Таким образом, они быстро впитали в себя алчность, которая, однако, не приносит им никакой пользы. Именно, что они добывают кровью, то немедленно тратят на роскошь, и притом жалкого свойства.

Этот народ сражается на стороне утопийцев против кого угодно, потому что получает за свою работу такую высокую плату, как нигде в другом месте. Именно, утопийцы ищут не только хороших людей на пользу себе, но и этих негодяев, чтобы употребить их на зло. В случае надобности они подстрекают заполетов щедрыми посулами и подвергают их величайшим опасностям, из которых обычно большая часть заполетов никогда не возвращается за обещанным. Но тем, кто уцелеет, утопийцы добросовестно выплачивают, что посулили, желая разжечь их на подобный же риск. Поступая так, утопийцы имеют в виду только гибель возможно большего количества их, так как рассчитывают заслужить большую благодарность человечества в случае избавления вселенной от всего сброда этого отвратительного и нечестивого народа.

После заполетов утопийцы берут войска того народа, в защиту которого поднимают оружие, затем вспомогательные отряды прочих друзей. Напоследок они присоединяют собственных граждан, одного из которых, мужа испытанной доблести, они ставят во главе всего войска. К нему назначаются два заместителя, которые, однако, остаются частными людьми, пока с начальником ничего не произошло. В случае же его плена или гибели его замещает, как по наследству, один из двух упомянутых помощников, а его, глядя по обстоятельствам,— третий. Причиной этого служит опасение, что, ввиду превратности жребиев войны, несчастный случай с полководцем может привести в замешательство все войско. В каждом городе производится набор из числа тех, кто записывается добровольно. Уто-

пийцы не гонят никого на военную службу за границу против его воли, так как убеждены, что если кто робок от природы, то не только сам не совершит каких-либо храбрых подвигов, но внушит еще страх товарищам. Но если война обрушится на их отечество, то подобные трусы, при условии обладания физической силой, распределяются по кораблям вперемежку с лучшими гражданами или расставляются там и сям по стенам, откуда нельзя убежать. Таким образом, стыд перед согражданами, враг под рукою и отсутствие надежды на бегство уничтожают страх, и часто из храбрецов поневоле они обращаются в настоящих.

Повторяю, утопийцы не тянут никого из своей среды против его воли на войну за границу, но, с другой стороны, если какая женщина пожелает пойти с мужем на военную службу, то она не только не встречает препятствия в этом, а, наоборот, поощрение и похвалу; в строю всякую из выступивших ставят рядом с ее мужем, затем каждого окружают его дети, свойственники и родственники. Таким образом, ближайшей и непосредственной поддержкой друг другу служат те, кого сама природа всего сильнее подстрекает приносить помощь друг другу. Огромным позором считается, если один из супругов вернется без другого или сын придет обратно, потеряв отца. Поэтому, если самим утопийцам приходится вступить в рукопашный бой, то, в случае упорного сопротивления врагов, сражение затягивается надолго, ведется с ожесточением и заканчивается полным уничтожением противника. Понятно, что утопийцы всячески стараются избежать необходимости бороться, но, с другой стороны, когда вступить в битву им представляется неминуемым, то их бесстрашие в этом отношении равняется тому благоразумию, с каким ранее, пока была возможность, они уклонялись от боя. Отвага их проявляется не сразу с первым натиском, но они набираются сил и крепнут медленно и мало-помалу доходя до такого упорства, что их можно скорее уничтожить, чем заставить повернуть тыл. Подъем настроения и презрение к поражению создаются у них твердой надеждой на то, что у каждого из них имеется дома все необходимое для пропитания; кроме того, им не надо тревожиться и думать о своем потомстве, а такая забота везде губит порывы благородного мужества. Далее, их уверенность в себе создается осведомленностью в военных науках; наконец, храбрость их усиливается от правильных воззрений, которые внушены им с детства и образованием, и прекрасным государственным строем. В силу этого они не ценят жизнь настолько дешево, чтобы тратить ее зря, но вместе с тем и не до-

рожат ею с таким бесстыдством, чтобы жадно и позорно цепляться за нее, когда долг чести внушает расстаться с ней.

В то время как везде кипит ожесточенная битва, отборные юноши, связанные клятвой и присягой, намечают себе в жертву вражеского вождя. Он подвергается открытому нападению и ловле из засады; его преследуют издали и вблизи; его атакует длинный и непрерывный клин, утомленные борцы которого постоянно заменяются свежими. Если этот вождь не спасется бегством, то дело редко обходится без его гибели или без того, что он живым попадает во власть врагов. Если победа остается на стороне утопийцев, то они отнюдь не продолжают кровопролития; бегущих они охотнее берут в плен, чем убивают. Вместе с тем они никогда не увлекаются преследованием беглецов настолько, чтобы не удержать все же одного отряда под знаменами и в полном боевом порядке. Поэтому если все прочие части их армии терпели поражение и утопийцам удавалось одержать победу только при помощи их последнего отряда, то они позволяли скорее уйти всем врагам, чем себе преследовать беглецов, приведя свои ряды в замешательство. Они припоминают при этом такие случаи из своей практики: вся масса их войск бывала разбита наголову, враги, радуясь победе, преследовали отступавших по всем направлениям, а немногие из утопийских граждан, помещенные в резерве и выжидавшие удобного случая, внезапно нападали врасплох на бродивших вразброд и забывших всякую осторожность неприятелей. Это меняло исход всего сражения; вполне верная и несомненная победа исторгалась из рук, и побежденные, в свою очередь, побеждали победителей.

Что касается военных хитростей, то трудно сказать, в чем тут утопийцы проявляют больше ловкости — в том, чтобы их устроить, или в том, чтобы их избегнуть. Можно подумать, что они готовятся к бегству, когда они об этом менее всего думают; наоборот, когда они принимают такое решение, то можно предположить, что они на это менее всего рассчитывают. Именно, если они замечают свою чрезмерную слабость с точки зрения позиции или численности, то снимаются с лагеря в ночном безмолвии или ускользают при помощи какой-либо военной хитрости; а иногда они медленно отходят днем, но соблюдают при этом такой боевой порядок, что, отступая, представляют не меньшую опасность для нападения, как если бы они наступали. Лагерь они укрепляют весьма тщательно очень глубоким и широким рвом, а удаляемую землю выбрасывают внутрь; для этой работы они не прибегают к помощи наемников; все делается руками самих солдат. Занято этим все войско, за исключением тех, кто

стоит на страже на валу на случай внезапных нападений. В итоге такого усиленного старания со стороны многих большие и требующие много места укрепления заканчиваются утопийцами быстрее всякого вероятия.

Оружие для отражения ударов у них очень крепкое и отлично приспособленное для всякого движения и ношения; поэтому тяжести его они не чувствуют даже и при плавании. Привычка плавать в вооружении принадлежит к числу упражнений, связанных с военной наукой. Дальнобойным оружием служат стрелы, которые они — не только пехотинцы, но и конные — пускают с огромной силой и ловкостью. В рукопашном бою они дерутся не мечами, а топорами, которыми и рубят и колют, причиняя смерть их острием и тяжестью. Военные машины они изобретают очень искусно, а после сооружения тщательно прячут, чтобы не обнаружить их раньше, чем они понадобятся, и через это не сделать их скорее предметом насмешки, чем пользования. При устройстве этих машин прежде всего имеется в виду, чтобы они были легкими для перевозок и удобно поворачивались.

Заключенное с врагами перемирие они соблюдают свято, так что не нарушают его даже и тогда, когда их к тому вызывают. Вражеской страны они не опустошают, посевов не сжигают, а даже, по мере возможности, заботятся, чтобы их не потоптали люди или лошади. Утопийцы полагают, что эти посевы растут на их пользу. Из безоружных они никого не обижают, если это не шпион. Сдавшиеся города они охраняют, но и завоеванные не разграбляют, а убивают противившихся сдаче, прочих же защитников обращают в рабство. Все мирное население они оставляют нетронутым. Если они узнают про кого, что они советовали сдаться, то уделяют им известную часть из имущества осужденных; остальное они дарят союзникам. Из среды самих утопийцев никто не берет никакой добычи.

После окончания войны они налагают расходы не на друзей, на которых потратились, а на побежденных. С этой целью утопийцы требуют от них отчасти денег, которые берегут для подобных же военных случайностей, отчасти же имений немалой ценности, которые удерживают у них за собой навсегда.

Подобные доходы имеют они теперь у многих народов. Возникнув мало-помалу по разным причинам, эти доходы возросли до суммы выше семисот тысяч дукатов ежегодно. Для управления ими утопийцы ежегодно посылают некоторых из своих сограждан с именем квесторов, чтобы они могли жить там великолепно и представлять собою вельмож; но и после этого остается значительная часть денег, которая вносится в казну. Иногда

же утопийцы предпочитают доверить ее тому же народу и так поступают часто до тех пор, пока она им понадобится. Но едва ли бывает когда-либо, чтобы они потребовали все целиком. Часть указанных имений они уделяют тем, кто по их подговору берет на себя упомянутое мною раньше [1] рискованное предприятие. Если кто-либо из государей поднимает оружие против утопийцев и готовится напасть на их страну, они тотчас с большими силами выходят ему навстречу за свои пределы. Они не ведут зря войны на своей территории, и нет никакой побудительной причины, которая бы заставила их допустить на свой остров чужие вспомогательные войска.

О РЕЛИГИЯХ УТОПИЙЦЕВ

Религии утопийцев отличаются своим разнообразием не только на территории всего острова, но и в каждом городе. Одни почитают как бога Солнце, другие — Луну, третьи — одну из планет. Некоторые преклоняются не только как перед богом, но и как перед величайшим богом, перед каким-либо человеком, который некогда отличился своею доблестью или славой. Но гораздо большая, и притом наиболее благоразумная, часть не признает ничего подобного, а верит в некое единое божество, неведомое, вечное, неизмеримое, необъяснимое, превышающее понимание человеческого разума, распространенное во всем этом мире не своею громадою, а силою: его называют они отцом. Ему одному они приписывают начала, возрастания, продвижения, изменения и концы всех вещей; ему же одному, и никому другому, они воздают и божеские почести.

Мало того, и все прочие, несмотря на различие верований, согласны с только что упомянутыми согражданами в признании единого высшего существа, которому они обязаны и созданием вселенной, и провидением. Все вообще называют это существо на родном языке Митрою, но расходятся в том, что этот одинаковый бог у всех принимается по-разному. Однако, по признанию всех, кем бы ни было то, что они считают высшим существом, в итоге это одна и та же природа, божественной силе и величию которой соглашение всех народов усвояет первенство над всем. Впрочем, мало-помалу утопийцы отстают от этих разнообразных суеверий и приходят к единодушному признанию той религии, которая, по-видимому, превосходит остальные разумностью. Нет сомнения, что прочие религии уже давно бы

[1] См. стр. 120—121.

исчезли у них; но если кто задумает переменить религию, а судьба пошлет ему в это время какую-либо неудачу, то страх истолкует ее так, что она произошла не случайно, а послана с неба, именно — будто бы божество, культ которого оставляют, мстит за нечестивое намерение против него.

Но вот утопийцы услышали от нас про имя Христа, про его учение, характер и чудеса, про не менее изумительное упорство стольких мучеников, добровольно пролитая кровь которых привела в их веру на огромном протяжении столько многочисленных народов. Трудно поверить, как легко и охотно они признали такое верование; причиной этому могло быть или тайное внушение божие, или христианство оказалось ближе всего подходящим к той ереси, которая у них является предпочтительной. Правда, по моему мнению, немалую роль играло тут услышанное ими, что Христу нравилась совместная жизнь, подобная существующей у них, и что она сохраняется и до сих пор в наиболее чистых христианских общинах. Но какова бы ни была причина этого, немалое количество их перешло в нашу религию и приняло омовение святой водой.

Между тем из нас шестерых двое скончались, а из четырех оставшихся ни один, к сожалению, не был священником. Поэтому посвященные в прочие таинства утопийцы лишены тех, которые у нас совершают только священники. Однако утопийцы понимают эти таинства и очень сильно желают их. Мало того, они усердно обсуждают между собою вопрос, может ли какой-нибудь избранник из их среды получить сан священника без посылки к ним епископа. И, по-видимому, они склонялись к избранию, но, когда я уезжал, никого еще не выбрали. Даже и те, кто не согласен с христианской религией, все же никого не отпугивают от нее, не нападают ни на одного ее приверженца. Только одно лицо из нашей среды подверглось в моем присутствии наказанию по этому поводу. Это лицо, недавно принявшее крещение, стало, с большим усердием, чем благоразумием, публично рассуждать о поклонении Христу, хотя мы советовали ему не делать этого. При таких беседах он стал увлекаться до того, что не только предпочитал наши святыни прочим, но подвергал беспрестанному осуждению все остальные; громко кричал, что все они — языческие, поклонники их — нечестивцы и святотатцы и должны быть наказаны вечным огнем. Он долгое время рассуждал на эту тему, но был арестован и подвергнут суду и осуждению как виновный не в презрении к религии, а в возбуждении смуты в народе. По осуждении он был приговорен к изгнанию. Именно, среди древнейших зако-

нов утопийцев имеется такой, что никому его религия не ставится в вину.

Действительно, Утоп с самого начала узнал, что до его прибытия туземцы вели между собою постоянную религиозную борьбу; вместе с тем он заметил, что при общем раздоре каждая секта боролась за отечество в розницу, и это обстоятельство дало ему возможность без труда победить всех. Поэтому, одержав победу, он прежде всего узаконил, что каждому позволяется принадлежать к той религии, какая ему нравится, если же он будет пытаться обратить к ней других, то может это устраивать только мирным и кротким путем, силой доказательств; если же он не достигнет этого советами, то не должен отвращать от других верований суровостью; он не должен применять никакого насилия, и ему надо воздерживаться от всяких ругательств. Всякого дерзкого спорщика по этому вопросу они наказывают смертью или рабством.

Утоп провел этот закон не только из уважения к внутреннему миру, который, как он видел, совершенно уничтожается от постоянной борьбы и непримиримой ненависти; нет, мысль законодателя была та, что это постановление необходимо в интересах самой религии. Утоп не рискнул вынести о ней какое-нибудь необдуманное решение. Для него было неясно, не требует ли бог разнообразного и многостороннего поклонения и потому внушает разным людям разные религии. Во всяком случае, законодатель счел нелепостью и наглостью заставить всех признавать то, что ты считаешь истинным. Но, допуская тот случай, что истинна только одна религия, а все остальные суетны, Утоп все же легко предвидел, что сила этой истины в конце концов выплывет и выявится сама собою; но для достижения этого необходимо действовать разумно и кротко. Если же дело дойдет до волнений и борьбы с оружием в руках, то наилучшая и святейшая религия погибнет под пятою суетнейших суеверий, как нивы среди терновника и сорняка, так как все скверные люди отличаются наибольшим упорством. Поэтому Утоп оставил весь этот вопрос нерешенным и предоставил каждому свободу веровать, во что ему угодно. Но он с неумолимой строгостью запретил всякому ронять так низко достоинство человеческой природы, чтобы доходить до признания, что души гибнут вместе с телом и что мир несется зря, без всякого участия провидения. Поэтому, по их верованиям, после настоящей жизни за пороки назначены наказания, а за добродетель — награды. Мыслящего иначе они не признают даже человеком, так как подобная личность приравняла возвышенную

«Утопия»

часть своей души к презренной и низкой плоти зверей. Такого человека они не считают даже гражданином, так как он, если бы его не удерживал страх, не ставил бы ни во что все уставы и обычаи. Действительно, если этот человек не боится ничего, кроме законов, надеется только на одно свое тело, то какое может быть сомнение в том, что он, угождая лишь своим личным страстям, постарается или искусно обойти государственные законы своего отечества, или преступить их силою? Поэтому человеку с таким образом мыслей утопийцы не оказывают никакого уважения, не дают никакой важной должности и вообще никакой службы. Его считают везде за существо бесполезное и низменное. Но его не подвергают никакому наказанию в силу убеждения, что никто не волен над своими чувствами. Вместе с тем утопийцы не заставляют его угрозами скрывать свое настроение; они не допускают притворства и лжи, к которым, как ближе всего граничащим с обманом, питают удивительную ненависть. Но они запрещают ему вести диспуты в пользу своего мнения, правда, только перед народной массой: отдельные же беседы со священниками и серьезными людьми ему не только дозволяются, но даже и поощряются, так как утопийцы уверены в том, что это безумие должно в конце концов уступить доводам разума.

Есть там и другая секта, отнюдь не малочисленная и не встречающая никакого запрета, так как приверженцы ее не считаются людьми дурными и по-своему не совершенно лишены разума. Именно, они держатся совершенно противоположного превратного мнения, будто и души скотов существуют вечно, хотя они все же по достоинству несравнимы с нашими и не рождены для равного счастья. Что же касается душ людей, то почти все утопийцы считают верным и непреложным их неизмеримое блаженство. Поэтому из больных они оплакивают всех, а из покойников никого, кроме тех, кто, по их наблюдению, расстается с жизнью со страхом и против воли. Именно, они считают это очень дурным предзнаменованием и предполагают, что такая душа боится конца, так как безнадежно томится от какого-то тайного предчувствия грядущего наказания. Сверх того, по их мнению, богу отнюдь не будет угоден приход такого человека, который не бежит охотно на зов, а тащится против воли и упираясь. Взирающие на смерть подобного рода приходят в ужас и поэтому выносят усопших с печалью и в молчании и зарывают труп в землю после молитвы милостивому к душам богу, чтобы он по своей благости простил их слабости.

Наоборот, никто не скорбит о всех тех, кто скончался бод-

рым и исполненным доброй надежды. Похороны таких лиц они сопровождают пением, поручают их души богу с большой любовью и в конце концов сожигают их тела скорее с уважением, чем со скорбью, и воздвигают на этом месте столп с вырезанными на нем заслугами умершего. По возвращении домой они разбирают черты его характера и поступки, и ни одна сторона жизни не упоминается так часто и так охотно, как его радостная кончина. Это воспоминание о высоких качествах умершего, по их мнению, служит для живых весьма действенным поощрением к добродетелям; вместе с тем они считают такое уважение весьма приятным и для усопших; они, по предположению утопийцев, присутствуют при разговорах о них, но, по притупленности человеческого зрения, невидимы. Действительно, с уделом блаженства не может быть связано лишение свободы переселяться куда угодно, а с другой стороны, умершие обнаружили бы полную неблагодарность, отказавшись совершенно от желания видеть своих друзей, с которыми их связывала при жизни взаимная любовь и привязанность, а это чувство, — догадываются утопийцы, — подобно прочим благам, скорее увеличивается после смерти, чем уменьшается. Итак, по их верованиям, мертвые пребывают среди живых, наблюдая за их словами и деяниями. Поэтому, как бы опираясь на таких защитников, утопийцы приступают к своим делам с большой смелостью, а вера в присутствие предков удерживает их от тайных бесчестных поступков.

Утопийцы совершенно презирают и высмеивают приметы и прочие гадания, очень уважаемые другими народами, но основанные на пустом суеверии, а преклоняются пред чудесами, происходящими без всякого пособия природы, считая их деяниями, свидетельствующими о присутствии божества. По их словам, подобные чудесные знамения часто бывают и в их стране. Иногда, в важных и сомнительных случаях, утопийцы призывают их общественными молитвами, в твердом уповании на их действие, и достигают этого.

Утопийцы признают, что созерцать природу и затем восхвалять ее — дело святое и угодное богу. С другой стороны, среди них есть лица, и притом немалочисленные, которые, руководясь религией, отвергают науки, не заботятся ни о каком знании, и в то же время не имеют совершенно никакого досуга: они решили заслужить будущее блаженство после смерти только деятельностью и добрыми услугами остальным. Поэтому одни ухаживают за больными, другие ремонтируют дороги, чистят рвы, чинят мосты, копают дерн, песок, камни,

валят деревья и разрубают их, возят на телегах в города дрова, зерно и другое и не только по отношению к государству, но и к частным лицам ведут себя как слуги и усердствуют более рабов. Они охотно и весело берут на себя где бы то ни было всякое дело, неприятное, тяжелое, грязное, от которого большинство уклоняется по его трудности, отвращению к нему и его безнадежности. Другим они доставляют покой, а сами находятся в постоянной работе и трудах и все же не порицают, не клеймят жизни других, но не превозносят и своей. Чем более несут они рабский труд, тем больший почет получают от остальных.

Эта секта имеет две разновидности. Одни — холостяки, которые не только совершенно воздерживаются от услад Венеры, но и от употребления мяса, а иные и от всякой животной пищи; они отвергают, как вредные, удовольствия настоящей жизни, стремясь через бдение и в поте лица только к будущей, и сохраняют все же веселость и бодрость в надежде на ее скорое достижение. Другие при не меньшем стремлении к труду предпочитают брак; они не отрицают утех его и считают, что должны исполнить долг природы в этом отношении и дать отечеству потомство. Они не уклоняются ни от какого удовольствия, если оно не удерживает их от труда. Они любят мясо четвероногих по той причине, что, по их мнению, эта пища делает их более сильными для всякой работы. Этих вторых сектантов утопийцы считают более благоразумными, а первых более чистыми. Если бы сектанты первого рода основывали на доводах разума свое предпочтение безбрачия — браку и жизни суровой — жизни спокойной, то они подверглись бы осмеянию; теперь же за свое признание, что они руководятся тут религией, они встречают уважение и почтение. Утопийцы с особым старанием следят за тем, чтобы не высказать какого-либо опрометчивого суждения о какой-нибудь религии. Таковы те люди, которым они дают на своем языке особое название — бутрески; это слово можно перевести латинским «религиозные».

Священники утопийцев отличаются особым благочестием, и потому их очень немного, именно — не более тринадцати в каждом городе при одинаковом числе храмов, за исключением тех случаев, когда предстоит война. Тогда семь из них отправляются с войском и столько же временно замещают их. Но каждый из вернувшихся получает обратно свое место. Заместители остаются временно в свите первосвященника и заменяют по порядку первых, когда те умирают. Первосвященник стоит во главе остальных. Священников выбирает народ, и притом, подобно прочим чиновникам, тайным голосованием, во

избежание пристрастия. Избранные получают посвящение от своей коллегии. Они заведуют богослужением, исполняют религиозные обряды и являются, так сказать, блюстителями нравов. Большим позором считается, если они вызывают кого к себе по поводу его недостаточно нравственной жизни или делают ему выговор.

Увещание и внушение лежат на обязанности священников, а исправление и наказание преступных принадлежат князю и другим чиновникам. Но священники отлучают от участия в богослужении тех, кого они признают безнадежно испорченными. Ни одного наказания утопийцы не страшатся больше этого. Именно, подвергшиеся ему лица испытывают величайший позор, терзаются тайным религиозным страхом, и даже личность их не остается долго в безопасности. Если они не поспешат доказать священникам свое раскаяние, то подвергаются аресту и несут от сената кару за свое нечестие.

Священники занимаются образованием мальчиков и юношей. Но они столько же заботятся об учении, как и о развитии нравственности и добродетели. Именно, они прилагают огромное усердие к тому, чтобы в еще нежные и гибкие умы мальчиков впитать мысли, добрые и полезные для сохранения государства. Запав в голову мальчиков, эти мысли сопровождают их на всю жизнь и после возмужалости и приносят большую пользу для охраны государственного строя, который распадается только от пороков, возникающих от превратных мыслей.

Священниками могут быть и женщины. Этот пол не исключен, но выбирается реже, и это бывают только вдовы, и притом пожилые. И жены священников принадлежат к самым выдающимся женщинам в стране. Вообще ни одно должностное лицо не пользуется у утопийцев бо́льшим почетом, и даже в случае совершения какого-либо позорного поступка священники не подлежат суду общества, а предоставляются только богу и себе самим. Утопийцы считают греховным касаться смертной рукою такого человека, который, каким бы он ни был злодеем, посвящен богу, как своеобразная священная жертва. Соблюдать этот обычай утопийцам тем легче, что священников очень мало и выбор их производится с особой тщательностью. Да и трудно допустить, что порче и пороку может поддаться наилучший из хороших человек, возвышенный в такой сан из уважения к одной добродетели. А уж если бы это действительно случилось в силу изменчивости человеческой природы, то все же не должно чрезмерно бояться, что священники могут погубить государство, ввиду их незначительного числа и отсут-

ствия у них всякой власти, кроме почета. Столь малое число их установлено у утопийцев именно для того, чтобы от разделения почета между многими не падало достоинство их сословия, которому оказывается теперь такое высокое уважение. Особенно же трудным признают утопийцы найти в большом количестве таких хороших людей, которые соответствовали бы этому сану; для ношения его недостаточно обладать посредственными добродетелями.

Утопийские священники пользуются у чужих народов не меньшим уважением, чем у себя дома. Это легко видно из того, из чего, по моему мнению, это уважение и возникло. Именно, во время решительного боя они не в очень дальнем расстоянии становятся отдельно на колени, одетые в священные облачения; воздев к небу руки, они молятся прежде всего об общем мире, затем о победе для своих, но без кровопролития для той и другой стороны. Когда войска утопийцев начинают брать верх, священники бегут в центр битвы и запрещают свирепствовать против побежденных. Если враги посмотрят на священников и обратятся к ним непосредственно, то этого достаточно для спасения жизни побежденного, а прикосновение его к их развевающимся одеждам защищает даже и его имущество от всякого лишения, связанного с войной. Поэтому все соседние народы питают к ним огромное уважение и так высоко ценят их величие, что священники столь же часто спасали свое войско от врагов, как врагов от своих граждан. Именно, бывали иногда такие случаи, когда войско утопийцев начинало подаваться, положение становилось отчаянным, они готовились даже бежать, а враги устремлялись бить и грабить их, и вот тут вмешательство священников прерывало резню, оба войска размыкались и заключали между собою прочный мир на справедливых условиях. Никогда не было ни одного народа, настолько дикого, жестокого и варварского, который бы не признавал личность утопийских священников неприкосновенной и не подлежащей оскорблениям.

Утопийцы считают праздничными начальный и последний день каждого месяца, а равно и го́да, который делят на месяцы; срок их ограничен обращением Луны, а год определяется круговоротом Солнца. Первые дни каждого месяца они называют на своем языке цинемерными, а последние — трапемерными; эти слова можно перевести: первые праздники и конечные праздники.

Храмы их представляют выдающееся зрелище; они не только построены с большим искусством, но и могут вместить огромное количество народа, что является необходимым

при крайней их малочисленности. Все они, однако, темноваты. По объяснениям утопийцев, это произошло не от невежества в архитектуре, а устроено по совету священников. Именно, по их мнению, неумеренный свет рассеивает мысли, а скудный и, так сказать, сомнительный сосредоточивает религиозное чувство. Религия в Утопии не у всех одинакова, но ее виды, несмотря на свое разнообразие и многочисленность, различными путями как бы сходятся все к одной цели — почитанию божественной природы. Поэтому в храмах не видно и не слышно ничего такого, что не подходило бы ко всем религиям вообще. Священнодействия, присущие всякой секте в отдельности, каждый отправляет в стенах своего дома. Общественные богослужения совершаются таким чином, который ни в чем не противоречит службам отдельных сект.

Поэтому в храме не видно никаких изображений богов, отчего каждый волен представлять себе бога в какой угодно форме, так сказать с точки зрения своей религии. Обращаясь к богу, они не называют его никаким особым именем, кроме Митры; этим наименованием все согласно признают единую природу его божественного величия, какова бы ни была она. Утопийцы не творят никаких молитв, которых каждый не мог бы произнести без оскорбления своей секты.

Итак, в конечные праздники они натощак вечером собираются в храм с тем, чтобы благодарить бога за благополучно проведенный год или месяц, последний день которого составляет этот праздник. На следующий день, то есть в первый праздник, они рано утром стекаются во храм для совместной молитвы о благополучии и счастье в наступающем году или месяце, который они готовятся освятить этим праздником. Но в конечные праздники, до отправления в храм, жены припадают к ногам мужей, дети — родителей, признают свои прегрешения в том, что они или совершили что-нибудь неподобающее, или небрежно относились к своим обязанностям, и молят о прощении своих заблуждений. Таким образом, всякое облачко, омрачавшее домашний раздор, рассеивается от подобного извинения, и они могут участвовать в богослужении с чистым и ясным настроением. Присутствие же там с нечистой совестью считается греховным. Поэтому человек, сознающий за собою ненависть или гнев на кого-нибудь, идет на богослужение, только примирившись и очистившись; иначе он опасается быстрого и тяжкого возмездия.

По приходе в храм мужчины направляются на правую сторону его, а женщины — отдельно, на левую. Затем они раз-

мещаются так, что мужчины каждого дома садятся впереди отца семейства, а вереницу женщин замыкает мать семейства. Это делается в тех видах, чтобы все движения каждого вне дома подлежали наблюдению со стороны тех, чей авторитет и надзор руководит ими дома. Мало того, они старательно следят также за тем, чтобы младшие сидели там повсюду бок о бок со старшими, иначе дети, порученные детям же, будут проводить в детских шалостях то время, когда они должны особенно проникаться религиозным страхом к божеству, а это служит главнейшим и почти единственным поощрением к добродетели.

Утопийцы не закалывают на богослужении никаких животных и не думают, чтобы бог, даровавший в своем милосердии жизнь людям для жизни же, находил удовольствие в крови и убийствах. Они зажигают ладан, равно как и другие благовония, и сверх этого приносят массу восковых свечей. Им отлично известно, что это, равно как и самые молитвы людей, отнюдь не нужно для природы божества, но им нравится подобный безвредный род богопочитания, и они чувствуют, что этот запах, освещение, равно как и прочие обряды, каким-то непонятным образом возвышают людей и пробуждают в них большую бодрость для поклонения богу. Народ в храме одет в белое платье; священник облекается в разноцветное, удивительное по работе и по форме. Материя его не очень дорогая: она не вытканa из золота и не украшена редкостными камушками, но очень умело и с замечательным искусством выделана из птичьих перьев, так что стоимость работы не может сравняться ни с какой материей. К тому же, по словам утопийцев, в перьях и пухе этих птиц и в их определенном расположении, в котором они чередуются на одежде священника, заключается некий таинственный смысл. Истолкование его, которое тщательно передается священнослужителями, должно напоминать о благодеяниях божиих к ним, равно как и об их богобоязненности и о взаимных обязанностях друг к другу.

Когда священник в таком наряде впервые появляется из святилища, все немедленно с благоговением падают ниц на землю. При этом со всех сторон царит самое глубокое молчание, так что самая внешность этого обряда внушает известный страх, как будто от присутствия какого-нибудь божества. Полежав немного на земле, они поднимаются по данному священником знаку. Затем они поют хвалы богу, которые чередуют с игрой на музыкальных инструментах, по большей части другой формы, чем те, которые имеются у нас. Большинство из этих инструментов своею приятностью превосходят употреби-

тельные у нас, их нельзя даже и сравнивать с нашими. Но в одном отношении, без сомнения, утопийцы значительно превосходят нас; вся их музыка, гремит ли она на органах или исполняется голосом человека, весьма удачно изображает и выражает естественные ощущения; звук вполне приспосабливается к содержанию, есть ли это речь молитвы или радость, умилостивление, тревога, печаль, гнев; форма мелодии в совершенстве передает определенный смысл предмета. В результате она изумительным образом волнует, проникает, зажигает сердца слушателей.

Напоследок священник, равно как и народ, торжественно произносит праздничные молитвы. Они составлены так, что читаемое всеми вместе каждый в отдельности может относить к самому себе. В этих молитвах всякий признает бога творцом, правителем и, кроме того, подателем всех прочих благ; воздает ему благодарность за столько полученных благодеяний, а особенно за то, что попал в такое государство, которое является самым счастливым, получил в удел такую религию, которая, как он надеется, есть самая истинная. Если же молящийся заблуждается в этом отношении или если существует что-нибудь лучшее данного государственного строя и религии и бог одобряет это более, то он просит, чтобы по благости божией ему позволено было познать это; он готов следовать, в каком бы направлении бог ни повел его. Если же этот вид государства есть наилучший и избранная им религия — самая приличная, то да пошлет ему бог силу держаться того и другого и да приведет он всех остальных смертных к тем же правилам жизни, к тому же представлению о боге. Правда, может быть, неисповедимая воля находит удовольствие в подобном разнообразии религий. Наконец, утопиец молится, чтобы бог принял его к себе после легкой кончины; конечно, молящийся не дерзает определить, будет ли это скоро или поздно. Правда, насколько это позволительно совместить с величием божиим, для утопийца будет гораздо приятнее перейти к богу после самой тяжелой смерти, чем вести долгую удачную жизнь вдали от него. После произнесения этой молитвы они снова падают ниц на землю и, встав через короткое время, идут обедать, а остаток дня проводят в играх и в занятиях военными науками.

Я описал вам, насколько мог правильно, строй такого общества, какое я, во всяком случае, признаю не только наилучшим, но также и единственным, которое может присвоить себе с полным правом название общества. Именно, в других странах

повсюду говорящие об общественном благополучии заботятся только о своем собственном. Здесь же, где нет никакой частной собственности, они фактически занимаются общественными делами. И здесь и там такой образ действия вполне правилен. Действительно, в других странах каждый знает, что, как бы общество ни процветало, он все равно умрет с голоду, если не позаботится о себе лично. Поэтому в силу необходимости он должен предпочитать собственные интересы интересам народа, то есть других. Здесь же, где все принадлежит всем, наоборот, никто не сомневается в том, что ни один частный человек не будет ни в чем терпеть нужды, стоит только позаботиться о том, чтобы общественные магазины были полны. Тут не существует неравномерного распределения продуктов, нет ни одного нуждающегося, ни одного нищего, и хотя никто ничего не имеет, тем не менее все богаты. Действительно, может ли быть лучшее богатство, как лишенная всяких забот, веселая и спокойная жизнь? Тут не надо тревожиться насчет своего пропитания; не приходится страдать от жалобных требований жены, опасаться бедности для сына, беспокоиться о приданом дочери. Каждый может быть спокоен насчет пропитания и благополучия как своего, так и всех своих: жены, сыновей, внуков, правнуков, праправнуков и всей длинной вереницы своих потомков, исчисление которой принято в знатных родах. Далее, о потерявших работоспособность утопийцы заботятся нисколько не меньше, чем и о тех, кто работает теперь. Хотел бы я, чтобы кто-нибудь посмел сравнить с этим беспристрастием справедливость других народов. Да провалиться мне, если я найду у них какой-нибудь след справедливости и беспристрастия! В самом деле, возьмем какого-нибудь дворянина, золотых дел мастера, ростовщика или кого-нибудь другого подобного. Какая же это будет справедливость, если все эти люди совершенно ничего не делают или дело их такого рода, что не очень нужно государству, а жизнь их протекает среди блеска и роскоши и проводят они ее в праздности или в бесполезных занятиях? Возьмем теперь, с другой стороны, поденщика, ломового извозчика, рабочего, земледельца. Они постоянно заняты усиленным трудом, какой едва могут выдержать животные; вместе с тем труд этот настолько необходим, что ни одно общество не просуществует без него и года, а жизнь этих людей настолько жалка, что по сравнению с ними положение скота представляется более предпочтительным. В самом деле, скот не несет постоянно такого труда, питание его только немного хуже, а для него и приятнее, и наряду с этим у него нет ника-

кого страха за будущее. Что же касается людей, то их угнетает в настоящем бесплодный и безвыгодный труд и убивает мысль о нищенской старости. Поденная плата их слишком мала, чтобы ее хватало на потребности того же дня; нечего и говорить тут, чтобы ежедневно оставался какой-нибудь излишек для сбережения на старость.

Можно ли назвать справедливым и благодарным такое общество, которое столь расточительно одаряет так называемых благородных, золотых дел мастеров и остальных людей этого рода, ничего не делающих, живущих только лестью и изобретающих никчемные удовольствия, а с другой стороны, не выказывает ни малейшей заботы о земледельцах, угольщиках, поденщиках, ломовых извозчиках и рабочих, без которых не было бы вообще никакого общества? Мало того, обременяя их работою в цветущую пору их жизни, оно не вспоминает об их неусыпном старании, забывает о принесенных ими многих и великих благодеяниях, а когда на них обрушатся старость, болезни и тяжкая нужда, с самой черствой неблагодарностью вознаграждает их жалкой смертью. Далее, из поденной платы бедняков богачи ежедневно урывают кое-что не только личными обманами, но также и на основании государственных законов. Таким образом, если раньше представлялось несправедливым отплачивать черной неблагодарностью за усердную службу на пользу общества, то они извратили это так, что сделали справедливостью путем обнародования особых законов.

При неоднократном и внимательном созерцании всех процветающих ныне государств я могу клятвенно утверждать, что они представляются не чем иным, как неким заговором богачей, ратующих под именем и вывеской государства о своих личных выгодах. Они измышляют и изобретают всякие способы и хитрости, во-первых, для того, чтобы удержать без страха потери то, что стяжали разными мошенническими хитростями, а затем для того, чтобы откупить себе за возможно дешевую плату работу и труд всех бедняков и эксплуатировать их, как вьючный скот. Раз богачи постановили от имени государства, значит, также и от имени бедных, соблюдать эти ухищрения, они становятся уже законами. Но и тут, когда эти омерзительные люди, в силу своей ненасытной алчности, поделили в своей среде все то, чего хватило бы на всех, как далеки они все же от благоденствия государства утопийцев! Выведя деньги из употребления, они совершенно уничтожили всякую алчность к ним, а какая масса тягостей пропала при этом! Какой посев преступлений вырван с корнем! Кто не знает, что с исчезновением

денег совершенно отмирают все те преступления, которые подвергаются ежедневной каре, но не обузданию, а именно: обманы, кражи, грабежи, ссоры, восстания, споры, мятежи, убийства, предательства, отравления; вдобавок вместе с деньгами моментально погибнут страх, тревога, заботы, труды, бессоница. Даже сама бедность, которая, по-видимому, одна только нуждается в деньгах, немедленно исчезла бы с совершенным уничтожением денег.

Чтобы это было яснее, вообрази себе какой-нибудь бесплодный и неурожайный год, в который голод унес много тысяч людей. Я решительно утверждаю, что если в конце этого бедствия порастрясти житницы богачей, то там можно было бы найти огромное количество хлеба; и если бы распределить этот запас между теми, кто погиб от недоедания и изнурения, то никто и не заметил бы подобной скупости климата и почвы. Так легко можно было бы добыть пропитание, но вот пресловутые блаженные деньги, прекрасное изобретение, открывающее доступ к пропитанию, одни только и загораживают дорогу к пропитанию. Не сомневаюсь, что богачи тоже чувствуют это; они отлично знают, что лучше быть в таком положении, чтобы ни в чем не нуждаться, чем иметь в изобилии много лишнего; лучше избавиться от многочисленных бедствий, чем быть осажденным большими богатствами. Мне и в голову не приходит сомневаться, что весь мир легко и давно уже принял бы законы утопийского государства как из соображений собственной выгоды, так и в силу авторитета Христа-спасителя, который по своей величайшей мудрости не мог не знать того, что лучше всего, а по своей доброте не мог не посоветовать того, что он знал за самое лучшее. Но этому противится одно чудовище, царь и отец всякой гибели,— гордость. Она меряет благополучие не своими удачами, а чужими неудачами. Она не хотела бы даже стать богиней, если бы не оставалось никаких несчастных, над которыми она могла бы властвовать и издеваться; ей надо, чтобы ее счастье сверкало при сравнении с их бедствиями, ей надо развернуть свои богатства, чтобы терзать и разжигать их недостаток. Эта адская змея пресмыкается в сердцах людей и, как рыба подлинало, задерживает и замедляет избранные ими пути к лучшей жизни.

Так как она слишком глубоко внедрилась в людей, чтобы ее легко можно было вырвать, то я рад, что, по крайней мере, утопийцам выпало на долю государство такого рода, который я с удовольствием пожелал бы для всех. Они последовали в своей жизни именно таким уставам и заложили на них основы государства не только очень удачно, но и навеки, насколько

это может предсказать человеческое предположение. Они истребили у себя с прочими пороками корни честолюбия и раздора, а потому им не грозит никакой опасности, что они будут страдать от внутренних распрей, исключительно от которых погибли многие города с их прекрасно защищенными богатствами. А при полном внутреннем согласии и наличии незыблемых учреждений эту державу нельзя потрясти и поколебать соседним государям, которые под влиянием зависти давно уже и неоднократно покушались на это, но всегда получали отпор.

Когда Рафаил изложил все это, мне сейчас же пришло на ум немало обычаев и законов этого народа, заключающих в себе чрезвычайную нелепость. Таковы не только способ ведения войны, их церковные обряды и религии, а сверх того и другие их учреждения, но особенно то, что является главнейшей основой их устройства, а именно: общность их жизни и питания при полном отсутствии денежного обращения. Это одно совершенно уничтожает всякую знатность, великолепие, блеск, что, по общепринятому мнению, составляет истинную славу и красу государства. Но я знал, что Рафаил утомлен рассказом, и у меня не было достаточной уверенности, может ли он терпеливо выслушать возражения против его мнения, а в особенности я вспоминал, как он порицал некоторых за их напрасное опасение, что их не сочтут достаточно умными, если они не найдут в речах других людей того, за что их можно продернуть. Поэтому, похвалив устройство утопийцев и речь Рафаила, я взял его за руку и повел в дом ужинать. Правда, я сделал оговорку, что у нас будет еще время поглубже подумать об этом предмете и побеседовать с рассказчиком поосновательнее. Хорошо, если бы это когда-нибудь осуществилось! Между тем я не могу согласиться со всем, что рассказал этот человек, во всяком случае, и бесспорно глубоко образованный, и очень опытный в понимании человечества; но, с другой стороны, я охотно признаю, что в утопийской республике имеется очень много такого, чего я более желаю в наших государствах, нежели ожидаю.

Конец послеполуденной беседы, которую вел Рафаил Гитлодей о законах и обычаях острова Утопии, известного доселе немногим, в записи славнейшего и ученейшего мужа г-на Томаса Мора, лондонского гражданина и виконта.

КАМПАНЕЛЛА
ГОРОД СОЛНЦА

ПЕРЕВОД С ЛАТИНСКОГО
Ф. ПЕТРОВСКОГО

СОБЕСЕДНИКИ:

Главный Гостинник и Мореход из Генуи

Гостинник

Поведай мне, пожалуйста, о всех своих приключениях во время последнего плавания.

Мореход

Я уже рассказывал тебе о своем кругосветном путешествии, во время которого попал я в конце концов на Тапробану, где был вынужден сойти на берег. Там, опасаясь туземцев, укрылся я в лесу; когда же я наконец из него выбрался, очутился я на широкой равнине, лежащей как раз на экваторе.

Гостинник

Ну, а там что с тобой приключилось?

Мореход

Я неожиданно столкнулся с большим отрядом вооруженных мужчин и женщин, многие из которых понимали наш язык. Они сейчас же повели меня в Город Солнца.

Гостинник

Скажи мне, как же устроен этот город и какой в нем образ правления?

Мореход

Вид и устройство Города

На обширной равнине возвышается высокий холм, на котором и расположена бóльшая часть города; многочисленные же его окраины выходят далеко за подошву горы, размеры которой таковы, что город имеет в поперечнике свыше двух миль, а окружность его

равна семи. Благодаря тому, что лежит он по горбу холма, площадь его больше, чем если бы он находился на равнине. Разделяется город на семь обширных поясов, или кругов, называющихся по семи планетам. Из одного круга в другой попадают по четырем мощеным улицам сквозь четверо ворот, обращенных на четыре стороны света. И город так, право, выстроен, что если бы взят был приступом первый круг, то для взятия второго понадобилось бы употребить вдвое больше усилий; а для овладения третьим — еще того больше. Итак, чтобы захватить каждый следующий, надо было бы постоянно употреблять вдвое больше усилий и труда. Таким образом, если бы кто задумал взять этот город приступом, ему пришлось бы брать его семь раз. Но, по-моему, невозможно взять и первый круг: настолько широк окружающий его земляной вал и так укреплен он бастионами, башнями, бомбардами и рвами.

Итак, войдя северными воротами (которые окованы железом и так сделаны, что могут легко подыматься и опускаться и накрепко запираться благодаря удивительно ловкому устройству своих выступов, прилаженных для движения в выемках прочных косяков), увидел я ровное пространство шириною в семьдесят шагов между первым и вторым рядом стен. Оттуда можно видеть обширные палаты, соединенные со стеною второго круга так, что они, можно сказать, составляют как бы одно целое здание. На половине высоты этих палат идут сплошные арки, на которых находятся галереи для прогулок и которые поддерживаются снизу прекрасными толстыми столбами, опоясывающими аркады наподобие колоннад или монастырских переходов. Снизу входы в эти здания имеются лишь с внутренней, вогнутой стороны стены; в нижние этажи входят прямо с улицы, а в верхние — по мраморным лестницам, ведущим в подобные же внутренние галереи, а из них — в прекрасные верхние покои с окнами как на внутреннюю, так и на наружную сторону стены и разделенные легкими перегородками. Толщина выпуклой, то есть внешней, стены — восемь пядей, вогнутой — три, а промежуточных — от одной до полутора пядей.

Отсюда можно пройти к следующему проходу между стенами, шага на три у́же первого, с которого видна первая стена следующего круга с подобными же галереями вверху и внизу; а с внутренней стороны идет другая стена, опоясывающая палаты, с такими же выступами и переходами, опирающимися снизу на колонны; вверху же, там, где находятся двери в верхние покои, она расписана великолепною живописью. Таким

образом, по подобным же кругам и через двойные стены, внутри которых находятся палаты с выступающими наружу галереями на колоннах, доходишь до самого последнего круга, идя все время по ровному месту; однако же при проходе сквозь двойные ворота (во внешних и внутренних стенах) приходится подниматься по ступеням, по устроенным так, что подъем почти не заметен: идешь по ним наискось, и высота лестниц поэтому едва ощутима. На вершине горы находится открытая и просторная площадь, посередине которой возвышается храм, воздвигнутый с изумительным искусством.

Гостинник

Продолжай же, продолжай, говори, заклинаю тебя жизнью!

Мореход

Устройство храма на вершине

Храм прекрасен своей совершенно круглою формой. Он не обнесен стенами, а покоится на толстых и соразмерных колоннах. Огромный, с изумительным искусством воздвигнутый купол храма завершается посередине, или в зените, малым куполом с отверстием над самым алтарем. Этот единственный алтарь находится в центре храма и обнесен колоннами. Храм имеет в окружности свыше трехсот пятидесяти шагов. На капители колонн снаружи опираются арки, выступающие приблизительно на восемь шагов и поддерживаемые другим рядом колонн, покоящихся на широком и прочном парапете вышиною в три шага; между ним и первым рядом колонн идут нижние галереи, вымощенные красивыми кампями; а на вогнутой стороне парапета, разделенного частыми и широкими проходами, устроены неподвижные скамьи; да и между внутренними колоннами, поддерживающими самый храм, нет недостатка в прекрасных переносных креслах. На алтаре виден только один большой глобус с изображением всего неба и другой — с изображением земли. Затем на своде главного купола нанесены все звезды неба от первой до шестой величины, и под каждой из них указаны в трех стихах ее название и силы, которыми влияет она на земные явления. Имеются там и полюсы, и большие и малые круги, нанесенные в храме перпендикулярно к горизонту, однако не полностью, так как внизу нет стены; но их можно дополнить по тем кругам, которые нанесены на глобусах алтаря. Пол храма блистает ценными камнями. Семь золотых лампад, име-

нующихся по семи планетам, висят, горя неугасимым огнем. Малый купол над храмом окружают несколько небольших красивых келий, а за открытым проходом над галереями, или арками, между внутренними и внешними колоннами расположено много других просторных келий, где живут до сорока девяти священников и подвижников. Над меньшим куполом возвышается только своего рода флюгер, указывающий направление ветров, которых они насчитывают до тридцати шести. Они знают и какой год предвещают какие ветры, и какие перемены на суше и на море, но лишь в отношении своего климата. Там же, под флюгером, хранится написанный золотыми буквами свиток.

Гостинник

Прошу тебя, доблестный муж, разъясни мне подробно всю их систему управления. Это меня особенно интересует.

Мореход

Образ правления Верховный правитель у них — священник, именующийся на их языке «Солнце», на нашем же мы называли бы его Метафизиком. Он является главою всех и в светском и в духовном, и по всем вопросам и спорам он выносит окончательное решение. При нем состоят три соправителя: Пон, Син и Мор, или по-нашему: Мощь, Мудрость и Любовь.

Ведение правления Мощи В ведении Мощи находится все касающееся войны и мира: военное искусство, верховное командование на войне; но и в этом он не стоит выше Солнца. Он управляет военными должностями, солдатами, ведает снабжением, укреплениями, осадами, военными машинами, мастерскими и мастерами, их обслуживающими.

Ведение правителя Мудрости Ведению Мудрости подлежат свободные искусства, ремесла и всевозможные науки, а также соответственные должностные лица и ученые, равно как и учебные заведения. Число подчиненных ему должностных лиц соответствует числу наук: имеется Астролог, также и Космограф, Геометр, Историограф, Поэт, Логик, Ритор, Грамматик, Медик, Физик, Политик, Моралист. И есть у них всего одна книга, под названием «Мудрость», где удивительно сжато и доступно изложены все науки. Ее читают народу согласно обряду пифагорейцев.

Легкость усвоения наук при помощи картин

По повелению Мудрости во всем городе стены, внутренние и внешние, нижние и верхние, расписаны превосходнейшею живописью, в удивительно стройной последовательности отображающей все науки. На внешних стенах храма и на завесах, ниспадающих, когда священник произносит слово, дабы не терялся его голос, минуя слушателей, изображены все звезды, с обозначением при каждой из них в трех стихах ее сил и движений.

На внутренней стороне стены первого круга изображены все математические фигуры, которых значительно больше, чем открыто их Архимедом и Евклидом. Величина их находится в соответствии с размерами стен, и каждая из них снабжена подходящей объяснительной надписью в одном стихе: есть там и определения, и теоремы, и т. п. На внешнем изгибе стены находится прежде всего крупное изображение всей земли в целом; за ним следуют особые картины всевозможных областей, при которых помещены краткие описания в прозе обычаев, законов, нравов, происхождения и сил их обитателей; также и алфавиты, употребляемые во всех этих областях, начертаны здесь над алфавитом Города Солнца.

На внутренней стороне стены второго круга, или второго ряда строений, можно видеть как изображения, так и настоящие куски драгоценных и простых всякого рода камней, минералов и металлов, с пояснениями при каждом в двух стихах. На внешней стороне изображены моря, реки, озера и источники, существующие на свете; так же как и вина, масла́ и все жидкости; указано их происхождение, качества и свойства; а на выступах стены стоят сосуды, наполненные жидкостями, выдержанными от сотни до трехсот лет, для лечения различных недугов. Там же, с соответствующими стихами, находятся и подлинные изображения града, снега, грозы и всех воздушных явлений.

На внутренней стороне стены третьего круга нарисованы все виды деревьев и трав, а иные из них растут там в горшках на выступах наружной стены строений; они снабжены пояснениями, где какие впервые найдены, каковы их силы и качества и чем сходствуют они с явлениями небесными, среди металлов, в человеческом теле и в области моря; каково их применение в медицине и т. д. На внешней стороне — всевозможные породы рыб речных, озерных и морских, их нравы и особенности, способы размножения, жизни, разведения, какая от них польза миру и нам, равно как и сходства их с предметами небесными и земными, созданными природой или искусствен-

но; так что я был совершенно поражен, увидев рыбу епископа, рыбу цепь, панцирь, гвоздь, звезду, мужской член, в точности соответствующих по своему виду предметам, существующим у нас. Там можно увидеть и морских ежей, и улиток, и устриц и т. д. И все достойное изучения представлено там в изумительных изображениях и снабжено пояснительными надписями.

На внутренней стороне четвертого круга изображены всякие породы птиц, их качества, размеры, нравы, окраска, образ жизни и т. д. И Феникса они считают за действительно существующую птицу. На внешней стороне видны все породы пресмыкающихся: змеи, драконы, черви; и насекомые: мухи, комары, слепни, жуки и т. д., с указанием их особенностей, свойств ядовитости, способов применения и т. д. И их там гораздо больше, чем даже можно себе представить.

На внутренней стороне стены пятого круга находятся высшие земные животные, количество видов которых просто поразительно: мы не знаем и тысячной их части. И такое их множество и таковы их размеры, что изображены они и на внешней стороне круговой стены. Сколько там одних только лошадиных пород, какие все это прекрасные изображения и как толково все это объяснено!

На внутренней стороне стены шестого круга изображены все ремесла с их орудиями и применение их у различных народов. Расположены они сообразно их значению и снабжены пояснениями. Тут же изображены и их изобретатели. На внешней же стороне нарисованы все изобретатели наук, вооружения и законодатели. Видел я там Моисея, Озириса, Юпитера, Меркурия, Ликурга, Помпилия, Пифагора, Замолксия, Солона и многих других; имеется у них и изображение Магомета, которого, однако, они презирают, как вздорного и ничтожного законодателя. Зато на почетнейшем месте увидел я образ Иисуса Христа и двенадцати апостолов, которых они глубоко чтут и превозносят, почитая их за сверхчеловеков. Видел я Цезаря, Александра, Пирра, Ганнибала и других достославных мужей, прославившихся на войне и в мирных делах, главным образом Римлян, изображения которых находятся на нижней части стен, под портиками. Когда же стал я с изумлением спрашивать, откуда известна им наша история, мне объяснили, что они обладают знанием всех языков и постоянно отправляют по свету нарочных разведчиков и послов для ознакомления с обычаями, силами, образом правления и историей отдельных народов и со всем, что есть у них хорошего и дурного, и для донесения затем своей республике; и все это чрезвычайно

их занимает. Узнал я там и то, что Китайцами еще раньше нас изобретены бомбарды и книгопечатание. Для всех этих изображений имеются наставники, а дети без труда и как бы играючи знакомятся со всеми науками наглядным путем до достижения десятилетнего возраста.

Ведение правителя Любви

Ведению Любви подлежит, во-первых, деторождение и наблюдение за тем, чтобы сочетание мужчин и женщин давало наилучшее потомство. И они издеваются над тем, что мы, заботясь усердно об улучшении пород собак и лошадей, пренебрегаем в то же время породой человеческой. В ведении того же правителя находится воспитание новорожденных, врачевание, изготовление лекарств, посевы, жатва и сбор плодов, земледелие, скотоводство, стол и вообще все, относящееся к пище, одежде и половым сношениям. В его распоряжении находится ряд наставников и наставниц, приставленных следить за всеми этими делами.

Метафизик же наблюдает за всем этим при посредстве упомянутых трех правителей, и ничто не совершается без его ведома. Все дела их республики обсуждаются этими четырьмя лицами, и к мнению Метафизика присоединяются во взаимном согласии все остальные.

Гостинник

Но скажи, пожалуйста: все эти их должности, учреждения, обязанности, воспитание, образ жизни,— что это: республика, монархия или аристократия?

Мореход

Возникновение и необходимость наилучшей республики

Народ этот появился из Индии, бежавши оттуда после поражения Монголами и насильниками, разорившими их родную страну, и решил вести философский образ жизни общиной. И хотя общность жен и не установлена среди остального населения, живущего в их области, у них самих она принята на том основании, что у них *все общее*. Распределение всего находится в руках должностных лиц; но так как знания, почести и наслаждения являются общим достоянием, то никто не может ничего себе присвоить.

Они утверждают, что собственность образуется у нас и поддерживается тем, что мы имеем каждый свое отдельное жилище и собственных жен и детей. Отсюда возникает себялюбие, ибо ведь, чтобы добиться для своего сына богатства и

почетного положения и оставить его наследником крупного состояния, каждый из нас или начинает грабить государство, ежели он ничего не боится, будучи богат и знатен, или же становится скрягою, предателем и лицемером, когда недостает ему могущества, состояния и знатности. Но когда мы отрешимся от себялюбия, у нас остается только любовь к общине.

Гостинник

Так ведь никто же не захочет работать, раз будет рассчитывать прожить на счет работы других, в чем Аристотель и опровергает Платона.

Мореход

Я — плохой спорщик, но тем не менее уверяю тебя, что они пылают такой любовью к родине, какую и представить себе трудно; гораздо больше даже, чем Римляне,— которые, как известно по преданиям, добровольно умирали за отечество,— потому что значительно превзошли их в отрешении от собственности. Я, по крайней мере, уверен, что и братья, и монахи, и клирики наши, не соблазняйся они любовью к родным и друзьям, стали бы гораздо святее, меньше были бы привязаны к собственности и дышали бы большею любовью к ближнему.

Гостинник

Это, кажется, говорит святой Августин, но я заключаю, что среди этого рода людей никакого значения не имеет дружба, раз у них нет возможности оказывать друг другу взаимные одолжения.

Мореход

Наоборот, огромное: следует ведь обратить внимание на то, что хотя им и неоткуда делать друг другу никаких подарков,— потому что все, в чем они нуждаются, они получают от общины и должностные лица тщательно следят за тем, чтобы никто не получал больше, чем ему следует, никому, однако, не отказывая в необходимом,— но дружба у них проявляется на войне, во время болезни, при соревновании в науках, когда они помогают друг другу и взаимно делятся знаниями; а то в похвалах, словах, при исполнении обязанностей и во взаимном одолжении необходимого.

Все сверстники называют друг друга братьями; тех, кто старше их на двадцать два года, зовут они отцами, а тех, кто на двадцать два года моложе,— сыновьями. И должностные лица внимательно следят за тем, чтобы никто не нанес другому никакой обиды в этом братстве.

Гостинник

Каким же образом?

Мореход

Об обвинениях У них столько же должностных лиц, сколько мы насчитываем добродетелей: есть должность, называемая Великодушие, есть — именуемая Мужество, затем Целомудрие, Щедрость, Правосудие — уголовное и гражданское, Усердие, Правдолюбие, Благотворительность, Любезность, Веселость, Бодрость, Воздержность и т. д. На каждую из подобных должностей избираются те, кого еще с детства признают в школах наиболее пригодным для ее занятия. Поэтому, так как нельзя среди них встретить ни разбоя, ни коварных убийств, ни насилий, ни кровосмешения, ни блуда, ни прочих преступлений, в которых обвиняем друг друга мы,— они преследуют у себя неблагодарность, злобу, отказ в должном уважении друг к другу, леность, уныние, гневливость, шутовство, ложь, которая для них ненавистнее чумы. И виновные лишаются в наказание либо общей трапезы, либо общения с женщинами, либо других почетных преимуществ на такой срок, какой судья найдет нужным для искупления проступка.

Гостинник

Скажи, а какой у них порядок выбора должностных лиц?

Мореход

Об одежде, воспитании и выборах Этого ты как следует не поймешь, прежде чем не познакомишься с их образом жизни. Прежде всего да будет тебе известно, что мужчины и женщины у них носят почти одинаковую одежду, приспособленную к военному делу, только плащ у женщин ниже колен, а у мужчин доходит только до колен. И все они обучаются всяким наукам совместно. По второму и до третьего года дети обучаются говорить и учат азбуку, гуляя вокруг стен домов; они разделяются на четыре отряда, за которыми наблюдают поставленные во главе их четыре ученых старца. Эти же старцы спустя некоторое время занимаются с ними гимнастикой, бегом, метанием диска и прочими упражнениями и играми, в которых равномерно развиваются все их члены. При этом до седьмого года они ходят всегда босиком и с непокрытой головой. Одновременно с этим водят их в мастерские к сапожникам, пекарям, кузнецам, столярам, живописцам и т. д. для выяснения наклонностей каждого.

На восьмом году, после начального обучения основам математики по рисункам на стенах, направляются они на лекции по всем естественным наукам. Для каждого предмета имеется по четыре лектора; и в течение четырех часов все четыре отряда слушают их по очереди, так что в то время, как одни занимаются телесными упражнениями или исполняют общественные обязанности, другие усердно занимаются на лекциях.

Затем все они приступают к изучению более отвлеченных наук: математики, медицины и других знаний, постоянно и усердно занимаясь обсуждениями и спорами. Впоследствии все получают должности в области тех наук или ремесел, где они преуспели больше всего,— каждый по указанию своего вождя или руководителя. Они отправляются на поля и на пастбища наблюдать и учиться земледелию и скотоводству; и того почитают за достойнейшего, кто изучил больше искусств и ремесел и кто умеет применять их с бо́льшим знанием дела. Поэтому они издеваются над нами за то, что мы называем мастеров неблагородными, а благородными считаем тех, кто не знаком ни с каким мастерством, живет праздно и держит множество слуг для своей праздности и распутства, отчего, как из школы пороков, и выходит на погибель государства столько бездельников и злодеев. Остальных должностных лиц избирают четыре главных правителя: ⊙, Пон, Син и Мор и руководители соответственных наук и ремесел, хорошо знающие, кто наиболее пригоден заведовать тем или иным мастерством и ведать ту или иную добродетель. И никто не выступает сам в качестве соискателя, как это обычно принято, а предлагается на Совете должностными лицами, где каждый на основании своих сведений высказывается за или против избрания определенного лица.

Избрание ⊙

Но никто, однако, не может достичь звания ⊙, кроме того, кто знает историю всех народов, все их обычаи, религиозные обряды, законы, все республики и монархии, законодателей и изобретателей наук и ремесел и строение и историю неба. Также почитается для этого необходимым ознакомиться со всеми ремеслами (ведь всего в какие-нибудь два дня можно постичь одно из них, хотя и не овладевая им практически, но освоившись с ним по его применению и изображениям). Также надо знать и науки физические, и математические, и астрологические. Не так существенно знакомство с языками, так как у них имеется много переводчиков, которыми служат в их республике грамматики. Но преимущественно перед всем необходимо постичь метафизику и богословие; познать корни, основы и доказательства всех искусств и наук; сходства

и различия в вещах; необходимость, судьбу и гармонию мира; мощь, мудрость и любовь в вещах и в боге; разряды сущего и соответствия его с вещами небесными, земными и морскими и с идеальными в боге, насколько это постижимо для смертных, а также изучить пророков и астрологию. Таким образом, уже задолго известно, кто станет ⊙. Но никто, однако, не возводится в это звание ранее достижения тридцатипятилетнего возраста. Должность эта несменяема до тех пор, пока не найдется такого, кто окажется мудрее своего предшественника и способнее его к управлению.

Гостинник

Но разве может кто бы то ни было обладать такою ученостью? Да и не способен, мне кажется, к управлению тот, кто посвятил себя наукам.

Мореход

Возможно ли, чтобы мудрецы способны были к управлению

Это же самое возражал им и я. Они же мне ответили: «Мы, несомненно, лучше знаем, что столь образованный муж будет мудр в деле управления, чем вы, которые ставите главами правительства людей невежественных, считая их пригодными для этого лишь потому, что они либо принадлежат к владетельному роду, либо избраны господствующей партией. А наш ⊙, пусть он даже будет совершенно неопытен в делах управления государством, никогда, однако, не будет ни жестоким, ни преступником, ни тираном именно потому, что он столь мудр. Но, кроме того, да будет вам известно, что твой аргумент имеет силу применительно к вам, раз вы считаете ученейшими тех, кто лучше знает грамматику или логику Аристотеля или другого какого-либо автора. Для такого рода мудрости потребны только рабская память и труд, от чего человек делается косным, ибо занимается изучением не самого предмета, а лишь книжных слов, и унижает душу, изучая мертвые знаки вещей, и не понимает из-за этого ни того, каким образом бог правит сущим, ни нравов и обычаев, существующих в природе и у отдельных народов. Но ничего такого не сможет случиться с нашим ⊙, ибо ведь никто не в состоянии изучить стольких искусств и наук, не обладая исключительными способностями ко всему, а следовательно, в высшей степени и к правлению. Нам также прекрасно известно, что тот, кто занимается лишь одной какой-нибудь наукой, ни ее как следует не знает, ни других. И тот, кто способен только к одной какой-либо науке, почерпнутой из книг, тот невежествен и косен. Но этого не случается с умами

гибкими, восприимчивыми ко всякого рода занятиям и способными от природы к постижению вещей, каковым необходимо и должен быть наш ⊙. Кроме того, как видишь, в нашем городе с такою легкостью усвояются знания, что ученики достигают бóльших успехов за один год, чем у вас за десять или пятнадцать лет. Проверь это, пожалуйста, на наших детях».

Я был совершенно изумлен и справедливостью их рассуждений, и испытанием тех детей, которые хорошо понимали мой родной язык. Дело в том, что каждые трое из них должны знать или наш язык, или арабский, или польский, или какой-либо из прочих языков. И они не признают никакого иного отдыха, кроме того, во время которого приобретают еще больше знаний, для чего и отправляются они в поле — заниматься бегом, метанием стрел и копий, стрелять из аркебузов, охотиться на диких зверей, распознавать травы и камни и т. д. и учиться земледелию и скотоводству в составе то одного, то другого отряда.

Троим же соправителям Солнца полагается изучать лишь те науки, которые относятся к их области управления: с другими, общими для всех, они знакомятся только наглядным путем, свои же знают в совершенстве и, естественно, лучше всякого другого. Так, Мощь в совершенстве знает кавалерийское дело, построение войска, устройство лагеря, изготовление всякого рода оружия, военных машин, военные хитрости и все вообще военное дело. Но, кроме того, эти правители непременно должны быть и философами, и историками, и политиками, и физиками.

Гостинник

Теперь мне бы хотелось, чтобы ты рассказал об их учреждениях — подробно о каждом — и разъяснил получше их общественное воспитание.

Мореход

Общность жизни и занятий и распределение их между женщинами и мужчинами

Дома, спальни, кровати и все прочее необходимое — у них общее. Но через каждые шесть месяцев начальники назначают, кому в каком круге спать и кому в первой спальне, кому во второй: каждая из них обозначается буквами на притолоке. Занятия отвлеченными науками и ремеслами являются у них общими как для мужчин, так и для женщин, с одним только различием — наиболее тяжелые ремесла и загородные работы исполняются мужчинами так: пахота, сев, сбор плодов, молотьба да и сбор винограда. Но для дойки овец и приготовления сыра обычно назначаются женщины; точно так же

они выходят недалеко за черту города собирать травы и работать в садах. А к женскому труду относятся те работы, какие исполняются сидя или стоя: так, например, тканье, пряденье, шитье, стрижка волос и бороды, изготовление лекарств и всякого рода одежды. Однако для столярных и кузнечных работ и изготовления орудий женщины не применяются. Но к занятию живописью они допускаются, если обнаруживают к ней способности. Что же касается музыки, то ею занимаются исключительно женщины, потому что она у них получается приятнее, да дети, однако на трубах и барабанах они не играют. Они же и готовят и накрывают на стол; но прислуживать за столом составляет обязанность мальчиков и девушек до двадцати лет. В каждом круге есть свои кухни, магазины, кладовые для посуды, съестных припасов и напитков. Для наблюдения за исполнением всех обязанностей по этой части приставлены маститый старец со старухой, которые распоряжаются прислуживающими и имеют власть бить или приказывать бить нерадивых и непослушных; и в то же время они замечают и отличают мальчиков и девушек, лучше других исполняющих отдельные обязанности. Вся молодежь прислуживает старшим, кому минуло сорок лет. И вечером, при отходе ко сну, и утром начальник и начальница отправляют одного из молодых людей по очереди прислуживать в каждую отдельную спальню. Друг другу молодые люди прислуживают сами, и горе уклоняющимся!

О принятии пищи Столы ставят у них в два ряда, сиденьями по обеим сторонам; с одной стороны сидят женщины, с другой — мужчины, и, как в монастырских трапезных, не бывает там никакого шума. Во время еды один из юношей с возвышения читает нараспев внятно и звучно по книге, а должностные лица часто беседуют по поводу какого-нибудь примечательного места из прочитанного. И, право, приятно смотреть, как ловко прислуживает им такая красивая молодежь в подпоясанной одежде, и видеть, как столько друзей, братьев, сыновей, отцов и матерей живут вместе в такой степенности, благообразии и любви. Каждому полагается своя салфетка, миска, похлебка и кушанье. На обязанности врачей лежит заказывать поварам еду на каждый день: что́ готовить старикам, что́ молодым и что́ для больных. Должностные лица получают бо́льшие и лучшие порции, и из своих порций они всегда уделяют что-нибудь на стол детям, выказавшим утром больше прилежания на лекциях, в ученых беседах и на военных занятиях. И это считается одной из величайших почестей. А по праздничным дням они любят и петь за столом; поют или в несколько голосов, или кто-нибудь

один под аккомпанемент лютни и т. п. И так как все в равной мере принимают участие в домашнем хозяйстве, то никогда ни в чем не оказывается никакого недостатка. Почтенные пожилые люди наблюдают за кухней и прислуживающими в столовой и тщательно следят за чистотой постелей, посуды, одежды, мастерских и кладовых.

Об одежде Одежду их составляет белая нательная рубаха, а поверх нее платье, являющееся одновременно и камзолом и штанами, сшитое без складок, с разрезами от плеч до голени и от пупа до зада между ляжками. С одной стороны этих разрезов идут петли, а с другой — пуговицы, на которые они застегиваются. Штаны оканчиваются завязками у самых щиколоток; затем носят они высокие гамаши, вроде голенищ, на застежках и поверх них — башмаки. И, наконец, как мы сказали, накидывают они плащ. И так ладно и ловко сидит на них платье, что, когда скидывают они плащ, вся их фигура обрисовывается во всех подробностях. Они меняют одежды четыре раза в год: когда Солнце вступает в знаки Овна, Рака, Весов и Козерога; распределением одежды сообразно с условиями необходимости ведают врачи и хранители одежды отдельных кругов. И удивительно, сколько у них имеется одновременно всякой нужной одежды, плотной или легкой, смотря по времени года. Одежду носят они белого цвета, и стирается она ежемесячно щелоком или мылом.

Нижние помещения заняты мастерскими, кухнями, кладовыми, магазинами, оружейными складами, столовыми и мыльнями. Однако моются они возле колонн галерей, а вода стекает по желобам, ведущим в сточные канавы. На каждой площади отдельных кругов есть свои фонтаны, куда вода подается по трубам из недр горы исключительно действием искусно устроенного крана. У них имеется вода и ключевая и в водоемах, которые наполняются дождевой водой, скопляющейся на крышах и стекающей по акведукам с песком. Часто также моют они свое тело по указанию врача и начальника. Всеми ремеслами занимаются они внизу, под колоннадами, а отвлеченными науками — наверху, на балконах и галереях, где находятся соответствующие картины; а в храме изучаются священные науки. При входах в дома и на зубцах круговых стен имеются солнечные часы с колоколами и флаги, показывающие время и направление ветра.

Гостинник

Расскажи мне о деторождении.

О деторождении и воспитании родителей

Ни одна женщина не может вступать в сношение с мужчиной до девятнадцатилетнего возраста; а мужчины не назначаются к производству потомства раньше двадцати одного года или даже позже, если они имеют слабое телосложение. Правда, иным позволяется и до достижения этого возраста сочетаться с женщинами, но только или с бесплодными, или же с беременными, дабы не довести кого-нибудь до запретных извращений. Пожилые начальники и начальницы заботятся об удовлетворении половых потребностей более похотливых и легко возбуждающихся, узнавая об этом или по тайным их просьбам, или наблюдая их во время занятий в палестре. Однако же разрешение исходит от главного начальника деторождения — опытного врача, подчиненного правителю Любви. Тем же, кого уличат в содомии, делают выговор и заставляют в виде наказания два дня носить привешенные на шею башмаки в знак того, что они извратили естественный порядок, перевернув его вверх ногами. При повторном преступлении наказание увеличивается вплоть до смертной казни. Те же, кто воздерживается от совокупления до двадцати одного года, а тем более до двадцати семи, пользуются особым почетом и воспеваются на общественных собраниях. Когда же все, и мужчины и женщины, на занятиях в палестре, по обычаю древних Спартанцев, обнажаются, то начальники определяют, кто способен и кто вял к совокуплению и какие мужчины и женщины по строению своего тела более подходят друг другу; а затем, и лишь после тщательного омовения, они допускаются к половым сношениям каждую третью ночь. Женщины статные и красивые соединяются только со статными и крепкими мужами; полные же — с худыми, а худые — с полными, дабы они хорошо и с пользою уравновешивали друг друга. Вечером приходят мальчики и стелют им ложа, а затем их ведут спать согласно приказанию начальника и начальницы. К совокуплению приступают, только переварив пищу и помолившись богу небесному. В спальнях стоят прекрасные статуи знаменитых мужей, которые женщины созерцают, и потом, глядя в окна на небо, молят бога о даровании им достойного потомства. Они спят в отдельных комнатах до самого часа совокупления. Тогда встает начальница и отворяет снаружи обе двери. Час этот определяется астрологом и врачом, которые стараются уловить время, когда Венера и Меркурий находятся на восток от Солнца в благоприятном Доме, в хорошем аспекте Юпитера, а равно и

Сатурна и Марса или же вне их аспектов. Особенно это важно для Солнца и Луны, которые всего чаще бывают афетами. Они любят Деву в гороскопе, но тщательно остерегаются того, чтобы в углу не оказалось планет зловредных, потому что они заражают в квадратном и противоположном аспекте все углы, от которых зависит корень жизненной силы в соответствии с гармонией вселенной в целом и в ее частях. Они добиваются не столько сопутствия, сколько хороших аспектов. О сопутствии заботятся они при закладке города и установлении закона, с тем, однако, условием, чтобы при этом не главенствовал ни Марс, ни Сатурн, за исключением лишь случая наилучшего их расположения. Принимают они во внимание и расположение неподвижных звезд.

Они почитают недопустимым, если родители меньше чем за три дня до совокупления запятнали себя семенем и вели себя не безупречно, не примирились с вышним богом и не преданы ему. Что же касается тех, кто имеет сношение с неплодными, или с беременными, или с презренными женщинами для удовольствия, или по необходимости, для здоровья, или по своей страстности, — они этих правил не соблюдают. Лица же должностные, которые все являются в то же время и священниками, а также и ученые-наставники могут быть производителями лишь при соблюдении в течение ряда дней многих условий, ибо от усиленных умственных занятий ослабевают у них жизненные силы, и мозг их не источает мужества, потому что они постоянно о чем-нибудь размышляют, и производят из-за этого худосочное потомство. А этого они всячески стараются избежать, и потому таких ученых сочетают с женщинами живыми, бойкими и красивыми. Людей же резких, быстрых, беспокойных и неистовых — с женщинами полными и кроткого нрава. И они утверждают, что совершенного телосложения, благодаря которому развиваются добродетели, нельзя достичь путем упражнения; что люди порочные по природе работают хорошо только из страха перед законом или перед богом, а не будь этого, они тайком или открыто губят государство. Поэтому все главное внимание должно быть сосредоточено на деторождении, и надо ценить природные качества производителей, а не приданое и обманчивую знатность рода.

Ежели какая-нибудь женщина не понесет от одного мужчины, ее сочетают с другим; если же и тут она окажется неплодною, то переходит в общее пользование, но уже не пользуется почетом, как матрона, ни в Совете по деторождению, ни в храме, ни за столом. Это делается с той целью, чтобы ни одна

не предотвращала сама беременности ради сладострастия. Те же, которые понесут, в течение двух недель не занимаются физической работой. После этого они переходят к спокойным занятиям для укрепления плода и для притока к нему пищи и затем укрепляют себя, переходя мало-помалу к более усиленной работе. Пищу разрешается им употреблять только здоровую, по предписанию врачей. Когда же они родят, то кормят сами и воспитывают новорожденных в особых общих помещениях; грудью кормят они два года и больше, в зависимости от предписания Физика. Вскормленный грудью младенец передается на попечение начальниц, если это девочка, или начальников, ежели это мальчик. И тут вместе с другими детьми они занимаются, играючи, азбукой, рассматривают картины, бегают, гуляют и борются; знакомятся по изображениям с историей и языками. Одевают их в красивые пестрые платья. На восьмом году переходят они к естественным наукам, а потом и к остальным, по усмотрению начальства, и затем к ремеслам. Дети менее способные отправляются в деревню, но некоторые из них, оказавшиеся более успешными, принимаются обратно в город. Но в большинстве случаев, родившись под одним и тем же расположением звезд, сверстники сходствуют и по способностям, и по нраву, и по наружности, отчего проистекает великое согласие в государстве, поддерживаемое неизменной взаимной любовью и помощью друг другу.

О наречении имен

Имена у них даются не случайно, но определяются Метафизиком в соответствии с особенностями каждого, как это было в обычае у древних Римлян. Поэтому один называется «Красивый», другой — «Носатый», тот — «Толстоногий», этот — «Свирепый», иной — «Худой» и т. д. А ежели кто отличится в своем мастерстве или прославится каким-нибудь подвигом на войне или в мирное время, то к имени прибавляется соответствующее прозвище или сообразно мастерству, например: «Прекрасный Великий Живописец», «Золотой», «Отличный», «Проворный»; или же по подвигам, например: «Носатый Храбрец», «Хитрец», «Великий, или Величайший Победитель», а то и по имени побежденного врага, вроде: «Африканский», «Азиатский», «Тосканский»; или если кто победил Манфреда или Тортелия, то и называется: «Худой Манфредий», «Тортелий» и т. д. Даются эти прозвища высшими властями и часто сопровождаются возложением венков, соответственно подвигу, мастерству и т. д. под звуки музыки. Ибо золото и серебро они ценят только как материал для посуды или для общих всем украшений.

Гостинник

Об искоренении зависти и честолюбия

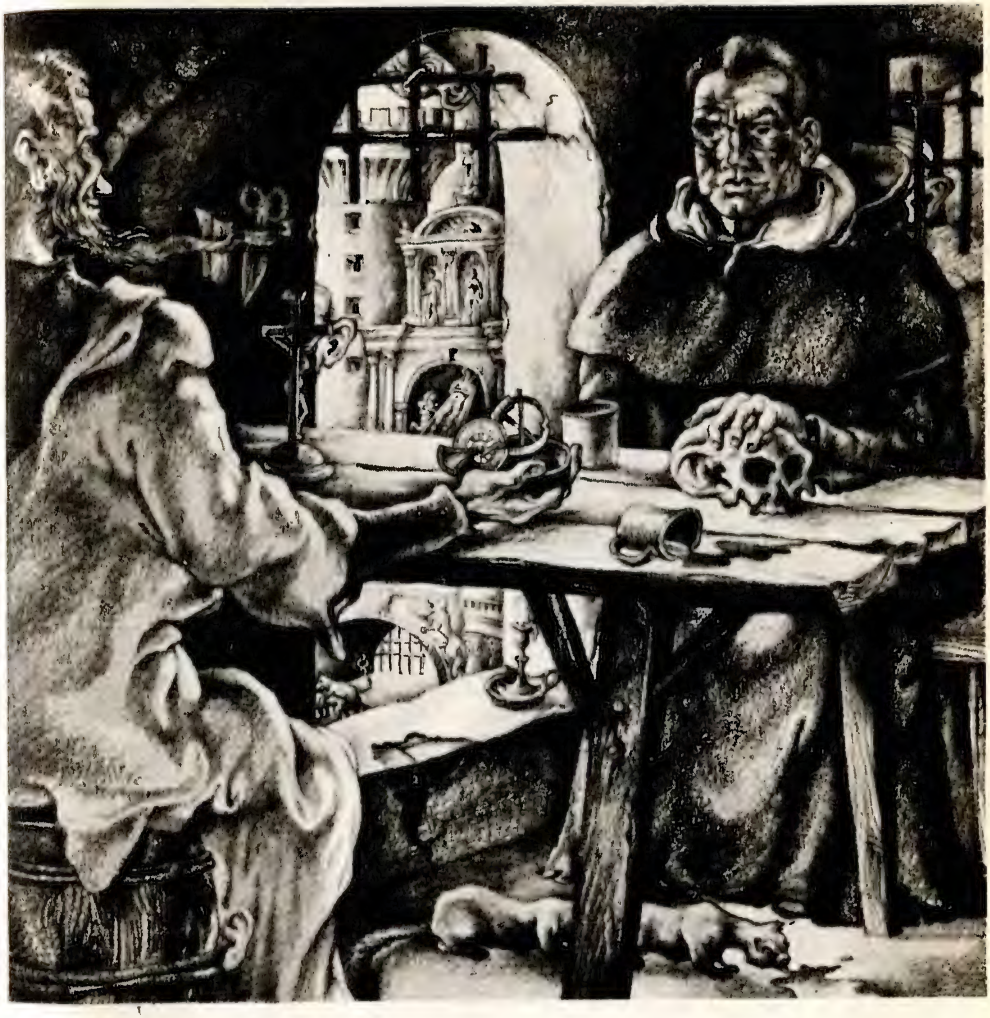
Скажи, пожалуйста, а не бывает ли в их среде зависти или досады у тех, кого не выбрали в начальники или на какую-нибудь другую должность, которой они добивались?

Мореход

Нисколько. Ведь никто из них не терпит никакого недостатка не только в необходимом, но даже и в утехах. На деторождение они смотрят как на религиозное дело, направленное ко благу государства, а не отдельных лиц, при котором необходимо подчиняться властям. И то, что мы считаем для человека естественным иметь собственную жену, дом и детей, дабы знать и воспитывать свое потомство, это они отвергают, говоря, что деторождение служит для сохранения рода, как говорит святой Фома, а не отдельной личности. Итак, производство потомства имеет в виду интересы государства, а интересы частных лиц — лишь постольку, поскольку они являются частями государства; и так как частные лица по большей части и дурно производят потомство, и дурно его воспитывают, на гибель государства, то священная обязанность наблюдения за этим, как за первой основой государственного благосостояния, вверяется заботам должностных лиц, и ручаться за надежность этого может только община, а не частные лица. Поэтому производители и производительницы подбираются наилучшие по своим природным качествам, согласно правилам философии. Платон считает, что этот подбор должен производиться по жребию, дабы те, кому не дают красивых жен, в зависти и гневе не взбунтовались против властей, и полагает, что тех, кто недостоин оплодотворять наиболее красивых, надо властям хитро обманывать при жеребьевке, так, чтобы доставались им всегда подходящие, а не те, коих они сами хотят.

В чем состоит красота женщин

Но Соляриям нет надобности прибегать к такой хитрости, чтобы безобразным мужчинам доставались и женщины безобразные, ибо среди них безобразия не встречается, так как у женщин благодаря их занятиям образуется и здоровый цвет кожи, и тело развивается, и они делаются статными и живыми; а красота почитается у них в стройности, живости и бодрости. Поэтому они подвергли бы смертной казни ту, которая из желания быть красивой начала бы румянить лицо, или стала бы носить обувь на высоких каблуках, чтобы казаться выше ростом, или длиннополое платье, чтобы скрыть свои дубоватые ноги. Но и при всем желании ни одна не



«Город Солнца»

могла бы там этого сделать: кто стал бы все это ей доставать? И они утверждают, что у нас все эти прихоти появились из-за праздности и безделья женщин, отчего портится у них цвет кожи, отчего они бледнеют и теряют гибкость и стройность; и потому приходится им краситься, носить высокие каблуки и добиваться красоты не развитием тела, а ленивой изнеженностью и таким образом вконец разрушать естественное развитие и здоровье не только свое, но и своего потомства.

Кроме того, если кто-нибудь страстно влюбится в женщину, то влюбленные могут и разговаривать, и шутить, и дарить друг другу венки из цветов или листьев, и подносить стихи. Однако, если это может быть опасно для потомства, совокупление им ни в коем случае не разрешается, кроме того случая, что женщина беременна (чего и ждет мужчина) или же она неплодна. Но, впрочем, любовь у них выражается скорее в дружбе, а не в пылком любовном вожделении.

Предметы домашнего обихода и пища их мало занимают, так как всякий получает все, что ему нужно, а представляют для них интерес лишь тогда, когда это выдается в качестве почетной награды. А героям и героиням раздаются от государства на празднествах во время трапезы обычно либо красивые венки, либо вкусные блюда, либо нарядная одежда.

О цвете одежды Хотя днем и в черте города все они носят белую одежду, но ночью и за городом надевают красную — или шерстяную, или шелковую; черный же цвет для них так же отвратителен, как всякая грязь; поэтому они терпеть не могут Японцев за их пристрастие к темному цвету.

Против гордости Самым гнусным пороком считают они гордость, и надменные поступки подвергаются жесточайшему презрению. Благодаря этому никто не считает для себя унизительным прислуживать за столом или на кухне, ходить за больными и т. д.

Польза общего труда Всякую службу называют они учением, говоря при этом, что одинаково почтенно ногам ходить, заду испражняться, а глазам видеть и языку говорить; ведь по необходимости и глаза выделяют слезы, а язык — слюни, подобно испражнениям. Поэтому каждый, на какую бы службу ни был он назначен, исполняет ее как самую почетную. Рабов, развращающих нравы, у них нет: они в полной мере обслуживают себя сами, и даже с избытком. Но у нас, увы, не так; в Неаполе семьдесят тысяч душ населения, а трудятся из них всего какие-нибудь десять или пятнадцать тысяч, истощаясь и погибая от непосильной и непрерывной работы изо дня в день. Да и остальные,

пребывающие в праздности, пропадают от безделья, скупости, телесных недугов, распутства, ростовщичества и т. д. и множество народа портят и развращают, держа его у себя в кабале, под гнетом нищеты, низкопоклонства и делая соучастниками собственных пороков, чем наносится ущерб общественным повинностям и отправлению полезных обязанностей. Обработкой полей, военной службой, искусствами и ремеслами занимаются кое-как и только немногие и с величайшим отвращением.

Но в Городе Солнца, где обязанности, художества, труды и работы распределяются между всеми, каждому приходится работать не больше четырех часов в день; остальное время проводится в приятных занятиях науками, собеседовании, чтении, рассказах, письме, прогулках, развитии умственных и телесных способностей, и все это делается радостно. Не разрешается лишь играть в кости, камешки, шахматы и другие сидячие игры, а играют там в мяч, в лапту, в обруч, борются, стреляют в цель из лука, аркебузов, метают копья и т. д.

Они утверждают, что крайняя нищета делает людей негодяями, хитрыми, лукавыми, ворами, коварными, отверженными, лжецами, лжесвидетелями и т. д., а богатство — надменными, гордыми, невеждами, изменниками, рассуждающими о том, чего они не знают, обманщиками, хвастунами, черствыми, обидчиками и т. д. Тогда как община делает всех одновременно и богатыми, и вместе с тем бедными: богатыми — потому что у них есть все, бедными — потому что у них нет никакой собственности; и поэтому не они служат вещам, а вещи служат им. И поэтому они всячески восхваляют благочестивых христиан и особенно превозносят апостолов.

Гостинник

Рассуждение об общности жен

Все это, по-моему, и прекрасно и свято, но вот общность женщин — это вопрос трудный. Святой Климент Римский, правда, говорит, что и жены, согласно апостольским правилам, должны быть общими, и одобряет Платона и Сократа, которые учат так же, но Глосса понимает эту общность жен в отношении их общего всем услужения, а не общего ложа. И Тертуллиан единомыслен с Глоссою, говоря, что у первых христиан все было общим, за исключением жен, которые, однако, были общими в деле услужения.

Мореход

Сам-то я плохо это знаю. Но я наблюдал, что у Соляриев жены общи и в деле услужения, и в отношении ложа, однако же

не всегда и не как у животных, покрывающих первую попавшуюся самку, а лишь ради производства потомства в должном порядке, как я уже говорил. Думаю, однако, что в этом они, может быть, и ошибаются. Но сами-то они приводят в подтверждение себе мнение Сократа, Катона, Платона и святого Климента, хотя, как ты говоришь, и неправильно понятого. Говорят, что святой Августин весьма одобрял общину, но не общность супружеского ложа, так как это ересь Николаитов. А наша церковь частную собственность допустила не для достижения большего блага, а во избежание большего зла. Возможно, однако, что когда-нибудь этот обычай у них бы и вывелся, ибо в подчиненных им городах общим является только имущество, а никак не жены, разделяющие лишь общее услужение и занятия мастерствами. Однако Солярии приписывают подобный порядок несовершенству других людей из-за малой осведомленности в философии. Тем не менее они посылают узнавать обычаи других народов и всегда усвояют себе лучшие из них. А благодаря навыку женщины приучаются и к военным и прочим занятиям. Итак, на основании собственных моих наблюдений над ними, я соглашаюсь с Платоном, а доводы Кайеты, и уж особенно Аристотеля, для меня неубедительны.

Но вот что у них превосходно и достойно подражания: никакой телесный недостаток не принуждает их к праздности, за исключением преклонного возраста, когда, впрочем, привлекаются они к совещаниям: хромые несут сторожевую службу, так как обладают зрением; слепые чешут руками шерсть, щиплют пух для тюфяков и подушек; те, кто лишен и глаз и рук, служат государству своим слухом, голосом и т. д. Наконец, ежели кто-нибудь владеет всего одним каким-либо членом, то он работает с помощью его в деревне, получает хорошее содержание и служит соглядатаем, донося государству обо всем, что услышит.

Гостинник

О военном деле

Расскажи теперь, пожалуйста, о военном деле, а потом об искусствах и ремеслах и об их религии.

Мореход

Правителю Мощи подчинены: начальник военного снаряжения, начальники артиллерии, конницы и пехоты, военные инженеры, стратеги и т. д., имеющие, в свою очередь, много подчиненных им начальников и военных мастеров. Кроме того, ведает он атлетами, обучающими всех воинским упражнениям и

которые, будучи зрелого возраста, являются опытными руководителями и учат обращаться с оружием мальчиков, достигших двенадцатилетнего возраста и уже до этого приучившихся к борьбе, бегу, метанию камней и т. д. под руководством низших наставников; теперь же начинают они обучаться битве с врагами, конями и слонами, владеть мечом, копьем, стрелами и пращой, ездить верхом, нападать, отступать, сохранять военный строй, помогать соратникам, предупреждать нападение врагов и побеждать их. Женщины также обучаются всем этим приемам под руководством собственных начальников и начальниц, дабы при надобности помогать мужчинам при обороне города и охранять его стены при неожиданном нападении и приступе, по примеру восхваляемых ими Спартанок и Амазонок.

Благодаря этому они отлично умеют стрелять из аркебузов, отливать свинцовые пули, бросать камни с бойниц, отражать нападение и отучаться от всякого страха, тем более что проявление трусости жестоко наказуется. Смерти они совершенно не боятся, так как верят в бессмертие души и считают, что души, выходя из тела, присоединяются к добрым или злым духам, сообразно своему поведению во время земной жизни. Хотя они и примыкают к брахманам и пифагорейцам, но не признают переселения душ, за исключением только отдельных случаев по воле бога. И они беспощадно преследуют врагов государства и религии, как недостойных почитаться за людей.

Через каждые два месяца делают они смотр войску, а ежедневно производят военное учение или в поле — при кавалерийском учении,— или в самом городе. В эти занятия входят и лекции по военному делу, и чтение историй Моисея, Иисуса Навина, Давида, Маккавеев, Цезаря, Александра, Сципиона, Ганнибала и т. д., а затем каждый высказывается о том, кто, по его мнению, поступил хорошо, кто дурно, кто с пользой, кто достойно, после чего все эти вопросы разрешаются наставником.

Гостинник

Но с кем они воюют и из-за чего, раз они столь счастливы?

Мореход

Да если бы им и никогда не приходилось воевать, они все равно продолжали бы заниматься военным делом и охотой, чтобы не изнеживаться и не быть застигнутыми врасплох при всяких случайностях. А кроме того, на том же острове находятся еще четыре царства, сильно завидующих их благополучию, потому что тамошнее население стремится жить по обычаям Со-

ляриев и предпочитает быть под их властью, чем под властью собственных царей. Из-за этого часто начинается война с Соляриями под тем предлогом, что они захватили пограничные владения и живут нечестиво, не поклоняясь идолам и не следуя суевериям язычников и древних брахманов. Нападают на них Индийцы, подданными которых они были раньше, и Тапробанцы, от которых первое время находились они в зависимости.

О способе ведения войны

Тем не менее победителями всегда выходят Солярии. Как только они подвергаются насилию, оскорблению, разбою, или же когда угнетаются их союзники, или призывают их на помощь другие города, находящиеся под гнетом тирании,— они немедленно собираются на Совет. Тут первым делом они коленопреклоненно молят бога о внушении им наилучшего решения, а затем обсуждают обстоятельства дела, после чего уже объявляется война. Тотчас снаряжается священник, именующийся ходатаем; он требует от неприятелей возмещения за грабеж, или прекращения угнетения союзников, или низложения тирании. В случае отказа он объявляет войну, призывая карающего бога Саваофа погубить стоящих за неправое дело. Если же неприятели медлят с ответом, священник дает им время на размышление: царю — один час, а республике — три часа, во избежание возможности какого-нибудь обмана. И так начинается война против нарушителей естественного права и религии.

По объявлении войны все распоряжения отдаются наместником Мощи. Мощь же, подобно римскому диктатору, управляет всем по собственному усмотрению и воле во избежание опасности промедления. В особо же важных случаях совещается с ☉, Мудростью и Любовью. Но для этого на Большом совете причины войны и законность похода излагаются Проповедником. В этот Совет входят все, начиная с достигших двадцатилетнего возраста и выше. И таким образом отдаются все необходимые распоряжения.

Надо иметь в виду, что у них в оружейных палатах имеется всякого рода вооружение, постоянно применяемое ими при упражнениях в примерных сражениях. Внешние стены отдельных кругов в изобилии снабжены бомбардами, при которых находится наготове прислуга. Есть у них и другие подобного же рода военные метательные орудия, называемые пушками, которые перевозятся на поле битвы на повозках, а прочее снаряжение и припасы перевозятся на мулах, ослах и на телегах. Расположившись лагерем в открытом поле, они помещают в середину обоз, метательные орудия, телеги, лестницы и машины.

Сражаются они долго и жестоко, а потом все отходят к своим знаменам. Неприятели поддаются на этот обман, думая, что они отступают или готовы обратиться в бегство, и бросаются за ними, а Солярии, разделившись на два фланга и отряда, собираются с новыми силами и, приказавши артиллерии начать обстрел раскаленными ядрами, снова бросаются в битву со смятенным врагом. Прибегают они и ко многим другим подобным приемам. Своими военными хитростями и машинами они превосходят всех смертных. Лагерь разбивают они по римскому образцу; раскидывают палатки и окапываются рвом и валом с удивительной быстротой. Всякими работами, машинами и метательными орудиями ведают особые начальники, а киркой и топором умеют владеть все солдаты. Пять, восемь или десять командиров, опытных в деле военного строя и военных хитростей, составляют военный совет и отдают приказания своим отрядам согласно заранее выработанному плану. Принято у них брать с собой и отряд вооруженных мальчиков верхом на лошадях, дабы они приучались к войне и привыкали, как волчата и львята, к кровопролитию; в случае же опасности они укрываются в надежное место вместе со многими вооруженными женщинами. А после сражения эти женщины и мальчики ухаживают за воинами, перевязывают им раны, прислуживают им и ободряют ласками и словами. И уж одно это оказывает замечательное действие: воины для доказательства своей храбрости женам и детям бросаются на отчаянные подвиги, и любовь делает их победителями. Тот, кто на приступе первым взберется на неприятельские стены, получает после битвы, при воинственных кликах женщин и детей, венок из травы; выручивший соратника получает гражданский венок из дубовых листьев; убивший тирана жертвует его доспехи в храм, а сам получает от ⊙ прозвище, соответствующее его подвигу. Распределяются между ними и другие венки.

Каждый всадник вооружен пикой и двумя подвешенными к чепраку пистолями крепкого закала и суживающимися в отверстии дула, благодаря чему пробивают всякую железную броню; кроме того, носят они меч и кинжал. Другие же, тяжеловооруженные всадники, вооружены железною палицей, с которою, при невозможности пробить железную броню врага ни мечом, ни пистолью, нападают они на него, как Ахилл на Кикна, бьют и опрокидывают его наземь. С палицы свешиваются две цепи длиною в шесть пядей с железными шарами на концах; при взмахе палицею они обвиваются вокруг шеи врага, затягивают его, сбрасывают и валят.

Секрет управления конем при помощи ног

А для того, чтобы ловчей орудовать этой пальцей, они управляют поводьями коня не руками, а ногами: поводья перекрещиваются на чепраке седла и концами прикрепляются на застежках к стременам, а не к ногам; с наружной стороны стремян имеется железный шар, а изнутри — треугольник, который поворачивается попеременным нажимом ноги и вращает шары, прикрепленные застежками к путлищам; таким образом они натягивают и отпускают узду с удивительной быстротой, правой ногой поворачивая лошадь налево, а левой — направо. Секрет этот неизвестен даже Татарам, ибо хотя они и управляют поводьями при помощи ног, однако не умеют их направлять, натягивать и отпускать посредством стремянного блока.

Сражение начинает легкая кавалерия стрельбою из аркебузов, затем вступают в бой фаланги копейщиков, за ними — пращники, которые ценятся очень высоко и которые сражаются, перебегая, как нитки по основе ткани: одни — выбегая, другие — попеременно отходя назад. Кроме того, войско поддерживают отряды воинов, вооруженных длинными копьями. Завершается сражение боем на мечах.

По окончании войны празднуются военные триумфы по обычаю Римлян и даже еще торжественнее, совершаются благодарственные молебствия богу, и тут во храме предстает полководец, а поэт или историк, бывший с ним по обычаю в походе, повествует об успехах и неудачах. И верховный правитель венчает полководца лавровым венком, а храбрым воинам раздают почетные награды и на несколько дней освобождают от исполнения общественных работ. Но последнего они не любят, так как не привыкли быть праздными, и поэтому помогают своим друзьям. Наоборот, побежденные по собственной вине или упустившие возможность победы встречаются с позором, и первый, обратившийся в бегство, может избежать смерти лишь в том случае, когда за сохранение ему жизни ходатайствует все войско и отдельные воины принимают на себя часть его наказания. Но это снисхождение применяется редко и лишь при наличии ряда смягчающих обстоятельств. Вовремя не оказавший помощи союзнику или другу наказывается розгами; не исполнивший приказаний бросается в ров на растерзание диким зверям; при этом ему вручается дубинка, и если он одолеет окружающих его львов и медведей, что почти невозможно, то получает помилование.

Все имущество покоренных или добровольно сдавшихся городов немедленно переходит в общинное владение. Города

получают гарнизон и должностных лиц из Соляриев и постепенно приучаются к обычаям Города Солнца, общей их столицы, куда отправляют учиться своих детей, не входя для этого ни в какие расходы.

Мне было бы трудно рассказывать еще о разведчиках, об их начальнике, о страже и всем распорядке и прочих установлениях в самом городе и за его пределами,— все это ты можешь представить себе сам. Так как должность каждого определяется с детства сообразно с расположением и сочетанием звезд, наблюдавшихся при его рождении, то благодаря этому все, работая каждый в соответствии со своими природными склонностями, исполняют свои обязанности как следует и с удовольствием, так как для всякого они естественны. Это одинаково относится как к военному делу, так и ко всякого рода другим занятиям.

Город денно и нощно охраняется стражей, стоящей у четырех его ворот и на внешних укреплениях седьмого круга, на бастионах, башнях и на внутренних валах. Днем сторожевую службу несут женщины, а ночью мужчины. Делается это для того, чтобы не закоснеть в бездействии и всегда быть готовыми на всякий случай. Часовые сменяются, как и у нас, через каждые три часа. На закате солнца стража разводится при звуках тимпана и музыки.

Они занимаются охотой как подражанием войне, а также пешими и конными играми на некоторых площадях во время празднеств, после чего играет музыка и т. д. Они охотно прощают вину и оскорбления своим врагам и, одержав над ними победу, оказывают им благодеяния. Если постановлено разрушить неприятельские стены или казнить кого-нибудь из неприятелей, то это производится в самый день победы над врагами, после чего они непрестанно оказывают им благодеяния, говоря, что целью войны является не уничтожение, а совершенствование побежденных.

Если между ними возникает ссора за какое-нибудь оскорбление или по другому какому-либо поводу (а спорят они друг с другом почти исключительно по вопросам чести), то правитель и подчиненный ему начальник наказывают виновного тайно, если оскорбление нанесено действием в пылу первого гнева; если же нанесено словесное оскорбление, то решение откладывается до сражения, так как они говорят, что гнев надо извергать на неприятелей; и тот, кто больше отличится на войне, и считается выигравшим дело и восстановившим истину, а противник его этим удовлетворяется. Наказания воздаются по справедливости и соответственно проступку, но поединки не

допускаются: тот, кто желает доказать свою правоту, пусть доказывает ее на войне.

Гостинник

Это заслуживает всяческого внимания во избежание развития отдельных партий на погибель отечеству и для уничтожения междоусобных войн, в результате которых часто появляются тираны, как это видно на примере Рима и Афин. Теперь же, прошу тебя, скажи об их работах.

Мореход

О работах Ты, полагаю, уже слышал, что они все принимают участие в военном деле, земледелии и скотоводстве: знать это полагается каждому, так как занятия эти считаются у них наиболее почетными. А тот, кто знает большее число искусств и ремесел, пользуется и бóльшим почетом; к занятию же тем или иным мастерством определяются те, кто оказывается к нему наиболее способным. Самые тяжелые ремесла, например кузнечное или строительное и т. п., считаются у них и самыми похвальными, и никто не уклоняется от занятия ими, тем более что наклонность к ним обнаруживается от рождения, а благодаря такому распорядку работ всякий занимается не вредным для него трудом, а, наоборот, развивающим его силы. Менее тяжелыми ремеслами занимаются женщины. Все должны уметь плавать, и для этого устроены у них водоемы как за стенами города, так и внутри их, около фонтанов. Торговля у них не в ходу, хотя они и знают цену денег и чеканят монету для своих послов и разведчиков. Из разных стран являются к ним в город купцы для закупки излишнего для города имущества, но Солярии отказываются продавать его за деньги, а берут в обмен по соответственной оценке недостающие им товары, которые часто приобретают и за деньги. И дети Соляриев потешаются, смотря, какое множество товара отдают им купцы за ничтожную плату; но старики не смеются этому, ибо опасаются развращения нравов в городе рабами и иностранцами. Поэтому торговля происходит у городских ворот, а рабов, захваченных на войне, они или продают, или употребляют либо на копанье рвов, либо на другие тяжелые работы вне города.

Об охране полей Для охраны полей постоянно направляются четыре отряда воинов вместе с работниками. Они выходят четырьмя воротами, откуда идут четыре мощенные кирпичом дороги до самого моря для удобства перевозок и передвижения иностранцев.

О гостеприимстве Иностранцев принимают они приветливо и щедро и в продолжение трех дней содержат их на общественный счет. Первым делом омывают им ноги, затем показывают город и объясняют его устройство, допускают их в Совет и к общественной трапезе. Для услуг и охраны иностранных гостей отряжаются особые люди. Если же находятся желающие стать гражданами Государства Солнца, то их подвергают месячному испытанию за городом, а потом в течение месяца в самом городе. После этого выносят соответствующее постановление и принимают их с соблюдением определенных обрядов, присяги и т. д.

О земледелии Земледелию уделяется исключительное внимание: нет ни одной пяди земли, не приносящей плода. Они сообразуются с ветрами и благоприятными звездами и, оставив в городе только немногих, выходят все вооруженными на поля: пахать, сеять, полоть, жать, собирать хлеб и снимать виноград; идут с трубами, тимпанами, знаменами и исполняют надлежащим образом все работы в самое незначительное число часов. Они пользуются телегами, оснащенными парусами, которые могут двигаться и против ветра, а когда нет ветра, то благодаря удивительно искусно устроенной колесной передаче повозку тянет всего одно животное. Прекрасное зрелище! Между тем вооруженная полевая стража делает обходы, постоянно сменяя друг друга. Землю они не удобряют ни навозом, ни илом, считая, что от этого загнивают семена и при употреблении их в пищу расслабляют тело и сокращают жизнь, подобно тому как женщины прикрашенные, а не прекрасные благодаря своей деятельности, производят хилое потомство. Поэтому и землю они не прикрашивают, а тщательно ее обрабатывают, пользуясь при этом тайными средствами, которые ускоряют всходы, умножают урожай и предохраняют семена. На этот предмет они имеют книгу под названием «Георгика». Потребная часть земли вспахивается, а остальная идет под пастбище скоту.

О скотоводстве Благородное искусство разведения и выращивания лошадей, крупного и мелкого скота, собак и всякого рода домашних и ручных животных ценится у них так же высоко, как и во времена Авраама. При случке они заботятся, чтобы животные могли давать наилучший приплод, и производят ее перед изображениями породистых быков, лошадей, овец и т. д. Жеребцов-производителей они не пускают к кобылам на пастбище, но случают их во дворе полевых конюшен в надлежащее время, наблюдая за тем, чтобы в гороскопе находился Стрелец в благоприятном аспекте Марса и Юпитера. Для быков они следят за

положением Тельца, для овец — за положением Овна и т. д., согласно указаниям науки. Имеются у них и стада кур (под покровительством Плеяд), уток и гусей, которых с большим удовольствием пасут женщины за городом, где находятся птичники и где изготовляются сыр, масло и другие молочные продукты. Выкармливают они и множество каплунов, и племенной птицы, и т. д. В качестве руководства по этой части служит им книга под заглавием «Буколика».

Всего у них изобилие, потому что всякий стремится быть первым в работе, которая и невелика и плодотворна, а сами они очень способны. Тот, кто главенствует над другими в какомнибудь, подобном перечисленным, занятии, называется у них царем; и они говорят, что это наименование присуще именно таким людям, а не невеждам. Достойно удивления, как все, и мужчины и женщины, выступают отрядами и во всем подчиняются своему царю, не проявляя при этом (подобно нам) никакого недовольства, ибо почитают его за отца или за старшего брата. Есть у них и рощи и леса, где они часто охотятся за дикими зверями.

О морском деле

Морское дело находится у них в большом почете. У них имеются особые суда и галеры, ходящие по морю без помощи весел и ветра, посредством удивительно устроенного механизма; но есть и такие, которые двигаются посредством ветра и весел. Они прекрасно знакомы со звездами и с морскими приливами и отливами. В плавание они ходят для ознакомления с различными народами, странами и предметами. Сами они никому не причиняют насилия, но и по отношению к себе его не терпят и вступают в бой, если только на них нападают. Они утверждают, что весь мир придет к тому, что будет жить согласно их обычаям, и поэтому постоянно допытываются, нет ли где-нибудь другого народа, который бы вел жизнь еще более похвальную и достойную. Они находятся в союзе с Китайцами и со многими народами на островах и на материке: с Сиамом, Каукакиной, Каликутом,— откуда только могут получать какие-либо сведения. В сражениях на суше и на море применяют они искусственные огни и многие другие тайные военные хитрости, благодаря которым всегда почти выходят победителями.

Гостинник

Интересно было бы теперь услышать, что они едят и пьют, как проходит их жизнь и какова ее продолжительность.

О жизни и пище всей республики и ее частей

Они считают, что в первую очередь надо заботиться о жизни целого, а затем уже ее частей. Поэтому, когда они воздвигали свой город, они установили твердые знаки в четырех углах мира. В гороскопе был Юпитер на восток от Солнца в созвездии Льва; Меркурий и Венера — в Раке, но поблизости, так что образовывали сопутствие; Марс был в Стрельце, в пятом Доме, счастливым аспектом усиливая афету и гороскоп; Луна находилась в Тельце в благоприятном аспекте к Меркурию и Венере и вместе с тем не поражала квадратным аспектом Солнца; Сатурн стремился в четвертый Дом, нисколько, однако, не вредя Солнцу и Луне, но способствуя устойчивости оснований. Фортуна с Алголем была в десятом Доме, что, по мнению Соляриев, предвещало господство, крепость и величие. Да и Меркурий, будучи в хорошем аспекте Девы и будучи озаряем в абсиде Луною, не может быть зловещим; а раз он радостен, то их наука не пребывает в ничтожестве; в том же, чтобы ждать его в Деве и в соединении, они мало заботятся. Соображаются они с положением отдельных звезд в смысле влияния их на жизненные силы и долголетие и при зачатии, как уже было указано.

О пище

Пищу их составляют мясо, коровье масло, мед, сыр, финики и разные овощи. Сначала они были против того, чтобы убивать животных, так как это представлялось им жестоким, но, рассудив затем, что одинаково жестоко убивать и растения, также одаренные чувством, и что тогда пришлось бы им умирать с голоду, они уразумели, что низшие твари созданы для высших, и поэтому теперь употребляют всякую пищу. Однако животных племенных, как, например, коров и лошадей, убивают они неохотно. Они тщательно различают полезную и вредную пищу и питаются согласно требованиям медицины. Пища непрерывно меняется трижды: один день они едят мясо, другой — рыбу, третий — овощи, а затем возвращаются снова к мясу, дабы и не отягощаться и не изнуряться. Старики употребляют пищу удобоваримую и едят три раза в день и понемногу; община ест дважды в день, а дети — четыре раза, согласно предписанию Физика. Живут они по большей части до ста лет, а некоторые и до двухсот.

О питье

Пьют они чрезвычайно умеренно. Юношам не разрешается пить вина вплоть до девятнадцати лет, за исключением тех случаев, когда это необходимо по состоянию здоровья. По достижении этого возраста они пьют вино, разбавлен-

ное водой, как и женщины. Старики за пятьдесят лет большею частью воды не добавляют.

Пищу они употребляют наиболее полезную по данному времени года и вообще по предписанию наблюдающего за этим Главного врача. Ничего из того, что создано богом, не считается вредным, если только не употребляется это в неумеренном количестве. Поэтому летом питаются они плодами, так как они влажны, сочны и освежительны в летнюю жару и засуху; зимою употребляют сухую пищу, а осенью едят виноград, ибо он создан богом против меланхолии и уныния.

В большом употреблении у них благовония. Вставая утром, все они расчесывают волосы и моют лицо и руки холодною водой; затем либо жуют, либо растирают руками мяту, петрушку или укроп, а старшие растирают ладан. Затем, обратившись на восток, читают краткую молитву, весьма схожую с той, которой научил нас Иисус. После этого одни идут прислуживать старикам, другие — петь в хоре, третьи — исполнять государственные обязанности; затем отправляются на первые лекции, затем идут в храм, затем занимаются физическими упражнениями, затем немного отдыхают и, наконец, завтракают.

О болезнях Соляриев и их лечении

У них не бывает ни подагры, ни хирагры, ни катаров, ни ишиаса, ни колик, ни вспучиваний, ни ветров, ибо все эти болезни происходят от истечения и вспучивания, а они телесными упражнениями разгоняют всякую влагу и ветры. Поэтому чрезвычайно позорно быть замеченным в плевании и харканье: они утверждают, что это — признак или недостаточных упражнений, или нерадивости и лени, или опьянения и обжорства. Скорее подвержены они воспалениям или сухим спазмам, от чего помогает обильная, сочная и здоровая пища. Изнурительную лихорадку они лечат приятными ваннами и молочной пищей, приятным времяпрепровождением в деревне и спокойными и веселыми упражнениями. Венерическая болезнь не может развиваться среди них, так как они очищают тело частыми омовениями из вина и натираются благовонными маслами, а выделением пота во время упражнений удаляют зловредную испарину, разлагающую кровь и мозги. Чахоткой они болеют редко, потому что у них не бывает катара в груди, а совсем редко — астмой, развивающейся вследствие скопления влаги. Горячки лечат они питьем холодной воды. Однодневные лихорадки лечат пряностями и жирным бульоном, или же сном, или музыкой, или весельем; трехдневные — кровопусканием и приемом ревеня, или другими очищающими средствами, или же отваром из послабляющих

корней и кислых трав. Но слабительное принимают они редко. Четырехдневные лихорадки они легко излечивают посредством внезапного испуга, а также травами, противодействующими влаге, свойственной четырехдневной лихорадке, или же другими подходящими средствами. Они открыли мне и тайные средства их излечения.

Особенно старательно лечат они длительные лихорадки, которых они очень боятся, и борются с ними и наблюдением звезд, и подбором трав, и молитвами богу. Лихорадки пятидневные, шестидневные, восьмидневные и т. д. среди них совсем почти не встречаются, так как у них не бывает скопления влаги.

Они моются в банях, которые у них построены по образцу римских: натираются маслами и открыли еще гораздо больше неведомых средств для поддержания чистоты, здоровья и силы. Этими и другими способами борются они с падучею болезнью, которой часто бывают одержимы.

Гостинник

Это — признак исключительной одаренности: Геркулес, Скот, Сократ, Каллимах и Магомет страдали этой же болезнью.

Мореход

Борются они с нею молитвами, обращенными к небу, укреплением мозга, принимая для этого кислоты, занимаясь изысканными увеселениями и употребляя жирный бульон; приправленный лучшей пшеничной мукой. Кушанья они приправляют мастерски: подбавляют в них корицу, мед, сливочное масло и множество сильно подкрепляющих пряностей. Жирные блюда сдабривают они чем-нибудь кислым во избежание отрыжки. Они не пьют ни остуженных снегом, ни искусственно подогретых напитков, как Китайцы, не нуждаясь в таких средствах против влаги для усиления природного тепла, но поддерживают его толченым чесноком, уксусом, тмином, мятой и базиликом, особенно летом и при утомлении. Им известна и тайна обновления жизни через каждые семь лет безо всякого ущерба, способом приятным и прямо удивительным.

Гостинник

Ты до сих пор не сказал еще о науках и властях.

О выборе и управлении должностных лиц и о Совете вторично и точнее

Нет, я говорил, но раз ты этим так интересуешься, я добавлю еще. Каждое новолуние и полнолуние собирается Совет по совершении богослужения. В нем присутствуют все от двадцати лет и старше, и всем предлагается поодиночке высказаться о том, какие есть в государстве недочеты, какие должностные лица исполняют свои обязанности хорошо, какие — дурно. Также каждый восьмой день собираются все должностные лица, именно Верховный ⊙ и вместе с ним Мощь, Мудрость и Любовь, из которых каждому подчинены три начальника, так что всех их — тринадцать. Все они ведают соответствующей отраслью управления: Мощь — военным делом, Мудрость — науками, Любовь — продовольствием, одеждой, деторождением и воспитанием. Собираются и все начальники отрядов — как женских, так и мужских,— десятники, полусотники и сотники для обсуждения государственных дел и выбора должностных лиц, которые на Большом совете только намечаются заранее. Точно так же, ежедневно ⊙ и трое главных правителей совещаются о текущих делах; проверяют, утверждают и приводят в исполнение постановленное на выборах и обсуждают другие необходимые мероприятия. К жеребьевке не прибегают, кроме тех случаев, когда совершенно не знают, какое следует принять решение. Должностные лица сменяются по воле народа. Но четверо высших несменяемы, если только сами на совещании между собою не передадут своего достоинства другому, кого с уверенностью считают мудрейшим, умнейшим и безупречнейшим. Они действительно настолько разумны и честны, что охотно уступают мудрейшему и сами у него поучаются, но такая передача власти случается редко.

Лица, стоящие во главе отдельных наук, подчинены правителю Мудрости, кроме Метафизика, который есть сам ⊙, главенствующий над всеми науками, как архитектор: для него было бы постыдно не знать чего-либо доступного смертным. Таким образом, под началом Мудрости находятся: Грамматик, Логик, Физик, Медик, Политик, Этик, Экономист, Астролог, Астроном, Геометр, Космограф, Музыкант, Перспективист, Арифметик, Поэт, Ритор, Живописец, Скульптор. Под началом правителя Любви: Заведующий деторождением, Воспитатель, Медик, Заведующий одеждой, Агроном, Скотовод, Стадовод, Заведующий приручением животных, Главный кухмистр, Откормщик и т. д. В распоряжении триумвира Мощи находятся: Стра-

тег, Начальник единоборцев, Кузнечных дел мастер, Начальник арсенала, Казначей, Заведующий чеканкой монеты, Инженер, Начальник разведки, Начальник конницы, Конюший, Главный гладиатор, Начальник артиллерии, Начальник пращников и Юстициарий. А этим всем подчинены особые специалисты.

Гостинник

Ну, а что ты скажешь об их судьях?

Мореход

О судопроизводстве и судьях

Как раз я хотел сказать об этом. Все по отдельности подсудны старшему начальнику своего мастерства. Таким образом, все главные мастера являются судьями и могут присуждать к изгнанию, бичеванию, выговору, отстранению от общей трапезы, отлучению от церкви и запрещению общаться с женщинами. К насильникам применяется смертная казнь или наказание — око за око, нос за нос, зуб за зуб и т. д., согласно закону возмездия, если преступление совершено сознательно и с заранее обдуманным намерением. Если же это случилось во время ссоры и совершенно непредумышленно, то приговор смягчается, но не самим судьей, а тремя правителями, от которых можно апеллировать к ⊙, но не в порядке судопроизводства, а в порядке просьбы о помиловании, которое он может даровать. Тюрем у них нет, кроме только башни для заключения мятежных неприятелей и др. Письменного судопроизводства (того, что называется процессом) у них не ведется, но перед судьей и Мощью излагается обвинение, приводятся свидетели и говорит в свою защиту ответчик, которого судья тут же или оправдывает, или осуждает; если же он апеллирует к одному из трех правителей, то оправдание или осуждение переносится на следующий день. На третий день ответчик может быть или помилован и отпущен ⊙, или же приговор вступает в законную силу, причем ответчик примиряется со своими обвинителями и свидетелями, как с врачами своей болезни, обнимая их, целуя и т. д.

Смертная казнь исполняется только руками народа, который убивает или побивает осужденного камнями, и первые удары наносят обвинитель и свидетели. Палачей и ликторов у них нет, дабы не осквернять государства. Иным дается право самим лишать себя жизни: тогда они обкладывают себя мешочками с порохом и, поджегши их, сгорают, причем присутствующие поощряют их умереть достойно. Все граждане при этом плачут и молят бога смягчить свой гнев, скорбя о том, что до-

шли до необходимости отсечь загнивший член государства. Однако же виновного они убеждают и уговаривают до тех пор, пока тот сам не согласится и не пожелает себе смертного приговора, а иначе он не может быть казнен. Но если преступление совершено или против свободы государства, или против бога, или против высших властей, то без всякого сострадания приговор выносится немедленно. И только такие преступники караются смертью. Повинный смерти обязуется перед лицом народа по совести объяснить причины, по которым, по его мнению, он не должен был бы умирать, объявить проступки других, заслуживающие смерти, и преступления властей, приведя доказательства того, что они заслуживают еще более тяжкого наказания, ежели только он в этом уверен. И если доводы его окажутся убедительными, он сам отправляется в изгнание, а Город очищают молитвами, богослужениями и покаянием. Однако выданных обвиняемых не истязают, а лишь делают им внушения. Прегрешения, совершенные по слабости или неведению, караются лишь выговорами и принудительными уроками воздержания или же изучением той науки или мастерства, к которым относилось прегрешение.

По своим взаимоотношениям они представляются совершенно как бы членами одного и того же тела.

Желательно, чтобы ты обратил внимание на то, что если кто-либо, совершив проступок, сам, не дожидаясь обвинения, добровольно повинится в нем, явившись к начальству, и принесет покаяние, пока его не обвинили, то наказание как за сокрытое преступление к нему не применяется и изменяется на другое. Они ревностно следят, чтобы никто не оклеветал другого, так как ведь клеветник должен подвергнуться наказанию по закону возмездия. И так как они всегда ходят и работают отрядами, то для уличения преступника требуется пять свидетелей; иначе его отпускают под присягой и с предостережением. Если же он будет обвинен вторично или в третий раз при двух или трех свидетелях, то несет сугубое наказание.

Законы их немногочисленны, кратки и ясны. Они вырезаны все на медной доске у дверей храма, то есть под колоннадой; и на отдельных колоннах можно видеть определение вещей в метафизическом, чрезвычайно сжатом стиле; именно: что́ такое бог, что́ такое ангел, мир, звезда, человек, рок, доблесть и т. д. Все это определено очень тонко. Там же начертаны определения всех добродетелей, и у каждой колонны, на которой начертано соответствующее определение, находятся кресла или судилища судей всех этих добродетелей. Во время судопроизводства

судьи сидят там и говорят обвиняемому: «Сын мой, ты прегрешил против этого священного определения (благотворительности, великодушия и т. д.). Читай». И по обсуждении дела приговаривают обвиняемого к наказанию за проступок, им совершенный (то есть за злодеяние, малодушие, гордость, нерадивость и т. д.). А обвинительные приговоры являются истинными и верными лекарствами и воспринимаются скорее как нечто приятное, а не наказание.

Гостинник

Теперь ты должен рассказать мне об их священниках, жертвоприношениях, религии и вере.

Мореход

О священниках, религии, жертвоприношении и молитвах

Первосвященник у них сам ⊙, а из должностных лиц священниками являются только высшие; на их обязанности лежит очищать совесть граждан, а весь Город на тайной исповеди, которая принята и у нас, открывает свои прегрешения властям, которые одновременно и очищают души, и узнают, каким грехам наиболее подвержен народ. Затем сами священноначальники исповедуют трем верховным правителям и собственные и чужие грехи, обобщая их и никого при этом не называя по имени, а указывая главным образом на наиболее тяжкие и вредные для государства. Наконец, трое правителей исповедуют эти же грехи вместе со своими собственными самому ⊙, который узнает отсюда, какого рода прегрешениям наиболее подвержен Город, и заботится об искоренении их надлежащими средствами. Он приносит богу жертвы и молитвы и прежде всего всенародно исповедует перед богом грехи всех граждан во храме перед алтарем всякий раз, когда это необходимо для очищения, не называя, однако, по имени никого из согрешивших. И так он отпускает народу его грехи, вразумляя предостерегаться от них впредь, а затем исповедует всенародно свои собственные грехи и, наконец, приносит жертву богу, моля о прощении Города и его грехов, о наставлении его и защите.

Также и верховные правители отдельных подчиненных городов один раз в год исповедуют, каждый в отдельности, их грехи перед ⊙. Отсюда становятся ему известны недостатки провинции, и он равным образом врачует и их всеми человеческими и божественными средствами и т. д.

Жертвоприношение совершается так: ⊙ спрашивает у народа, кто желает принести себя в жертву богу за своих сограж-

дан, и более праведный отдает себя добровольно. По совершении установленных обрядов и молений его кладут на четырехугольную доску, прикрепленную четырьмя крюками к четырем канатам, спускающимся на четырех блоках с малого купола, и взывают к богу о милосердии, да будет ему угодна эта добровольная жертва человеческая, а не насильственная животная, какую приносят язычники. Затем ⊙ приказывает тянуть канаты, приносимый в жертву поднимается кверху, к середине малого купола, и там отдается горячим молитвам. Пища доставляется ему через окно живущими вокруг купола жрецами, но пища скудная, до тех пор пока не искупятся грехи Города. Сам же он в молитве и посте молит бога, да приимет он его добровольную жертву. По прошествии же двадцати или тридцати дней, по умилостивлении гнева божия, он становится жрецом или же (но в редких случаях) возвращается вниз, но уже по наружному, жреческому сходу. И муж этот пользуется впоследствии великим уважением и почетом за то, что сам обрек себя на смерть за отечество. Бог же не желает смерти.

Кроме того, наверху храма пребывают двадцать четыре жреца, которые в полночь, в полдень, утром и вечером, четыре раза в сутки, поют богу псалмы. На их обязанности лежит наблюдать звезды, отмечать их движения при помощи астролябии и изучать их силы и воздействие на дела человеческие. Таким образом знают они, какие изменения произошли или имеют произойти в отдельных областях земли и в какое время, и посылают проверять, действительно ли там случилось, отмечая и верные и ложные предсказания, дабы иметь возможность предсказывать впредь с наибольшей точностью на основании этих данных. Они определяют часы для оплодотворения, дни посева, жатвы, сбора винограда и являются как бы передатчиками и связующим звеном между богом и людьми. Из их среды по большей части и выходит ⊙. Они записывают замечательные события и занимаются научными изысканиями. Вниз сходят они лишь завтракать и обедать, подобно духу, нисходящему из головы к желудку и печени. С женщинами сношений они не имеют, за исключением редких случаев, когда это необходимо для здоровья. Ежедневно к ним поднимается ⊙ и рассуждает с ними о том, что они измыслили нового на благо Города и всех народов мира.

Внизу в храме постоянно находится кто-нибудь из народа, молясь перед алтарем; каждый час он сменяется другим, подобно тому как принято это у нас на торжественном сорокачасовом молебствии. Обычай такой молитвы называется у них «не-

престанным жертвоприношением». После трапезы они воздают хвалу богу музыкой, а затем воспевают подвиги доблестных христиан, евреев, язычников и всяких других народов, что доставляет им большое наслаждение, ибо они никому не завидуют. Воспевают они и любовь, и мудрость и всяческие добродетели под управлением своего царя. Каждый выбирает себе женщину, которая ему больше нравится, и начинается стройная и прекрасная пляска под колоннадами.

Женщины носят длинные волосы, собирая и связывая их все узлом на затылке и заплетая в одну косу; мужчины же — только один локон, выстригая кругом него все остальные волосы, повязывая платком и поверх него надевая круглую шапочку чуть пошире головы. На походе носят они шляпы, а дома — береты: белые, красные или пестрые, сообразно со своим мастерством или занятием; у должностных лиц они больше и пышнее.

О праздниках Они празднуют четыре великих праздника при вступлении Солнца в четыре поворотные точки мира, то есть в знаки Рака, Весов, Козерога и Овна. При этом они разыгрывают глубоко продуманные и прекрасные представления, вроде комедий. Празднуют они и каждое полнолуние и новолуние, и день основания Города, и годовщины побед, и т. п. Празднества сопровождаются пением женского хора, звуками труб и тимпанов и пальбою из бомбард, а поэты воспевают славных полководцев и их победы. Однако же тот, кто что-нибудь при этом присочинит от себя, даже и к славе кого-либо из героев, подвергается наказанию. Недостоин имени поэта тот, кто занимается ложными вымыслами, и они считают это за распущенность, гибельную для всего человеческого рода, ибо допускающий это похищает награду у достойнейших и часто доставляет ее людям порочным либо из страха, либо из лести, низкопоклонства и жадности.

О поэтах

Памятники в честь кого-нибудь ставятся лишь после его смерти. Однако еще при жизни заносятся в книгу героев все те, кто изобрел или открыл что-нибудь полезное или же оказал крупную услугу государству либо в мирном, либо в военном деле. Тела умерших не погребаются, а во избежание моровых болезней сожигаются и обращаются в огонь, столь благородную и живую стихию, которая исходит от солнца и к солнцу возвращается. Этим исключается возможность возникновения идолопоклонства. Остаются, однако, изваяния и изображения героев, на которые часто взирают красивые женщины, предназначенные государством для деторождения.

О совершении молитвы

Молитвы совершают они, обращаясь на четыре стороны света: утром сначала на восток, затем на запад, затем на юг и затем на север, а вечером наоборот: сначала на запад, затем на восток, затем на север и затем на юг. При этом повторяют одну и ту же молитву, в которой просят для себя и для всех народов здорового тела, здорового духа и блаженства, заключая ее словами: «как будет угодно богу». Впрочем, всенародная молитва пространна, и изливается она к небу. Для того и алтарь у них круглый и разделен крестнакрест идущими под прямым углом проходами, по которым входит ⊙ после каждой из четырех повторных молитв и молится, взирая на небо. Это почитается у них за великое таинство. Первосвященнические облачения отличаются великолепием и осмысленностью, подобно облачению Аарона.

Об астрономии в делах священных и в гражданском счислении

Счет времени ведется у них по тропическому, а не по сидерическому году, но ежегодно они отмечают, насколько первый предваряет второй. Они считают, что солнце непрерывно снижается и поэтому, описывая все более низкие круги, достигает Тропиков и Равнодействий раньше, чем в предыдущем году, или же нашему глазу, наблюдающему его все ниже в наклонности, представляется, что оно достигает и склоняется к ним раньше. Месяцы они исчисляют по движению Луны, а год — по движению Солнца; и ввиду того, что одно совпадает с другим только на девятнадцатый год, когда и голова Дракона завершит свой цикл, создали они новую астрономию.

Они восхваляют Птоломея и восхищаются Коперником, хотя ему и предшествовали Аристарх и Филолай, но они говорят, что один производит расчет движений камешками, а другой — бобами, а ни тот, ни другой не рассчитываются настоящими деньгами и расплачиваются с миром счетными марками, а не чистой монетой. Поэтому сами они тщательно расследуют это дело, ибо это необходимо для познания устройства и строения мира и того, суждено ему погибнуть или нет и когда именно. И они твердо верят в истинность пророчества Иисуса Христа о знамениях в Солнце, Луне и звездах, чего не признают среди нас многие безумцы, которых и застигнет гибель мира, как вор ночью. Посему ожидают они обновления века, а может быть, и конца. Они признают, что чрезвычайно трудно решить, создан ли мир из ничего, из развалин ли иных миров или из хаоса, но считают не только вероятным, а, напротив, даже несомненным, что он создан, а не существовал от века. Поэтому и здесь, как и во многом другом, ненавидят они Аристотеля,

которого называют логиком, а не философом, и извлекают множество доказательств против вечности мира на основании аномалий. Солнце и звезды они почитают как живые существа, как изваяния бога, как храмы и живые небесные алтари, но не поклоняются им. Наибольшим же почетом пользуется у них Солнце. Но никакое творение не считают они достойным поклонения и обожания, которое воздают одному лишь богу, и потому ему одному служат, дабы не подпасть, в возмездие за служение творениям, под его тирании и бедствия. И под видом Солнца они созерцают и познают бога, называя Солнце образом, ликом и живым изваянием бога, от коего на все находящееся под ним истекает свет, тепло, жизнь, живительные силы и всякие блага. Поэтому и алтарь у них воздвигнут наподобие Солнца, и священнослужители их поклоняются богу в Солнце и звездах, почитая их за его алтари, а небо — за его храм, и взывают к добрым ангелам как к заступникам, пребывающим в звездах — живых их обиталищах: ибо, говорят они, бог явил свое нескончаемое великолепие в небе и Солнце — своем трофее и изваянии.

Они отвергают Птоломеевы и Коперниковы эксцентрики и эпициклы и утверждают, что существует только одно небо и что планеты сами движутся и поднимаются, когда приближаются к Солнцу и приходят с ним в соединение; поэтому они по большому кругу двигаются вперед, в направлении общего движения, медленнее, а когда подходят к Солнцу, то несколько отклоняются, дабы получить от него свет, и начинают движение по кратчайшему пути, так как находятся ближе к Земле, благодаря чему и движутся вперед быстрее. Когда они идут с тою же скоростью, что и неподвижные звезды, они называются *стоящими*; когда скорее — *идущими вспять*, как говорят обыкновенные астрономы; когда медленнее — *идущими прямо* к большому свету, который они воспринимают, к которому поднимаются и т. д., ибо из квадратур и в противостояниях они снижаются, чтобы от него не отдаляться. Луна же и в противостоянии, а тем более в соединении, поднимается потому, что находится под Солнцем. Таким образом, все светила, хотя и движутся от востока к западу, кажутся идущими в обратном направлении, так как все звездное небо быстро обращается в двадцать четыре часа, а они не так быстро, но задерживаются на пути, благодаря чему, упреждаемые небом, видны движущимися в обратном направлении. Луну же, которая к нам всего ближе, ни в противостоянии, ни в соединении никогда не видно бегущей обратно, но она только немного уходит вперед, когда

полностью освещена сверху или снизу, ибо первое небо обладает в сравнении с нею такой скоростью, что ее движение вперед не может выйти за пределы тринадцати градусов, на которые она от него отходит. Итак, она не движется, а лишь замедляет и ускоряет движение вперед и вспять, из чего становится очевидно, что не надо прибегать ни к эпициклам, ни к эксцентрикам для объяснения подъема, понижения, попятного и замедленного движения. Действительно, Солярии доказывают, что блуждающие светила в определенных частях мира связываются симпатией с явлениями вышними и потому задерживаются там дольше, почему и говорится, что они поднимаются в абсиде. Далее, тому явлению, что Солнце дольше задерживается в северной области, чем в южной, они дают физическое объяснение, а именно: оно поднимается, чтобы накалять Землю там, где ей выпали на долю большие силы, когда оно устремилось на полдень при своем появлении вместе с миром. Поэтому они утверждают вместе с Халдеями и древними Евреями (а не так, как полагают в позднейшее время), что мир возник во время нашей осени и весны южного полушария. Таким образом, поднимаясь для возмещения того, что оно утратило, Солнце больше дней остается на севере, чем на юге, и видно восходящим по эксцентрику. При этом, однако, они не уверены ни в том, является ли Солнце центром нижнего мира, ни в том, неподвижны или нет центры орбит других планет, ни в том, обращаются ли вокруг других планет луны, подобные обращающейся вокруг нашей Земли, но непрестанно доискиваются тут истины.

О физике Они признают два физических начала всех земных вещей: Солнце — отца и Землю — мать. Воздух считают они нечистою долею неба, а весь огонь — исходящим от солнца. Море — это пот Земли или истечение раскаленных и расплавленных ее недр и такое же связующее звено между воздухом и землею, как кровь между телом и духом у живых существ. Мир — это огромное живое существо, а мы живем в его чреве, подобно червям, живущим в нашем чреве. И мы зависим не от промысла звезд, Солнца и Земли, а лишь от промысла божия, ибо в отношении к ним, не имеющим иного устремления, кроме своего умножения, мы родились и живем случайно, в отношении же к богу, которого они являются орудиями, мы в его предведении и распорядке созданы и предопределены к великой цели. Поэтому единственно богу обязаны мы, как отцу, и памятуем, что всем ведает он.

Они непреложно веруют в бессмертие душ, которые после смерти присоединяются к сонму добрых или злых ангелов, в

зависимости от того, каким из них уподобились в делах своей земной жизни, ибо все устремляется к себе подобному.

О местах наказания и награды в будущей жизни они держатся почти одинаковых с нами воззрений. Относительно существования иных миров за пределами нашего они находятся в сомнении, но считают безумием утверждать, что вне его ничего не существует, ибо, говорят они, небытия нет ни в мире, ни за его пределами, и с богом, как с существом бесконечным, никакое небытие не совместимо.

О метафизике Начал метафизических полагают они два: сущее, то есть вышнего бога, и небытие, которое есть недостаток бытийности и необходимое условие всякого физического становления; ибо то, что есть, не становится, и, следовательно, того, что становится, раньше не было. Далее, от наклонности к небытию рождаются зло и грех; грех имеет, таким образом, не действующую причину, а причину недостаточную. Под недостаточной же причиной понимают они недостаток мощи, или мудрости, или воли. Именно в этом и полагают они грех: ибо тот, кто знает и может творить добро, должен иметь и волю к нему, ибо воля возникает из первых двух способностей, а не наоборот.

Изумительно то, что они поклоняются богу-троице, говоря, что бог есть высшая мощь, от которой исходит высшая мудрость, которая точно так же есть бог, а от них — любовь, которая есть и мощь и мудрость; ибо исходящее непременно будет обладать природой того, от чего оно исходит. При этом, однако, они не различают поименно отдельных лиц троицы, как в нашем христианском законе, потому что они лишены откровения, но они знают, что в боге заключается исхождение и отнесение самого себя к себе, в себя и от себя.

Таким образом, все существа метафизически состоят из мощи, мудрости и любви, поскольку они имеют бытие, и из немощи, неведения и ненависти, поскольку причастны небытию; и посредством первых стяжают они заслуги, посредством последних — грешат: или грехом природным — по немощи и неведению, или грехом вольным и умышленным, либо трояко: по немощи, неведению и ненависти — либо по одной ненависти. Ведь и природа в своих частных проявлениях грешит по немощи или неведению, производя чудовищ. Впрочем, все это предусматривается и устраняется богом, ни к какому небытию не причастным, как существом всемогущим, всеведущим и всеблагим. Поэтому в боге никакое существо не грешит, а грешит вне бога. Но вне бога мы можем находиться только для себя и в отношении нас, а не для него и в отношении к нему; ибо в нас

заключается недостаточность, а в нем — действенность. Поэтому грех есть действие бога, поскольку он обладает существенностью и действенностью; поскольку же он обладает несущественностью и недостаточностью, в чем и состоит самая природа греха, он в нас и от нас, ибо мы по своему неустроению уклоняемся к небытию.

Гостинник

Господи, какие тонкости!

Мореход

Уверяю тебя, что если бы я все запомнил и не боялся сейчас опоздать, я бы парассказал тебе изумительных вещей, но я пропущу корабль, ежели не потороплюсь.

Гостинник

Умоляю тебя, не утаи от меня только одного: что говорят они о грехопадении Адама?

Мореход

О причине зол в мире

Они ясно сознают, что в мире царит великая испорченность, что люди не руководствуются истинными высшими целями, что достойные терпят мучения, что им не внимают, а что господствуют негодяи, хотя их благополучную жизнь они называют несчастьем, ибо она есть как бы ничтожное и показное бытие, так как ведь на самом деле не существует ни царей, ни мудрецов, ни подвижников, ни святых, раз они поистине не таковы. Из этого они заключают, что в делах человеческих из-за какого-то случая возникло великое смятение. Сначала они как будто были склонны считать вместе с Платоном, что небесные сферы в прежние времена вращались с нынешнего запада туда, где, мы теперь считаем, находится восток, а впоследствии стали двигаться в обратном направлении. Считали они возможным и то, что делами низшего мира управляет некое низшее божество по попущению первого божества, но теперь полагают, что это мнение нелепо. Но еще нелепее считать, что сначала хорошо правил миром Сатурн, затем уже хуже Юпитер, а затем — последовательно остальные планеты, хотя они и признают, что мировые эпохи распределяются по планетам. Уверены они и в том, что из-за перемещения абсид

через каждые тысячу или тысячу шестьсот лет во всем происходят значительные изменения.

Наш век, очевидно, надо считать веком Меркурия, хотя он и перебивается великими соединениями, и роковое действие оказывают возвращения аномалий. В конце концов они признают, что счастлив христианин, довольствующийся верою в то, что столь великое смятение произошло из-за грехопадения Адама. Они полагают также, что от отцов на детей переходит скорее зло возмездия за вину, чем сама вина.

Но от сыновей вина переходит обратно на их отцов, поскольку те с небрежением относились к деторождению и совершали его не в надлежащее время и не в надлежащем месте, пренебрегали подбором и воспитанием родителей и дурно обучали и наставляли детей. Поэтому сами они тщательно следят за деторождением и воспитанием, говоря, что наказание и вина как сыновей, так и родителей затопляет государство. Из-за этого в теперешние времена все города погрязли в бедствиях и, что еще хуже, ныне называют миром и благоденствием самые эти бедствия, пребывая в неведении истинных благ, а мир представляется управляемым случаем. На самом же деле тот, кто созерцает устройство мира и изучает анатомию человека (которую сами они часто изучают на приговоренных к смерти), растений и животных, как и применение отдельных их частей и частиц, неизбежно принужден будет признать во всеуслышание мудрость и провидение бога. Итак, человек должен быть всецело предан религии и всегда почитать своего творца. Но это невозможно исполнить подобающим образом и без затруднений никому, кроме того, кто исследует и постигает творения бога, соблюдает его заповеди и, будучи правильно умудрен в своих действиях, помнит: *Чего не хочешь самому себе, не делай этого другому, и что́ вы хотите, чтобы делали люди вам, делайте и вы им.* Откуда следует, что как мы от сыновей и от людей, к которым сами не щедры, требуем уважения и добра, так мы сами гораздо больше должны богу, от которого все получаем, которому обязаны всем нашим существованием и всюду пребываем в нем. Ему же слава вовеки.

Гостинник

Поистине, раз они, знающие только закон природы, настолько близки к христианству, которое не добавляет сверх природных законов ничего, кроме таинств, способствующих их соблюдению, то для меня это служит весьма веским доказа-

тельством в пользу христианской религии, как самой истинной из всех и той, которая, по устранении злоупотреблений, будет господствовать на всем земном круге, как учат и уповают славнейшие богословы, которые утверждают, что потому и открыт Новый Свет Испанцами (хотя первым открывшим его был доблестнейший наш Генуэзец — Колумб), чтобы все народности объединились в едином законе. Итак, эти твои философы будут свидетелями истины, избранными богом. Вижу я отсюда, что мы сами не ведаем, что́ творим, но служим орудиями бога: люди ищут новые страны в погоне за золотом и богатством, а бог преследует высшую цель; Солнце стремится спалить Землю, а вовсе не производить растения, людей и т. д., но бог использует самую битву борющихся к их процветанию. Ему хвала и слава.

Мореход

О, если бы ты только знал, что говорят они на основании астрологии, а также и наших пророков о грядущем веке и о том, что в наш век совершается больше событий за сто лет, чем во всем мире совершилось их за четыре тысячи; что в этом столетии вышло больше книг, чем вышло их за пять тысяч лет; что́ говорят они об изумительном изобретении книгопечатания, аркебузов и применении магнита — знаменательных признаках и в то же время средствах соединения обитателей мира в единую паству, а также о том, как произошли эти великие открытия во время великих синодов в треугольнике Рака, при прохождении абсиды Меркурия через Скорпиона и под влиянием Луны и Марса, способствующих в этом треугольнике новым плаваниям, новым царствам и новому оружию. Но как только абсида Сатурна пройдет по Козерогу, абсида Меркурия — по Стрельцу, а абсида Марса — по Деве, после первых великих синодов и явления новой звезды в Кассиопее, возникнет новая монархия, произойдет преобразование и обновление законов и наук, появятся новые пророки, и, утверждают они, предвещает все это великое торжество христианству. Но сначала ведь все исторгается и искореняется, а потом уже созидается, насаждается и т. д.— Отпусти меня: у меня еще много дела! — Но вот только, что́ ты должен знать: они уже изобрели искусство летать — единственно, чего, кажется, недоставало миру, а в ближайшем будущем ожидают изобретения подзорных труб, при помощи которых будут видимы скрытые звезды, и труб слуховых, посредством которых слышна будет гармония неба.

Гостинник

Неужели? Ах, ах, ах, это же замечательно! Но ведь Рак — это же женский знак Венеры и Луны, так как же может быть он благодетелен в воздухе, раз он — знак водный?

Мореход

А они говорят, что женское начало действует плодотворно в небе и над ними начинается господство менее устойчивых сил. Откуда и понятно, что в этом веке начало преобладать правление женщин. Так, между Нубией и Монопотапой явились новые Амазонки, а среди европейцев воцарились: Русская в Турции, Бона в Польше, Мария в Венгрии, Елизавета в Англии, Екатерина во Франции, Бьянка в Тоскане, Маргарита в Бельгии, Мария в Шотландии и в Испании Изабелла, при которой открыт был Новый Свет. Да и поэт этого века начинает с женщин:

Le donne, i cavalier l'arme e gli amori [1].

Развелись и зловредные поэты, и еретики из-за треугольника Марса и предстояния Меркурия в апогее, и под влиянием Венеры и Луны все время говорят они о распутстве и непристойностях; все мужчины стремятся стать женоподобными и в смысле пола, и в выражениях, называя друг друга «Vossignoria» [2].

И в Африке, где главенствует Рак и Скорпион, помимо Амазонок в Феце и Марокко, существуют публичные лупанары женоподобных мужчин и другие бесчисленные мерзости. Но это еще не значит, что треугольник Рака (знак тропика, и место экзальтации Юпитера, и апогей Солнца, и тройственность Марса), как бы посредством Луны, Марса и Венеры, привел к открытию нового полушария, удивительному пути вокруг всего земного шара и владычеству женщин, а посредством Меркурия и Марса — к изобретению книгопечатания и огнестрельного оружия. И не треугольник Рака был причиной великой перемены законов. Эта перемена заключается в том, что в Новом Свете и по всему побережью Африки и Азии, особенно южному, укоренилось христианство при воздействии Юпитера и Солнца, которые в делах божественных и произвольных склоняют и указуют, а в делах человеческих и есте-

[1] Дамы, рыцари, оружие и любовь *(итал.)*.
[2] Ваша милость *(итал.)*.

ственных даже служат определяющими причинами. В Африке же посредством Луны и Марса укоренилась секта Сетифа, в Персии посредством Венеры и Юпитера — секта Али, восстановленная Софием, одновременно с переменой правления в этих странах. А в Германию, Францию, Англию и во всю почти Северную Европу проникает из-за господствующих там Марса, Венеры и Луны зловещая ересь, спутница похоти и скотства и искоренительница свободной человеческой воли. Испания же и Италия благодаря их знакам Стрельца и Льва твердо сохранились в истинном христианском законе во всей его чистоте. О, если бы и в чистоте нравов!

Благодаря же Луне и Меркурию Солярии изобрели новые искусства при содействии абсиды Солнца, ибо эти планеты способствуют искусству летать по воздуху, который, будучи водянистым и расплывчатым в наших странах, на экваторе легок и летуч благодаря тому, что земля там расположена под небом, сильнее освещаемым Солнцем.

И они создали новую астрономию, так что в другом полушарии, к югу от экватора, Домом Солнца оказывается Водолей, Домом Луны — Козерог и т. д. И все знаки с их силами они, таким образом, перевертывают. И это необходимо, согласно законам природы. О, чего только я не узнал от этих мудрецов о перемещениях абсид, эксцентриситетов, наклона эклиптики, равноденствий, солнцестояний, полюсов, о смещениях в небесных фигурах при колебаниях небесного механизма на необъятном пространстве времени; о символических соотношениях между предметами нашего мира и того, что находится вне его, о том, сколько изменений последует после великого синода в равноденственных знаках Овна и Весов, при восстановлении аномалий, и какие изумительные явления последуют за великим соединением при утверждении того, что определено при изменении кругового движения.

Но, прошу тебя, не задерживай меня дольше, у меня еще много дела, ты знаешь, как я беспокоюсь. До другого раза. Вот только, чтобы не забыть: они неоспоримо доказывают, что человек свободен, и говорят, что если в течение сорокачасовой жесточайшей пытки, какою мучили одного почитаемого ими философа враги, невозможно было добиться от него на допросе ни единого словечка признания в том, чего от него добивались, потому что он решил в душе молчать, то, следовательно, и звезды, которые воздействуют издалека и мягко, не могут заставить нас поступать против нашего решения. Но так как они хотя и неощутимо и мягко, но все-таки воздействуют на наше

чувство, то тот, кто следует больше чувству, чем божественному разуму, и оказывается у них в порабощении. Ведь то же самое расположение звезд, которое из трупов еретиков испустило зловонные испарения, одновременно с этим из основателей ордена Иезуитов, Миноритов и Капуцинов источило благоухание добродетели. И под тем же расположением звезд Фернанд Кортец насадил божественную религию Христа в Мексике.

А о многом другом, что теперь ожидает мир, я еще расскажу тебе в другой раз.— Ересь апостол Павел относит к делам плоти; звезды же чувственных людей склоняют к ереси, сообразно характеру склоняемого, а людей разумных — к разумному, истинному и святому закону изначального разума и слова божия. Богу же хвала вовеки. Аминь.

Гостинник

Подожди, подожди еще немного.

Мореход

Не могу, не могу.

ФРЭНСИС БЭКОН
НОВАЯ АТЛАНТИДА

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
З. АЛЕКСАНДРОВОЙ

Мы отплыли из Перу (где пробыли целый год) в Южные моря, в направлении Китая и Японии, взяв с собою припасов на двенадцать месяцев. В течение пяти с лишним месяцев дули попутные, хотя и слабые, ветры с востока; но затем ветер переменился и много дней подряд дул с запада, так что мы почти не продвигались и порой подумывали о возвращении. Вслед за тем, однако, поднялся сильный ветер с юга и юго-запада, отнесший нас (несмотря на все наши усилия) к северу. К этому времени запасы наши истощились, хотя мы и расходовали их бережно. И вот, очутившись среди величайшей в мире водной пустыни, мы почли себя погибшими и стали готовиться к смерти. Однако мы все еще возносили сердца наши и мольбы ко всевышнему, творящему чудеса на водах, моля, чтобы как при сотворении мира он собрал воду воедино и явил сушу, так и теперь явил бы нам сушу и не дал погибнуть.

Ввечеру следующего дня показалось с севера как бы густое облако, вселившее в нас некоторую надежду на землю; ибо мы знали, что эта часть Южного моря совершенно не исследована, и тут могли оказаться острова и материки, дотоле неизвестные. Поэтому направили мы наш корабль туда, где всю ночь виднелось это подобие земли, а на рассвете ясно увидели, что это и была земля — плоская на вид и весьма лесистая, отчего казалась темнее.

Спустя полтора часа вошли мы в удобную бухту, служившую гаванью красивому городу, не слишком большому, но отлично построенному и с моря выглядевшему весьма живописно. Считая каждую минуту промедлением, подошли мы к берегу и уже готовились высадиться. Но тут мы увидели, что несколько человек с жезлами в руках запрещают нам это — не криками или угрозами, но предостерегающими знаками. Будучи немало огорчены, мы стали совещаться, как поступить.

Тем временем направилась к нам небольшая лодка, вмещавшая человек восемь; один из них держал жезл из желтого тростника, окрашенный на концах в синий цвет; он взошел к нам на корабль, не обнаруживая ни малейшего недоверия. Увидя, что один из нас выступил несколько вперед, он вынул небольшой свиток пергамента (более желтого, чем наш, и блестящего, но весьма мягкого и гибкого) и вручил его стоявшему впереди. Там начертаны были — на древнееврейском, древнегреческом, на хорошей латыни и на испанском — следующие строки: «Пусть никто из вас не сходит с корабля. И будьте готовы покинуть эти берега не позднее, как через шестнадцать дней, если только срок этот не будет вам продлен. А пока, если нуждаетесь в пресной воде, или съестных припасах, или в лечебной помощи вашим больным, или же корабль ваш имеет повреждения — напишите, что́ вам надобно, и долг милосердия будет нами исполнен».

Свиток скреплен был печатью, изображавшей крыла серафимов, но не простертые, а опущенные книзу; а подле них крест. Вручив нам свиток, чиновник удалился, оставив слугу, которому должны мы были передать наш ответ. Посовещавшись между собою, мы все же пребывали в большом смущении. Запрещение высадиться и приказ вскорости отплыть весьма нас огорчали. Вместе с тем открытие, что народ здешний сведущ в наших языках и полон человеколюбия, немало нас ободрило. Но всего более порадовал нас знак креста на свитке, как верный предвестник доброго. Ответ наш был составлен на испанском языке: «Что до корабля, то он в исправности, ибо в пути мы испытали безветрие и противный ветер, но не бури. Что до больных, то их у нас много — и очень тяжелых; так что запрещение высадиться угрожает им смертью». Прочие наши нужды мы отметили особо, добавив, что «имеем с собой кое-какие товары, которые, если угодно будет вступить с нами в сделку, могли бы покрыть наши расходы».

Слуге мы предложили некоторое вознаграждение в виде пистолей, а для чиновника — кусок алого бархата. Слуга, однако, не взял даров, едва на них взглянул и отплыл в другой лодке, которая была за ним послана.

Спустя примерно три часа после того, как отправлен был наш ответ, явилось к нам некое, по-видимому важное, лицо. На нем было облачение с широкими рукавами из некой ткани, напоминавшей камлот, превосходной лазурной окраски и более глянцевитой, чем наша; нижнее платье его было зеленым; таков же был и его головной убор в виде чалмы, искусно сде-

ланный,— но размером поменьше, чем носят турки,— из-под которого спускались локонами его волосы. Вид у него был весьма почтенный. Доставившая его лодка была украшена позолотой; в ней находилось еще четыре человека. За этой лодкой следовала другая, в которой помещалось человек около двадцати.

Приблизившись к нашему кораблю на расстояние полета стрелы, они знаками показали нам, чтобы мы выслали кого-либо навстречу, что мы и сделали, послав шлюпку, в которую сел второй по старшинству из наших начальников, а с ним еще четверо. Когда мы были в шести ярдах от лодки, они велели остановиться и не подходить ближе, что также было нами исполнено. Тут человек, описанный мною выше, поднялся в лодке и громко спросил по-испански: «Христиане ли вы?» Мы ответили утвердительно и безбоязненно, помня о кресте, изображенном на их печати. При этом ответе человек воздел правую руку к небесам, а затем медленно поднес ее к устам (этим знаком принято у них благодарить бога) и сказал:

— Если все вы поклянетесь муками Спасителя, что вы не пираты, а также, что в течение последних сорока дней не пролили крови, будь то законным или незаконным образом, вам разрешено будет сойти на берег.

Мы ответили, что готовы принести такую клятву; после чего один из сопровождавших его (как видно, писец) сделал соответствующую запись. Затем другой из его свиты, находившийся в одной с ним лодке, выслушав сперва своего господина, громко сказал:

— Господин мой оповещает вас, что если не вступает к вам на корабль, то причина этому не гордость или высокомерие; но поскольку из ответа вашего оказалось, что на борту много больных, то блюститель народного здоровья распорядился, чтобы держались от вас на расстоянии.

Мы отвечали с поклоном, что мы — покорные его слуги; что все, уже сделанное для нас, считаем за большую честь и проявление редкого человеколюбия, но уверены, что недуг наших людей не заразителен. С этим они отплыли; а спустя немного, к нам на корабль взошел писец; в руке он держал местный плод, напоминающий апельсин — но цветом скорее алый, чем оранжевый,—издававший чудесный аромат. Казалось, он пользовался им для предохранения себя от заразы. Он взял с нас клятву «именем Иисуса и мук его», а затем сообщил, что на следующее утро в шесть часов за нами пришлют, чтобы поместить в Доме чужестранцев (так он назвал его), где мы получим все необходимое как для больных, так и для здоровых. С этим

он оставил нас; а когда мы предложили ему несколько пистолей, сказал с улыбкою, что не может дважды получать плату за труды; это (насколько я понимаю) означало, что он получает достаточное жалованье от государства. Как я узнал позже, «дважды оплаченными» называют они чиновников, берущих дары.

Рано поутру явился к нам тот самый человек с жезлом, который посетил нас первым, и сказал, что прислан доставить нас в Дом чужестранцев, а прибыл рано затем, чтобы мы имели в нашем распоряжении весь день.

— Ибо, если послушаетесь моего совета,— сказал он,— со мной сперва отправятся несколько человек, чтобы осмотреть помещение и решить, как его удобнее приготовить; а там можно послать и за вашими больными и остальными вашими людьми, которых вы желаете высадить на сушу.

Мы поблагодарили его, сказав, что бог вознаградит его за заботу о беспритотных чужестранцах. Итак, шестеро из нас сошли с ним на берег; причем он, идя впереди, обернулся и сказал, чтобы мы считали его нашим проводником и слугой. Он провел нас тремя прекрасными улицами; на всем нашем пути по обеим сторонам улицы собрался народ; но все выстроились правильными рядами и вели себя так вежливо, словно собрались не дивиться на нас, но приветствовать; некоторые при нашем приближении несколько выставляли вперед руку, что является у них знаком приветствия.

Дом чужестранцев представляет собой отличное просторное здание, выстроенное из кирпича, имеющего, по сравнению с нашим, синеватый отлив; с красивыми окнами, из которых одни застеклены, другие затянуты промасленной льняной тканью.

Введя нас в красивую приемную залу наверху лестницы, он спросил, сколько у нас больных. Мы ответили, что всего нас (здоровых и больных) пятьдесят один человек, из коих больных семнадцать. Он попросил нас запастись терпением и подождать его возвращения; а около часу спустя вернулся и повел нас осматривать отведенные нам комнаты, коих было девятнадцать. Как видно, они решили в четырех лучших комнатах поместить четверых наших начальников, а в остальных пятнадцати разместить нас по двое. Комнаты были красивые, светлые и богато убранные. Затем он провел нас в длинную галерею, или спальный покой, где по одной стороне (по другой шла стена со множеством окон) расположен был ряд одиночных спален, очень опрятных, отделенных одна от другой перегородками из кедрового дерева. Эта галерея со спаленками, которых было всего сорок (значительно больше, чем нам тре-

бовалось), служила у них лазаретом. Он тут же сказал нам, что по мере выздоровления наши больные будут переводиться в обычные помещения, для чего было приготовлено еще десять комнат, кроме тех, о которых я упоминал выше. После этого он вернулся с нами в приемную залу и, подняв слегка свой жезл, как делают они при объявлении приказов начальства, сказал:

— Вам надлежит знать, что обычаи нашей страны запрещают вам выходить отсюда в течение трех дней, не считая сегодняшнего и завтрашнего, которые даются вам для переселения с корабля. Однако пусть это не смущает вас и не почитается за лишение свободы, но скорее за срок, надобный для того, чтобы осмотреться и отдохнуть. Вы ни в чем не будете терпеть нужды; к вам приставлено шесть человек, которые будут выполнять все ваши поручения, требующие отлучек из этого дома.

Мы поблагодарили его со всем усердием и почтительностью, прибавив:

— Поистине, господь явил себя в этой стране.

Мы также предложили ему двадцать пистолей, но он улыбнулся и сказал только:

— Как? вторичная плата?

И с этим оставил нас. Вскоре был нам подан обед; причем и хлеб и мясо были отличные — лучше, чем за любой общественной трапезой, какую я мог припомнить в наших краях. Были также напитки трех сортов, все полезные и приятные на вкус: виноградное вино, напиток из зерна, наподобие нашего эля, но прозрачнее, и род сидра, приготовленного из местных фруктов,— удивительно вкусный и освежающий. Кроме того, принесли нам для наших больных большой запас упомянутых мной красных апельсинов, которые, по их словам, были верным средством от болезни, поражающей мореплавателей. Дали нам также коробку мелких пилюль серого и беловатого цвета, посоветовав давать их нашим больным, по одной пилюле на ночь, для ускорения их выздоровления.

На следующий день, когда мы уже несколько отдохнули от хлопот, причиненных перевозкою с корабля людей и товаров, решил я созвать всех своих спутников; когда же они собрались, сказал:

— Друзья мои, соберемся с мыслями и подумаем о нашей судьбе. Мы выброшены на сушу, подобно Ионе, извергнутому из чрева китова, когда уже считали себя погребенными в морской пучине, но и сейчас, обретя землю, мы находимся между жизнью и смертью; ибо оказались за пределами и Старого, и Нового Света; и одному богу ведомо, увидим ли мы когда-либо бе-

рега Европы. Чудом попали мы сюда и только чудом сумеем отсюда выбраться. Пусть же,—памятуя недавнее избавление, а также нынешние и грядущие опасности,— каждый из нас обратит взоры к богу и очистится от скверны. К тому же мы находимся здесь среди христианского племени, исполненного благочестия и человеколюбия. Так не посрамим же себя перед ними, обнаружив свою порочность и недостойность. Но это еще не все. Ибо они особым приказом (хотя и в учтивой форме) на три дня заключили нас в этих стенах; как знать, не для того ли, чтобы получить некоторое понятие о наших нравах? И если они окажутся плохи, изгнать нас; а если хороши — продлить наше здесь пребывание? Ибо люди, приставленные к нам для услуг, могут вместе с тем наблюдать за нами. Поэтому заклинаю вас богом и заботою о душах и телах ваших так вести себя, чтобы быть в мире с господом и снискать расположение здешнего народа.

Спутники мои в один голос поблагодарили меня за полезное увещевание и обещали вести себя учтиво и скромно, не подавая никаких поводов к неудовольствию. И так провели мы три дня с легким сердцем и беззаботно, ожидая, как поступят с нами по истечении этого срока.

А тем временем ежечасно радовало нас улучшение состояния наших больных, которые мнили себя погруженными в некую целительную купель — так быстро и легко они выздоравливали.

По истечении трехдневного срока явился к нам поутру новый человек, до тех пор нами не виденный, одетый, как и прежний, в синее; только чалма на нем была белая, украшенная маленьким красным крестом, да еще пелерина из тонкого полотна. Входя, он слегка склонился и выставил руки вперед. Мы, со своей стороны, приветствовали его со смирением и покорностью, ибо ждали от него своего приговора. Он изъявил желание говорить с несколькими из нас; после чего шестеро из нас остались с ним, остальные же удалились. Пришедший сказал:

— Я по должности управитель Дома чужестранцев, а по сану христианский священник и пришел предложить вам свои услуги как чужестранцам, но прежде всего как христианам. Могу сообщить весть, которая, я уверен, будет вам приятна. Правительство разрешило вам оставаться на берегу в течение шести недель; и пусть не тревожит вас, если окажется, что вам понадобится больше; ибо закон в этом пункте не слишком строг; и я не сомневаюсь, что сам смогу испросить для вас дальнейшее продление срока. Скажу также, что Дом чужестранцев в настоящее время богат и всем обеспечен. Вот уже тридцать семь лет накапливаются его доходы; ибо за это время

ни один чужестранец не появлялся в этих краях. А потому ни о чем не тревожьтесь; государство берет на себя расходы по содержанию вашему на все время вашего пребывания, так что по этой причине оно не будет сокращено ни на один день. Что касается ваших товаров, то с вами поступят по справедливости и произведут расчет: либо товарами, либо золотом и серебром; ибо для нас это безразлично. А если имеете какие-либо просьбы — говорите без утайки и увидите, что мы не огорчим вас отказом. Об одном только вас предупреждаю: никто из вас не должен отлучаться из города дальше чем на один каран (это составляет у них полторы мили) без особого на то разрешения.

Мы отвечали, обменявшись друг с другом взглядами, в коих выразилось восхищение столь приветливым и отеческим к нам отношением, что не знаем, что и сказать; ибо не находим слов для выражения нашей благодарности, а его щедрые и великодушные предложения не оставляют места для просьб. Мы словно видим перед собою прообраз нашего небесного спасения; ибо, находясь еще столь недавно в пасти смерти, очутились вдруг там, где все дарует нам утешение. Что касается наложенного на нас запрета, то мы его не нарушим, хотя и невозможно, чтобы мы не горели желанием повидать и другие части этой счастливой и благословенной страны. Мы добавили, что скорее языки наши присохнут к гортани, чем мы позабудем упоминать в своих молитвах как его почтенную особу, так и весь народ его. И смиренно просили его считать нас своими преданными слугами по праву благодетеля, повергая к стопам его и себя самих, и все наше имение. Он ответил, что, будучи священником, ожидает лишь пастырской награды, а именно: нашей братской любви и блага нашим душам и телам; после чего удалился со слезами умиления, нас же оставил радостными и смущенными.

— Поистине,— говорили мы друг другу,— мы очутились в стране ангелов, которые являются нам ежедневно, предупреждая наши желания щедротами, каких мы не только не могли ожидать, но даже и представить себе.

На следующий день, часов около десяти, управитель явился к нам снова; после приветствий сказал дружески, что пришел навестить нас, велел подать себе стул и сел; сели и мы, человек десять (остальные были низкого звания, а некоторые отсутствовали). Когда мы уселись, он начал следующим образом:

— Мы, жители острова Бенсалем (ибо так он именуется на их языке), благодаря нашему отдаленному расположению, тайне, к которой обязываем мы наших путешественников, и редкому допущению к себе чужестранцев, хорошо осведомлены

о большей части обитаемых земель; сами же остаемся неизвестны. А коль скоро спрашивать подобает тому, кто менее осведомлен, то мы с вами лучше употребим время, если задавать вопросы будете вы, а не я.

Мы отвечали, что смиренно благодарим его за это дозволение и уже можем на основании собственного опыта судить, что нет на земле ничего, более достойного ознакомления, нежели эта счастливая страна.

— Но всего более,— прибавили мы,— после столь чудесной встречи на краю земли и уповая,— несмотря на то, что мы живем в разных концах света,— на грядущую встречу в царствии небесном (ибо видим в них единоверцев-христиан), хотели бы знать (поскольку здешняя земля столь удалена и отдалена обширными и неисследованными морями от тех мест, где сходил на землю Спаситель), кто был ее апостолом и как была она просвещена верою.

При этом вопросе лицо его выразило большое удовлетворение, и он ответил:

— Вы расположили меня к себе, задав этот вопрос в первую очередь; ибо он означает, что вы ищете прежде всего царствия небесного; отвечу вам на него охотно и кратко.

Спустя около двадцати лет по воскресении Спасителя, жители Ренфузы (города на восточном побережье нашего острова) увидели однажды ночью (а ночь была облачной и спокойной) большой столп света, появившийся на море на расстоянии около мили; он имел форму колонны (или цилиндра) и подымался к небу на большую высоту; вершину его увенчивал крест, сиявший более ярко, нежели самый столп. Столь необычайное зрелище привлекло горожан на берег моря; а там некоторые сели в лодки, чтобы еще более приблизиться к чудесному явлению. Однако, не доплыв ярдов шестидесяти до столпа, лодки оказались словно скованными и не в силах плыть дальше, хотя в других направлениях могли двигаться свободно; так что все лодки расположились полукружием, созерцая небесное знамение. Случилось, что в одной из них находился мудрец из числа членов Соломонова дома; а это, добрые друзья мои, зеница ока нашей страны. И вот, после внимательного и благоговейного созерцания столпа и креста, человек этот склонился ниц; а затем, стоя на коленях и воздев руки к небу, произнес следующую молитву:

«Боже, владыка неба и земли, милостиво даровавший нашему братству познание твоих творений и тайн их, а также способность различать (насколько это доступно человеку) бо-

жественные чудеса, явления природы, произведения искусства и всякого рода обманы и призраки. Свидетельствую перед собравшимся здесь народом, что в представшем нам зрелище вижу перст твой и подлинное чудо; а зная из книг наших, что ты не творишь чудес иначе, как с благой и божественной целью (ибо законы природы есть твои законы, и ты не преступаешь их без важных к тому причин), мы смиренно просим тебя благословить твое знамение и открыть нам его значение, что ты уже отчасти обещаешь, ниспосылая его».

Едва окончил он свою молитву, как почувствовал, что лодка его обрела свободу движения, тогда как остальные оставались по-прежнему скованными; приняв это за дозволение приблизиться, он велел медленно и в молчании грести по направлению к столпу. Но не успел он приблизиться, как сияющий столп и крест распались и рассыпались как бы на множество звезд, вскоре также погасших; а на воде остался лишь небольшой ковчежец, или ларец, кедрового дерева, нимало не подмоченный водою, хотя и плыл по ней. Из переднего конца его, ближайшего к лодке, росла зеленая пальмовая ветвь. Когда же мудрец благоговейно взял ларец в лодку, он сам собою раскрылся, и в нем оказались книга и послание — и то и другое на тонком пергаменте, обернутое в льняную ткань. Книга содержала все канонические книги Ветхого и Нового завета, соответствующие вашим (ибо нам известно, какие приняты вашими церквами); Апокалипсис и некоторые другие книги Нового завета, в ту пору еще не написанные, также тем не менее оказались тут. Что касается послания, то оно состояло из следующих строк:

«Мне, Варфоломею, рабу божию и апостолу Иисуса Христа, было видение, в коем ангел повелел мне вручить морским волнам этот ковчежец. А потому объявляю народу, к которому угодно будет господу привесть ковчежец, что тем самым ниспосылается ему спасение, мир и благоволение от бога-отца и господа нашего Иисуса».

Кроме того, в обоих этих писаниях — книге и послании—было нам явлено чудо, подобное чуду апостолов, когда был ниспослан им дар языков. Ибо не только местные жители, но также иудеи, персы и индийцы, находившиеся в ту пору в нашей стране, смогли прочесть книгу и послание так, словно они были написаны на их родном языке. Вот так случилось, что ковчег, спасший остальную часть старого мира от потопа, спас нашу землю от неверия через апостольскую проповедь святого Варфоломея.

Тут он остановился, ибо пришел посланец и вызвал его от нас.

На следующий день, тотчас после обеда, управитель явился к нам снова и попросил извинения, говоря, что накануне был вызван от нас несколько поспешно, но теперь постарается возместить это и проведет с нами больше времени, если только общество его и беседа нам приятны. Мы отвечали, что оно столь нам приятно, что, слушая его, мы забываем и перенесенные бедствия, и грядущие опасности и один час, проведенный с ним, ценим наравне с годами прежней нашей жизни. Он слегка поклонился, а когда мы уселись, сказал:

— Итак, спрашивать надлежит вам.

Тут один из нас, после некоторого молчания, сказал, что есть один предмет, о котором мы столь же желаем, сколько боимся спросить, дабы не злоупотребить его добротою. Однако же, ободренные столь редкостным человеколюбием с его стороны и не считая себя совершенно чужими, но его верными слугами, осмеливаемся заговорить об этом, смиренно прося его простить дерзкий вопрос, если бы и пришлось отклонить его. Нам запомнилось, продолжали мы, прежнее его замечание о том, что счастливый остров, где мы сейчас находимся, известен лишь немногим, хотя самим его жителям известна бóльшая часть света; это видно из того, что здесь знают европейские языки, а также многие наши дела; тогда как мы, европейцы (несмотря на все плавания и открытия последнего времени), никогда не видали этого острова и не слыхали о нем. Это кажется нам удивительным; ибо все народы знают друг друга либо посредством путешествий в чужие края, либо через приезжающих чужестранцев; и хотя путешественник больше узнаёт, видя все воочию, нежели остающиеся у себя дома могут узнать из рассказов, однако ж оба эти способа достаточны для некоторого взаимного познания. Что же касается этого острова, то мы никогда не слыхали, чтобы какой-либо их корабль приставал к берегам Европы, Ост-Индии или Вест-Индии и чтобы хоть чей-нибудь корабль побывал у них. Но самое диковинное еще не в этом. Ибо этому может способствовать (как сказала и его светлость) уединенное расположение в неисследованной части обширного океана. Но как могут островитяне знать языки, книги и историю тех, кто отделен от них таким расстоянием,— вот что кажется нам непостижимым: и представляется свойством и особенностью божественных существ, которые сами неведомы и незримы, тогда как другие для них прозрачней стекла. Выслушав это, управитель добродушно улыбнулся и сказал, что мы недаром просили прощения за подобный вопрос; ибо, как видно, считаем его землю страной чародеев, посылающих

во все концы света незримых духов, которые доставляют им сведения о чужих краях. На это все мы ответили с подобающей почтительностью, но, однако, показав, что поняли его шутку:

— Да, мы действительно склонны думать, что остров имеет в себе нечто сверхъестественное, но скорей ангельское, нежели колдовское. Однако, если говорить правду, не это заставило нас опасаться задать наш вопрос, но запомнившиеся нам слова вашей светлости о том, что законы страны предписывают хранить ее тайну от чужестранцев.

На это он сказал:

— Вы не ослышались; а потому, отвечая вам, я умолчу о некоторых подробностях, которые оглашать не имею права; но и без того сумею удовлетворить вашу любознательность.

Вам надлежит знать (хотя вы и можете счесть это невероятным), что три тысячи и более лет назад мореплавание (особенно в отдаленные страны) было развито более, нежели сейчас. Не думайте, что мне неизвестно, какие успехи оно сделало за последние сто двадцать лет. Я знаю это отлично и тем не менее повторяю: более, нежели сейчас. Потому ли, что пример ковчега, спасшего остатки рода человеческого от всемирного потопа, поощрял людей вверяться волнам, или по другой причине, но так оно было. Большой флот был у финикийцев, особенно у жителей Тира, а также у их колонии Карфагена, лежавшего еще дальше к западу. На востоке много кораблей было у Египта и Палестины. Китай и великая Атлантида (именуемая у вас Америкой), сейчас имеющие лишь джонки и пироги, в ту пору также в изобилии имели большие суда. Наш остров (как видно из достоверных летописей того времени) имел полторы тысячи прочных кораблей большого водоизмещения. Об этом у вас сохранилось мало сведений, или же вовсе никаких; нам же все это хорошо известно.

В то время страна наша была известна и посещалась кораблями всех названных мною стран. И нередко случалось, что с ними прибывали также люди других стран, не имевших своего флота, как-то: персы, халдеи, арабы; так что у нас побывали почти все могучие и славные народы, от которых здесь и по сей день сохранилось несколько родов и небольших племен. Что касается собственных наших кораблей, то они, плавая повсюду, достигали и вашего пролива, называемого Геркулесовыми столбами, и других частей Атлантики и Средиземного моря, и Пекина (иначе называемого Камбалу), и Кинсаи на Восточных морях, и даже самых рубежей Восточной Татарии.

В это же время, и еще столетие спустя, процветала и ве-

ликая Атлантида. И хотя повесть о ней, написанная одним из ваших великих людей — который назвал ее поселением потомков Нептуна и описал ее великолепный храм, дворец, город и холм, ее многочисленные судоходные реки, опоясывавшие город точно кольцами, и величавые ступени, подобные scala coeli [1], по которым туда восходили,— хотя все это поэтический вымысел, одно, во всяком случае, верно: эта Атлантида, так же как Перу (в то время называвшееся Койя) и Мексика (носившая название Тирамбель), были мощными и гордыми державами, которые славились войском, флотом и богатствами, столь мощными, что жители последних одновременно (или на протяжении десяти лет) совершили два больших плавания: жители Тирамбеля — через Атлантику и Средиземное море, а жители Койи — через Южные моря к нашему острову. О первом из этих плаваний — к берегам Европы — тот же великий писатель ваш слышал от одного египетского жреца, чьи слова он и приводит; ибо оно, несомненно, имело место. Но правда ли, что именно древним афинянам принадлежала честь отразить врага,— об этом мне неизвестно; известно лишь, что из этого похода не вернулся ни единый корабль и ни единый человек. Не лучше окончился бы и другой поход — людей из Койи, если бы им не посчастливилось встретить более милосердного противника. Ибо король нашего острова (по имени Альтабин), мудрый муж и славный полководец, правильно оценив и свои силы, и вражеские, сумел отрезать сухопутные их войска от кораблей, окружил их и на море и на суше превосходящими силами и вынудил сдаться без боя; а когда оказались они в полной его власти, удовольствовался их клятвой никогда не подымать против него оружия и отпустил всех с миром.

Но небесный гнев вскоре покарал эти властолюбивые замыслы. Менее чем сто лет спустя великая Атлантида была разрушена до основания — не землетрясением, как утверждает ваш источник (ибо вся та часть света мало им подвержена), но частичным потопом или наводнением; ибо реки в тех краях доныне гораздо многоводней, а горы, с которых стекают воды,— выше, чем в любой части Старого Света. Наводнение это не было, однако ж, глубоким, во многих местах покрыв землю не более чем на сорок футов; так что, хотя люди и животные были уничтожены, некоторым диким лесным жителям удалось спастись. Уцелели и птицы, взлетевшие на вершины деревьев и холмов. Что касается людских жилищ, они тоже нередко

[1] Небесная лестница *(лат.)*.

возвышались над уровнем воды. Однако, вследствие того, что вода, хотя и неглубокая, стояла очень долго, жители долин, даже там, где они не утонули, погибли от недостатка пищи и других необходимых предметов. Не удивляйтесь поэтому редкому населению Америки, а также грубости его нравов; ибо нынешних обитателей Америки надлежит считать молодым народом, не менее чем на тысячелетие моложе остальных народов мира. Ведь именно такой срок отделяет всемирный потоп от постигшего их наводнения. Ибо жалкие остатки человеческого рода, уцелевшие в их горах, лишь очень медленно заселили страну вновь и, будучи невежественны и дики (в отличие от Ноя и его сыновей, которые были первейшим семейством на всей земле), не смогли оставить потомству письменности, искусств и цивилизации; а привыкнув в своих горных местностях (отличающихся крайне холодным климатом) одеваться в шкуры тигров, медведей и косматых коз, которые там водятся, они, когда спустились в долины, где царит нестерпимая жара, не знали способа одеваться легче и начали ходить нагишом, каковой обычай сохранился у них и по сей день. Зато любят они украшать себя перьями птиц; и это опять-таки осталось им от их предков, обитателей гор, которых побудило к этому изобилие огромных птичьих стай, слетавшихся на возвышенные места, пока долины были затоплены. Вот из-за этого-то бедствия и прекратились наши сношения с Америкой, с которой, вследствие более близкого соседства, они были наиболее тесными.

Что касается других частей света, то в последующие века (вследствие ли войн или просто превратностей времени) мореплавание всюду пришло в крайний упадок; а дальние плавания прекратились вовсе (чему способствовало также распространение галер и других подобных судов, непригодных в открытом море). Итак, тот способ сношений, который состоял в посещении нас чужестранцами, уже издавна, как видите, стал невозможен, не считая редких случаев, вроде того, что привел сюда вас. Что же касается второго способа, а именно, наших плаваний в чужие земли, то для этого должен я привести другую причину, ибо не могу (не греша против истины) сказать, что флот наш по части численности и прочности судов, искусства моряков и лоцманов и всего, относящегося до мореплавания, стал сколько-нибудь хуже, чем прежде. Отчего сделались мы домоседами, о том надлежит рассказать особо; а тем самым отвечу я и на главный ваш вопрос.

Около тысячи девятисот лет назад правил у нас король, которого память мы чтим более всех других,— не как-либо сче-

верно, но потому, что в нем, хотя и смертном человеке, видим орудие божественного промысла. Имя его было Соламона, и он считается законодателем нашей страны. Государь этот обладал сердцем неистощимой доброты; и цель своей жизни полагал единственно в том, чтобы сделать страну и народ счастливыми. Видя, сколь богата наша земля и способна прокормиться без помощи чужеземцев, ибо имеет в окружности пять тысяч шестьсот миль и на редкость плодородную почву почти повсеместно; и сколько найдется дела нашим кораблям, как на рыбных промыслах, так и на перевозках из гавани в гавань или на небольшие острова, расположенные неподалеку от нас и принадлежащие нашему королевству; и сколь страна наша счастлива и благополучна; и сколько есть способов ухудшить это положение, тогда как едва ли найдется хоть один способ улучшить его,— решил он, что для осуществления его благородной цели (насколько это доступно человеческому предвидению) требуется лишь увековечить столь счастливое состояние. Поэтому в число изданных им основных законов нашего королевства включил он запреты, касающиеся посещения нас чужеземцами, что в те времена (хотя это было уже после бедствия, постигшего Америку) случалось часто; ибо опасался новшеств и влияния чуждых нравов. Подобный закон о недопущении чужеземцев без особого разрешения с древних времен и доныне существует в Китае. Однако там это нечто жалкое. Наш же законодатель издал закон совсем иного рода. Ибо он прежде всего сохранил принцип человеколюбия, предусмотрев оказание помощи чужестранцам, потерпевшим бедствие; в чем вы сами могли убедиться.

При этих словах все мы, как и подобало, встали и поклонились. Он же продолжал:

— Государь этот, стремясь сочетать благоразумие и гуманность и полагая бесчеловечным удерживать чужестранцев против воли и неблагоразумным — допускать их возвращение на родину, где они разгласили бы тайну нашего местонахождения, постановил следующее: всем чужеземцам, получившим дозволение высадиться, в любое время разрешать возвращение, но всем, кто пожелал бы остаться, предлагать отличные условия и содержание на счет государства. В этом оказался он столь дальновиден, что за все века, прошедшие с тех пор, мы не помним, чтобы хоть один корабль от нас возвратился; и только тринадцать человек были в разное время доставлены на родину на наших судах. Что эти немногие могли рассказать по возвращении — я не знаю. Но все, что они рассказывали, долж-

но было, как вы сами понимаете, показаться сном. Что касается наших путешествий в чужие края, то наш законодатель счел нужным запретить их совершенно. Не то мы видим в Китае, ибо китайцы разъезжают всюду, куда хотят или могут. Наш же запрет допускает лишь одно, и притом замечательное, исключение, позволяющее извлечь всю возможную пользу из сношений с чужестранцами, но избежать вреда. Вот это-то я и открою вам сейчас. И здесь может показаться, что я несколько уклоняюсь от предмета; но скоро вы увидите, что все придется кстати. Знайте же, дорогие друзья, что в числе превосходных законов, введенных этим государем, особо выделяется один. Это было основание некоего Ордена, или Общества, называемого нами Дом Соломона — благороднейшего (по нашему мнению) учреждения на земле, служащего стране нашей путеводным светочем. Оно посвящено изучению творений господних. Некоторые считают, что в его названии имя основателя подверглось искажению и что правильней было бы называть его Дом Соламоны. Но именно так оно значится в летописях. И я полагаю, что оно названо в честь царя иудеев, прославленного у вас и нам также небезызвестного. Ибо у нас имеются некоторые его сочинения, считающиеся у вас утерянными, а именно, его «Естественная история», трактующая обо всех растениях, от кедра ливанского до иссопа, растущего из стены, и обо всем, чему присущи жизнь и движение. Это заставляет меня думать, что государь наш, видя, что деятельность его во многом совпадает с деяниями иудейского царя (жившего за много лет до него), почтил его память этим названием. В этом мнении меня еще более утверждают древние летописи, иногда называющие Дом Соломона Коллегией шести дней творения; откуда очевидно, что достойный государь наш знал от иудеев о сотворении мира и всего в нем сущего в шесть дней и поэтому, учреждая Общество для познания истинной природы всех вещей (дабы прославить бога, создавшего их, а людей научить плодотворному пользованию ими), дал ему также и это второе название.

Но обратимся к главному предмету нашей беседы. Запретив своим подданным плавания во все края, не подвластные его короне, государь, однако ж, постановил, чтобы каждые двенадцать лет из королевства нашего отплывало в разных направлениях два корабля; чтобы на каждом из них отправлялось по три члена Соломонова дома для ознакомления с делами тех стран, куда они направляются, в особенности с науками, искусствами, производствами и изобретениями всего мира, и для

доставки нам всевозможных книг, инструментов и образцов; и чтобы привезшие их корабли возвращались, сами же они оставались в чужой земле до следующей такой поездки. Корабли эти грузятся провиантом и запасом золота, который остается у членов Соломонова дома для закупок и оплаты различных услуг по их усмотрению. Сообщать вам, каким образом наши матросы остаются неузнанными; и как те, кто высаживается на берег, выдают себя за представителей других наций; и куда именно ходили наши корабли; и какие порты определены им для дальнейших поездок,— я не могу; да и вы навряд ли этого хотите. Но, как видите, мы ведем торговлю не ради золота, серебра или драгоценностей; не ради шелков, пряностей или иных материальных ценностей; но единственно ради того, что создано господом раньше всех других вещей, то есть света,— чтобы обрести свет, в каком бы конце земли он ни забрезжил.

Сказав это, он умолк, и мы также некоторое время хранили молчание; ибо были изумлены правдивой повестью о вещах столь необычайных. Он же, заметив, что мы желаем нечто сказать, но еще к этому не готовы, с большой учтивостью вывел нас из затруднения, осведомившись о нашем плавании и приключениях; а затем добавил, что хорошо было бы нам решить, какой срок пребывания просить у правительства, и предложил не ограничивать себя чрезмерно, ибо он испросит любой нужный нам срок. При этом все мы встали и пытались поцеловать край его пелерины, но он этого не допустил и ушел. А мы, едва наши люди услышали, что государство предлагает обеспечение чужестранцам, которые пожелали бы остаться, лишь с превеликим трудом смогли заставить их привести в порядок корабль и удержали от немедленного обращения к управителю за этим обеспечением. Однако кое-как нам это удалось; ибо надо было прежде прийти к согласному решению насчет дальнейшей нашей судьбы.

Теперь считали мы себя свободными и, окончательно убедившись, что нам не грозит гибель, отлично проводили время, осматривая город и его окрестности в пределах дозволенного нам расстояния, а также заводя знакомство со многими лицами отнюдь не простого звания, которые обходились с нами с такой добротою, непринужденностью и желанием обогреть чужестранцев на своей груди, что заставили нас позабыть все, что было нам дорого на родине. Непрерывно встречались мы со множеством вещей, достойных наблюдения и описания; ибо если есть в мире зерцало, достойное привлекать людские взоры, таким зерцалом является эта страна.

Однажды двое из нас были приглашены на так называемый Праздник семьи — обычай весьма почтенный, благочестивый и согласный с природою и выказывающий эту нацию с самой лучшей стороны. Вот как он празднуется. Праздновать его может всякий, кто породит не менее тридцати живых детей и внуков, как только младший из них достигнет трехлетнего возраста; расходы же по устройству праздника берет на себя государство. За два дня до празднества отец семейства, называемый здесь тирсаном, приглашает к себе троих друзей по своему выбору; в приготовлениях ему помогает также правитель города или местности, где происходит празднество; и собираются все члены семьи обоего пола. Эти два дня тирсан проводит в совещаниях о благополучии семьи. Если оказываются между ее членами раздоры или тяжбы, их разбирают и улаживают. Если кто-либо из семьи впал в нищету или находится в тяжелом положении — изыскиваются средства помочь ему и обеспечить средства к существованию. Если кто предался пороку или повинен в дурных поступках, ему выносится порицание и осуждение. Здесь же даются указания относительно браков, выбора подходящего занятия и другие подобные советы. При этом присутствует правитель, дабы своей властью подкреплять распоряжения тирсана, если кто-либо вздумает их ослушаться; однако надобность в этом бывает редко: настолько велико у них уважение к законам природы. Здесь же тирсан выбирает из числа своих сыновей одного, которому предстоит жить в его доме и носить звание Сына виноградной лозы. А откуда такое название, будет видно из дальнейшего.

В день празднества отец, или тирсан, после богослужения выходит в отведенный для празднования большой покой, в конце которого устроено возвышение. Посередине возвышения ставится для него кресло, а перед ним — стол. Возвышение устилается ковром, а над креслом устраивается круглый или овальный балдахин из плюща; плющ у них несколько светлей нашего и напоминает листья серебристой осины; только больше блестит, ибо круглый год бывает зелен. Балдахин искусно убирается серебром и разноцветными шелками, которые переплетаются с плющом,— это всегда бывает работой дочерей данной семьи,— а сверху затягивается тонкой сеткой из шелка и серебра. Но основой его служит живой плющ, который друзья семьи разбирают потом по листочку на память.

Тирсан выходит со всем своим потомством, причем мужчины идут впереди его, а женщины позади; а если жива мать, породившая их всех, то справа от кресла, на хорах, отгражи-

вают для нее особое помещение с дверью и застекленным окном с резной рамою, украшенной лазурью и золотом; там она сидит, невидимая присутствующим. Тирсан садится в кресло, а все семейство становится вдоль стены, позади его и по сторонам возвышения по старшинству, но без различия пола; комната при этом всегда полна народа, но без всякой суматохи и шума; спустя минуту с противоположного конца появляется таратан (а по-нашему вестник) и с ним два мальчика, из которых один несет свиток тамошнего желтого и блестящего пергамента, а другой — золотую виноградную гроздь на длинном стебле. Вестник и мальчики одеты в атласные мантии цвета морской воды; а у вестника мантия сверх того украшена золотыми полосами и шлейфом. Отвесив три поклона, вестник подходит к возвышению и тут только берет в руки свиток. Свиток этот содержит королевскую грамоту с перечислением пенсий, льгот, почестей и привилегий, даруемых отцу семейства, которого король в обращении всегда именует «своим любезным другом и заимодавцем»; и это звание ни в каких других случаях не употребляется. Ибо здесь считают, что король не может ни перед кем быть в долгу, кроме человека, приумножающего число его подданных. Грамота скреплена золотой чеканной печатью с изображением особы короля; и хотя подобная грамота непременно полагается в каждом таком случае, кое-что может в ней меняться соответственно численности и достоинству семейства. Эту грамоту вестник читает вслух, а тирсан выслушивает стоя, поддерживаемый двумя из своих сыновей. После этого вестник подымается на возвышение и вручает ему грамоту, а все присутствующие приветствуют это восклицаниями на их языке, означающими: «Счастлив народ Бенсалема!» Затем вестник берет из рук второго мальчика виноградную гроздь, которая сделана целиком из золота — как стебель, так и ягоды. Ягоды красиво отделаны эмалью; если в семье преобладают мужчины, то эмаль бывает пурпурной, а вверху грозди укреплено маленькое солнце; если дочери — то желто-зеленой, а гроздь увенчана изображением полумесяца. Число ягод в грозди соответствует числу потомства. Эту гроздь вестник также вручает тирсану, который тут же передает ее тому из сыновей, кого избрал он жить при себе, и тот всегда потом в торжественных случаях носит ее впереди отца, почему и называется Сыном виноградной лозы. По окончании этой церемонии тирсан удаляется, а спустя некоторое время выходит к обеду, в продолжение которого он, как и ранее, сидит один под балдахином, и никто из потомков его не садится с ним, каково бы ни было его звание и положение, если

только это не член Соломонова дома. За столом прислуживают отцу только дети мужского пола, которые каждый раз преклоняют перед ним колено; а женщины стоят вдоль стены. Пониже возвышения накрыты столы для приглашенных, где все подается с большой торжественностью; а в конце обеда (пиршества у них никогда не длятся более полутора часов) исполняется гимн, который бывает различным, смотря по искусности сочинителя (поэты здесь превосходные), но темой своей неизменно имеет восхваление Адама, Ноя и Авраама, из коих первые два населили мир, а третий был отцом верующих; а в заключение всегда поется хвала рождеству Спасителя, рождением своим искупившего грехи всех рожденных.

По окончании трапезы тирсан вновь удаляется и после некоторого времени, проводимого в уединении и молитве, появляется в третий раз, чтобы благословить свое потомство, которое, как и вначале, стоит вокруг него. Он вызывает их одного за другим поименно, в любом угодном ему порядке, но обычно по старшинству. Названный преклоняет колена перед креслом (стол к тому времени убирается), а глава семьи возлагает ему руку на голову, произнося следующее благословение: «Сын Бенсалема (или дочь Бенсалема), так говорит отец твой, даровавший тебе дыхание жизни: да будет на тебе благословение вечного отца, князя мира и святого духа, а дни странствования твоего да будут долгими и счастливыми». Так говорит он каждому из них. А после того, если окажутся среди его сыновей люди выдающихся заслуг и достоинств (но не более двух), он призывает их вновь и, обняв за плечи, произносит: «Дети, благо, что вы родились: восхвалите господа и не сходите с доброго пути». С этими словами вручает он каждому из них драгоценное украшение в виде пшеничного колоса, которое они всегда потом носят на своей чалме или шляпе. Затем начинаются музыка, танцы и иные принятые у них развлечения, и так проходит весь день. Таков порядок этого празднества.

Не прошло шести или семи дней, как я завязал короткое знакомство с одним тамошним купцом по имени Иоабин. Он был евреем и был обрезан; ибо здесь сохранилось несколько еврейских родов, которым предоставляют исповедовать свою веру с тем бо́льшим основанием, что евреи эти весьма отличаются от евреев, населяющих другие страны. Тогда как те ненавидят имя Христово и таят про себя злобу на народы, среди которых живут, тамошние евреи, напротив, весьма почитают Спасителя и исполнены любви к народу Бенсалема. Купец, о котором я говорю, признавал, что Христос рожден девой и не был обыкно-

вещим человеком; он говорил, что господь сделал его повелителем серафимов, охраняющих его престол. А еще они называют Христа Млечным Путем, Илией Мессии и многими другими возвышенными именами, которые хотя и недостойны его божественного величия, но сильно отличаются от речей других евреев.

Что касается страны Бенсалем, то человек этот не уставал превозносить ее и, по традиции тамошних евреев, утверждал, что местные жители происходят из колена Авраамова, от другого брата его, называемого ими Нахор; и что нынешние законы Бенсалема происходят от тайных законов, начертанных Моисеем в Кабале; и что когда приидет Мессия и воссядет на свой престол в Иерусалиме, король Бенсалема будет сидеть у ног его, тогда как все другие государи станут поодаль. Но если отбросить все эти иудейские бредни, приятель мой был человеком мудрым, ученым, проницательным и весьма сведущим в обычаях и законах страны.

Во время наших бесед я однажды сказал ему, что был весьма поражен рассказом некоторых членов нашего экипажа о Празднике семьи; ибо, как мне казалось, никогда еще не слышал о празднестве, на котором была бы так почтена природа; а поскольку семья ведет начало от брачного союза, то я пожелал узнать их обычаи и законы, касающиеся брака, и строго ли блюдут они брачные обеты, и держатся ли единобрачия; ибо где так заботятся об увеличении населения, как у них, там обычно дозволено многоженство. На это он сказал:

— Ты недаром хвалишь превосходное установление, называемое Праздником семьи. Мы по опыту знаем, что семьи, справившие этот благословенный праздник, впоследствии необычайно процветают. Но слушай, и я поведаю тебе все, что знаю. Тогда поймешь ты, что нет на земле народа столь целомудренного, как бенсалемцы, и столь чуждого всякой скверны. Эта страна — девственница мира. Помнится, читал я в одной из ваших европейских книг, как один святой отшельник пожелал увидеть дух блудодеяния. И тотчас предстал перед ним маленький уродливый эфиоп. Пожелай он увидеть дух бенсалемского целомудрия, и тот явился бы в образе светлого херувима. Ибо нет среди смертных ничего более прекрасного, чем целомудрие этого народа. Знай же, что нет у них ни публичных домов, ни блудниц и ничего на это похожего. Они изумлены (а также и возмущены) тем, что вы, европейцы, терпите у себя подобные вещи. Они говорят, что вы лишили брак его смысла; ибо брак ведь призван быть средством против недозволенных вожделений; а вожделение естественное должно быть к нему побужде-

нием. Но где люди имеют под рукой средство, более приятное для их извращенной похоти, там брак почти упраздняется. Вот почему можно видеть у вас бесчисленное множество мужчин, которые не женятся, но предпочитают брачным узам развратную холостую жизнь. А из тех, кто женится, многие женятся поздно, когда пора их расцвета уже миновала. Да и что для них брак, как не сделка, в которой ищут выгодных связей, приданого или высокого положения; или разве еще продолжения рода (и то без большой охоты). Сколь непохоже это на брачный союз, как он был установлен изначала! Невозможно также, чтобы, расточив столь постыдным образом лучшие свои силы, они так дорожили детьми (этой частью нас самих), как это бывает у людей целомудренных. Да и так ли уж они остепеняются после брака, как можно было бы ожидать, если бы все это зло допускалось лишь по необходимости? Отнюдь нет; ибо оно и после того остается прямым поруганием брака. Посещение вертепов разврата и блудниц столь же безнаказанно для женатых, как для холостяков. Извращенная склонность к переменам и пристрастие к ласкам блудниц (превращающих грех в искусство) отбивают всякий вкус к браку и делают из него некую повинность. Мы слышали, что вы защищаете все это в качестве меньшего зла, во избежание прелюбодейств, обесчещения девушек, противоестественных пороков и тому подобного. Но здесь эти предосторожности считают нелепыми и называют щедростью Лота, который, желая избавить своих гостей от бесчестья, предложил своих дочерей. К тому же, по нашему мнению, от всего этого мало проку; ибо названные пороки и вожделения сохраняются в изобилии. Ведь недозволенная похоть подобна печи, где стоит закрыть выход пламени, как оно затухает; а стоит дать ему волю, начинает бушевать. Что касается любви между мужчинами, этого у них нет и в помине. А между тем нигде не найти такой верной и нерушимой дружбы. Словом, как я уже говорил, нигде нет такого целомудрия, как в этом народе. Они любят говорить, что лишившийся целомудрия лишается и уважения к себе. А уважение к себе считается у них наиболее могущественным, после религии, средством обуздания пороков.

Окончив свою речь, почтенный еврей умолк. И тут я, предпочитая слушать его, а не говорить, но считая, однако ж, неучтивым хранить полное молчание, промолвил только, что — как сарептская вдова пророку Илии — готов сказать, что он напомнил нам о прегрешениях наших, и признаю бо́льшую праведность Иерусалема в сравнении с Европою. На это он ответил наклонением головы и продолжал следующим образом:

— Имеется у них и множество мудрых и превосходных законов, касающихся брака. Многоженство не допускается. Есть также закон, не дозволяющий вступать в брак или обручаться ранее, чем через месяц после первой встречи брачущихся. Брак без согласия родителей хотя и признается, но карается особым законом о наследстве. Ибо дети от таких браков не могут наследовать более трети родительского имущества. Читал я в одной вашей книге, описывающей некое воображаемое государство, что там вступающим в брак разрешается предварительно видеть друг друга нагими. Этого здешние жители не одобряют; ибо считают оскорбительным отвергнуть кого-либо после столь близкого общения. Но из-за наличия у мужчин и женщин многих тайных телесных изъянов прибегают они к более учтивому способу, устраивая вблизи каждого города по два водоема, называемых водоемами Адама и Евы,— где одному из друзей жениха, а также одному из друзей невесты дозволено видеть их, порознь, нагими во время купанья.

Пока мы таким образом беседовали, явился некий человек, как видно, посланец, в богатом плаще с капюшоном, и что-то сказал еврею. А тот, обернувшись ко мне, произнес:

— Прости меня, ибо меня вызывают весьма поспешно.

На следующее утро он вновь пришел ко мне с радостным видом и сказал:

— Правитель города получил известие, что один из отцов Соломонова дома прибудет через неделю. Вот уж двенадцать лет, как мы никого из них не видали. Возвращение его будет обставлено особой торжественностью, но причина возвращения хранится в тайне. Я добуду тебе и твоим спутникам хорошие места, откуда можно будет видеть его въезд.

Я поблагодарил его и выразил радость по поводу этого известия.

В назначенный день состоялся въезд. Прибывший был человек среднего роста и возраста, благообразного вида, с лицом, на котором написано было человеколюбие. На нем было облачение из превосходного черного сукна с широкими рукавами и капюшоном. Нижнее платье из отличного белого полотна доходило ему до лодыжек и было подпоясано кушаком из той же материи; из нее же был и воротник. На нем были искусно сделанные перчатки, шитые драгоценными каменьями, и бархатные башмаки персикового цвета. Шея его была открыта. Головной убор его имел форму шлема или испанской монтеры; из-под него красиво выбивались каштановые кудри. Борода была округленно подстрижена и несколько светлее волос. Его

везли в богатой повозке без колес, наподобие носилок, с двумя лошадьми с каждой стороны в роскошно расшитой сбруе синего бархата, в сопровождении двух скороходов, одетых в те же цвета. Повозка была сделана из кедрового дерева, украшенного позолотой и хрусталем; в передок ее были вделаны плиты из сапфиров в золотой оправе, а позади — такие же плиты из изумрудов перуанского цвета. На верху ее украшало золотое солнце, а впереди — маленький золотой херувим с распростертыми крыльями. Изнутри повозка была обита синею с золотом парчой. Впереди шло пятьдесят юношей в широких кафтанах белого атласа, доходивших до икр, в белых шелковых чулках, в башмаках из синего бархата и таких же бархатных шляпах, убранных вокруг тульи красивыми разноцветными перьями. За ними, также впереди повозки, шли два человека с обнаженными головами, в длинных полотняных одеждах, подвязанных поясами, и в синих бархатных башмаках; один из них нес епископский посох, а другой — пастушеский, но не металлические, а деревянные: первый из бальзамового дерева, второй — из кедра. Конной свиты не было ни впереди, ни позади повозки; как видно, во избежание всякого шума и замешательства. За повозкой вослед шли главные должностные лица города и старшины городских цехов. Прибывший восседал один на роскошных подушках, крытых синим плюшем. Под ноги ему были постланы пестрые шелковые ковры, наподобие персидских, только много лучше. Правую, обнаженную руку он простирал вперед, как бы благословляя народ, но в полном молчании. На улицах всюду соблюдался образцовый порядок; ни одна армия так не держит строй, как стояли здесь люди; и даже зрители в окнах не толпились, а как бы занимали отведенные им места. Когда процессия удалилась, еврей сказал мне:

— Сейчас я не смогу проводить с тобой столько времени, сколько хотел бы, из-за некоторых обязанностей, возложенных на меня городом в связи с приемом этого славного мужа.

Спустя три дня еврей явился вновь и сказал:

— Счастливы вы; ибо отец Соломонова дома, узнав о вашем пребывании здесь, приказал передать, что примет вас всех и побеседует с одним из вас, по вашему выбору. Для этого назначил он послезавтрашний день, а желая дать вам свое благословение, выбрал утренние часы.

В назначенный день и час мы явились; причем для беседы с глазу на глаз спутники мои избрали меня. Мы застали отца Соломонова дома в богатом покое, убранном коврами и драпировками, но без тронного возвышения. Он сидел в низком кресле,

богато украшенном и осененном балдахином из синего расшитого бархата. С ним не было никого, кроме двух пажей в красивых белых одеждах, стоявших по обе стороны кресла. Нижнее платье его было таким же, как и при въезде; но поверх него была теперь надета мантия с пелериной из того же черного сукна. Войдя, мы низко ему поклонились, как были научены, а когда приблизились, он встал, протягивая правую руку без перчатки, как бы для благословения. Тут все мы склонились и поцеловали край его мантии. После этого все, кроме меня, удалились. Он выслал пажей из комнаты, велел мне сесть рядом с собой и обратился ко мне по-испански со следующими словами:

— Благослови тебя господь, сын мой; я подарю тебе величайшую из драгоценностей, какими владею, ибо открою тебе, во имя любви к богу и людям, истинный устав Соломонова дома. А для этого, сын мой, я буду держаться следующего порядка. Прежде всего изложу цель, ради которой он был основан; во-вторых, опишу сооружения и приборы, какими располагаем мы для наших работ; в-третьих, расскажу о разделении труда и обязанностей между членами Дома; и, наконец,— о наших обычаях и порядках.

Целью нашего Общества является познание причин и скрытых сил всех вещей и расширение власти человека над природою, покуда все не станет для него возможным.

Для этого располагаем мы следующими сооружениями: есть у нас обширные и глубокие рудники различной глубины; наиболее глубокие достигают шестисот морских сажен; а некоторые вырыты под высокими холмами и горами; так что если сложить вместе вышину холма и глубину рудника, то некоторые из них достигают в глубину трех миль. Ибо мы полагаем, что внутренность горы, считая до поверхности земли, и глубина рудника, считая также от земной поверхности, в сущности, одно и то же; ибо они равно лишены солнечных лучей и доступа воздуха. Эти рудники называются у нас нижнею сферой и применяются для всякого рода сгущения, замораживания и сохранения тел. Мы пользуемся ими также для воссоздания природных рудников и для получения новых, искусственных металлов из составов, которые закладываем туда на многие годы. Иногда (пусть не покажется это страшным) мы пользуемся ими для лечения некоторых болезней и для продления жизни отшельников, которые соглашаются поселиться там, снабженные всем необходимым, и живут действительно очень долго; так что мы многому от них научились. Применяем мы также захоронение в различных почвах всякого рода составов, как это делают ки-

тайцы со своим фарфором. Только у нас составы эти более разнообразны, а некоторые сорта их более тонки. Нам известны также различные способы изготовлять перегной и сложные удобрения, делающие почву более плодородной.

Есть у нас высокие башни; самые высокие из них достигают полумили, а некоторые выстроены на высоких горах; так что если прибавить еще и высоту горы, то в самой высокой из башен будет не менее трех миль. Эти места называем мы верхнею сферой, а то, что находится посредине,— среднею сферой. Эти башни служат нам, сообразно с их высотой и расположением, для прокаливания на солнце, для охлаждения или для сохранения тел, равно как и для наблюдений над явлениями природы, как-то: над ветрами, дождем, снегом, градом, а также некоторыми огненными метеорами. В некоторых из этих башен обитают отшельники, которых мы по временам навещаем, чтобы поручить то или иное наблюдение.

Есть у нас обширные озера, как соленые, так и пресные, служащие для разведения рыбы и водяной птицы, а также для погружения некоторых тел; ибо мы обнаружили, что тела сохраняются различно, смотря по тому, погребены ли они в земле, хранятся в подземелье или же погружены в воду. Есть у нас также водоемы, где мы получаем пресную воду из соленой или, наоборот, соленую из пресной. Есть скалы посреди моря и заливы, вдающиеся в сушу, предназначенные для некоторых работ, требующих морского воздуха и испарений. Есть также бурные потоки и водопады, служащие для получения многих видов движения, и всякого рода двигатели для увеличения силы ветра, также обращаемой нами в различного рода движение.

Немало у нас искусственных колодцев и источников, подражающих природным и содержащих примеси купороса, серы, железа, меди, свинца, селитры и других веществ. Есть также особые небольшие водоемы для получения настоев, где вода приобретает желаемые свойства быстрей, чем в сосудах. И среди них один, называемый райским источником; ибо мы придали ему могучие свойства, способствующие сохранению здоровья и продлению жизни.

Есть у нас обширные помещения, где мы искусственно вызываем и показываем различные явления природы, как-то: снег, дождь, искусственный дождь из различных твердых тел, гром, молнию, а также зарождение из воздуха живых существ: лягушек, мух и некоторых других.

Есть у нас особые комнаты, называемые комнатами здоровья, где мы наделяем воздух теми свойствами, которые счи-

таем целебными при различных болезнях и для сохранения здоровья. Есть у нас просторные купели, наполненные различными лекарственными составами для излечения болезней и предохранения человеческого тела от высыхания, и еще другие составы для укрепления мускулов, важнейших органов и самой жизненной субстанции.

Есть у нас обширные и разнообразные сады и огороды, в которых мы стремимся не столько к красоте, сколько к разнообразию почв, благоприятных для различных деревьев и трав. В некоторых из садов, наиболее обширных, мы сажаем разные деревья и ягодные кусты, служащие для приготовления напитков; и это не считая виноградников. Там производим мы также опыты различных прививок как над дикими, так и над фруктовыми деревьями, дающие разнообразные результаты. Там заставляем мы деревья цвести раньше или позднее положенного времени, вырастать и плодоносить скорее, нежели это наблюдается в природных условиях. С помощью науки мы достигаем того, что они становятся много пышней, чем были от природы, а плоды их — крупнее и слаще, иного вкуса, аромата, цвета и формы, нежели природные. А многим из них мы придаем целебные свойства.

Нам известны способы выращивать различные растения без семян, одним только смешением почв, а также способы выводить новые виды растений, отличные от существующих, и превращать одно дерево или растение в другое.

Есть у нас всевозможные парки и заповедники для животных и птиц, которые нужны нам не ради одной лишь красоты или редкости, но также для вскрытий и опытов; дабы знать, что можно проделать над телом человека. При этом нами сделано множество необычайных открытий, как, например, сохранение жизнеспособности после того, как погибли и были удалены органы, которые вы считаете жизненно важными; оживление животных после того, как по всем признакам наступила смерть, и тому подобное. На них испытываем мы яды и иные средства, хирургические и лечебные. С помощью науки делаем мы некоторые виды животных крупней, чем положено их породе, или, напротив, превращаем в карликов, задерживая их рост; делаем их плодовитее, чем свойственно им от природы, или, напротив, бесплодными; а также всячески разнообразим их природный цвет, нрав и строение тела. Нам известны способы случать различные виды, отчего получилось много новых пород, и притом не бесплодных, как принято думать. Из гнили выводим мы различные породы змей, мух и рыб, а из них некоторые преобра-

зуем затем в более высокие виды живых существ, каковы звери и птицы; они различаются по полу и производят потомство. И это получается у нас не случайно, ибо мы знаем заранее, из каких веществ и соединений какое создание зародится.

Есть у нас особые водоемы, где подобные же опыты производятся над рыбами. Есть у нас особые места для разведения червей и бабочек, имеющих какие-либо полезные свойства, вроде ваших пчел или шелковичных червей.

Не буду утруждать твоего слуха перечислением наших пивоварен, пекарен и кухонь, где приготовляются различные напитки, хлебы и кушанья, имеющие особые свойства. Вино выделываем мы из винограда, а напитки из фруктовых соков, зерна и кореньев; а также из смесей и настоек меда, сахара, манны и сухих фруктов или из древесных соков и сердцевины тростника. Напитки эти выдерживаются — иные до сорока лет. Есть у нас также целебные напитки из трав, кореньев и пряностей, куда добавляют иной раз белого мяса; причем некоторые из них могут служить одновременно и питьем и пищею; так что немало людей, особенно в преклонных летах, питаются ими, почти или вовсе не употребляя мяса и хлеба. Особенно стараемся мы изготовлять напитки из мельчайших частиц, которые проникали бы в тело, но при этом не были бы на вкус едкими и раздражающими, и уже получаем такие, что, будучи вылиты на тыльную сторону руки, вскоре просачиваются до ладони, вкус же имеют приятный. Есть у нас воды, которым мы умеем придавать питательные свойства и превращать в отличные напитки; так что многие предпочитают их всем прочим. Хлеб печем мы из различного зерна, кореньев и орехов, а иногда из сушеного мяса или рыбы, с большим разнообразием заквасок и приправ; так что некоторые сорта его служат для возбуждения аппетита, а другие настолько питательны, что многие ничего, кроме них, не употребляют и живут, однако же, очень долго. Также и мясо подвергается у нас такой обработке, измельчению и разжижению — без всякого, однако, ущерба для его свежести,— что даже слабый жар больного желудка превращает его в полноценный млечный сок с такой же легкостью, с какой обычное мясо переваривается здоровым желудком. Есть у нас сорта мяса и другой пищи, прием которой позволяет затем человеку вынести длительное голодание, и есть другие, от которых мышцы становятся заметно плотней и тверже и силы прибывают необычайно.

Есть у нас аптеки. И коль скоро имеется у нас такое разнообразие растений и животных, большее, нежели у вас, европейцев (ибо все ваши породы нам известны), то и лекарственных

трав, и других веществ должно быть соответственно больше. Некоторые из них мы выдерживаем и подвергаем длительному брожению. Что касается приготовляемых из них лекарств, то нам известны не только многие совершенные способы перегонки и выделения — чаще всего посредством равномерного нагревания и процеживания сквозь различные фильтры, иногда весьма плотные,— но также и точные формулы соединений, благодаря которым из множества составных частей получаем как бы природное вещество.

Есть у нас различные производства, неизвестные вам, и немало изделий, как-то: бумага различных сортов; льняные, шелковые и другие ткани; нежные ткани из пуха с удивительными переливами: отличные краски и многое другое. И есть мастерские как для изделий, вошедших в общее употребление, так и для редкостных. Ибо из перечисленного мною многое распространилось уже по всей стране, но если что было изобретено нами, то остается у нас в качестве образца.

Есть у нас различного устройства печи, дающие и сохраняющие самую различную температуру: с быстрым нагревом; с сильным и постоянным жаром; со слабым и равномерным нагревом; раздуваемые мехами; с сухим или влажным жаром и тому подобное. Но важнее всего то, что мы воспроизводим жар солнца и других небесных светил, который подвергаем различным изменениям, проводя через циклы, усиливая или уменьшая и тем достигая удивительных результатов. Мы воспроизводим также теплоту навоза, чрева животных и их пасти; теплоту их крови и тела; теплоту сена и трав, когда их сгребли влажными; теплоту негашеной извести и другие. Есть у нас также приборы, порождающие теплоту одним лишь своим движением. Есть особые места для сильного прокаливания на солнце, а также подземные помещения, где поддерживается естественное или искусственное тепло. Этими различными видами тепла мы пользуемся смотря по тому, какую производим работу.

Есть у нас дома́ света, где производятся опыты со всякого рода светом и излучением и со всевозможными цветами и где из тел бесцветных и прозрачных мы извлекаем различные цвета (не в виде радуги, как мы это видим в драгоценных камнях и призмах), но по отдельности. Мы умеем также усиливать свет, который передаем на большие расстояния и можем делать столь ярким, что при нем различимы мельчайшие точки и линии. Здесь же производим мы опыты с окрашиванием света, со всевозможными обманами зрения в отношении формы, величины, движения и цвета, со всякого рода теневыми изображениями.

Мы открыли также различные, еще не известные вам, способы получать свет из различных тел. Мы нашли способы видеть предметы на большом расстоянии, как, например, на небе и в отдаленных местах; близкие предметы мы умеем представить отдаленными, а отдаленные — близкими и можем искусственно создавать впечатление любого расстояния. Есть у нас зрительные приборы, значительно превосходящие ваши очки и подзорные трубы. Есть стекла и приборы, позволяющие отчетливо рассмотреть мельчайшие предметы — как, например, форму и окраску мошек, червей, зерен или изъяны в драгоценных камнях, которые иначе не удалось бы обнаружить,— и найти в крови и моче вещества, также не видимые иным способом.

Мы искусственно получаем радугу, сияния и ореолы вокруг источников света. А также воспроизводим явления отражения, преломления и усиления видимых лучей.

Есть у нас всевозможные драгоценные камни, из коих многие отличаются дивной красотой и вам неизвестны; а также хрусталь и разного рода стекло, которое мы получаем не только из известных вам веществ, но также из металлов, приведенных в стеклообразное состояние. Есть немало неизвестных вам ископаемых и низших минералов, магниты огромной мощи и другие редкие камни, как природные, так и искусственные.

Есть у нас дома́ звука для опытов со всевозможными звуками и получения их. Нам известны неведомые вам гармонии, создаваемые четвертями тонов и еще меньшими интервалами, и различные музыкальные инструменты, также вам неизвестные и зачастую звучащие более приятно, чем любой из ваших; есть у нас колокола и колокольчики с самым приятным звуком. Слабый звук мы умеем делать сильным и густым, а густой — ослабленным или пронзительным; и можем заставить дрожать и тремолировать звук, который зарождается цельным. Мы воспроизводим все звуки речи и голоса всех птиц и зверей. Есть у нас приборы, которые, будучи приложены к уху, весьма улучшают слух. Есть также различные диковинные искусственные эхо, которые повторяют звук многократно и как бы отбрасывают его или же повторяют его громче, чем он был издан, выше или ниже тоном, а то еще заменяющие один звук другим. Нам известны также способы передавать звуки по трубам различных форм и на разные расстояния.

Есть у нас дома́ ароматов, где производятся опыты также и над вкусовыми ощущениями. Мы умеем, как это ни странно, усиливать запахи, умеем искусственно их создавать и заставлять все вещества издавать иной запах, чем свойственно им от природы.

Мы умеем также подражать вкусу различных веществ, так что эти подделки способны обмануть кого угодно. Тут же имеется у нас кондитерская, где изготовляются всевозможные свежие и сухие сладости, а также различные сладкие вина, молочные напитки, бульоны и салаты, куда более разнообразные, чем у вас.

Есть у нас дома́ механики, где изготовляются машины и приборы для всех видов движения. Там получаем мы более быстрое движение, чем, например, полет мушкетной пули или что-либо другое, известное вам; а также учимся получать движение с большей легкостью и с меньшей затратой энергии, усиливая его при помощи колес и других способов,— и получать его более мощным, чем это умеете вы, даже с помощью самых больших ваших пушек и василисков. Мы производим артиллерийские орудия и всевозможные военные машины; новые сорта пороха; греческий огонь, горящий в воде и неугасимый; а также фейерверки всех видов, как для развлечения, так и для других целей. Мы подражаем также полету птиц и знаем несколько принципов полета. Есть у нас суда и лодки для плавания под водой и такие, которые выдерживают бурю; есть плавательные пояса и другие приспособления, помогающие держаться на воде. Есть различные сложные механизмы, часовые и иные, а также приборы, основанные на вечном движении. Мы подражаем движениям живых существ, изготовляя для этого модели людей, животных, птиц, рыб и змей. Кроме того, нам известны и другие виды движения, удивительные по равномерности и точности.

Есть у нас математическая палата, где собраны всевозможные инструменты, как геометрические, так и астрономические, изготовленные с большим совершенством.

Есть у нас особые дома́, где исследуются обманы органов чувств. Здесь показываем мы всякого рода фокусы, обманы зрения и иллюзии и тут же разъясняем их обманчивость. Ибо вам должно быть очевидно, что, открыв столько естественных явлений, вызывающих изумление, мы могли бы также бесчисленными способами обманывать органы чувств — стоит лишь облечь эти явления тайной и представить в виде чудес. Но нам настолько ненавистны всякий обман и надувательство, что всем членам нашего Общества, под угрозой штрафа и бесчестья, запрещено показывать какое-либо природное явление приукрашенным или преувеличенным; а только в чистом виде, без всякой таинственности.

Таковы, сын мой, богатства Соломонова дома.

Что касается различных обязанностей и занятий членов нашего Дома, то они распределяются следующим образом: двена-

дцать из нас отправляются в чужие земли, выдавая себя за представителей других наций (ибо существование нашей страны мы храним в тайне), и отовсюду привозят нам книги, материалы и описания опытов. Их называем мы торговцами светом.

Трое из нас извлекают материал для опытов, содержащийся в книгах. Их называем мы похитителями.

Трое других собирают опыт всех механических наук, равно как и всех свободных искусств и тех практических знаний, которые не вошли в науку. Их мы называем охотниками за секретами.

Еще трое производят новые опыты по собственному усмотрению. Их называем мы пионерами, или изыскателями.

Еще трое заносят результаты опытов всех названных четырех категорий в таблицы и сводки для более удобного извлечения из них общих наблюдений и законов. Их называем мы компиляторами.

Еще трое занимаются изучением опытов своих товарищей ради изобретений, которые могут быть полезны в обиходе, а также всего пригодного для дальнейших работ или для учебного объяснения причин явлений и наиболее легкого усвоения состава и свойств различных тел. Их называем мы дарителями, или благодетелями.

А после того, как указанные работы подвергнутся обсуждению на общих совещаниях членов нашего Дома, трое других составляют на их основе указания для новых опытов, более высокого порядка и глубже проникающих в природу, нежели предыдущие. Их называем мы светочами.

Еще трое осуществляют эти новые опыты и дают о них отчет. Их называем мы прививателями.

И, наконец, еще трое возводят все добытые опытом открытия в общие наблюдения, законы и принципы. Их называем мы истолкователями природы.

Есть у нас также, как ты понимаешь, новопосвященные и ученики, дабы не прекращалась преемственность в работе, не считая многочисленных слуг и подручных обоего пола. И вот что еще мы делаем: на наших совещаниях мы решаем, какие из наших изобретений и открытий должны быть обнародованы, а какие нет. И все мы даем клятвенное обязательство хранить в тайне те, которые решено не обнародовать; хотя из этих последних мы некоторые сообщаем государству, а некоторые — нет.

Обратимся теперь к нашим обычаям и обрядам. Есть у нас две просторные и красивые галереи; в одной из них выставлены образцы всех наиболее ценных и замечательных изобретений; в

другой — скульптурные изображения всех великих изобретателей. Среди них находится статуя вашего Колумба, открывшего Вест-Индию; а также первого кораблестроителя; монаха, изобретшего огнестрельное оружие и порох; изобретателя музыки; изобретателя письменности; изобретателя книгопечатания; изобретателя астрономических наблюдений; изобретателя обработки металлов; изобретателя стекла; изобретателя культуры шелка; первого винодела; первого хлебопашца и первого, кто начал добывать сахар. Все они известны нам более достоверно, нежели вам. Кроме того, у нас немало и своих отличных изобретателей. Но поскольку ты не видел этих изобретений, описывать их было бы чересчур долго; к тому же по описанию ты можешь составить о них ошибочное суждение. За каждое ценное изобретение мы воздвигаем автору статую и присуждаем щедрое и почетное вознаграждение. Статуи делаются иногда из меди, из мрамора и яшмы, из кедрового или другого ценного дерева, позолоченного и изукрашенного из железа, из серебра, а иногда и из золота.

Есть у нас особые гимны и ежедневные литургии для восхваления господа и благодарности за чудесные его творения и особые молитвы о содействии нашим трудам и обращении их на цели благие и благочестивые.

И, наконец, есть у нас обычай посещать главные города нашего королевства, где мы оглашаем те новые полезные открытия, какие находим нужным. А также предсказываем — сопровождая это естественными объяснениями — повальные болезни, моровую язву, нашествия саранчи, недороды, грозы, землетрясения, наводнения, кометы, погоду и тому подобное и даем жителям советы, как предупреждать стихийные бедствия и бороться с ними.

Окончив свою речь, он встал, а я, как мне было указано, преклонил колена; после чего он возложил правую руку мне на голову и произнес:

— Да благословит тебя господь, сын мой; и да благословит он мое повествование. Дозволяю тебе огласить его на благо другим народам. Ибо мы находимся здесь в лоне господнем и живем никому не ведомые.

С этим он оставил меня, пожаловав мне и моим спутникам около двух тысяч дукатов. Ибо члены Соломонова дома раздают щедрые дары всюду, куда прибывают.

(На этом рукопись обрывается.)

СИРАНО ДЕ БЕРЖЕРАК
ИНОЙ СВЕТ, ИЛИ ГОСУДАРСТВА И ИМПЕРИИ ЛУНЫ

ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО
Е. А. ГУНСТА

На ясном небе сияла полная Луна; был десятый час вечера, когда я с несколькими приятелями возвращался из Кламара, под Парижем, с приема, который устроил в нашу честь господин Кюижи-сын, владелец этого поместья. Дорогой мы шутили, делясь мыслями, которые возникали у нас при созерцании оранжевого диска Луны. Мы ехали, не сводя взоров с великого светила,— один из нас говорил, что это слуховое окошко на небе, сквозь которое светится слава праведников, другой, уверовав в россказни древних, утверждал что Вакх, содержащий в поднебесье таверну, пользуется полной Луной как вывеской; кому-то пришло на ум, что диск этот — медная подставка, на которой Диана гладит Аполлоновы брыжи, а иной предполагал, что это не что иное, как само Солнце, — скинув с себя к вечеру лучи, оно поглядывает в дырочку, желая проверить, что делается в мире в его отсутствие.

— Вполне разделяю ваши восторги, — сказал я, — но, не собираясь тешиться остротами, которыми вы подстегиваете время, чтобы оно ускорило свой бег, я скажу: Луна — такой же мир, как наш, причем наш служит для него луною.

Кое-кто из спутников наградил меня громким смехом.

— Быть может,— возразил я, — сейчас так же вот смеются на Луне над кем-нибудь, кто утверждает, что наш шар — целый мир.

Но, сколько я ни напоминал, что того же мнения придерживался Пифагор, Эпикур, Демокрит, а в наше время Коперник и Кеплер,— они только пуще заливались смехом.

Однако эта мысль, нравившаяся мне своею смелостью, от возражений только укреплялась и в конце концов так завладела мною, что всю остальную дорогу я был занят думами о Луне; я всячески развивал эту причудливую мысль, обосновывая ее поч-

ти что всерьез, и уже совсем готов был покориться ей, как вдруг какое-то чудо или случайность, Провидение, судьба — нечто, что назовут видением, фикцией, химерой или, если хотите, безумием, привели к происшествию, о котором я сейчас расскажу.

Вернувшись домой, я отправился к себе в кабинет и нашел на столе раскрытую книгу, которую я там не оставлял. То было сочинение Кардано; я вовсе не собирался его читать, но некая сила направила мой взор именно на то место, где философ рассказывает, как однажды, занимаясь при свете свечи, он увидел двух высоких старцев, входящих к нему сквозь затворенные двери; после долгих его расспросов старцы признались, что они обитатели Луны, и в тот же миг сгинули.

Я был до такой степени изумлен и тем, что книга сама собою перенеслась ко мне на стол, и тем, в какое время и на какой странице она оказалась открытой, что я принял всю эту цепь случайностей за внушение Всевышнего, желающего, чтобы я открыл людям, что Луна — тоже мир.

«Вот чудеса! — рассуждал я,— только сегодня говорил я об этом, и книга,— быть может, единственная в мире, где вопрос обсуждается так обстоятельно, — летит из моей библиотеки на письменный стол, обретает разум и раскрывается на той странице, где повествуется именно о таком необыкновенном приключении; она как бы насильно привлекает мой взор и внушает моей фантазии соответствующие мысли, а воле моей — соответствующие намерения. Несомненно,— продолжал я рассуждать,— те же двое старцев, которые явились этому великому мужу, перенесли мою книгу и раскрыли ее на соответствующей странице, чтобы избавить себя от необходимости произносить речь, с какою они обратились к Кардано».

«Но,— возразил я самому себе,— я могу в этом увериться только в том случае, если поднимусь на небо».

«А почему бы не подняться? — тотчас же ответил я себе. — Ведь поднялся же туда Прометей, чтобы похитить огонь. Разве я менее отважен? И есть ли у меня основания сомневаться в таком же успехе?»

В итоге этих бредней, которые, пожалуй, сочтут признаками горячки, у меня родилась непоколебимая надежда преуспеть в столь дивном путешествии, и, чтобы справиться с задачей, я удалился в уединенный деревенский домик, где, потешив воображение различными возможностями осуществить свой план, я следующим образом отправился на небо.

Я обвешался множеством склянок с росою, а солнечные лучи устремлялись на них столь яростно, что тепло, притягивавшее

склянки, подобно тому как оно притягивает влагу, образуя огромные тучи, подняло меня на такую высоту, что я оказался выше средней сферы. Но в силу притяжения я возносился чересчур стремительно, и вместо того, чтобы приближаться к Луне, как я рассчитывал, она, казалось, отступала от меня все дальше; поэтому я разбил несколько склянок и наконец почувствовал, что вес моего тела превосходит силу притяжения и что я опускаюсь вниз.

Предположение мое оказалось правильным, ибо немного погодя я упал на Землю; принимая во внимание время, когда начался подъем, теперь должно было быть около полуночи. Между тем я заметил, что Солнце находится в зените и что здесь — полдень. Судите сами о моем удивлении, — оно было настолько велико, что, не зная, как объяснить это чудо, я имел дерзость вообразить, будто бог, в воздаяние моей смелости, вторично повесил на небо Солнце, чтобы оно освещало столь отважную затею.

А еще более возросло мое удивление оттого, что я никак не мог узнать местность, где очутился, ибо мне казалось, что поднимался я вверх по прямой линии и, следовательно, должен был опуститься на то же самое место, откуда полетел. Так или иначе, я направился, не снимая с себя снаряжения, к некоей хижине, над которой вился дымок; когда я подошел к ней приблизительно на пистолетный выстрел, меня окружила толпа совершенно голых людей.

Они были явно удивлены моим появлением, ибо, надо думать, впервые увидели человека, обвешанного пузырьками. Они заметили, что я, передвигаясь, почти не касаюсь земли,— и это еще более запутывало все их догадки относительно столь диковинного снаряжения; они ведь не знали, что при малейшем моем движении жгучие солнечные лучи поднимают меня вверх и что, будь на мне пузырьков с росою побольше, я, вероятно, у них на глазах улетел бы в небо.

Я хотел было подойти к ним, но они вмиг исчезли в соседнем лесу, словно с перепугу обратились в птиц. Все же одного я поймал, — видно, ему изменили ноги. Я с великим трудом (ибо запыхался) спросил у него, далеко ли отсюда до Парижа, а также, с каких это пор во Франции люди ходят голые и почему они в таком ужасе разбежались от меня.

Человек, к которому я обращался, был старик с лицом оливкового цвета; прежде всего он бросился передо мной на колени и, воздев руки, открыл рот и зажмурился. Он долго бормотал что-то, но я не разобрал ни слова и принял его речь за хриплый лепет немого.

Чуть погодя я заметил, что ко мне с барабанным боем приближается взвод солдат; двое из них отделились от остальных, чтобы проверить, что я за человек. Когда они подошли на такое расстояние, что могли меня слышать, я спросил у них — где я нахожусь.

— Вы во Франции,— отвечали они,— но что за черт вас так вырядил? И почему мы вас не знаем? Разве сюда причалили какие-нибудь корабли? Вы доложитесь лекарскому начальнику? И зачем вы разлили водку по всем этим бесчисленным пузырькам?

На это я возразил, что вырядил меня так не черт, что не знают они меня потому, что не могут знать всех, что я никак не думал, что корабли доходят по Сене до самого Парижа, а докладываться мне лекарскому начальнику незачем и водки на мне нет.

— Ага, вы еще хорохоритесь,— воскликнули они, беря меня под руки.— Уж господин-то губернатор разберется, кто вы такой, будьте покойны!

Они повели меня в свою часть, и тут я узнал, что я действительно во Франции, но в Новой; спустя немного меня представили вице-королю, который осведомился, откуда я, как мое имя и звание; ответив на его вопросы, я рассказал о своем удачном путешествии, и он — поверив ли мне или только притворившись, что верит,— милостиво предоставил мне комнату в своем доме. Я был счастлив, что встретил человека, не чуждого возвышенным мыслям и не удивившегося, когда я сказал, что во время моего полета Земля, по-видимому, вращалась, раз, начав подъем в двух лье от Парижа, я по почти перпендикулярной линии опустился в Канаде.

Вечером, когда я уже собирался лечь спать, он вошел ко мне в комнату и сказал:

— Я не нарушил бы вашего покоя, если бы не предполагал, что человек, владеющий секретом покрывать такое расстояние за полдня, владеет также и секретом преодолевать усталость. Но вы не знаете,— продолжал он,— какой занятный спор я сейчас выдержал из-за вас с нашими отцами иезуитами? Они решительно утверждают, что вы колдун, а если они согласятся считать вас просто обманщиком, то это будет величайшая милость с их стороны. И в самом деле, ваше предположение, что Земля вертится,— довольно сомнительный парадокс; что касается меня, то скажу откровенно, я не разделяю вашего мнения, ибо, отправившись вчера из Парижа, вы могли сегодня прибыть в наши места и без вращения Земли, ибо само Солнце, поднявшее вас вверх благодаря вашим склянкам, и должно было вас привести

сюда,— ведь, по утверждению Птоломея и новейших философов, оно движется, в то время как вы ошибочно приписываете движение Земле. И правдоподобно ли ваше предположение, что Солнце неподвижно, между тем как нам видно его вращение? И из чего следует, что Земля столь стремительно вращается? Ведь мы же чувствуем, что она недвижима у нас под ногами.

— Вот, сударь, каковы доводы в пользу такого предположения,— возразил я. — Во-первых, здравый смысл подсказывает, что Солнце расположилось в центре Вселенной, раз все тела, имеющиеся в природе, нуждаются в его изначальном тепле; что оно находится в сердце подвластного ему царства, дабы немедленно удовлетворять нужды каждой отдельной части этого царства, и что первопричина жизни помещается в середине всех тел, дабы действовать равномерно и легко, — мудрая природа точно так же расположила детородные органы человека, зернышки — в сердцевине яблока, косточки — в середине плода; так же и лук под сотней листочков хранит драгоценный росток, из коего миллионы других ростков почерпнут новые силы. Ибо яблоко само по себе — маленький мирок, в котором зернышко, как самая теплая частица, напоминает Солнце, — оно распространяет вокруг себя тепло и оберегает яблоко в целом; с такой точки зрения, зернышко — солнце этого мирка, оно согревает и питает растительное начало окружающего его тельца.

Исходя из этого, я и говорю, что Земля, нуждаясь в свете, тепле и в воздействии этого великого Огня, вращается вокруг него, чтобы всеми своими частями в равной мере воспринимать начало, поддерживающее в ней жизнь. Ибо предполагать, что огромное раскаленное светило вертится вокруг точки, до которой ему нет решительно никакого дела, столь же нелепо, как при виде зажаренного жаворонка думать, что его приготовили, вращая вокруг него плиту. Если считать, что Солнцу требуется выполнять эту работу, то можно подумать, что медицина нуждается в больном, а не наоборот, что сильный должен подчиняться слабому, вельможа служить простолюдину и что не корабль плывет вдоль берегов, а берега проплывают мимо корабля.

Если вам кажется непостижимым, как столь тяжелая масса может двигаться, скажите мне, пожалуйста, разве светила и небеса, которые вы считаете такими плотными, по-вашему легче? К тому же мы уверены, что Земля круглая; следовательно, основываясь на ее форме, легко заключить, что она и движется по кругу. А зачем предполагать, что небо круглое, раз убедиться в этом нельзя и раз очевидно, что, если оно любой другой формы, значит, оно уже не может вращаться. За ваши эксцентрики,

концентрики и эпициклы я вас не упрекаю, хоть вы можете дать мне о них лишь маловразумительные объяснения,— но из своей системы я их исключаю. Поговорим теперь лишь о естественных причинах вращения.

Вам приходится прибегать к предположению о наличии какой-то разумной силы, которая приводит светила в движение и управляет ими. Я же, не тревожа Верховное существо, которое, несомненно, создало Природу вполне совершенной и по мудрости своей завершило ее созидание таким образом, что если она совершенна в одном отношении, то безупречна и во всех остальных; я, повторяю, вижу в самой Земле те начала, которые приводят ее в движение. Так, я говорю, что солнечные лучи, падая в своем движении на Землю, воздействуют на нее и вращают, подобно тому как мы вращаем шар, хлопая по нему рукою; испарения, беспрестанно выделяющиеся из недр Земли с той стороны, на которую светит Солнце, отражаются холодной средней сферой и возвращаются обратно, но в косом направлении, и таким образом тоже придают Земле вращательное движение.

Объяснение двух других движений еще проще. Вот послушайте...

Тут вице-король прервал меня:

— Я предпочитаю избавить вас от этого труда, — сказал он.— Я прочел на эту тему несколько сочинений Гассенди. Но мне хочется рассказать, что мне ответил один из наших отцов, разделяющих ваше мнение.

«Да,— говорил он,— я допускаю, что Земля вращается, но не по причинам, на которые ссылается Коперник, а потому, что адское пламя, как свидетельствует Священное писание, находится в центре Земли; грешники же, стремясь удалиться от него, теснятся поближе к сводам и таким образом приводят Землю в движение, подобно тому как собака приводит в движение надетый на нее обруч».

Мы воздали хвалу этому рассуждению славного монаха, как плоду отменного рвения, потом вице-король сказал, что он чрезвычайно удивлен тем, что система Птоломея, несмотря на все свое неправдоподобие, получила такое широкое распространение.

— Сударь,— отвечал я,— большинство людей судят обо всем, лишь основываясь на своих чувствах; вот они и поверили свидетельству своих глаз, и подобно тому как человек, плывущий вдоль берега, воображает, будто он стоит на месте, а движется берег, так и люди, вращающиеся вместе с Землей вокруг неба, вообразили, что небо вращается вокруг них. Добавьте к этому несносную человеческую гордыню; ведь человек мнит,

будто природа создана для него одного, хоть никак нельзя признать правдоподобным, что Солнце — огромное тело, которое в четыреста тридцать четыре раза больше Земли,— зажжено только для того, чтобы созревала его мушмула и кочанилась капуста. Я далек от такой дерзости и полагаю, что планеты — это миры, вращающиеся вокруг Солнца, а неподвижные звезды — тоже солнца, вокруг которых тоже есть планеты, то есть миры, которые мы не видим из-за их малой величины, а также потому, что их заимствованный свет не доходит до нас. Ибо можно ли представить себе, что эти огромные шаровидные тела всего лишь мертвые пустыни, в то время как наш, только из-за того, что мы по нему ползаем, создан ради дюжины надменных плутов и предназначен господствовать над всеми остальными? Неужели только потому, что Солнце отмеривает наши дни и годы, можно утверждать, что оно создано для того, чтобы мы не натыкались лбом на стены? Нет, нет, если это видимое божество светит человеку, так только в силу случайности, вроде того как факел, который несут перед монархом, случайно светит и вору, крадущемуся в это время вдоль стен.

— Однако,— возразил он мне,— если, как вы утверждаете, неподвижные звезды — те же солнца, из этого можно было бы заключить, что Вселенная бесконечна, ибо обитатели тех миров, которые расположены вокруг неподвижной звезды, принимаемой вами за Солнце, видят над собою другие неподвижные звезды, которые нам отсюда не видны,— и так до бесконечности.

— Не смущайтесь этим,— отвечал я,— раз бог мог создать бессмертную душу, значит, мог он создать и Вселенную бесконечною, если правда, что вечность — не что иное, как длительность без предела, а бесконечность — пространство без границ. Кроме того, если Вселенная не бесконечна, значит, и бог конечен, ибо он не мог бы пребывать там, где ничего нет, и не мог бы преумножать великолепие Вселенной, если бы не преумножал и собственное бытие, появляясь там, где его раньше не было. Следовательно, надо полагать, что находись мы на Сатурне или Юпитере, то, подобно тому как мы видим их отсюда, мы обнаружили бы множество других миров, которые сейчас для нас невидимы, и поняли бы что Вселенная устроена именно так до бесконечности.

— Что ни говорите, никак не пойму, что такое бесконечность,— признался он.

— А скажите,— продолжал я,— понимаете ли вы, что такое потустороннее ничто? Нет, не понимаете. Ибо когда вы думаете о небытии, вы представляете его себе хотя бы наподо-

бие ветра или воздуха, а это уже нечто; бесконечность же — если вы не представляете ее себе в целом, то представляете хотя бы по частям, потому что отнюдь не трудно вообразить, помимо Земли и воздуха, которые мы видим, еще и огонь, и другой воздух, и другую Землю. А бесконечность не что иное, как беспредельная материя, сотканная из всего этого. Если вы меня спросите, каким же образом были созданы эти миры, поскольку Священное писание говорит лишь об одном, созданном богом, мире, то я отвечу, что Писание упоминает только о нашем мире потому, что он — единственный, который бог соблаговолил создать собственными руками; все же остальные, и видимые и невидимые миры, плавающие в лазури Вселенной, не что иное, как пена, выделяемая солнцами, когда они себя очищают. А то как же могли бы существовать эти огромные очаги огня, если бы они не были связаны с некоей питающей их материей?

Подобно тому как пламя отбрасывает от себя пепел, который душит его; подобно тому как золото в тигле отделяется от колчедана, который снижает его качество, и подобно тому как наше сердце путем рвоты освобождается от неудобоваримой влаги, угнетающей его,— так и солнца ежедневно очищаются и извергают из себя остатки материи, вторгшейся в их пламя. Но когда солнца совсем поглотят материю, питающую их, они, несомненно, распространятся во все стороны в поисках новой пищи и воспламенят те миры, которые они сами же некогда создали, и в первую очередь те из них, которые расположены ближе; тогда эти великие пламена, перемешав все элементы, рассеют их во все стороны и, понемногу очистившись, станут служить солнцами новым маленьким мирам, которые они же и породят, выделив их из своей сферы. Именно это, по-видимому, дало повод пифагорейцам предсказывать всемирный пожар.

Это не глупые бредни; новая Франция, где мы находимся, дает тому убедительный пример. Ведь Америка, обширный материк, представляющий собою половину суши, не была обнаружена нашими предшественниками, хотя они тысячи раз пересекали океан; да ее тогда еще и не существовало, как не было многих островов, полуостровов, гор, появившихся на Земле лишь после того, как Солнце, очищаясь от ржавчины, далеко отбросило ее от себя; когда ржавчина сгустилась в куски достаточно тяжелые, центр нашего мира притянул их к себе то ли по частям, то ли сразу целиком. Это не так уж нелепо, и блаженный Августин одобрил бы это предположение, будь Америка открыта в его время; ведь этот великий человек, ум коего был просвещен святым духом, уверяет, что в его время Земля

была плоская, как сковородка, и плавала на воде подобно половинке апельсина. Если мне выпадет честь когда-нибудь встретиться с вами во Франции, я с помощью превосходной подзорной трубы докажу вам, что некоторые темные места на Солнце, кажущиеся нам пятнами, не что иное, как миры, находящиеся в стадии образования.

К концу этой речи глаза мои стали смыкаться, и вице-королю пришлось удалиться. На другой и в последующие дни мы продолжали вести беседу на ту же тему. Но вскоре в управлении провинцией наступили трудности, помешавшие нашим философическим рассуждениям, а я тем временем все больше погружался в мысли о том, как бы подняться на Луну.

* * *

Едва она появлялась над горизонтом, я уходил в леса и там обдумывал, как взяться за это дело и осуществить его; и вот однажды, в канун иванова дня, в то время как в крепости обсуждался вопрос о том, оказать ли помощь местным дикарям в их стычках с ирокезами, я один ушел на вершину горы, высившейся позади нашего дома, и вот что я сделал.

Я соорудил машину, которая по моим расчетам могла поднять меня на любую высоту; вообразив, будто она снаряжена всем необходимым для полета, я сел в нее и ринулся со скалы в пространство, но, не приняв, как видно, достаточных мер предосторожности, со страшной силой рухнул в долину.

Я изрядно ушибся, но все же, не падая духом, вернулся в свою комнату, взял бычьего костного мозга и натер им себе тело, ибо оно все, с головы до ног, было в кровоподтеках; подкрепившись бутылкой сердечного снадобья, я отправился за своей машиной. Но я не нашел ее на месте, ибо какие-то солдаты, посланные в лес за хворостом для праздничного костра, случайно набрели на нее и отнесли в форт. Здесь долго обсуждали, что это за штука, потом обнаружили придуманную мною рессору, и тут кое-кто стал говорить, что надо привязать к ней несколько летучих ракет, чтобы они подняли ее высоко в небо, а рессора будет приводить в движение большие крылья, и тогда всякий примет машину за огненного дракона.

Между тем я долго разыскивал ее и наконец обнаружил посреди главной площади Квебека, как раз в тот момент, когда ее собирались поджечь. Мне было до того горько видеть создание рук моих в столь великой опасности и я пришел в такое неистовство, что схватил за руку солдата, уже подносившего

к ней огонь. Я вырвал у него фитиль и бросился в машину, намереваясь уничтожить имевшееся на ней снаряжение; но было уже поздно, и едва я ступил в нее обеими ногами, как почувствовал, что поднимаюсь вверх.

Ужас, охвативший меня, все же не совсем подавил мои душевные способности, и я отчетливо помню все, что со мною тогда произошло. Как только пламя уничтожало один ряд ракет,— они были расположены по шесть штук,— благодаря запалу, помещенному в конце каждого ряда, загорался другой ряд; таким образом, по мере того как селитра загоралась, опасность отдалялась и вместе с тем возрастала. Наконец селитра вся сгорела, и машина перестала действовать; я уже думал, что сложу голову на вершине какой-нибудь горы, но вдруг почувствовал, что, хоть я и совершенно не шевелюсь, я все же продолжаю подниматься вверх, зато машина покидает меня и падает на Землю.

Это небывалое явление наполнило мое сердце такой несказанной радостью и я был так счастлив, что избавился от неминуемой гибели,— что я возымел дерзость пуститься на этот счет в философические рассуждения. И взором и мыслью я стал искать причину происходящего и вдруг обратил внимание на то, что кожа у меня вздулась и еще лоснится от бычьего мозга, которым я обмазался после падения; тут я вспомнил, что Луна сейчас на ущербе, а в это время она имеет обыкновение высасывать костный мозг из животных; вот она и сосет мозг, которым я натерся, и сосет тем сильнее, чем более я к ней приближаюсь, облака же расположены так, что не заслоняют меня от нее.

Когда я затем подсчитал, что пролетел уже три четверти расстояния, отделяющего Землю от Луны, я вдруг заметил, что лечу ногами вверх, хотя я и не перекувырнулся. Да я и не почувствовал бы этого, если бы не стал ощущать в голове всю тяжесть своего тела. Правда, я сознавал, что не возвращаюсь на нашу планету, ибо, хоть я и находился между двумя лунами и видел, что по мере удаления от одной, приближаюсь к другой, я все же был уверен, что бóльшая из них — земной шар, хотя на вторые или третьи сутки, когда вследствие отдаленного отражения лучей начали стираться различия тел и их очертания, земной шар стал мне казаться всего лишь большим золотым диском; в результате я подумал, что спускаюсь на Луну, и совсем уверился в этом, когда вспомнил, что начал падать лишь после того, как пролетел три четверти пути. «Ведь масса Луны меньше массы нашей Земли,— рассуждал я,— значит, и воздей-

ствует она на меньшее пространство; поэтому-то я позднее почувствовал на себе силу ее притяжения».

После долгого падения, о котором я только догадывался (ибо из-за стремительной скорости полета не замечал его), я наконец оказался, как помнится, под каким-то деревом, причем запутался в нескольких довольно толстых суках, обломленных мною при падении, а лицо мое было забрызгано соком раздавленного яблока.

По счастью, местность эта оказалась, как вскоре узнаете, Земным раем, а дерево, на которое я свалился,— Древом жизни. Судите сами, как я разбился бы, если бы не эта случайность. Впоследствии я часто размышлял над простонародным поверием, что если броситься вниз с большой высоты, то задохнешься еще прежде, чем коснешься земли; из своего приключения я сделал вывод, что это враки, или же надо предположить, что живительный яблочный сок, попав мне на губы, водворил обратно душу, пребывавшую недалеко от трупа, еще теплого и не отвыкшего от жизнедеятельности.

И действительно, едва я ступил на твердую почву, как боль от ушиба у меня прекратилась, еще не успев запечатлеться в памяти, а о голоде, изрядно терзавшем меня во время полета, я вспомнил только потому, что перестал ощущать его.

Встав, я едва успел рассмотреть широчайшую из четырех рек, которые, сливаясь, образуют здесь озеро, как невидимая душа растений, разлитая в этой местности, стала услаждать мое обоняние; и я заметил, что камушки здесь не жесткие и не шершавые и что они предупредительно становятся еще мягче, когда ступаешь на них. Прежде всего я обнаружил перекресток, образованный пятью аллеями с такими высокими деревьями, что они как бы возносили к небесам целый парк. Обводя их взором от корней до вершины и от макушки до низу, я начинал сомневаться — земля ли держит их, или сами они держат землю, подвешенную к их корням; их горделиво вздымающиеся кроны, казалось, гнутся под тяжестью небесных тел, которые они с трудом поддерживают; их ветви, обращенные к небу, как бы обнимали его и обращались с мольбой к звездам, еще не утратившим непорочности, чтобы те оказали им благоволение, приняв их на свое ложе.

Здесь цветы, не знающие иного садовника, кроме Природы, распространяют нежные, хоть и дикие ароматы, которые будят и радуют обоняние; здесь алая роза и ослепительно-лазурная фиалка, растущая под терновником, не оставляют вам свободы выбора и убеждают в том, что они одна лучше другой; здесь

весна царит все четыре времени года; здесь нет ядовитых растений, ибо яд обратился бы против них самих; здесь ручейки, нежно журча, повествуют камешкам о своих странствиях; здесь тысяча перпатых горлышек наполняет лес мелодичным пением; и сборища этих трепещущих божественных певцов здесь столь многочисленны, что мнится, будто каждый листок в лесу приобрел облик и голос соловья; и самой нимфе Эхо так нравится их пение, и она так вторит ему, словно хочет запомнить. Рядом с лесом раскинулось два обширных луга; их веселая зелень стелется бесконечным изумрудным ковром. Весна рассыпает здесь множество цветочков, смешивая их оттенки в чарующем беспорядке, и когда нежный зефир колышет их стебельки, не знаешь — носятся ли они друг за другом или убегают, спасаясь от ласк легкомысленного ветерка.

Этот луг можно было принять за океан, ибо он был безбрежен, и взор мой, напуганный тем, что не может обнаружить берегов, поспешил направить туда мою мысль, а мысль, подозревая, не конец ли тут света, пришла к выводу, что очаровательная местность, пожалуй, побудила небо соединиться здесь с землей. Посредп этого обширного, пленительного ковра бежит серебристый ручеек, а берега его украшены лютиками, фиалками и сотнями других цветов, и каждый из них спешит полюбоваться своим отражением в воде; ручеек еще в колыбели, ибо родился недавно, и на юном и гладком челе его еще нет ни морщинки. Вода бежит и вьется, образуя большие круги, тысячу раз возвращаясь к тому же месту, и тем самым признается, как горестно ей покидать родной край, а когда я хотел прикоснуться к ней, она с журчанием отстранила мою руку, словно ей стыдно было принимать ласки на глазах у своей матери. Животные, приходившие к ручью, чтобы напиться, казались разумнее наших; они были, очевидно, удивлены тем, что на горизонте совсем светло, в то время как солнце они видят на дне ручья, и не решались склониться к воде, боясь, что упадут в небо.

Должен сказать, что при виде всех этих красот я ощутил ту приятную щекочущую боль, какую чувствует, говорят, зародыш, когда в него вливается душа. Старые волосы выпали у меня и сменились новыми, более густыми и мягкими. Снова во мне возгорелась молодость, лицо зарумянилось, и все тело прониклось приятной теплотой,— словом, я помолодел лет на четырнадцать.

Пройдя с полмили меж зарослей жасмина и мирт, я заметил человека, лежащего в тени,— при виде меня он зашевелился; то был юноша, притом столь величественно прекрасный,

что мне захотелось преклопиться перед ним. Он встал, чтобы воспрепятствовать моему намерению.

— Не мне, а богу должен ты поклоняться,— воскликнул он.

— Перед вами человек, до того ошеломленный множеством чудес, что он не знает, чем больше восхищаться,— ответил я ему.— Я явился из мира, который вы здесь, несомненно, принимаете за Луну, и рассчитывал, что окажусь в ином мире, именуемом Луной у нас. А я неожиданно оказался в раю, у ног божества, которое не хочет, чтобы ему поклонялись, перед лицом незнакомца, который изъясняется на моем языке.

— Все, что вы говорите,— правильно, исключая звание бога, которым вы меня наделяете, ибо я всего лишь божье создание; эта земля — Луна, которую вы видите со своей планеты, а почва, по которой вы ступаете,— рай, но рай земной, куда с начала веков проникли всего лишь шесть человек: Адам, Ева, Енох, я (я — старик Илия), евангелист Иоанн да вы. Вам известно, как первые двое были из него изгнаны, но вы не знаете, как они попали в ваш мир. Вот как это произошло: после того как они вкусили запретного плода, Адам боялся, как бы бог, раздраженный его присутствием, не усилил кару, и решил, что Луна, то есть ваша Земля,— единственное убежище, где он может укрыться от преследований своего Творца.

А в те времена воображение у человека было могучим, ибо еще не было подорвано ни распутством, ни грубой пищей, ни болезнями; пылкое желание достигнуть этого убежища воспламенило воображение Адама, вес его в силу такого воодушевления уменьшился, и он вознесся, подобно тому как некоторые философы, воображение коих чем-либо воспламенено, уносятся ввысь силою восторга, который вы называете экстатическим. У Евы, которая из-за немощей, свойственных ее полу, была слабее и не столь увлекающейся, конечно, не хватило бы пылкости воображения, чтобы усилием воли преодолеть вес материи; но прошло еще очень мало времени с тех пор, как она была извлечена из ребра своего супруга, и благодаря симпатии, которая еще связывала извлеченную часть с ее целым, Еву повлекло к возносящемуся, подобно тому как янтарь притягивает соломинку и как магнит вновь повертывается в сторону севера, от которого его отторгли. Вот и Адам привлек к себе эту часть самого себя, как море привлекает реки, которые из него же вышли. Прибыв на вашу Землю, они обосновались между Месопотамией и Аравией; евреи знали его под именем Адама, язычники под именем Прометея, которому поэты приписывают похищение огня с неба, основываясь на том, что потомки Прометея

наделены столь же совершенной душой, какой самого его наделил бог.

Итак, ради того, чтобы поселиться на вашей планете, первый человек покинул этот мир, оставив его безлюдным; но Всемогущий не хотел, чтобы столь прекрасная местность пребывала необитаемой. Несколько веков спустя он позволил Еноху удалиться от людей, ибо нравы их стали портиться, и праведник не нашел иного убежища, где можно было бы оградить себя от родственников, затеявших грызню из-за раздела вашего мира, как только благословенный край, о котором его предок Адам часто ему рассказывал. Но как добраться туда? Лестницу Иакова тогда еще не изобрели. Тут благодать господня снизошла на Еноха, и он вспомнил, что на жертвы праведников и тех, кто угоден Всевышнему, нисходит небесный огонь, ибо господь сказал: «Благоухание жертв и праведника дошло до меня».

Однажды, когда небесное пламя яростно пожирало жертву, принесенную Енохом Предвечному, он наполнил испарениями жертвы два больших сосуда, крепко-накрепко закупорил их и подвесил себе под мышки. Дым, стремившийся подняться прямо к богу, но лишенный возможности просочиться через металл, стал поднимать сосуды вверх, а вместе с ними и праведника. Когда святой человек достиг Луны и взглянул на этот прекрасный сад, он несказанно возрадовался, ибо понял, что это и есть Земной рай, где некогда обретался его дед. Он проворно отвязал сосуды, которые были привязаны к его плечам наподобие крыльев, и сделал это весьма кстати, ибо в этот миг он находился на расстоянии всего лишь четырех локтей от поверхности Луны. Высота эта была, однако, достаточной, чтобы он сильно разбился, не будь у него широкого плаща, в который врывался ветер, и не пылай сам он огнем милосердия, поддерживавшим его до той минуты, когда он ступил на твердую почву. Что касается двух сосудов, то они продолжали подниматься вверх, пока бог не укрепил их в небе, где они так и остались,— их теперь называют Весами,— и они до сих пор каждодневно доказывают нам, что полны благоухания от жертвы праведника, ибо их влияние на гороскоп Людовика Справедливого, родившегося под их знаком, весьма благотворно.

Однако в это время Еноха в саду еще не было; он прибыл позже. Тогда свирепствовал потоп, и воды, поглотившие ваш мир, поднялись на такую невообразимую высоту, что ковчег плавал в небесах рядом с Луною. Люди заметили ее из окна, но огромное непрозрачное тело слабо отражало солнечные лучи ввиду того, что ковчег находился совсем близко от него, а также

и в силу того, что ковчег сам отражал этот свет,— поэтому люди решили, что перед ними — клочок Земли, не тронутый потопом. Лишь одна из дочерей Ноя, по имени Ахав, стала громогласно утверждать, что это — Луна; вероятно, Ахав заметила, что по мере того, как корабль поднимается все выше и выше, он все более приближается к этому светилу. Сколько ей ни твердили, что, когда бросили лот, оказалось, что глубина воды составляет всего лишь пятнадцать локтей,— она на все отвечала, что, как видно, железка наткнулась на спину кита и спину приняли за землю, сама же она вполне уверена, что ковчег скоро подойдет к Луне. А так как каждый склонен разделять мнение себе подобных, вскоре в это уверовали все женщины. И вот, невзирая на запрет мужчин, женщины спустили на воду шлюпку. Ахав была среди них самая отважная и пожелала первою испытать опасность. Она весело бросилась в шлюпку, и все женщины последовали бы за нею, если бы волна не отбила шлюпку от ковчега. Сколько ей ни кричали, сколько ни обзывали лунатиком, сколько ни убеждали, что из-за нее про всех женщин будут говорить, будто у них в голове пусто, она только смеялась в ответ.

И вот она плывет вне мира. Животные последовали ее примеру; большинство птиц, тяготясь непривычной для них неволей и чувствуя в крыльях достаточно силы, чтобы тронуться в путь, тоже отважилось на это. Да и четвероногие, кто посмелее, пустились вплавь. С ковчега ушло около тысячи голов, пока сыновьям Ноя не удалось наконец запереть хлев, ворота которого распахнула толпа убегающих животных. Большинство бежавших достигло Нового Света. Что касается шлюпки, то она пристала к прелестному пригорку, где отважная Ахав и высадилась; она с радостью убедилась, что земля эта — действительно Луна, и отнюдь не желала плыть обратно к братьям.

Некоторое время она жила в пещере; однажды, гуляя и раздумывая о том, жалеет ли она, что лишилась общества своих близких, или, напротив, довольна одиночеством, она увидела человека, собиравшего желуди. Она так обрадовалась нежданной встрече, что принялась обнимать незнакомца; старик отвечал ей тем же, ибо он еще дольше, чем Ахав, не видел человеческого лица. Это и был Енох Праведный. Они зажили вместе и так до конца жизни и коротали бы дни свои в кротости, какою господь благословляет браки праведников, если бы Еноху из-за безбожного нрава детей и гордыни жены не пришлось удалиться в лес.

Здесь, живя в глуши и страшном одиночестве, добрый старец благоговейно приносил Создателю свое сердце как искупи-

тельную жертву; но однажды с Древа познания, которое, как вам известно, растет в этом саду, сорвалось яблоко; оно упало в реку, протекающую вблизи, и поплыло по прихоти волн за пределы Рая, к тому берегу, где бедняга Енох для поддержания жизни ловил рыбу. Прекрасный плод попался в сеть, и Енох съел его. Тотчас же он познал, где находится Земной рай; постигнув тайну, о которой вы и представления не имели бы, если бы сами не вкусили этого плода, он направился в вожделенный край и поселился там.

Теперь надо вам рассказать, как я сам сюда попал. Вы, вероятно, не забыли, что зовут меня Илия,— ведь я вам некогда назвал себя. Знайте же, что я побывал и в вашем мире и жил там на берегах Иордана вместе с Елисеем, таким же евреем, как и я; жил я там среди книг, жизнь моя текла безмятежно, и я не могу не сожалеть о том, что она миновала. Однако, по мере того как накапливались мои познания, крепло и убеждение, что многого мне недостает. Всякий раз, когда священники говорили мне о славном Адаме, я вздыхал, памятуя его непогрешимую философию. Я уже отчаивался постигнуть ее, как вдруг однажды, принеся жертву во искупление прегрешений моего бренного существа, я заснул, и во сне мне явился ангел господень. Проснувшись, я не преминул приняться за дело, которое он мне предписал; я взял магнит размером около двух квадратных локтей, положил его в печь и, тщательно очистив от примесей и шлака, расплавил и извлек из него прокаленное притягательное вещество, которому придал форму ядра средней величины.

Затем я велел соорудить из самого легкого железа телегу, и несколько месяцев спустя, когда все механизмы были готовы, водрузился в свой хитроумный возок. Вы спросите, к чему все это? Так знайте же: во сне ангел сказал мне, что если я хочу достигнуть совершенного знания, к которому стремлюсь, то мне надлежит взобраться на Луну, где я увижу в Адамовом раю Древо познания; как только я коснусь плода этого древа, душа моя проникнется всеми истинами, какие только доступны живому существу. Вот для этого-то путешествия и смастерил я свой возок. Я сел в него, а когда почувствовал себя в нем крепко и устойчиво, я высоко подбросил магнитное ядро. Железная машина, которую я нарочно устроил помассивнее в середине, чем по краям, тотчас же поднялась и держалась в безупречном равновесии, потому что именно середину ее тянуло сильнее всего. Итак, по мере того как я приближался к месту, куда меня притягивал магнит, я вновь бросал ядро как можно выше над собою.

— Но как вам удавалось бросать ядро настолько прямо над возком, что возок никогда не отклонялся в сторону? — прервал я его.

— Тут нет ничего чудесного,— ответил старец,— ведь магнит, подброшенный вверх, притягивал возок прямо к себе; следовательно, я никак не мог подниматься в сторону. Более того, когда я держал магнит в руках, я все равно поднимался вверх, потому что возок все время стремился к магниту, который я держал над ним; но стремление железа слиться с ядром было столь велико, что тело мое складывалось в три погибели, а потому я только раз отважился на этот опыт. Право, зрелище это было удивительное, ибо сталь моей летучей хижины, весьма тщательно отполированная мною, со всех сторон отражала столь яркий, сверкающий солнечный свет, что мне казалось, будто я сам весь в огне. Наконец, множество раз подбросив ядро и взлетев выше, я, подобно вам, достиг того предела, откуда свалился в этот мир; теперь я крепко держал ядро в руках, и сиденье, на котором я помещался, подпирало меня снизу, стремясь приблизиться к магниту, благодаря чему возок не мог отделиться от меня. Единственно, чего следовало опасаться, это того, что я сверну себе шею, и во избежание такой беды я время от времени выбрасывал ядро и благодаря его притягательной силе несколько замедлял скорость падения, рассчитывая ослабить удар; так оно и случилось. Ибо когда я увидел, что до земли остается двести — триста туазов, я стал перебрасывать ядро на уровне возка из стороны в сторону, пока не увидел Земной рай. Тут я сразу подбросил ядро вверх, возок последовал за ним, а я вылез из снаряда и тихонько опустился на песок, чтобы удар был не сильнее, чем если бы я падал с высоты собственного роста.

Не стану описывать, как я был изумлен при виде всех здешних красот, ибо сами вы изумлены ими не меньше меня. Скажу только, что на другой же день мне встретилось Древо жизни и благодаря ему я не старею. Древо вскоре погибло, а змий превратился в дым.

Тут я спросил:

— Достопочтенный и святой патриарх, мне очень хотелось бы узнать, что разумеете вы под змием, который превратился в дым?

Он улыбнулся и ответил мне так:

— Я забыл, сын мой, открыть вам одну тайну, которую вам ранее никто не мог открыть. Так вот: после того как Ева и ее муж вкусили запретного плода, бог, желая покарать змия-искусителя, заключил его в тело человека. И с тех пор всякое суще-

ство, появляющееся на свет, в наказание за прародительский грех таит и питает во чреве своем змия, потомка упомянутого мною. Вы его называете кишками и воображаете, будто они нужны для жизненных отправлений, так знайте же, что они не что иное, как свернувшийся клубком змий. Когда вы слышите некие вопли во внутренностях, так это свистит змий; он просит есть, повинуясь своей прожорливой природе, в силу которой он и первого человека подстрекал есть побольше; ибо Творец, желая наказать вас, создал вас смертными наравне со всеми прочими животными и отдал вас во власть этому ненасытному, чтобы вы, накормив его сверх меры, таким образом сами себя задушили бы. Если же вы откажете змию в пище, то его невидимые зубы станут терзать ваш желудок, змий же будет вопить, неистовствовать, выделять яд, который ваши ученые именуют желчью, и он так напоит этим ядом ваши артерии и так разгорячит вас, что вы вскоре погибнете. Наконец, чтобы убедиться, что кишки — не что иное, как змий, укрывшийся в вашем теле, вспомните, что их находили в гробницах Эскулапа, Сципиона, Александра Карла Мартела и Эдуарда Английского и что они еще питались трупами своих хозяев.

— И в самом деле,— сказал я, прерывая Илию,— я замечал, что змий делает беспрестанные попытки выйти из мужского тела; голова его и шея то и дело показываются у нас под животом. Но бог не допустил, чтобы мученьям подвергались одни только мужчины; он пожелал, чтобы змий набрасывался и на женщин и вводил в них свой яд, причем чтобы вздутие после укуса держалось девять месяцев. А чтобы доказать вам, что я говорю, следуя слову божьему, напомню, что бог сказал змию, проклиная его, что, хотя он и осилит женщину, когда восстанет на нее, все же под конец женщина заставит его склонить голову.

Я хотел было продолжать в том же духе, но Илия остановил меня.

— Не забывайте,— сказал он,— что место это священно.

Он немного помолчал, как бы стараясь отвлечься от сказанного, потом продолжал в следующих выражениях:

— Я вкушаю плода жизни лишь раз в столетие; вкусом оно напоминает винный спирт; видимо, именно благодаря этому плоду, которого поел Адам, наши праотцы прожили так долго, ибо в их семя проникла частица его силы, пока она не растворилась в водах потопа. Древо познания посажено напротив. Плоды его покрыты кожицей, которая погружает в невежество всякого, кто вкусит ее, зато под кожицей таятся все достоинства этого мудрого плода. Некогда бог, изгнав Адама из здешних

благодатных мест и боясь как бы он не отыскал сюда дорогу, натер ему десны этой кожицей. После этого Адам целых пятнадцать лет заговаривался и до такой степени все забыл, что ни сам, ни потомки его вплоть до Моисея ничего не могли сказать о сотворении Вселенной. Но последние проявления свойства этой кожицы наконец рассеялись под действием пыла и ясности ума великого пророка. По счастью, я выбрал плод совсем зрелый и уже лишенный кожицы, и едва я смочил его своей слюной, как погрузился в мировую философию. Мне показалось, будто у меня в голове возникло бесчисленное множество крошечных глазков, и я обрел способность говорить с самим Создателем. Когда я впоследствии задумался над этим чудесным явлением, мне стало ясно, что с помощью одних только оккультных средств простого естественного тела мне никак не удалось бы преодолеть бдительность серафима, которого бог поставил охранять этот рай. Но поскольку богу угодно прибегать ко вторичным причинам, я решил, что он сам впушил мне этот способ проникнуть в рай,— точно так же, как он пожелал воспользоваться ребром Адама, чтобы создать для него жену, хотя мог сотворить ее из земли так же, как создал самого Адама.

Я долго гулял в этом саду в одиночестве. Поскольку главным моим хозяином был местный ангел-привратник, мне захотелось приветствовать его. Я шел целый час и прибыл в местность, где тысячи молний сливались в одну, образуя ослепительный свет, благодаря коему тьма вокруг становилась особенно ощутимой.

Я еще не вполне пришел в себя от этого зрелища, как увидел перед собою прекрасного юношу.

— Я архангел, которого ты разыскиваешь,— сказал он мне,— бог открыл мне свою волю: это он научил тебя, как прийти сюда, и он желает, чтобы ты здесь ожидал его дальнейших предначертаний.

Ангел побеседовал со мною о многих предметах и между прочим сказал, что свет, который, по-видимому, напугал меня, вовсе не страшен и зажигается почти каждый вечер, когда он, архангел, обходит дозором Земной рай: он вынужден предотвращать всевозможные козни колдунов-невидимок, которые проникают всюду, и для этого ему приходится размахивать тяжелым пылающим мечом; свет — это молнии, рожденные его стальным клинком.

— Молнии, которые вы видите из своего мира, произвожу я,— добавил он.— Иногда вы видите их в отдалении; это происходит оттого, что облака, реющие над дальними странами, вби-

рают в себя свет и отражают в вашу сторону лишь легкие вспышки огня, и эти же испарения, по-иному располагаясь в пространстве, образуют радугу. Других объяснений я вам давать не стану, ибо Древо познания недалеко отсюда; стоит вам только вкусить его плода, и вы станете таким же мудрым, как я. Но остерегайтесь одной ошибки: большинство плодов, висящих на дереве, облечено кожурой, коснувшись которой вы опуститесь до состояния ниже человеческого, в то время как мякоть плода вознесет вас до уровня ангела.

На этом месте рассказа Илии о поучениях серафима к нам подошел какой-то человечек.

— Это Енох, о котором я говорил вам,— шепнул мне мой вожатый.

Едва Илия произнес эти слова, как Енох предложил нам целую корзину плодов, похожих на гранаты, которые он только что собрал в отдаленной роще. По указанию Илии я положил себе в карман несколько плодов, а Енох спросил у него, кто я такой.

— Приключение его заслуживает обстоятельного рассказа,— возразил мой вожатый,— вечером, когда мы соберемся дома, он сам расскажет нам чудесные подробности своего путешествия.

* * *

С этими словами мы подошли к своего рода шалашу, искусно сплетенному из пальмовых побегов и ветвей мирта и померанцевого дерева. Здесь я заметил в углу ворох какого-то волокна, такого белого и мягкого, точно то была душа снега. Я увидел также разбросанные там и сям клубки пряжи. Я спросил у моего вожатого, зачем они.

— Чтобы прясть,— ответил он.— Когда добрый Енох хочет отвлечься от размышлений, он то расчесывает кудель, то сучит нить, то ткет холст для сорочек одиннадцати тысяч девственниц. Вам, конечно, доводилось видеть в вашем мире осенью в пору посева витающие в воздухе белые нити; крестьяне зовут их «нитями богородицы» — а это не что иное, как очески, которые летят, когда Енох расчесывает лен.

Хижина оказалась кельей Еноха, но мы тут не задержались и ушли, не простившись с ним; расстались мы так поспешно потому, что он совершает молитву каждые шесть часов, а с последней молитвы прошло именно столько времени.

По дороге я настойчиво просил Илию закончить рассказ о вознесениях и напомнил, что он остановился на том, как поднялся на небо евангелист Иоанн.

— Раз уж вам так не терпится и вы не можете подождать, пока плод Древа познания откроет все это вам лучше меня,— извольте,— ответил он.— Итак, бог...

На этом слове в дело каким-то образом вмешался дьявол, ибо я не удержался и насмешливо прервал Илию.

— Помню,— сказал я,— в один прекрасный день богу доложили, что душа так слабо держится в теле евангелиста, что ему приходится крепко стискивать зубы, чтобы удержать ее; между тем время, когда, по предначертанию создателя, евангелисту надлежало быть вознесенным на небо, уже истекало; поэтому, не успев соорудить для него какое-либо приспособление, бог решил помочь ему оказаться на небе, не тратя времени на путешествие.

Пока я говорил, Илия смотрел на меня так, что взгляд его в силах был убить меня, если б только я мог умереть от чего-либо другого, кроме голода.

— Гадина,— воскликнул он, шарахаясь от меня.— У тебя хватает бесстыдства кощунствовать, и Премудрый покарал бы тебя поделом, но он желает, чтобы ты послужил для народов примером его милосердия. Ступай же, нечестивец, вон отсюда; ступай и свидетельствуй в этом мире и в другом — а тебе суждено туда возвратиться,— какую непримиримую ненависть питает господь к безбожникам.

При последних словах этого проклятия он схватил меня за шиворот и грубо потащил к воротам. Когда мы подошли к высокому дереву, ветки которого под тяжестью плодов гнулись почти до земли, он сказал мне:

— Вот Древо познания, откуда, не будь ты безбожником, ты мог бы почерпнуть непостижимые истины.

Не успел он договорить, как я, притворившись расслабленным, припал к одной из веток и ловко сорвал с нее яблоко. Мне оставалось пройти еще несколько шагов, и я оказался вне этого восхитительного сада; между тем голод так свирепо мучил меня, что я совсем забыл о том, что нахожусь во власти разгневанного пророка. Поэтому я достал одно из яблок, коими был набит у меня карман, и впился в него зубами, но вместо того, чтобы взять одно из тех, которыми угостил меня Енох, я случайно вытащил яблоко, которое было мною сорвано с Древа познания, причем, на беду свою, я не очистил его от кожуры.

Едва я отведал его, как душу мою окутал густой мрак: я уже не видел никого вокруг себя, и взор мой не различал во всем полушарии ни малейшего следа дороги; вместе с тем я отлично помнил все, что со мною случилось. Поразмыслив над этим чудом, я понял, что кожура плода не окончательно лиши-

ла меня разума по той причине, что, прокусив ее, зубы мои слегка коснулись мякоти плода, и таким образом благодатный сок несколько уменьшил зловредное действие кожуры.

Я с удивлением заметил, что стою совсем один посреди совершенно незнакомой мне местности. Куда ни обращал я взора, сколько ни озирался вокруг, я, к огорчению своему, нигде не обнаруживал ни души. В конце концов я решил отправиться в путь и идти до тех пор, пока судьба не пошлет мне навстречу какого-нибудь зверя или самоё смерть.

Судьба вняла моей мольбе, ибо немного погодя мне встретились два очень крупных зверя; один из них остановился передо мною, а другой проворно убежал в свою нору (так я, по крайней мере, подумал), но вскоре он вернулся с семью-восемью-стами себе подобных, и они окружили меня. Когда я разглядел их поближе, оказалось, что туловище и лицо у них, как у нас. Это диво напомнило мне то, что́ некогда рассказывала мне кормилица о сиренах, фавнах и сатирах. Время от времени они поднимали такой дикий вой (вероятно, от удивления), что мне стало казаться, будто сам я превратился в какое-то чудище. Наконец один из этих полулюдей-полузверей схватил меня за шиворот, подобно тому как волк хватает ягненка, вскинул себе на спину и понес в их город, где я еще более изумился, убедившись в том, что это действительно люди, хотя они все до одного ходили на четвереньках.

Видя, что я такой маленький (а сами они большей частью локтей двенадцати в длину) и что тело мое держится всего лишь на двух ногах, они не верили, что я человек, ибо считали, что поскольку природа наделила человека наравне с животными двумя ногами и двумя руками, то человек должен пользоваться ими так же, как и они. И в самом деле, поразмыслив над этим впоследствии, я пришел к заключению, что в таком положении тела нет ничего удивительного; особенно я убедился в этом, вспомнив, что, пока у детей нет других наставников, кроме природы, они ходят на четвереньках и становятся на две ноги только по наущению кормилиц, которые приучают их к этому, приставляя их к колясочкам и привязывая им ремешки, чтобы они не становились на четвереньки, к чему влечет ребенка естественное положение тела.

Потом они стали говорить (позже мне перевели их рассуждения), что я, несомненно, самка того зверька, который живет у королевы. Как бы то ни было, меня повели в ратушу; там я понял по приглушенным разговорам и жестам как простых горожан, так и чиновников, что они спорят о том, что я

за существо. После долгих споров некий гражданин, на которого возложена была охрана редких животных, стал упрашивать чиновников доверить меня его попечениям до той поры, когда за мной пришлет королева, чтобы соединить меня с моим самцом.

Фигляр легко получил согласие и отнес меня к себе домой, где стал учить меня паясничать, кувыркаться, гримасничать; днем он за определенную плату впускал к себе желающих меня посмотреть. Но небо сжалилось над моими страданиями и вознегодовало, видя, как в моем лице надругаются над образом Создателя; и вот по воле его однажды, когда фигляр, привязав мне веревку, заставлял меня прыгать на потеху зевакам, один из присутствующих стал пристально всматриваться в меня, а потом спросил по-гречески, кто я такой. Я очень удивился, услыша, что здесь говорят так же, как и в нашем мире. Сначала он расспрашивал меня, я отвечал, а потом я кратко рассказал ему о своей затее и об успешном путешествии. Он стал утешать меня и, помнится, сказал:

— Что поделаешь, сын мой. Вы расплачиваетесь за слабости, свойственные вашим соплеменникам. Здесь, как и у вас, есть пошлая толпа, которой несносна мысль, что существует нечто на нее не похожее. Но вам лишь платят тою же монетой: ведь если бы кто-нибудь с этой земли перелетел на вашу, то тамошние ученые приказали бы задушить его как чудовище или обезьяну, одержимую нечистым.

Потом он обещал мне, что о моих невзгодах доведет до сведения двора. Он добавил, что, как только услышал обо мне, поспешил меня повидать и сразу же признал во мне человека из того самого мира, о котором я говорю; он понял, что я—житель Луны и родом из Галлии, ибо сам он некогда тоже странствовал; он жил в Греции, где его прозвали демоном Сократа; после смерти философа в Фивах он воспитывал и обучал Эпаминонда; затем, перебравшись к римлянам, из чувства справедливости примкнул к партии юного Катона, а после его кончины стал приверженцем Брута. Когда же все эти великие люди оставили вместо себя одни лишь призраки своих добродетелей, он и его единомышленники замкнулись в храмах или в глухом уединении.

— В конце концов,— добавил он,— народ, населяющий вашу землю, стал до того глупым и грубым, что у моих товарищей и меня самого пропала всякая охота просвещать его. Вы, несомненно, слышали о нас, ведь это нас называли оракулами, нимфами, духами, феями, пенатами, лемурами, ларвами, вампирами, гномами, наядами, инкубами, привидениями, манами, тенями и призраками; мы ушли с вашей земли при императоре

Августе, вскоре после того, как я явился Друзу, сыну Ливии, который воевал в Германии, и запретил ему идти дальше. Недавно я вторично возвратился из вашего мира; сто лет тому назад мне поручили съездить туда, я много бродил по Европе и беседовал с людьми, которых, быть может, и вы знавали. Между прочим, однажды я явился итальянцу Кардано в то время, как он погружен был в ученые занятия; я научил его множеству разных чудесных вещей, и в благодарность он мне обещал открыть потомству, от кого он все это узнал. Я встречался там с Агриппой, аббатом Тритемом, доктором Фаустом, Ла Броссом, Цезарем и некоей шайкой молодых людей, известных черни под именем «рыцарей ордена Розенкрейцеров», которым я преподал множество хитростей и открыл кое-какие тайны природы, благодаря чему они прослыли в народе за великих кудесников. Я был знаком с Кампанеллой; не кто иной, как я, посоветовал ему, когда он находился в распоряжении римской инквизиции, принимать выражение лица и позы людей, в мысли коих он желает проникнуть, чтобы тем самым вызывать у себя мысли, которые побудили его противников принимать те или иные позы; таким образом он узна́ет их образ мыслей и ему легко будет с ними общаться; по моей просьбе он начал сочинять книгу, которую мы с ним назвали «De sensu rerum». Во Франции я часто бывал у Ламот Ле Вейе и у Гассенди. Второй из них в своих книгах такой же философ, как первый — в жизни. Я знавал там и множество других людей, которых в вашем мире считают гениями, но мне они показались всего лишь пустомелями и гордецами.

Наконец, когда я переезжал из вашей страны в Англию, желая изучить нравы ее обитателей, я повстречал человека, который навлек позор на свое отечество; ведь это же позор, что ваши вельможи, признавая его заслуги, не боготворят его. Чтобы долго не распространяться, скажу, что он — воплощение ума, воплощение доброты и у него все достоинства, из коих достаточно и одного, чтобы создать героя: то был Тристан Лермит. Я не стал бы называть его, ибо уверен, что он не простит мне этой оплошности; но я не рассчитываю когда-либо вернуться в ваш мир, поэтому мне хочется по совести засвидетельствовать эту истину. Право, должен признаться, что, когда я убедился в его высоких добродетелях, у меня родилось сомнение, будут ли они признаны; поэтому я постарался уговорить его принять от меня три склянки: первая была наполнена тальковым маслом, вторая — порохом, третья — жидким золотом, то есть той растительной солью, которая, по словам ваших химиков, дает вечную жизнь. Но он отверг их со столь же благород-

ным презрением, с каким Диоген отверг предложения Александра, когда последний подошел к его бочке. Словом, я ничего другого не могу добавить к хвале этому человеку, как только сказать, что он у вас — единственный поэт, единственный философ и единственный свободный человек. Вот достойные внимания люди, с которыми мне довелось беседовать; все же остальные,— по крайней мере, из знакомых мне,— стоят на уровне ниже человеческого до такой степени, что мне попадались животные, возвышавшиеся над ними.

Впрочем, я уроженец не вашей земли, да и не этой; я родился на Солнце. Но наш мир иногда оказывается перенаселенным, ибо обитатели его живут очень долго, а также потому, что у нас почти не бывает войн и болезней; вследствие этого наши правители время от времени отправляют колонии в окружающие миры. Меня, например, решили отправить в ваш мир и объявили начальником отряда, который посылался вместе со мною. После вашего мира я перебрался в этот по причинам, о которых я вам уже говорил; а живу я здесь потому, что тут люди любят правду, тут нет педантов, тут философа можно убедить только доводами разума, авторитет же ученого, так же как и авторитет большинства, ценится не выше, чем мнение простого молотобойца, если он рассуждает здраво. Короче говоря, в этом мире считают безрассудными лишь софистов и краснобаев.

Я спросил, сколько же времени они живут.

— Три-четыре тысячи лет.

И он продолжал так:

— Чтобы стать видимым, вот как теперь, я подбираю для себя какой-нибудь труп и вселяюсь в него.

Когда я чувствую, что труп становится изношенным или органы его перестают удовлетворительно выполнять свою работу, я перехожу в другое, только что умершее тело.

Хотя обитателей Солнца не так много, как обитателей этого мира, все же Солнце часто оказывается переполненным, ибо народ там темперамента пылкого, нрава беспокойного и честолюбивого и очень много ест.

Не удивляйтесь моим словам, ибо хотя наш, солнечный, шар весьма обширен, а ваш — мал, и хотя мы умираем, прожив более четырех тысяч лет, а вы — прожив только полстолетия, все же песка во Вселенной больше, чем камней, камней больше, чем растений, растений больше, чем животных, а животных больше, чем людей; значит, и людей, вероятно, больше, чем демонов, ибо порождение столь сложного конгломерата встречает немало трудностей.

Я спросил, представляют ли они собою тоже тела, как мы; он ответил утвердительно; они тоже тела, но не такие, как мы, и вообще не такие, какие мы можем себе представить; ибо мы в просторечии называем «телом» лишь то, до чего можно дотронуться; впрочем, в природе вообще нет ничего, что не было бы материальным, и, хотя сами они тоже материальны, все же, когда они хотят стать для нас видимыми, им приходится принимать такие формы и размеры, которые доступны нашим органам чувств; поэтому-то многие и думают, что истории, которые о них рассказывают, всего лишь бредни малодушных, тем более что они являются людям только по ночам. Он добавил, что поскольку им приходится сооружать для себя тело наспех, у них подчас хватает времени лишь на то, чтобы дать телу только один какой-нибудь орган чувств — то это слух, воспринимающий голоса оракулов, то зрение, различающее блуждающие огоньки и призраки, то осязание, ощущающее инкубов и видения, которые являются; он пояснил также, что тела эти не что иное, как тем или иным образом сгущенный воздух, поэтому свет, несущий с собою тепло, разрушает их, подобно тому как он рассеивает туман, расширяя его.

Столь любопытные разъяснения разожгли во мне желание расспросить о его рождении и смерти, узнать, обычными ли для нас путями появляется на свет солнечный житель и умирает ли он подобно нам от расстройства здоровья и разрыва какого-либо органа.

— Вашим умом не постичь этих тайн,— отвечал он.— Вы, люди, воображаете, будто то, чего вы не понимаете, имеет духовную природу или же что оно вовсе не существует; но такой вывод весьма ошибочен и только доказывает, что во Вселенной существует, быть может, миллион явлений, для постижения коих вам потребовался бы миллион совершенно других органов. Мои чувства, например, позволяют мне понять причину влечения магнита к полюсу, постичь тайну морских приливов и узнать, что становится с животным после его смерти; вы же можете подняться до таких высоких понятий лишь путем веры, ибо вам недостает соответствующего кругозора,— так слепец не может представить себе, что такое прелесть ландшафта, колорит картины, оттенки радуги, или же он представит себе их как нечто осязаемое, вроде еды, или как звук, как запах. Так и вы, если бы я стал объяснять вам то, что воспринимаю органами чувств, которых у вас нет, то вы представили бы себе это как нечто, что можно услышать, увидеть, осязать, трогать, пробовать на вкус, а между тем это нечто совсем иное.

В то время как он говорил все это, фокусник заметил, что зрителям начинает надоедать мой лепет; он был для них совершенно непонятен и воспринимался как некое бессмысленное мычание. Фокусник принялся изо всех сил дергать веревку, чтобы я прыгал, и это продолжалось до тех пор, пока зрители не стали расходиться по домам, вволю нахохотавшись и убедившись, что я почти так же сообразителен, как местные животные.

Посещения этого дружественного демона скрашивали дурное обращение со мной моего хозяина, ибо разговаривать с теми, кто заходил посмотреть на меня, я не мог,— ведь ни я не понимал их языка, ни они моего, не говоря уже о том, что они считали меня законченной скотиной; судите же сами, какая между нами лежала пропасть. Надо сказать также, что в этой стране в ходу только два языка: одним пользуются вельможи, другим — простонародье.

Язык вельмож не что иное, как разновидности нечленораздельных звуков, более или менее напоминающих нашу музыку, когда мелодия не сопровождается словами, и это, конечно, изобретение столь же полезное, сколь и приятное, ибо когда вельможи устанут говорить или сочтут ниже собственного достоинства пользоваться для этой цели своим горлом, то они берут лютню или другой какой-нибудь инструмент и при его посредстве выражают свои мысли не хуже, чем голосом; таким образом, они иной раз собираются человек по пятнадцати — двадцати и при помощи мелодичнейшего концерта обсуждают какой-нибудь богословский тезис или запутанный судебный вопрос.

Другой язык, находящийся в распоряжении народа, выражается в дрожании членов, но дрожание это не такое, какое можно себе представить, ибо некоторые части тела передают всю речь целиком. Например, каждое движение пальца, руки, уха, губы, локтя, глаза, щеки представляют собою целую речь или период речи со всеми ее составными частями. Другие движения обозначают всего лишь отдельные слова, как, например, морщинка на лбу, различные подергивания мускулов, поворот ладони, притоптывание, выворачивание руки; они усвоили привычку ходить совершенно голыми, и, таким образом, когда они говорят, все члены, привыкшие выражать их мысли, до того оживленно шевелятся, что кажется, будто это не человек говорит, а просто трепещет тело.

Демон посещал меня почти ежедневно, и его чудесные беседы разгоняли тоску, в которую ввергала меня тяжелая неволя. Однажды утром в конуру мою вошел незнакомый мне мужчина; он долго лизал меня, потом осторожно подхватил зу-

бами под мышки, а лапой, которой он поддерживал меня, чтобы я не упал, перевалил меня себе на спину, где мне было так мягко и удобно, что, несмотря на горечь сознания, что со мной обращаются как со скотиной, у меня не возникало ни малейшего желания удрать; к тому же люди, которые ходят на четырех погах, передвигаются настолько быстрее нашего, что даже самые неповоротливые из них могут догнать бегущую лань.

Но я безмерно огорчался, не имея никаких вестей от моего учтивого демона; вечером, когда мы остановились на ночлег, я прогуливался во дворе харчевни в ожидании еды, и тут появился совсем еще молодой и довольно красивый человек и стал хохотать мне прямо в лицо, забросив мне на плечи две передние ноги. Я некоторое время взирал на него, а он наконец воскликнул по-французски:

— Что же это? Вы уже не узнаете своего друга?

Судите сами, что со мною сталось, когда я услышал эти слова! Изумление мое было столь велико, что я вообразил, будто весь лунный шар, все, что со мною здесь произошло, все, что я видел,— не что иное, как наваждение. А человек-животное (тот самый, на котором я ехал) продолжал так:

— Вы говорили, что никогда не забудете услуг, которые я вам окажу, а сейчас можно подумать, что вы меня никогда и не видели.

Заметив, что я все так же удивлен, он сказал:

— Словом, я демон Сократа.

Эти слова повергли меня в еще большее изумление; чтобы рассеять его, он пояснил:

— Я тот демон Сократа, что развлекал вас в тюрьме; чтобы и дальше служить вам, я облекся в тело, на котором нес вас вчера.

— Но как же это возможно? — прервал я его.— Ведь вчера у вас было тело очень длинное, а сегодня оно совсем короткое; вчера у вас был голос усталый и хриплый, а сегодня он звонкий и громкий; наконец, вчера вы были седовласым стариком, а сегодня вы молодой человек! В нашем мире человек движется от рождения к смерти, а здесь, значит, идут от смерти к рождению и, старея, молодеют?

— Поговорив с князем,— отвечал он,— и получив распоряжение доставить вас ко двору, я отправился за вами туда, где вы находились, а когда я вас привез, то почувствовал, что тело, в которое я облекся, до такой степени устало, что органы его не могут выполнять свою обычную работу. Поэтому я направился в больницу и там застал труп молодого человека, кото-

рый только что скончался вследствие происшествия весьма странного и тем не менее нередкого в этой местности. Я подошел к телу, делая вид, будто мне кажется, что оно еще движется, и стал уверять присутствующих, что он вовсе не умер и что они принимают за смерть обыкновенную летаргию. Затем я незаметно приблизился губами к его губам и вошел в него как бы вместе со вздохом. Тут моя старая оболочка сошла с меня, а я, став тем юношей, отправился за вами, оставив присутствующих в полном изумлении.

Тут нас пригласили к столу, и я пошел вслед за моим вожатым в роскошно обставленную залу, где, однако, не заметил никаких приготовлений к трапезе. Полное отсутствие какой-либо снеди, в то время как я умирал от голода, побудило меня спросить — где же накрытый стол? Ответа я слушать не стал, ибо в эту минуту три-четыре мальчика, дети хозяина, подошли ко мне и стали весьма учтиво снимать с меня всю одежду вплоть до рубашки. Эта неожиданная церемония до такой степени удивила меня, что я не только не решался спросить разъяснения у моих прекрасных камердинеров, но даже на вопрос вожатого о том, с чего мне желательно начать, я лишь с великим трудом ответил: с супа. Но едва я вымолвил это слово, как почувствовал запах самой благоуханной похлебки, какой когда-либо вдыхал нос жестокосердого богача. Я хотел вскочить с места, чтобы броситься по следу этого упоительного аромата, но скакун мой удержал меня.

— Куда вы? — сказал он.— Сейчас мы пойдем гулять, сначала же надо поесть; доедайте суп, а потом закажем что-нибудь другое.

— Черт возьми, да где же суп-то? — возразил я, начиная злиться.— Вы сегодня, кажется, вздумали поиздеваться надо мною?

— Я полагал, что в городе, откуда мы приехали, вы видели, как ест ваш хозяин или кто-нибудь другой,— ответил он,— поэтому я не объяснил вам, как тут питаются. Но раз вы этого еще не знаете, скажу вам, что здесь люди живы паром. Кулинарное искусство состоит здесь в том, чтобы в большие, нарочно для этой цели сделанные сосуды собирать запахи, которые издает всякая снедь, когда ее жарят; едва запахов наберется достаточное количество, притом разных, на всякий вкус, вскрывают какой-нибудь сосуд соответственно аппетиту обедающих, потом откупоривают другой и так далее, пока все общество не насытится. Если вы этого еще на себе не испытали, то вам трудно поверить, что нос, без участия зубов и глотки,

кормит человека, исполняя обязанности рта, но я хочу познакомить вас с этим на опыте.

Не успел он договорить, как я почувствовал что в залу один за другим поступают приятные пары, притом такие питательные, что не прошло и десяти минут, как я оказался совершенно сыт.

Когда мы встали из-за стола, демон сказал:

— Все это не должно особенно удивлять, потому что вы, вероятно, не раз замечали в вашем мире, что повара, кондитеры и кулинары, хоть и едят куда меньше людей других профессий, все же гораздо дороднее остальных. Откуда, по-вашему, эта полнота как не от паров, которые их беспрестанно окружают, просачиваются в их тела и питают их? Люди этого мира отличаются более крепким и устойчивым здоровьем, ибо пища их почти не вызывает испражнений, кои являются причиной чуть ли не всех болезней. Возможно, вы удивились, что перед трапезой вас раздели,— ведь в вашем мире такого обычая нет; а здесь это принято, и делают это для того, чтобы животное могло как можно лучше впитывать пары.

— Сударь,— отвечал я,— то, что вы говорите, весьма правдоподобно, и я сейчас кое в чем убедился на собственном опыте, но все же, признаюсь вам, что не могу так быстро отучиться от своих грубых привычек и был бы весьма рад, если бы на зубах у меня оказался какой-нибудь осязаемый кусочек.

Он обещал исполнить мое желание, но только на другой день, ибо, пояснил он, есть сразу же после обеда вредно, это наверняка вызовет расстройство желудка. Мы потолковали еще некоторое время, а потом поднялись в свою комнату, чтобы лечь спать.

Наверху лестницы перед нами предстал какой-то человек; внимательно разглядев нас, он меня повел в комнату, пол которой был устлан слоем цветов померанца толщиной не менее трех футов, а демона проводил в другую комнату, усыпанную гвоздикой и жасмином; заметив, что меня удивляет это великолепие, незнакомец пояснил, что таковы здесь постели. Наконец мы улеглись, каждый в своей келье, и едва я растянулся на цветочном ковре, как при мерцании штук тридцати светлячков, заключенных в хрустальный сосуд (других светильников там нет), я увидел тех трех или четырех подростков, которые раздели меня перед обедом; один из них принялся щекотать мне пятки, другой — ляжки, третий — бока, четвертый — руки, и все это делалось так мило и нежно, что не прошло и нескольких мгновений, как я задремал.

FG A

«Город Солнца»

* * *

На другой день ко мне вместе с солнцем вошел мой демон.

— Я намерен сдержать данное вам обещанье,— сказал он.— Сегодня позавтракаете поплотнее, чем вчера поужинали.

Тут я встал, и он за руку повел меня в сад, разбитый за домом; там нас ждал один из хозяйских сыновей; в руках у него было оружие, весьма похожее на наши пищали. Он осведомился у моего вожатого, не желаю ли я дюжину жаворонков,— ведь обезьяны (за каковую он меня принял) питаются преимущественно ими. Не успел я ответить, как охотник выстрелил и штук двадцать — тридцать уже зажаренных жаворонков упало к нашим ногам.

«У нас в шутку говорят, что есть страна, где жаворонки сыплются с неба уже изжаренные,— подумал я.— Видно, кто-нибудь из наших побывал здесь».

— Вам остается только угощаться,— сказал демон,— тут умеют примешивать к пороху и свинцу некий состав, который убивает дичь, ощипывает ее, жарит и сдабривает приправами.

Я подобрал несколько жаворонков, съел их и по чести скажу, что в жизни не пробовал ничего вкуснее.

После завтрака мы стали собираться к отъезду; демон мой вручил хозяину некую бумагу, причем оба они обменялись бесчисленными ужимками, к которым там прибегают всегда, когда хотят выразить свое расположение. Я спросил его, не чек ли это в возмещение понесенных расходов. Он ответил отрицательно; он теперь ничего ему не должен, на бумаге написаны стихи.

— Стихи? — удивился я.— Значит, здесь трактирщики увлекаются поэзией?

— Здесь это ходовая монета; за услуги с нас причиталось шестистишие, которое я и вручил хозяину. Я не боялся расходов, так как даже если бы мы с вами кутили целую неделю, то не могли бы истратить сонета, а у меня их в кармане четыре, не считая двух эпиграмм, двух од и одной эклоги.

«Ах, так ведь такими самыми деньгами, если не ошибаюсь, Сорель во «Франсионе» снабжает Гортензия,— подумал я,— вот откуда украл их Сорель; но какой дьявол надоумил его на это? Не иначе как мать; говорят, она была лунатик».

— Дал бы бог, чтобы так было и в нашем мире,— сказал я.— Я знаю немало благородных поэтов, которые умирают с голоду, а жили бы отлично, если бы можно было расплачиваться виршами.

Я спросил, всегда ли стихи годны, лишь бы их красиво переписали. Он ответил, что нет, и пояснил:

— Сочинив стихи, автор несет их на Монетный двор, где заседают присяжные поэты со всего королевства. Здесь чиновники-стихотворцы подвергают стихи испытанию, и если признают, что они доброкачественны, то оценивают их, но не по весу, а по остроумию; другими словами, не всякий сонет ценится потому, что он сонет, а ценится он по своим достоинствам. Поэтому если кто и умирает с голоду, так только тупица; все же люди остроумные живут припеваючи.

Я пришел в полный восторг от здешних мудрых порядков, а он продолжал:

— Но есть трактирщики, которые держат заведения на совсем иных условиях. Когда выходишь от них, они просят дать им расписку на соответствующую сумму, чтобы предъявить ее на том свете; получив оную, они запосят ее в большую книгу, которую называют «Божьи счета», приблизительно в следующих выражениях: «Стоимость стольких-то стихов, выданных тогда-то такому-то, каковую бог должен возместить сразу же по предъявлении этой расписки из любых имеющихся у него средств». Почувствовав приближение смерти, такой трактирщик велит разрубить книгу на мелкие куски и проглатывает их, ибо считает, что если не переварить книгу таким образом, то бог не сможет прочитать ее и она не принесет никакой пользы.

Эта беседа не мешала нам продолжать путь,— вожатый мой несся на четырех лапах, а я сидел на нем верхом. Не стану подробно описывать приключений, которые задерживали нас в пути, пока мы наконец не достигли города, служащего королевской резиденцией. Едва я появился там, как меня повели во дворец, где вельможи встретили меня не столь восторженно, как простонародье, когда я проезжал по улицам. Однако они пришли к тому же заключению, что и простолюдины, а именно — что я самка зверька, который живет у королевы. Так объяснил мне мой вожатый; между тем он сам терялся в догадках, ибо не знал, что представляет собой королевский зверек; но вскоре все выяснилось, ибо король, рассмотрев меня, повелел привести зверя, и полчаса спустя я увидел ватагу обезьян, одетых в короткие штанишки и куртки с брыжами, а среди них — невысокого мужчину почти что моего сложения, ибо он двигался на двух ногах; едва завидев меня, он подошел ко мне со словами: «Criado de vuestra merced» [1]. Я ответил ему приветстви-

[1] Покорнейший слуга вашей милости *(исп.)*.

ем в том же духе. Но увы! Как только окружающие заметили, что мы друг с другом разговариваем, они утвердились в своем ошибочном мнении, а те из присутствующих, которые относились к нам особенно благожелательно, стали говорить, что наша беседа простое хрюканье, вызванное инстинктом и выражающее радость по поводу нашей встречи.

Человечек рассказал мне, что он европеец, родом из Старой Кастилии. Он умудрился с помощью птиц взлететь в лунный мир, где мы и находимся; королева, в руки которой он попал, приняла его за обезьяну, ибо по странному совпадению здесь одевают обезьян на испанский лад; он прибыл сюда в испанском наряде, почему королева и приняла его за обезьяну.

— Надо заметить,— возразил я,— что на обезьянах примеряли всевозможные костюмы и более нелепых найти не могли. Поэтому-то обезьян и стали так одевать, ибо держат их при себе исключительно ради потехи.

— Значит, здесь не ведают достоинств нашей нации, для которой весь мир поставляет рабов и которая никак не может давать повод для шуток.

Затем он попросил меня рассказать, как это я решился подняться на Луну при помощи приспособления, о котором я говорил; я ответил, что воспользовался машиной потому, что он переманил всех птиц, на которых я собирался лететь. В ответ на эту шутку он улыбнулся, а четверть часа спустя король повелел обезьяньим служителям увести нас, а главное, уложить испанца и меня вместе, чтобы наша порода преумножилась в королевстве.

Воля монарха была в точности исполнена, чему я весьма радовался, ибо таким образом у меня было с кем поговорить и скрасить свое пребывание на скотском положении и в одиночестве. Однажды мой самец (я ведь считался самкой) поведал мне, что истинной причиной его странствий по Земле и конечного переселения на Луну было то, что он нигде не нашел страны, где существовала бы свобода — хотя бы для воображения.

— Видите ли,— сказал он,— если вы не носите четырехугольной или докторской шапочки или сутаны, то, что бы вы ни говорили прекрасного, если оно противоречит мнению признанных ученых, вас сочтут дураком, полоумным или безбожником. Меня на родине хотели отдать в руки инквизиции только потому, что я, вопреки педантам, открыто утверждал наличие пустоты в природе и говорил, что не знаю такого вещества, которое было бы тяжелее другого.

Я спросил, на чем основывается он, придерживаясь столь мало распространенного мнения.

— Чтобы уразуметь это, надо предположить, что существует всего лишь один элемент,— сказал он,— ибо, хоть мы и видим порознь воду, землю и огонь, мы никогда не встречаем их в вполне чистом виде, не смешанными друг с другом. Когда вы смотрите, например, на огонь, так ведь это — только расширенный воздух; а воздух это сильно разжиженная вода; вода не что иное, как растворенная земля, а сама земля — не что иное, как сильно сжатая вода; итак, если поглубже вникнуть в вещество, убеждаешься, что оно едино, но, как хороший лицедей, оно играет в дольнем мире всевозможные роли, облекаясь во всевозможные наряды. Иначе пришлось бы допустить существование стольких же элементов, сколько существует разновидностей тел; если же вы меня спросите, почему огонь обжигает, а вода холодит, хотя они представляют собою одно и то же вещество, я вам отвечу, что вещество действует по симпатии в зависимости от состояния, в каком оно находится в данное время. Огонь не что иное, как земля в еще более расширенном состоянии сравнительно с тем, в каком он образует воздух; он по симпатии стремится обратить все, что ему попадается, в такое же состояние, в каком находится сам. Так тепло, содержащееся в угле, будучи огнем самого тонкого вида и лучше других способным проникáть тело, пробивается сквозь поры нашей кожи, наполняет нас и вызывает наружу пот; пот, расширяясь под действием огня, обращается в пар и становится воздухом; воздух же этот, еще более разреженный теплом антиперистаза или окружающих его светил, называется огнем; частицы земли, лишенные холода и влаги, которые все связывают, распадаются в прах. Вода же, хотя и отличается от огня только тем, что более сжата, не обжигает нас потому, что, будучи сжатой, стремится из симпатии сжать встречающиеся ей тела, а холод, ощущаемый нами, не что иное, как состояние нашей кожи,— она сжимается под действием земли и воды, которые стремятся уподобить ее себе. Этим и объясняется, что страдающие водянкой, то есть люди, наполненные водою, превращают в воду всю пищу, которую едят; точно так же и люди желчные превращают в желчь всю кровь, которую вырабатывает их печень. Если предположить, что существует всего лишь один элемент, то становится очевидным, что все тела, соответственно своим свойствам, равным образом стремятся к центру Земли.

Вы спрашиваете, почему железо, металлы, земля, дерево быстрее направляются к центру, чем, например, губка, и думае-

те, что это происходит оттого, что губка наполнена воздухом, который, естественно, стремится подняться вверх. Причина же тут вовсе не та, и вот что я вам скажу: хотя скала низвергается вниз с большей скоростью, чем перо, оба они одинаково склонны к такому путешествию; но пушечное ядро, если бы Земля оказалась просверленной насквозь, устремилось бы к ее центру с большей скоростью, чем надутый воздухом пузырь, а причина этому та, что металлическая масса представляет собою большее количество земли, сведенной к небольшому объему, воздух же, наоборот, при большом объеме содержит мало земли; все части материи, заключающиеся в железе, будучи соединены между собою, благодаря этому приобретают бóльшую силу, ибо их много, а препятствие, которое они должны преодолеть, незначительно, принимая во внимание, что количество воздуха, равное по объему ядру, не равно последнему по весу, и поэтому, склоняясь под бременем многочисленных, к тому же торопящихся, частиц, воздух неизбежно расступается, давая дорогу железу.

Чем же, не вдаваясь в сложные рассуждения, объяснить ранящие свойства копья, сабли, кинжала? Только тем, что сталь — материя, в которой частицы расположены теснее друг к другу и крепче сцеплены между собою, чем в нашем теле, поры и мягкость которого говорят о том, что при большом объеме в нем содержится очень мало материи, и потому пронзающее нас острие железа, которое содержит неисчислимо большое количество материи сравнительно с малостью ее в нашем теле, вынуждает последнее поддаться железу, подобно тому как тесно скачущий эскадрон легко врезается в менее собранную и более протяженную бригаду. Почему раскаленная крица горячее пылающего полена? Да потому, что в крице больше огня при малом объеме металла, и огонь пронизывает все части металла, в то время как полено, будучи ноздреватым, содержит в себе, следовательно, много пустоты, а пустота, представляющая собою отсутствие материи, не поддается действию огня. Но, возразите вы, вы говорите о пустоте так, словно доказали ее существование, а тут мы с вами расходимся во мнениях. Ну что ж, сейчас я вам докажу, что пустота существует, и хотя вопрос этот по трудности своей — родной брат гордиева узла, у меня руки достаточно сильные, чтобы разделаться с ним, как Александр разделался с узлом.

Пусть не возражают мне тупицы, считающие себя людьми только потому, что слышали об этом от ученых. Если допустить, что существует только одна единая материя,— а это я, кажется, доказал,— то чем же объяснить, что она растягивает-

ся и сжимается, как ей вздумается? Каким образом комок земли настолько уплотняется, что превращается в камень? Неужели частицы камня взгромождаются друг на друга с такой точностью, что одна песчинка помещается именно там, где была прежняя? Этого не может быть хотя бы потому, что тела не проникают друг в друга; возможно это только при условии, что новая частица приблизится и, если хотите, сократится, с тем чтобы занять некое место, до тех пор не занятое.

Можно ли сказать, что непостижимо, как это в мире может существовать пустота и как сами мы отчасти состоим из этой пустоты? А что же? Разве мир в целом не окружен пустотой? Если вы не отрицаете этого, то согласитесь, что вполне возможно, что мир заключает в себе пустоту так же, как он окружен ею.

Предвижу ваш вопрос: не для того ли вода, замерзшая и сжавшаяся в сосуде, разрывает его, чтобы воспрепятствовать образованию пустоты? На это я отвечу, что это происходит оттого, что находящийся над сосудом воздух, стремясь — подобно земле и воде — к центру и встретив на своем пути пустующий постоялый двор, сразу же поселяется в нем; если поры сосуда, то есть пути, ведущие к пристанищу, чересчур протяженны или чересчур запутаны, то он в нетерпении разбивает стенки, чтобы поскорее добраться до цели.

Но, не тратя времени на все эти возражения, осмелюсь утверждать, что, не будь пустоты, не было бы и движения, или же надо предположить взаимопроницаемость тел, ибо нелепо воображать, что, когда муха крылышком отталкивает частицу воздуха, эта частица, в свою очередь, отталкивает следующую и так далее; тогда движение блошиной лапки неизбежно должно породить шишку где-то за пределами мира. Когда этим людям податься некуда, они пытаются объяснить все разреженностью воздуха; но скажите на милость, как же может случиться, чтобы при разрежении тела, когда частицы его удаляются друг от друга, между ними не возникало бы пустоты? Ведь для этого надо было бы, чтобы два разъединившихся тела находились в одно и то же время в одном и том же месте, где было и третье тело, то есть чтобы все три тела проникли друг в друга. Я предвижу, что вы спросите: каким же образом при помощи трубы, шприца или насоса воду поднимают в направлении, противоположном ее естественному устремлению? На это я отвечу, что тут она подчиняется внешней силе и не страх пустоты побуждает ее свернуть с пути, а то, что, будучи неуловимым образом связана с воздухом, она поневоле поднимается, когда поднимают кверху охватывающий ее воздух.

Это нетрудно понять, если постигнешь безупречный круговорот и тончайшее переплетение элементов; достаточно посмотреть внимательно на ил, сочетающий землю с водою, чтобы убедиться, что он и не земля и не вода, а только посредник между этими двумя элементами; так и вода с воздухом взаимно направляют друг к другу туман, пронизывающий и примиряющий их обоих; воздух же примиряется с огнем при посредстве объединяющих их выделений.

Он, видимо, собирался продолжать рассуждение, но тут нам принесли еду, а так как мы очень проголодались, я затворил уши, чтобы отворить желудок для пищи.

Помнится, однажды, когда мы философствовали — а толковать о низменных предметах мы не любили,— он сказал:

— Мне очень досадно, что такой незаурядный ум, как ваш, заражен предрассудками, присущими невежественной толпе. Поймите, что — вопреки педанту Аристотелю, утверждения коего теперь без различия сословия твердит вся ваша Франция, поймите,— что *все пребывает во всем*; иными словами в воде, например, есть огонь, в огне — вода, в воздухе — земля, а в земле — воздух. Ученые, слыша такое мнение, таращат глаза, и истину эту легче доказать, чем убедить в ней. Прежде всего я спрошу их: не родит ли вода рыбу? Если они ответят отрицательно, я скажу: выройте ров, наполните его водой, пропустите ее предварительно, чтобы избавиться от возражений слепцов, сквозь мелкое сито; если через некоторое время во рву не окажется рыбы, я готов выпить всю налитую туда воду, если же рыбу найдут, в чем я не сомневаюсь, это будет убедительным доказательством, что в воде содержится и соль и огонь. Найти после этого воду в огне — задача не такая уж трудная. Ибо если пожелают иметь дело с огнем, даже наиболее свободным от материи, каким, например, являются кометы, то и в этом огне все-таки окажется много материи, ибо если бы маслянистое вещество, порождающее огонь и превращенное в серу жаром антиперистаза, который воспламеняет его, не встретило бы препятствия своему порыву со стороны влажной прохлады, умеряющей порыв и противоборствующей ему, то комета сгорела бы в одно мгновение, как молния.

Ученые не могут отрицать и наличие воздуха в земле, иначе можно подумать, что они никогда не слышали о страшных содроганиях гор, так часто потрясающих Сицилию. Кроме того, мы видим, что земля очень пориста вплоть до песчинок, из коих она состоит. Между тем никто еще не говорил, что эти поры заполнены пустотой, поэтому все согласятся с мнением,

что в порах находится воздух. Мне остается доказать, что в воздухе содержится земля, но я считаю излишним брать на себя такой труд, поскольку вы сами убеждаетесь в этом всякий раз, когда вам на голову сыплется несметное количество атомов, сосчитать кои уж не поможет никакая арифметика.

Но перейдем от простых тел к сложным; тут найдется еще больше примеров, чтобы доказать, что все — во всем, причем не в том смысле, что тела переходят одно в другое, как лепечут перипатетики; я заявляю им в лицо, что элементы смешиваются, отделяются один от другого и опять смешиваются, оставаясь самими собою, и то, что мудрым Создателем Вселенной было сотворено водою, так и остается ею навсегда. В отличие от них, я не высказываю предположений, которых не могу доказать.

Поэтому возьмите, прошу вас, полено или иной какой-нибудь горючий предмет и подожгите его; когда предмет сгорит, они скажут, что то, что было деревом, превратилось в огонь. Я же отрицаю это; я говорю, что, хотя все полено заполыхало, огня стало не больше, чем до того, как к нему поднесли огниво, но что огонь, скрытый в полене, не мог из-за холода и сырости выйти наружу и проявить себя, а теперь, получив подмогу со стороны, собрался с силами, преодолел холодную влажность, душившую его, и завладел местом, занятым его недругом; теперь он беспрепятственно являет себя и торжествует над своим тюремщиком. Посмотрите, как вода сочится с обоих концов полена; она еще разогрета борьбой, кончившейся для нее поражением. Пламя, которое вы видите наверху,— огонь самый легкий, самый свободный от материи и, следовательно, наиболее готовый вернуться в свою сферу. Он, впрочем, до некоторой высоты складывается в пирамиду, чтобы преодолеть плотную влажность воздуха, которая задерживает его. Но, поднимаясь, он постепенно освобождается от грубого соседства своих хозяев и свободно растекается, не встречая ничего враждебного на своем пути; однако легкомыслие нередко приводит его снова в темницу, ибо, свободно передвигаясь, он иной раз попадает в тучу. Если он там встретит достаточное количество других огней, чтобы противостоять окружающим испарениям, то они объединяются, разражаются грохотом и громом, мечут молнии, и одухотворенный гнев этих безжизненных начал зачастую несет смерть ни в чем не повинным существам. Если же препятствием на пути огня оказывается влажность средней сферы, а он недостаточно силен, чтобы отстоять себя, он предоставляет себя на милость врага, а тот своею тяжестью принуждает его ринуться обратно на зем-

лю, и несчастный огонь, заключенный в каплю воды, окажется у подножья дуба, живительный огонь коего привлечет к себе бедного странника и предложит ему поселиться с ним; таким образом, огонь возвратится к тому же состоянию, из которого вышел несколько дней перед тем.

Но проследим судьбу и остальных элементов, входивших в состав полена. Воздух покидает свое пристанище еще в смеси со всякими испарениями, ибо разгневанный огонь изгоняет их всех вперемешку. Он служит ветру раздувательным мехом, дает дыхание животным, наполняет пустоту, образованную природой, а возможно, что его, зарывшегося в капельке росы, выпьют жаждущие листья того самого дерева, в котором притаился наш огонь. Вода, изгнанная пламенем из полена и поднятая теплом до самой колыбели метеоров, низвергнется на наш дуб, как и на всякий другой, а земля, ставшая пеплом, а затем излеченная от бесплодия то ли питательным теплом навоза, в который ее бросят, то ли растительными солями соседних растений, то ли плодородной водою рек, вновь, быть может, окажется возле того дуба, а он теплом своим притянет ее к себе и превратит в часть своего целого.

Таким образом, всем четырем элементам приуготовлена одна и та же участь, и каждый из них возвращается в то же состояние, из коего он вышел несколько дней тому назад. Поэтому можно сказать, что в человеке имеется все необходимое, чтобы образовать дерево, а в дереве все необходимое для того, чтобы образовать человека. Словом, все находится во всем, нам недостает только Прометея, который извлек бы нас из недр природы и сделал бы для нас осязательным то, что я охотно назвал бы первичным веществом.

* * *

Вот, в общих чертах, чем мы развлекались. Надо сказать, что маленький испанец был не лишен остроумия. Беседовали мы с ним, однако, только по ночам, потому что с шести утра до самого вечера нам мешала толпа, собиравшаяся у нашего жилища, чтобы глазеть на нас; некоторые бросали нам камни, другие — орехи, а кое-кто — траву. Только и толков было, что о королевских зверьках.

Нам ежедневно в определенное время подавали пищу, и сама королева и король не раз брали на себя труд ощупать мой живот, чтобы проверить, не полнею ли я, ибо им до смерти хотелось получить потомство от их маленьких животных. Не знаю, потому ли, что я был более внимателен, чем мой самец, к их

ужимкам и к звукам, которые они издавали, но я раньше его научился понимать их язык и кое-как изъясняться на нем; это явилось причиною того, что отношение к нам стало меняться, и по всему королевству разнеслись слухи, что найдены два диких человека, что ростом мы ниже обычного, так как в глуши плохо питались, и что передние ноги у нас, вследствие изъяна в семени отцов, недостаточно окрепли и поэтому мы не можем на них держаться.

Слухи эти так упорно распространялись, что люди уже готовы были им поверить, если бы не местное духовенство: оно утверждало, что только безбожники могут считать, будто какие-то животные, и даже хуже того — уроды, относятся к той же породе, что и люди.

— Гораздо убедительнее предположение,— возражали более умеренные жители,— что нашей домашней скотине доступны некоторые человеческие преимущества и, следовательно, бессмертие — по той причине, что скотина эта рождена в нашей стране; совсем иное дело — чудовище, которое утверждает, что оно родилось черт знает где или даже на Луне; кроме того, обратите внимание, как резко они отличаются от нас. Мы передвигаемся на четырех ногах, потому что бог хотел поставить столь ценное создание на прочную опору; он опасался, что, если мы будем ходить иначе, нас постигнет несчастье. Поэтому он взял на себя труд поставить нас на четыре столба, дабы мы не падали, а что касается этих двух ублюдков, то он отдал их на прихоть природы, а та поставила их всего лишь на две лапы, потому что отнюдь не опасалась за такое ничтожество.

— Даже птицы не так обделены,— говорили они,— ведь им в подмогу слабым ногам дано оперенье, и они могут взлетать на воздух, когда мы их гоним; а у этих уродов природа отняла по две лапы, поэтому им не уйти от нашего правосудия. Посмотрите, кроме того, как у них голова обращена к небу! Бог обрек их на такую скудость, что они постоянно жалуются на свою судьбу и умоляют позволить им воспользоваться нашими отбросами. У нас же головы склоняются вниз, потому что мы любуемся богатствами, которыми обладаем, и потому, что на небе нет ничего такого, чему мы завидовали бы.

Каждый день священники рассказывали у моей конуры такую вот чепуху или нечто подобное и в конце концов до того одурачили народ, что меня стали считать в лучшем случае — беспёрым попугаем, ибо у меня, как у птиц, всего лишь две лапы. На этом основании меня посадили в клетку,— об этом состоялось особое постановление Главного совета.

По утрам ко мне приходил птичник королевы и учил меня свистеть, как учат здесь скворцов; откровенно говоря, я был счастлив, что вполне обеспечен пищей. Между тем, слушая всякий вздор, которым зеваки забивали мне уши, я научился говорить по-ихнему, а овладев их языком в достаточной степени, чтобы выражать свои мысли, я стал делиться лучшими из них. Теперь собравшиеся дивились моим остротам и моему тонкому уму. Дошло до того, что Совету пришлось обнародовать указ, коим возбранялось думать, будто я наделен разумом, и предписывалось всем, независимо от звания и состояния, считать, что, как бы остроумно я ни поступал, делаю я это только по инстинкту.

Между тем вопрос о том, что же я собою представляю, разбил город на два лагеря. Партия благорасположенных ко мне росла ото дня на день и в конце концов, невзирая на проклятия пророков и угрозы отлучения от церкви, коими рассчитывали запугать народ, сторонники мои потребовали, чтобы для разрешения этого вопроса веры был созван съезд представителей всех сословий. Долго препирались насчет того, кого выбрать в депутаты, но распорядителям удалось успокоить страсти, пообещав, что число представителей той и другой стороны будет одинаково и что меня тоже доставят на съезд, что и было сделано; но там со мною обращались так круто, что трудно это себе вообразить. Экзаменаторы стали задавать мне, между прочим, вопросы по философии; я чистосердечно изложил им все, чему некогда научил меня мой наставник, но им, правда, удалось без особого труда опровергнуть все мои утверждения. Когда у меня уже не оставалось никаких доводов, я в крайности прибег к положениям Аристотеля, но последние помогли мне не более, чем софизмы, ибо ученые в двух-трех словах доказали мне их ложность.

— Аристотель, мудрость которого вы так расхваливаете, видимо, приспосабливал принципы к своей философии, вместо того чтобы философию приспосабливать к принципам; кроме того, он должен был бы доказать, что его принципы — разумнее принципов других сект, а ему это не удалось. Поэтому, милостивый сеньор, надеемся, вы нас простите, но мы с ним не согласны.

В конце концов они убедились, что ничего другого от меня не услышат, как только то, что они не ученее Аристотеля и что мне запрещено оспаривать тех, кто отрицает его принципы; поэтому они единодушно решили, что я не человек, а, возможно, своего рода страус ввиду того, что голову я тоже держу прямо, хожу на двух лапах и вообще очень похож на эту птицу, хоть пуха у меня, правда, и поменьше. Принимая все это во внима-

ние, птичнику было велено переправить меня обратно в клетку. Я проводил время довольно приятно, ибо научился хорошо говорить на их языке, и весь двор развлекался, болтая со мною. Дочери королевы, как и другие, клали кое-что в мою кормушку; а самая миленькая из них, почувствовав ко мне расположение, пришла в неописуемую радость, когда я ей по секрету открыл некоторые тайны нашей веры; особенно же восторгалась она, когда я рассказывал о наших колоколах и святынях, и она со слезами на глазах уверяла, что если мне удастся со временем возвратиться в наш мир, то она охотно последует за мной.

* * *

Как-то ранним утром, внезапно проснувшись, я увидел, что она палочкой барабанит по прутьям моей клетки.

— Радуйтесь,— сказала она,— вчера на Совете было решено пойти войной на короля X. Я надеюсь, что в суматохе, связанной со сборами, когда нашего монарха и его приближенных не будет в городе, мне удастся спасти вас.

— Как? Война? — прервал я ее.— Разве между здешними королями возникают ссоры, как и в нашем мире? Сделайте милость, расскажите, как же они воюют.

— Третейские судьи, избранные с согласия обеих сторон, определяют время, которое предоставляется для вооружения, а также время выхода в поход, число воюющих, день и место сражения. Причем все это делается с такой точностью,— продолжала она,— что обе стороны находятся в совершенно равных условиях; ни в том, ни в другом войске нет ни одного лишнего солдата сверх условленных; в каждом войске все искалеченные сосредоточены в одной роте, и когда дело доходит до рукопашной, то предводители заботятся о том, чтобы калеки бились только с калеками; с другой стороны, великаны дерутся только с великанами, фехтовальщики — только с равными по ловкости, храбрецы — только с отважными, хилые — с немощными; больные — с недомогающими, сильные — с крепкими, а если кто-нибудь вздумает напасть на врага, ему не предназначенного, его клеймят трусом, разве что будет доказано, что он действовал по ошибке. После сражения подсчитывают раненых, убитых, пленных; что же касается беглецов — то таковых не бывает; если потери с обеих сторон равны — тянут жребий о том, кого провозгласить победителем.

Но даже если королевство в честном бою разгромит неприятеля, то это еще ни к чему не ведет, ибо существуют другие;

немногочисленные армии ученых и людей умных, от прений коих всецело зависит торжество или поражение государств.

Ученый противопоставляется другому ученому, остроумец — остроумцу, человек справедливый — такому же. В конечном счете победа, достигнутая таким путем, засчитывается за три победы, одержанных грубой силой. После провозглашения победителя собрание распускается, а народ-победитель избирает себе короля — либо своего собственного, либо неприятельского.

Я не мог удержаться от смеха, слушая о такой щепетильности в подготовке и проведении сражений, и привел в качестве примера куда более твердой политики наши европейские обычаи, когда монарх не упускает ни малейшей возможности победить, и вот как она мне отвечала:

— Скажите, разве ваши монархи, вооружаясь, не ссылаются на право сильного?

— Ссылаются,— ответил я,— и ссылаются также на свою правоту.

— Так почему же они не избирают третейских судей, заслуживающих доверия? — продолжала она.— А если окажется, что у обоих права одинаковые, почему не сохраняют они существующее положение или не разыгрывают в карты город или провинцию, о которой идет спор? Вместо этого они жертвуют головами четырех миллионов человек, которые куда лучше их самих; запершись в своих кабинетах, они потешаются подробностями избиения этих простофиль. Но зря я порицаю доблесть ваших храбрых воинов — они правильно поступают, умирая за родину, ведь решается важный вопрос: быть ли вассалом короля, носящего брыжи, или короля, предпочитающего плоеный воротничок.

— Но вам-то к чему все эти тонкости в ведении войны? Не достаточно ли того, что армии равночисленны?

— Вы неправильно рассуждаете,— возразила она.— Неужели вы, победив врага один на один, можете по совести утверждать, что одержали победу в честном бою, если сами вы были в кольчуге, а враг — без нее, если он был вооружен только кинжалом, а вы, кроме того, длинной шпагой, если, наконец, он был однорукий, а вы — с обеими руками? А ведь несмотря на то, что вы очень стараетесь создать бойцам равные условия, таких условий на деле никогда не бывает, ибо один из сражающихся будет высок ростом, другой — мал; один будет опытен, а другой впервые будет держать в руках шпагу; один будет крепыш, другой — заморыш, и даже если эти несоответствия сгладятся, даже если бойцы окажутся одинаково ловкими и

сильными, они все равно не будут равны, ибо один, быть может, окажется отважнее другого; этот неистовый боец забудет об опасности, он распалится, он полнокровнее, сердце у него крепче,— все эти качества и придают человеку мужество, а ведь это равносильно обладанию шпагой или другим оружием, которого у противника нет; такой человек исступленно устремляется на врага, устрашает его и лишает жизни беднягу, который предвидел опасность, пыл которого охладила флегма, а сердце его оказалось чересчур обширным и поэтому в нем не могли собраться воедино те испарения, которые в силах растопить лед, именуемый трусостью. Таким образом, хваля человека за то, что он легко одолел противника, хваля его за храбрость, вы, по существу, одобряете его за грех, содеянный против природы, поскольку его храбрость приводит к разрушению. В связи с этим скажу вам, что несколько лет тому назад состоялось постановление Военного совета, которое предусматривает более строгий и справедливый порядок в сражениях. Философ, подавший эту мысль, говорил так:

«Вы считаете, господа, что, подобрав двух противников одинакового роста, одинаково ловких, в равной степени отважных, вы вполне уравняли их преимущества; но этого еще недостаточно, ибо ведь надо, чтобы победитель превзошел соперника ловкостью, силой и удачей. Если победою он обязан ловкости, значит, он поразил врага в такое место, где тот не ожидал удара, или с бо́льшим проворством, чем предполагал противник, или же, притворившись, что метит в одно место, поразил в другое. Между тем все это значит не что иное, как изворачиваться, обманывать, предавать, а обман и предательство не прибавят доблести истинно благородному человеку. Если он восторжествовал силою, разве вы сочтете побежденным его противника, над которым было совершено насилие? Конечно, нет; как не скажете, что человек потерпел поражение, если на него низверглась скала, которую он не мог сдержать. Так и воина нельзя считать побежденным только на том основании, что в данную минуту он оказался не в состоянии противостоять неистовству своего противника. Если же один другого сразил случайно, значит, чествовать надо не победителя, а Судьбу; сам боец тут ни при чем, а побежденного нельзя осуждать, как нельзя осуждать игрока в кости, партнер которого выкинул восемнадцать очков, в то время как сам он — только семнадцать».

Философу ответили, что он прав, но что нет человеческой возможности внести в это дело полный порядок и что лучше ми-

риться с небольшим изъяном, чем допускать сотню других, куда более значительных.

На этот раз она мне больше ничего не сказала, потому что боялась, как бы ее не застали со мной наедине в такой ранний час. Не то чтобы в этой стране распутство почиталось за преступление; наоборот, всякий мужчина, исключая осужденных преступников, имеет здесь право на любую женщину, а всякая женщина может привлечь к суду любого мужчину, отказавшегося от нее. Но она не могла открыто бывать у меня, по ее словам, из-за жрецов, которые при последнем жертвоприношении сказали, что именно женщины особенно настаивают на том, что я — человек, чтобы под таким предлогом скрыть снедающее их мерзкое желание самим превратиться в животное и бесстыже предаваться со мною противоестественной похоти. Из-за этого я долго не видел ни ее, ни других женщин.

Но, видно, кто-то вновь затеял споры относительно моего существа, ибо, в то время как я уже думал, что так и умру в своей клетке, за мной опять явились и повезли на аудиенцию. Меня опять допросили в присутствии многочисленных придворных по некоторым статьям физики и ответы мои, по-видимому, отнюдь не сочли удовлетворительными, ибо председательствующий весьма пространно стал излагать мне свои понятия о строении Вселенной. Суждения его казались мне остроумными, и, не коснись он происхождения Вселенной, которую он считал вечной, его философия представилась бы мне гораздо разумнее нашей. Но когда он стал настаивать на бреднях, противных тому, чему учит нас вера, я задал ему вопрос — что может он противопоставить авторитету великого патриарха Моисея, который сказал, что бог создал Вселенную в шесть дней. Вместо ответа невежда только рассмеялся; а мне не оставалось ничего другого, как сказать, что раз они придерживаются такого мнения, то у меня возникает подозрение, что их мир — всего лишь Луна.

— Но, вы же видите тут землю, реки, моря,— воскликнули они в один голос.— Что же это, по-вашему, такое?

— Все равно,— возразил я,— Аристотель утверждает, что это всего лишь Луна, а если бы вы стали отрицать это в школе, где я учился, так вас освистали бы.

В ответ на мои слова раздались оглушительные раскаты хохота. Не спрашивайте, невежество ли их явилось тому причиною; как бы то ни было, меня отвели обратно в клетку.

А жрецы, еще более рьяные, чем придворные, узнав, что я осмелился утверждать, будто Луна, с которой я сюда прише-

тел,— мир, а их мир — всего лишь Луна, решили, что теперь у них есть достаточное основание, чтобы предать меня воде,— это принятый у них способ убивать безбожников. С этой целью они в полном составе явились с жалобой к королю, а тот пообещал им рассудить дело и велел снова посадить меня на скамью подсудимых.

Итак, меня в третий раз извлекли из клетки; тут старейший из жрецов взял слово и выступил против меня. Речи его я не помню, потому что был до того напуган, что не воспринимал испарений его голоса, а также потому, что он вдобавок пользовался каким-то инструментом, который совершенно оглушал меня,— то был рожок, нарочно для этого выбранный, чтобы воинственный звук его воспламенял умы и побуждал их требовать моей смерти, а также для того, чтобы заглушить голос разума; так случается и в наших армиях, когда грохот труб и барабанов не дает солдату задуматься о том, как важно для него сохранить свою жизнь.

Когда жрец кончил речь, я поднялся с места, чтобы произнести слово в свою защиту, но тут мне помешало приключение, которое немало удивит вас. Я уже собрался заговорить, как вдруг какой-то человек, с великим трудом пробравшийся сквозь толпу, бросился к ногам короля и долго валялся перед ним на спине. Подобный образ действий не удивил меня — я знал, что именно такую позу принимают здесь, когда хотят выступить перед народом. Я отложил на время свою речь, а вот то, что произнес неизвестный:

— Справедливые, выслушайте меня! Нельзя осудить этого человека, эту обезьяну или попугая за то, что он утверждает, будто Луна — это мир, откуда он прибыл. Ибо если он человек, пусть даже не явившийся с Луны, то, поскольку каждый человек свободен, то не свободен ли и он воображать, что ему вздумается? Разве можете вы запретить ему питать иные иллюзии, чем те, которые свойственны вам? Вы можете принудить его сказать, что Луна — не мир, но ведь он все равно этому не поверит, ибо, чтобы поверить во что бы то ни было, в воображении должны возникнуть какие-то данные, склоняющие к принятию того или иного положения,— если же вы не представите ему убедительных доводов и сами они не возникнут в его уме, то, сколько бы он ни утверждал, что поверил, он все равно верить не будет.

Теперь мне надо доказать, что он не подлежит осуждению также и в том случае, если вы его относите к разряду животных.

Ибо если допустить, что он — неразумное животное, то будет ли разумно с вашей стороны обвинять его в преступлении против разума? Он говорит, что Луна — мир, а ведь животные действуют лишь в соответствии с природными инстинктами; значит, так говорит природа, а не он сам. Было бы весьма нелепо предполагать, будто мудрая природа, сотворившая мир и Луну, не знает что она собою представляет, а вы, получающие все знания только от нее, знаете это лучше. Но даже если, под влиянием предвзятости, вы готовы отказаться от своих принципов и готовы предположить, что природа не руководит животными, то стыдитесь, по крайней мере, того, что причуды какой-то скотины могут причинять вам подобные треволнения. Право же, господа, если бы вам повстречался человек зрелого возраста, который, наблюдая за муравейником, то бил муравья за то, что тот соблазнил свою подругу, то сажал бы в темницу другого муравья, обвинив его в краже зернышка пшеницы у соседки, то привлекал бы к ответственности муравьиху за то, что она бросила свои яички,— неужели не сочли бы вы этого человека неразумным, раз он занят делами ниже его достоинства и рассчитывает подчинить животных разуму, коим они не наделены? Как же, почтенные жрецы, объясните вы то внимание, с каким вы относитесь к бредням этого зверька? Справедливые, я все сказал.

Едва он умолк, зала огласилась своеобразной музыкой рукоплесканий; потом целых четверть часа присутствующие обменивались мнениями, и наконец король объявил, что отныне меня будут считать за человека; как таковой я буду выпущен на свободу, а казнь утоплением будет мне заменена позорным наказанием (ибо в этой стране наказаний «почетных» не существует); во время наказания мне предстоит всенародно отказаться от своего утверждения, будто Луна — мир, ибо столь необычное мнение может вызвать переполох в слабых душах.

После такого приговора меня вывели из дворца, ради вящего срама вырядили великолепно, поставили на разукрашенную телегу, запрягли в нее четырех принцев, и они повезли меня по городу, а я должен был провозглашать на перекрестках:

«Люди! Заявляю вам, что эта Луна — не Луна, а мир, а тот вон мир — не мир, а Луна. Жрецы желают, чтобы вы так веровали».

Когда я прокричал одно и то же на пяти главных площадях города, защитник мой протянул мне руку, чтобы помочь сойти с повозки. Я немало удивился, когда, вглядевшись в него,

понял, что он не кто иной, как мой демон. Мы с ним целый час обнимались.

— Пойдемте ко мне,— сказал он,— возвращаться во дворец после позорного наказания неудобно. К тому же должен сказать вам, что вы, как и ваш приятель-испанец, и поныне пребывали бы среди обезьян, если бы я всюду в обществе не расхваливал глубину и своеобразие вашего ума и не добился бы, вопреки пророкам, благосклонного отношения к вам вельмож.

Я долго благодарил своего доброжелателя, и тем временем мы подошли к его дому; до самого обеда он рассказывал мне, к каким уловкам ему пришлось прибегать, чтобы принудить жрецов отказаться от несправедливых выпадов против меня, хотя они всячески улещали народ и уже совсем одурманили его совесть. Когда доложили, что кушать подано, демон сказал, что пригласил к обеду двух профессоров из академии, чтобы составить мне компанию.

— Я вызову их на разговор о философии, которую они преподают в здешнем мире,— добавил он,— и в то же время вы познакомитесь с сыном моего хозяина. Столь умного юноши я еще никогда не встречал; он был бы вторым Сократом, если бы умел распоряжаться своими познаниями, не топил бы в пороках милости, которые постоянно ниспосылает ему бог, да еще перестал бы кичиться свободомыслием в расчете прослыть остроумным человеком. Я поселился здесь с целью преподать ему кое-какие истины.

Он умолк, как бы предоставляя и мне возможность высказать свое мнение; потом он знаком велел снять с меня постыдный наряд, который все еще красовался на мне.

Почти тотчас же вошли двое профессоров, которых мы поджидали, и все мы отправились в комнату, где был накрыт стол; там мы застали юношу, о котором говорил демон,— он уже обедал. Профессора отвесили ему почтительные поклоны и выказали ему глубокое уважение, словно рабы — повелителю; я спросил у демона, чем это вызвано, а тот ответил, что все дело в возрасте, ибо в этом мире старики относятся к молодым весьма благоговейно и предупредительно, более того — отцы подчиняются детям, как только последние, по определению Сената философов, достигают разумного возраста.

— Вас, вероятно, удивляет обычай, столь отличный от ваших? — продолжал он.— А ведь он не противоречит здравому рассудку, ибо, согласитесь, если молодой, пылкий человек может мыслить, судить и действовать, то, следовательно, он более способен руководить семьей, чем выживший из ума

старикашка, ум которого заморожен холодом шестидесяти зим; старик руководствуется только воспоминаниями о своих успехах, которые, возможно, были всего лишь игрой случая, независимой от всей его предусмотрительности. Что же касается здравого смысла, то у стариков его не больше, чем у юношей, хотя в вашем мире простонародье и считает его достоянием старости. Но чтобы разувериться в этом, достаточно понять, что то, что у стариков обычно называют осторожностью, есть лишь панический страх. А если старик не отважился на опасное предприятие, в итоге которого юноша погиб, то случилось так не потому, что старик предвидел катастрофу, а потому, что у него не хватило пыла, вдохновляющего нас на доблестные порывы. Отвага погибшего юноши, напротив, должна была бы служить залогом успеха его предприятия, ибо его вдохновлял пыл, облегчающий и ускоряющий осуществление любого замысла. Что касается выполнения задуманного, то я слишком высоко ценю ваш ум, чтобы подкреплять свою мысль доказательствами. Вы знаете, что только молодежи дано действовать, если же вы не совсем в этом уверены, скажите, пожалуйста: не оттого ли уважаете вы отважного человека, что он может отомстить вашим врагам и притеснителям? И есть ли у вас другие доводы, кроме простой привычки, чтобы ценить человека, кровь которого охлаждена батальоном семидесяти зим, а благородные порывы, вдохновляющие юношей ратовать за справедливость, заморожены до смерти? Когда вы уступаете сильнейшему, разве вы делаете это не для того, чтобы он был обязан вам своею победой, которую вы у него не можете оспаривать? Зачем же вам подчиняться человеку, у которого от лености размякли мускулы, ослабли артерии, улетучился рассудок и высох костный мозг? Ведь если вы влюбляетесь в женщину, так за красоту, не правда ли? Зачем же продолжать преклоняться перед нею и после того, как старость превратила ее в призрак, который может только пугать людей и напоминать им о смерти? Наконец, если вам когда-то нравился остроумный человек, так объяснялось это тем, что благодаря живости мышления он проникал в сложные вопросы и распутывал их, забавлял своим красноречием лучшее общество, без труда постигал новейшие успехи науки, и вот вы продолжаете воздавать ему почести, когда тело его ослабло, ум выродился, стал тяжеловесным и нудным для окружающих и весь он стал похож скорее на божка-покровителя, чем на разумного человека.

Из этого следует, сын мой, что лучше поручить руководство семьями молодым людям, нежели старцам. Ведь по вашим

воззрениям выходит, что Геракл, Ахилл, Эпаминонд, Александр и Цезарь не заслуживают никаких почестей на том основании, что они умерли, не дожив и до сорока лет, и, значит, были чересчур молоды; но ведь именно молодость и явилась причиною их подвигов, которые оказались бы невозможными, будь эти герои старше, ибо тогда у них недоставало бы необходимого пыла и стремительности.

Однако, возразите вы, законы нашего мира красноречиво говорят о том, что к старикам надо относиться с уважением. Вы правы, но дело в том, что все законодатели были стариками и боялись, как бы молодежь не отняла у них власть, которую они присвоили себе и которую, подобно жрецам ложных религий, превратили в некую тайну, ибо доказать ее разумность невозможно.

Да, скажете вы, но и родитель мой — старик, а небеса сулят мне долголетие, если я буду чтить его. Согласен, сын мой, при условии, что ваш отец не прикажет вам ничего такого, что идет вразрез с предначертаниями Всевышнего; в противном же случае — поприте ногою чрево отца, родившего вас, растопчите грудь матери, зачавшей вас, ибо невероятно, думается мне, что небу особенно приятно то уважение, которое ваши преступные родители внушили вам, слабому человеку, и которого они отнюдь не заслуживают; не думаю, чтобы за это уважение небо удлинило нить вашей жизни. Вы раболепно преклоняетесь перед отцом, льстите его гордыне и питаете ее, но разве от этого прорвется нарыв, который у вас в боку, разве это исправит вашу гуморальную природу, залечит рану от шпаги, пронзившей вам желудок, растворит камень в мочевом пузыре? Если так, то до чего же не правы врачи! Вместо адских зелий, которыми они отравляют людям жизнь, они от оспы могли бы прописывать три поклона натощак, четыре «премного вам благодарен» после обеда и дюжину «спокойной ночи, папенька», «спокойной ночи, маменька» перед сном. Вы скажете, что, не будь отца, и вас не было бы на свете; это верно, но и его самого без дедушки не было бы, ни дедушки без прадеда, а без вас у вашего отца не было бы внука. Когда природа произвела его на свет, то подразумевалось условие, что он возместит то, что получил от нее; поэтому, родив вас, он вам ничего не дал, а только рассчитался с долгом. Да еще вопрос, думали ли о вас родители, когда создавали вас? Нет, отнюдь не думали! А вы все-таки считаете, что обязаны им за подарок, который они вам сделали, вовсе о том не помышляя.

Судите сами, только оттого, что ваш отец был такой рас-

путник, что не в силах был противостоять прекрасным очам некоего существа и вошел в сделку, чтобы удовлетворить свою страсть, и оттого что из этого болота произошли вы,— вы чтите этого сластолюбца как одного из семи эллинских мудрецов. Неужели оттого, что скупец завладел богатым достоянием своей жены, наградив ее ребенком, этот ребенок должен разговаривать с ним не иначе, как стоя на коленях; значит, хорошо, что отец ваш был сластолюбец, а другой человек — скупец, иначе ни вам, ни ему не быть бы на свете; но хочется мне знать, пустил ли бы он в ход свой пистолет, если бы был уверен, что не промахнется? Боже праведный, чего только не внушают народу в вашем мире!

От своего смертного зодчего вы получили только тело; душа дана вам небесами; всего лишь случайность, что отец ваш не оказался вашим сыном, как вы оказались его ребенком. Да и уверены ли вы в том, что он не помешал вам оказаться коронованной особой? Быть может, ваш дух снизошел с небес с намерением оживить римского короля во чреве императрицы; по пути ему случайно попался ваш эмбрион, и, желая, быть может, укоротить путь, он вселился в него. Нет, нет, даже если бы ваш отец умер в младенческом возрасте, бог не исключил бы вас из предусмотренного количества людей! Но как знать,— быть может, вы стали бы произведением какого-нибудь отважного полководца, который приобщил бы вас к своей славе и своим богатствам. Поэтому вы, пожалуй, не более обязаны жизнью своему отцу, чем были бы обязаны за кормежку пирату, который посадил бы вас на цепь. И пусть отец родил бы вас даже принцем, даже королем — дар теряет всякую ценность, если его преподносят, не посчитавшись со вкусом того, кто его получает. Убили Цезаря, убили Кассия; однако Кассий должен благодарить за свою смерть раба, у которого он ее вымолил, а Цезарь ничем не обязан своим убийцам, потому что они его убили независимо от его желания. Разве отец осведомился о вашем мнении перед тем, как обнять вашу мать? Спросил ли он у вас, хотите вы видеть нынешний век или предпочитаете подождать другой, удовлетворитесь ли тем, что вы сын дурака или притязаете на происхождение от достойного человека? Увы, хоть вы и были единственным, кого это касалось, вы оказались единственным, мнения которого не спросили! Быть может, будь вы заключены в каком-то другом месте, а не среди замыслов природы и будь вопрос о вашем рождении согласован с вами, вы сказали бы парке: «Любезная барышня, возьми другую чью-нибудь нить; я уже давно пре-

бываю в пустоте и предпочитаю еще лет сто не быть, чем стать чем-то сегодня, а завтра раскаяться в этом». Однако вам пришлось подчиниться, и сколько бы вы ни пищали, чтобы вас вернули в длинное темное обиталище, из которого вас извлекли, все равно будет считаться, что вы всего лишь просите пососать грудь.

Вот, сын мой, в общих чертах причины, побуждающие отцов относиться с почтением к своим детям; сознаю, что я склонился на сторону детей несколько больше, чем того требует справедливость, и что я говорил в их пользу чуточку вопреки своей совести. Но мне хотелось изобличить гордыню, с какою некоторые отцы относятся к своим слабым отпрыскам, и поэтому мне пришлось поступить так, как поступают люди, желающие выправить согнувшееся дерево,— они оттягивают ствол в другую сторону, чтобы он стал прямым сверху донизу. Поэтому я, лишая отцов права на непомерное уважение, которое они тирански себе присвоили, лишаю их и значительной доли законного уважения, чтобы они в дальнейшем довольствовались тем, чего заслуживают. Знаю, что своей апологией молодежи я возмутил немало старцев, но пусть они вспомнят, что, перед тем как стать отцами, они сами были детьми и что, поскольку они появились на свет не в кочне капусты, значит, я говорил и в их пользу. Но что бы ни случилось, если мои недруги сразятся с друзьями моими, то я буду только в выигрыше, ибо я принес пользу всем людям, а повредил только половине.

С этими словами он умолк, а слово взял сын нашего хозяина и сказал так.

— Благодаря вам,— обратился он к демону,— мне стали известны происхождение, история, нравы и философия того мира, откуда происходит этот маленький человек; позвольте же мне добавить кое-что к тому, что вы сказали, и доказать, что дети не обязаны своим рождением отцам, ибо отцы обязаны их родить.

Ограниченная философия их мира признает, что лучше умереть, чем вовсе не жить, ибо для того, чтобы умереть, надо сначала пожить. Значит, не вводя существо в бренный мир, я обрекаю его на нечто худшее, чем смерть, и тем самым оказываюсь более виновным, чем если бы убил его. Ведь если ты, маленький человечек, задушишь своего сына, то будешь считать, что совершил убийство, никак не заслуживающее прощения; и действительно, это будет чудовищное преступление, но еще хуже не наделить жизнью того, кто может ее воспринять, ибо дитя, у которого ты навеки отнимаешь свет, мог бы

наслаждаться им некоторое время. Правда, мы знаем, что он лишен его лишь на несколько столетий, но ты злостно не даешь появиться на свет сорока бедным крошкам, из которых ты мог бы сделать сорок воинов для короля, и предоставляешь им гнить в твоих чреслах в ожидании апоплексического удара, который задушит тебя. Пусть мне не возразят прекрасными панегириками девственности; добродетель эта — лишь дым, ибо все почтение, которым чернь окружает девственность,— вздор. Видя, что в мире, откуда вы явились, воздержание предпочитают плотскому размножению, я крайне удивлен, что бог не выводит вас, как грибочки, из капли майской росы или хотя бы, как крокодилов, из жирного ила в местностях, разогретых солнцем. Между тем евнухов он посылает к вам лишь от случая к случаю, а ваших монахов, священников и кардиналов никогда не лишает детородных членов. Вы скажете, что они даны им самой природой; да, но Он — хозяин природы, и если бы Он признал, что эта часть тела препятствует их спасению, он велел бы отсечь ее, как по древнему закону отсекают крайнюю плоть у евреев. Но все это глупые бредни. Скажите по совести: есть в вашем теле части священные и части мерзкие? Почему грешно тронуть то, что находится посередине, и не грешно прикоснуться к уху или пятке? Потому ли, что становится щекотно? Значит, я не должен мыться в купальне, ибо это располагает к известной неге, а люди благочестивые не должны погружаться в созерцание бога, потому что это доставляет им великое душевное наслаждение? Право же, видя, как ваша религия восстает против природы, как она возражает против всех человеческих радостей, я крайне удивляюсь, что ваше духовенство не считает преступным чесаться только на том основании, что человек чувствует при этом сладостную боль; вместе с тем я замечаю, что дальновидная природа создала всех великих, отважных и умных людей чувствительными к радостям любви,— это подтверждается примером Самсона, Давида, Геракла, Цезаря, Аннибала, Карла Великого; неужели она создала их такими лишь для того, чтобы они взмахом серпа отсекли орган, доставляющий такого рода радости? Увы, природа забралась даже в бочку Диогена, чтобы совратить его, худого, безобразного и вшивого, и воодушевить на нежные вздохи, обращенные к Лаисе. Природа действовала так, конечно, из опасения, как бы в мире не перевелись порядочные люди. Из этого следует, что ваш родитель обязан был явить вас на свет, и хоть он и воображает, будто сделал вам великое одолжение тем, что, потеревшись, создал вас, на самом же деле он подарил не боль-

ше того, что дарит коровам самый заурядный бык по десять раз в день ради собственного удовольствия.

— Напрасно вы распоряжаетесь божественной премудростью,— прервал его тут демон.— Правда, бог воспретил нам злоупотреблять этим удовольствием. Но почем знать, не объясняется ли запрет тем, чтобы трудности, с какими мы преодолеваем влечение, давали нам возможность заслужить славу в случае нашей победы? А может быть, запрет имеет целью только обострить желания? А может быть, бог предвидел, что если молодежь окажется во власти плотского неистовства, то от чересчур частых совокуплений семя ослабеет и потомки первого человека станут свидетелями конца света? А может быть, он опасался, что земля окажется недостаточно плодородной, чтобы прокормить несметные толпы голодных? А может быть, наконец, он пожелал распорядиться так вопреки всякому разуму и только для того, чтобы вознаградить тех, кто, вопреки всякому разуму, поверит его слову?

Ответ этот не удовлетворил, как мне показалось, молодого хозяина, ибо он раза три-четыре покачал головой; но наш общий наставник промолчал, ибо завтраку не терпелось улететь.

Мы разлеглись на мягкие матрацы, застеленные коврами; юноша-слуга пригласил самого пожилого из наших философов и отвел его в отдельную маленькую столовую, а мой демон кликнул философу, чтобы он, как только поест, поскорее возвращался к нам. Мне захотелось узнать, чем объясняется странное желание обедать наедине.

— Он не выносит запаха мяса и даже запаха овощей, если они не умерли сами собою, потому что, по его убеждению, они способны ощущать боль,— последовал ответ.

— Меня не удивляет, что он воздерживается от мяса и от всего того, что наделено чувствительностью,— возразил я,— ведь в нашем мире пифагорейцы и даже некоторые святые отшельники придерживались таких же взглядов, но не сметь, например, разрезать кочан капусты из страха ранить его, кажется мне совершенно нелепым.

— А мне такое мнение представляется весьма убедительным,— отвечал демон.— Ведь согласитесь, капуста, о которой речь, такое же божье создание, как и вы. Ведь у обоих вас отец и мать — бог и его отрицание. Мудрость господня испокон веков печется о зарождении капусты, как и о вашем зарождении. Видимо, Всевышний даже больше заботился о рождении растения, чем разумного существа, раз он предоставил зачатие человека на прихоть отца, который может по своему

желанию и зачать и не зачать его; к капусте он отнесся не так сурово; он как бы больше опасался за гибель потомства капусты, чем человека, и, оставляя зачатие ребенка на усмотрение отца, капусту он заставляет, хочет ли она того или нет, порождать себе подобную; иное дело люди, которые продолжают род по собственному желанию и могут породить самое большее около двадцати потомков, в то время как кочан капусты может дать четыреста тысяч. Сказать же, что богу человек дороже капусты, просто умора; будучи чужд всем страстям, он не может ни ненавидеть, ни любить кого-либо; а будь он способен любить, так чувствовал бы нежность скорее к кочну, который вы держите в руках, ибо капуста не оскорбит его, а не к человеку, оскорбления коего у него перед глазами и который хотел бы уничтожить его, если бы мог. Добавьте к этому, что человек, будучи потомком первого преступника, уже самим рождением своим совершает преступление; а мы хорошо знаем, что первый кочан не оскорбил своего Создателя в Земном раю.

Нам говорят, что мы, а не капуста, созданы по подобию Верховного существа. Если так, то, осквернив нашу душу, которою мы походим на него, мы это сходство стерли,— ведь для бога нет ничего противнее греха. Если же душа наша перестала быть его подобием, то мы не похожи на него ни ногами, ни руками, ни ртом, ни ушами, ни челом, как не похожа на него капуста листьями, цветами, стеблем, кочерыжкой и всем своим обликом. Не думаете же вы, в самом деле, что, если бы бедная капуста могла молвить что-нибудь, когда ее начнут резать, она воскликнула бы: «Человек, любезный брат мой, чем я обидела тебя, чтобы заслужить смерть? Я расту только в огородах и никогда не скрываюсь в диких местах, хотя там я и могла бы расти в безопасности; я не хочу быть созданием иных рук, кроме твоих, и едва ты посеешь меня, как я выражаю тебе свое благоволение, расцветаю, протягиваю к тебе руки, дарю тебе своих детей в зернышках, а в воздаяние моей любезности ты приказываешь отрубить мне голову!»

Вот что сказала бы капуста, умей она выражать свои чувства. И что же, только потому, что она не умеет жаловаться, мы вольны причинять ей зло, которое она не в силах пресечь? Если мне попадется связанный человек, разве я могу безнаказанно убить его лишь потому, что у него нет возможности защищаться? Наоборот, его беспомощность только усугубит мою жестокость, ибо, как бы это жалкое существо ни было бедно и лишено всех наших преимуществ, оно все же не заслуживает смерти. Как же так? Из всех благ существования, у него толь-

ко одно — произрастание,— и мы отнимаем у него это благо! Срезать кочан и отнять у него жизнь — худший грех, чем уничтожить человека, потому что в один прекрасный день человек возродится, а капуста на это уповать не может. Убивая капусту, вы уничтожаете ее душу, убивая же человека вы только перемещаете ее. Скажу более того: раз богу, отцу всего сущего, одинаково дороги все его создания, то разумно предполагать, что он поровну распределил свои благодеяния между нами и растениями и что справедливо будет относиться к ним так же, как и к нам самим. Правда, мы родились раньше, но в семье господней нет права первородства, и если капуста не получила, в отличие от нас, дара бессмертия, то она вознаграждена каким-нибудь другим благом, величие которого искупает его быстротечность; быть может, благо это — всеобъемлющий разум, совершенное познание всего сущего в его первопричинах, и, быть может, именно поэтому мудрый Создатель не дал растениям органов подобно нашим, а дал всего лишь простое, слабое и подчас обманчивое разумение, наделив их зато более сложными, могучими, многочисленными органами, служащими им для сокровенных бесед. Вы спросите, пожалуй, какими же своими великими мыслями они поделились с нами? А скажите, какие истины открыли вам ангелы? Между ограниченными способностями человека и возможностями небесных созданий нет ни взаимодействий, ни гармонии, ни связи, поэтому, сколько бы эта духовная капуста ни старалась разъяснить нам сверхъестественные причины различных чудесных явлений, мы не постигли бы их за отсутствием чувств, способных воспринять столь возвышенные вещи.

Величайший из всех философов — Моисей, черпавший знания о природе в источнике самой природы, установил эту истину, когда говорил о Древе науки, и этой загадкой он, несомненно, хотел сказать, что, в отличие от нас, растения владеют совершенной философией. Помните же, высокомернейшие из животных, что если капуста молчит, когда вы отрезаете ей голову, то это еще не значит, что она ничего не думает. Но у бедного растения нет голоса, чтобы вопить, подобно вам, ни чтобы лепетать и плакать, зато есть такой, которым оно призывает на вас отмщение небес. Если же, наконец, вы спросите меня, откуда мне известно, что у капусты появляются столь прекрасные мысли, я спрошу у вас: а откуда вы знаете, что их нет и что, подобно вам, один кочан не говорит другому, свертываясь к вечеру: «Честь имею пожелать вам спокойной ночи, глубокоуважаемый господин Кочан».

* * *

Так говорил он, когда юный служитель, проводивший нашего философа в столовую, привел его обратно.

— Как? Уже пообедали? — воскликнул мой демон.

Философ ответил, что пообедал, оставался только десерт, но физионом позволил ему попробовать нашего. Молодой хозяин разъяснил эту загадку, не дожидаясь моего вопроса:

— Вижу, что такой образ действий удивляет вас. Должен сказать, что, хотя в вашем мире и относятся к здоровью легкомысленно, все же вам не следует пренебрегать нашими порядками.

В каждом доме здесь есть физионом, получающий жалованье от государства; он нечто вроде врача, с той разницей, что руководит только здоровыми и пользует нас лишь сообразно с пропорциями, симметрией и внешним видом нашего тела, с чертами лица, цветом и мягкостью кожи, подвижностью членов, звуком голоса, оттенком, густотой и жесткостью волос. Вы, вероятно, заметили тут невысокого человека, который внимательно присматривался к вам? Это здешний физионом. Будьте уверены, что он изучил вашу комплекцию и на этом основании внес поправки в испарения вашего обеда. Обратите внимание, как далеко от наших матрацев расположен тот, на котором лежите вы; физионом, видимо, понял, что ваш темперамент сильно отличается от нашего, и поэтому побоялся, как бы запах, выделяющийся из дырочек вашего носа не донесся до нас или от наших носов — до вас. Вот увидите — вечером он так же тщательно будет подбирать цветы для вашего ложа.

Во время этой речи я делал знаки хозяину, чтобы он навел философов на обсуждение какого-нибудь вопроса их науки. Он так благоволил ко мне, что тут же выполнил мою просьбу. Не стану передавать вам ни речей, ни молений, которые привели к исполнению моего желания, ни переходов от шутливого к серьезному в речах философов, ибо оттенки эти были столь неуловимы, что передать их нет никакой возможности. Как бы то ни было, читатель, но философ, пришедший последним, между прочим, сказал следующее:

— Мне остается только доказать, что в бесконечном мире заключаются бесконечные миры. Представьте себе Вселенную в виде огромного животного; представьте себе, что звезды, являющиеся мирами, пребывают в этом огромном животном тоже как огромные животные, служащие, в свою очередь, мирами для различных народов, вроде нас с нашими лошадьми и т. п., а мы точно так же представляем собою миры по отношению к

неким животным, которые неизмеримо меньше нас, как-то: некоторые черви, вши, клещи; представьте себе, что эти последние являются землей для других, еще меньших, и поскольку каждый из них кажется какому-нибудь народцу огромным миром, быть может, наша плоть, кровь, ум не что иное, как соединение крошечных существ, которые разговаривают между собою, приводят, двигаясь, в движение наши тела и, слепо позволяя нашей воле, служащей для них возницей, переносить их с места на место, сами ведут нас куда-то и сообща творят то, что мы именуем Жизнью.

Согласитесь сами: разве трудно допустить, что вошь принимает ваше тело за мир и что, когда одна из них проползла от одного вашего уха к другому, товарки ее говорят, что она совершила путешествие на край света или прошла от полюса до полюса. И, конечно, этот крохотный народец принимает ваши волосы за леса, поры, наполненные флегмой, за источники, прыщи — за пруды и озера, нарывы — за моря, сопли — за потопы, а когда вы, причесываясь, откидываете волосы со стороны на сторону, это движение кажется им приливом и отливом моря.

Слова мои подтверждаются тем, что мы иной раз ощущаем зуд. Клещ, вызывающий его, не что иное, как крошечное насекомое, которое оторвалось от гражданского общества и превратилось в тирана своей страны. Если вы спросите: почему они бóльших размеров, чем остальные насекомые, я отвечу вам вопросом: а почему слоны крупнее нас, а ирландцы крупнее испанцев? Что же касается волдырей и коросты, неизвестно как появляющихся на теле, то они, вероятно, порождаются гниением трупов врагов, убитых этими крохотными гигантами, или же чумой, вызванной отбросами пищи, которою до отвала нажрались восставшие; а может быть, тиран, изгнав всех своих соратников, которые телами своими закупоривали поры нашей кожи, тем самым дал выход флегме, а она, будучи исторгнутой из нашего кровообращения, стала разлагаться. Меня, пожалуй, спросят, почему клещ производит такое большое потомство? Понять это не трудно, ибо, подобно тому как бунт влечет за собою другой бунт, так и эти крохотные племена, следуя дурному примеру восставших, стремятся к господству, всюду распространяя войну, убийства и голод. «Но,— скажете вы,— не все люди одинаково подвержены зуду. Между тем все в равной степени полны этих крошечных существ, поскольку именно они, говорите вы, создают жизнь». Это верно; но мы наблюдаем, что флегматики менее подвержены чесотке, чем желчные, ибо насекомые находятся в зависимости от климата,

в котором живут; они медлительнее в холодном теле; а насекомые, живущие в теплом теле, сами разогреваются, шевелятся, копошатся и не могут устоять на месте. Поэтому желчный человек нежнее флегматика, ибо он разгорячен во многих частях тела, а поскольку душа представляет собою деятельность этих крохотных существ, такой человек сразу чувствует где бы эти существа ни зашевелились; флегматик же недостаточно горяч, чтобы вызывать повсеместное копошение этого народца, и поэтому чувствует его движение лишь в немногих местах.

Чтобы убедиться в повсеместном наличии этих насекомых, достаточно взглянуть, как кровь приливает к ране. У вас врачи говорят, что предусмотрительная природа направляет кровь на помощь пострадавшей части тела, но это чепуха; это значило бы, что, помимо души и ума, в нас есть еще третья духовная субстанция с особыми функциями и органами. Поэтому мне кажется гораздо вероятнее, что, почувствовав опасность, эти крохотные существа обращаются за помощью к соседям, и те сбегаются со всех сторон, местность же оказывается тесной для такого количества народа, и они умирают как от голода, так и в давке, от удушья. Гибель наступает тогда, когда нарыв созреет; отмершая ткань становится нечувствительной, и это доказывает, что животные задохлись; кровопускание которое прописывают, чтобы предупредить воспаление, часто приносит пользу, ибо множество крохотных существ погибает, выходя из отверстия, которое они хотели закупорить, и отказываются помочь союзникам, а сил, чтобы защищаться порознь, каждый у себя, у них недостаточно.

Когда он умолк, другой философ заметил, что наши взоры обращены к нему и просят его также высказаться.

— Мужи,— сказал он,— я вижу, что вам хочется сообщить этому зверьку, так похожему на нас, кое-что из той науки, которою мы занимаемся; в настоящее время я диктую «Трактат», который рад бы ему предложить ввиду того, что труд мой проливает свет на нашу природу; в нем дается объяснение изначального происхождения мира. Но сейчас я занят раздуванием мехов, ибо завтра город отбывает; потерпите некоторое время, а я обещаю, что, как только город прибудет куда следует, я удовлетворю ваше любопытство.

Тут хозяйский сын позвал отца, чтобы узнать, который час, а получив ответ, что уже пробило восемь, он сердито спросил, почему же отец не предупредил их, когда было семь, как он ему велел; ведь старик знает, что завтра дома выезжают, а городские стены уже отбыли.

— Сын мой,— ответил добряк,— пока вы сидели за столом, вышло объявление, что запрещается кому бы то ни было ехать ранее послезавтраго.

— Все равно,— возразил юноша,— вы должны слепо выполнять, что вам приказано, не рассуждать, а только помнить то, что я вам приказал. Несите сюда поживее ваше изображение.

Когда изображение было принесено, юноша схватил его за руку и стегал по меньшей мере четверть часа.

— Кроме того, бездельник,— продолжал он,— я желаю, чтобы в наказание вы сегодня служили для всех посмешищем, а потому приказываю вам до вечера ходить только на двух ногах.

Бедный старик удалился весьма огорченный, а сын его продолжал:

— Прошу вас, господа, извинить проделку этого сорванца; я рассчитывал сделать из него что-то путное, но он только злоупотребил моей добротой. Этот мошенник, видно, послан мне в наказание, он уже несколько раз доводил меня до того, что я готов был его проклясть.

Наблюдая этот мир наизнанку, я кусал себе губы, чтобы не расхохотаться; надеясь положить конец шутовской педагогике, от которой я под конец неминуемо прыснул бы со смеху, я попросил юношу разъяснить, что́ он имеет в виду, говоря, что город отправится в путешествие; действительно ли дома и стены могут здесь передвигаться? Он отвечал:

— Среди наших городов, любезный чужеземец, есть и передвигающиеся и неподвижные. Передвигающиеся, как, например, тот, в котором мы находимся, устроен следующим образом. Зодчие строят дворцы, как видите, из самого легкого дерева, внизу они ставят четыре колеса; в толщу стены помещают десять больших мехов, трубы коих тянутся по горизонтальной линии сквозь верхний этаж от щипца к щипцу; когда хотят увезти город в другое место (ибо их в каждое время года переводят в другую местность на свежий воздух), жители развертывают с одной стороны своего жилища, перед мехами, множество широких парусов; потом заводится пружина, которая приводит мехи в действие; ветряные чудовища без конца изрыгают порывы ветра, и меньше чем за неделю дома переносятся на расстояние в тысячу лье.

Что касается так называемых неподвижных домов, то в них жилье похоже на ваши башни, с той только разницей, что они деревянные и что по самой середине их, от подвала до крыши, проходит толстый крепкий винт, чтобы можно было по

желанию поднимать их и опускать. Фундамент под ними равен высоте здания, и все построено таким образом, что, как только небо начинает тускнеть от морозов, можно опустить дом под землю, где он недосягаем для непогоды. Но едва лишь повеет весенним теплом, дома́ снова выходят на свет при помощи толстого винта, о котором я говорил.

Я попросил его в довершение любезности и принимая во внимание, что город выедет только на другой день, сказать мне кое-что об изначальном происхождении мира, о чем он вскользь упомянул.

— Обещаю,— сказал я,— что в благодарность за это, как только я вернусь на Луну, с которой прибыл,— а это подтвердит мой наставник (тут я указал на демона),— я буду славить вас, распространяя повсюду те прекрасные истины, которые вы мне поведаете. Вижу, что обещание мое вызывает у вас улыбку, ибо вам не верится, что Луна, о которой я говорю,— мир и что я его обитатель; могу вас только уверить, что народы того мира тоже считают ваш мир всего лишь Луною и что они будут смеяться надо мною, когда я стану уверять, что ваша Луна — мир и что там есть селения и жители.

В ответ он только улыбнулся, потом сказал:

— Когда мы хотим проникнуть в происхождение великого целого, нам поневоле приходится мириться с тремя-четырьмя нелепостями; поэтому разумнее всего избрать такой путь, который позволит нам поменьше спотыкаться. Первое препятствие, задерживающее нас, это вечность Вселенной; человеческий ум недостаточно силен, чтобы постигнуть вечность, и в то же время не в состоянии представить себе, что великая Вселенная, столь прекрасная, столь уравновешенная, могла возникнуть сама собою; поэтому люди прибегают к помощи Создателя. Но подобно человеку, который спрятался бы от дождя в реку, они, спасаясь от карлика, отдают себя на милость великана. Однако и это их не спасает, ибо вечность, которую они не признают за мирозданием, ибо не в силах ее постигнуть, они приписывают богу, словно он нуждается в таком подарке и словно легче представить себе вечность в отношении бога, чем в отношении Вселенной. Та нелепость или тот великан, о которых я говорил, и есть Творение, ибо скажите на милость, можно ли себе представить, чтобы из ничего было создано нечто? Увы, между «ничто» и хотя бы атомом такое бесконечное множество градаций, что и самому острому уму не проникнуть в них; чтобы выйти из необъяснимого лабиринта, надо допустить наличие наравне с богом вечной материи (а тогда

нет надобности в понятии бога, поскольку мир мог бы возникнуть и без него). Но, возразите вы, даже если допустить наличие вечной материи, как же мог хаос сам собою организоваться? Что ж, сейчас я вам это объясню.

Нужно, милая моя скотинка, мысленно разделить каждое видимое крошечное тело на бесконечное множество невидимых, а затем представить себе, что бесконечная Вселенная и состоит из этих бесконечных атомов,— весьма прочных, весьма простых и в то же время нетленных, из коих одни — кубической формы, другие — параллелограммы, третьи — прямоугольные, а там — круглые, заостренные, пирамидальные, шестиугольные, овальные — и все действуют по-разному, соответственно своим очертаниям. В этом можно убедиться, поставив шар из слоновой кости на гладкую поверхность: при малейшем толчке он несколько минут будет безостановочно вертеться. Добавим к этому, что если бы шар был столь же безупречно кругл, как круглы атомы, о которых я говорю, а поверхность, на которой он помещается, была бы безупречно ровна, то шар так и не остановился бы. А если мастерство в силах придать тому или иному телу вечное движение, то почему же думать, что этого не может сделать природа? То же следует сказать и о прочих фигурах, из коих одна — квадрат — требует вечного покоя, другие — бокового движения, третьи — половинчатого, каково колебание, а круглое тело, коему от начала свойственно движение, соединяясь с пирамидой, образует, быть может, то, что мы именуем «огнем», ибо огонь не только без устали движется, но и легко все пронизывает и всюду проникает.

Огонь производит и другие действия в зависимости от величины и свойств углов, под которыми он сталкивается с другими формами, в том числе с круглой,— так, например, огонь перца иной, чем огонь сахара, огонь сахара иной, чем корицы, огонь последней отличается от огня гвоздики для маринада, а ее огонь — совершенно другой, чем в вязанке хвороста. Между тем огонь, будучи создателем отдельных частей и Вселенной как Целого, вырастил и сосредоточил в дубе множество форм, необходимых для того, чтобы образовалось это дерево. Но, скажете вы мне, как же могла случайность собрать в одно место все необходимое для образования дуба? Отвечаю: нет ничего удивительного в том, что расположенная соответствующим образом материя образовала дуб, куда удивительнее было бы, если бы расположенная так материя, не образовала его. Будь определенных форм немного меньше, получился бы вяз, или тополь, или ива, будь поменьше других — образовалась бы ми-

«Новая Атлантида»

моза, устрица, червь, муха, лягушка, воробей, обезьяна, человек. Когда вы бросаете на стол три игральные кости и все они показывают по два, три, четыре или пять очков или две — по шесть, а третья — одно, то разве вы восклицаете: «Что за чудо!» Все три кости показали одно и то же количество очков, а сколько могло выпасть и других! Великое чудо! Вышли три очка два раза подряд. Великое чудо! Вышло два раза по шести, а третья кость легла шестеркой вниз! Уверен, что, будучи человеком умным, вы никогда так не воскликнете, ибо поскольку на костях имеется только определенное количество очков, то никак невозможно, чтобы какие-нибудь из них не вышли.

А вы еще удивляетесь, каким образом перемешанная волею случая материя могла сотворить человека, принимая во внимание, что для его образования требовалось так много различных элементов. Разве вы не знаете, что на пути создания человека материя миллион раз останавливалась, чтобы образовать то камень, то свинец, то коралл, то цветок, то комету, и именно потому, что для создания человека требовались одни элементы, а другие были не нужны? Поэтому не удивительно, что среди несметного множества веществ, беспрестанно видоизменяющихся и движущихся, столкнулись такие, какие требовались для создания тех немногих животных, растений и минералов, которые нам известны. Как нельзя удивляться тому, что из сотни ходов игральными костями окажется один, когда выкинется равное количество очков, так совершенно невозможно, чтобы из непрестанного движения не возникло что-либо, но это нечто всегда будет изумлять простофилю, которому будет невдомек, какой малости требовалось, чтобы оно не возникло никогда. Вот полноводная река вертит мельничные жернова и приводит в движение водяные часы, а маленький ручеек просто бежит, порою даже скрывшись в траве, но вы никак не скажете, что река умная, ибо она встретила на своем пути столь отменные сооружения. Ведь если бы мельница не оказалась в ее русле, она бы не мелила пшеницу; не повстречай река часы, они не указывали бы время, а если бы мельницу и часы повстречал ручеек, о котором я говорил, то он совершил бы те же чудеса. Так же обстоит дело и с огнем, который движется сам собою, ибо, найдя органы, способные к колебанию, необходимому, чтобы рассуждать, он и рассуждает; если он нашел органы, способные только чувствовать, он чувствует, если нашел только способные произрастать, то произрастает. А чтобы убедиться, что это именно так, пусть выколют чело-

веку глаза, которые видят благодаря огню его души, и он перестанет видеть, как и наши водяные часы перестанут показывать время, если приостановят их движение.

Словом, эти первичные, неделимые атомы составляют круг, по которому без труда катятся труднейшие проблемы физики. Взять хотя бы механизм чувств, еще никем не разгаданный. Начнем со зрения,— оно самое непостижимое, поэтому заслуживает быть обсужденным в первую очередь.

Зрение возникает, думается мне, когда оболочки глаз, отверстия коих подобны отверстиям в стекле, выделяют огненную пыль, именуемую зрительными лучами, и когда эту пыль останавливает какое-либо непрозрачное тело, которое отражает ее обратно; пыль встречается с образом предмета, отражающего ее, а образ этот — не что иное, как бесчисленное множество крошечных телец, которые беспрестанно выделяются с поверхности, равной поверхности рассматриваемого предмета. Вы не преминете возразить, что стекло — тело твердое и очень плотное, каким же образом оно не только не отбрасывает другие маленькие тельца, а, наоборот, они пронизывают его. На это я отвечу, что поры в стекле высечены по той же форме, как и атомы огня, пронизывающие стекло, и что подобно тому, как сито для пшеницы непригодно для овса, а сито для овса непригодно для пшеницы, так и еловый ящик, хотя бы и очень тонкий и пропускающий звук, все же непроницаем для зрения, в то время как хрустальный сосуд, хоть и прозрачен и виден насквозь, все же непроницаем для пальца.

Тут я не удержался и прервал его.

— Один великий поэт и мыслитель нашего мира тоже говорил об этих частицах,— сказал я,— а еще до него упоминал о них Эпикур, а до Эпикура — Демокрит; поэтому ваши слова ничуть не удивляют меня, но объясните, прошу вас, как на основе этих принципов толкуете вы нашу способность видеть себя в зеркале?

— Очень просто,— отвечал он.— Представьте себе, что огоньки из ваших глаз проникли сквозь зеркало и встретили за ним непрозрачное тело, которое отбросило их обратно; они следуют тем же путем и, встречая маленькие частицы, вышедшие из вашего глаза и шествующие по поверхности стекла, возвращают их глазам, а воображение — самая горячая способность нашей души — вбирает в себя тончайшие из них и создает себе образ в уменьшенном виде.

Так же нетрудно понять и механизм слуха; для краткости ограничимся звуками лютни, тронутой рукою музыканта.

Вы спросите, как получается, что я замечаю нечто, расположенное далеко от меня и вне поля моего зрения? Разве из ушей моих торчат губки и впитывают музыку, чтобы затем передать ее мне? А может быть, музыкант порождает у меня в голове другого, крошечного, лютника, которому приказано напевать, как эхо, те же мелодии? Нет. Чудо это происходит оттого, что задетая струна ударяет по тельцам, образующим воздух, и гонит воздух в мозг, нежно пронизывая его этими крохотными материальными частицами; если струна сильно натянута, звук получается громкий, ибо она гонит атомы с большей силой, а мозг, пронизанный ими, подает фантазии материал для создания соответствующей картины; если струна натянута слабо, то порою случается так, что наша память не успевает закончить картину, и тогда нам приходится повторить тот же звук, дабы материала, который доставляется памяти,— скажем, ритмом сарабанды,— было достаточно для завершения образа этой мелодии.

Но этот процесс далеко не так чудесен, как многие другие, например, те, в итоге которых, при помощи того же органа, нас охватывает волнение то радостное, то гневное. Происходит это в тех случаях, когда движущиеся тельца сталкиваются в нас с другими тельцами, находящимися в таком же движении, или такими тельцами, которые по форме своей способны воспринимать такие же колебания, ибо тогда пришельцы вынуждают хозяев двигаться так же, как двигаются они сами. Таким образом, когда бурная мелодия сталкивается с огнем нашей крови, она вызывает в нем колебания, подобные своим, и побуждает его рваться наружу: получается то, что мы называем «пылом отваги». Если же звук нежнее и в силах вызвать пламя лишь меньших размеров, то, прикасаясь к мускулам, перепонкам и порам нашего тела, он вызывает ту щекотку, что мы именуем «радостью». То же происходит с возбуждением и других наших страстей; они зависят от того, насколько сильно бросаются на нас эти тельца, какое они получают направление, столкнувшись с другими тельцами, и какие движения они вызывают в нас самих. Вот что можно сказать о слухе.

Теперь уже нетрудно доказать то же по отношению к осязанию, если иметь в виду, что всякая осязаемая материя беспрестанно выделяет маленькие тельца и что по мере того, как мы к ней прикасаемся, этих телец испаряется все больше, ибо мы выдавливаем их из самого предмета, словно воду из губки, когда сжимаем ее. Твердые предметы говорят нашим органам о своей твердости, мягкие — о мягкости, шершавые — о шер-

шавости и т. д. А подтверждается это тем, что руки становятся у нас менее чувствительны, если они заскорузли от работы, ибо толстая мозолистая кожа, будучи лишена пор и жизни, еле-еле передает излучение материи. Кому-нибудь, пожалуй, захочется узнать, где же обретается орган осязания. Думаю, что он расположен по всей поверхности кожи, ибо она чувствительна всюду. Полагаю, однако, что чем ближе к голове часть тела, которою мы касаемся чего-либо, тем скорее получаем мы соответствующее ощущение; доказательством этому служит то, что если мы, закрыв глаза, скользим по какому-нибудь предмету рукою, то мы легко узнаем его очертания, если же касаемся ногою, то узнать предмет гораздо труднее. Происходит это оттого, что наша кожа испещрена отверстиями, а из-за этого нервы, тоже не особенно плотные, теряют значительное количество телец сквозь отверстия своей ткани, прежде чем тельца доберутся до мозга, который является конечной целью их путешествия.

Мне остается добавить только несколько слов о вкусе и обонянии. Скажите: когда я отведываю какого-нибудь плода, не оттого ли он тает, что я прикасаюсь к нему теплыми губами? Согласитесь в таком случае, что, поскольку в груше содержатся соли, они, растворившись, распадаются на множество телец; а так как эти тельца наделены иной формой, чем те, которые придают вкус яблоку, то, следовательно, они проникают в наше нёбо совершенно другим способом; точно так же, как боль от раны, нанесенной острием клинка, не похожа на боль, причиненную пистолетной пулей, а последняя причиняет совершенно иную боль, чем стальная стрела четырехгранного сечения.

Насчет обоняния мне сказать нечего, раз сами философы признают, что оно связано с беспрестанным выделением крошечных телец.

На основе этого принципа я объясню вам образование, гармонию и влияние небесных тел, а также незыблемое разнообразие метеоров.

Он собирался продолжать, но тут вошел старый хозяин, и наш философ вспомнил, что пора отправиться на покой. Старик внес сосуды со светлячками, чтобы осветить комнату; но огоньки их со временем сильно тускнеют, а этих собрали уже дней десять тому назад, так что они почти не давали света.

Мой демон не мог допустить, чтобы компания терпела такое неудобство; он поспешил в свою комнату и тотчас же вернулся, неся два сосуда со столь ярким огнем, что все удивились, как это он не опалил себе руки.

— Эти неугасимые светочи послужат нам лучше, чем светлячки. Тут солнечные лучи; я очистил их от жара, иначе жгучая сила их огня испортила бы вам зрение и вы ослепли бы; свет я выделил и заключил в прозрачные шары, которые у меня в руках. Вам не следует особенно дивиться этому, ибо мне, родившемуся на Солнце, так же легко сосредоточить эти лучи, которые не что иное, как пыль того мира, как вам — собрать пыль или атомы, представляющие собою измельченную в порошок пыль этого мира.

Тут хозяин велел слуге проводить философов; уже совсем стемнело, поэтому слуга взял с собою дюжину сосудов со светлячками, которые он привязал к своим четырем ногам. Что же касается остальных гостей (то есть моего наставника и меня), то мы улеглись, когда приказал физионом.

На этот раз он поместил меня в комнату, полную фиалок и лилий, и велел, по обыкновению, пощекотать меня. А на другое утро, часов в девять, ко мне вошел мой демон; он сказал, что только что вернулся из дворца, куда его просила приехать З., одна из дочек королевы; она справилась обо мне и подтвердила, что намерена сдержать слово, то есть что охотно последует за мною, если я пожелаю взять ее в другой мир.

— Особенно удивился я,— продолжал он,— когда узнал, что главная причина, побуждающая ее к этому путешествию,— желание стать христианкой. Поэтому я обещал ей всеми силами содействовать ее намерению и придумать какую-нибудь машину, которая могла бы поднять три-четыре человека и в которую вы могли бы сесть хоть сегодня. Я серьезно займусь осуществлением этого замысла, а чтобы вы не скучали в мое отсутствие, вот вам для развлечения книга. Я некогда привез ее с родины, она называется «Государства и Империи Солнца» с прибавлением «Истории искры». Оставляю вам, кроме того, книгу, которую я ценю еще выше; это «Философский камень». Она написана одним из величайших умов Солнца. Мудрец утверждает, что все — истинно, и открывает способ физически соединять противоположные истины, например, доказывать, что белое есть черное, а черное есть белое; что можно в одно и то же время присутствовать и отсутствовать; что гора может существовать независимо от долины; что небытие представляет собою нечто, а что все существующее — не существует. И заметьте, что он доказывает все эти неслыханные парадоксы, не прибегая к каким-либо хитроумным софистическим рассуждениям. Если вам надоест чтение, можете погулять или побеседовать с сыном хозяина; у него очаровательный

ум, одно только мне не нравится,— что он безбожник. Если он возмутит вас своими рассуждениями или поколеблет веру, непременно расскажите мне, и я разрешу все ваши недоумения. Другой приказал бы вам сразу же порвать отношения с человеком, который философствует на такого рода темы, но так как молодой человек чрезвычайно самоуверен, есть опасность, что он вообразит, будто вы отдалились от него потому, что он нанес вам сокрушительное поражение, и станет думать, что наша вера лишена каких-либо оснований, раз вы боитесь выслушивать его доводы. Стремитесь быть свободным.

Тут он расстался со мною, ибо эти слова равносильны нашему «до свиданья», а при встрече здесь вместо «здравствуйте» или «добро пожаловать» говорят: «Люби меня, мудрец, потому что и я тебя люблю». Но едва демон вышел, я принялся рассматривать книги и их оболочку, иначе говоря переплеты, и они поразили меня своим великолепием; один из них был выточен из цельного алмаза, куда более блестящего, чем наши, второй казался чудовищной жемчужиной, расколотой надвое. Мой демон перевел эти книги, но у меня нет этих изданий, поэтому с их особенностями я познакомлю вас на словах.

Сняв футляр, я нашел в нем нечто металлическое, напоминающее наши стенные часы и наполненное какими-то пружинами и едва видимыми механизмами. На самом деле это книга, но книга чудесная, без страниц и букв; словом, книга, для чтения которой не требуется зрения, нужны только уши. Желающий почитать книгу, заводит с помощью множества ключиков механизм, поворачивает стрелку на ту главу, которую он хочет услышать, и тотчас же из книги, как из человеческого горла или из музыкального инструмента, начинают раздаваться разнообразные отчетливые звуки, служащие обитателям Луны для выражения мыслей и чувств.

Позже, когда я поразмыслил над этим чудесным изобретением, я перестал удивляться тому, что тамошние шестнадцативосемнадцатилетние юноши обладают бóльшими познаниями, чем наши седовласые бородачи, ибо обитатели Луны, научившись чтению одновременно с речью, читают беспрестанно: в комнатах, в городе, на прогулке, в дороге — всюду они могут иметь при себе, в кармане или привязанными на кушак, томов тридцать, и им стоит только завести пружину, чтобы прочесть отдельную главу или, если они в настроении, всю книгу. Таким образом, возле вас неотлучно находятся все великие умы как живые, так и усопшие, и все они сами разговаривают с вами. Подарком я занимался больше часа; наконец

я подвесил книги к ушам в виде сережек и отправился гулять; но не успел я дойти до перекрестка, как встретил довольно многочисленную группу опечаленных людей.

Четверо из них несли на плечах нечто вроде гроба, запеленатого в черное. Я осведомился у одного из зевак, что означает это шествие, весьма похожее на погребальные процессии у меня на родине. Он мне разъяснил, что накануне умер В., дурной человек, изобличенный в зависти и неблагодарности и заклейменный народом посредством щелчка в правое колено; лет двадцать тому назад суд приговорил его к естественной смерти в собственной постели и к последующему погребению. Услышав такой ответ, я расхохотался, а человек спросил, чем вызван мой смех.

— Меня крайне удивляет,— отвечал я,— что долголетие, тихая кончина, торжественные похороны — все, что считается у нас благом, в вашем мире превращено в назидательное наказание.

— Как? Вы считаете похороны знаком благоволения? — воскликнул мой собеседник.— Неужели, по-вашему, может быть что-нибудь ужаснее мертвого тела, которое шевелится от кишащих в нем червей и отдано на съедение жабам, которые гложут его щеки,— словом, что-нибудь ужаснее чумы, облеченной в человеческое тело? Боже, у меня захватывает дыхание от одной только мысли, что,— пусть даже у мертвого,— лицо мое будет закрыто простыней, а над ним ляжет толстый слой земли. Мало того что этого несчастного приговорили к позорному погребению в могиле,— по решению суда на его погребальной процессии должны присутствовать пятьдесят его друзей, друзьям же в наказание за то, что они любили человека завистливого и неблагодарного, приказано идти за гробом с печальным видом. А будь судьи безжалостными и не приняли они его преступления отчасти скудости его ума, так друзьям было бы приказано плакать навзрыд. Здесь всех, за исключением преступников, сжигают; это очень благопристойный и разумный обычай, ибо мы верим, что огонь отделит чистое от нечистого, а жар соберет по симпатии естественный жар, составлявший душу, и придаст ей силу беспрестанно подниматься, пока она не достигнет какого-нибудь светила, населенного некими народами, менее материальными, чем мы, зато более духовными, ибо их природа должна соответствовать и содействовать чистоте обитаемого ими небесного тела; мы верим также, что животворное пламя, еще улучшенное благодаря совершенству элементов того светила, создаст нового гражданина пылающего мира.

Но у нас есть способ погребения еще лучше. Если какой-нибудь философ, достигнув известного возраста, начинает чувствовать, что ум его слабеет и застывают чувства, он созывает друзей на роскошный пир; изложив им причины, по которым он решил распроститься с природой, и пояснив, что у него уже нет надежды добавить что-либо к своим похвальным деяниям, он ждет их приговора, и ему либо оказывают милость, то есть приказывают лишить себя жизни, либо строго-настрого повелевают жить. Если большинством голосов ему предоставляют право покончить с собою, то он извещает самых близких друзей о времени и месте своей смерти; те очищаются и в течение суток воздерживаются от еды, потом, явившись в дом мудреца и принеся жертвоприношение Солнцу, они входят в комнату, где мудрец ожидает их на торжественном ложе. Каждый подходит к нему и целует; когда очередь доходит до самого любимого друга, мудрец, нежно обняв его, прижимает к груди и, прильнув устами к его устам, правой рукой вонзает себе в сердце кинжал. Любимец не прерывает лобзания, пока не почувствует, что друг его при смерти; тогда он извлекает клинок из его груди и, прильнув губами к ране, высасывает и пьет его кровь, за ним подходит следующий, потом третий, четвертый и так все собравшиеся; часа три-четыре спустя для каждого из друзей вводят девушку лет шестнадцати — семнадцати и три-четыре дня, пока друзья наслаждаются радостями любви, они питаются исключительно лишь мясом покойника, которое им подают в сыром виде, чтобы, в случае, если из сотни объятий родится нечто, они были уверены, что это возродился их друг.

Я прервал эту речь, сказав, что такой образ действий весьма похож на обычаи некоторых народов нашего мира; затем я продолжал прогулку, и она так затянулась, что, когда я возвратился, оказалось, что уже целых два часа, как обед готов. Меня спросили, чем вызвано такое опоздание.

— Я не виноват,— сказал я повару, который сетовал на меня,— я несколько раз спрашивал у прохожих: который час? А в ответ они только разевали рот, сжимали зубы и воротили лицо на сторону.

— Так вы не поняли, что тем самым вам отвечали, который час! — послышалось со всех сторон.

— Клянусь честью,— возразил я,— сколько бы они ни повертывали свои длинные носы к Солнцу, я не понял бы, что так они отвечают на мой вопрос.

— Это большое удобство, позволяющее им обходиться без часов,— пояснили мне.— Их зубы представляют собою точней-

ший циферблат, поэтому, чтобы ответить на вопрос, который час, они просто приоткрывают рот, и тень от носа, падая на зубы, указывает, как на циферблате, точное время. Если же хотите знать, почему здесь у всех длинные носы, то вот вам ответ: как только женщина родит ребенка, повивальная бабка несет его к попечителю приюта; в конце года собираются ученые, и если нос ребенка оказывается короче определенной длины, мерка коей хранится у старосты, то ребенка передают людям, которые должны оскопить его. Вы спросите о причинах такого зверства и как может случиться, чтобы у нас, считающих девственность за преступление, совершали насилие над природой? Но мы поступаем так только потому, что за целых тридцать веков убедились, что большой нос — признак остроумия, учтивости, приветливости, благородства, щедрости, маленький же нос свидетельствует о противоположных чертах. Поэтому курносых делают евнухами, ибо Республика предпочитает вовсе не иметь детей, чем иметь похожих на евнухов.

Он еще продолжал речь, когда к нам вошел совершенно нагой человек. Из уважения к нему я немедленно сел и надел шляпу, ибо там это знаки самого глубокого уважения, какие только можно оказать человеку.

— Правительство желает, чтобы вы, когда решите отправиться в свой мир, предупредили бы об этом чиновников,— сказал он,— ибо один из наших математиков недавно обещал Совету притянуть ваш земной шар и соединить его со здешним, при условии, что вы согласитесь, прибыв к себе, построить по его указаниям нужную для этого машину.

Я ответил, что не премину выполнить поручение.

— Скажите, пожалуйста,— попросил я хозяина, когда голыш ушел,— почему к талии этого посланца подвешены бронзовые срамные части?

Я видел это неоднократно и в те дни, когда сидел в клетке, но спрашивать не решался, ибо возле меня всегда находились дочки королевы, и я боялся оскорбить их, затеяв в их присутствии разговор на столь сальную тему.

Последовал такой ответ:

— Наши женщины, как и мужчины, не настолько неблагодарны, чтобы краснеть при виде того, что их создало; девственницам нравится — и они не стыдятся этого — видеть на нас, в память матери-природы, единственную вещь, которая носит ее имя. Знайте, что повязка, которою удостоен этот человек и на которой в виде медали висит изображение муж-

ского члена, представляет собою эмблему дворянства; по этому знаку отличают благородного человека от простолюдина.

Это показалось мне столь диковинным парадоксом, что я не мог удержаться от смеха.

— Такой обычай представляется мне крайне странным,— сказал я,— ибо в нашем мире дворяне отличаются от простонародья тем, что носят шпагу.

Хозяин хладнокровно отвечал:

— Ах ты, человечек! Неужели у вас вельможи столь безрассудны, что хвастаются орудием, которое подходит только палачу и создано лишь для разрушения; словом, хвастаются тем, что нельзя назвать иначе, как заклятым врагом всего живущего? И неужели они, напротив, скрывают орган, без которого мы не существовали бы, скрывают то, что можно назвать Прометеем каждого животного и неутомимым восстановителем природных сил? Несчастен мир, где считается постыдным то, что напоминает о рождении, а почетно то, что говорит об уничтожении, словно не самое достохвальное — давать жизнь и не самое позорное — лишать ее.

Во время этой речи мы продолжали обедать, а встав из-за стола, отправились в сад подышать свежим воздухом.

Некоторое время мы беседовали о красоте здешних мест и о событиях дня, но меня не покидало благородное желание обратить в нашу веру душу, столь возвышающуюся над толпою; поэтому я принялся уговаривать юношу, чтобы он не дал погрязнуть в материи блестящему уму, коим его одарило небо, убеждал высвободить из звериных тисков душу, способную созерцать божество, и просил позаботиться о том, чтобы его грядущее бессмертие было сопряжено с радостью, а не со страданием.

— Как? — воскликнул он, прыснув со смеху,— вы воображаете, будто у вас, в отличие от животных, бессмертная душа? Право же, мой старший друг, гордыне вашей один шаг до дерзости! Почему, скажите на милость, считаете вы свою душу бессмертной в ущерб животным? Не потому ли, что человек наделен разумом, а у животного его нет? Прежде всего я этого не считаю и в любое время докажу вам, что животные рассуждают не хуже нас. Но даже если бы разум был исключительно нашим уделом и преимуществом, то следует ли из этого, что бог одарил человека также и бессмертием? Значит, я должен сегодня дать нищему пистоль только потому, что вчера дал ему экю? Вы сами видите несостоятельность этого вывода и что, напротив, справедливости ради, я должен не да-

вать пистоль вчерашнему, а должен дать экю сегодняшнему, раз он ничего не получил от меня накануне. Отсюда следует, любезный друг мой, что бог, в тысячу раз более справедливый, чем мы с вами, не все отдал одним и не совсем обездолил других. Ссылаться на пример первородства, существующего в вашем мире, в силу коего старший в семье получает почти все отцовское достояние,— значит ссылаться на слабость отцов, которые желают увековечить род и боятся, как бы он не захирел и не погряз в бедности. Но бог, вообще непогрешимый, никак не мог допустить столь значительной ошибки, не говоря уже о том, что в вечности нет ни прошлого, ни будущего, поэтому у бога младшие ничуть не моложе старших.

Не скрою, что такое рассуждение смутило меня.

— Позвольте оставить эту тему, ибо я недостаточно силен, чтобы возразить вам,— сказал я,— за разрешением этого вопроса я обращусь к нашему общему наставнику.

Я сразу же, не дожидаясь ответа, отправился к мудрому демону и, минуя подробности, изложил ему слышанные мною доводы против бессмертия души; вот что он сказал мне на это:

— Сын мой, этому юному вертопраху хочется убедить вас, что трудно поверить, будто душа человека бессмертна, ибо из этого следует, что бог, именующий себя отцом всех существ, несправедлив, поскольку один вид существ он облагодетельствовал, а прочие осудил на небытие или страдания. Эти доводы, правда, на первый взгляд довольно убедительны. И хотя я мог бы спросить, откуда он знает, что то, что справедливо для нас, справедливо и для бога, откуда он знает, что бог мерит нашим мерилом, откуда он знает, что в наших законах и обычаях, учрежденных с единственной целью смягчить наше жестокосердие, нуждается также и всемогущество божье,— всего этого я спрашивать у него не стану, ибо на сей предмет имеются божественные ответы ваших Отцов Церкви; я ограничусь тем, что поведаю вам одну тайну, никем еще не раскрытую.

Вам известно, сын мой, что из земли возникает дерево, из дерева — поросенок, из поросенка — человек; так не можем же мы думать, что, поскольку все существующее стремится к совершенству, дерево и поросенок надеются стать людьми, ибо человек — совершеннейшее сочетание, лучшее из всего существующего в мире, и он один представляет собою звено между состоянием скотским и ангельским. Что такие метаморфозы имеют место — отрицать невозможно, если только ты не педант, ибо мы видим, что сливовое дерево при помощи жара своих корней, словно ртом, высасывает и переваривает окружающую

его траву, что поросенок поедает сливу и превращает ее в часть самого себя, что человек, поедая поросенка, разогревает это мертвое мясо, присоединяет его к себе и возрождает съеденную скотину, придавая ей облик самого благородного существа. Поэтому почтенный первосвященник, которого вы видите облеченного в митру, быть может, был лет шестьдесят тому назад всего лишь пучком травы в моем огороде. Итак, легко предположить, что бог, как единый отец всех этих существ, одинаково всех их любит и что путем такого метампсихоза (более разумного, чем предложенный пифагорейцами) все, что чувствует, все, что произрастает, пройдет через человека, и тогда настанет день Страшного суда, к коему сводятся все тайны философии пророков.

Очень довольный полученным разъяснением, я вернулся в сад и принялся излагать противнику все, чему научил меня наш наставник, но тут явился физионом и повел нас ужинать, а потом — спать.

На другой день я, едва проснувшись, отправился будить своего собеседника.

— Застать такой великий ум, как ваш, погруженным в сон,— такое же великое чудо, как видеть пламя неподвижным,— сказал я, подойдя к его постели.

В ответ на этот неудачный комплимент он поморщился.

— Ваши уста и разум, видно, так никогда и не откажутся от пустого слова «чудо»? — воскликнул он в гневе, подогретом любовью.— Знайте, что понятие это позорит философа и что мудрец понимает все, что видит, и все считает доступным пониманию, и ему ненавистны понятия чуда, дива, сверхъестественного феномена — понятия, которые придуманы дураками для оправдания их скудоумия.

Тут я почел себя обязанным возразить.

— Хоть вы и не верите в чудеса,— сказал я,— они все же бывают, и довольно часто. Я видел их собственными глазами. Я знаю более двадцати больных, которые выздоровели чудесным образом.

— Вы говорите, что люди выздоровели чудом,— прервал он меня,— и не знаете того, что воображение в силах излечивать все болезни благодаря наличию в нашем теле некоего естественного бальзама, который состоит из множества начал, противных различным недугам, поражающим нас; так случается, когда воображение, возбужденное болью, вызывает в нас особую силу и направляет ее на тлетворное начало. Именно поэтому один опытный врач нашего мира советует больным

предпочтительнее обращаться к врачу незнающему, которого, однако, считают весьма опытным, чем к весьма опытному, но слывущему незнающим,— ибо он считает, что воображение, работая на пользу здоровью, может исцелить нас, лишь бы ему пришли на подмогу лекарства; зато даже самые сильные снадобья оказываются слабыми, если воображение не подкрепляет их. Разве вас не удивляет, что первобытные люди вашего мира прожили столько веков, не имея ни малейшего понятия о медицине? А что же, по-вашему, могло быть этому причиною, как не то, что их организмы еще находились в полной силе, а внутренний бальзам еще не был уничтожен всевозможными лекарствами, которыми вас изводят ваши врачи? Тогда у людей не было другого средства поправиться, как только пылко желать этого и воображать, что уже поправился. Итак, их мощное воображение, погружаясь в живительное внутреннее масло, извлекало из него эликсир, накладывало активное на пассивное, и люди в мгновение ока становились здоровыми, как прежде; несмотря на испорченность человеческой природы, это наблюдается и поныне, хотя, правда, довольно редко. А простонародье приписывает это чуду.

Что касается меня, я в чудеса не верю, ибо гораздо легче предположить, что все врачи ошибаются, чем допустить, будто чудо действительно имело место. Я говорю: больной горячкой, только что выздоровевший, во время болезни, само собой разумеется, жаждал поправиться и даже дал обет на случай, если выживет; значит, он должен либо умереть, либо продолжать хворать, либо выздороветь. Если бы он умер, то сказали бы, что бог пожелал вознаградить его за перенесенные им страдания; если бы он выздоровел, его коварно заставили бы говорить, что молитвы его были услышаны и поэтому он исцелился от всех своих недугов; если бы он остался в том же положении, стали бы говорить, что ему недостает веры,— но так как он выздоровел, значит, это чудо. Не правдоподобнее ли, что фантазия его, возбужденная страстным желанием здоровья, оказала соответствующее действие? Ибо я верю, что он поправился. Зачем мне кричать о чуде, раз мы видели множество людей, которые погибли, несмотря на все их обеты?

— Согласитесь, однако,— возразил я,— что если правда то, что вы говорите о внутреннем бальзаме, то это признак разумности нашей души, поскольку она, без помощи самого разума и не опираясь на нашу волю, действует самостоятельно и как бы помимо нас накладывает активное на пассивное. Если же допустить, что она отделена от нас, но разумна, то, следо-

вательно, она духовна, а если вы ее признаете духовной, то я из этого могу заключить, что она бессмертна, поскольку смерть наступает у животного в силу изменения форм, а это свойственно только материи.

Тут юноша сел на постели и, усадив меня, сказал приблизительно следующее:

— Что касается души животного, которая материальна, то я не удивлюсь, если она смертна, принимая во внимание, что она, пожалуй, представляет собою всего лишь сочетание четырех свойств, определенного количества крови и хорошо слаженных органов. Зато было бы удивительным, если наша душа, духовная, бестелесная и бессмертная, должна была выйти из нашего тела по той же причине, по какой она гибнет у быка. Разве она заключила договор с нашим телом о том, что когда тело получит удар шпагой в сердце, или свинцовую пулю в голову, или рану в живот, то она немедленно выселится из дырявого обиталища? Я уж не говорю о том, что она то и дело стала бы нарушать договор, ибо нередко одни умирают от такой раны, при которой другие выживают; пришлось бы каждой душе заключать особый договор со своим телом. Говорят, будто она очень умна, но тогда, право же, ей, должно быть, страшно выходить из своего жилища, если она знает, что новая квартира уготована ей в аду. Если бы душа была духовна и сама по себе так разумна, как говорят, если бы она так же могла рассуждать, даже будучи отделенной от нашей плоти, как рассуждает, будучи в нее облечена, то почему же слепые от рождения, при всех качествах разумной души, не могут представить себе, что значит видеть? Почему глухой не слышит? Не оттого ли, что смерть еще не лишила его вообще всех чувств? Как же так? Неужели я не могу пользоваться правой рукой только потому, что у меня есть и левая? Чтобы доказать, что, как ни духовна душа, она не могла бы действовать, не будь органов чувств,— они ссылаются на пример живописца, который не может писать, не имея кистей. Да, но это не значит, что живописец, не могущий писать без кистей, сможет писать, если вдобавок лишится красок, карандашей, баночек и холста. Наоборот! Чем больше будет препятствий, тем невозможнее ему будет работать. А они хотят, чтобы душа, парализованная утратой в ходе жизни одного из своих инструментов, отлично работала, когда, после смерти, утратит их все до одного. Если они станут мне твердить, что никаких инструментов ей не требуется, то я отвечу, что, значит, всех слепых из Приюта надо высечь за то, что они притворяются будто ни черта не видят,

— Но если душа умирает (а к такому выводу, насколько я понимаю, вы и клоните), то воскресение, которого мы ожидаем, оказывается несбыточной мечтой, ибо тогда нужно, чтобы бог создал душу вторично, а это уже не будет воскресение.

Он прервал меня кивком.

— Разумеется! — воскликнул он.— А кто вам внушил такие бредни? Вы — воскреснете? Я — воскресну? Моя служанка — воскреснет?

— Это не бредни, это несомненная истина, и я вам ее докажу,— возразил я.

— А я,— не унимался он,— докажу вам обратное. Для начала предположим, что вы съели магометанина, следовательно, вы его превратили в свою субстанцию. Съеденный магометанин превращается, как легко догадаться, частично в плоть, частично в кровь, частично в сперму. Вы ласкаете свою жену и из семени, происходящего из трупа магометанина, создаете прекрасного маленького христианина. Спрашивается: получает ли магометанин свое тело обратно? Если земля возвращает магометанину его тело, значит, маленький христианин не получит своего, раз он сам всего лишь часть тела магометанина. Если вы станете утверждать, что маленький христианин все-таки получит тело, значит, бог отнимет его у магометанина и передаст маленькому христианину. Итак, один из них неизбежно должен остаться без тела. Вы, пожалуй, возразите, что бог добавит материи тому, у кого ее окажется недостаточно? Допустим. Но тут возникает другая трудность, а именно та, что если проклятый магометанин воскреснет и бог даст ему совершенно новое тело вместо того, которое украл у него христианин, то ввиду того, что ни тело, ни душа в отдельности еще не составляют человека, а должны для этого слиться воедино и так как тело и душа одинаково неотъемлемы от человека, то, если бог создаст для магометанина новое тело вместо его собственного, получится уже другой индивид. Итак, бог поражает проклятием не того, кто заслужил адские муки; итак, некое тело развратничало, предавалось порокам, а бог, чтобы покарать это тело, ввергает в огонь другое, девственное тело, совершенно чистое и не совершавшее ни малейших преступлений. А самое нелепое то, что тело это в одно и то же время заслуживает и райского блаженства, и адских мук, ибо как тело магометанина оно должно быть осуждено, а как христианское — подлежит спасению, и бог будет несправедлив, если ввергнет его в ад, заменив вечной смертью блаженство, заслуженное христианином. Поэтому, чтобы быть справедливым, бог должен вечно осуждать и вечно спасать этого человека.

Тут я взял слово:

— Мне нечего ответить на ваши софистические доводы против воскресения, ибо так сказал сам бог, который не может лгать.

— Вы слишком прытки,— возразил он,— вы уже говорите: «так сказал бог», а сначала надо доказать, что бог есть, ибо, что касается меня, то я его решительно отрицаю.

— Я не стану тратить время на перечисление убедительных доказательств, которые приводят философы на этот счет,— отвечал я,— мне пришлось бы повторить все, что спокон веков написано здравомыслящими людьми. Я спрошу только, что препятствует вам поверить этому. Никакого довода, знаю, вы не приведете. Не сможете вы также отрицать и то, что в вере ничего, кроме пользы, нет, так почему же и вам не поверить в бога? Ибо если бог есть, то,—помимо того, что, не веруя, вы заблуждаетесь, вы еще и не выполняете заповеди, которая предписывает верить. Если же бога нет, то ваше положение ничуть не лучше нашего.

— Ошибаетесь,— возразил он,—мое положение окажется лучше, ибо, если бога нет, в игре останемся только мы с вами вдвоем; если же бог есть, то я никак не могу оскорбить его, ибо нельзя оскорбить то, что считаешь несуществующим, и грешить можно, только сознавая, что грешишь, или желая грешить. Разве вы не замечали, что даже самый неразумный человек не обижается на грубияна, если тот оскорбит его невольно, или приняв его за другого человека, или под влиянием винных паров? Тем паче бог при его неуязвимости неужели разгневается на нас за то, что мы его не ведали, раз он сам лишил нас возможности познать его? Но уверяю вас, милая скотинка, если бы вера в бога была для нас уж так необходима, если бы от нее, наконец, зависело наше бессмертие, то разве бог сам не наделил бы всех нас знаниями столько же яркими, как Солнце, которое не скрывается ни от кого? Ибо предполагать, что он хочет играть с людьми в прятки, то есть то надевает маску, то снимает ее, скрывается от одних и являет себя другим,— это значит создавать себе образ бога неразумного или коварного; ведь если я познал его силою своего ума, это его заслуга, а не моя,— он мог наделить меня немощными органами и слабой душою, и я не мог бы постичь его. А если бы он наделил меня умом, неспособным постичь его, то это опять-таки была бы не моя, а его вина, поскольку от него зависело одарить меня умом достаточно острым, чтобы познать его.

От этих нелепых, бесовских рассуждений у меня по всему телу пробежала дрожь; я стал внимательнее присматриваться к собеседнику и был поражен, обнаружив в его лице что-то жут-

кое, чего я прежде не замечал; глаза у него были маленькие и глубоко запавшие, лицо темное, рот широкий, подбородок заросший, ногти черные. «О боже,— подумал я,— этот несчастный осужден уже в этой жизни, и, быть может, он тот самый Антихрист, о котором столько толкуют в нашем мире».

Я, однако, не хотел обнаружить перед ним своей мысли, потому что высоко ценил его ум, знаки же, под которыми природа создала его, внушали мне к нему довольно дружественные чувства. Тем не менее я не в силах был сдержаться и разразился проклятиями, предсказывая, что кончит он дурно. Но мой гнев только распалил его, и он вскричал:

— Да, смертью...

Не знаю, что собирался он еще сказать, ибо тут к нам постучались, и в комнату вошел высокий, черный и весь мохнатый мужчина. Он приблизился к нам, схватил святотатца за талию и потащил к печной трубе.

Мне стало до того жаль несчастного, что я ухватился за него, чтобы вырвать из когтей эфиопа, но последний оказался столь сильным, что поднял нас обоих, и в мгновение ока мы оказались на облаке. Теперь я крепко обнимал юношу не из любви к ближнему, а из страха низвергнуться вниз. Не знаю, сколько дней я летел с неба, не представляя себе, что со мною станется, как вдруг понял, что приближаюсь к нашему миру. Я уже различал Азию от Европы и Европу от Африки. Наконец мы настолько спустились, что я уже ничего не видел дальше Италии, и тут сердце подсказало мне, что дьявол несет и тело и душу моего хозяина, несомненно, в ад и поэтому-то и направляется к нашей Земле, ибо ад расположен в самом ее центре. Однако я перестал об этом думать и вообще забыл все, что случилось с тех пор, как дьявол стал нашей колесницей, ибо меня охватил несказанный ужас при виде объятой пламенем горы, которой я почти касался. Пылающее зрелище исторгло у меня возглас: «Христос! Пресвятая дева!» Не успел я выговорить последний звук, как очутился распростертым среди вереска, на холме, где два-три пастуха, певшие молитвы, обратились ко мне по-итальянски.

— Хвала господу! — воскликнул я.— Наконец-то встретил я христиан в лунном мире! Скажите, друзья, в какой области вашего мира нахожусь я теперь?

— В Италии,— отвечали они.

— Как же так? Разве и в лунном мире есть Италия?

Я еще не вполне сообразил, что́ со мною случилось, и даже не заметил, что они разговаривают со мною по-итальянски, и я отвечаю им так же.

Придя в себя и убедившись, что я снова нахожусь в нашем мире, я, не спрашивая, пошел, куда повели меня крестьяне. Но не успели мы дойти до ворот ***, как на меня бросились все городские псы, и, не спрячься я со страха в одном из домов, где мне удалось запереться, они наверняка растерзали бы меня.

Четверть часа спустя, пока я отдыхал в безопасности, внезапно раздался оглушительный лай; казалось, собрались собаки со всего королевства,— тут были все породы, начиная с догов и кончая болонками, и все они так яростно тявкали, словно впервые увидели человека.

Все это ничуть не удивляло очевидцев; но когда я задумался о причине этого шабаша, я сразу понял, что животные напустились на меня потому, что я явился из другого мира; ведь они имеют обыкновение лаять на Луну, ибо она раздражает их, думал я, а на меня они напали потому, что я пахну Луной, а это их тоже раздражает.

Чтобы избавиться от скверного запаха, я расположился на солнцепеке, на террасе. Так прожарился я часа три-четыре, потом вышел, и все псы, не чувствуя уже запаха, вызывавшего их ненависть, разбежались по домам.

Я справился в гавани о том, когда отплывает корабль во Францию, а погрузившись, только и думал, что о диковинных событиях моего странствия. Я тысячу раз дивился божьему провидению, которое поселило людей, по природе своей безбожных, в таких областях, откуда они не могут дурно влиять на его возлюбленных чад, и которое покарало гордыню безбожников тем, что предоставило их самим себе. И я уверен, что оно до сих пор не послало к ним проповедников Евангелия лишь потому, что они истолкуют его вкривь и вкось, а тем самым заслужат в будущей жизни еще более суровую кару.

Конец

ДЕНИ ВЕРАС

ИСТОРИЯ СЕВАРАМБОВ

ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО
Е. ДМИТРИЕВОЙ

К ЧИТАТЕЛЮ

Если вы читали «Республику» Платона, «Утопию» шевалье Мора или «Новую Атлантиду» канцлера Бэкона — произведения, являющиеся лишь плодами богатой фантазии их авторов,— вам, быть может, покажется, что предлагаемые рассказы о вновь открытых странах, где есть много чудесного, представляют собой нечто в таком же роде. Я не смею осуждать благоразумную осторожность тех, кто не сразу верит всему, лишь бы они соблюдали умеренность; но было бы столь же большим упорством отбрасывать без разбора все необыкновенное, сколь недостатком сообразительности принимать за правду все сказки, сплошь и рядом рассказываемые о дальних краях.

Тысячами известных примеров подтверждается то, о чем я только что говорил: многое представлявшееся когда-то непреложной истиной, в более поздние века было разоблачено и оказалось искусной выдумкой. Многие вещи, которые очень долгое время считались баснями и даже отвергались как нечестивые и противоречащие религии, в дальнейшем признавались за столь неопровержимые истины, что каждый, кто осмеливался выразить сомнение, казался невеждой и нелепым глупцом.

Ведь нельзя же сказать, что по своему грубому невежеству Вергилий, епископ Кельнский, рисковал быть лишенным жизни, по решению властей, когда он заявил, что существуют антиподы, и когда лишь торжественный отказ от этих слов помог ему спастись от пыток, приготовленных ему опрометчивым усердием ханжей его времени.

Так же мало было оснований к тому, чтобы Христофора Колумба считали мечтателем в Англии, а затем в Португалии,

потому что он сообщил, что на западе находится еще один материк. Совершившие с тех пор кругосветные путешествия убедились, что Вергилий был прав, а открытие Америки подтвердило рассказ Колумба: таким образом, теперь перестали удивляться рассказам о Перу, Мексике, Китае, считавшимся ранее сказками.

Эти далекие страны и открытые с тех пор многие другие были неизвестны народам Европы в течение многих веков и большею частью сейчас так же мало известны. Наши путешественники ограничиваются посещением более близких земель в морях, где они занимаются торговлей и мало интересуются местами, куда не заходят их корабли. Ибо они почти все — судовладельцы, путешествующие с целями наживы; часто они проезжают мимо островов или даже материков, не обращая на них никакого внимания, разве только из-за необходимости избежать их на своем пути. Отсюда вытекает, что обычно всеми сведениями, имеющимися у нас об этих землях, мы обязаны случаю: почти никто не был настолько любознателен или не обладал необходимыми средствами, чтобы совершить далекое путешествие, не имея других целей, кроме открытия неизвестных стран, и никто не был способен сделать об этом хорошие и правдивые сообщения.

Было бы желательно, чтобы благодатный мир дал возможность всем государям подумать о подобных открытиях и позаботиться о деле, столь похвальном и полезном, о деле, которым без больших затрат они могли бы принести пользу всему миру, возвеличить свою родину и достигнуть бессмертной славы. Действительно, если бы они пожелали употребить часть своих излишков на содержание некоторого количества способных молодых людей и на посылку их в дальние края для наблюдений, чтобы после они рассказали правду о виденном ими, то они достигли бы верной славы. Это послужило бы хорошим примером для других великих людей, увековечило бы их память в глазах потомков и, быть может, принесло бы много других преимуществ, способных с избытком вознаградить за затраты, понесенные в достойных похвалы мероприятиях. Не следует сомневаться в том, что рассказы людей, предназначенных для этой цели и посвятивших себя наукам и математике, были бы значительно точнее, чем рассказы купцов и матросов, в большинстве случаев людей невежественных, у которых нет ни времени, ни удобств для наблюдений и которые часто подолгу живут в какой-нибудь стране, не замечая ничего из того, что не имеет отношения к их торговле.

Это особенно ясно видно на примере голландцев; они обладают большим количеством земель в Восточной Индии, путешествуют еще в тысячах других мест, куда призывает их торговля, а тем не менее имеются лишь краткие и недостаточные сведения о тех местах, где они обосновались или мимо которых ежедневно проходят их корабли. Зондские острова, и в особенности Борнео, нанесенный на карты как самый большой остров в мире и находящийся на пути от Явы к Японии, почти неизвестны, и я никогда не читал никакого сообщения о них. Многие огибали берега третьего материка, называемого неизвестными Австралийскими землями, но никто не потрудился туда поехать и рассказать о нем. Правда, на картах имеется описание берегов, но столь несовершенное, что можно получить о них лишь весьма смутное представление. Никто не сомневается в том, что существует такой материк, ибо несколько человек его видели и даже высаживались на берег, но, не осмеливаясь продвинуться в глубь страны и попадая туда чаще всего против своего желания, они могли дать лишь весьма поверхностные описания этого материка. История, которую мы предлагаем публике, во многом восполнит этот пробел. Она написана настолько просто, что, я надеюсь, никто не будет сомневаться в правдивости ее содержания, и читатель может свободно заметить, что она обладает всеми признаками описания действительно происшедшего события. Все же я думаю привести несколько обстоятельств, могущих придать ей больше веры и веса.

Автор этой истории, капитан Сиден, прожив в этой стране пятнадцать — шестнадцать лет, о чем он сам здесь сообщает, выбрался оттуда способами, о которых он рассказывает в своей истории, и попал, наконец, в Смирну, анатолийский город, где он погрузился на корабль голландского флота, готового к возвращению в Европу. Это был тот самый флот, на который в Ла-Манше напали англичане, что послужило поводом к началу войны, последовавшей тотчас же после этого. Все знают, что голландцы храбро защищались и что было много убитых и раненых с обеих сторон.

В числе других в этом столкновении был смертельно ранен капитан Сиден, и после своего ранения он прожил всего лишь несколько часов. На том же корабле находился ехавший вместе с ним врач, с которым он познакомился до отъезда. Так как они оба были людьми опытными и учеными, они много беседовали в пути, после чего они почувствовали друг к другу уважение и подружились. Капитан Сиден, до тех пор скрывавший ото всех свои приключения, потому что он не хотел, чтобы кто-либо, кроме

него, опубликовал их в Европе, рассказал почти все врачу, начиная со своего отъезда из Голландии и кончая прибытием в Смирну. Однако господь не дал ему жизни, чтобы довести до конца его намерение опубликовать в Европе свои приключения, и, увидев, что смерть близка, он оставил все вещи своему другу и завещал ему свои записки со следующими словами:

«Мой дорогой друг, раз господь не желает, чтобы я прожил столько, сколько могла бы позволить природа, я безропотно подчиняюсь его божественной воле и готов вручить в руки его свою душу, ибо он мой создатель и бог и имеет право располагать ею, как ему будет угодно. Я надеюсь, что благодаря его бесконечному милосердию он простит мне грехи мои и даст возможность раствориться в его вечной славе. Я при смерти и скоро расстанусь с тобой, но, раз мне еще остается несколько минут жизни, я хочу воспользоваться ими, чтобы сказать, что я умираю твоим другом, и в подтверждение своей дружбы я оставляю тебе все, что я имею на корабле. Ты найдешь большой сундук, в котором находятся все мои вещи, немного денег и кое-какие драгоценности. Все это стоит недорого, но, как бы то ни было, я отдаю тебе все это от чистого сердца. Кроме вещей, денег и драгоценностей, ты найдешь там большое сокровище — описание всего того, что со мной случилось с тех пор, как я выехал из Голландии в Индию, о чем я тебе уже не раз говорил. Эти записки в большом беспорядке, они почти все написаны на отдельных листках и на разных языках, они требуют пояснений и должны быть подобраны по порядку, согласно плану, который я составил. Однако господь мне это выполнить не дает, и я предоставляю тебе заботу об этом и уверяю тебя со всей искренностью умирающего, что в моих записках нет ничего, что было бы неправдой. Все это, быть может, со временем будет на опыте подтверждено».

Это были последние слова автора, который через несколько часов, по-прежнему с безропотной и достойной подражания покорностью, отдал богу душу. Он, по свидетельству врача, его наследника, был хорошим человеком, очень остроумным, поступки которого отличались благоразумием, большой честностью и искренностью.

После его смерти врач познакомился с его записками и увидел, что они были написаны по-латыни, по-французски, по-итальянски и на провансальском наречии, что привело его в немалое смущение, потому что он не знал всех этих языков, а передать записки в чужие руки он не хотел. Эти трудности и многие дела, которыми ему пришлось заняться, послужили

причиной того, что он временно оставил это дело без внимания.

Приехав же из Голландии в Англию после заключения мира между этими двумя нациями, некоторое время тому назад он оказал мне честь и оставил мне эти записки для приведения их в порядок и перевода на какой-нибудь один язык. Я тщательно просмотрел их и нашел содержание столь необыкновенным и чудесным, что не мог успокоиться, пока не разобрал их и не привел в ясность, в которой они нуждались, прибегая к помощи и совету того, кто мне их вручил.

Впрочем, есть много других доказательств, подтверждающих правдивость этого рассказа. Некоторые лица из Голландии после смерти капитана Сидена сообщили врачу, которого он сделал своим наследником, что приблизительно в то время, какое указано в этой истории, он покинул Тексель на новом судне, называемом «Золотой дракон», направлявшемся в Батавию с пассажирами, нагруженном деньгами и другим грузом; и, очевидно, оно потерпело крушение, потому что с той поры о нем ничего не было слышно.

Имея в своих руках эти записки, я, прежде чем начать что-либо писать, сам отправился к адвокату Индийской компании, господину Ван-Даму, и к одному из комиссаров, командированных штатами Голландии заключать торговый договор с Англией, и спросил у них, что им известно об этом корабле. Они мне подтвердили все, что рассказывали в Голландии моему другу, но доказательство, особенно ясно подтверждающее правдивость этой истории, вытекает из письма, написанного одним фламандцем одному французскому дворянину относительно судна под названием «Золотой дракон». Это письмо мне было передано получившим его дворянином, и я думаю, что было бы неплохо привести его здесь, сказав предварительно, по какому поводу оно было написано.

Дворянин рассказал мне, что, когда он однажды гулял с автором письма и заговорил об Индии, где он сам долго жил, тот поведал ему, как когда-то бурей его пригнало к берегам Австралийской земли, где он подвергся большой опасности и чуть не погиб, если бы благодаря помощи бога он счастливо не избегнул гибели. Год или два спустя после этого рассказа наш дворянин попал в общество, где говорилось о неизвестных землях, и он привел историю, рассказанную ему фламандцем. Не успел он окончить своего рассказа, как один савойский дворянин с большой поспешностью стал задавать ему вопросы. Но он был лишен возможности ответить на все его вопросы,

так как мог сказать лишь то, что сам слышал. Тогда савойский дворянин попросил его написать фламандцу, чтобы получить у него все возможные сведения. Затем он добавил, что любопытство его объясняется тем, что он интересуется этим кораблем, поскольку на нем находился один из его родственников, о котором, несмотря на все попытки что-либо узнать, не было никаких вестей. Этот родственник, распродав бо́льшую часть своих имений, оставил клочок земли, и его родные затеяли тяжбу из-за наследования, не дождавшись в течение долгих лет его возвращения. Итак, по просьбе савойского дворянина француз написал фламандцу и получил от него следующий ответ, написанный по-французски. Я привожу его здесь дословно, не желая в нем ничего изменять.

«Милостивый государь!

В соответствии с Вашим желанием и для удовлетворения Вашего друга, я могу сказать, что когда я был в Батавии в 1659 году, фламандский матрос, по имени Принц, услышав, что я побывал на берегах Австралийской земли, рассказал мне, что несколько лет тому назад он потерпел крушение на новом судне, вышедшем из Голландии, под названием «Золотой» или «Зеленый дракон», на котором находился денежный груз, предназначавшийся для Батавии, и около четырехсот человек, спасшихся на указанной земле. Среди них сохранились те же порядки, что и на борту судна, они там укрепились и спасли большую часть съестных припасов. Из обломков судна они соорудили шлюпку и, бросив жребий, выделили восемь человек, одним из которых был указанный матрос; эту шлюпку они отправили в Батавию для сообщения генералу Голландской компании о постигшем их несчастье, чтобы тот послал им корабль для вывозки высадившихся там людей. Эта шлюпка после долгих мытарств наконец прибыла в Батавию, и генерал тотчас же снарядил фрегат, который, прибыв к этим берегам, отправил шлюпку и своих людей на берег в указанное место. Они не только никого там не увидели, но не нашли и признаков их пребывания. Они приставали к берегу в нескольких местах во время непогоды, часто бывавшей у этих берегов, потеряли там шлюпку и нескольких человек и вернулись в Батавию ни с чем. Генерал послал еще один фрегат, также безуспешно вернувшийся обратно.

Говорят, что внутри этой страны живет народ высокого роста, не дикий, и они уводят с собою всех, кто попадает им в руки. Я уже почти достиг двадцать седьмого градуса широты,

как после внезапного затишья, которое захватило нас ночью и спасло от крушения, набежала буря, заставившая меня изменить решение, и я счел себя счастливым снова выйти в открытое море. Вот все, что я могу Вам сказать. Ваш друг может более подробно узнать о корабле под названием «Дракон» у Голландской компании, во главе которой в то время стоял генерал Метфункер, являющийся и сейчас генералом в Батавии. Я же знаю об этом только от матроса. Почва этой страны красноватая, бесплодная, а берега как бы заколдованные, настолько трудно к ним приблизиться из-за частых бурь. Поэтому эти фрегаты потеряли там свою шлюпку и имущество и не сумели пристать к берегу, не найдя нужного места. Мне думается, что это происходило на двадцать третьем градусе в 1656 или в 1657 году. Остаюсь, Милостивый государь, Вашим покорным слугой,

Томас Скиннер.

Брюгге,
28 октября
1672 г.»

Читатель, если пожелает, может сравнить это письмо с рассказом автора и судить после этого сравнения, может ли он при столь мало известном материале иметь более веское доказательство правдивости этой истории.

Что же касается стиля и построения этого труда, то об этом предоставляется судить читателю, я же ограничусь тем, что скажу, что в нем почти ничего не изменено и сохранен стиль автора — очень простой и очень естественный. В произведениях этого рода, когда содержание привлекает к себе все внимание читателя, достаточно того, чтобы это внимание не было отвлечено стилем.

Во второй части автор несколько более углубился в подробности при описании законов и нравов севарамбов, государственный строй которых, по-моему, является наиболее совершенным образцом из когда-либо существовавших.

Но пусть каждый свободно судит об этом согласно своему пониманию; я желаю только того, чтобы читатель получил удовольствие от чтения этой чудесной истории, первая часть которой является чем-то вроде исторического журнала, как в конце называет ее сам автор.

Еще с детства пристрастием моим были путешествия. Эта врожденная склонность с годами все увеличивалась; я чувствовал, как с каждым днем во мне росло желание повидать другие страны. С невероятным увлечением читал я книги о путешествиях, о чужеземных странах, рассказы о новых открытиях. Хотя желание родителей, предназначавших меня в судьи, и отсутствие необходимых средств для того, чтобы предпринять долгое путешествие, были большой помехой к исполнению моих желаний, я все же чувствовал, что ничто не может воспрепятствовать тому, что предназначено судьбою. Едва мне исполнилось пятнадцать лет, меня отправили в армию в Италию, где я пробыл около двух лет, а когда смог вернуться на родину, то сразу же был вынужден снова отправиться в Каталонию с бóльшим отрядом, чем я имел до тех пор. Я воевал в течение трех лет и не бросил бы службу, если бы не неожиданная смерть отца, заставившая меня вернуться для того, чтобы вступить во владение оставшимся после него имуществом, и если бы не просьбы матери, которая в мое отсутствие не могла утешиться от такой тяжелой утраты. Эти соображения вынудили меня возвратиться домой, и воля матери заставила меня сменить меч на мантию судьи. Пришлось заняться изучением права, и за четыре-пять лет я достиг таких успехов, что получил звание доктора. Затем я был зачислен адвокатом при Верховном суде — должность, с которой обычно начинают, желая достигнуть более высоких чинов. Вначале я учился говорить речи на выдуманные мною самим темы, а затем выбирал себе настоящие дела и выступал не без успеха. Своих сил я не жалел и довольно хорошо справлялся со всем этим, стараясь достигнуть некоторого уважения. Иногда мне нравились эти упражнения, в которых молодые люди любят блеснуть

умом и красноречием совершенно независимо от их вознаграждения. Но как только дело дошло до практики в суде, то она оказалась такой нечистоплотной и требовала такого низкопоклонства, что за короткое время мне окончательно опротивела. Разумеется, я любил красоту и радость жизни, я был откровенен и честен и настолько мало способен к этой должности, что готов был как можно скорее ее покинуть. Пока я раздумывал о том, как от нее избавиться, умерла моя мать; ее смерть дала мне возможность располагать самим собою и имуществом, да к тому же и горе мое было настолько велико, что все мне сделалось невыносимым, и, не раздумывая, я решил надолго покинуть свою родину! Я привел свои дела в порядок, для того чтобы выполнить это намерение. Я отделался от всего имущества, за исключением клочка земли, оставленного на случай необходимости, и передал его одному верному другу, который мне всегда давал отчет, когда ему удавалось получать вести обо мне.

После этого я объездил почти все провинции Французского королевства, посетил знаменитый город Париж, пребывание в котором настолько очаровало меня, что я незаметно прожил там безвыездно около двух лет. Но желание путешествовать снова овладело мною, когда мне представился случай поехать в Германию, где я пробыл довольно долго. Итак, я побывал во всей Германии, и при дворе императора, и при дворах имперских князей. Оттуда я проследовал в Швецию и Данию, затем в Нидерланды, где и закончились мои путешествия по Европе и где я отдыхал до 1655 года. Там же я сел на корабль, отправлявшийся в Восточную Индию.

К этому тяжелому путешествию меня побудили любознательность и бывшее у меня всегда горячее желание повидать новую страну, о которой говорилось столько чудесного. Еще повлияли на меня настойчивые уговоры друга, имевшего в Батавии собственность и направлявшегося в эту страну, а кроме того, должен чистосердечно признаться, что надежда извлечь выгоду из этого путешествия окончательно склонила меня. Эти мысли настолько овладели мною, что, приготовившись к этому путешествию, я со своим другом погрузился на вновь построенный и снаряженный корабль «Золотой дракон», отправлявшийся в Батавию. На этом судне, грузоподъемностью приблизительно в шестьсот тонн, было тридцать две пушки, четыреста человек матросов и пассажиров и громадная сумма денег, принадлежавшая моему другу Ван де Нюи.

Двенадцатого апреля 1655 года мы снялись с якоря у Текселя и под свежим восточным ветром быстро и благополучно, на-

сколько того можно было желать, прошли канал между Францией и Англией и так дошли до открытого моря. Далее наш путь лежал на Канарские острова; иногда мы испытывали на себе непостоянство и изменчивость ветра, но без бурь. Мы запаслись на этих островах теми продуктами, которые сумели найти и в которых могла встретиться нужда. Затем мы пошли к островам Зеленого Мыса; мы увидели их издалека и подошли к ним без труда и особых приключений. Правда, по пути мы видели морских чудовищ, летающих рыб, новые созвездия и другие вещи этого рода, но так как они обычны, были уже описаны и уже несколько лет, как потеряли прелесть новизны, то не стоит говорить о них и увеличивать размер этой книги бесполезными рассказами, которые могут исчерпать терпение читателя и мое. Итак, достаточно будет сказать, что мы благополучно продолжали наше путешествие до 3° южной широты, куда мы прибыли 2 августа того же 1655 года. Море, которое до тех пор нам благоприятствовало, начало показывать свою изменчивость. Около трех часов дня небо, бывшее ясным и чистым, покрылось густыми тучами, за громом и молнией последовали сильные порывы ветра, дождь с градом и буря. При виде грозы лица наших матросов побледнели и осунулись. Хотя у них было время на то, чтобы закрепить паруса, укрепить пушки и привести все в порядок, но тем не менее, предвидя надвигающийся ураган, они опасались его ужасной силы. Море начало волноваться, и ветер, быстро меняясь, менее чем за два часа прошел через все точки компаса. Наше судно бросало самым ужасным образом — с одного бока на другой, то вверх, то вниз; ветер нас бросал то вперед, то назад; мачты, реи, снасти были снесены, буря была настолько сильна, что большая часть наших моряков заболела и не могла слышать команды, не то что ей повиноваться. Всех пассажиров заперли в трюме; мой друг и я лежали у грот-мачты в самом угнетенном состоянии и оба раскаивались: он — в своем желании наживы, а я — в безумной любознательности. Нам тысячу раз хотелось быть в Голландии, и тысячу раз мы отчаивались увидеть не то что эту страну, а землю вообще, так как в нашем положении всякая страна была бы хороша. Но тем временем наши матросы не спали и делали все, что могли, для нашего спасения; они употребили всю свою силу и ловкость: одни работали у руля, другие у насосов и всюду, куда их призывала необходимость. Таким образом, с благословения бога, они своими усилиями спасли корабль от неистового урагана, превратившегося в сильный ветер, который нас понес к югу с такой

силой, что было невозможно изменить направление. Мы были вынуждены покориться стремительности этого ветра и плыть туда, куда нас влекло. После двухдневного плавания ветер несколько изменился и отнес нас к юго-востоку, и в течение трех дней мы плыли в таком густом тумане, что едва могли различать предметы на расстоянии пяти-шести шагов. На шестой день ветер слегка ослабел, но продолжал дуть на юго-восток до полуночи. Под конец вдруг мы почувствовали такое спокойствие, как будто наше судно попало в пруд или в мертвое море, что нас очень удивило. Два-три часа спустя небо прояснилось, и мы увидели несколько звезд, но по ним ничего нельзя было определить. Вообще нам казалось, что мы находимся недалеко от Батавии и, по крайней мере, за сотни лье от Австралийской земли, но спустя некоторое время мы узнали, что очень ошибались в своих предположениях. На седьмой день продолжалось то же спокойствие, мы смогли отдохнуть, осмотреть все части нашего судна, и оказалось, что оно почти не пострадало, так как было настолько крепко построено, что выдержало напор волн и не дало никакой течи. На восьмой день поднялся умеренный ветер, двинувший нас на восток, к великой нашей радости, потому что он не только приближал нас к цели нашего путешествия, но избавил нас от боязни долгого штиля. В тот же день около полуночи небо потемнело, появился туман, и ветер настолько усилился, что мы снова стали опасаться шторма. На девятый день туман продолжался, набегали причудливые шквалы, и мы находились в большой опасности. К двенадцати часам ночи ветер изменился, усилился, и снова нас с силою понесло на юго-восток, а туман все более и более сгущался. Приблизительно в полночь, в то время как ветер дул со страшною силою и наше судно шло с большою скоростью, мы вдруг сели на мель в тот момент, когда меньше всего этого опасались, и так прочно, что судно совершенно не двигалось, как будто пригвожденное. Вот когда мы подумали, что окончательно погибли, и каждую минуту ждали, что наше судно силою ветра и под напором волн разнесет на куски. Видя, что никакие человеческие силы спасти нас не могут, мы обратились за помощью к богу и молили его, чтобы он в своем бесконечном милосердии услышал нашу молитву и помог нам найти спасение там, где мы ждали лишь погибели. Когда наступило утро и туман несколько рассеялся на солнце, мы увидели, что сидим на мели около какого-то неизвестного нам острова или материка. Это открытие превратило наше отчаяние в надежду, потому что хоть земля эта была

нам неизвестна и мы не знали, найдем ли мы там облегчение наших бед, но всякую землю радостно было видеть людям, которые в течение нескольких дней носились по волнам между жизнью и смертью. К полудню погода прояснилась и стало жарко, солнце рассеяло туман, ветер полегчал, и море также стало спокойнее.

Около трех часов пополудни наступил отлив, и наше судно оказалось сидящим на плоском песке как бы в рамке глубиною не более пяти футов. Это было на расстоянии мушкетного выстрела от берега, довольно высокого, но на который можно было взобраться. Мы решили высадиться на него и перевезти свои вещи с судна. Для этой цели мы спустили шлюпку, в которую сели двенадцать наших самых храбрых, хорошо вооруженных людей, и послали их на разведку, поручив выбрать место невдалеке от берега, где мы могли бы расположиться лагерем, не удаляясь от корабля. Как только они высадились, с высокого холма, находившегося невдалеке от берега, они внимательно осмотрели местность, но не увидели ни домов, ни селений, никаких признаков того, что место обитаемо. Почва была песчаная, и никакой растительности, кроме дикорастущего кустарника, не было.

Они не обнаружили ни ручья, ни реки в тех местах, которые им были видны, и, не имея времени в тот день продолжить разведку, вернулись обратно через три часа, не рискуя удаляться в глубь неизвестной страны. На следующий день они снова высадились на берег, и им было дано приказание вернуть шлюпку и лодку, чтобы мы могли постепенно перевезти людей на землю. Мы решили также перевезти на берег все, что было у нас ценного, а в особенности оставшиеся боевые припасы, которые, слава богу, не были попорчены. Все приказания исполнялись с такой точностью и старанием, что на следующий день после крушения мы высадились на берег с лучшей, самой необходимой частью наших припасов. Те, которые перебрались первыми, расположились на возвышенном месте на берегу около моря против нашего корабля: приблизительно на 40° южной широты, по нашим самым точным измерениям. Это место было защищено со стороны суши и моря так, что наши часовые могли с высоты видеть все, что происходит в окрестностях. Выбранное нами место было надежным и удобным. Сюда-то мы и перевезли постепенно всех наших людей, съестные припасы и товары, оставив десяток людей на корабле до тех пор, пока при приливе окажется возможным снять судно с мели или принять какие-нибудь другие меры. Как

«Новая Атлантида»

только мы перебрались на берег, мы собрали совет для того, чтобы обсудить меры самозащиты. Было решено, что на суше остается тот же порядок, что и на море, до тех пор, пока положение не изменится. Затем было решено свершить общую молитву, чтобы поблагодарить бога за его благость по отношению к нам, за чудесное спасение нашего имущества и молить о помощи нам в совершенно незнакомом месте, где мы можем попасть во власть дикарей или умереть с голоду из-за отсутствия съестных припасов, если милосердный бог не позаботится о нас так, как заботился раньше.

После этого офицеры разделили людей на три отряда, два из них должны были без перерыва работать в лагере и обнести его окопами, чтобы предохранить нас от неожиданных нападений, а третий был отправлен в глубь страны на поиски дров и чего-нибудь съедобного. Те же, которые остались охранять корабль, получили приказание осмотреть, в каком состоянии он находится, и выяснить возможность его использования. После тщательного осмотра они установили, что киль с такою силою врезался в песок, что оказался разбитым, и настолько глубоко увяз, что было уже невозможно вытащить его. Они добавили, что, по их мнению, киль следовало бы разломать на части и из этих обломков соорудить одну или пару шлюпок и отправить их в Батавию. Этот совет был одобрен, и были выбраны наиболее подходящие люди для его выполнения.

Отряд, посланный на разведку, не рискнул зайти далеко в глубь страны из страха перед какими-нибудь злоключениями и вскоре вернулся в лагерь в надежде, что, когда мы лучше укрепимся и будут поставлены пушки, они смогут лучше обследовать местность. Все же они нам принесли дров и нечто вроде ежевики, в изобилии росшей на кустарнике. Те, которые шли по берегу моря, нашли большое количество устриц и других раковин, что позволило нам сберечь имевшиеся на корабле съестные припасы, которых, по нашим точным расчетам, могло хватить лишь на два месяца. Это соображение заставило нас подумать о способах растянуть продовольствие на наиболее долгий срок, а это возможно было сделать, лишь урезывая его и прибавляя другие съедобные вещи. Заметив, что море в некоторых местах богато рыбою, мы приготовили сети и рыболовные снасти. Улов оказался столь хорошим, что мы питались отчасти рыбою, раковинами и ежевикою, о которой мы уже говорили. Поэтому мы сократили порции съестных припасов с корабля, доведя их до восьми унций в день. Мы еще не нашли пресной воды, а в ней мы больше всего нуждались. Хотя мы и выкопа-

ли колодец, в котором было воды с избытком, но она была соленая из-за близости моря, нездоровая и неприятная на вкус.

Наши разведчики, делавшие каждый день новые открытия, осмотрели местность приблизительно на десять миль вокруг нашего лагеря; не найдя никаких следов человека или животных, они уходили все дальше, но все же не нашли на этой громадной песчаной равнине ни одного живого существа, кроме нескольких змей, какой-то породы крысы величиною с кролика и птиц, похожих на диких голубей, но несколько крупнее, которые питались сжевикой. Они застрелили несколько штук и принесли в лагерь, и мы, попробовав, нашли их очень вкусными, в особенности птиц. Эти новые открытия заставили нас сократить укрепительные работы, мы ограничились тем, что выкопали небольшой ров вокруг лагеря и решили, что это может служить достаточной защитой в необитаемой местности. В самых удобных местах мы расставили пушки и не страшились больше ни людей, ни животных; нам оставалось опасаться только голода и превратностей погоды. Хотя мы и не знали климата, но он нам показался здоровым за четырнадцать дней, уже проведенных на этом берегу, во время которых сооружалась шлюпка. Через несколько дней она была готова выйти в море с провиантом на восемь человек, рассчитанным на шесть недель,— это все, что мы могли дать им с собою. Когда же поднялся вопрос о выборе восьми человек для поездки в Батавию, наши матросы заспорили о том, кому ехать в это путешествие, потому что было мало желающих пуститься в плавание, а все же было необходимо, чтобы кто-то предпринял его. Было решено выбрать несколько лучших матросов и предоставить им бросить жребий между собою, чтобы разрешить спор. Так и сделали. Жребий пал на самого хозяина судна, на одного матроса, прозванного Принцем, и еще на шесть других, имена которых я забыл. Когда они увидели, что сама судьба была за то, чтобы ехать именно им в это путешествие, они без сопротивления повиновались. После того как мы договорились о сигнале, который мы дадим для того, чтобы можно было отыскать нас в случае, если они вернутся с помощью, они простились с нами и сели в шлюпку. Ветер дул с берега, и они, воспользовавшись им, чтобы выйти в море, вскоре скрылись с наших глаз, а мы стали молиться богу и просить его об их благополучном возвращении, возложив всю надежду на его милосердие.

В тот же день мы собрали совет для того, чтобы решить, на каком образе правления нам остановиться, какой больше

всего подходил бы к нашему положению. Несколько наших офицеров уплыли на шлюпке, и наш морской порядок отчасти изменился, да и мы сами пришли к заключению, что он не совсем подходит к жизни на земле. Было сделано несколько предложений, не оставшихся без возражений, и наконец, после нескольких замечаний, было решено установить военное управление под начальством генерала и нескольких подчиненных ему офицеров, образующих Верховный военный совет, которому предоставляется право разрешения и проведения всех вопросов. Когда дошло до выбора из всей нашей компании начальника, то взоры всех повернулись в сторону моего друга Ван де Нюи, и все хотели воздать ему эту честь, потому что он был самым значительным из всех нас человеком и имел много имущества на корабле. Но он скромно уклонился, сказав, что слишком молод и слишком малоопытен в военном деле, чтобы достойно справиться с такого рода обязанностями, что в подобном случае следовало бы выбрать человека более опытного, чем он; он указал, что никогда не был на войне и никогда не занимал общественных должностей. Заметя тревогу и замешательство на лицах присутствующих, он сказал, что благодарит за любовь и уважение, что ему бы хотелось быть достойным предлагаемого ему назначения, но так как он не обладает такими способностями, чтобы быть достойным генералом, он просит разрешения рекомендовать человека, вполне способного справиться с этой задачей, который занимал командные должности в Европе в двух армиях, несколько лет провел в путешествиях, что, безусловно, дало ему большие познания в политике. Он добавил, что этот человек известен им всем, и он осмеливается утверждать, что они уже питают к нему уважение, хотя они его и меньше знают, чем он сам, которому с давних пор известны его хорошее поведение и честность.

— Это лицо, о котором я говорю,— сказал он, указывая на меня рукою,— капитан Сиден, руководству и авторитету которого я охотно подчинюсь, если вы захотите его избрать нашим генералом.

Это неожиданное выступление и взгляды всех присутствующих, обратившиеся ко мне, несколько меня смутили, но, быстро оправившись, я ответил, что рекомендация господина де Нюи больше вызвана дружбою, которую он питает ко мне, чем уверенностью в моих познаниях и достоинствах, что я иностранец, родившийся в стране, далекой от Голландии, что в нашей среде найдутся люди более способные к этому делу, чем я, что мне хотелось бы, чтобы меня от этого избавили, что

я предпочитаю повиноваться тому, кого они изберут, чем самому принять командование.

Не успел я окончить свою речь, как некий Сварт, человек очень смелый и деятельный, всегда сопровождавший меня в наших вылазках, вдруг взял слово и сказал:

— Милостивый государь, все отговорки ни к чему не приведут, и если вы последуете моему совету и совету господина де Нюи, вы согласитесь стать нашим генералом. То, что он говорил о ваших достоинствах, всем известно, я же, в частности, могу сказать, что с тех пор, как мы находимся на этом берегу, вы из всех нас оказались самым осторожным и энергично работали для общего спасения и блага. Довольно и этого довода, чтобы убедиться, что вы достойны руководить, а кроме того, мы купцы или судовладельцы и ничего не смыслим ни в войне, ни в военных порядках, и вы можете нас этому научить. Вы единственный обладаете требуемыми для этого назначения качествами, и только вы способны нами руководить. Стало быть, я заявляю, что я никому, кроме вас, подчиняться не стану.

Эта речь, произнесенная твердо и резко, произвела такое действие на настроение остальных, уже расположенных к тому, чтобы избрать меня начальником, что все в один голос закричали:

— Капитан Сиден должен стать нашим генералом.

Увидев, что мне не отделаться, я подал знак, что хочу говорить, и начал:

— Господа, так как вы вынуждаете меня принять руководство, я соглашаюсь с благодарностью и от всего сердца желаю, чтобы это было на общую пользу. Но чтобы все шло гладко и все распоряжения строго выполнялись, я попрошу у вас некоторых привилегий, если вы на них согласитесь. Я, со своей стороны, приложу все усилия к тому, чтобы охранять вас и поддерживать тот порядок, который я найду наиболее подходящим.

Первое, о чем я прошу вас,— это, чтобы каждый из вас в отдельности и все вместе дали клятву повиноваться мне и Совету под страхом тех наказаний, которые мы найдем нужным применить к виновным.

Второе — чтобы я располагал властью руководить армией так, как это мне покажется лучше, выбирать старших офицеров, которые не смогут занимать никаких должностей, не получив назначения от меня.

Третье — чтобы в Совете мой голос считался за три голоса.

И последнее — чтобы я или мой лейтенант имели право veto при обсуждении тех или иных вопросов.

Все эти привилегии мне были предоставлены, и тут же все стали приветствовать меня как генерала. Первым знаком признания моего авторитета было то, что мне была поставлена посреди лагеря палатка, бо́льшая, чем все остальные; в ней я и провел ту же ночь, взяв с собою Ван де Нюи и пользуясь его советами относительно разных вещей.

На следующий день я собрал весь наш народ и в их присутствии назначил Ван де Нюи суперинтендантом всех товаров и съестных припасов, которые у нас имелись и могли оказаться в будущем. Сварта я назначил главным заведующим артиллерией, оружием и военными припасами. Мориса, опытного и старательного матроса, я назначил адмиралом нашего флота, который состоял из шлюпки, лодки и еще одной большой шлюпки, сооружаемой нами из обломков нашего корабля. Среди нас был англичанин, именуемый Мортоном, который служил сержантом в Нидерландах, он получил назначение капитана первой роты; де Хаэс, человек воздержанный и бдительный, получил вторую роту; некий Ванфлутс получил третью роту, и Бош — четвертую. Ле-Брена я назначил генерал-майором, и всем предложил выбрать себе младших офицеров, которых я должен был утвердить.

Я имел двух слуг, из которых одного звали Девезом, он был у меня сержантом в Каталонии. Это был человек добрый, умный, воздержанный и преданный, он служил у меня с тех пор, как я бросил военную службу. Я сделал его своим лейтенантом, а второго своего слугу, Тюрси,— секретарем.

Избрав таким образом офицеров, мы произвели перепись всех наших людей. Оказалось, что всего было триста семь мужчин, три юноши и семьдесят четыре женщины, все вполне здоровые. Хотя некоторые и заболели сразу после того, как мы высадились с корабля, но неделю спустя они уже поправились,— признак того, что местный воздух был очень здоровый. Я разделил всех этих людей на четыре части. Морису я дал двадцать шесть матросов и трех юношей — это был наш флот. Сварт получил тридцать человек для артиллерии. Двести человек я разделил на четыре одинаковых отряда, а остальные мужчины и женщины должны были повиноваться Ван де Нюи. У нас было две трубы, которые помимо обычного употребления использовались, по голландскому обычаю, во время молитвы на корабле. Ван де Нюи получил одну трубу, а другую я взял себе. Уладив наши дела, я собрал всех старших офицеров и заявил им, что, прежде чем будут исчерпаны наши съестные припасы, необходимо отправиться морем и по суше добывать

новые и постараться найти более удобное место, чем то, в котором находился наш лагерь, где в скором времени нам будет многого не хватать и где мы не смогли найти даже хорошей воды. Мне кажется, сказал я, что следовало бы послать несколько вооруженных отрядов, чтобы ознакомиться со страною и пробраться дальше, чем ходили до сих пор. Они легко согласились на мое предложение и заявили, что готовы повиноваться моим приказаниям. Итак, я приказал Морису снарядить шлюпку и лодку и отправиться самому вдоль берега вправо от лагеря, а лодку послать налево. Мортону я приказал выбрать двадцать человек из его отряда и идти также вдоль берега налево, не удаляясь от лодки, а де Хаэс получил приказание выбрать тридцать человек из его отряда и идти в глубь страны. Я же взял сорок человек из двух других отрядов и оставил своего лейтенанта в лагере командовать в мое отсутствие. Мы захватили с собою на три дня еды и военных припасов и вооружились шпагами, пиками, палками и мушкетами. Я отдал распоряжение приготовиться и прийти ко мне за приказаниями с самого раннего утра на следующий день, который был двадцатым с момента высадки,— что и было ими выполнено.

На рассвете они собрались и явились ко мне, согласно моему приказанию. Я ничего не изменил в своих вчерашних распоряжениях, прибавив лишь, что если они встретят на пути что-нибудь значительное, то чтобы немедленно эту новость сообщили в лагерь. Я еще раз подтвердил Мортону, чтобы он не удалялся от лодки и каждый вечер до захода солнца подходил к берегу, так же как и я решил поступать в отношении Мориса.

Как только я отдал эти распоряжения, каждый отряд с надеждою и радостью пустился в путь. Мои люди шли в военном порядке в составе трех отрядов: авангард состоял из шести мушкетеров и одного капрала, боевая часть — из двенадцати солдат и одного сержанта, а я сам вел арьергард. Мы шли на расстоянии мушкетного выстрела один отряд от другого и как можно ближе к берегу, боясь потерять из виду шлюпку. Море было совсем спокойно и погода хорошая, хотя довольно жаркая. Около полудня Морис приблизился к берегу и подошел к нам. Мы все вместе закусили и отдыхали в течение двух часов. Местность, по которой мы прошли десять — двенадцать миль, была однородна с той, где был расположен лагерь, не видно было ни источника, ни ручья, сплошной камень и песок, где ничего не росло, кроме кустарника. Мы продвинулись еще на пять миль вперед, почва стала неровной и была покрыта небольшими холмами. Пройдя еще две мили, мы нашли

пресный ручей, впадающий в море, что доставило нам немало радости, особенно когда мы открыли, что несколько выше по его берегам росли деревья с густой и зеленой листвою. Мы сделали остановку в этом месте, подав знак шлюпке присоединиться к нам, что ею и было сделано с помощью прилива, прибившего ее в ручей. Они прошли около мили вверх по ручью до зеленых деревьев, где мы их ждали и где мы остановились лагерем на эту ночь. Морис наловил много рыбы, устриц и других раковин, которые составили нам хороший ужин. Мы поставили стражу на тех местах, где это нам казалось необходимым, закрыли костер зелеными ветками, воткнув их в землю вокруг него, чтобы костра не было видно издали в ночной темноте. На следующий день я послал трех своих людей в лагерь, чтобы сообщить об удобствах того места, где мы ночевали, и о том, что мы намерены идти дальше. Для того чтобы ознакомиться с местностью, я послал пять человек вверх по течению ручья, приказав им вернуться через два часа, что они и выполнили в точности. Они сообщили, что расположенная выше местность несколько более гориста, чем та, по которой мы шли, но так же бесплодна и так же суха. После этого донесения мы отправили шлюпку к морю, воспользовавшись ею для того, чтобы перебраться на другой берег ручья, который можно было перейти вброд, только поднявшись на две-три мили вверх. Мы пошли опять вдоль берега, стараясь не удаляться от шлюпки, и заметили, что местность делается все более и более возвышенной. Продвинувшись еще на пять-шесть миль, мы поднялись на вершину довольно высокой горы, откуда увидали, что на расстоянии трех-четырех миль был расположен на возвышении высокий лес, спускавшийся к морю. Мы обрадовались, увидев этот лес, и решили направиться туда. Немного отдохнув, мы пошли в ту сторону, перейдя песчаную равнину, отделявшую лес от горы. Через два часа мы подошли к возвышенности и вошли в лес, состоявший из очень высоких, но редко растущих деревьев, без всяких кустов, что облегчало нам путь. Здесь я соединил своих людей, заставив их идти ближе друг к другу, и удвоил авангард, чтобы усилить возможность сопротивления на случай нападения людей или диких животных. Идя по лесу, мы срубали ветки и бросали их на своем пути, чтобы найти обратную дорогу. Мы прошли три мили через лес, пока достигли другой его стороны, откуда увидели море и еще группу деревьев выше залива, образуемого морем в этом месте между двумя большими и высокими мысами, далеко вдающимися в море. Это было приятное ме-

сто с красивым видом на залив, и мы пожалели, что не высадились на берег ближе к этим местам. Наша шлюпка осталась по ту сторону леса, и мы были вынуждены там ее задержать, потому что ей пришлось бы сделать большой крюк, чтобы подойти к нам. Я послал десяток людей к берегу моря, где они нашли большое количество устриц и раковин, это нас обрадовало. Десять человек я послал на вершину мыса и столько же вниз к опушке леса за пресною водою. Те, которые пошли по направлению к вершине мыса, прошли две мили и воды не обнаружили, но наконец склон горы привел их в долину, поросшую густыми и зелеными деревьями, по которой протекал пресный ручей, впадавший в залив. Они остановились в этой приятной долинке и через четверть часа послали трех человек предупредить об этом меня. Те же, которые пошли в обратном направлении, вернувшись, рассказали, что прошли довольно далеко по лесу, который расширялся в сторону земли, и нашли стадо оленей невдалеке от небольшого ручья. Двух из них они убили, разрезали на четыре части и, взвалив себе на спины, принесли их для того, чтобы нас угостить. Я послал пять человек к Морису, чтобы сообщить ему об этом неожиданном счастье и просить его как можно скорее приплыть к концу мыса, куда кто-нибудь из наших подойдет и передаст новые распоряжения. Потом я им приказал, после того как они поговорят с Морисом, пойти в лагерь сообщить о наших счастливых открытиях и сказать нашим, что и я не замедлю вернуться. Кроме того, я послал им четверть оленя. Затем, забрав всех своих людей, я направился в долину, где нас уже ожидали. Мне это место показалось столь удобным и приятным, что я решился расположиться здесь не только на эту ночь, но и перевести сюда весь лагерь насколько возможно скорее. Люди мои развели костры и зажарили оленей. Я послал пять человек на конец мыса навстречу Морису. Они прошли пять миль и остановились на самом высоком месте мыса. Не пробыв там и четверти часа, они увидели шлюпку, идущую полным ходом. Она подошла к берегу незадолго до захода солнца; вытащив ее на берег, они все вместе пошли к новому лагерю, куда пришли около полуночи. Они застали нас всех в веселом настроении: одни сидели вокруг костров и жарили мясо, а другие лежали, устроив себе ложе из мха и сухих листьев, собранных под деревьями.

Ночь эту мы провели тихо и спокойно, а на следующий день, встав рано утром, я приказал Морису и его отряду приготовиться к возвращению в старый лагерь, куда я имел наме-

рение попасть водным путем, взяв с собою только двух своих людей, помимо экипажа шлюпки. Руководство над остальными я поручил одному из своих офицеров, приказав не выходить за пределы долины, не получив от меня известий, обещая ему, что вернусь не позже, чем через три-четыре дня, и уверял, что они хорошо проживут с помощью охоты, рыбной ловли и раковин, которыми берег изобиловал. Отдав распоряжения, мы отправились к тому месту, где была оставлена шлюпка, и в тот же день прибыли в старый лагерь с помощью попутного ветра, благоприятствовавшего нашему путешествию. Мы высадились на берег при заходе солнца и были встречены с большою радостью. Те, кого я послал с сообщением о нашем открытии, рассказали о новом лагере, и все стали проситься туда. Я ответил им, что имею намерение вернуться туда возможно скорее, потому что то место было наиболее удобным из всех виденных нами.

Мортон и де Хаэс прибыли на два-три часа раньше меня и пришли ко мне с отчетом о своих путешествиях. Первый сообщил мне, что прошел пятнадцать или шестнадцать миль влево от лагеря по сухой и песчаной почве, не найдя ни малейшего источника, ни ручейка, а когда наступила ночь, они, согласно моим распоряжениям, подошли к берегу и легли все вместе спать. На следующий день они продолжали идти на запад по каменистой местности, так же как и в предыдущий день, не найдя ни капли воды. Около полудня они пришли к довольно большой реке, где и остановились в ожидании лодки. Они обратили внимание на то, что прилив бурно и с большим шумом врывался в реку и что вода была соленая в том месте, где они находились, из-за близости моря. Это заставило их подняться выше, чтобы найти пресную воду, которую они нашли в ручье, впадавшем в реку. И там на них напали два больших крокодила, выползших из реки, чтобы их проглотить, но, заметив крокодилов прежде, чем те оказались на достаточно близком расстоянии, они выстрелили из мушкетов, и шум выстрелов так испугал этих чудовищ, что они отступили. Видя грозившие им на берегу реки опасности как от крокодилов, так и от других диких зверей, которых они могли встретить, и не имея достаточно съестных припасов, чтобы идти дальше, кроме раковин, которые они находили на берегу моря, они решили, что дальше идти не следует, и вернулись по тому же пути, не желая оставаться в отсутствии более трех дней, сообразно данным мною приказаниям.

Де Хаэс сообщил, что в первый день он прошел двадцать миль по песчаной равнине, к ночи они пришли к небольшой

горе, покрытой вереском, где и заночевали. На следующий день на восходе солнца они увидели на расстоянии пяти или шести миль туман, который рассеивался по мере их приближения к тому месту, и перед их глазами открылось громадное озеро со стоячею водою, которое имело не менее десяти миль в окружности. Подойдя ближе, они увидели большое количество камыша и тростника, росшего по берегам и служившего убежищем бесчисленным уткам и другим водяным птицам, производившим невероятный шум. Они долгое время шли вокруг озера, но не могли близко подойти к воде из-за тинистых болот, окружавших его; ходить по ним было опасно, и можно было увязнуть. Наконец они пришли на песчаную почву невдалеке от какой-то горы, несколько более высокой, чем та, где они ночевали в прошлую ночь. Они поднялись на вершину ее, откуда открывался вид на лежавшие вокруг ланды, по направлению к югу опоясанные высокими горами, отвесными, как стена, и тянувшимися, насколько мог охватить взор, с востока на запад. После этого, опасаясь, что им не хватит еды, они на третий день вернулись в лагерь. Из этих донесений было видно, насколько нам посчастливилось по сравнению с другими двумя капитанами. Это еще более увеличило общее желание перебраться в новый лагерь, где мы нашли удобства, которых в других местах не оказалось. На следующий день я собрал Совет и предложил перевести лагерь в зеленую долину, где я оставил своих людей. Мое предложение сразу же было встречено аплодисментами, и мы решили постепенно перебираться, начав с переброски туда самых легких и самых необходимых вещей. Новая шлюпка, которую мы стали строить, должна была быть закончена через несколько дней и могла служить для перевозки пушек, бочек и других тяжелых вещей. А пока мы употребили уже имеющуюся шлюпку и лодку для перевозки съестных припасов и отправили несколько человек сухим путем с топорами, гвоздями, лопатами и другими инструментами, спасенными нами после крушения. Майор отправился с первым отрядом, а мой лейтенант с последним. Затем, когда шлюпка была готова, я нагрузил ее и отправил, а сам пошел сухим путем.

Забыл сказать, что Морис во время своего второго рейса обогнул мыс без всякой опасности, потому что море было спокойно и оставалось спокойным и без штормов в течение более шести недель после того, как мы высадились на берег. Воздух был такой умеренный, что мы не чувствовали ни холода, ни жары, только около полудня солнце довольно сильно при-

пекало. Оно грело все больше и больше по мере того, как оно к нам приближалось и возвращалась весна, начинающаяся в этой стране в августе, когда в Европе кончается лето. Морис мне сказал, что, огибая мыс, он обнаружил несколько маленьких островов, расположенных в море на близком расстоянии один от другого по направлению к большому острову, защищающему залив от напора волн, и что он считает бухту прекрасной гаванью, хотя и опасается, что туда будет трудно заходить большим кораблям из-за бесчисленных подводных камней и скал, находящихся между мысом и большим островом, отделяющим залив от океана. Я ответил, что, когда мы переведем всех наших людей и багаж в новый лагерь и сможем там прочно обосноваться, нам хватит времени, чтобы заниматься открытием новых островов, и это будет предоставлено ему. Менее чем за двенадцать дней после открытия долины мы перевезли всех наших людей из старого лагеря в новый, названный Ван де Нюи и некоторыми другими офицерами Сиденберг. Это было сделано во время моего двух- или трехдневного отсутствия, и название это так часто употреблялось, что впоследствии было невозможно его изменить.

Мои люди, по моему распоряжению и по их собственному побуждению, соорудили несколько хижин по течению ручья на полосе примерно в милю длиною, спускавшейся к заливу с восточной стороны. Дров у нас было на месте очень много. Наши рыболовы наловили такое количество рыбы в заливе, что мы не знали, куда девать ее, не имея соли, чтобы ее хранить. Но Морис вскоре раздобыл нам соль. Он отправился на одну из соседних скал и нашел ее там в таком количестве, что мог доставлять столько, сколько нам могло понадобиться, даже если бы пришлось двадцать лет прожить в этих местах. Конечно, эта соль получилась из моря, волны которого во время сильных бурь разбивались об эти скалы и, найдя в них кое-где углубления, их заполняли, а затем под горячими лучами солнца вода испарялась, и оставалась соль. Каждый день мы отправляли в леса отряды охотников и забивали оленей. Когда мы увидели, что над заливом летало много водяных птиц, нам пришла в голову мысль, что у них есть убежище в каком-то незнакомом нам месте. И мы не ошиблись: Морис, уходя с каждым днем все дальше в своих исследованиях залива по направлению к островам, открыл место, заросшее камышом и тростником, служившее убежищем большей части этих птиц. Затем он открыл остров, вернее большую песчаную отмель, где большие зеленые черепахи несли яйца, которые могли соста-

вить большую часть нашего питания. Наконец, мы нашли столько вещей, полезных в нашей нужде, что могли считать себя обеспеченными питанием, даже если бы нам пришлось прожить тысячу лет в этой стране. Недостаток пороха был самою большою нашею заботою, потому что хотя он у нас и имелся в довольно большом количестве, но его не могло надолго хватить. Мы предвидели, что одежды, белья, оружия и инструментов надолго не хватит, и если шлюпка, которую мы послали в Батавию, погибла, то рассчитывать на ее помощь не придется. Но у нас столько уже было доказательств милосердия господнего, что мы надеялись, что он не оставит нас и в дальнейшем.

Между тем наступала весна, и мы ежедневно находили съедобные продукты, дававшие нам возможность сохранить те, которые были привезены на корабль, главным образом несколько бочонков гороха и других овощей, привезенных нами из Европы. Мне пришло в голову посадить овощи, и я поговорил об этом с некоторыми из моих офицеров, которые одобрили мои намерения. Для этой цели мы вырубили несколько деревьев над лагерем и подожгли этот лес, чтобы уничтожить траву и корни, которые могли бы повредить нашим посевам. Затем мы выкопали гряды, посадили на них горох, засыпав сверху землею, и, поливая гряды иногда водою из ручья, все остальное предоставили на волю того, кто дает всему жизнь.

Некоторые из наших охотников, зайдя далеко в лес, убили много оленей и, не имея возможности всех унести с собою, повесили двух на большое и густое дерево в намерении пойти за ними на следующий день. Семь из них, вернувшись к тому месту, увидели на дереве тигра, глодавшего одного из оленей. Они очень удивились, увидев его, и спрятались за деревьями, а два из них зарядили ружья пулями, прицелились и, одновременно выстрелив, увидели, как он, смертельно раненный, упал на землю. Падая, он испустил ужасный, отвратительный вопль и через минуту умер, будучи ранен двумя пулями навылет. Они сняли с него красивую пеструю шкуру и, спустив с дерева двух оленей, с триумфом принесли их в лагерь. Хотя их успех меня и обрадовал, но это приключение дало повод к новым страхам. Я рассудил, что, если в лесу было найдено это страшное животное, значит, там были и другие тигры, которые могли забрести в лагерь и броситься на наших людей. Я высказал на Совете свои соображения, и было решено поставить вокруг наших хижин высокий забор. Мы начали его строить на следующий же день, и через десять дней могли считать себя защищенными от нападения диких животных, ко-

торые ночью могли покуситься на нас. Наши охотники сделались более осмотрительными, чем раньше, и не рисковали далеко заходить одни из опасения встречи с хищниками.

Прошло уже семь недель, как мы находились на этом берегу, и среди нас не было ни ссор, ни споров, потому что все время мы ожидали всяких опасностей. Но как только мы оказались в безопасности, когда голод и жажда нам стали не страшны, когда у нас стало вдоволь всего, когда ежедневно мы ели мясо и свежую рыбу и не работали столько, сколько раньше, любовь и ссоры начали нарушать наш покой. Среди нас было несколько женщин, о которых я почти не говорил, потому что не было подходящего к этому случая, но теперь, мне кажется, случай представился рассказать и о них. Некоторые из них были бедными женщинами, которых нужда и надежда улучшить свою участь заставили отправиться в Индию, другие же имели мужей или родственников, но большинство было извлечено из притонов или соблазнено мужчинами, купившими их за небольшие деньги. Эти женщины снисходительно относились к мужчинам, и те начали им говорить о любви. Вскоре между ними завязались связи, а так как мы все жили в маленьком лагере, хорошо охраняемом, им было трудно встречаться незаметно для других. Это вызывало часто ревность и ссоры, которые заканчивались дракой. Правда, страшась строгости наших законов, они, насколько возможно, старались сохранить это в тайне, мои же обычные занятия и небрежность некоторых офицеров были причиною того, что до меня редко доходили слухи о подобного рода беспорядках. Но вот случай, наделавший много шуму.

Два молодых человека состояли в связи с одною женщиною, и каждый из них думал, что он один владеет ею. Случилось так, что женщина обещала одному из них провести с ним ночь, что она и сделала; но другой пришел к ней немного спустя и просил ее о том же, а она ему отказала под каким-то пустым предлогом. Этот отказ, естественно, огорчил его, он ее ревновал, подозревая правду, и решил проследить за своей любовницей, желая установить причину ее суровости. И действительно, он так хорошо ее выследил, что накрыл с любовником. Это привело его в такую ярость, что, вынув шпагу, он пронзил ею насквозь их тела и, никем не замеченный, скрылся. Любовники не могли удержаться от криков, к ним прибежали на помощь; сначала их увидел часовой, а затем и вся охрана. Шпагу вытащили из их тел и из земли, куда она вошла более чем на фут, вызвали хирурга для того, чтобы наложить повяз-

ки на их раны, что и было им сделано, а затем он пришел ко мне, чтобы доложить об их положении. На следующий день я собрал Совет, но нам так и не удалось установить, кто был виновником этого преступления. Мы спросили у раненого юноши, нет ли у него врага, которого бы он подозревал, но он ответил, что он никого не оскорбил и не обидел, поэтому и не может никого обвинить. Мы допросили женщину; хотя она и подозревала своего другого любовника, но была настолько великодушна, что не выдала его, зная, что он отомстил ей в порыве любви. Когда мы увидели, что ничего выяснить не удается, мы собрали всех в полном вооружении и стали вызывать поименно. Нам показалось, что мы нашли виновного, так как один оказался без шпаги. Мы у него спросили, почему он явился на смотр без шпаги, на что он смело ответил, что ее у него не было.

— У вас не было шпаги с тех пор, как вы с нами? — спросил я его.

— Простите,— ответил он,— я ее одолжил одному из своих товарищей, имени которого я не знаю, заявившему мне, что он получил приказание куда-то отправиться на шлюпке.

Тогда, показав ему шпагу, найденную в телах раненых, мы у него спросили, не принадлежит ли она ему. Он ответил, что это та самая, которую он давал своему товарищу.

— Каким же образом,— сказал я с некоторою суровостью,— она могла оказаться вонзенною в тела этих несчастных?

— Не выносите неблагоприятных для меня суждений,— промолвил он,— и позвольте сказать вам, что больше вероятности, что совершил этот поступок тот, кому я отдал свою шпагу, потому что он уехал утром и попросил ее у меня только лишь для того, чтобы подозрения пали на меня.

Я задал ему еще несколько вопросов, спросил его, каким образом он не знает имени человека, бывшего его приятелем. Он ответил мне, что тут нет ничего странного; нет у нас такого человека, которому были бы известны имена всех, которых он знал и видел ежедневно.

— Тот, кому я одолжил шпагу,— добавил он,— не является моим приятелем более, чем другие, и я даже вижу его довольно редко, потому что он почти всегда находится в плавании. Хотя я его знаю с виду и даже часто с ним разговаривал, мне никогда не приходила в голову мысль спросить, как его зовут.

Все эти ответы, быстрые и хитрые, скорее свидетельствовали о его уме, чем о невиновности, но так как у нас не было достаточно веских улик против него, мы отложили рассмотрение этого дела до возвращения шлюпки, которая действитель-

но утром вышла в море с тем, чтобы вернуться лишь через несколько дней. Пока же мы ограничились тем, что держали его в заключении.

Случайно вышло так, что несколько человек из экипажа, находившегося на песчаных островах и занимавшегося ловлей черепах, решили выкупаться в море. Когда они стали купаться и хорошие пловцы заплыли далеко, почуявшая их акула напала на одного из них, оказавшегося впереди других, и так напугала остальных, что они изо всех сил поплыли к берегу, оставив несчастного во власти чудовища, которое его тут же проглотило. Узнику стали известны все подробности этого приключения до того, как мы его вызвали на второй допрос, и, умело воспользовавшись этим случаем, он стал утверждать, что он одолжил свою шпагу именно тому, кого проглотила акула, и так точно его описал, что никто не смог найти возражений против описания погибшего. Так как мы не могли уличить его, а раненым смертельная опасность больше не грозила, мы продержали его еще некоторое время в заключении, а затем освободили. И только впоследствии выяснилась история этого приключения в том виде, как я ее только что описал.

Этот случай привел к созданию новых законов. Мы пришли к убеждению, что, пока среди нас будут женщины, они будут причиной подобных беспорядков, если мы заранее не положим этому предел и не разрешим нашим мужчинам пользоваться ими в определенном порядке. Но несчастье в том, что было семьдесят четыре женщины, а мужчин более трехсот, и невозможно было каждому дать женщину. Мы долго совещались, прежде чем был найден разумный выход, и наконец приняли решение, что каждый из старших офицеров будет иметь свою женщину, выбранную им самим в соответствии с его положением. Остальных мы разделили на различные классы соответственно с положением людей и уладили вопрос таким образом, что младшие офицеры могли жить с женщиной две ночи в неделю, люди простого звания — одну ночь, некоторые — лишь раз в десять дней, в зависимости от их возраста и положения.

Мы выделили мужчин, которым было свыше пятидесяти лет, и четырех женщин, ехавших к мужьям в Батавию и хвастливших своей верностью. Они всегда были вместе и не разговаривали с другими. Но когда они увидели, что те женщины, которых они избегали, имели друзей, поведение которых заслуживало одобрения, и что помощь, ожидаемая из Батавии, не приходила, они загрустили и стали раскаиваться в своем выборе. Они проявляли свое горе самыми разнообразными спосо-

бами и вынудили нас дать им мужей, как и остальным женщинам. Опыт показал нам, что многомужество вредит потомству. Из имевших несколько мужей беременели немногие, и, наоборот, беременели почти все те, которые имели одного мужа. Поэтому многоженство часто практиковалось и сейчас еще существует среди некоторых народов, а многомужество никогда не было в обычае.

Вместе с тем подходило время дать условный знак, как мы договорились с восемью нашими людьми, отправившимися в Батавию, и я дал распоряжение нескольким из моих людей срубить в лесу высокое и прямое дерево, поставить его на вершине мыса и прикрепить к нему самый большой имевшийся у нас белый парус, что и было выполнено. Кроме того, я приказал каждую ночь разводить около него большой костер, чтобы корабли, посланные нам на помощь, могли его увидеть. Мы надеялись, что наша шлюпка прибыла в Батавию и что генерал не замедлит выслать нам помощь. Но оказалось, что бог расположил иначе, потому что стоявшая с момента их отъезда прекрасная погода вдруг сменилась дождями и грозами. Почти ни одного дня не проходило без бури, но наш залив был хорошо защищен от бурных волн мысом и островами, отделявшими его от моря и защищавшими от ветра. В течение трех недель шел дождь почти каждый день, хотя и солнце тоже каждый день светило,— так что получалась постоянная смена то хорошей, то плохой погоды. Наша предусмотрительность принесла нам пользу: хорошо, что мы засолили рыбу и мясо в пустых бочках, спасенных с корабля. Погода понемногу наладилась, но не была такая, как прежде,— раз или два в неделю шел дождь с ветром и бурями, затем наступало неожиданное спокойствие. Это заставило нас потерять всякую надежду дождаться помощи из Батавии, даже если наши люди и добрались туда. Мы были вынуждены подумать о себе, не рассчитывая ни с какой стороны на помощь наших друзей, а только на божественное провидение и на наши собственные силы.

Наступила очень жаркая погода, и после дождей все стало расти на наших глазах; горох тоже рос, и, по-видимому, мы могли ждать хорошего урожая, что навело нас на мысль выкорчевать еще леса для новых посевов. В заливе было бесконечное количество рыбы и птиц, и, когда было спокойно, мы могли наловить столько, сколько хотелось. Но сети начали изнашиваться, и нам пришлось употребить несколько канатов, чтобы сплести новые, которые, будучи грубыми и плохо сделанными, все же пригодились, чтобы служить нам в нашей нужде.

Наши охотники наделали столько шума в лесу, что распугали всех оленей, и они не подходили ближе, чем на расстояние девяти-десяти миль. Это заставило наших охотников искать других путей и переправиться морем на другую сторону залива, где, как мы видели, все было покрыто лесом. Морис получил приказание сначала исследовать местность, что им и было сделано. Он сообщил нам, что там большие леса, состоящие из различных пород деревьев, и небольшая, довольно глубокая река, которая впадала в залив. Он рассказал, что поднялся на четыре-пять миль по течению реки и видел вдоль берегов лишь деревья и небольшие болота, но ему казалось, что там найдется дичь, и мы тоже так решили. Он добавил, что было бы хорошо послать туда людей. Пятьдесят человек, забрав с собою еды на неделю, сели в бот и в шлюпку и направились через залив к реке, о которой говорил нам Морис. Они вышли на берег, выбрали удобное место для стоянки и, оставив себе шлюпку, отправили назад бот. В тот же день некоторые из них двинулись в лес и увидели нескольких оленей, которых они и убили. Кроме того, они видели каких-то животных, похожих на свиней, но более крупных и тяжелых. Животные ходили большими стадами и питались плодами и корнями деревьев. Они убили несколько штук и нашли, что их мясо гораздо вкуснее, чем мясо свиней, которое едят в Европе.

Морис захотел исследовать большой остров или высокий мыс, ограждавший залив и отделявший его от моря, и он направился туда с двадцатью людьми: первая земля, на которую он ступил, находилась со стороны залива и была покрыта лишь камнями и скалами, но, когда он продвинулся несколько вперед по направлению к морю, он увидел, что остров имел болотистую почву, высушенную летнею жарою и представляющую собой прекрасное пастбище. Они там нашли много дичи и оленей, которые подпускали к себе очень близко. Затем, двинувшись по острову на восток, они увидели, что он отделен от материка узким каналом, который олени переплывали, для того чтобы пастись на болоте. Остров мог иметь не более двенадцати миль в диаметре, очертания его были почти круглыми. Эти новые счастливые открытия принесли нам много радости и новую уверенность в том, что мы никогда не будем страдать от недостатка еды, даже если бы нас было в десять раз больше, чем на самом деле.

Морис становился все более отважным; прославленный своими успехами и гордый от всеобщих похвал, он ничего не считал трудным и думал лишь о новых открытиях. Так как он

был человек добродетельный, благоразумный и деятельный, все предприятия его оканчивались удачей; я всегда покровительствовал его намерениям. Однажды он мне сказал, что залив тянется довольно далеко на юго-восток и ему кажется, что в той стороне должна быть большая река, впадающая в залив, и хорошо было бы это проверить. В том, что он говорил, было много правдоподобного, и я, желая ему доставить удовольствие, разрешил ему взять бот, столько людей, сколько он найдет нужным, и продовольствия на неделю.

Получив разрешение, он быстро все подготовил и решил пуститься на разведку как можно дальше. Мы пожелали ему успеха и счастливого возвращения и занялись устройством наших остальных дел, в надежде его скоро увидеть. Между тем наш горох почти созрел, и через девять или десять дней после отъезда Мориса мы собрали громадный урожай — сам-сто,— почти невероятная вещь. Мы ждали второго урожая, обещавшего быть не меньше первого. Мы тщательно просушили горох и насыпали его в бочки, как мы обычно поступали со всем тем, что хотели сохранить на зиму, довольствуясь тем, что съедали только то, чего нельзя было сохранить.

Прошло уже более трех месяцев, как мы жили в Сиденберге, не получая никаких вестей из Батавии; это наводило нас на мысль, что наша шлюпка погибла, и мы решили о ней больше не думать. Самым большим же нашим горем было то, что истек срок возвращения Мориса из предпринятого им путешествия,— он уехал более десяти дней тому назад,— и мы не знали, что с ним случилось. Мы были в большом огорчении и не знали, на что решиться: послать шлюпку мы не смели из опасения потерять ее, потому что без ее помощи нам было бы трудно существовать. Наши охотники устроили нечто вроде нового лагеря по ту сторону залива, для того чтобы удобнее было охотиться, и без лодки нам было бы невозможно поддерживать с ними связь.

Все эти мысли наводили тоску и печаль на весь лагерь, и все мы оплакивали наши потери в течение двух недель, во время которых так и не получили никаких вестей от Мориса. Мы не знали, что и думать, так как с момента его отъезда не было грозы, и он не мог погибнуть во время бури. Мы также не могли допустить, что он попал в руки пиратов и других врагов, убедившись на собственном опыте, что людей в этой стране не было, а животные не могли напасть на него в море. Переживая то надежду, то страх, однажды, когда на море был полный штиль, мы увидели, как появился бот Мориса в сопровожде-

нии двух кораблей, плывших вместе с ним к Сиденбергу. Мы смотрели на них с удивлением, не понимая, где он нашел два других корабля, что за люди были на них, и вдруг заметили еще десять парусов, следовавших за ними издали. Этот флот привел весь наш лагерь в смятение,— мы бросились все к оружию, стали готовить наши пушки к защите и послали людей на берег, чтобы следить за действиями этого флота и воспротивиться высадке. Тем временем они продолжали приближаться к нам, хотя и медленно, потому что не было сильного ветра. Наконец они приблизились на расстояние мушкетного выстрела от берега и остановились в полном порядке, бросив якорь, а тем временем бот Мориса подошел к нам так близко, что нам было хорошо видно его и его людей и можно было разговаривать с ними. Он просил нас не пугаться, а послать ему шлюпку с тремя людьми, чтобы переправить их на землю. Посоветовавшись, мы выслали ему шлюпку; он сел в нее с двумя из своих людей, а после него туда сел высокий человек в черном платье и в шляпе, с белым флагом в руках в знак мира. Он высадился на землю вместе с Морисом. Несколько моих офицеров, находившихся невдалеке, и я пошли им навстречу. Морис в нескольких словах сообщил нам, что этот человек был послан губернатором одного города, расположенного примерно в шестидесяти милях вверх от залива, где им был оказан очень любезный прием, что заставляет его просить нас отнестись вежливо и с уважением к посланному. После сообщения Мориса мы приветствовали гостя. Он обратился к нам очень ласково и вместе с тем серьезно и, подняв правую руку к небу, сказал нам на довольно хорошем голландском языке:

— Бог всевышний да благословит вас; Солнце, его великий посланник и наш славный король, да светит вам, и эта земля, наша родина, да принесет вам счастье и благосостояние.

После этого приветствия, показавшегося нам весьма необыкновенным, Морис сказал ему, что я являюсь генералом, и он протянул мне руку, которую я смиренно поцеловал. Затем он обнял меня и поцеловал в лоб и выразил желание пойти к нам в лагерь, где мы его приняли насколько могли хорошо. Он осмотрел наши хижины и заборы и, восхищаясь нашими работами, обращаясь ко мне, заговорил:

— Я узнал историю о вашем несчастье, и, зная, каковы ваши заслуги и достоинства, я не побоялся отдать себя в руки ваши. Я думаю, что я здесь в безопасности и что через некоторое время вы не откажетесь вручить себя в мои руки, когда вы узнаете, кто я. Но чтобы дольше не оставлять вас в неиз-

недостатка во всем том, что нужно для счастья нетребовательных людей. Мы его поблагодарили и просили сказать, в какой стране мы находимся. Он ответил, что страна называется на их языке *Спорумб,* жители — *споруи* и находятся они в подчинении у страны большей и более счастливой, расположенной за горами, название которой *Севарамб,* а жителей которой зовут *севарамбами.* Правители ее живут в большом городе, именуемом Севаринд, мы же находимся всего в тринадцати — четырнадцати милях от другого города, значительно меньшего, называемого Спорунд, куда он собирается нас отвезти. Его приветствие удивило нас, а лица наши показывали страх, который он пытался рассеять словами. «Я уже вас убеждал,— сказал он,— что вам нечего бояться, повторяю это снова и уверяю вас, что вам не причинят ни малейшего вреда, если вы сами его не навлечете своим недоверием и своим упорством. Вас настолько мало на этом суденышке, что вы не в состоянии будете защищаться против наших судов с большим количеством людей, которые сражаться умеют не хуже вас. Вы увидите, что они не дикари, как вы воображаете, и, быть может, вы признаете, что они не лишены чувства чести, милосердия и чистосердечия». После этого они отошли на другой конец шлюпки как бы для того, чтобы дать нам возможность обсудить наше положение. Мы решились последовать данному нам совету, доверившись божественному провидению. Тот, кто говорил с нами, приблизился и спросил о нашем решении. «Мы намерены,— сказал я,— повиноваться вам во всем и считаем для себя счастьем быть под вашим покровительством. Мы жалкие неудачники и можем служить скорее предметом сострадания, нежели гнева, мы надеемся найти у вас помощь и утешение, которые вы нам столь милостиво предлагаете, проникнувшись нашей нуждой».— «Вы все это найдете,— ответил он,— и в довершение вы увидите в этой стране такие чудеса, которых нигде не найдете». Затем он подал знак людям из своей шлюпки приблизиться, что ими и было сделано. Они принесли нам хлеба, вина, фиников, винограда, винных ягод и сухих орехов различных сортов, которыми мы плотно закусили. Тот, кто разговаривал с нами, сказал, что его зовут Каршида, а его спутника Беноскар. Он захотел узнать мое имя, и я ему назвал себя. Затем я спросил его, почему он умеет говорить по-голландски, живя в стране, столь отдаленной от Голландии. «Я отвечу вам в другой раз,— сказал он,— лучше подумаем о нашей поездке в Спорунд, чтобы успеть прибыть туда сегодня до наступления ночи». Он приказал приблизиться одной

из шлюпок, находившейся невдалеке от нас, к которой привязали наш бот, и мы на буксире пошли на юго-восток, а другая лодка следовала за нами на веслах. Мы отошли от островков и удалились от их флота, который не сдвинулся с места, пока не потерял нас из виду. Мы плыли до двух часов пополудни по этому соленому озеру, походившему скорее на море, пока не подул попутный ветер, при помощи которого мы за два часа выбрались из озера и пошли по большой реке с пресной водою, окаймленной с обеих сторон высокими берегами. Мы не прошли и двух миль по этой реке, как попали в довольно узкое место, где река текла меж двух высоких стен, выстроенных местными жителями для ограждения от разливов. Мы увидели, что вдоль этих стен тянутся строения из камня и кирпича, похожие на большие замки квадратной формы. Мы поднялись еще на две мили; по пути продолжали тянуться те же стены и квадратные здания, и так до самого города Спорунда. Он расположен при слиянии двух больших рек в громадной долине, по которой расстилаются хлебные поля, луга, виноградники, сады и живописные рощи. Маленькая лодка, вначале следовавшая за нами, опередила нас, чтобы предупредить жителей города. И когда мы высадились на великолепной большой пристани, там собралось много народа, для того чтобы поглазеть на нас. Каршида, высадившийся первым, был встречен величественного и степенного вида людьми, одетыми в черное; после кратких переговоров с ними он подал знак Беноскару высадить нас.

Этот в нескольких словах сказал, что нам предстояло делать, и приказал следовать за ним. Выйдя на пристань, где нас ждали эти господа, и три раза поклонившись им до земли, мы приблизились к ним. Приветствуя нас, они тоже слегка поклонились, и самый видный из них, сердечно обняв меня и поцеловав в лоб, сказал: «Милости просим в Спорунд». Оттуда они повели нас в город через великолепные большие ворота, к которым вела красивая улица, пересекаемая другими совершенно одинаковыми улицами. Наконец нас привели в прекрасный дом с замечательным входом, комнаты в котором были расположены, как в монастырях: они были окружены со всех сторон широкими галереями, а посредине находился цветник, с прорезями зеленого газона. Со двора нас ввели в большой низкий зал, где мы пробыли некоторое время, стоя вместе с теми господами, которые встречали нас на пристани и проводили сюда. Они нам задали ряд вопросов, таких же, какие уже задавал Каршида. Немного спустя нас провели в другой

зал, где стояли столы, уставленные блюдами, накрытые приблизительно так же, как и в Европе. Сермодас, который пришел вместе с нами, спросил, хороший ли у меня аппетит. На это я ему ответил, что мы так давно не видели такого ужина, что вряд ли кто-нибудь из нас будет страдать отсутствием аппетита. Он улыбнулся и, взяв меня за руку, посадил с собой рядом на почетном конце стола. Остальные также расселись, а Каршида и Беноскар отвели и посадили моих людей за другой стол. Нас угостили прекрасным ужином, а затем отвели в большую комнату с несколькими постелями на железных ко́злах и сказали моим людям, что они могут ложиться по двое. Я же получил отдельную комнату; Сермодас и другие меня проводили и удалились, пожелав мне спокойной ночи. Минуту спустя вернулся Каршида, для того чтобы сказать мне, чтобы я приготовился завтра посетить Альбикормаса — губернатора Спорунда. Он сказал, что даст мне все нужные инструкции, касающиеся этого посещения, и затем пожелал спокойной ночи.

Часов в шесть на следующее утро мы услыхали звон большого колокола, а час спустя Каршида и Беноскар вошли ко мне в комнату и спросили, хорошо ли я спал и не нужно ли мне чего-нибудь. Прежде всего я хотел встать, но они мне сказали, чтобы я не вставал, пока мне не дадут одежду, которую сейчас должны принести. Беноскар вышел и немного спустя вернулся вместе со слугами, принесшими мне белье и одежду из материи, вытканной из шерсти и бумаги и сшитой на местный манер. Затем пришли другие слуги с тазом, полным теплою водою, и Каршида сказал, что в нем я должен вымыть свое тело, прежде чем надеть новую одежду. Оставив мне одного слугу, он вышел со всеми остальными. Я встал, надел принесенные мне белье и одежду. Сверху я надел пестрое платье, затянулся поясом, предоставив слуге, которого мне оставили, нарядить меня. Вскоре вернулся Каршида и сказал мне, что ждали только меня, чтобы я вместе со всеми людьми пошел к Альбикормасу. Затем он мне рассказал, как я должен держать себя во время этого парадного приема, и мы спустились во двор, где я увидел всех своих людей, одетых во все новое и примерно так же, как и я. Беноскар был с ними и учил их, как им вести себя. Некоторое время мы простояли во дворе, оглядывая друг друга, до прихода Сермодаса, появившегося со своей свитой. Он спросил меня, готовы ли мы, чтобы сопровождать его в Совет. Я ответил утвердительно. Тогда он взял меня за руку и заставил идти рядом с ним с левой стороны, Каршида встал во главе моих людей, которые

должны были идти попарно, а Беноскар замыкал арьергард. В таком порядке мы прошли несколько улиц и пришли на большую площадь, расположенную в центре города. Посреди этой площади стоял великолепный дворец квадратной формы, построенный из точеного белого камня и мрамора, казавшегося черным; он был такой чистый и блестящий, что мы решили, что он только что закончен, хотя на самом деле был выстроен уже давно. Вход во дворец был украшен несколькими бронзовыми статуями, и при входе стояли в два ряда мушкетеры, одетые в синее платье. На первом дворе, выстроившись в ряд, стояли воины с алебардами, одетые в красное, и, как только мы вошли, раздались звуки труб и других военных инструментов, создавая довольно приятный шум. Оттуда мы прошли в другой двор, из черного мрамора, украшенный белыми мраморными статуями. Посреди этого двора стояло более ста человек, одетых в черное и более пожилых, чем те, которых мы видели при входе. Мы стояли и смотрели на них, пока два человека, одетых так же, как и остальные, с золотистого цвета шарфом на плече, не сказали Сермодасу, чтобы он подвел нас ближе. В том же порядке мы вошли в большую залу, украшенную живописью и позолотой, где мы опять остановились. Оттуда нас провели в третью, превосходившую первые две своею роскошью и красотою. Мы увидели в глубине этой залы на небольшом возвышении трон и по обе стороны много более низких сидений. На этом троне сидел величественного вида человек, одетый в пурпур, а на других сиденьях находились почтенные люди, одетые так же, как те, которые нас встречали во дворе. Нам сказали, что первый — это Альбикормас, а остальные — главные должностные лица города, которые вместе с ним управляют всей страной Спорумб. Дойдя до середины залы, мы отвесили поклон, затем еще один, более глубокий, а когда мы подошли к барьеру, находившемуся около трона и отделявшему его от залы, поклонились еще ниже. Тогда все члены Совета встали и, приветствовав нас легким наклонением тела, снова сели на свои места, а Альбикормас лишь кивнул головой. Затем Сермодас взял меня за руку и подвел к барьеру. Отвесив глубокий поклон губернатору, он рассказал ему на их языке все, что он знал о наших приключениях. Мне показалось, что этот язык, мягкий и величественный, в произношении похож на греческий и на латинский. Когда Сермодас закончил свою речь, вызвали Каршиду, который сделал Совету более подробное сообщение, чем первый, рассказав, каким образом мы попали на озеро, которое

они называли Спораскумпсо, как они нас увидели и захватили. О том, как это произошло, я сейчас расскажу, это мне сообщили через несколько дней. В тот день, когда мы попали на озеро, был торжественный праздник во всей стране, праздновавшийся также и жителями островов; поэтому на воде никого не было, и мы не видели ни одного судна, хотя в обычное время некоторые из них занимались рыбной ловлей. Хотя мы никого и не видели, но нас сразу же заметили островитяне, не захотевшие нам показаться из опасения нас испугать. В течение же ночи они послали суда, чтобы нас наутро захватить и оградить себя от возможности нашего бегства. Обычно этот народ прекрасно охраняет свои границы, потому что они боятся, как бы чужеземцы дурными примерами не нарушили их спокойствия и простоты и не передали им своих пороков.

Как только Каршида окончил свою речь, Альбикормас встал и сказал нам на своем языке, как объяснил нам Сермодас, что нас ожидает в стране хороший прием и ласковое обращение, что жить мы будем в Спорунде, пока он не получит известия от Севарминаса, вице-короля Солнца, живущего в городе Севаринде, к которому он посылает гонца в тот же день для того, чтобы сообщить ему о нашем прибытии и испросить его приказаний; а пока мы будем иметь все необходимое, если будем следовать советам Сермодаса и его офицеров. «Я призываю вас быть сдержанными и честными»,— добавил он и отпустил нас.

Я заметил у Альбикормаса небольшой горб и у некоторых его советников тот же недостаток, в остальном же он был сложен хорошо и выглядел неплохо. Впоследствии мы узнали, что среди обитателей этого города некоторые имели физические недостатки, хотя большинство было хорошо сложено, потому что жители Севаринда отсылали туда всех уродов, рождавшихся среди них, не желая их иметь в своем городе. Мы узнали еще, что слово *эсперу* обозначало на их языке человека, физически или морально дефективного, а *Спорунд* — город или местопребывание для таких людей.

После того как Альбикормас отпустил нас, мы вернулись к себе домой, где нас уже ожидал обед. Мы просидели дома весь день, а к вечеру Сермодас и Каршида зашли за нами, чтобы показать нам город, все жители которого выходили со всех сторон, чтобы посмотреть на нас. За всю свою жизнь я не видел лучше распланированного города: он состоял из больших квадратных зданий, похожих друг на друга, в каждом из них размещалось более тысячи человек. Во всем городе, имевшем в окружности более четырех миль, было семьдесят шесть

домов. Я уже говорил, что он расположен между двумя большими реками, образующими естественный полуостров, но они искусственно превратили его в настоящий остров, прорыв в двух милях от города канал от одной реки к другой. Этот канал заключен между двумя высокими степами, через которые переброшены десять или двенадцать деревянных мостов, за исключением среднего, очень широкого, прочно построенного из точеного камня. Нам показали этот канал и окрестности два или три дня спустя после первой аудиенции. Вечером, часа через два после ужина, нас привели в большую залу, где мы увидели пятнадцать молодых женщин, ждавших нас. Большинство из них было хорошего роста, полные, одетые в пестрые полотняные и бумажные платья, их черные волосы были заплетены в косы, спускавшиеся по плечам. Мы были несколько удивлены, что они стояли все вместе, выстроившись в ряд, и спросили, зачем они здесь находятся. Сермодас, взяв слово, стал мне объяснять. «Вы удивляетесь, Морис, что видите столько молодых женщин вместе, и не знаете причины. Я даже уверен, что вы поражены, как они выстроились в ряд и что одежда их отличается от одежды других женщин, у которых обычно на голове покрывало. Так знайте, что это невольницы, пришедшие сюда, чтобы служить вам. Каждая нация в мире имеет свои обычаи. Есть обычаи плохие, потому что они неразумны; другие безразличны и кажутся плохими или хорошими в зависимости от вкуса и предрассудков людей, их применяющих; но есть и очень разумные, они хороши сами по себе, если к ним подходить без предвзятого мнения. Наши обычаи почти все таковы и лишь очень немногие не основаны на здравом смысле. Вам, конечно, небезызвестно, что необходимо умеренное употребление всех вещей, созданных природой для служения живым существам, и что действительно вредно лишь злоупотребление. Из этих вещей есть три главнейших: первая — сохранение жизни каждого человека, вторая — поддержание счастливого состояния и, наконец, третья имеет целью увеличение и размножение всех пород.

Что касается сохранения жизни каждого человека, например мужчины, то оно зависит от некоторых благ, без которых он не смог бы существовать, потому что они ему абсолютно необходимы. Еда, питье и сон, несомненно, относятся к этого рода потребностям. Но человек не мог бы быть счастливым, обладая только этими вещами: хотя они и достаточны для сохранения жизни, но они не могут украсить жизнь и сделать ее приятной. Поэтому создатель природы дал человеку другие

блага, которые, в соединении с первыми, могут удовлетворить его, если он благоразумен и умерен, если он не бросается в безумную погоню за обманчивой видимостью воображаемого блага и если он не следует слепо разнузданности и исступлению своих страстей. Эти блага, которые создают счастье человека, по нашему мнению,— здоровое тело, душевное спокойствие, свобода, хорошее воспитание, целомудрие, общество честных людей, хорошее питание и одежда, удобные жилища. Все эти блага создают счастливую жизнь, если пользоваться ими в меру и не привязываться к ним всем сердцем.

Природа ограничила нашу жизнь известным количеством лет, свыше которых мы уже не можем пользоваться всеми этими благами, а тела наши, переставая жить, разлагаются, и каждая часть их приобретает свою первоначальную форму или облекается в новую. С другой стороны, она пожелала сохранить каждый вид и даже увеличить его посредством размножения, в котором, если можно так выразиться, снова зарождаются все существа и сохраняются для вселенной все животные и растения, являющиеся одним из лучших ее украшений. Чтобы достигнуть своей цели, природа в каждой породе создала самцов и самок, чтобы из союза этих двух полов создавалось потомство животных. Это ее самое благородное дело, о котором она больше всего заботится. Но чтобы вложить в существование каждого животного еще больше счастья и чтобы легче достигнуть своей цели, она пожелала сопроводить этот союз наслаждением, которое мы называем любовью. Любовь все связывает и охраняет, и когда ею руководят честные побуждения, она не вызывает плохих последствий, потому что она преследует лишь благие цели: честные радости, размножение и сохранение каждого вида, к чему, естественно, стремятся все существа. Севариас, наш великий и знаменитый правитель, внимательно взвесив все это, приказал наказывать за невоздержанность и грубость, но все же он требовал, чтобы следовали велениям бога и природы в отношении продолжения рода человеческого. Поэтому он издал приказ, чтобы все достигшие известного возраста, установленного законами, женились, а путешественники жили с рабынями, которых у нас имеется довольно большое количество. Этот великий человек запрещает рассматривать как нечто преступное то, что служит сохранению рода, считая, однако, что излишества нарушают воздержанность, которая должна лежать в основе наслаждений. Поэтому-то мы не можем допустить, чтобы кто-нибудь здесь был без женщин. Вы видите, что вам их привели столь-

ко, сколько у вас есть мужчин, и они будут приходить к вам через каждые два дня в течение всего того времени, которое вы пробудете среди нас. Я знаю, что этот обычай был бы осужден в Европе, где не признают, что добродетель заключается в честном пользовании любовью, а не в полном воздержании. И поэтому среди нас не встречаются те отвратительные преступления, которые бесчестят вашу страну».

Он еще говорил многое, в чем не было необходимости, чтобы убедить нас с большою благодарностью принять то, что он предлагал, а он был очень доволен, что доставил нам удовольствие и что мы одобряли повеления его правителя.

Не успел он уйти, как два человека вошли в залу и приветствовали нас по-французски. Первый сказал нам, что он врач, а его спутник — хирург, и попросил нас сказать им, не болел ли кто-либо из нас неаполитанской болезнью. «Мы имеем приказ осмотреть вас,— добавили они,— и если кто-нибудь из вас скрывает правду, то тому же будет стыдно, а если, наоборот, чистосердечно признается, он от этого не потеряет уважения и очень скоро вылечится». Мы все сказали, что ни у кого из нас не было таких болезней, но, несмотря на наши возражения, каждого из нас осмотрели в комнате рядом с той, в которой мы находились. После осмотра они заявили, что очень довольны, что мы не больны болезнью, столь распространенною на других материках и о которой лишь понаслышке знают в Австралийских землях. Кроме того, они рассказали нам, что они прожили во Франции целых шесть лет, видели почти всю Европу и Азию в течение двенадцати лет, которые они провели в путешествии, что время от времени из Спорунда отплывали корабли, переправлявшиеся через моря с той же целью, и, таким образом, среди них есть люди, побывавшие у различных народов и умеющие говорить на разных языках. Эти слова рассеяли удивление, испытанное нами, когда Каршида заговорил по-испански и по-голландски и когда мы увидели образ жизни и обычаи, столь схожие с нашими, в столь отдаленной стране, где мы думали встретить лишь дикарей. Мы бы задали много вопросов этим господам, если бы было удобно, но они удалились, а мы стали советоваться, каким образом нам выбирать женщин. Решили, что я выберу первый, после меня — мои два офицера, а остальные бросят жребий, что и было проделано без споров и ссор, и каждый получил себе подругу. Затем меня проводили в комнату, где я почевал в предыдущую ночь, а людей моих отвели в длинную галерею, по бокам которой были маленькие, отделенные одна

от другой комнаты. Каждый из них получил по комнате, и они провели там ночь. На следующее утро в обычный час зазвонил колокол, и Каршида пришел спросить меня, хорошо ли я спал, и сказал, что пора вставать. Подруга моя вскочила с постели и оделась, как только услышала звон колокола, и вышла из комнаты в тот момент, когда входил Каршида. Он сообщил мне, что Беноскар пошел освобождать моих людей из плена, желая сказать «из объятий любовниц» и из комнат, где они были заперты во избежание беспорядков и обмана, которые могли иметь место; а это было запрещено из опасения, что, если женщины забеременеют, отцы их детей останутся неизвестными. Одевшись, я спустился в большой зал, куда пришли также и мои люди. Туда же за нами пришли проводники, чтобы показать нам некоторые кварталы города, где велись различные работы. Одни были заняты выделыванием полотна, материй, другие — шитьем, некоторые ковали и занимались всякими другими работами. Но Каршида сказал мне, что строительство и земледелие были основными занятиями нации.

Мы продолжали оставаться в Спорунде, ведя тот же образ жизни, до шестого дня, пока не вернулся гонец, посланный Альбикормасом в Севаринд, с приказанием от Севарминаса направить нас в великий город, где ему очень хотелось нас видеть. Когда я узнал, что нам придется идти в Севаринд, я пожалел, что не сказал о том что вы здесь, в особенности после их хорошего с нами обращения. Я не знал, как мне выпутаться, но причина, заставившая меня это скрыть, была веской и уважительной; я подумал, что Альбикормас удовлетворится ею и простит наше притворство, основанное на заботах о вашей безопасности в то время, когда мы опасались еще за нашу собственную. Я откровенно признался Сермодасу, который прежде всего пошел предупредить губернатора. Нам приказали ждать в Спорунде возвращения второго гонца, посланного к Севарминасу, чтобы известить его о причине нашего опоздания. Он вернулся через шесть дней и привез губернатору приказ, во исполнение которого тот отправил с нами эти суда, чтобы забрать вас и перевезти всех в Севаринд, где мы должны предстать перед верховным правителем в его резиденции и где, по словам Сермодаса, нас ожидает еще лучший прием, чем в Спорунде.

Итак, Морис окончил свой рассказ, который обрадовал нас и привел в восхищение; он не показался нам скучным, хотя, действительно, и был долгим. Но вещи, о которых он нам рассказывал, были настолько удивительны, что мы слушали бы его терпеливо, даже если бы его рассказ длился целый день.

Некоторое время мы советовались о том, какую нам выбрать линию поведения, и решили идти за Сермодасом туда, куда он нас поведет, целиком положившись на волю божественного провидения и доверившись порядочности народа этой страны.

Пока Морис рассказывал нам обо всех этих приключениях, некоторые из его людей, побуждаемые желанием поговорить со своими друзьями, сошли на берег и завели беседу почти со всеми нашими людьми, которые собрались вокруг них и слушали с удивлением рассказ обо всем случившемся. Таким образом, они узнали эти новости почти одновременно с нами, и не понадобилось второй раз сообщать им о положении наших дел. Они готовы были следовать в прекрасную страну, которую им описали. Но шлюпка, посланная в Батавию, могла добраться благополучно, и мы нисколько не сомневались, что генерал, узнав о нашем несчастье и нужде, выслал бы нам на помощь корабли, на что мы имели еще кое-какую надежду; и это огорчало нас, потому что, если бы корабли прибыли и никого не застали, все подумали бы, что мы погибли, и, таким образом, мы теряли всякую надежду увидеть снова своих друзей и родину. На это Морис возразил:

— Что касается шлюпки, то ее, безусловно, следует считать погибшей, если мы о ней не имели известий с того времени, как она ушла, и по этой причине не имеет смысла надеяться на какую-либо помощь из Батавии. Возвращение же

наше в Голландию не невозможно и может оказаться незатруднительным, поскольку мы будем находиться среди народа вежливого и порядочного, который время от времени посылает свои корабли за моря: вероятно, они разрешат нам вернуться и даже дадут возможность, если мы того захотим, не пожелав силою задерживать в своей стране, если у нас не будет желания там остаться.

И, наконец, он заметил, что наше положение было бы много хуже, если бы нам все время пришлось жить в этом лагере, подвергаясь тысячам опасностей и забот. Эти убедительные доводы Мориса — человека со здравым смыслом, пользовавшегося среди нас доверием за те большие услуги, которые он нам оказал, рассеяли наше огорчение. Мы вернулись в мою хижину, где был Сермодас, который, увидя нас, улыбнулся и спросил, как нам понравился, по описанию Мориса, город и народ Спорунда.

— У нас не могло не создаться выгодного представления,— сказал я ему,— и нам бы хотелось уже быть там. Если вам угодно, то мы готовы ехать туда как можно скорее.

— Я прибыл сюда для этого,— ответил он,— и я очень рад, что вы готовы следовать за мною. Вы можете быть уверены, что пребывание в наших городах покажется вам лучшим, чем в этом лагере, хотя благодаря вашему уменью тут получилось удобное убежище.

Мы еще некоторое время поговорили на эту тему, а затем спросили у него, не хочет ли он отведать нашей пищи в том виде, как мы можем предложить. Он сказал, что согласен закусить при условии, если мы также будем есть то, что они подадут. И он попросил Мориса передать кому-нибудь из его людей, чтобы принесли вина и всякой еды с кораблей. После обеда Сермодас сказал нам, что если мы решили следовать за ним, то должны готовиться к отъезду и переправить наших людей тем способом, который нам покажется наиболее удобным. Он же считает, что было бы лучше всего, если бы наши руководители и все наши женщины перебрались на корабль в тот же день, а он оставит кого-нибудь из своих людей, чтобы помочь остальным нашим погрузиться и проводить их до Спорунда. Я сказал ему, что часть наших людей находится по ту сторону залива, и если он разрешит, мы пошлем Мориса с одним или двумя судами, чтобы привезти их обратно.

— Это можно сделать,— ответил он,— и я пошлю с ним одно наше судно, чтобы переправить их в город, не заходя в лагерь. Вы же,— сказал он, обращаясь ко мне,— возьмите тех

«Государства Луны»

из своих офицеров, которых вы пожелаете оставить при себе, и садитесь на мое судно, где, надеюсь, вам будет довольно удобно.

Я взял с собой Ван де Нюи и Тюрси, моего секретаря, приказав Девезу и другим капитанам распоряжаться в мое отсутствие и как можно быстрее собрать наши вещи. Сермодас оставил Беноскара с Девезом, чтобы ему помочь и сопровождать его. После этого мы подняли паруса и двинулись на Спорунд, куда и прибыли три дня спустя после нашего отбытия из Сиденберга. Нам был оказан почти такой же прием, как Морису, с той лишь разницей, что к Ван де Нюи и ко мне было проявлено больше уважения, чем к остальным. Альбикормас очень ласково принял нас, а меня в особенности; он много говорил со мной о положении империи, о чем я его мог лучше осведомить, чем кто бы то ни было из нашей компании. Я нашел, что во многих отношениях он прекрасный человек и обладает удивительно ясным умом. Он мне рассказал о многих обычаях, о формах управления в их стране, о чем я буду говорить дальше, когда буду описывать город, законы и нравы севарамбов. На следующий день после нашего приезда в город были доставлены наши вещи, и в лагере ничего не было оставлено, за исключением того, что оказалось ненужным. С нашими людьми обращались так же, как с людьми Мориса, и все получили новую одежду.

У нас вышло затруднение с нашими женщинами. Я уже рассказывал, как в лагере было дано распоряжение, что на пять человек простого звания будет одна женщина, и только старшие офицеры пользовались привилегией иметь каждый свою женщину. Сермодас и его приближенные не одобрили этого положения. Их ненарушимая привычка порядочности заставила их сказать нам, что мы поступаем по-скотски. Они заявили, что это бесчестит их страну и их законы, и они допустить этого не могут. Я старался извинить это необходимостью, заставившею нас скорее принять такое решение, чем подвергать наших людей опасности, что они перебьют друг друга. Сермодас спросил меня, желаем ли мы подчиняться их законам. Я уверил его, что это наше самое пылкое желание, и вот какие он принял меры.

— Пересчитайте точно,— сказал он нам,— всех ваших людей, как мужчин, так и женщин, и дайте мне их список, в особенности женщин, отметив тех из них, которые беременны. При этом вы можете себе оставить тех, которых уже имеете, или же мы вам дадим других.

Мы некоторое время совето́вались, и те из офицеров, которые захотели остаться со своими женщинами, их не сменили. Остальные же бросили жребий, как спутники Мориса, которым не было разрешено выбрать себе новых женщин. Те женщины, которые забеременели от наших офицеров, были вынуждены продолжать жить с теми, от кого они забеременели. Тех, которые жили с простыми людьми и стали беременными, заставили жить с тем, кого они считали отцом зачатого ребенка. Вот каким образом это все было улажено.

На пятый день нашего пребывания в Спорунде Сермодас зашел за мной и повел меня в храм, где должно было совершаться торжество бракосочетания, или *оспаренибон*. Он мне сказал, что нас так долго задержали в Спорунде не столько для того, чтобы дать нам возможность отдохнуть, сколько для того, чтобы показать эту церемонию. Затем он добавил, что церемония происходит четыре раза в год, и это один из самых больших их праздников, хотя и меньший здесь, чем в Севаринде. Я встал и оделся в новую одежду, которую выдали мне, а также моим старшим офицерам, пришедшим за мной в комнату для того, чтобы сопровождать меня в храм, куда нас должны были вести Сермодас и Каршида. Мы вместе направились во дворец, где Альбикормас дал нам аудиенцию, а затем, пройдя несколько дворов, мы наконец пришли к громадному величественному храму, где увидели много юношей и девушек в новых одеждах. Головы юношей были украшены венками из зеленых листьев, а девушек — гирляндами цветов. Никогда мне не приходилось видеть более приятного зрелища, чем эта группа молодых людей, большинство которых были красивы и жизнерадостны.

Большой занавес посредине храма мешал нам видеть более половины его. Мы пробыли в храме, занимаясь осмотром богатых украшений, около часу, и никаких перемен за это время не произошло. Но наконец мы услышали звуки разных труб, гобоев и других инструментов и увидели, как пошло несколько человек с зажженными факелами, которые они вставили в подсвечники, находившиеся в различных местах храма, затем они закрыли все окна и раздвинули занавес, скрывавший от нас другую его часть. Мы увидели в глубине храма богатый и пышный алтарь, украшенный гирляндами и букетами цветов. С правой стороны алтаря на небольшой высоте мы увидели большой хрустальный или из очень прозрачного стекла шар, который с трудом могли бы обхватить четыре человека. Этот шар так ярко светился, что освещал не только всю

глубину храма, но светил даже далеко за середину его. С другой стороны алтаря находилась большая статуя такой же высоты, изображавшая кормилицу с несколькими грудями, кормившую несколько маленьких детей, так же искусно сделанных, как и вся статуя. Между этими двумя фигурами над алтарем висела большая черная завеса, гладкая и без всяких украшений.

Тем временем музыка все приближалась и наконец достигла входа в храм, и мы увидели, как вошел Альбикормас с сенаторами, подходившими к алтарю с большой торжественностью, во всем их великолепии. Несколько жрецов вышли им навстречу с кадилами в руках и с песнопением. Они три раза поклонились ему и подвели к алтарю, где он и сенаторы отвесили три поклона перед черной завесой, два перед статуей, а затем пошли и сели на троны, возведенные по обеим сторонам алтаря. Сермодас посадил меня с тремя из моих людей у ног Альбикормаса, а остальных поместил с противоположной стороны. Не успели мы сесть, как жрецы двинулись к молодым людям, о которых мы говорили, и заставили их приблизиться к алтарю. Они разделились на два ряда, мужчины справа, а женщины слева. Как только они подошли к алтарю, главный жрец взошел на возвышение между рядами и произнес им наставительную проповедь. После этого подали факел, зажженный, как я после узнал, лучами солнца, и Альбикормас, спустившись с трона, взял его в руки, зажег им какое-то ароматическое растение, находившееся на алтаре, и встал на колени перед шаром, произнося какие-то слова. Затем он подошел к статуе, перед которой преклонил только одно колено, и также произнес несколько слов, как и перед шаром. Тогда жрецы запели священную песнь, которую подхватил весь народ, а когда они кончили, заиграла музыка. Эта приятная симфония сопровождалась хором таких прекрасных голосов, что нам пришлось признать, что нашу европейскую музыку нельзя было сравнить с этой. Затем главный жрец подошел к девушке, стоявшей первой в ряду, и спросил ее, хочет ли она выйти замуж. Она с глубоким поклоном и краснея ответила: «да». Тот же вопрос он задавал всем остальным и получал от них такой же ответ. Пока он опрашивал девушек, другой жрец задавал тот же вопрос юношам, стоявшим с другой стороны. Затем жрец вернулся к первой девушке и спросил ее, хотела ли бы она иметь мужем одного из стоявших напротив юношей. И после того как она ответила, что таково и было ее намерение, он взял ее за руку и подвел к ряду юношей, приказав ей выбрать себе мужа. Она посмотрела на первого молодого

человека, затем на других и так до шестого, около которого она остановилась, и спросила его, хочет ли он быть ее добрым повелителем и верным мужем. Он ей ответил, что согласен, если она полюбит его, как честная и целомудренная жена должна любить своего мужа. И она обещала любить его до смерти. После этого торжественного обещания он взял ее за руку, поцеловал и повел ее на другой конец храма. Все остальные последовательно проделали ту же церемонию и присоединились к первым. Осталось восемь девушек, которым не нашлось мужей, и пять из них от стыда и смущения горько плакали. Другие же три не были столь огорчены, и когда главный жрец подошел к ним, они взяли его за одежду и последовали за ним к Альбикормасу. Он им сказал несколько слов, после чего они подошли к сенаторам и, избрав трех из них, сказали им, что если злой рок помешал им быть единственными женами своего мужа, они избирают их, чтобы снять с себя позор, после того как от них публично три раза отказывались, и просят принять их в число своих жен, согласно законам страны и предоставляемой им привилегии, обещая им вечную любовь и верность. Три сенатора тотчас же спустились вниз и, взяв их за руки, подвели к алтарю, где встали рядом с ними, пока попарно устанавливались и остальные. Этим сенаторам было лет по сорок — пятьдесят, и выглядели они лучше всех других.

После этого главный жрец обратился к остальным пяти девушкам, желая узнать, не захотят ли они иметь мужьями кого-нибудь из сенаторов или других государственных должностных лиц, они же ответили, что, испытав судьбу всего лишь один раз, они хотят попытать счастья еще два раза, прежде чем принять такое решение, а затем, опустив покрывала, они вышли из храма, при выходе из которого их ожидала повозка, чтобы развезти их по домам. Как только они вышли из храма, снова загремела музыка, и Альбикормас, подойдя к алтарю, громко произнес несколько слов и, взяв за руки трех девушек и трех избранных ими сенаторов, соединил их руки, сказав им несколько слов, на которые они ответили глубоким поклоном. Он проделал то же самое с семью или восемью другими и, предоставив оканчивать церемонию нескольким сенаторам, вернулся и сел на свой трон. Два жреца перенесли горевший на алтаре огонь на середину храма, где новобрачные с благовониями в руках окружили его, и каждый из мужчин, смешав бывшие у него благовония с теми, которые были у женщин, бросал их в огонь. Затем, встав на колени, каждый из них клал руку на золоченую книгу, кото-

рую держали оба жреца. Они клялись в верности законам, обещая свято соблюдать их в течение всей своей жизни, призывая в свидетели великого бога, солнце и свою родину. Проделав это, они вернулись к алтарю, где Альбикормас произнес короткую молитву, которую они прослушали на коленях, а затем он повернулся к ним и, благословив их, вышел из храма под звуки музыки, в сопровождении всех своих приближенных. Оттуда все пошли в находившуюся недалеко от храма залу, где были расставлены столы, на которых тотчас же появились разные кушания. Альбикормас подошел ко мне и к Ван де Нюи, сказав, что в этот день мы будем его гостями, и повел нас к своему столу, где посадил вместе с сенаторами. Сермодас взял тех моих офицеров, которые пришли вместе со мною, и повел их к другому столу. Каршида и Беноскар взялись отвести домой остальных наших людей, находившихся во время всего торжества в одной из галерей храма. Пир был роскошен, и во время еды играла музыка. После обеда мы отправились в амфитеатр, расположенный приблизительно на расстоянии мушкетного выстрела от храма, и увидели, что улицы, по которым мы шли, были усыпаны цветами. Мы услышали приветственные клики большого количества народа, собравшегося поглазеть на нас. Этот амфитеатр, выстроенный из больших камней, в диаметре имеет не менее пятидесяти шагов, если считать от внешней до противоположной ей стены. Покрыт он сводом необычайной высоты, защищающим его от солнца, дождя и других превратностей погоды. Вокруг него сверху донизу были места для сидения, занимавшие бо́льшую его часть, а незначительная часть была занята партером. Когда мы вошли, эти места были уже полны народу, но в партер никого не пропускали, кроме начальствующих лиц, новобрачных и нас. Нас усадили на нижние места, отделенные от верхних балюстрадой, идущей кругом здания. Между тем некоторые молодые люди стали выступать в борьбе, фехтовании и в других упражнениях, требующих ловкости и проворства, причем проделывали они это удивительно хорошо. После этих упражнений все молодожены стали танцевать. Танцы продолжались недолго, до того момента, как прозвучали трубы, подавшие сигнал к возвращению домой.

Мы вышли тем же порядком, как и вошли, и увидели, что улицы ярко освещены факелами и ракетами, почти превращавшими ночь в день.

Альбикормас и его приближенные заняли места в повозках, чтобы вернуться к себе, новобрачные пошли все вместе

попарно в жилища, которые им были приготовлены, а Сермодас отвел нас домой, где объяснил нам отдельные места церемонии.

На следующее утро он пришел спросить нас, не захотим ли мы опять пойти в храм посмотреть другое торжество, являющееся продолжением первого. Мы согласились, и как только мы были готовы, он повел нас ко входу в храм, где задержал нас на некоторое время. Мы не пробыли там и четверти часа, как услышали приближающуюся музыку, и немного спустя увидели подходивших к храму только что женившихся молодых людей. Каждый из них держал в руках длинную зеленую ветку дерева с висевшим на ней венком, в котором каждый из них был накануне, связанным вместе с гирляндой женщины белой полоской, запятнанной кровью, являющейся доказательством девственности новобрачной. Они торжественно вошли в храм, и когда подошли к алтарю, то каждый положил на него свою ветку, принося ее в жертву богу, солнцу и родине, изображаемой статуей кормилицы, о которой я уже говорил.

После этого жертвоприношения они вышли все вместе, принявшись плясать под звуки музыки, и с пляской вернулись к себе домой. Праздник этот длился целых три дня, и в городе царило всеобщее веселье.

Между тем настало нам время покинуть Спорунд и отправиться в Севаринд. Сермодас за день до отъезда пришел предупредить нас об этом. Он повел нас — меня, Ван де Нюи и Мориса — к Альбикормасу для того, чтобы проститься с ним. Мы его застали в его доме — красивом дворце, хотя и меньшем, чем городской дворец. Он встретил нас очень приветливо и сказал, что на следующий день мы должны ехать в Севаринд, чтобы предстать перед великим Севарминасом. Затем он спросил нас о наших впечатлениях от Спорунда и о виденном нами торжественном праздновании оспаренибона. Мы ответили ему, что мы в восторге.

— Вы поедете в страну,— добавил он,— где все прекрасно и полно великолепия. Я не хочу утруждать вас описаниями, говорящими в пользу этой страны, вы сами увидите больше, чем я смог бы вам рассказать. Сермодас будет вашим проводником и будет с вами обходиться ласково и дружески, но я прошу вас слушаться во всем его советов и так осторожно держать себя, чтобы великий Севарминас полюбил вас так же нежно, как и я.

После этого он нас обнял, поцеловал в лоб и попрощался с нами.

На следующий день с раннего утра нас привели на берег реки, омывающей город с западной стороны, где мы нашли несколько приготовленных для нас лодок. Сермодас подвел меня с тремя или четырьмя моими офицерами к крытой расписной лодке, хотя и небольшой величины, но украшенной скульптурными работами и позолотой. Наши мужчины и женщины разместились в нескольких лодках, и мы стали подниматься вверх по реке без особых затруднений, так как в этом месте она протекает по большой равнине и течение ее очень медленно. На берегах ее мы видели несколько таких же больших строений, как и те, которые расположены ниже города, но рассмотреть их внимательно не могли, потому что мы торопились и плыли очень быстро, имея нескольких гребцов, которые время от времени сменяли друг друга. Мы шли таким образом весь день, с утра и до захода солнца, нигде не останавливаясь, и прибыли в тот же день в город, называемый Спороуме, расположенный приблизительно в тридцати милях от Спорунда. Нас в этот день ждали, и на пристани мы увидели, что собралось много народу, вышедшего нам навстречу. Сермодас и мы сошли на берег первыми и встретили местного губернатора, имя которого было Псаркимбас. Он подошел к нам и очень любезно приветствовал нас. Поговорив немного с Сермодасом, он наконец подошел ко мне и сказал, что ему было бы очень приятно часок-другой побеседовать со мною. Я ему ответил, что всегда готов повиноваться ему, после чего мы вошли в город Спороуме. Он построен так же, как и Спорунд, но вдвое меньше последнего. Расположен он в очень плодородной, красивой местности, и принимали нас в нем так же, как и в Спорунде. Мы пробыли там весь следующий день и ничего замечательного не видели, если не считать примерного наказания, которое было применено к четырнадцати уголовным преступникам. Это происходило приблизительно так: их вывели из тюрьмы привязанными друг к другу веревками и разделенными на три группы. В первой группе было шесть человек, приговоренных, как мы узнали, к десяти годам заключения — один за убийство, другие за супружескую измену. Во втором ряду было пять молодых женщин, из которых две должны были, согласно закону, отбывать наказание семь лет, а после этого они должны были оставаться под стражей столько времени, сколько захотят их мужья, так как они были уличены в неверности. Другие три были девушки, приговоренные к трем годам наказания за то, что принадлежали мужчинам до оспаренибона, то есть до свадьбы, которая справляется по-

сле достижения восемнадцати лет. Три молодых человека, совративших их, находились в третьей группе и были приговорены к тому же наказанию, а затем должны были на них жениться. Их вели из тюрьмы до входа в суд, где должна была начаться экзекуция и где собралось множество народа.

Я помню, что одна из тех, которые оказались неверны, была очень красивая и прекрасно сложенная женщина: у нее было совершенное по красоте лицо, черные глаза, каштановые волосы, румяный рот и очень яркий и вместе с тем нежный цвет лица. Ее белая грудь, которая была обнажена, была самой прекрасной формы, которую я когда-либо видел. Это в первый раз ее выставили напоказ всем, так что ее стыд и смущение были велики. Слезы градом текли у нее по щекам, но отнюдь не портили ее красоты, а, наоборот, подчеркивали ее блеск, и ею любовались еще больше. Восхищение порождало любовь, а сострадание, присоединяясь к этим двум чувствам, так тронуло сердца всех присутствующих, что не было ни одного здравого человека, который не переживал бы ее горя. Но сострадание их переходило как бы в великодушное отчаяние, когда они думали о том, что через несколько минут всех этих прелестей коснется жестокая рука отвратительного палача. Все же это был утвержденный законом акт правосудия за преступление, которое среди этого народа считается одним из самых тяжких, так что было невозможно спасти это прекрасное существо от строгости распоряжений верховной власти. Уже палач занес над ней руку, чтобы ударить ее, как вдруг какой-то человек, пробившись сквозь толпу, громко закричал:

— Остановись, остановись!

Все зрители и даже должностные лица повернулись туда, откуда раздался голос, исполнение приговора было задержано до выяснения того, что хотел сказать этот человек. Он подошел к ним, весь запыхавшись, с трудом пробравшись сквозь толпу, и, обращаясь к главному начальнику, сказал, указывая на прекрасную преступницу, что он муж этой женщины и, следовательно, очень заинтересован в совершении экзекуции, но что ему хотелось бы прежде поговорить с ней, после чего ему легче будет высказать ей свои чувства. Получив разрешение, он обратился к женщине примерно с такими словами:

— Ты знаешь, Юлисб, как страстно я любил тебя еще за три года до нашей свадьбы. Ты знаешь также, что с тех пор, как нас соединяют священные узы, моя любовь не только не уменьшилась, а разгорелась с новой силой, что обладание, утоляющее страсть почти всех любовников, лишь увеличило

мою. Ты знаешь, наконец, что за четыре года, прожитые с тобой, я доказал тебе, что чувство мое — такое нежное и прочное, какого только может ждать жена от своего мужа. Я был уверен, что ты питаешь ко мне те же чувства, в чем тысячу раз ты мне клялась, и что страсть твоя равна моей; но, несмотря на то, что ты стала мне неверна, я все же думаю, что обладал лучшей частью твоего разделенного сердца, что ты была соблазнена тонкою хитростью вероломного Фланибаса, который бесчестным путем побудил тебя совершить преступление, которого ты по собственному побуждению никогда не совершила бы. Прошло не более двух часов, как мне стала ясна вся правда: я узнал, что ему никогда не удалось бы заставить тебя удовлетворить его незаконные желания, если бы он самыми подлыми способами не заставил тебя поверить, что я причинил тебе зло и совершил с его женою тот проступок, который твое ни на чем не основанное возмущение и несправедливая жажда мести заставили тебя совершить с ним. Если бы я раньше узнал все это, ты не была бы здесь и не испытала бы этого позора; я простил бы тебе оскорбление, нанесенное нашему супружескому ложу, и сумел бы так хорошо скрыть твое преступление, что тебе не пришлось бы подвергаться этому суровому и постыдному наказанию. Но ведь прошлого вернуть невозможно, и не в моей власти целиком освободить тебя от предназначенного наказания, которому ты должна быть подвергнута во имя законов родины, которой ты нанесла тяжелое оскорбление, я же, по крайней мере, сделаю для тебя все, что могу. И если текущие из твоих глаз слезы действительно свидетельствуют о твоем раскаянии, и если верно то, что в твоем сердце сохранился остаток той искренней любви, в которой ты столько раз клялась мне и давала столько ясных доказательств, и, наконец, если ты обещаешь навсегда и безраздельно отдать мне свое сердце, что снова вернет мне счастье, я постараюсь назначенное тебе наказание принять на себя. Говори, Юлисб, чтобы твое молчание не было признаком того, что ты мало меня любишь.

Сказав это, он замолчал. Его жена еще больше залилась слезами и некоторое время не могла вымолвить ни слова, но наконец, повернувшись к нему, ответила:

— Молчание мое, чересчур великодушный Брамистас,— доказательство не того, что я мало люблю тебя, а скорее отчаяния. Я оскорбила тебя вопреки священным законам справедливости и чести. Почему, слишком великодушный и достойный более верной жены муж, заботишься ты о коварной

изменнице, давшей волю оскорбительной для тебя мести? Зачем тебе страдать от ран, заслуженных мною? Нет, нет, Брамистас, которого я не смею больше назвать своим супругом, не заботься более о несчастной, заслуживающей лишь твоего гнева, а не сострадания, несчастной, которая, однако, всеми силами души готова перенести самые жестокие муки и даже покончить со своей несчастной жизнью, лишь бы искупить свое преступление. Перестань, перестань же ранить мое сердце доказательствами доброты и несравненного великодушия. Брось это вероломное сердце на произвол горя, поглощающего его, и вечных угрызений совести, испытываемых им от ужаса его ошибки, не противься больше законному наказанию, суровость и строгость которого я больше чем заслуживаю.

Эти речи вызвали слезы всех присутствующих, но наконец муж заставил привязать себя вместо жены и, обнажив половину своего тела, принял удары, предназначавшиеся преступнице. Все остальные также были одновременно наказаны, а затем их заставили три раза обойти вокруг суда. Они были так жестоко избиты, что кровь текла из их ран. После экзекуции их отвели обратно в тюрьму.

Мы узнали, что в подобных случаях заслужившие наказание женщины этой страны пользуются привилегией и могут быть освобождены от экзекуции, если находится мужчина, желающий их заменить, причем до этого случая было несколько таких же примеров любви мужчин.

По окончании экзекуции мы вернулись к себе, где Псаркимбас и я часа два беседовали о делах Европы, так же как я уже разговаривал с Альбикормасом и с другими, обращавшимися ко мне с расспросами.

На следующий день рано утром мы отбыли из Спороуме. Лодки уже были наготове, и Сермодас взял меня и всех тех, с которыми он находился накануне, и посадил нас в самую удобную. Простившись с Псаркимбасом, мы быстро прошли шесть миль от Спороуме до маленького города, состоявшего всего из шести квадратных зданий и носившего название Спороунид. Здесь мы нашли другого рода лодки, отличавшиеся от тех, на которых мы сюда прибыли: их должны были тянуть лошади, потому что в этом месте было более сильное и быстрое течение и было невозможно продвигаться вперед на веслах. Поднимаясь вверх по течению, мы все больше приближались к высоким горам, открытым де Хаэсом вблизи озера, которое он увидел на равнине напротив старого лагеря. Они тянулись с востока на запад и были видны настолько далеко,

насколько мог охватить взор, и казались они очень высокими и отвесными. Мы их заметили еще раньше, но с этого места они выделялись более ясно и казались очень близкими.

Из Спороупида нас доставили в другое место, где мы взяли новых людей, привезших нас в другой маленький городок; там мы снова сменили лошадей и остановились на ночлег в городке, называемом Споравите. Это последнее место, куда мы прибыли по воде; ничего замечательного мы в нем не нашли.

На следующий день с самого раннего утра мы увидели несколько приготовленных для нас повозок; мы расселись в них и по суше стали продолжать наше путешествие. Сермодас взял меня вместе с де Нюи и Морисом в свою повозку, чтобы быть с нами вместе. Река осталась на западе, а мы двинулись прямо к югу, пересекая красивое открытое место, которое понемногу почти незаметно поднималось, приближаясь к горам. Равнина тянулась до самого подножия гор, отчего они и казались такими высокими и крутыми. По мере того как мы двигались вперед, во многих местах нам встречались красивые и живописные города с квадратными зданиями. К одиннадцати часам мы уже прибыли в город, называемый Спорагуэст; мы отдыхали там до двух часов дня, а затем продолжали наше путешествие до города Спорагундо, куда мы прибыли под вечер и где были приветливо встречены Асторбасом, губернатором города. Этот город, расположенный у подножья гор,— последний город страны Спорумб,— насчитывает четырнадцать квадратных зданий. Мы не нашли в нем ничего замечательного, кроме удивительных каналов, устроенных в различных местах для орошения страны, которая благодаря им и естественному плодородию почвы имеет самые прекрасные пастбища. По этим каналам при помощи различных перегородок, мостов и шлюзов большое количество воды подается далеко в глубь равнины. Эти сооружения настолько крепки и такой изумительной работы, что ничего подобного не могло быть создано в Европе и за пятьдесят тысяч ливров; однако все это было совершено искусством этого народа без денег, которых они нигде в своем государстве не применяют, считая их употребление вредным. Мы три дня пробыли в Спорагундо, отдыхая и осматривая местность, прежде чем направиться в Севарамб, расположенный по ту сторону гор. Наши проводники были столь любезны и вежливы, что совсем нас не торопили и дали нам возможность отдохнуть и развлечься. Во время нашего пребывания в Спорагундо, Асторбас пожелал нас развлечь охотой и рыбной ловлей. Он подвез нас на повозках до кипа-

рисового леса, тянувшегося на зáпад. Лес этот в большей своей части насажен аллеями, кроме того места, которое находится у самых гор, где растут разные беспорядочно насаженные деревья. Они очень часты и густы и приносят разные плоды, которыми питаются животные, похожие на барсука, но несколько больше его, имеющие очень нежное мясо. Они в большом количестве водятся в лесу, где никто не имеет права охотиться, кроме губернатора, у которого для этой цели имеются своры собак. Местные жители называют это животное *абруста*. Как только мы подъехали к лесу, мы сошли с повозок и вошли в аллеи, состоявшие, как я уже сказал, из кипарисов, самых высоких и густых, какие я когда-либо видел. Асторбас сказал, что иногда их срубали для корабельных мачт, и такие мачты были несравненно лучше, чем сосновые. Около Спорунда мы видели довольно хорошие кипарисы, но они были вдвое меньше этих, и дерево не было столь крепкое и плотное. Пока мы любовались красотой этих деревьев и их расположением, мы услыхали лай собак, нашедших дичь и гнавших ее к середине леса, где находилось широкое пространство, окруженное густой изгородью. Обычно в этом месте охотятся на абрустов, приходящих ведущими сюда тропинками, убежать же отсюда обратно они не могут, потому что со всех сторон это место загорожено, и таким образом можно беспрепятственно наблюдать их борьбу с собаками.

Мы быстро побежали к этому месту и встали на небольшой, расположенный посредине него холм, откуда очень хорошо было видно все вокруг. Мы не простояли там и восьми минут, как увидели, что бегут два абруста, преследуемые тридцатью собаками, гнавшимися за ними, но не осмеливавшимися к ним приблизиться; собаки в страхе бросались то в одну сторону, то в другую, как только абрусты поворачивались, чтобы броситься на них. Эти собаки очень ловки, и абрусты, жирные и тяжелые, редко их настигают; собаки настолько привыкли к этой охоте и так хорошо знают силы своего противника, что рискуют собой не больше, чем это необходимо для охоты. Они продолжали преследовать двух абрустов, заставив их обойти три или четыре раза вокруг холма, на котором мы стояли, пока бедные животные не выбились окончательно из сил. Это были самец и самка, которые, как нам сказали, никогда не расстаются. Прижавшись друг к другу, они в течение получаса защищались от всей своры собак, окружившей их и не дававшей им передышки. Изредка они набрасывались на собак, а затем снова становились рядом и защищались вме-

сте. Вдруг один из абрустов лег на живот, делая вид, что не может держаться на ногах, что дало смелость некоторым собакам приблизиться к нему, чтобы на него напасть; но он выбрал подходящий момент и, бросившись на близко подошедшую к нему собаку, схватил ее за заднюю ногу и сразу сломал ее зубами; затем он стал терзать собаку с величайшей яростью; я никогда не видел более злого и взбешенного животного. Это напугало всех остальных собак, они стали бояться близко подходить к абрустам и стали более осторожны. Это развлечение продолжалось уже достаточно долго, и собак отозвали, а вместо них привели двух больших животных, очень похожих на волков, но с более длинной, вьющейся, как у баранов, шерстью черного цвета. До того момента их держали на привязи, и как только их увидели абрусты, они от страха ощетинились и подняли ужасный вой, зная, с какими опасными врагами им придется бороться, и чувствуя приближение своей смерти. Оба эти животные, называемые *устабарами*, когда были спущены с привязи, будучи трусливыми, довольно медленно стали наступать на абрустов, и только описав несколько кругов, стремительно набросились на них. Те довольно долго защищались, но шерсть устабаров предохраняла их от укусов, так что после пятнадцатиминутного боя бедные абрусты от усталости и потери крови не могли больше держаться на ногах и были задушены устабарами. Таким образом, охота была закончена.

После этого развлечения Асторбас привез нас обратно в город, где угостил мясом убитых абрустов. Оно оказалось очень вкусным и очень питательным, похожим на мясо косули, которое едят в Европе.

На следующий день Асторбас пришел к нам, чтобы сказать, что после охоты он хочет развлечь нас рыбной ловлей, и просил нас быть готовыми, когда он за нами зайдет, что он и не преминул сделать. Около двух часов пополудни он зашел, чтобы отвести нас к большому огороженному стенами водоему, содержавшему большое количество воды, собирающейся с гор и расходящейся отсюда по нескольким каналам в различные места долины для орошения. Бассейн этот, овальной формы и не менее трех миль в окружности, находится недалеко от города, с восточной стороны, и содержит несметное количество рыбы. Мы спустились на воду в больших плоских лодках, крытых полотном, служащим защитою от жаркого солнца, которое вблизи гор сильно припекало. По краям этой лодки были устроены отверстия со вставленными в них длинными, согнутыми дугой жердя-

ми, на конце которых находились удочки и крючки с сырым мясом в виде приманки. Когда мы вышли на середину озера и приладили эти крючки, мы бросили якоря, чтобы остановить лодки. Вдруг мы увидели, как рыбы величиною почти с семгу стали выскакивать на два-три фута из воды, чтобы поймать мясо, надетое на крючки. Но эти рыбы очень сильны, и они так тянули за удилища и так глубоко наклоняли в воду жерди, что поломали бы их, если бы они не были сделаны из очень крепкого и очень гибкого дерева. После того как они долгое время бились, они наконец повисали на жерди и висели в воздухе более четверти часа, а затем умирали. Были и такие случаи, что на одну и ту же приманку бросались две-три рыбы и, отталкивая одна другую, мешали друг другу схватить ее; когда же им этого долго не удавалось сделать, то это еще больше занимало нас. Чешуя у них была синяя, и самые большие весили около семи-восьми фунтов. Мясо их плотное, очень нежное и такое же вкусное, как мясо лососевых форелей, которых ловят в Женевском озере. Меньше чем за два часа мы наловили около тридцати штук и получили необыкновенное удовольствие, хотя не без удивления смотрели, как в воздухе ловят рыбу, живущую в воде. Я спросил, как называется эта рыба, и мне ответили, что она называется на местном языке *фостила.*

После ловли фостилы мы с большой лодки пересели на маленькие, более легкие и более удобные для предполагаемого развлечения, которое не было, собственно, ни рыбной ловлей, ни охотой, но которое все же похоже на ту и на другую. В одной стороне бассейна, где более высокий берег, есть одно место, густо поросшее тростником, камышом и другими водяными растениями. Мы приблизились к этому месту, и когда оказались от него на расстоянии брошенного камня, то выпустили в воду двух животных, немногим больше кошки и похожих на выдру, но только с серовато-белой шерстью, так что в воде их почти не было видно, потому что цвет их почти не отличается от цвета воды. Они называются *саспема,* и, когда становятся совсем ручными, их употребляют для ловли особого рода уток, или водяных курочек, называемых *эбуста,* которые, обладая очень короткими крыльями и жирным телом, не могут далеко летать.

Очутившись в воде, оба саспема поплыли с невероятной быстротой к камышам, из которых они выгнали сразу же десять или двенадцать эбуст. Каждый стал преследовать свою птицу, и мы получили необыкновенное удовольствие, видя, как эти птицы спасаются, то полулетая, то ныряя в воду, а затем прячась в камышах, чтобы укрыться от преследований врагов, которые

неотступно плавали за ними и не давали им передышки. Наконец, после многих увертoк, эбусты так устали, что почти не могли двигаться, тогда саспемы их схватили за шею и еще живыми принесли в лодку тем, которые их спустили в воду, заботились о них и их кормили. После того как были пойманы эти эбусты, Асторбас хотел наловить их еще больше, но Сермодас не пожелал, сказав, что на этот раз достаточно, после чего мы вернулись в город, весьма довольные этим приятным развлечением.

На следующий день мы покинули Спорагундо и пешком шли до гор, пока не попали в узкую долину, лежащую между двух крутых скал и расположенную в одной миле от города. При входе в эту долину Сермодас сказал нам, что через ад поведет нас в рай. Я спросил его, что он хочет этим сказать. Он ответил, что есть два пути, ведущие в этот рай: путь неба и путь ада, причем последний короче и удобнее, в чем мы убедимся на опыте. Этот разговор расстроил нас и, дойдя до слуха наших женщин, испугал и удивил их. Мы шли, боясь просить объяснений у Сермодаса, видя, что на наши первые вопросы он ответил лишь улыбкой и предложил испытать на опыте.

Когда мы углубились в ущелье, мы пришли к месту, откуда была видна высеченная в скале дорога. Надо было подняться на пять-шесть ступеней, за которыми шла ровная дорога до нового выступа, где оказались еще ступени, и т. д.

Таким образом, мы поднимались с этажа на этаж пять раз, а затем оказались у подножья большой отвесной скалы, посредине которой увидели очень темную пещеру, ведущую, как нам сказал Сермодас, в рай, о котором он нам говорил; сюда наши вещи были уже подняты на санях. В то же время он обратил наше внимание на то, что слева от пути, по которому мы шли, была гладкая тропинка без ступеней, по которой могли скользить сани, подтягиваемые кверху на толстых веревках при помощи особых колес, которые крутили люди. Когда мы поднялись ко входу в пещеру, то увидели, что по обе стороны ее находилось по дому, откуда были вынесены факелы, чтобы освещать нам путь в темноте, и плащи из клеенок на подкладке из бумажной материи, чтобы защитить нас от холода и сырости. При входе в пещеру мы нашли длинные сани, приготовленные для беременных женщин и для тех, кто не мог идти, причем нам сказали, что в пещере приготовлено еще несколько саней для той же цели. Все это привело нас в изумление, однако мы все решили твердо идти туда, куда нас поведут, доверившись воле судьбы. Но женщины наши принялись рыдать, как будто бы их вели на казнь. Сермодас был сильно удивлен этим. Я спросил о причине их

слез, но никто из наших мужчин не смог мне ответить. Это заставило меня самого к ним подойти и спросить о том, каковы причины их горя. Тогда они подняли руки к небу, били себя в грудь и стали говорить, что всех нас ждет гибель после того, как мы спаслись от бури и волн, от ужасов пустыни, где могли умереть от голода и жажды, что наша участь весьма печальна: после того как нам показали места, где мы наслаждались видимым счастьем, нас привели туда, откуда до часа нашей смерти мы попадем в ад, и что все то добро, которое мы видели, делалось лишь для того, чтобы нас легче заманить к месту, предназначенному для наших мучений. Последовавший за мною Сермодас, услышав их жалобы, обратился ко мне.

— Я вижу,— сказал он, бросив на женщин взгляд, в котором, кроме жалости, сквозило желание посмеяться над их заблуждением,— что плач и стенания этих несчастных женщин происходят от их воображения, в чем легко их будет разубедить; я очень огорчен, что у них сложилось мнение, причиняющее им столько горя и столь удивляющее меня. Я в некотором роде пошутил, когда сказал вам, что хотел провести вас в рай через ад, и так как я не пожелал давать объяснения по этому поводу и отвечать на вопросы, которые вы мне задавали, эти бедные женщины, увидев пещеру, куда мы должны войти, без сомнения, вообразили, что я говорил серьезно и что мы собираемся вас низвергнуть в ад. Но, желая успокоить их, я хочу разъяснить эту загадку и расскажу им, что ад — это не что иное, как эта пещера, которую мы устроили для удобства прохода сквозь гору. И если мы не пойдем этим путем, то нам придется сделать большой крюк и подниматься на вершину горы. Это то, что я назвал путем неба, в то время как этот подземный ход назвал путем ада. Вот в нескольких словах объяснение загадки. К тому же если и есть опасность, то я ей буду подвергаться так же, как и вы, и для вашего большего удовлетворения я не хочу, чтобы вы все вместе подвергались этой опасности: пошлите со мной только несколько человек из ваших, которые, пройдя пещеру, смогут вернуться обратно и рассказать вашим людям, что они видели.

Эта речь, которую я повторил нашим крикуньям, успокоила их страхи, и мы, извинившись за них перед Сермодасом, обратились к нему с просьбой простить им слабость их пола и не приписывать их вины нам. Мы получили столько доказательств доброты его начальников и его доброты в особенности, что не могли в ней сомневаться, не могли опасаться чего-либо плохого со стороны тех, кому мы были обязаны жизнью и всем тем, что мы имели.

— Я прощаю им от чистого сердца,— ответил он,— но я стою за то, что сказал, я не хочу, чтобы более десяти человек из ваших прошли через этот воображаемый ад, и хочу, чтобы остальные послушали описание всех увиденных ими ужасов. Так что не будем больше спорить, я вас прошу выбрать тех, кого вы захотите послать со мною в подземелье.

Увидев, что Сермодас решил не отступать от своего слова, я взял с собою Ван де Нюи, Мориса, Стюара и еще нескольких своих офицеров для того, чтобы сопровождать его. Итак, завернувшись в плащи, мы последовали за факелами, зажженными для освещения пещеры. Она была высечена в скале в форме свода и внизу могла быть шириною около пяти туазов, а вверху — до трех с половиной. Левая половина пещеры не имела ступеней, и по ней тащили сани, а правая половина состояла из нескольких соединенных друг с другом этажей, к которым легко можно было подниматься по ступенькам. Всего было двадцать шесть этажей. Когда мы почти дошли до противоположного конца и до выхода оставалось около мили, Сермодас сказал нам, что пещера создана природой и что их усилиями лишь облегчен подъем и расширены те места, где она суживалась. И действительно, мы заметили, что пещера как с той, так и с другой стороны не была одинакова, она местами сильно расширялась, и виднелись сверкавшие, как хрусталь, сталактиты, образовавшиеся из породы соли, выделявшейся по каплям из горы и затем превратившейся в камень, приняв причудливые формы. В этом месте было холоднее и более сыро. Мы признали, что плащи были нам весьма полезны при этом переходе. Кроме того, мы заметили, что там, где пещера была естественной, она не была такая прямая и имела больше поворотов, чем там, где она была создана руками людей. В двухстах шагах от выхода она сильно расширялась, и тут Сермодас показал нам большие сосуды — глиняные, металлические и стеклянные,— наполненные различными веществами, применяемыми в медицине, которые изготовлялись здесь, потому что место было холодное и сырое. Отсюда мы двинулись дальше и наконец достигли выхода из пещеры, имевшей в длину мили три, и сразу же вышли на очень красивую улицу первого города Севарамба, называемого Севарагоундо. Он расположен посреди длинной долины, покрытой прекрасными лугами, и начинается тут же у подножья горы, где находится выход из пещеры, так что, как только выходишь из подземелья, сразу же попадаешь в город.

Губернатор по имени Комустас, который встретил нас при выходе, как только мы вступили на землю Севарамба, выразил

радость по поводу нашего прибытия и повел в большой квадратный дом такого же вида, как и в Спорумбе. Комустас был смуглый, высокого роста человек лет сорока, имевший очень приятную внешность. Он осведомился, где остальные наши люди. Сермодас рассказал ему о том, что случилось при входе в пещеру, о паническом ужасе наших женщин, не понявших смысла его шутки; мы с удовольствием провели с ним остаток дня. Это приключение рассмешило его, но вместе с тем, сказал он, ему очень приятно, что ошибка наших женщин доставила ему удовольствие принять нас у себя, и он постарается сделать это как можно лучше, а в ожидании, пока он пойдет дать распоряжения, касающиеся нашего приема и приема наших людей, он просил нас освежиться и немного отдохнуть. Некоторое время спустя он вернулся и предложил нам пообедать, что мы и сделали. После обеда мы послали Стюара и де Хаэса к нашим людям, чтобы привести их в Севарагоундо, то есть к воротам или входу в Севарамб. *Гоундо* на их языке означает дверь или вход, и поэтому город, здесь расположенный, так и называется, а город, находящийся на противоположной стороне,— Спорагоундо, то есть ворота или вход Спорумба.

После обеда Комустас повел нас гулять в небольшую рощу, расположенную у нижней части города, где протекает быстрая, как поток, речка, которая течет с запада на восток и с шумом устремляется через многочисленные скалы, образуя красивый водопад. Из этой рощи видны были очень высокие горы с растущими на них высокими соснами. Во многих местах долины мы тоже видели деревья, но не знали, какие они. Мы попали туда в хорошую пору: эти зеленые деревья и протекающая в долине река создавали очень приятную свежесть. Комустас сказал нам, что если у нас есть время погостить у них, то он может развлечь нас охотой на медведей, называемых на их языке *сомуга,* которых много водится в этих лесах, а также и на других животных, совсем белых, по породе приближающихся к медведю, называемых ими *эрганта.* Но Сермодас, поблагодарив его, сказал, что мы можем остаться только до завтра, и просил его все приготовить к нашему отъезду.

— Ну, что же,— сказал он,— если у вас нет времени, чтобы посмотреть охоту, по крайней мере, вы можете увидеть рыбную ловлю в ожидании прихода ваших людей.

Сермодас ответил ему, что это очень приятное развлечение и он с удовольствием примет в нем участие. Комустас дал распоряжение и повел нас на полмили вверх от города, в то место, где река образует водопад, о котором мы говорили. Тут находят-

ся скалы, преграждающие ее течение, от этого вода подымается и образует нечто вроде озера, по которому можно плавать на лодках. Их оказалось там четыре или пять. Усевшись в одну из них с губернатором, мы стали смотреть, как ловят небольшую нежную рыбу, похожую на европейскую форель, но еще более плотную и еще более вкусную. Ее ловят при помощи бакланов, которым перевязывают шею, чтобы они не проглатывали рыбу. Их спускают с привязи, и эти птицы, поймав свою добычу, приносят ее в лодку. У нас их было три, и они в течение часа наловили более пятнадцати фунтов рыбы. После рыбной ловли мы вернулись в город, где застали всех наших людей, которые были в восторге, что так дешево отделались от ада. Комустас разместил их, и таким образом мы мирно провели ночь в Севарагоундо. Мы рассчитывали уехать рано утром, но ко мне пришли и сообщили, что у одной из наших беременных женщин, которая сильно перепугалась при виде так называемого ада, наступили преждевременные роды и она находится при смерти. Я предупредил об этом Сермодаса, но он ответил мне, что это не может задержать нашего путешествия. Ее оставят с кем-нибудь из наших людей в Севарагоундо, где она ни в чем не будет испытывать недостатка, а Комустас позаботится о том, чтобы ее отправить к нам, когда она поправится, или о похоронах, если она умрет. После этого приказа мы сели в приготовленные для нашего путешествия повозки и поехали вдоль реки вверх по долине до селения, состоящего всего из четырех квадратных зданий, носящего название Диэнесте, где мы сменили лошадей и отдыхали с одиннадцати до двух часов. Это селение расположено в пятнадцати милях от Севарагоундо, на той же реке и в той же долине; здесь есть еще одна долина, примыкающая к тому месту, где находится это селение,— именно туда лежал наш путь, и к двум часам мы сели в повозки и проехали десять или одиннадцать миль по этой новой долине, которая очень живописна и плодородна. Мы встретили там невероятное количество стад. Наконец мы подъехали к подножию горы, где кончается долина; здесь оказался городок, состоящий из четырех квадратных строений, называемый Диэмеке, где мы и заночевали. Гора, к которой примыкает эта долина, не очень высока, имеет почти гладкую поверхность лишь с небольшими холмами, но с двух сторон она окаймлена скалами, очень крутыми и почти недоступными. Никакой дороги мы не видели и не могли понять, как можно на нее взобраться. Но спросить об этом у Сермодаса мы даже и не смели из опасения, что наше любопытство он снова примет за подозрение. На следующий день Сермодас спросил у меня, будем

ли мы испытывать тот же страх при подъеме на небо, какой был проявлен при спуске в ад, и просил меня узнать об этом у наших женщин. Они же, признавая неосновательность своих первых страхов, после наших увещаний следовать за нами всюду без сопротивления и без тревоги, ответили, что пойдут за Сермодасом туда, куда он их поведет. Этот ответ заставил его улыбнуться, и он сказал, что раз мы так думаем, то он поведет нас на вершину горы дорогою, которая, быть может, нас удивит, но опасности никакой не представляет, причем он пойдет первым. После этого он вывел нас из ворот в длинной стене, тянущейся с одного конца долины до другого и находящейся у самого подножия горы. За этой стеной мы увидели несколько больших саней, привязанных к толстым канатам, спускавшимся с вершины горы, где, как нам сказали, они были закреплены. Каждые сани вмещали по двадцати человек, и края их были обиты досками соразмерной высоты, в особенности сзади, где были устроены сиденья и находились веревки, за которые можно было держаться. Сермодас сказал мне, чтобы я выбрал тех, кого я захочу взять с собой в его сани. Не успел я это сделать, как он сел в сани и, показав пример, предложил нам сделать то же самое. Как только мы уселись, заднюю половину саней прикрыли толстым полотном, поверх которого пустили веревки и привязали их к краям саней, так что опасность падения для нас была совершенно исключена. Когда это было сделано, дали свисток и дернули тонкую веревку, протянутую к вершине горы, и мы почувствовали, что сани стали потихоньку подниматься. Когда мы поднялись до середины горы, то увидели в отверстия, сделанные по бокам саней, другие сани, такие же, как наши, которые спускались вниз и своею тяжестью поднимали наши. Эти вторые сани были привязаны к другому концу того же каната, скользившего по вертящейся оси, прочно укрепленной на вершине горы. Этим способом мы легко совершили подъем без помощи людей или лошадей, а только лишь силой тяжести, большей, чем наша, которая, опускаясь, поднимала нас. Когда сани, в которых мы поднимались, остановились, мы остались тут же, чтобы посмотреть, как будут подниматься другие; они так же благополучно и без всяких злоключений поднялись наверх. Тем временем на вершине горы нам были приготовлены повозки, в которых мы очень быстро пересекли равнину, миль в двенадцать длиною, до противоположной стороны горы. Эта равнина представляет собой пастбище, где пасутся бесчисленные стада, находящиеся там в течение восьми месяцев в году, а затем перегоняемые вниз в окрестные долины, потому что равнина в это время года из-за

снега делается необитаемой. Поэтому здесь не было ни городов, ни сел, а только несколько маленьких деревушек и несколько домов, построенных для удобства пастухов. На местном языке эта равнина называется *омбеласпо*. По ту сторону ее мы увидели сани, такие же, как те, в которых мы поднимались, и мы ими воспользовались, чтобы тем же способом спуститься в круглую долину, которая носит латинское название Convallis, где мы увидели город в десять квадратных домов под названием Омбелинд. Нас очень приветливо встретил Семудас, губернатор города. Мы там переночевали, и нас принимали так же, как и всюду. Ничего необыкновенного мы там не заметили, кроме того, что мужчины были лучше сложены, а женщины белее и красивее тех, которых мы видели раньше.

Семудас сказал нам, что на нашем пути мы увидим армию, которая раскинула лагерь у подножия горы в начале долины, где она уже пробыла десять дней и пробудет еще некоторое время. Он также рассказал нам о случае, происшедшем с одним офицером, настолько пренебрегшим своими обязанностями, что его захватили врасплох на выгодной позиции, которую ему надлежало охранять, а позицией завладела часть его врагов. Это наделало в армии много шума, и он думал, что этого офицера должны наказать, в пример другим, хотя его многочисленные друзья хлопочут за него, а своим прошлым поведением он стяжал себе доброе имя.

На следующий день рано утром мы выехали из Омбелинда, расположившись на верблюдах: на каждом из них умещалось по пяти человек в особых корзинах, в которых были устроены сиденья. На этих животных очень удобно и безопасно мы были доставлены к подножью горы окольным путем, пересекавшим большую долину, где мы увидели реку, достаточно глубокую, чтобы быть судоходной, если бы не пороги и не слишком быстрое течение. У подножья горы мы нашли город в шесть квадратных домов под названием Аркропс; он находится в шести милях от Омбелинда, и там оказались повозки, которые нас отвезли к месту ночлега, расположенному в тринадцати милях оттуда. Отдохнув, мы сели в повозки и поехали по долине вдоль реки. Наконец мы прибыли в город, называемый Аркропсинд, где на следующий день мы должны были погрузиться в лодки, чтобы пройти водою остальной путь до Севаринда. Этот город расположен в начале широкой долины при слиянии двух рек, так же как и Спорунд. С двух сторон его окружают высокие, покрытые лесом горы, а вдоль одной из сливающихся рек лежит живописная равнина, на которой виднеется город и какие-то строения. Пер-

вая из рек, которые мы увидели, гораздо меньше другой и впадает в нее в том месте, где расположен город, протекая с востока на запад. Другая же, наоборот, медленно течет с запада на восток, а когда они сливаются, то течение их идет на юго-запад, образуя большую судоходную реку, называемую Севаринго, в которую впадают три или четыре больших реки до того места, где расположен Севаринд. Бразиндас, губернатор Аркропсинда, почтенный и важный старец, в сопровождении нескольких наиболее видных людей города вышел нас встретить к воротам и провел нас в большое квадратное здание, где мы должны были остановиться. Мы думали выехать на следующий день, но два соображения этому воспрепятствовали. Первым был сильный дождь, ливший всю ночь, от которого так вздулась река, что было рискованно пуститься в путь, не подвергая себя большой опасности. Вторым соображением было желание посмотреть армию, находившуюся лишь в трех милях от Аркропсинда. Нам также было интересно посмотреть и город, который очень красив и почти такой же большой, как Спорунд. Все эти причины заставили Сермодаса дать нам несколько дней отдыха в Аркропсинде, где, как утверждали Бразиндас и его приближенные, им будет очень приятно задержать нас на некоторое время.

Тем временем снова наступила хорошая погода, и на следующий день Сермодас пожелал погулять со мною в саду губернатора, который мне очень понравился: там было много прекрасных аллей, красивые, покрытые цветами клумбы и различные бассейны с необыкновенными фонтанами.

— Какова страна и нравится ли она вам? — спросил он меня. Я ему ответил, что я в восторге и что трудно было бы найти более красивые места.— Ну, что же,— сказал он,— я очень доволен, что вам понравилось, но до Севаринда вы увидите еще много интересного, и вам еще более понравится за пределами этого большого города. Нам пришлось выбрать более длинную дорогу, но ехать другим, более коротким, путем мы не могли, потому что некоторые горные проходы очень узки и повозки не могут пройти, там надо идти пешком или ехать верхом на лошади, а кроме того, этот путь не столь приятен, как тот, которым мы следовали, и в нем отсутствует удобство реки. Та река, которую вы видите на западе, течет издалека,— продолжал он,— она не быстрая и глубокая, она же омывает остров, на котором расположен город Севаринд. Вы видите только начало прекрасной страны, по берегам реки вы увидите живописные поля, города и постройки вместо гор и скал, находившихся на вашем пути с момента отбытия из Севарагоундо, а когда вы познако-

митесь с чудесами Севаринда, вы признаете, что я вас привел в земной рай через ад, которого так испугались ваши женщины.

Заметив, что Сермодас в таком хорошем настроении, я осмелился задать ему несколько вопросов относительно виденных мною вещей, для меня непонятных. Первым моим вопросом было — почему имена всех тех, с которыми мы встречались, оканчивались на «ас». Он ответил, что это окончание является признаком звания и дается лишь лицам, занимающим почетные должности, и, кроме того, есть еще один признак звания, который дается лишь одному вице-королю Солнца,— это начало имени Севариаса, их законодателя, что я мог заметить также и в имени тогдашнего вице-короля, которого звали Севармиас. Затем он добавил, что с начальных букв этого имени начинались названия всех значительных мест, например, всей страны до гор, которая называлась Севарамб, и столицы, называемой Севаринд. Все это делалось в честь великого Севариаса, до которого страна называлась Струкарамбе, а жители струкарамбами.

— Когда вы выучите наш язык,— добавил он,— вы узнаете всю правду о рассказанном мною, прочтя историю Севариаса и его преемников, которая вам должна показаться очень интересной и полной доблестных примеров.

Я еще попросил его сказать мне, каким образом была прорыта гора около Севарагоундо и сколько стоили эти работы. Он ответил, что работа эта стоила только труда по прорытию горы и что предки их работали десять лет: занято было четыре тысячи рабочих, которые работали ночью и днем посменно, кроме торжественных праздников; большая общественная польза, выражавшаяся в сокращении пути в Спорунд, была главнейшей причиной, побудившей их предпринять эти работы, к тому же и сама природа способствовала им, так как под горою ими была найдена длинная пещера.

— Эта работа,— продолжал он,— была трудна, но для нашего народа нет ничего невозможного из того, с чем могут справиться люди. У нас частным лицам ничего не принадлежит, все принадлежит обществу, которое распоряжается всем и осуществляет все большие мероприятия без золота и денег. Вы увидите работы, еще более значительные, чем все то, что вы уже видели, и я думаю, что вы будете не менее удивлены. Но когда вы изучите наш государственный строй, что не представляет труда, вы перестанете удивляться, а будете восхищаться высокими достоинствами и несравненной мудростью великого Севариаса, являющегося творцом и, после бога, источником нашего благосостояния.

Затем он рассказал мне еще о некоторых особенностях законов, правов и обычаев севарамбов, о которых я буду говорить позднее. Я поблагодарил его за любезные объяснения и попросил объяснить мне одну вещь, которая меня удивляла и которую я никак не мог понять: где он научился говорить по-голландски и отчего их обычаи столь мало отличаются от обычаев европейских народов.

— Вы мне задавали уже этот вопрос в Спорумбе,— ответил Сермодас,— но, недостаточно зная вас и к тому же имея причины умолчать о том, что вам хотелось знать, я не захотел вам объяснять, а сейчас я это с удовольствием сделаю. Так знайте, что я бывал на вашем материке, и, прожив несколько лет в Персии, я переодетым, под видом перса побывал в Индии. Я побывал при дворе Великого Могола, оттуда поехал в Батавию и другие голландские колонии, где пробыл довольно долго, чтобы изучить язык. Я хорошо говорил по-персидски еще до отъезда из Севаринда, где этот язык широко преподается. Со мною вместе были два товарища, которые еще живы и будут очень рады побеседовать с вами и с вашими людьми, и, несомненно, готовы будут оказать вам все те услуги, какие смогут, когда вы приедете в великий город, где живут они, как и я. Я ведь не живу в Спорунде, как вам могло показаться, хотя там часто бываю. Будучи в Спорунде, когда Каршида и Беноскар привели Мориса и его товарищей, я был избран Альбикормасом, чтобы поехать за вами в ваш лагерь, а затем я получил приказание доставить вас в Севаринд. Что же касается замеченного вами сходства нравов и обычаев с нравами и обычаями народов вашего материка и иностранных языков, на которых мы говорим, то вы перестанете удивляться, если я скажу, что Севариас, наш первый законодатель, по своему рождению и происхождению был персидским вельможей. Он побывал во многих местах Азии и Европы, с самого раннего детства был обучен греческому языку и многим наукам учителем-венецианцем Джованни, сопровождавшим его в эту страну и оставившим после себя потомство, сильно увеличившееся после его смерти. Этот Джованни был неразлучным спутником Севариаса во всех его путешествиях, его верным советником во всех мероприятиях, и в особенности при установлении законов и нравов, которые они нашли наилучшими. Для этой цели как из древних, так и из новых книг, из наблюдений, сделанных ими во время путешествий, и из своих собственных познаний они извлекли те законы и правила праведной жизни, которые и установили среди нас. Но ни один человек в мире, даже самый мудрый и просвещенный, не может преду-

смотреть далекого будущего и не может сам обо всем позаботиться; великий Севариас, признавая эту истину, установил закон, которым он разрешил своим преемникам и даже приказывал им после его смерти издавать такие же приказы и правила, которые они найдут необходимыми для продолжения счастья и славы нации. Между прочим, он советовал им соблюдать простоту нравов и приказал не вступать в сношения с народами другого материка из опасения, что своими пороками те заразят также и севарамбов. Однако среди порочных людей часто встречаются люди с большими способностями или к политике, или к наукам, или же к искусству, и Севариас находил неправильным, избегая их пороков, пренебрегать их достоинствами и оставлять без внимания хорошие примеры и полезные изобретения, которые можно позаимствовать у китайцев и у других народов вашего материка. Поэтому он распорядился, чтобы было введено широкое преподавание персидского языка, и время от времени в Персию посылались люди, уже хорошо изучившие язык, а оттуда они могли ехать путешествовать по другим странам и отмечать все значительное для того, чтобы из этих наблюдений можно было извлечь все ценное и полезное для применения среди нашего народа. Это выполнялось всегда — с самого начала существования государства и до нашего времени. И таким образом, при помощи людей, которых мы посылаем в Азию и Европу под видом и в одежде персов, мы время от времени узнаем все, что происходит среди наиболее известных наций вашего континента, знакомимся с их языками и пользуемся всеми познаниями в науках, искусстве и обычаях, которые, по нашему мнению, могут способствовать благосостоянию нашего государства. Вот в нескольких словах то, что я счел нужным сказать, чтобы удовлетворить вас и умерить ваше удивление.

После этого разговора Сермодас сказал мне, что на следующий день он нам покажет армию, которая весьма достойна нашей любознательности. На следующий день Бразиндас послал предупредить нас, чтобы мы приготовились сопровождать его в лагерь. Немного спустя он явился сам и повел нас с собой завтракать. Он сказал мне, чтобы я послал за теми из своих офицеров, которых я пожелаю взять с собой, чтобы показать им армию, и просил сообщить ему число их, чтобы он мог заказать такое же количество лошадей и *банделисов*. Он добавил, чтобы я не беспокоился о верховых животных, потому что у него уже было наготове более ста и, если понадобится, в течение часа он сможет достать в три раза больше.

Он сказал это с гордым видом, ибо доказывал, помимо богатства страны, и свой авторитет, который и так чувствовался во всем.

Действительно, нет монарха с более неограниченной властью, чем губернаторы всех городов этой страны, где все общественное достояние и общественные интересы вверены им и где их приказания точно исполняются, если они соответствуют установленным законам. Как только Бразиндас окончил говорить, я послал Мориса предупредить всех моих офицеров, которые не замедлили явиться и были отведены завтракать в другую комнату. Затем мы спустились во двор, где мы увидели повозку, запряженную шестью большими воронымн лошадьми, несколько верховых лошадей и столько же банделисов. Банделис — это животное, несколько большее и более сильное, чем олень, туловище его отличается от оленя немногим, голова же его очень похожа на голову козы, у него небольшие белые прозрачные рога, между которыми растет большой пук черной шерсти, короткой и вьющейся, гривы у него нет, а хвост маленький, короткий и густой, шерсть у животного очень короткая и блестящая, как у выхоленной лошади. Банделисы бывают разных мастей, питаются они травой, сеном, листьями, зерном и различными кореньями, которыми их кормят. Копыта банделисов похожи на копыта мула, и подковывают их так же, как у нас лошадей, во многом им уступающих по быстроте и ловкости. На них падевают седло и род уздечки без удил, вместо которых на нос падевается зубчатая железка, причиняющая им боль, когда дергают за поводья, и заставляющая их прежде всего останавливаться. Это животное очень тихое, и с ним обращаться нетрудно.

Бразиндас посадил Сермодаса, Ван де Нюи и меня в свою повозку, а наши люди расселись па лошадей и банделисов, и мы все вместе двинулись в лагерь вдоль реки и постепенно снижающихся по мере приближения к равнине гор, у подножья которых мы увидели армию, расположившуюся на берегу стекавшего с гор ручья, который, огибая лагерь, впадал в реку. Когда мы подъехали, солдаты как раз начали готовиться к бою, и с необыкновенной быстротой, менее чем через час, вся армия была под ружьем. Она вытянулась в одну линию и насчитывала около двенадцати тысяч человек, я не смею сказать мужчин, потому что женщины составляли более трети ее. Но это были воинственные женщины, они все были вооружены и в строевом ученье отличались такой ловкостью и занимались своим делом с такой охотой, как ни один мужчина, и притом выполняли свои обязанности с большой точностью. Были тут и пешие и конные, треть

армии составляла кавалерия, состоящая большею частью из женщин. Вся армия была разделена на три части, державшиеся особняком и имевшие три отдельных лагеря, отделенных один от другого забором. Женатые мужчины занимали со своими женами средний лагерь, девушки — левый, а холостые мужчины — правый. Тот же порядок сохранялся и в строю, когда они находились под ружьем. Я уже говорил, что, согласно законам севарамбов, все девушки должны были выходить замуж по достижении ими восемнадцатилетнего возраста, а юноши женились, достигнув двадцати одного года. Отсюда легко можно судить, что левое крыло армии состояло из девушек, находившихся в цвете лет и красоты. Так что не думаю, чтобы могло быть более прелестное зрелище, чем эта цветущая молодежь, которая, помимо красоты, присущей этой нации, обладала необыкновенной ловкостью и грацией в обращении с оружием, в чем она упражнялась с семилетнего возраста. Девушки-кавалеристки сидели верхом на банделисах и были вооружены лишь пистолетами и шпагами. На них были надеты каски, украшенные перьями с султаном посредине, что придавало им гордый вид и новый блеск их красоте. Они были в легких латах из жести или же светлой меди, а от пояса почти до колен было надето нечто вроде разрезанной спереди и сзади юбки, прикрывавшей штаны и позволявшей видеть их ноги, обутые в короткие, доходившие до колен сапоги. Пешие были вооружены копьями и луками, это были более сильные, более крепкие и даже менее молодые женщины, чем те, которые были верхом. Копейщицы были одеты так же, как кавалеристки, но только без сапог, и вместо двух пистолетов у них был лишь один, подвешенный к поясу повыше шпаги. Женщины, стрелки из лука, не имели ни касок, ни лат, они были в зеленых шапках и в длинной одежде того же цвета, представлявшей собой род тоги, которую они подбирали и подвязывали поясом, так что видны были их штаны и обувь того же цвета. Вооружены они были луками и колчанами, наполненными стрелами, сбоку висела шпага, а на поясе был пистолет, как и у копейщиц. Девушек-пехотинок было всего два полка и столько же кавалеристок.

Юноши были верхом на больших лошадях, они были в железных касках и латах, как и у нас в Европе, и вооружены короткими мушкетами, пистолетами и саблями, совсем как наша кавалерия, сапоги их также ничем не отличались от наших. Был один эскадрон, вооруженный пиками и круглыми щитами, который, будучи введен в действие, под прикрытием своих щитов разбивал кавалерию или инфантерию противника,

выводя их из строя стремительностью нападения. Они сидели верхом на самых сильных лошадях, и позади каждого из них сидел пехотинец, вооруженный только шпагой и пистолетом; он легко садился на круп лошади своего наездника и так же легко мог соскочить, когда это было необходимо. Пехота состояла из копьеносцев, воинов с алебардами, мушкетеров и, кроме того, воинов с луками, вооруженных почти так же, как и женщины. Женатые люди разделялись также на пехоту и кавалерию и вооружены были так же, как и остальные, а отличались они по возрасту и цвету одежды: мужчины были верхом на лошадях, а их жены рядом с ними на банделисах. Точно так же было и в пехоте.

Каждый полк имел флаги и знамена, похожие на наши. Барабаны, трубы, литавры, корнеты, флейты и гобои задавали воинственные концерты, способные воодушевить самых нерешительных. Как только армия пришла в боевой порядок, Сальбронтас, ее генерал, в сопровождении нескольких офицеров приблизился к Бразиндасу, чтобы приветствовать его, то же он сделал и в отношении Сермодаса, и, поговорив с ним, они подъехали к нам. Генерал, приветствовав всех наших легким поклоном, направился ко мне, как бы желая со мной поговорить. Сермодас подал мне знак, чтобы я двинулся ему навстречу. Так я и сделал. Я поклонился ему до луки седла своей лошади: мы все, сойдя с повозки, сели верхом на лошадей. Он сказал мне сначала по-испански, что он узнал, что я начальник иностранцев, потерпевших крушение у берегов Спорумба, и что он о нас уже слышал и в особенности обо мне. Ему известно, что я бывал на войне, и отчасти поэтому, а также из-за похвал, расточаемых мне Сермодасом, он уже почувствовал ко мне большое уважение, и ему было бы очень приятно, если бы я узнал порядки их армии и потом высказал ему свое мнение. Поэтому он и просит, чтобы я поехал рядом с ним, по его левую сторону. Одновременно он просил Бразиндаса и Сермодаса сопровождать его с правой стороны и провел нас вдоль строя, показав нам все то, о чем я уже говорил. Затем он сказал мне, что он провел семь или восемь лет в путешествии по нашему материку, видел в Европе несколько армий и что большая часть порядков в их армии вела свое происхождение оттуда.

Все войско приветствовало своего генерала, пока он ехал от одного конца фронта до другого, и когда мы находились как раз около боевого корпуса, один батальон вдруг раздвинулся, чтобы дать место десяти артиллерийским орудиям, из

которых в виде приветствия был дан залп. Мушкетеры, в свою очередь, сделали то же самое. После этого войска разделились пополам и выстроились на два фронта, образуя как бы две враждебные друг другу армии. Тогда начались маневры, и с большим искусством, пылом и точностью была разыграна мнимая битва. Из огнестрельного оружия стреляли только порохом, копья, алебарды и пики слегка лишь сталкивались, а воины с луками выпускали стрелы в воздух.

Я осведомился у Сальбронтаса, почему они употребляли стрелы и копья, от которых мы в Европе отказались как от малополезной вещи.

— Вы отказались от их употребления,— ответил он,— скорее из прихоти, чем из здравого смысла, потому что, если бы вы внимательно взвесили, вы продолжали бы их применять если не целиком, то частично, как это сделали мы. Мы пользуемся стрелами, чтобы в самом начале битвы внести беспорядок в ряды кавалерии, и копьями — чтобы окончательно вывести ее из строя, после того как нашими воинами с луками внесено замешательство. За время двух мушкетных выстрелов можно выпустить десять стрел, причем они не убивают лошадей, а только ранят и раздражают их так сильно, что делается невозможно их удержать в строю. Нужно лишь некоторое количество раненых лошадей, чтобы привести в беспорядок целый эскадрон, и вот тогда наши копья совершают чудеса, расстраивая окончательно его ряды и заканчивая то, что стрелы сделали лишь наполовину.

Он мне еще много говорил по этому поводу, что заставило меня преклониться перед его здравым смыслом. Как только окончились маневры, на середину между двумя фронтами вывели трех юношей, которых застали в лагере девушек, куда они отправились ночью, чтобы повидаться со своими возлюбленными; они уже перешли заграждение, когда их поймали. Они так и не назвали имен девушек, к которым они шли, хотя было сделано все возможное, чтобы заставить их говорить, и пожелали одни подвергнуться наказанию, накладываемому дисциплиною за такого рода проступки, не вмешивая своих возлюбленных, которые понесли бы то же наказание, если бы их удалось обнаружить. Они были безоружны, босиком и с непокрытой головой и прошли так между двумя фронтами. Все девушки как из кавалерии, так и из пехоты, отделившись от остальной армии, образовали два длинных ряда, держа в руках длинные пруты. Преступники должны были пройти между ними, и каждая из девушек ударяла их; ударить больше одного

раза им не разрешалось, но и этого было бы достаточно, чтобы причинить сильную боль бедным любовникам, если бы каждая из них ударила сильно, но большинство било так слабо, что было видно, что они совсем не были так разгневаны, как делали вид вначале. Офицеры, обвиненные в том, что не исполняли свой долг, наказаны не были, потому что обвинение было непроверенное, и к тому же они обратились за помилованием к Севармпасу.

После этой экзекуции Сальбронтас повел нас в лагерь, показал свою палатку, большую и красивую, а также и все остальные, а затем пригласил нас на обед, который был дан в крытом павильоне около его палатки. Мы пробыли в лагере до вечера, знакомясь с соблюдаемым там образцовым порядком и в особенности любуясь миловидностью и красотою севариндов и севариндок, из которых состояла почти вся армия. К вечеру мы простились с Сальбронтасом, который сказал, что повидается со мной в Севаринде, где он будет более свободен, и вернулись обратно в город, куда прибыли до наступления ночи и где успели еще посмотреть окончание общественных торжеств. В этот день был торжественный праздник по случаю полнолуния. Во всем государстве севарамбов справляется праздник в день полнолуния и в день новолуния. Эти дни проводятся в развлечениях, соревнованиях, в пляске, борьбе, беге, фехтовании и упражнениях с оружием, а некоторые показывают свои умственные достижения в красноречии и познания в свободных искусствах. В Аркропсинде есть амфитеатр, подобный тому, который мы видели в Спорунде, хотя и не такой большой, так же как и самый город, состоящий всего из сорока восьми квадратных домов, но населенный более красивыми людьми, чем обитатели Спорунда.

Между тем вода потоков почти совсем иссякла, и разлив реки значительно уменьшился, так что мы решили выехать на следующий день. Бразиндас, зная о нашем намерении, задержал необходимые суда для того, чтобы отправить нас в Севаринд. Мы выехали рано утром и стали спускаться вниз по течению реки мимо прекрасных мест. Местность была почти ровная, виднелись красивые города и поселки и разбросанные в различных местах квадратные здания; украшением служили луга, поля, леса и реки,— всего этого здесь описать мы не сумеем. Достаточно сказать, что никогда я не видел более прекрасно возделанного, плодородного и привлекательного места, чем это. К вечеру мы прибыли в маленький город из восьми квадратных зданий, называемый Мапенд. В течение ночи мы

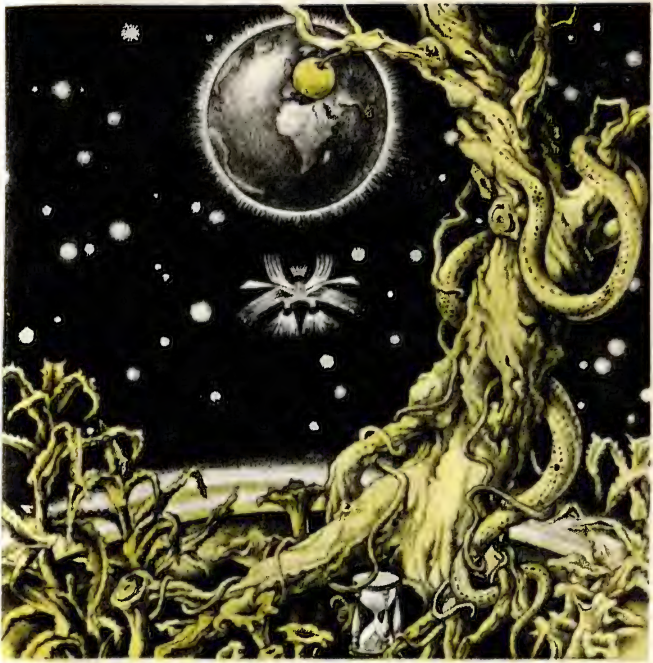
в нем отдыхали, а на следующий день вновь разместились на суда и продолжали наше путешествие мимо встречавшихся по пути прекрасных городов. Мы все стояли на верхних палубах кораблей, где с одним из наших людей, который чересчур внимательно все рассматривал, случилось несчастье: он упал в реку и утонул, прежде чем мы успели оказать ему какую-либо помощь. К четырем часам дня мы подошли к выступу острова, образовавшегося посредине реки, которая разделяется здесь на два потока, омывающих этот остров со всех сторон. Остров обнесен высокими и толстыми стенами, имеющими около тридцати миль в окружности, форма его почти овальная, а в длину он простирается от вдающегося в реку мыса до противоположного конца, где оба потока соединяются. Мы направились к восточной части острова и около шести часов вечера прибыли к великому городу, где увидели толпу народа, собравшегося посмотреть, как мы будем высаживаться с кораблей. Мы вышли на очень красивую пристань, откуда нас повели через какие-то еще более красивые улицы к предназначенному для нас квадратному зданию. От имени Севарминаса несколько его офицеров посетили нас там, обошлись с нами очень ласково и сказали, что через несколько дней мы будем представлены ему.

В ожидании дня, когда мы предстанем перед Севарминасом, дня, который оказался девятым от нашего прибытия в Севаринд, Сермодас чаще всего был с нами в отведенном нам доме. Это было вновь построенное здание, в котором в тот момент, когда мы там поселились, жили лишь несколько рабов, вселенных туда за несколько дней до нашего прибытия для того, чтобы служить нам. С нами обращались очень хорошо, и проводники наши заботились о том, чтобы мы знали, как себя вести со всеми, и в особенности перед вице-королем, когда мы окажемся в его присутствии. Сермодас, очень хороший человек, полюбил нас и старался нас развлекать как мог, то мудрыми разговорами, то разными прогулками и всегда хорошим столом. Он показал нам своих жен и уже взрослых и женатых детей, которых было тринадцать человек от трех жен, из которых одна умерла, а две другие живы. Что же касается Каршиды и Беноскара, то мы узнали, что они жили на острове, находящемся на озере, и должны были вернуться туда до того, как мы получим аудиенцию у Севармипаса.

Дом, в котором мы жили, находился на одной из окраин города, расположенной вверх по реке, и оттуда нам видны были поля, засаженные густыми деревьями, образующими приятные тенистые аллеи. Мы часто ходили туда гулять с Сермодасом и

другими значительными лицами города, которые из любопытства приходили на нас посмотреть. Таким образом, время шло, и на восьмой день Сермодас предупредил нас, что на следующий день мы должны предстать перед вице-королем и всем двором. Наступило утро, нас подняли рано и повели в ванны, находившиеся в нашем же доме, и приказали чисто вымыться. Нам дали белое белье и новые одежды, затканные пестрыми цветами. Моя одежда была самой богатой: она была шелковая, затканная серебром, из материи, похожей на золотую и серебряную парчу, какую делают в Европе. Дав каждому из нас в руки зеленую ветку и поставив нас попарно, как было сделано и в Спорунде, нас повели длинными прямыми улицами ко дворцу Солнца. В этот день у городских жителей был праздник, так что все улицы и балконы были полны народа, смотревшего на наше шествие. Мы шли так около часа и наконец подошли к широкой площади, посреди которой мы увидели дворец Солнца, выстроенный из белого мрамора, с разноцветными архитектурными и скульптурными украшениями. Дворец этот имеет квадратную форму, как и все другие строения, лицевая его сторона имеет не менее пятисот геометрических шагов, а окружность — не менее двух тысяч, что составляет для дома необыкновенную величину. С каждой стороны находится двенадцать дверей, расположенных одна против другой, так что можно видеть дворец насквозь из двенадцати различных мест. Кроме этих двенадцати дверей, посредине был главный вход исключительной величины, которым мы должны были проходить.

Сермодас, как только показался этот великолепный дворец, подал знак остановиться, чтобы дать нам возможность насладиться его красотой. В нем прекрасно соблюдены все правила архитектуры, и это громадное здание так богато и величественно, что я никогда не видел ничего похожего. Точное описание подобного здания заняло бы целые тома, и потребовались бы знающие искусство люди, чтобы достойно с этим справиться. Опасаясь, что мне не удастся этого сделать, и, не желая утруждать читателя, я ограничусь тем, что просто скажу, что из всех описаний, когда-либо виденных мной, нет ни одного, способного дать яркое представление о столь прекрасном строении, как то, которое мы воочию увидели в Севаринде. Когда мы достаточно насладились видом этого великолепного дворца, нам предложили идти к главному входу сквозь ряды вооруженных людей, одетых в синие одежды, как и в Спорумбе. На некоторое время нас задержали перед главным входом, имевшим с каждой стороны по сто сорок четыре колонны из бронзы и мрамора и не-



«Государства Луны»

сколько рядов колонн наверху, между которыми находились разные фигуры и статуи. Войдя, мы попали на просторный двор, с расположенными вокруг него портиками, поддерживаемыми высокими, разнообразно высеченными мраморными колоннами. Со двора здание также было белым, как и снаружи. С этого двора нас повели в другой, из черного мрамора, украшенный прекрасными статуями и красивыми разноцветными листьями, врезанными в стены, которые, как я уже сказал, были из очень блестящего полированного черного мрамора. Здесь мы увидели много вооруженных людей, одетых в красные одежды и выстроенных в два ряда, как и первые.

С черного двора нас повели в другой, из разноцветного мрамора, украшенный несколькими рядами колонн и прекрасно сделанными мраморными статуями необыкновенной величины. Оттуда мы поднялись по широкой раскрашенной и позолоченной лестнице в большую и красивую залу, чтобы дальше войти в еще более красивую и, наконец,— в очень длинную галерею, украшенную по сторонам художественно исполненными статуями мужчин и женщин. Из этой галереи, пройдя еще одну залу, мы попали в другую, пол которой был устлан богатым ковром. Здесь мы на некоторое время задержались, прежде чем войти в другую залу, еще большую и еще более роскошную, чем те, которые мы видели. В ней жгли благовония, и разные музыкальные инструменты наигрывали нежные мелодии. Мы некоторое время стояли, любуясь ее красотой, пока в глубине залы, заканчивавшейся полукругом, как хоры в наших церквах, не раздвинулся занавес. В этом месте мы увидели Севарминаса, сидевшего на высоком троне из слоновой кости, в длинной одежде из золотой ткани. На голове его была надета корона, состоявшая как бы из лучей и вся осыпанная бриллиантами и другими драгоценными камнями. По обеим его сторонам расположились сенаторы, одетые в пурпур, с шарфами из золотой ткани, спадавшими с их плеч. Их было по двенадцать человек с каждой стороны трона, а ниже их стоял ряд из тридцати шести других лиц, так же одетых, кроме шарфов, которые у них были из серебряной ткани. Мы некоторое время стояли и с удивлением смотрели на это торжественное собрание, пока два человека из тех, которые находились в зале за низким барьером, преграждавшим вход на хоры, не подошли и не приказали Сермодасу провести нас вперед. Мы сделали три шага вперед и отвесили глубокий поклон, затем еще три шага и склонились до земли, тогда нас подвели к барьеру, где мы простерлись ниц и три раза поцеловали землю. Моих людей расположили позади меня,

а Ван де Нюи и Морис находились у меня по бокам. Затем нам приказали встать, а Сермодас приблизился к барьеру, рассказал Севарминасу все происшедшее с нами и, заставив меня подойти к нему, взял меня за руку и сказал, что я начальник остальных чужеземцев. Тогда Севарминас кивнул мне головой и приказал передать мне, что я и мои люди — желанные гости в государстве Солнца, и он очень доволен поведением всех нас. Он надеется, что мы будем делаться все лучше и лучше, подчинимся законам страны и благодаря этому сможем рассчитывать на его покровительство, благоволение и благосклонные взгляды их славного короля, который все видит и от которого ничего не скроешь. Все же он призывает нас вести себя так, как укажет Сермодас, которому он вновь приказал заботиться о нас особо.

После этого он отпустил нас, продолжая оставаться на троне, в присутствии своих приближенных, пока мы не вышли из залы. Нас вывели из дворца другими комнатами и галереями, а не теми, по которым мы уже проходили. Вышли мы из входа, противоположного тому, в который входили, и возвращались домой также новыми улицами, соблюдая тот же порядок, в котором шли туда.

Мы пробыли еще десять дней в том же положении, ничем не занимаясь, кроме развлечений, разных прогулок, осмотра города и достопримечательностей его окрестностей. Но наконец Сермодас, обратившись однажды ко мне, Ван де Нюи, Девезу и Морису, сказал нам, что после продолжительного отдыха для нас и наших людей настало время выбрать себе занятия, чтобы предотвратить беды, в которые может нас завлечь праздность. И если мы пожелаем последовать его доброму совету, мы посмотрим, на что способен каждый из наших людей, чтобы дать ему наиболее подходящее для него занятие. То, что он говорил, отнюдь не вызывалось завистью к тому, что они ничего не делают, или надеждой извлечь из их работы какую-либо выгоду, потому что работать они будут в пользу государства, которое их кормит, а скорее их же собственным благом и выгодой, а также опасением, чтобы их безделье не послужило дурным примером для севарамбов, которым оно запрещено основными законами государства.

Мы ему тут же ответили, что не желаем ничего лучшего, как иметь каждый свою работу и делать все то, что и другие, только просили его извинить наше невежество до тех пор, пока мы не познакомимся лучше с обычаями и законами страны; однако он может приказать все, что ему угодно, и мы постараемся повиноваться ему во всем.

— Вот и хорошо,— сказал он,— мы дадим всем вам занятия, не сильно утруждающие и не требующие вашего разделения; вы сможете жить вместе со своими женами и детьми, как вам захочется, сохранив свои порядки.

Повернувшись ко мне, он заявил, что я так хорошо руководил своими людьми, что было бы несправедливостью лишить меня власти, и, чтобы ее продлить, Севармиас назначает меня осмазионтом, то есть управляющим осмазии, или квадратного здания, в котором мы поселились, и что я из своих людей могу себе выбрать офицеров, чтобы помогать мне в моей новой должности. Кроме того, он добавил, что ознакомит нас с обычаями и законами страны и что к ошибкам, которые я могу совершить по неведению, будет проявлено много снисходительности. Но все же он нам посоветовал, чтобы нам легче жилось и чтобы мы могли разговаривать со всеми, изучить их язык, который нам покажется нетрудным, потому что он очень методичен и правилен. Для этой цели он предполагает дать нам учителей, которые ежедневно в определенные часы будут нам давать уроки. Чтобы у нас было больше времени для ученья, он приказал, чтобы мы работали всего шесть часов в день в течение первых лет нашего пребывания, хотя коренные жители страны должны были ежедневно посвящать труду восемь часов. Кроме всего этого, он сообщил, что в году будет много праздников, во время которых устраиваются для народа зрелища и развлечения, и, таким образом, не кажется докучливым труд, перемешанный с приятным времяпрепровождением и играми, дающими отдых и уму и телу.

Когда он вышел, мы стали рассматривать состав наших людей и нашли, что некоторые были способны заняться различными ремеслами, которым они обучились в Европе. Остальные же были моряками, но достаточно сильными, чтобы носить тяжести и обрабатывать землю. Мы сообщили это Сермодасу, который сказал, что скоро будут закладывать фундамент новой осмазии вблизи нашей и что там найдется работа для всех наших людей, причем нам надо их разделить на дюжины и во главе каждой поставить бригадира, то есть старшего, который бы командовал ими и водил на работу. Кроме того, он сказал, чтобы мы занялись упорядочением наших внутренних дел, исключая заботы о питании, одежде, а также об инструментах, необходимых для работы, потому что всем этим мы будем снабжены, как только встретится необходимость. Для того чтобы все делалось в соответствии с установленными в стране порядками, он дал нам образец управления другими осмазиями. В соответ-

ствии с этим положением я назначил Ван де Нюи и Девеза своими лейтенантами, или деросмазионтасами, а всех остальных разделил на дюжины, установив в каждой бригадира. Что же касается кухни и других домашних работ, мы об этом и не стали заботиться, потому что, не зная ни языка, ни обычаев, мы бы не в силах были с ними справиться. Вот почему Сермодас приспособил для этого севарамба по имени Фариста, который вел наше хозяйство и распоряжался рабами.

Уладив таким образом наши дела, приступили к постройке осмазии, о которой говорил нам Сермодас, и для первого раза я сам отвел всех наших людей. Нас встретил главный архитектор по имени Постребас, которому Сермодас нас представил. Он дал нашим людям самые разнообразные работы: переносить тяжести, перекатывать камни или же другие подобного рода работы, причем мы ходили работать ежедневно в установленные часы. Что касается меня, то я ходил лишь тогда, когда мне хотелось, но ежедневно посылал одного из своих лейтенантов, который, находясь на месте, следил, как работают его люди, и командовал ими. Обычно, чтобы показать пример, я ходил сам раз в пять дней.

Тем временем я принялся за изучение местного языка, и так как он показался мне очень легким, что и говорил мне Сермодас, я усвоил все основы его в три-четыре месяца и через год мог довольно прилично объясняться. Некоторые из наших людей тоже выучились этому языку, но большинство таких успехов не достигло, хотя каждый немного говорил и мог пользоваться им в самых необходимых случаях жизни. У всех наших были жены, от которых по большей части имелись дети; я получил разрешение иметь до трех жен, а мои лейтенанты — по две.

Когда я преодолел первые трудности языка, я в течение короткого срока сделал такие большие успехи, что через три года владел этим языком почти так же хорошо, как своим родным. Это мне бесконечно помогло войти в общество севарамбов и наблюдать их нравы и обычаи. У них так же, как и у нас, есть печатные книги, хотя и не в таком количестве; но все те, которые есть, в своем роде очень хороши, потому что иных они у себя не терпят. Я прочел несколько их книг по философии, математике, риторике, истории и разные другие книги, но особенно я занялся чтением истории этих народов и воцарения Севариаса, первого законодателя струкарамбов,— именно так они назывались до его прихода. Кроме того, я занимался чтением их законов, знакомился с их религией и их обычаями, о которых я дам отчет насколько возможно лучше в продолжение этого опи-

сания. Начну я его с истории Севариаса, до которого эти народы были дики и грубы, каковы и до сих пор все соседние австралийцы, даже, пожалуй, и обитатели всего этого материка. Об этом великом человеке писалось многое, но здесь я расскажу лишь о том, что больше всего относится к его воцарению или что может лучше показать, какими средствами он достиг той степени мудрости и добродетели, которых он добился до своего прибытия в Австралийские земли. Несомненно, несчастье, происшедшее в его доме, его страдания и его путешествия немало тому способствовали. Ведь редко встречаются большие познания в науке жизни среди тех, которые всегда жили дома в довольстве, никогда не испытав жестокости и непостоянства судьбы и людской злобы. Севариас имел большие природные данные. Он получил превосходное и совершенно исключительное образование по сравнению с тем, которое давалось в его стране, а его страдания и его путешествия немало способствовали развитию его познаний и ума; так что не приходится удивляться, что, имея все эти преимущества, он достиг той высокой мудрости, блестящие доказательства которой он дал на высокой арене, на которую вознесла его судьба. Что же касается города Севаринда, носящего его имя, то это самый прекрасный город в мире, если судить по его местоположению и окружающим его плодородным землям. К этому надо прибавить прекрасный климат и здоровый воздух того места, где он стоит, стройность и великолепие его зданий и наблюдаемый там общественный порядок.

Город расположен на острове, имеющем около тридцати миль в окружности, образовавшемся посредине очень большой реки, в которую впадает несколько других рек. Этот остров окружен толстой стеной, защищающей его со всех сторон, что делает почти невозможной высадку без разрешения его обитателей, даже при наличии самой большой армии в мире. Почва его исключительно плодородна и порождает неисчислимое количество замечательных фруктов, и все земли вверх по течению реки на расстоянии более двадцати миль вокруг также отличаются необыкновенным плодородием. Остров, будучи расположен на сорок втором градусе южной широты, имеет исключительно здоровый воздух и очень хороший климат.

Город выстроен посреди острова и имеет квадратную форму; кроме дворца, находящегося в центре города, в нем насчитывается двести шестьдесят семь осмазий, или квадратных зданий, вмещающих массу людей. Фасад этих осмазий, в каждой из которых свободно размещается более тысячи человек, имеет

пятьдесят геометрических шагов в длину и четыре двери, расположенные одна против другой, внутри же — большой двор с зеленью. Стены осмазий — из породы мрамора или белого камня, который прекрасно полируется, и все дома имеют четыре этажа в высоту.

На всех улицах, прямых и очень широких, можно видеть железные столбы, поддерживающие широкие балконы, под которыми можно ходить, не боясь ни дождя, ни солнца. Все эти балконы украшены красивыми вазами, наполненными землею, в которых насажены различные цветы и деревца, образующие как бы садики перед окнами. Внутри осмазии вокруг двора есть такие же балконы и садики, посредине же двора также цветник, в центре которого находится водоем дома с фонтаном посредине. Вода для фонтана стекает с крыши, куда она поднимается для того, чтобы в случае пожара тушить огонь, и оттуда расходится по всевозможным устроенным для этого трубам по ваннам и на другие нужды во все помещения и, наконец, в фонтан цветника. Улицы города можно мыть когда угодно и при желании напустить воды на три фута, что является редкостью для такого высокого и совершенно не болотистого места. По крышам осмазии можно пройти и обойти все кругом, а также и полить все цветы водой. Во время сильной летней жары на высоте крыши над улицами протягивается полотно, дающее тень и прохладу и так хорошо защищающее прохожих от солнца, что они жары почти не чувствуют. То же самое делают и во всех дворах, подвешивая для этой цели на стенах блоки, через которые пропускают веревки, привязанные к тенту, который этим способом поднимается кверху, что мешает лучам солнца падать на стены и их согревать. Все эти удобства создают то, что, хотя во всей стране и очень жаркое лето, все же в Севаринде оно не тяжело, и я могу сказать, что ни в одном месте Европы я не провел более приятного лета, чем в этом городе, где можно всюду увидеть воду, тень, цветы и зелень.

Главными украшениями города являются дворец и храм Солнца, амфитеатр и бассейн, находящийся в конце острова; но так как остров обнесен толстыми стенами, его весь легко можно принять за город.

Севаринд расположен посредине этого острова, а остров — почти посредине земель, принадлежащих этому народу, который взял себе за правило расселяться за пределами столицы лишь по мере того, как увеличивается население. От моря до последних осмазий ниже Севаринда следует считать вдоль реки около ста пятидесяти лье; бо́льшая часть этой страны населена

севарамбами, их поселения вытянулись как бы в одну линию; но если взять поперек на двадцать лье по обе стороны острова, то можно увидеть лишь громадные леса, населенные львами, тиграми, эрглантами, оленями, банделисами и другими дикими зверями. Эти леса принадлежат севарамбам на расстоянии около пятидесяти лье по обе стороны от их столицы, и еще дальше по течению реки по направлению к морю, и, по крайней мере, на сорок лье вверх к Севарагоундо, первому городу Севарамба в горах, считая от Спорунда. Вся страна за горами по берегу океана, где когда-то жили престарамбы, обитаема лишь до маленьких островов на озере, где были захвачены Морис и его товарищи, и то лишь потому, что эти острова расположены по пути из Спорунда в Севаринд. Причиною этому служило то, что Севариас, собрав все народы, обитавшие рассеянно в лесах, где они жили лишь охотой, дикими плодами и кое-какими дикими овощами, научил их обрабатывать землю, как у нас на континенте, причем им приходилось работать гораздо меньше, потому что один арпан хорошо возделанной земли приносил больше плодов, чем пятьдесят арпанов, обработанных их способом. Так что вначале они жались вокруг Севаринда, а затем постепенно стали распространяться на расстояние около двадцати лье по обе стороны реки и около тридцати — ниже города к югу в сторону моря, где они прижились больше, чем в других местах, из-за удобства, даваемого рекой и впадающими в нее другими реками. Они часто образовывали новые колонии, так как количество населения сильно увеличилось, и по всей стране насчитывается уже более пяти тысяч осмазий, образующих города и поселки или разбросанных в разных местах страны по три — в одном месте, по две — в другом; но встречаются также и совсем одинокие осмазии.

Все возделанные земли, как я уже сказал, приносят большой урожай как благодаря природному плодородию их, так и благодаря труду жителей, которые не терпят неиспользованных земель вокруг своих жилищ и не жалеют ни забот, ни сил, чтобы сделать их плодородными, все вплоть до самых бесплодных по природе, в особенности в окрестностях Севаринда. Для этой цели долины прорезаны многочисленными каналами; одни служат для орошения сухих мест, а другие — для осушения болотистых. Есть два места вблизи Севаринда, где особо заметны результаты труда и искусства.

Одно отстоит на три мили, расположено ниже города и находится на том же острове, на котором он выстроен, тут можно увидеть прекрасные луга и аллеи очень густых деревьев.

Это место, сейчас такое прекрасное, до прихода Севариаса было грязным и зловонным болотом, на котором росли только камыши, но при помощи проведенных каналов и большого количества привезенной земли почва стала очень плодородной и место привлекательным.

Другое место находится выше по реке с западной стороны в шести или семи милях от города. Прежде это была большая песчаная равнина, где не было никакой растительности, но при помощи рек, приведенных сюда каналами, и благодаря изобретенному ими способу растворять песок, удобрять его и превращать в хорошую землю, севарамбы сделали из этой равнины одно из самых красивых и плодородных мест мира. Удивительнее всего то, что пески, растворяемые таким образом и удобренные способами, не представляющими для севарамбов никакого труда, вместо того чтобы после собранного урожая изнуряться, становятся все более плодородными. У нас в Европе есть бесконечное количество ни на что не пригодной почвы, которую можно было бы сделать весьма плодородной и полезной, если бы знать изобретение севарамбов. Мне это изобретение показалось столь чудесным, что я не мог успокоиться до тех пор, пока не узнал этой тайны, что не было для меня особенно трудным, как только я изучил их язык: севарамбы, не побуждаемые особою жадностью, так как у них богато только государство, не держат в тайне такого рода вещи. Я надеюсь опубликовать это изобретение в Европе, если я когда-либо поеду туда и если найду достаточно умных и достаточно могущественных лиц, которые пожелали бы предпринять такие работы; расход на них невелик, а прибыль неминуемо окажется очень значительной и принесет большую пользу как обществу, так и частным лицам.

Описав город Севаринд, каким он нам показался по нашем прибытии, я думаю, что настало время приступить к истории, законам и нравам севарамбов, начав с жизни Севариаса, о которой я часто читал в первые годы пребывания в Севарамбе, и отметить в ней все самое значительное, чтобы затем перейти к жизни его преемников.

ИСТОРИЯ СЕВАРИАСА, ЗАКОНОДАТЕЛЯ СЕВАРАМБОВ,

ПЕРВОГО ВИЦЕ-КОРОЛЯ СОЛНЦА, И ЕГО ПРЕЕМНИКОВ, ИЛИ ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ ИСТОРИИ СЕВАРАМБОВ

Мне пришлось бы слишком долго рассказывать, если бы я стал приводить здесь все, что написано о жизни этого великого человека, мудрое управление и чудесные дела которого дали материал для нескольких томов. Я выберу лишь сведения, наиболее замечательные и наиболее существенные для истории этого счастливого народа, который считает, что обязан всем своим счастьем и благосостоянием заботам и житейской мудрости этого несравненного законодателя. По национальности он был перс очень древнего происхождения, род его шел от парси, которых сейчас еще осталось в Персии несколько семей, отличающихся своим именем от татар, захвативших это старинное королевство. Эти парси, коренные уроженцы страны, сохранили много обычаев своих предков, из которых главнейшим является поклонение солнцу и огню. Они не перешли в магометанство, как софи и другие; таким образом, Севариас, ведя свое происхождение от парси, еще с детства воспитывался в религии своих отцов. У себя на родине он звался Севарис Амбарсес. Он был старшим сыном вельможи по имени Алестан Хоссер Амбарсес, который был великим жрецом Солнца. Место, где он родился и жил, недалеко от той части Персии, которая тянется вдоль Персидского залива. В течение всех войн, несмотря на преследования татар, его семья жила во всем блеске до времен Алестана, когда ей пришлось утратить большую часть своего былого величия вследствие порожденных завистью козней могущественных врагов.

Севарамбы исчисляют время дирнемисами, каждый из которых содержит семь полных оборотов солнца. Согласно этим

исчислениям, если перевести их на наши, Севарис родился в 1395 году от рождества Христова и впервые очутился в Австралийских землях через тридцать два года, то есть в 1427 году; с этого года начинается главная эпоха жизни этих народов.

В течение первых шести лет своей жизни Севарис воспитывался среди женщин во дворце отца, в соответствии с правами и обычаями своей нации. Но Алестан, человек умный и очень сведущий в астрономии и других распространенных среди парси науках, подметив все признаки необыкновенных дарований в ребенке,— он замечал и старался подражать всему, что делали другие, и это ему удавалось даже лучше, чем можно было того ожидать в столь раннем возрасте,— решил старательно развивать ум ребенка и дать ему образование, соответственное уже проявляемым им большим способностям. Принять это решение ему было тем более легко, что он мог его выполнить путем привлечения одного из своих рабов, которого звали Джованни, человека добродетельного, очень преданного и очень умного.

Этот Джованни по происхождению был венецианец, а по религии — христианин. Он уже прослужил у Алестана года три-четыре, прежде чем тот доверил ему воспитание своего сына. Несколько ранее этого времени он был захвачен пиратами и куплен какими-то купцами, продавшими его великому жрецу Солнца. От природы он был умный и добродетельный человек, и так как с самой ранней молодости изучал литературу, то достиг в ней более чем посредственных знаний, прежде чем случился тот несчастный случай, когда он потерял свободу. Его первые хозяева были людьми невежественными и грубыми и не обратили внимания на его достоинства, но Алестан, как я уже сказал, был человеком умным, он быстро оценил достоинства своего раба и обращался с ним так ласково и человечно, что заставил его своею большой привязанностью предпочесть службу у такого доброго хозяина, как он, свободе, которую тот ему часто предлагал, хотя и имел большое желание удержать его в своем доме для того, чтобы поручить ему воспитание сына. Когда Севарису исполнилось семь лет, Джованни приступил к его обучению. Алестан, передав ему власть, необходимую для воспитателя, поручил ему не только посвятить сына в науки и искусство, но и наставить его в добродетели, без которой умственные познания не только бесполезны, но даже очень опасны. Алестан напомнил ему всю свою доброту, проявленную в отношении него, и знаки своего особого расположения и внимания, так часто ему оказываемые, и, наконец, сказал ему, что послед-

ним доказательством этого уважения и доверия к нему является то, что он поручает его разумному руководству самое драгоценное из того, что имеет,— своего сына. Джованни принял с глубоким уважением эти лестные выражения доброты своего хозяина и занялся с таким усердием образованием юного Севариса, что через несколько лет тот достиг необыкновенных успехов в литературе и физических упражнениях, а в особенности в восприятии добродетели. Правда, что ученик был очень способный; молодой принц, помимо природной кротости и честных наклонностей, очень быстро показал блеск ума, проницательного и рассудительного, и прекрасную память,— сочетание, которое редко встречается в одном человеке. Джованни сумел так хорошо использовать его прекрасные способности, что Севарис в шестнадцатилетнем возрасте владел в совершенстве итальянским языком, довольно хорошо латинским и греческим и прочел на этих языках авторов, которые наиболее способствовали развитию его ума в направлении любви к справедливости и целомудрию. Помимо этих прекрасных духовных качеств, его телосложение соответствовало его благонравию: он был хорош собою, высокого роста, с прекрасным лицом, ласково-величественным взглядом, что заставляло всех тех, кто его видел, одновременно и любить и уважать его. Он обладал хорошим здоровьем, и его сильное, крепкое тело, полное мощи и ловкости, давало ему возможность достигнуть хороших успехов во всех упражнениях, которым его обучали.

Столько прекрасных качеств сделали его кумиром родителей, восхищением и надеждой парси и предметом зависти врагов его семьи. Длительное процветание этой семьи породило у его отца много завистников, и у него было бы их еще больше, если бы Алестан, благодаря своему уму и сдержанности, не прекращал сразу же при их зарождении тысячи злых козней, замышляемых его завистниками против него. Но как бы мудр и сдержан он ни был, он не смог предотвратить того, чтобы один из соседних вельмож не нанес ему оскорблений под предлогом каких-то дел, по которым они должны были свести счеты. Так как их ненависть с каждым днем все возрастала по всяким новым поводам, они, наконец, объявили открытую войну друг другу, и враг Алестана устроил ему несколько засад, чтобы убить его, но ни одна из его попыток не удалась.

Эти неудачи не помешали ему продолжать свои козни до тех пор, пока однажды он не приехал сам с большим количеством вооруженных людей, чтобы подкараулить Алестана с сыном в лесу, где они охотились.

К счастью, один вельможа из парси, их друг, прибыл туда же, не будучи приглашенным, и привел с собой много народа, что значительно усилило партию Алестана, который без этого сильно рисковал быть подавленным количеством своих врагов. Через час после того, как он вошел в лес, они не замедлили наброситься на него и на его людей, не рассчитывая застать его под такой охраной. Все же, будучи численно сильнее, тем более будучи подготовлены, они внесли беспорядок в ряды людей Алестана и, несомненно, стали бы настойчиво продолжать свои действия, если бы не юный Севарис; в сопровождении своего воспитателя и двух слуг, видя, что отцу грозит неминуемая опасность, он с героической храбростью и необычайной удачей въехал на своей лошади в самую гущу врагов и убил их предводителя своей собственной рукой. Смерть предводителя и храбрость молодого принца привели врагов в изумление и ужас, так что Алестану, быстро собравшему своих людей на помощь сыну, не представило большого труда разбить и обратить в бегство тех, которым удалось спастись от его справедливого гнева.

Но радость от этой победы длилась недолго. Она вскоре превратилась в печаль, когда Алестан осознал те несчастья, которые могли постигнуть его и его семью. Враг его действительно умер, но вражда не заглохла, у врага оставались могущественные друзья при дворе софи и в самой стране, которые, вероятно, приложат все старания, чтобы погубить Алестана и его сына. Они все были магометане, и поэтому им легко было притеснять принца, имевшего вес лишь среди людей своей веры, преследуемой другой нацией и подчиненной власти жестокого победителя.

Все эти соображения, и в особенности боязнь потерять сына, которого он любил больше жизни, заставили Алестана принять решение удалить сына, чтобы спасти его от мести врагов. Не теряя времени, он позвал Севариса и Джованни в свою комнату и, описав им плачевное положение дел и грозящую им опасность, сказал наставнику, что его сын обязан ему своим образованием и после отца должен его признавать человеком, наиболее заслуживающим его уважения и благодарности, поэтому, естественно, он ждет от него больше привязанности и преданности, чем от кого-либо другого. Вот уже тринадцать или четырнадцать лет, как он живет в семье и столько раз доказывал свое усердие и осторожность, что было бы грехом против разума и справедливости не питать к нему полного доверия. Так как он все время занимался воспитанием его сына, было бы правильно, чтобы он продолжал с ним заниматься в течение его

молодости. Наконец, узы, связывавшие их, настолько крепки, что ничто не может их порвать или ослабить.

— Вы,— сказал он,— верный Джованни, растили до сих пор это юное растение, но можно считать, что вы ничего не сделали, если тогда, когда оно начнет приносить плоды и оправдывать наши надежды, вы не спасете его от угрожающей ему опасности. Я передаю его в ваши руки как священный клад, в котором я попрошу у вас отчета, и умоляю хранить его, как зеницу ока. Бегите из этих злополучных мест, где несправедливость угнетает невинность, и увезите моего сына в любую страну Азии или Европы, где вы оба сможете жить в безопасности и пользоваться знакомством с порядочными людьми. Я уже распорядился обо всем, что необходимо для вашего путешествия, и ничего не жду с бо́льшим нетерпением, как часа вашего отъезда.

Этот неожиданный разговор сильно поразил молодого Севариса, которому не хотелось покидать отца, а хотелось делить с ним все опасности и горести, какие могла им послать злая судьба. Но все мольбы были бесполезны, Алестан требовал повиновения, желая укрыть сына от угрожавшей ему бури.

Итак, он и его наставник тайно выехали, взяв с собой лишь одного человека, чтобы помочь им бежать, и проехали несколько провинций, прежде чем враги их узнали об их отъезде. Между тем Алестан, приведя в порядок свои домашние дела, на некоторое время покинул свою родину и скрывался, пока его враги не утолили свою ярость, разорив его дома и все то, что ему не удалось спрятать от них. Наконец, после трехгодичного изгнания, он сумел войти с ними в соглашение и за некоторую сумму денег вновь вступил во владение своим имуществом и саном. Тогда все его мысли обратились к сыну, на поиски которого он послал верного гонца ко двору великого государя, где он останавливался, после того как побывал во всей Азии. Но когда гонец прибыл туда, лица, к которым ему было приказано обратиться, сообщили ему, что Севарис со своими людьми уехал, чтобы посмотреть Европу, что с тех пор, как он покинул Азию, прошло шесть месяцев и что о нем не было ничего слышно. Получив этот ответ и увидев, что его нет в Азии, гонец решил поехать искать его в Европу и, в частности, в Венецию, потому что там была родина Джованни. С этой целью он направился в Италию и тщательно справлялся о разыскиваемых им лицах, но после долгих и бесплодных поисков он был вынужден возвратиться в Персию и сообщить своему хозяину о безуспешности путешествия.

Эти печальные вести чувствительно затронули Алестана; он вообразил, что сын его умер, и стал так горевать, что через три месяца после прибытия гонца этот безутешный отец умер от тоски, оставив все свое имущество и чины второму сыну, бывшему на четыре года моложе Севариса.

Вернемся теперь к молодому вельможе, сохраненному для великих целей провидением, орудием которого он стал впоследствии, для чего оно и охраняло его от бесчисленных опасностей. Он покинул двор государя, чтобы повидать Италию, и погрузился на судно, шедшее в Венецию, на родину его наставника Джованни. Их постигло несчастье, и они были захвачены корсарами, которые при дележе добычи разлучили их, несмотря на их просьбы и обещания богатого выкупа, если их оставят вместе до тех пор, пока они не смогут откупиться. Джованни повезли обратно в Азию, а Севариса отправили в Неаполь, к одному купцу этого города, имевшему свою часть в добыче корсаров. Он прожил недолго у этого купца. На его достоинства обратил внимание знатный вельможа, купивший его, чтобы подарить молодому сицилийскому дворянину, который должен был вскоре вернуться на родину. Этот вельможа очень интересовался образованием дворянина, потому что тот был его близким родственником и круглым сиротою. Он сам проверил знания Севариса в науках и языках и признал, что для человека его лет, помимо необыкновенных познаний, он обладал красотой гения и несравнимой твердостью ума. Эти прекрасные качества снискали ему уважение и расположение неаполитанского вельможи, оказавшегося столь великодушным, что он отдал его своему молодому родственнику лишь при условии, что тот вернет ему свободу после трех лет службы. Севарис же поехал в Сицилию со своим новым хозяином и служил ему верой и правдой в течение двух лет и, наверное, продолжал бы служить до установленного срока, если бы не злоба одной отвергнутой им женщины, причинившей ему много неприятностей, которые чуть не погубили его и из которых ему с трудом удалось выпутаться.

Она ложно обвинила его в покушении на ее честь и тайно предупредила своего мужа, который, думая, что жалоба его жены справедлива, хотел отомстить за это оскорбление. Но после долгих преследований и мучений, причиненных Севарису, в конце концов его невиновность восторжествовала над козпями его врагов и так ясно выявилась, что на их долю достался лишь позор, что они угнетали чужеземца, находившегося вдали от родины и оторванного от родных и друзей.

Тем не менее, хотя он и был невиновен, ему нелегко было бы выпутаться, если бы купивший его вельможа, узнав о его мучениях и преследованиях, не заступился за него и не добился его освобождения за год до того срока, когда ему должны были вернуть свободу, и в довершение своей доброты не закончил этого доброго дела тем, что дал ему средства, чтобы помочь вернуться к себе домой.

Итак, наш юный вольноотпущенный, покинув Сицилию, проехал как можно скорей по Италии прямо в Венецию в надежде получить вести о своем наставнике, но все его попытки оказались тщетными. Оттуда он проехал почти по всей Италии и осмотрел все, что было в то время достопримечательного, после чего он вернулся ко двору великого государя, где оставил друзей и деньги.

Тут он узнал, что его дорогой Джованни в Египте и находится в рабстве; это заставило его поехать туда как можно скорее, чтобы выручить его и вместе с ним вернуться в Персию. Он освободил Джованни, и это путешествие было для него более счастливым, чем предыдущее, хотя конец его оказался очень печальным, потому что не успел он доехать до места, где мог получить вести об отце, как узнал о его смерти. Эта неожиданная смерть причинила ему невероятную боль и заставила его принять решение долго не возвращаться на родину. Он сказал Джованни, что, посмотрев Грецию, Италию и большую часть Западной Азии, он хотел бы побывать теперь в Восточной Азии и проехать до Индии. С этой целью он попросил его поехать к брату, сообщить ему об этом намерении и получить от него все необходимое для путешествия. Джованни выполнил его приказание, и после того как они встретились с ним в одном городе, в котором условились увидеться, они оба поехали в Индию, оттуда на Японские острова и, наконец, в Китайское королевство. Во всех этих странах они переживали разные приключения, Севарису не раз представлялся случай проявить свою доблесть, и тут он достиг той большой мудрости, результаты которой видны до сих пор среди севарамбов. Он путешествовал по Востоку так же долго, как по странам Запада, а затем вернулся домой, где надеялся отдыхать от трудов до конца дней своих, не зная, что небо избрало его для своих великих намерений, которые ему пришлось выполнять в дальнейшем. Небо при рождении вложило в него столько прекрасных качеств и подготовило его душу столькими испытаниями и несчастьями лишь для того, чтобы сделать его создателем законов самых справедливых, какие когда-либо

существовали, и орудием счастья самой счастливой страны в мире.

Когда Севарис вернулся на родину, он не только вступил во владение имуществом отца, но и принял звание верховного жреца Солнца, которое было наследственным в их семье и обязанности которого в его отсутствие выполнял его брат с тем, чтобы передать ему по возвращении. Это было самое почетное звание у парси, и все носившие его считались суверенами, авторитет которых был особенно прочен, ибо народ подчинялся ему охотно, думая, что к тому его обязывала религия. Высокие должности не только оказывают честь тому, кто их занимает, но дают обладателям их новый блеск, если они оказываются достойными. Севарис, имевший бесконечные заслуги, возвел сан жреца до совершенно исключительной ступени славы и величия. Его прекрасное образование, долгие путешествия и пережитое горе во многом увеличили его врожденные познания и давали ему преимущества, малообычные у восточных народов. Так что благодаря всем этим преимуществам, в сочетании с благородством его происхождения, блеском его сана и богатством, он вскоре прославился среди парси своим благоразумием и мудростью, что заставило их уважать его больше, нежели его предшественников. Со всех концов приходили к нему за советами по самым сложным вопросам, и он высказывал свое мнение или выносил решение столь мудрое и столь справедливое, что все оказывались удовлетворенными.

Через два или три года после его возвращения возник крупный спор между одним судовладельцем и местным купцом, разрешить который предстояло ему.

Купец, с одной стороны, жаловался, что моряки, которых он подрядил, чтобы перевезти его товары в Индию, а оттуда привезти другие, плохо исполнили поручение. С другой стороны, он говорил, что, втянув его в большой расход и распродав много из его товаров, они в конце концов вернулись, не достигнув цели путешествия, и приводили выдуманные ими самими химерические доводы, чтобы обманным способом лишить его принадлежащей ему собственности.

Моряки же, наоборот, чтобы снять с себя обвинение, утверждали, что бурей их занесло в южные моря, за которыми они нашли обитаемую страну, где вынуждены были прожить семь или восемь месяцев, прежде чем сумели вернуться, и во время их пребывания в этой неизвестной стране им пришлось сбыть с рук часть тех грузов, чтобы кормиться и запастись необходимыми для возвращения предметами.

Севарис, услышав о новом открытии на юге, где, как тогда думали, были лишь моря, стал расспрашивать моряков об этом столь удивительном и новом известии и узнал, что действительно буря прибила их к большой земле, расположенной на юге. Он стал им задавать различные вопросы обо всем, что они видели на этой новой земле, и они дали ему следующие ответы.

Они видели мужчин и женщин необыкновенного роста, но, впрочем, хорошо сложенных и к тому же добрых и сговорчивых; в течение всего своего пребывания на этой земле они получали все необходимое, в чем нуждались, при этом они отнюдь не пострадали ни своим имуществом, ни лично. Народ этот жил в хижинах и шалашах, все ходили нагие, прикрывая лишь те части тела, которые учит скрывать природа. Женщины были очень красивы даже без украшений, несколько довольно любезных женщин им было предоставлено, так же как и еда и жилье. Мужчины в виде оружия имели лишь луки и стрелы или большие палки, и очень метко стреляли из луков. Их обычным занятием была охота. Страна была очень хороша и имела прекрасный климат; они могли бы по-своему жить счастливо, если бы не жестокая война, нарушавшая их покой, которую вели против них обитатели соседней страны, расположенной за какими-то горами.

Затем моряки рассказали, что, насколько они поняли, причинами этой войны были какие-то различия в религии. Те, которые жили за горами, ввели новшества в культ Солнца, которому они все поклонялись, и вели войну против соседей, потому что те не захотели принять их нововведение и одобрить религиозные церемонии, относящиеся к культу великого светила.

Севарис, убедившись из единодушных показаний моряков, что их сообщение было верно, как бы удивительно оно ни казалось, почувствовал любопытство и желание самому поехать и посмотреть эту новую землю. Для этой цели он привлек своими благодеяниями и обещаниями всех моряков к себе на службу, а чтобы прекратить жалобы купца, он дал морякам денег для возмещения его убытков. После этого он начал заботиться о приготовлении всего необходимого для путешествия и наконец снарядил два корабля, не считая судна, принадлежащего морякам и нанятого им. Некоторое время спустя под их руководством он отправился в путь с довольно большим количеством солдат, выбранных им из парси, которые пожелали испытать судьбу вместе с ним. Они долго плыли по морю,

и им пришлось вынести много бурь, прежде чем они попали в эту вновь открытую страну. Но наконец они счастливо добрались. Прежде чем самому сойти на землю, Севарис высадил тех из моряков, которые лучше других могли объясняться на местном языке. Он приказал сообщить этому народу, что он, верный посланник Солнца, приносящий жертвы великому светилу от имени некоторых его действительных поклонников, пристал к их берегам, имея достаточные силы, чтобы защитить их от всех врагов; хотя количество его солдат и не было велико, но, будучи вооруженными громами небесными, они были способны разбить самые многочисленные армии. Он предвидел, что при помощи артиллерии и другого огнестрельного оружия, запастись которым он позаботился, ему действительно нетрудно будет посеять ужас среди этих невежественных народов, которые не только не знали, но и никогда не слышали о его употреблении. Имея это в виду, он захватил столько оружия, сколько могла позволить величина и вместимость его судов, хотя ему стоило больших трудов достать такого рода оружие, потому что в то время оно еще не часто встречалось в Персии. Но у него были большие связи в Китайском королевстве, где давно было известно об изобретении артиллерии, хотя она и была новинкой в других местах, и он выписал орудия именно из этой страны.

Между тем люди, которых он спустил на берег и которых уже там знали, не замедлили выполнить его распоряжения, и их предложение после обсуждения было признано слишком выгодным, чтобы отказаться от него. Итак, через три дня после того, как парси прибыли к этим берегам, местные вожди с большой свитой людей, вооруженных стрелами и палками, пришли на берег, принесли Севарису дары в виде их лучших кушаний и лучших плодов и стали просить его сойти на землю. Он принял некоторых из вождей на своих кораблях, величиной и оборудованием которых они могли полюбоваться, и так ласково и приветливо встретил их, что с первой же встречи завоевал их уважение и дружбу. Затем, узнав, что у этих берегов есть удобная бухта, он повел туда свой маленький флот, чтобы защитить его от возможных бурь. Это был именно тот залив, который мы открыли и куда мы перевели наш лагерь. Следовательно, Севарис шел по тому же пути, как и мы, когда поднимались к Спорунду. Правда, он вошел туда со стороны захода солнца, где путь шире и удобнее, чем со стороны восхода солнца, откуда Морис проник в большое озеро.

Прежде чем спуститься на берег, Севарис принял все необходимые меры предосторожности, не желая безрассудно вступать в соприкосновение с людьми, нравов и обычаев которых он еще не знал. Чтобы быть защищенным от каких бы то ни было покушений, он расположился на маленьком острове вблизи от материка против Сиденбурга. Там в течение нескольких дней он принимал окрестное население и почтительные подношения. Он им дал послушать пушечные выстрелы, чтобы внушить им страх и уважение. Ужасный грохот этих невиданных машин привел их в такое удивление и восхищение, что их легко было убедить, что парси были посланы с Солнца для их освобождения и привезли с собой громы, чтобы наказать их врагов.

Когда Севарис хорошо ознакомился с нравами этих народов, он увидел, что они живут сообща, разделившись на большие семьи, имевшие каждая нечто вроде своего особого управления; но тем не менее для общей охраны они ежегодно избирали полководца, в распоряжение которого каждая семья посылала определенное количество вооруженных людей. Он водил их на войну против их врагов-горцев, когда те спускались в долину и нападали на них или разоряли их страну. Далее, он узнал из сообщения матросов, что они ходили нагими, прикрывая лишь те части, которые стыдливость не позволяет называть, шкурами животных, убиваемых ими на охоте; питались они главным образом плодами деревьев, и кореньями, и каким-то сортом овощей, которые они разводили и получали очень большие урожаи. Вместе с тем рыбная ловля и охота на оленей и банделисов были их самым обычным занятием, и ежегодно они приносили в жертву Солнцу первые плоды всех культур.

Итак, Севарис, ознакомившись с нравами этих народов, нашел, что они соответствуют его взглядам, и решил, что в его интересах было прославиться как можно скорее каким-нибудь воинственным выступлением против врагов.

Для этой цели он велел показать места, по которым эти дикари каждый год спускались в равнины, и приказал соорудить укрепления, куда поместил несколько артиллерийских орудий и доброе количество мушкетеров. Он вывез из Персии около шестисот человек, храбрых и ловких, которых вооружил шпагами, копьями и мушкетами. Выше его укреплений находился лес, куда он поставил сто парси и двести престарамбов (так назывались обитатели этой страны). В другом лесу, находящемся еще ближе к горам, он поставил такую же засаду и сам встал вместе с остальными своими людьми в новом укреп-

лении, устроенном им в очень узком месте, чтобы дать возможность артиллерии произвести большее впечатление на дикарей на их пути. Когда он расположил таким образом своих людей, он послал большое количество престарамбов по направлению к горам, чтобы потревожить неприятеля, а затем приказал им сделать вид, что они пускаются в бегство, чтобы завлечь врага в засаду. Они подошли к струкарамбам (так они называли своих врагов-горцев), бросились на их жилища и превратили их в море крови и огня. Набег взволновал весь этот гордый народ, не привыкший сносить оскорбления, в то время как сами они ежегодно поступали так же в отношении престарамбов. Они собрались отовсюду, чтобы отразить нападение силой, и, наконец, в количестве десяти или двенадцати тысяч, обрушились на тех, кто оскорбил их, решив оттеснить их к берегу моря и окончательно уничтожить. Те же, увидев это, согласно приказаниям Севариса, обратились в бегство, незаметно завлекая их к артиллерии, которая, выбрав подходящий момент, дала грозный залп и вселила в наступающих такой страх и ужас, что они в полном беспорядке бросились бежать в горы. Но их страх еще более увеличился, когда они стали попадать в другие устроенные им засады. Тогда они решили, что громы небесные сыплются на них отовсюду и всюду настигают их, что окончательно заставило их разбежаться. В этой путанице и всеобщем смятении престарамбы, гнавшиеся за ними по пятам вместе с мушкетерами из парси, устроили жестокую резню, отомстив в тот день за все оскорбления и насилия, которые им часто приходилось терпеть от этих дикарей.

Они перебили их более трех тысяч и почти столько же забрали в плен, после чего торжественно вернулись в свои жилища, всячески выражая уважение и благодарность Севарису и его людям, которых они с той поры стали считать своими освободителями и богами-заступниками. Севарис очень сдержанно принял знаки поклонения и старался внушить им, что за совершившееся они должны прославлять великого бога света, пославшего парси, чтобы их защищать и им покровительствовать. Он добавил, что было бы разумно и необходимо принести ему торжественную жертву, чтобы возблагодарить за счастливый исход сражения.

Этот благочестивый призыв был принят всеми, и тотчас же посреди поля битвы был воздвигнут алтарь, а Севарис, одевшись в самое богатое и блестящее священническое облачение, с торжественным богослужением принес в жертву Солнцу оружие и останки врагов. К этой жертве он присовокупил жертву

из благовоний, употребление которых было тогда незнакомо престарамбам, преисполнившимся во время церемонии уважением и восхищением при виде жертвы, блеск и великолепие которой значительно превосходили простоту их жертвоприношений.

Воздав эту дань благочестия и благодарности, Севарис вернулся к себе в лагерь, который через несколько дней после этого он перенес на один из островов озера Спораскомпсо, где был захвачен Морис в своей шлюпке, когда он отправился исследовать страну. Это место было более безопасным и более удобным, чем то, где он расположился ранее, и находилось гораздо ближе к горам, в приличном расстоянии от моря. Как только он там устроился, он отослал два своих корабля в Персию под начальством Джованни, которому приказал привезти с собой столько парси, сколько ему удастся нанять к себе на службу. Кроме того, он приказал ему привезти все, что он найдет необходимым для того, чтобы прочно обосноваться, а в особенности он наказал не рассказывать никому об их приключении, кроме тех парси, которых он заставит следовать за собой, добавив, что им также нужно приказать хранить тайну. Он опасался, что узурпаторы из Персии, чтобы воспрепятствовать их намерениям, помешают им выехать из страны и поселиться на этой новой земле, которая, казалось, была создана самим провидением для восстановления там былого величия истинных персов и настоящего культа дневного светила. Джованни, получив эти распоряжения, тронулся в путь с попутным ветром, который дул по направлению к Персии, куда через непродолжительное время он благополучно прибыл.

Тем временем струкарамбы, которым удалось бежать, вернувшись к себе, привели всех в крайний ужас своим рассказом о битве, где громом и молнией (говорили они) было уничтожено бесчисленное количество их людей. Эта новость вскоре стала известна и за горами среди струкарамбов, живущих в равнине, где сейчас расположен Севаринд. Такое необыкновенное приключение наделало среди них много шума и привело их в изумление перед этим чудом. Оно даже заставило их опасаться заранее кары, подобной той, которая постигла их соседей. Этот страх во многом облегчил выполнение намерений Севариса, который, получив новое подкрепление из парси, двинул в равнину свои победоносные войска.

В отсутствие Джованни Севарис был избран верховным вождем всех престарамбов, после чего, занявшись изучением страны и подсчетом населения, он увидел, что оно состоит более чем из трехсот тысяч душ, включая мужчин, женщин и

детей. Так как этот народ жил общинами, подвергавшимися нападениям соседей, ежегодно разорявших их границы, они жили очень экономно и всегда делали запасы зерна на два-три года. Для сохранения зерна они выкапывали в земле большие ямы и так искусно потом их засыпали, что врагам было очень трудно их отыскать. Севарис заставил открыть несколько таких складов и перевезти зерно на остров на озере, куда он перевел свой лагерь, для того чтобы иметь возможность употребить там зерно на различные нужды.

Позаботившись таким образом о питании для своих войск, он заявил престарамбам, что недостаточно того, что они разбили врагов на границе. Если они не собираются напасть на них в их же стране и не будут считать своим долгом окончательно подчинить их своему влиянию, чтобы обеспечить мир и иметь возможность спокойно жить у себя, они никогда не смогут добиться полного покоя, пока их соседи будут в состоянии нарушать его, и прошлый их опыт является достаточным доказательством того, чего они могут ожидать в будущем. Помимо этих убедительных доводов, он указал им, что если в их душе сохранилось чувство благородной жажды мести за оскорбления, которые так часто приходилось сносить им от врагов, они приложат все свои усилия, чтобы добиться удовлетворения и отомстить за разгромы и жестокости, которым эти дикие народы с давних пор подвергали их предков и их самих. Затем он добавил, что все победы их врагов зависели скорее от их численности, чем от силы, и что в будущем их большое количество послужит лишь к тому, чтобы придать больший блеск победам парси и престарамбов. Успех предыдущей битвы и благоволение их славного бога, который для этой цели послал им свои громы и молнии, обеспечивает победу легкую и верную.

Эта речь сильно подействовала на престарамбов, вселила в них новый пыл и усилила их нетерпеливое желание отомстить своим врагам. Они все, как один, стали просить Севариса вести их в бой, обещая идти за ним всюду, куда он их поведет, и клялись, что их самым страстным желанием было победить или умереть вместе с ним. Он похвалил их мужество и благородство и уверил их, что как только он получит подкрепление, которого ждет со дня на день, он поведет их в бой.

Некоторое время спустя Джованни прибыл из Персии в Престарамб — так тогда называлась страна, которую теперь называют Спорамбом,— привезя с собой более тысячи вооруженных парси, снабженных всем необходимым военным сна-

ряжением. Он постарался навербовать и привезти с собой как можно больше каменщиков и плотников, а также привез все нужные инструменты для построек и для обработки земли.

С этим новым подкреплением Севарис решил перейти горы, как только растают снега, и занялся необходимыми приготовлениями к этой экспедиции.

После своей победы он занялся обучением обращению с оружием наиболее ловких молодых людей из престарамбов, в расчете, что когда он получит для них оружие, он поведет их вместе с парси, образовав сильный пехотный корпус. Из Персии ему привезли пятьдесят хороших лошадей, что оказалось очень кстати; поэтому он часто посылал туда свои корабли для доставки еще большего количества, чтобы иметь возможность устроить в Престарамбе конный завод.

Как только наступила подходящая погода и было подготовлено обеспечение войск всеми необходимыми припасами, Севарис пустился в путь со всей своей армией, состоявшей из восьми тысяч человек, из которых более трех тысяч были вооружены огнестрельным оружием. Пленных, которых он забрал во время сражения, он заставил нести съестные припасы и везти артиллерию, состоявшую из небольших боевых орудий, которые тащить было нетрудно. Эти пленные в большинстве своем были крупные и сильные мужчины, они несли поклажу и везли пушки почти так же легко, как и лошади. Позаботившись, таким образом, обо всем, Севарис в сопровождении своей армии направился к горам. Слух о его походе навел такой ужас, что обитатели тех мест, где он должен был пройти, бежали из своих жилищ. Не встречая никаких других препятствий, кроме обычно встречающихся в пути, он пересек всю страну до долины Струкарамба. Это место, от природы очень красивое и плодородное, ему настолько понравилось, что он решил там обосноваться, если ему удастся покорить народ, его населяющий. Кроме того, он возымел намерение перевезти туда лучшую часть нации престарамбов, страна которых не была столь хороша и приятна, как эта.

Неожиданное появление его армии крайне поразило обитателей долин, но не настолько, чтобы помешать им собраться в нескольких местах для отражения нападения. Менее чем в две недели они собрали больше двадцати тысяч человек, полных решимости броситься в бой и насмехавшихся над теми, кто рассказывал, что парси метали громы небесные. Они считали это выдумкой и ловким способом, которым воспользовались их соседи, чтобы прикрыть позор своего поражения.

Уверенные в этом, они стали приближаться к армии Севариса, расположившейся лагерем около леса невдалеке от большой реки и, из опасения возможных нападений на самый лагерь, устроившей укрепления в тех местах, откуда могли проникнуть враги. По правую сторону от лагеря была река, с тех пор получившая название Севаринго, слева защитой от нападений служил лес, сзади они выкопали большой ров, тянувшийся от реки до леса, где Севарис заставил повалить несколько деревьев, которые и преграждали доступ. Впереди лагерь был защищен только артиллерией, из желания выставить в защиту против врагов лишь бдительность и доблесть войска. Когда Севарис увидел врагов достаточно близко, чтобы открыть сражение, он поставил всех престарамбов, вооруженных лишь стрелами и палками, во главе своей армии. Он приказал им идти навстречу врагам, первыми напасть на них, некоторое время выдерживать бой, а затем постепенно отступать до тех пор, пока они не подведут их близко к артиллерии, что ими было в точности выполнено.

Дикари, увидев вначале лишь престарамбов, которых они привыкли побеждать и оружие которых было подобно их оружию, очень храбро встретили их, не боясь их маленькой армии, которую им, казалось, было так легко раздавить своей численностью. Эти же, со своей стороны, видя, что враги смело двигаются на них, стали постепенно отступать, пока не завлекли их поближе к пушкам, где они вдруг расступились, как им приказал Севарис, и в этот момент артиллерия стала громить врагов артиллерийским огнем, а фланговые мушкетеры, удвоив огонь, устроили такую ужасную бойню, что с первого залпа упало более пятисот человек. Страшный грохот пушек и внезапная смерть стольких людей сначала подавили пыл дикарей, а затем вселили такое смятение, что они, бросив оружие, обратились в бегство, опрокидывая друг друга, что привело к полному их поражению. Жажда мести, вдохновлявшая престарамбов, перешла всякие границы и заставила нарушить приказание Севариса, распорядившегося не убивать больше врагов, как только победа будет обеспечена. Но, несмотря на эту предосторожность, в сражении было убито пять или шесть тысяч человек и более трех тысяч было взято в плен, а ничтожные остатки этой большой армии нашли спасение в бегстве.

Потерпев поражение, все жители этих равнин убедились, что парси обладали громами небесными и что сообщение горцев было правдой, и их обуяли страх и изумление. В момент,

столь благоприятствовавший его планам, Севарис поспешил воспользоваться их подавленным состоянием. После того как он принес новую жертву богу света, он стал продвигаться вдоль реки в глубь страны, не встречая никакого сопротивления, потому что враги продолжали бежать от него, бросая свои жилища и скрываясь в лесу. Когда не осталось ничего, что осмелилось бы ему противиться, он решил взять этот народ добротой. Для этой цели, как только он подошел к острову, где сейчас расположен Севаринд, он раскинул там свой лагерь, укрепил его, чтобы иметь возможность в полной безопасности вести с горцами переговоры и убедить их заключить мир. А чтобы они сами пришли просить о мире, он выпустил на свободу нескольких пленных, с которыми очень ласково обошелся. Он велел им сказать своим соотечественникам, что он пришел не для того, чтобы их уничтожить или изгнать из страны, а только лишь для того, чтобы их наказать за жестокость, которую они проявляли по отношению к престарамбам, добавив, что отныне Солнце их берет под свою защиту и он сам готов им покровительствовать, если они согласятся подчиниться без сопротивления законам этого бога всех людей, великим посланником которого на земле является он.

Этот способ вскоре возымел то действие, которого и ожидал Севарис. Менее чем через неделю к нему со всех сторон начали прибывать посланные, чтобы заключить с ним мир на условиях, которые он пожелает предложить. Его условия оказались очень благоразумными: вначале он предложил им лишь уплатить дань зерном, плодами и другими съестными припасами, необходимыми для его армии, а затем сказал, что в другой раз, когда у них будет больше свободного времени и когда они лучше узнают друг друга, можно будет поговорить о новом соглашении. Струкарамбы, не рассчитывавшие так дешево отделаться, охотно пошли на эти мягкие условия и принесли в лагерь парси в большом изобилии разные необходимые для существования предметы.

Через несколько дней после заключения мира Севарис, взяв только часть своих людей и оставив бо́льшую часть в лагере под начальством Джованни, пошел на разведку в окрестности миль на десять вокруг. Он вернулся довольный, все более и более убеждаясь в своем решении поселиться здесь. Но так как ничего основательного он не мог создать, не построив города, он пустился на разведку как для того, чтобы подыскать удобное место, так и ради любопытства, желая познакомиться с местностью. Обитатели этих равнин жили тогда в

хижинах и шалашах и никогда не только не видели, но и не слышали о каменных постройках, так что среди них нельзя было найти людей, которым можно было бы поручить такие работы. Хотя среди парси были каменщики и плотники, но количество их было столь ограничено, что без чужой помощи они долго не смогли бы закончить большого здания. Тем не менее решили, что в дальнейшем для какой-нибудь большой постройки общественного пользования можно будет получить немалую помощь от местных жителей, а пока следует перевезти из Персии столько рабочих, сколько окажется возможным. Чтобы иметь благовидный предлог для привлечения туземцев к работе, Севарис сказал им, что Солнце приказало ему объявить от его имени о его пожелании, чтобы был выстроен храм. Если они почтительно подчинятся этому требованию, оно отныне дарит им свое благословение и самое высокое покровительство, а если, наоборот, они откажутся ему повиноваться, оно отклонит от них свои благосклонные взоры и пошлет им тысячу несчастий. Этот приказ был встречен народом с большой радостью и благоговением. Во все стороны были посланы разведчики для открытия каменоломен, откуда можно было бы получать необходимые для постройки материалы. Было обнаружено два-три места под горой и очень близко от реки, но за отсутствием лодок далеко увезти материалы было невозможно, а те места, где они имелись, не были столь красивы и удобны, как остров, расположенный посреди реки. Решили строить на этом острове как из-за красоты места, которое очень живописно и плодородно, так и в силу того, что оно представляло собой естественное укрепление. Однако, чтобы осуществить это намерение, надо было перевозить туда камень, а это казалось очень трудным. Тем не менее случай или, вернее, счастье Севариса преодолело это затруднение: гуляя однажды по горе, возвышавшейся на конце острова, находящемся против течения, он вошел, чтобы освежиться, в какую-то пещеру и увидел, что эта гора состояла из белого камня, легко высекаемого, который было бы удобно употребить на постройку предполагаемых им зданий. Он ловко воспользовался этим открытием и убедил струкарамбов, что Солнце открыло ему, что тут же на острове найдутся необходимые материалы для постройки храма. Действительно, дальнейшими разведками было установлено, что эта гора состояла из рода мрамора различных цветов, а во многих местах острова росли высокие кедры и другие высокие строевые деревья, пригодные на сооружение лесов для большого здания, которое

предполагалось воздвигнуть. В настоящее время от этих скал ничего не осталось, потому что они все были употреблены на постройку города Севаринда, так что остров сейчас совершенно ровный и имеет лишь небольшой наклон по течению реки с нижней стороны. Севарис сам наметил место, где должны были заложить фундамент храма и первых домов, которые можно видеть и сейчас.

Будучи занят этими постройками, он вместе с тем не выпускал из своих рук и другие дела. Во-первых, он позаботился о закреплении за собой перехода через горы, затем сделал большие запасы продовольствия и, чтобы иметь в будущем еще большее изобилие их, приказал струкарамбам посеять разных сортов семена, вывезенные им из Персии. Затем он приказал соорудить большое количество лодок и показал их употребление этим народам, пользовавшимся раньше маленькими лодочками, сделанными из древесной коры. После этого Севарис уговорил нескольких престарамбов покинуть свои жилища и поселиться вместе с ним на их прежней родине, а чтобы их было легче убедить, он сказал им, что изгнал из головы все мысли о возвращении в Персию. Время от времени приезжали парси, которым стали уже известны его счастье и успехи и которые, видя в нем как бы возрождение былого величия и славы их нации, почти уничтоженной на родине, приезжали наперерыв предлагать свои услуги этому восстановителю персидской славы.

При сношениях, которые он имел со струкарамбами, Севарис обращал внимание на их наклонности, нравы, законы и обычаи, а также внимательно прислушивался к их языку и выучил его в очень непродолжительный срок. Внимательно изучая все это, он нашел, что они от природы умны и имеют некоторые зачатки благородства, хотя тогда их нравы и были очень грубы. Они жили почти так же, как и престарамбы, большими семьями или общинами, а когда того требовали их дела, они выбирали вождей, чтобы чинить правосудие или вести войну. Они жестоко карали кражу: ее было легко совершить и легко причинить этим большие потери, потому что их имущество не охранялось. Что же касается брака, то в этом отношении их обычаи ему очень не понравились, и он впоследствии стал стараться их изменить. Так как они все жили большими семьями и сообща пользовались всем имуществом и даже людьми, находившимися в зависимости от их общины, они без всяких колебаний женились на своих собственных дочерях и сестрах, и это кровосмешение не казалось им преступным. Наоборот, их понятия в кор-

не отличались от наших: им казалось более приличным жениться на людях своей крови, чем на посторонних. Они иногда позволяли себе браки с членами соседних семей и принимали к себе их дочерей, сыновья же никогда из своей семьи не выходили. Тот, кто женился на женщине, считался ее единственным мужем и отцом детей, которые у нее рождались, но он не был единственным ее обладателем, потому что разрешалось всем членам семьи, кого она пожелает принять, наслаждаться ею так же свободно, как тому, кто на ней женился, причем он имел такие же права на жен других членов семьи. Если же какая-нибудь из женщин отдавалась чужому, ее действие рассматривалось как великое преступление, наказываемое смертью. Так же наказывались и мужчины, заводившие связи с женами соседей. В каждой общине время от времени избирали начальника и нескольких помощников для экономического управления семьей; после этих руководителей наибольшим почетом пользовались старики. Начальник со своим Советом пользовался правом жизни и смерти над всеми теми, на которых распространялась его власть, и полновластно распоряжался имуществом и самими подданными. Нельзя было ни выходить из семьи, ни завязывать каких-либо связей без его разрешения, и каждый был обязан повиноваться его распоряжениям. Для управления всей нацией избирался представитель от каждой общины, все вместе они составляли Генеральный совет, состоявший при вожде и принимавший участие в общественном обсуждении всех вопросов. Вот каким образом управлялись эти народы. Что же касается их языка, то Севарис нашел, что он мягкий, размеренный и очень подходящий для письма, хотя и ограниченный и имеющий мало слов, потому что понятиями этих народов были самые простые вещи, и они в то время не знали ни наук, ни искусства, которым их научили парси с тех пор, как они с ними смешались. Он старательно занялся изучением языка, а так как он знал уже несколько языков, был способным и обладал необходимыми навыками, а кроме того, прекрасной памятью, он в короткое время достиг таких больших успехов, что его легко стали понимать струкарамбы и престарамбы, у которых язык был один, хотя и разные наречия. Эти последние жили почти так же, как и первые, кроме кровосмешения, о котором мы говорили и к которому они питали сильное отвращение. Они рассказывали, что этот обычай вкоренился у их врагов по примеру некоторых их соседей, которые жили в южной части страны, выражаясь на наш лад, по направлению к Южному полюсу. Затем они добавили, что

это случилось после их разделения (потому что когда-то они все составляли одну нацию) в результате действий необыкновенного лгуна, именем которого они тогда назывались, околдовавшего их, развратившего их добрые нравы и причинившего тысячу неприятностей всем обитателям этих мест, которые до него назывались сефирамбами.

Между тем стены храма поднимались с каждым днем, и хотя сначала они не имели всех архитектурных украшений, они не казались от этого менее красивыми и прочными, а Севарис построил это здание так, что впоследствии было легко его украсить. Он наметил вокруг храма набросок нового города, приспособив здания к тому государственному строю, который он предполагал ввести среди этих народов. Он составил проект после того, как ознакомился со страной, поинтересовался обычаями, и после того, как успех его оружия позволил ему надеяться приобрести над ними верховную власть. Когда храм был закончен, он пригласил главных вождей нации на торжественное освящение его и внес в эту встречу все великолепие и внешнюю пышность, оживившие и придавшие блеск этой церемонии. Он выписал из Персии своих жен и детей и мог бы обходиться без местных женщин, но так как у персов многоженство разрешено, он подумал, что было бы политически выгодно создать себе друзей путем новых браков с престарамбами и струкарамбами. Для этой цели он женился на дочери одного из вождей первых и через некоторое время — на племяннице одного из вождей последних, которым он оказал честь своим доверием и дружбой. Он заставил парси проделать то же самое. И это его поведение оказалось очень выгодным тем, что сильно укрепило его власть, и эти браки ему очень помогли, когда ему пришлось объявить себя повелителем всех этих народов.

Тем временем количество подчинявшихся ему парси и престарамбов чрезвычайно возросло и увеличивалось с каждым днем, так что благодаря им он все больше и больше приближался к тому, чтобы заставить бояться себя всю страну. Он часто приказывал им заниматься военными упражнениями, а остальное время они работали на постройках и обрабатывали землю, которая, будучи возделана способами культурных народов, приносила несравненно больше, чем у дикарей. Он выписал из Персии лошадей, волов, верблюдов и многих других животных, которых он не нашел на Австралийской земле, но зато он нашел много животных, неизвестных на нашем материке, в частности, банделисов, описание которых мы дали в

первой части этой истории. Это — особая порода оленей, большие стада которых в то время можно было видеть в лесах этой страны. Севарис велел изловить несколько штук сетями, и, приглядевшись к их росту, силе и нраву, решил, что их легко приручить и укротить, что и удалось сделать, согласно его намерениям. Итак, он приказал наловить их как можно больше, запретив избиение молодых, и пообещал австралийцам награды за тех, которых ему приведут. Они привыкли убивать их стрелами и есть их мясо, которое так же вкусно, как мясо оленя. В короткий срок он собрал довольно большое количество банделисов и заставил их обучить, а затем употреблял с пользой как для нужд перевозок и упряжки, так и для кавалерийских корпусов, которые он составлял из банделисов и привезенных из Азии лошадей. Он проделал все это в течение трех лет, и когда он увидел, что храм почти окончен, а кроме того, выстроено четыре больших квадратных дома, названных им *осмазиями,* иначе говоря, общинами, в каждом из которых могла разместиться тысяча человек или около этого количества; когда он увидел в довершение, что, заставляя обрабатывать землю на острове и в окрестных местах, он получал в большом изобилии съестные припасы, которыми наполнял свои склады,— тогда он решил, что не следует откладывать дальше свое избрание вождем всех покоренных им народов. Для этой цели он установил торжественный праздник в честь Солнца и пожелал, чтобы его праздновали каждый год, приносили жертвы, устраивали пиры и общественные развлечения. Он пригласил самых главных из престарамбов и струкарамбов, и так как они были все в хорошем расположении духа и полны восхищения великолепием праздника, он предложил через одного из их полководцев, по имени Хостребаса, избрать вождя обеих наций, которому будет предоставлена верховная власть для управления ими и для их защиты. Так как Хостребас пользовался большим доверием и поддержкой всех сторонников парси, его предложение было принято, и с общего согласия честь стать королем была возложена на Севариса. Он сначала отказывался и говорил, что не может принять столь ослепительное звание, не посоветовавшись предварительно с Солнцем, посланником которого он был и согласно воле которого он и должен поступить. Если они считают это нужным, то для этой цели он принесет в жертву благовония, попросит великое светило наставить и повести их в столь важном деле и показать им, каким образом они должны в этом случае поступить. Они все согласились с этими скромными и

разумными доводами и последовали за ним в храм, где он перед всем собранием, принося Солнцу жертву из благовоний, громко произнес следующую молитву, или, вернее, хвалебную речь.

Стиль ее поэтичен, и местами в ней можно заметить ритм и расстановку слов, встречающуюся только в стихах. Так как это было сделано умышленно, ибо такие обороты речи сильнее затрагивают сердце, чем обычная и пространная проза, то я не решаюсь удаляться от них.

Возможно, что не всякому понравится такая манера изложения и что эти стихи с частой перестановкой слов дадут повод для критики, но я уверен, что люди образованные, понимающие силу поэзии, будут судить иначе, в особенности будучи предупреждены, что Севарис достаточно хорошо изучил греческих и латинских поэтов и развивал в себе поэтический дух.

Впоследствии знаменитый поэт по имени Кодамиас, то есть дух божественный, облек ее в стихотворную форму. В конце стихотворения вы увидите историю этого знаменитого поэта, который, благодаря многим другим своим произведениям, достиг среди севарамбов почти такой же славы, как когда-то Гомер и Вергилий у греков и римлян. Но из всех его произведений среди народов пользуется наиболее глубоким уважением и почитанием молитва Солнцу, потому что она вкратце содержит самое существо их религии, а также потому, что этот прекрасный поэт, насколько позволяло ему искусство, в своих стихах выразил мысли Севариса, который, как мы уже сказали, молитву произнес всенародно.

МОЛИТВА СЕВАРИСА СОЛНЦУ

«Живительный источник света и жизни, прекрасное светило, блеску которого нет равного, наши слабые глаза не могут вынести твоих божественных взглядов. Мы не видим ничего более славного и более достойного поклонения, чем ты, когда обращаем свои взоры на те прекрасные предметы, которые наблюдаем вокруг себя благодаря тебе, единственному. Ты царственно прекрасно само и собою все украшаешь, тебя же ничто не может сделать еще более прекрасным. Твои лучи дают свет и блеск звездам, тебе подчиненным, твои лучи окрашивают небеса и облака тысячами разнообразных цветов, они золотят вершины гор и широкий простор долин, они изгоняют

мрачные тени ночи, повелевают всем живым и, наконец, позволяют им видеть все, озаряемое тобой. Твоя красота безгранична, без тебя нет красоты, ничто не может показать своего очарования без твоего участия. С твоим появлением на нашем горизонте все начинает радоваться, все выходит из унылого молчания, чтобы, проснувшись, приветствовать тебя. Ты вырываешь из объятий брата смерти людей, уснувших на своих ложах, как бы возвещая им новую жизнь. Вечером же, когда ты отнимаешь у них свой свет и отдаешь его другим местам, их обволакивает густая тьма, прообраз смерти, которая была бы нестерпима, если бы не утешение сладкой надежды твоего возвращения. Когда твое сияние тускнеет и затмевается, смертные бледнеют, как и ты, и сердца их охватывают страх и ужас.

Но вскоре снова радость и ликование сменяют их страх. В короткий срок ты пробегаешь свой путь по громадному своду небес, отмечая нам своим правильным и точным ходом времена года. С твоим приближением к нам все обновляется и приобретает новый блеск. Природа, которая замирает под снегами и льдами, разрушает свои оковы и цепи благодаря твоему живительному теплу, земля покрывается зеленью, и ты усеиваешь ее цветами и наполняешь плодами, зреющими для того, чтобы питать животных на земле, птиц в небе и рыб в воде. Они существуют благодаря твоей небесной доброте, и ты даруешь им жизнь. Ты — душа вселенной, все одушевляющая, без которой ничто не может существовать. Когда твое божественное тепло покидает нас, сразу же наступает холодный ужас смерти, все живое замирает, переставая видеть тебя. Их душа не что иное, как луч твоего всепобеждающего света, и когда ты отнимаешь свой луч у земного существа, оно тлеет, растворяется и снова возвращается в небытие. Когда в зависимости от времен года ты удаляешься от нас, во всем сказываются последствия твоего удаления, все тускнеет, все навевает грусть, и земля одевается в траур. Ты распространяешь свои благодеяния на всех людей, но неодинаково благоприятствуешь всем им в различных местах вселенной. Некоторые едва могут пользоваться твоим теплом и твоим светом и остаются погруженными в долгий и ужасный мрак; будучи подвержены суровости зимы, они томятся в ожидании твоего возвращения. Они знают, что ты являешься источником всех благ или хотя бы тем благоприятным потоком, через который изливаются благодеяния и милости высшего существа, поддерживающего тебя и славным посланником которого являешься ты.

«Государства Луны»

Но все, кто так же, как и мы, наслаждаются твоими ласковыми взглядами и видят вокруг себя поля, покрытые цветами и плодами, обязаны любить и превозносить тебя еще больше. Каждое утро ты возвращаешь нам свет, который отнимаешь вечером, а если иногда из влажных паров моря ты образуешь густые облака, скрывающие от нас твой сияющий лик, то лишь для того, чтобы превратить их в освежающие дожди и в нежную росу, которые орошают наши долины и холмы, увеличивая их плодородие.

Но если твое благоволение вызывает поклонение, твой гнев, распространяясь на всех нас, не менее страшен и не менее дает себя чувствовать во всем. Как только наша неблагодарность и наши проступки прогневили тебя, у тебя есть множество способов наказать нас и испытать действие твоей справедливости: то ты превращаешь свое живительное тепло, от которого растут и зреют наши плоды, в жестокую жару, изнуряющую и сжигающую их, то ты сменяешь нежную росу неба на ливни и шумный град, уничтожающий богатства наших садов и наших полей, то превращаешь сладкий зефир в вихрь и опасные грозы, то собираешь в кучу темные облака и поднимаешь густые туманы, чтобы скрыть от нас свой свет, и вместо ласкающих взглядов ты начинаешь метать молнии и вызываешь страшный гром, чтобы указать нам на наши проступки и предупредить о своем справедливом гневе. Иногда ты низвергаешь свои страшные молнии на самые гордые деревья, самые величественные горы, чтобы показать смертным, что ты можешь сразить все, что готово возвеличиться и возгордиться, и что если бы твоя доброта не сдерживала твой гнев, ты уничтожил бы неверующих и непокорных, не поклоняющихся тебе, божественному.

Мы, собравшиеся в твоем храме, чтобы высказать наши желания и выразить наше почитание и зажечь огонь на твоем алтаре, мы признаем, что тебе, единственному, мы обязаны своим существованием и теми благами, которыми мы обладаем, как и все остальные люди. Мы чувствуем, что должны особенно глубоко почитать тебя за твое покровительство в прошлом и будущем и за те милости, в которых ты отказываешь другим народам. Ты нам послал свои громы и молнии, чтобы покорить наших врагов, и даешь познания, полезные и приятные в жизни, которые предназначаешь только нам. Ты помогаешь нам разрешать самые важные дела, когда мы прибегаем к священным оракулам, и помогаешь в наших начинаниях, несмотря на то, что нам приходится преодолевать самые трудные

препятствия. Наконец, ты даешь нам познание, в чем должно выражаться наше поклонение и внешнее выражение нашего религиозного чувства, ты указываешь, чего мы не должны делать, чтобы не оскорбить тебя и твоей божественности. Для этого ты как бы за руку ведешь нас светлыми и верными путями в то время, как другие люди блуждают по темным и неверным тропинкам их суетного воображения. Одни создают себе кумиров, слабых и беспомощных, другие возводят в кумиры пустые призраки и поклоняются безумным мыслям своим. Мы же, руководимые простыми, чистыми и естественными чувствами, поклоняемся богу видимому и славному, власть которого нам известна, милости и доброту которого мы испытываем каждый день.

О божественный свет, осыпай нас всегда своими милостями, рассеивай облака и мрак, которые могут затемнить и совратить наш разум. Он сам по себе слишком слаб и ограничен, поэтому мы и прибегаем к твоему божественному просвещению в выборе начальника и вождя, способного руководить нами согласно твоей воле. Если ты пожелаешь нам дать его, сделай так, о прекрасное светило, чтобы он обладал всеми качествами, требуемыми столь высокой должностью, и руководил нами, подавая нам пример во всех наших поступках, чтобы он защищал нас от наших врагов, чтобы среди нас воцарились мир, справедливость и все добродетели и, наконец, чтобы он поддерживал в нас веру и уважение, которое мы должны воздавать тебе, доставляя лишь радость и ничем не навлекая твоего гнева, чтобы вечно пользоваться твоим милостивым покровительством и выражениями твоей особой доброты».

Молитва, произнесенная Севарисом с большим чувством, затронула сердца присутствующих, и они постигли великое благочестие этого государя. Они были приятно поражены, когда сразу после того, как он кончил говорить, под куполом храма зазвучала нежная мелодия, которая слышалась как бы издали и постепенно приближалась. Они услышали прелестный голос женщины или мальчика, который, нежно пропев что-то, сказал всем собравшимся, что он посланный Солнца и возвещает им, что славный бог услышал их молитву, принял их жертву и даже бросил свой взгляд на одного из них, чтобы возвысить его достоинство над другими. Однако он не хочет, чтобы избраннику было присвоено имя короля, потому что ни один смертный недостоин пользоваться суверенной властью над народом, который им избран из всех народов мира себе в подданные и истинные последователи. Будучи уже их богом,

он сам желает быть их повелителем, чтобы они управлялись целиком согласно его законам, очень справедливым и очень простым, которые будут им даны через посредство избранного им наместника, ранее возведенного им до ступени верховного жреца. Лицо, избранное им, это великий жрец Севарис, которого он публично объявляет своим наместником. Наконец, он приказал им признать его и в будущем повиноваться ему и его преемникам в соответствии с теми небесными законами, которые он внушит избранному им самим наместнику для выражения его воли и распределения его благодеяний.

После этой торжественной речи раздалась еще более нежная мелодия, чем первая, которая как будто удалялась, пока не замолкла совсем.

Между тем народ в глубоком восхищении думал, что действительно это был голос с неба, возвестивший им волю бога. Они ему подчинились сразу же и с большой охотой, ибо увидели, что славный король избрал себе наместником того, кого они хотели избрать своим государем, и что эту милость он еще увеличил великой честью, желая сам управлять ими и принять на себя особые заботы об их нации. Итак, народ признал Севариса вице-королем Солнца, и самые знатные из его подданных приветствовали его и дали присягу в верности. Я нахожу его поведение в этом случае весьма замечательным и достойным его ума и предусмотрительности, потому что он поступил не так, как другие великие законодатели, которые, чтобы придать вес своим законам, говорили, что они получили их от какого-либо божества, а он заставил говорить голос неба (во что они поверили) и изъявить волю их бога. Кроме того, он думал, что если он откажется от верховной власти и присвоит ее целиком Солнцу, то государственный строй, который он имел намерение установить среди этих народов, окажется более твердым и будет пользоваться бóльшим уважением, а сам он, будучи наместником и выразителем воли этого славного повелителя, будет более почитаем и ему будут оказывать больше повиновения, чем если бы он получил власть от простых смертных. Он очень любил музыку и неплохо понимал ее: это убеждает меня в том, что при постройке храма он заставил устроить в куполе какое-то потайное углубление, чтобы оттуда могла раздаваться музыка, о которой мы только что говорили, и что у него было какое-то изобретение, благодаря которому казалось, что звуки сначала приближаются, а затем удаляются. Тем не менее простой народ севарамбов до сих пор верит, что голос, возвестивший волю Солнца их предкам, исходил от него

и что Севарис был избран велением великого светила. Но почти все умные люди, с которыми я запросто беседовал в Севарамбе, признавались, что они думали, что это была ловкая выдумка их законодателя, чтобы придать больше веса и полноты своей власти. Это можно увидеть еще и в поведении парси тех времен, которые уверили австралийцев, что Солнце их научило искусствам и удостоивало их своего особого внимания, в то время как они вывезли свои знания с нашего материка. Севарис говорил то же самое в своей молитве к этому светилу, когда он благодарил его за дары и милости, как будто бы даваемые только ему и его подданным.

Струкарамбы, согласно свойству их языка, в котором окончание «ас» прибавляется к именам лиц высокого звания, стали называть Севариса Севариасом. Они также изменили название страны, которую престарамбы называли тогда Струкарамбом, в *Севарамб,* прибавив первые слоги имени этого государя к слову *арамб,* что на их языке означает «страна», «местность» или «родина». Престарамбы проделали то же с именем Струкарас, что означает «мошенник» или «самозванец», во имя ненависти к старому врагу их нации; но те, вождем которых он был и которые впоследствии воздали ему божественные почести, назвали его *Омигас* и сами от этого имени стали называться *омигарамбами.* Но когда оба эти народа объединились под властью Севариаса, они стали называться севарамбами и называются так до сих пор.

Севариас, достигнув наконец главной цели и добившись верховной власти, решительно принялся за обработку и украшение страны, за составление законов, предложенных им затем его новым подданным. Некоторое время он колебался, на каком из предполагаемых им и Джованни государственных устройств остановиться.

Первоначальным их проектом было разделение народа на различные классы, ибо они думали сначала делить земли и предоставлять их в собственность частным лицам, по примеру почти всех народов нашего материка. Все парси стояли за этот раздел, и было почти решено разделить народ на семь классов, подчиняющихся один другому.

В первом должны были быть земледельцы и все те, которые работают на земле. Во втором — все люди, занимающиеся грубыми ремеслами,— как каменщики, плотники, ткачи и им подобные.

Третий должен был состоять из тех, которые занимаются ремеслами более тонкими и более сложными,— как живопис-

цы, вышивальщики, столяры и другие подобные им ремесленники. В четвертом объединялись купцы и перекупщики всякого рода товаров.

Богатые буржуа, литераторы и другие люди, занимающиеся свободным искусством, должны были составлять пятый класс. Простые дворяне должны были быть включены в шестой класс; и, наконец, седьмой — самый почетный — должен был быть классом разных знатных вельмож. При разделе земель добрая часть земли должна была отойти на обычное содержание государства, а в исключительных случаях каждый класс должен был принимать участие в расходах в соответствии с чинами и средствами, причем никто не мог представлять исключения или пользоваться особыми привилегиями, потому что несправедливо и противоречит здравому смыслу, чтобы те, которые являются членами государства, защищаются его законами и пользуются всеми общественными преимуществами, не принимали участия в его поддержании, в то время как другие обременялись бы податями и налогами. От них освобождалось лишь имущество государя, а все его подданные должны были участвовать в общественных расходах, каждый в соответствии со своим общественным положением и возможностями при равном распределении. Но чтобы они постоянно признавали власть государя и чтобы уплата податей вошла в привычку, предполагалось обложить каждого, достигшего двадцатилетнего возраста, умеренным годовым налогом, который должен был называться подушной податью. Кроме того, если достигшие в законном обладании имуществом и богатствами определенного ограниченного законами предела захотели бы перейти в высший класс, то они были обязаны уплатить государству сумму денег, в соответствии с правилами, установленными на этот предмет. Один класс должен был отличаться от другого своей одеждой, чтобы низшие никогда не могли воспользоваться почестями высших, и таким образом каждый занимал бы место соответственно его достоинству. Этот проект, действительным автором которого, мне кажется, был Джованни, должен был заключать в себе еще многие правила. Севариас же, ознакомившись с этим государственным строем и некоторыми другими проектами, предложенными ему, отказался от них и сам составил проект, несравненно более справедливый и лучший, чем те, которые применялись до тех пор. Обладая благоразумием и необыкновенной мудростью, он стал изыскивать и внимательно изучать причины раздоров, войн и других бед, которые обычно омрачают жизнь людей и приводят в уныние народы и

нации, после чего он признал, что общественные бедствия исходят главным образом из трех источников: гордости, алчности и праздности.

Гордость и честолюбие большей частью приводят людей к желанию возвыситься над другими и подчинить их себе, и ничто так не потворствует этой страсти, как преимущество знатного происхождения, когда дворянство является наследственным. Блеск знатного имени так сильно ослепляет получивших его из рук судьбы, что они забывают о своем природном происхождении, и мысли их направлены лишь на внешние блага, которыми они обязаны своим предкам, а не собственным заслугам. Они очень часто воображают, что все другие люди должны во всем им подчиняться, что они рождены, чтобы распоряжаться, и не задумываются над тем, что природа создала нас всех равными, не делая различия между дворянином и простолюдином. Природа подвергает нас всех одним и тем же болезням, мы все вступаем в жизнь одним и тем же путем, ни богатство, ни знатность не могут ни на минуту продлить жизнь монархов, а также и их подданных, самое же лучшее, что позволяет отличать людей друг от друга,— это преимущества, вытекающие из добродетели. Чтобы устранить все ненормальности, порождаемые неравенством происхождения, Севариас не пожелал иного деления среди своего народа, кроме как на должностных и на частных лиц, и среди этих последних лишь различие в возрасте могло составить разницу в положении.

Богатство и обладание собственностью вызывают большие контрасты в обществе, и от них ведут начало алчность, зависть, вымогательство и множество других болезней. Поэтому он отменил право собственности, лишил его частных лиц и пожелал, чтобы все земли и народные богатства принадлежали исключительно государству, которое может ими неограниченно распоряжаться, так чтобы его подданные могли получить лишь то, что им будет предоставлено должностными лицами. Таким образом, он совершенно изгнал страсть к наживе, оброки, налоги, голод и бедность, порождающие столько бедствий в различных государствах мира. Со времени установления этих законов все севарамбы богаты, хотя и не имеют никакой собственности. Им принадлежат все богатства государства, и каждый из них может считать себя столь же счастливым, как самый богатый в мире монарх. Если среди этого народа кому-нибудь понадобится что-либо необходимое для жизни, ему стоит лишь попросить это у должностного лица, и он всегда получит.

Ему не приходится заботиться ни о питании, ни об одежде, ни о жилище в продолжение всей своей жизни, ни даже о содержании жены и детей, хотя бы их у него были сотни и тысячи. Государство заботится обо всем этом, не требуя ни податей, ни налогов, и весь народ под управлением государя живет в счастливом довольстве и с обеспеченным отдыхом. Но так как должностное лицо, являющееся главой политического тела, нуждается в помощи других членов, которые необходимо упражнять, а также из опасения, чтобы они не возмутились в довольстве и в развлечениях или не размякли от безделья, Севарнас пожелал дать работу всем своим подданным и держать их в бодром состоянии посредством труда полезного и умеренного.

Для этой цели он разделил день на три равные части: первую часть он предназначил для труда, вторую для развлечений и третью для отдыха. Он пожелал, чтобы все люди, достигшие определенного возраста, которых болезни, старость и другие несчастья не освобождают от выполнения требований законов, работали по восемь часов в день и остальное время употребляли на дозволенные и пристойные развлечения или на сон и отдых. Так жизнь протекает очень спокойно, тело утомляется от умеренного труда, но не напрягается от непосильной работы. Ум занят, но в меру, и не обременен заботами, тревогами и горем. Развлечения и удовольствия сменяют труд, отдыхают и обновляются тело и ум, а затем покой освежает их и дает возможность восстановить силы. Таким образом, людям, занятым добрым делом, нет времени думать о зле, они почти не знают изгоняемых честным трудом пороков, к которым их привела бы праздность. Зависть, происходящая от трех причин, уже указанных нами, редко проявляет неистовую злобу среди этих народов, а сердце обычно согревается благородным соревнованием, исходящим из любви к добродетели и из справедливого желания похвал, заслуженных добрыми делами.

Севариасу не стоило больших трудов заставить новых подданных принять его законы, ибо, будучи одобрены божеством, его законы к тому же немногим отличались от обычаев туземцев, ибо (мы уже раньше об этом говорили) эти народы жили общинами и не имели почти никакой собственности. Когда мы будем говорить о государственном строе севарамбов, существующем в настоящее время, мы остановимся на этом более подробно, пока же ограничимся несколькими общими словами. Хотя этот великий законодатель сам установил основы зако-

нов и общественного управления, тем не менее он не устанавливал всех порядков, существующих ныне среди севарамбов, а предоставил своим преемникам право, в зависимости от обстоятельств, изменять, увеличивать или уменьшать все то, что они найдут необходимым для блага нации. Однако он очень определенно запретил им вводить что-либо противоречащее естественному праву или основным законам государства, направленным к сохранению гелиократической формы управления, то есть к непризнаванию другого государя, кроме Солнца, и к неприятию других законов, кроме тех, которые он внушил своему наместнику и его Совету.

Вице-королем утверждать лишь того, кого избирает Солнце из среды высших министров государства, что делается при помощи жребия и о чем будет рассказано дальше.

Ни в коем случае не допускать, чтобы собственность на имущество перешла в руки частных лиц, а сохранить полностью принадлежность его государству, с неограниченным правом распоряжения им.

Не разрешать наследственных чинов и званий, а заботиться о сохранении равенства по рождению, чтобы лишь собственные заслуги могли возвысить частных лиц до общественных должностей.

Заставить уважать старость и с самых ранних лет приучить молодежь уважать тех, кто стоит выше их по возрасту и опыту.

Изгнать праздность из всей страны, потому что она — мать пороков и источник ссор и беспорядка, и приучить детей к умению работать.

Не занимать их бесполезными и пустыми искусствами, служащими лишь для роскоши и тщеславия, возбуждающими лишь гордость и порождающими зависть и раздор, отталкивающими сердца от любви и добродетели.

Наказывать всякую невоздержанность, ибо она развращает тело и душу и оказывает действие, противоположное добродетели, сохраняющей и то и другое в состоянии спокойствия.

Защищать законы о браке и заставить взрослых людей соблюдать их как для умножения рода и увеличения нации, так и для того, чтобы избежать супружеских измен, кровосмешения и других отвратительных преступлений, уничтожающих справедливость и нарушающих общественное спокойствие.

Особенное внимание обращать на воспитание детей, которые должны быть усыновлены государством, как только они

достигнут семилетнего возраста, чтобы с самых ранних лет они приучались к соблюдению законов и к повиновению должностным лицам, являющимся действительными отцами родины.

Обучать молодежь обоего пола обращению с оружием, чтобы иметь во всякое время людей, способных отразить нападение врагов государства.

Наконец, укреплять религию, чтобы связать людей совестью, убедив их, что ничто не остается скрытым от божества и что не только в этой жизни, но и после смерти оно приготовило награды для добрых и наказания для злых.

Вот вкратце главнейшие статьи законов Севариаса, публично утвержденные через пять лет после его прибытия в Австралийские земли и свято соблюдавшиеся его преемниками. Опубликовав их, он тщательно добивался выполнения их как мягкостью, так и угрозой оружия. Он принял настолько правильные меры, добиваясь своего, что встретил весьма мало препятствий к выполнению своих намерений: находилось мало людей, осмеливавшихся им противиться, потому что, если, с одной стороны, законы были малоприятны для злых, то все добрые их одобряли, как правильные и справедливые. Правда, что парси было трудно привыкнуть к общности имущества, но все они были чужеземцы, и их богатство зависело исключительно от их вождя. Поэтому они в конце концов подчинились его воле тем более легко, что видели, как струкарамбы, уже привыкшие жить общинами, охотно этому подчинялись. Тем, которые всю жизнь провели в праздности, было труднее принудить себя к определенной работе, поэтому к ним эта статья не применялась со всей строгостью. Но молодежь заставляли точно выполнять ее, так что менее чем через двадцать лет она выполнялась уже всеми, и бездельников больше не стало, разве только среди пожилых людей.

Севариас счастливо и благополучно царствовал тридцать восемь лет и видел полное повиновение своим законам во всех землях, где он владычествовал, и никогда никто не осмелился противиться его воле. В течение этого долгого царствования народонаселение необыкновенно увеличилось, так что число его подданных, перепись которых он производил через каждые семь лет, достигло свыше двух миллионов, хотя в начале его царствования их было не больше восьмисот тысяч. Он всех их распределил по осмазиям — большим квадратным зданиям, где они жили общинами, в чем им всегда подражали и их потомки.

Еще во время Севарнаса город Севаринд сильно разросся, он сам заложил фундамент сорока осмазий и построил много других по дороге в Спорунд, основателем которого также был он. Он провел много каналов в долинах Севарамба, чтобы еще больше увеличить их плодородность, хотя они были очень плодородны и сами по себе, и задумал многие общественные работы, которые впоследствии были выполнены его преемниками.

От десяти или двенадцати жен, которых он имел в течение своей жизни, родилось много детей; потомство которых сильно увеличилось и пользуется большим уважением среди севарамбов. Они даже пользуются некоторыми преимуществами, не предоставляемыми другим подданным, главной из которых является возможность поступить на государственную службу на три года раньше, чем юношам из других семей.

Многие годы Севарнас положил на то, чтобы обработать и обогатить местный язык, и его старания увенчались такими успехами, что в его время он был равен всем восточным языкам по изяществу и мягкости. Он сделал столько верных замечаний и так хорошо соразмерил основы языка для последующего развития, что в пятом царствовании язык этот был более красив и богат, чем латинский и даже греческий.

Наконец, процарствовав целых тридцать восемь лет и достигнув семидесятилетнего возраста, он почувствовал старческую немощь и решил передать власть другому, чтобы провести остаток дней своих в отдыхе, как простой смертный. Для этой цели он созвал всех осмазионтов нации, то есть всех управляющих осмазиями, которые и поныне образуют Генеральный совет, и сообщил им о своем решении. Одновременно он просил их приступить к выбору нового вице-короля, испросив совета у Солнца, на волю которого они должны были положиться в таком важном деле, уверив их, что славный король не откажется им указать при помощи жребия того, кого он наметит ему в преемники, если они бросят жребий, согласно указаниям, уже предписанным им. Но, видя, что эта речь опечалила всех собравшихся, он стал им доказывать, что ему уже очень много лет и силы его начинают слабеть, что ему стало трудно держать бразды правления и что было бы полезно для общества избрать вождя более молодого и более крепкого, чем он, чтобы управлять государством. Он поработал тридцать восемь лет для блага и счастья нации, и было бы справедливо, чтобы он наконец подумал о своем личном отдыхе. Затем он добавил, что, кроме этих веских причин, он получил тайное предупреждение от Солнца отойти от дел и передать другому

управление государством и сан главного жреца, который нераздельно связан с званием вице-короля. Когда он окончил свою речь, сильно огорчившую всех слушавших его, многие члены Совета, засвидетельствовав ему свое уважение и благодарность и выразив сожаление, что ими будет управлять кто-то другой, просили его сохранить до конца дней звание, которое он носил уже так давно и с такой славой, или, по крайней мере, дать одного из своих сыновей, чтобы царствовать вместо него, если он будет продолжать упорствовать в своем намерении передать власть другому. Кроме того, они заявили, что нация во время всего его царствования имела столько ясных доказательств его рассудительности, доблести и любви к народу, что с трудом сможет утешиться в этой потере, и единственным способом, могущим успокоить горе его подданных, причиненное его уходом, было бы возведение на трон кого-либо из его детей, кого он сам найдет наиболее достойным его заменить, чтобы в его лице и в лице его потомков всегда можно было видеть живой образ их великого предшественника и чтить в них глубокую мудрость и несравненные достоинства государя, которому вся нация была обязана своим счастьем. Для этой цели они предложили ему сделать его звание наследственным в его семье, отдавая предпочтение его знаменитому роду перед всеми остальными. К этим настоятельным убеждениям они присовокупили еще много других и употребили все доводы и средства, пришедшие им в голову, чтобы заставить его принять их предложение. Но ничто не могло поколебать этого великого человека. Он твердо возражал против их доводов и просьб, и добродетель его восторжествовала в этом случае над всеми слабостями человеческого ума. Он возразил им, что государство у них чисто гелиократическое, и он не может согласиться на их предложение, ибо при выборе вице-короля, в соответствии с установленными законами, следует целиком руководствоваться волею Солнца, которое посредством жребия указывает, кто из его подданных будет ему наиболее угоден и наиболее достоин руководить его народом. Тем не менее он поблагодарил их за заботы и привязанность, сказав им, что хотя он относится к своим детям со всей любовью и нежностью, на какую только способен отец, все же он никогда не уклонится от необходимого повиновения славному королю, давшему ему власть. Когда дело касается общественной пользы, следует заставить умолкнуть чувства отцовской любви и свои личные интересы принести в жертву государству, глава которого должен быть всегда его настоящим отцом. Затем он

добавил, что в подобных случаях в будущем он надеется на добродетель своих преемников, которые должны следовать его примеру и показать потомству, что честь и слава монарха заключаются единственно в том, чтобы положить все силы на счастье своего народа, руководить и повелевать которым ему поручено небом.

Осмазионты Совета, видя из этого ответа неотложную необходимость смены вице-короля, избрали из своей среды четырех человек, и жребий пал на одного из них по имени *Кхомедас,* которого впоследствии стали называть Севаркхомедасом, прибавив к его имени два первые слога имени Севариаса, что в дальнейшем стали делать по отношению ко всем его преемникам.

Три дня спустя после этого избрания Севариас в сопровождении всех высших должностных лиц государства повел Кхомедаса в храм, чтобы совершить религиозные обряды по случаю его воцарения, которые должны были быть очень торжественными, желая оказать честь своему преемнику и показать народу своим личным примером, каково должно быть почитание, оказываемое монарху. На алтаре он принес жертву богу света и во второй раз произнес молитву, посвященную ему тогда, когда он был избран голосом с неба, добавив лишь, чтобы прекрасное светило наставляло и руководило новым наместником, которого оно избрало для того, чтобы управлять его народом.

Наконец, повернувшись к тому, который должен был стать его преемником, он громко произнес перед всем народом примерно такую речь:

— Прежде чем передать тебе то, что еще осталось от моей власти, я должен, о Кхомедас, сделать тебе несколько предостережений. Я чувствую, что должен это сделать во имя славы нашего божественного монарха, для блага его народа и для посвящения тебя.

Намерение, приведшее нас в этот храм, заключает в себе много необыкновенного: вчера ты был моим подданным, а завтра станешь моим повелителем; я добровольно удаляюсь от трона, и ты беспрепятственно взойдешь на него, и этим поступком мы покажем потомству самый замечательный пример, когда-либо показанный монархом. Редко в каком государстве происходят такие перемены, если они не вызываются в действительности отцовской любовью и слабостью государей или если право победителя не делает их необходимыми. В данном случае дело обстоит не так: не право и не природа заставляют

меня покровительствовать тебе, не сила твоя и не моя слабость заставляют меня передать тебе скипетр и корону Солнца, а только лишь воля нашего славного короля и мое повиновение его священным велениям возносят тебя до нового высокого звания. Выбор его, остановившийся на тебе и делающий тебя его наместником и моим преемником, справедливо наполняет твою душу возвышенными мыслями, но отнюдь не должен внушать тебе чувства гордости и заставить тебя забыть свое происхождение. Помни, что ты только человек, что по законам рождения у тебя нет никаких преимуществ над другими, что ты, так же как и они, подвержен недугам и превратностям судьбы, и роковой предел, которым оканчивается их жизнь, также прекратит и твою. Подумай внимательно о всей тяжести короны того, от кого ты ее принимаешь и кому ты должен будешь дать отчет. Подумай о счастье предшествовавшего тебе царствования и посмотри, какому примеру ты должен следовать и какие примеры тебе нужно подавать. Обязанности вице-короля, которые ты призван исполнять, очень велики и ответственны, они требуют напряженного внимания, твердого ума, неустрашимой отваги, непоколебимой верности и чрезвычайной осторожности. Я не сомневаюсь, что ты обладаешь всеми этими качествами, раз лучезарный бог, направляющий нас, который все видит и все знает, предпочел тебя остальным своим подданным и сделал тебя главным исполнителем его воли. Разреши тем не менее тебе сказать, что в управлении государством есть два пути, приводящие к совершенно различным целям: первый — путь добрых монархов, второй — тиранов; один ведет прямо к славе, а другой — к бесчестию. Тираны дают волю своим страстям и отдаются во власть плохих наклонностей своего сердца и всегда своими пороками уничтожают плоды своего благоразумия. Они редко думают о том, кто дал им власть, они мало задумываются над тем, что им придется отдавать ему отчет, и плохо помнят, что чем медленнее действие правосудия, тем страшнее его приговоры. Отсюда следует, что их власть ненавистна, они обречены на гибель, а память о них полна отвращения.

Добрые монархи, наоборот, руководствуются лишь светом чистого разума, долг свой они считают ненарушимым правилом и, правильно следуя голосу предусмотрительности, укрепляют трон на основах, которые ничто не может поколебать. Их любят во время их жизни, сожалеют по их смерти, и память об их царствовании всегда дорога и ценна потомству.

Будучи далек от того, чтобы подумать, что ты хоть минуту

можешь колебаться в выборе одного из этих двух путей, я убежден, что ты уже принял великодушное решение следовать примерам добрых монархов так же ревностно, как и избегать правил тиранов. Твой долг, твоя честь и твой собственный интерес, безусловно, обязывают тебя к тому, я же еще напоминаю тебе об этом от имени того, чей живой образ ты должен воплощать в этом государстве. Он дал нам законы, хранителем, толкователем и исполнителем которых отныне будешь ты. Эти законы — законы мудрости, которая, будучи неизменна, не потерпит изменений и в основной конституции этого королевства. Уважай их первоисточник, остерегайся что-либо изменять в них и не упускай случая наказывать дерзость тех, которые захотят осквернить священные веления Солнца нечистою примесью своих выдумок. Пользуйся неограниченной властью, предоставляемой тебе этими законами, для осуществления правосудия, воздержанности и процветания людей. Покой и счастье народов заключаются в мире, но, чтобы сохранить его, нужно внимательно следить за чистотою нравов и в корне пресекать пороки. Легко руководить хорошими людьми, а плохими трудно, и единственная возможность славного царствования — это справедливое распределение наград и наказаний. Для этой цели государь всегда должен быть во всеоружии, как во время мира, так и во время войны, чтобы иметь возможность своевременно отражать врагов внешних и подавлять внутренние восстания, заставив всех врагов и бояться и уважать всюду мощь своего оружия и святость своих законов. Я старался своими прошлыми действиями доказать истину этих правил, торжественно предлагаемых тебе сегодня перед богом, наставляющим нас, и перед народом, слушающим меня, а тебе предоставляю извлечь пользу из моих советов. После этого я передаю тебе корону и скипетр Солнца, как последние доказательства власти, которую, согласно его велениям, на тебя возлагаю. Пусть твои действия будут ответом на намерения нашего божественного монарха, мы возлагаем на тебя наши надежды, и, наконец, запомни непреложную истину, что слава истинного государя зависит меньше от блеска его короны, чем от счастья его подданных.

Окончив эту речь, он взял за руку Кхомедаса, повел его к алтарю и заставил поклясться богом невидимым, вечным и бесконечным, Солнцем видимым и славным и любовью к родине, что он будет свято выполнять основные законы государства, не расширяя и не сокращая их. Затем, посадив его на трон, он возложил ему на голову корону, вложил скипетр в руку его

и, поклонившись вице-королю Солнца, первый почтил его. Он предложил всем присутствующим должностным лицам последовать его примеру, а затем, повернувшись к народу, стал призывать его к тому же. Он обратил внимание народа в особенности на то, что самый великий долг подданных состоит в уважении, повиновении и верности государю. Хотя одобрение и согласие народа необходимо для его вступления во власть, но не следует воображать, что воля народа основной ее источник — провидение принимает большее участие в избрании монархов, чем народ, монархи же на земле должны рассматриваться как живое воплощение божества, и хотя бы они плохо исполняли свои обязанности, их подданные не должны уклоняться от своих, ибо небо часто благословляло несправедливые поступки монархов, чтобы наказать народ, который своими проступками навлек на себя гнев небесного правосудия. Народ должен безропотно подвергаться наказанию, не следуя мятежным советам. Возмущение — не только самое тяжкое преступление, но и самое большое безумие, ибо вместо того, чтобы доставить свободу тем, кто подпадает под его влияние, оно приводит лишь к более жестокому угнетению, независимо от того, на чьей стороне окажется победа. Наконец, подчиняться законной власти не только долг всех подданных, но в этом заключается их же собственная польза.

После сложения с себя обязанностей монарха Севариас удалился вместе со своей семьей в одну из выстроенных им осмазий, расположенную на расстоянии одного дня пути от Севаринда, в прекрасном месте, где был чудный воздух. Он жил там как частное лицо, совершенно не вмешиваясь в дела, кроме тех случаев, когда к нему приходили за советом; и это делали при разрешении всех важных вопросов, пока он был жив, как для того, чтобы оказать ему почет и уважение, так и для того, чтобы показать, насколько считались с его мнением.

Отказавшись от власти, он прожил еще шестнадцать лет, и ум его не подвергся слабости, свойственной его возрасту. Он сохранил рассудок и даже память до последней минуты своей жизни. Наконец, почувствовав приближение последнего часа, он напомнил своим детям о долге и любви к родине, указав им, что действительная слава заключается в повиновении законам, в чувстве справедливости и в воздержанности. Затем он добавил, что хотя его тело и смертно, но душа бессмертна, и как только освободится от земных оков, она вознесется на славное светило, от которого ведет свое начало, чтобы облечься в новую форму, более прекрасную и совершенную, чем

прежняя. То же самое будет и со всеми теми, чья жизнь была чиста и праведна и которые с радостью повиновались богу всевидящему и знающему не только все поступки, но и все мысли человеческие. Наоборот, все злые и нечестивые, не повиновавшиеся его законам, все безнравственные будут строго наказаны после смерти, и душа их воплотится в более презренное и немощное тело, чем первое, и, кроме всего этого, они попадут в места, отдаленные от сияющего лика Солнца, где почувствуют жестокий холод зимы и будут жить, погруженные во мрак глубокой ночи, чтобы искупить свои грехи.

Сказав это, он испустил дух. Он оставил глубокое сожаление о себе во всем народе, носившем траур по нем в течение пятидесяти дней и выражавшем необычайное горе по поводу его отсутствия и смерти. Народ считал его отцом родины и создателем того благосостояния, которым все пользовались, так что память об этом великом человеке еще сейчас жива и всегда будет настолько жива и почитаема среди севарамбов, что они воздвигли бы ему алтари и воздавали бы ему божеские почести, если бы он сам, предчувствуя это и будучи кровным врагом идолопоклонства, не принял мер против этого перед своей смертью.

Ему были устроены царские похороны, по этому случаю приносились исключительные жертвы, и его преемник не пожалел ничего, чтобы почтить память Севариаса и показать всему народу глубокое сожаление по поводу его смерти.

Это почитание и мудрое поведение значительно увеличили питаемые к нему самому любовь и уважение, придали новый блеск его царствованию и заставили признать его достойным преемником Севариаса.

Он царствовал еще шесть лет после смерти Севариаса, а затем, почувствовав приступ жестокой болезни, передал управление государством другому, подражая и в этом своему предшественнику, как старался подражать ему во всех своих действиях.

Во время его царствования было построено много осмазий и процветали все искусства, введенные еще во времена Севариаса, которому он воздвиг прекрасный надгробный памятник, существующий еще и по наше время в севариндском храме. При нем были построены два больших моста по обеим сторонам острова, чтобы облегчить сообщение, которое до того времени осуществлялось при помощи лодок; он задумал окружить остров толстой стеной, но так как он прожил не столь долго, то предоставил заботу об этом своим преемникам.

БРОНТАС, III ВИЦЕ-КОРОЛЬ СОЛНЦА

Тот, кто был избран на его место, звался Бронтас, а после его избрания, согласно обычаю, его стали звать Севарбронтасом. Он следовал примеру своих предшественников, заботился об обработке долин и даже гор в некоторых местах, в частности, по направлению к Спорунду, дорогу к которому он сделал более удобной, чем прежде, и заложил основания нескольких городов, с тех пор сильно выросших. При его царствовании, согласно намерениям Севаркхомедаса, начали обносить остров стеной. Затем, изучая на практике архитектуру, он приобрел в ней такие познания, что значительно украсил все здания, выстроенные его предшественниками. В его времена произошли неурядицы среди севарамбов, возникшие из-за нескольких вновь прибывших парси, захотевших установить имущественную собственность, вопреки основным законам государства. Это причинило ему много неприятностей, но наконец он восторжествовал; и чтобы на будущее время оградить себя от подобных беспорядков, он запретил сношения с нашим материком и не пожелал больше принимать подобных смутьянов.

Он происходил из престарамбов, что было причиною его забот о расширении Спорунда и других горных мест, чтобы облегчить возможность сношений с ними. Он царствовал тридцать четыре года, а затем, по примеру своих предшественников, передал власть другому.

ДЮМИСТАС, IV ВИЦЕ-КОРОЛЬ СОЛНЦА

Севарбронтаса сменил Севардюмистас, по происхождению струкарамб. Он стремился расширить пределы государства и подчинить себе народ, живший в низовьях реки, приблизительно на расстоянии восьмидесяти лье ниже Севаринда, но Совет воспротивился и не пожелал без надобности завоевывать новые земли, тем более что это противоречило законам Севариаса, повелевшего заботиться о благоустройстве местности вокруг Севаринда, прежде чем интересоваться более отдаленными местностями, если не считать дороги в Спорунд. Увидев, что его намерение потерпело неудачу, он занялся усовершенствованием земледелия, постройкой новых осмазий в различных местах, а в особенности в городе Аркропсинде, где он родился. Он установил новые религиозные обряды, придавшие лишь больше внешней торжественности, в частности и при об-

ряде оспаренибона, или таинства брака. Ко всему этому он присовокупил различные распоряжения, касающиеся народных празднеств, установил новые пляски во время эримбазиона, или праздника Солнца, которые существуют и по настоящее время. Уверяют, что, потерпев неудачу в попытке затеять войну, он выбрал как раз обратное и развлекался установлением различных церемоний. Он царствовал всего лишь одиннадцать лет и был первым, сохранившим власть до конца своих дней. Правда, что причиной этого был несчастный случай. Он умер скоропостижно от падения, и вследствие этого получилось междуцарствие, длившееся всего лишь пятнадцать дней.

СЕВАРИСТАС, V ВИЦЕ-КОРОЛЬ СОЛНЦА

На его место был избран Севаристас, потомок Севариаса, в лице которого род первого вице-короля Солнца снова занял трон. Его доблести и достоинства позволяли возлагать большие надежды на его царствование, и все были уверены, что он будет достойно занимать место знаменитого человека, от которого он имел честь происходить. И в этом никто не ошибся, потому что он был живым образом и достойным последователем Севариаса. Ему было всего тридцать лет, когда он стал управлять государством, но уже в этом возрасте он обладал необыкновенной мудростью и благоразумием. За его царствование население сильно увеличилось, всюду царили мир и благосостояние, и оно было счастливым с самого начала. У него было много подданных, которым, в соответствии с законами государства, надо было дать работу, поэтому он затеял большие постройки, представлявшие почти непреодолимые трудности. Сначала он окончил постройку дворца Севаринда и стен, окружавших остров, а затем воздвиг громадный амфитеатр и проложил путь сквозь гору, о котором мы говорили в первой части этого рассказа.

Он возобновил торговлю с Персией и другими странами нашего материка, прекращенную Севарбронтасом, изменив характер ее таким образом, что только немногие севарамбы отправлялись к нам, чтобы изучать те науки и искусства, которые, по их мнению, могли способствовать благосостоянию и славе их народа, но вместе с тем им было запрещено рассказывать нам что-либо о своей стране.

Эти заботы завершили просвещение народа и упрочили среди них науки, искусства и грандиозные публичные зрелища.

При Севаристасе был установлен праздник, названный кодембазион, то есть праздник великого бога, мысль об этом празднике впервые возникла у Севариаса, но он так и не был установлен его преемником из опасения, что они не так истолковывают желание законодателя. Однако Севаристас, пользуясь преимуществом своего происхождения или, быть может, поняв лучше, чем другие, намерения своего знаменитого предшественника, преодолел все трудности и пожелал, установив это торжество, чтобы его праздновали каждый дирнемис, то есть через каждые семь лет. При нем это торжество праздновалось семь раз, ибо он царствовал сорок семь лет, после чего он отказался от власти и прожил еще двенадцать лет.

КЕМАС, VI ВИЦЕ-КОРОЛЬ СОЛНЦА

За этим знаменитым государем последовал Севаркемас, увлекавшийся естественными науками. Он занимался изучением природных богатств и металлов, многие залежи которых были открыты им же, даже богатые залежи золота, употребленные им на украшение храма Солнца и дворца Севаринда, ибо в этой стране денег не делали и их не было вовсе, а употребление их было запрещено основными законами государства.

Именно он украсил большой сияющий шар храма в Севаринде, изображающий солнце, массивной золотой доской с вырезанными и выгравированными на ней лучами, которую можно и сейчас там увидеть. Он царствовал сорок три года и затем отказался от власти.

КЕМПСАС, VII ВИЦЕ-КОРОЛЬ СОЛНЦА

После Севаркемаса последовал Севаркемпсас. Он любил путешествовать по своему государству, в котором осмотрел каждую маленькую осмазию, и любил садоводство. Он занимался постройкой дорог, на которых стал расставлять различные знаки для удобства путешественников. Он размерил и разметил расстояния от одного места до другого и распорядился, чтобы в каждом городе были рабыни для обслуживания проезжих. Он воевал с южными струкарамбами, народом гордым и жестоким, никогда не признававшим власть Севариаса, который и сам пренебрег их покорением, и завещал своему пре-

емнику не нападать на них, довольствуясь уже принадлежащими севарамбам землями, которые, будучи хорошо обработаны, могли прокормить в десять раз больше народа, чем имелось у них. С того времени этих варваров презирали и не имели с ними никаких связей, пока они сами ничем себя не проявляли. Но как только они осмелились вторгнуться на земли Севаркемпсаса, он пошел на них войной, в нескольких сражениях разбил их и заставил платить ежегодную дань девушками и юношами, которые становились рабами севарамбов. И так как в их горах он нашел много руды, он построил там крепости, оставив в них гарнизоны, где по очереди и в установленном порядке должна была служить молодежь севарамбов. Он царствовал двадцать восемь лет и сложил с себя власть, передав ее своему преемнику.

МИНАС, VIII ВИЦЕ-КОРОЛЬ СОЛНЦА

Сейчас царствует он, и он дал распоряжение, чтобы нас доставили в Севаринд. Севарминас царствует уже давно, и когда я уезжал из этой страны в Персию, говорили, что он собирается отречься от престола, чувствуя наступление старости. Многие большие постройки возведены при нем, в том числе и большой водопровод, по которому в Севаринд подается вода из реки, истоки которой находятся в горах на расстоянии шести-семи миль. Его предшественник начал эту работу, а он закончил ее в течение первых двенадцати лет своего царствования.

Это человек строгий и справедливый, требующий повиновения, но вместе с тем любящий народ, который также его очень любит. Я прожил тринадцать или четырнадцать лет во время его царствования и видел многое, что было осуществлено за это время, изучая законы и быт этого народа, о котором мне пора поговорить более подробно, чем я это делал до сих пор.

ЗАКОНЫ, НРАВЫ И ОБЫЧАИ СЕВАРАМБОВ НЫНЕШНЕГО ДНЯ

В истории Севариаса и его преемников я дал краткое описание законов этих народов и указал основы управления государством. Я бы мог здесь дальше продолжать в том же духе и описывать все правила и распоряжения, изданные вице-королями Солнца, начиная от Севариаса до ныне царствующего

Севарминаса, но такое перечисление было бы слишком долгим, и я ограничусь тем, что опишу здесь лишь самое замечательное.

Государственный строй там монархический, деспотический и гелиократический по отношению к главе, то есть господство и высшая власть принадлежат единому монарху, и этот монарх является единственным хозяином и собственником всего государственного имущества. Таким монархом признается Солнце, имеющее неограниченную власть. Но, рассматривая государственную власть в той части, где управляют люди, мы найдем, что это монархия последовательная и деспотическая, с которой сочетаются аристократия и демократия.

Это видно из того, что вице-король, являющийся единственным представителем государя и повелителя, назначается на эту должность не только по выбору Солнца, но также избирается Великим советом и народом. Когда происходят выборы вице-короля, то Великий совет из своего состава избирает четырех лиц, которые тянут жребий между собой, и тот из них, который вытянет изображение Солнца, тем самым объявляется главою и считается как бы избранным прекрасным светилом.

Все должностные лица, включая и должности осмазионтов и сенобиарков, сначала избираются народом в каждой осмазии, заняв же должность, они становятся членами Генерального совета и имеют право обсуждения и решающий голос от той осмазии, которую они представляют. Вначале, когда нация была немногочисленна, осмазионты входили в Постоянный совет, а когда численность населения увеличилась, они стали входить в Генеральный совет, а в Постоянный совет входил один представитель от четырех осмазий, впоследствии от шести и в настоящее время от восьми. Из этих последних, называемых бросмазионтами, избирали сенаторов в зависимости от времени их избрания, то есть старший из них занимал место умершего сенатора: следует понимать, что старший по должности, ибо возраст его во внимание не принимается. Сенаторов в настоящее время двадцать четыре, они помогают вице-королю решать все важнейшие вопросы и образуют Высший государственный совет. Их называют севаробастами, то есть помощниками Севариаса и его преемников.

Существует другой, меньшего значения корпус, состоящий из брасмазионтов числом в тридцать шесть человек, из них назначаются севаробасты, когда имеются свободные места, или губернаторы городов, за исключением Спорунда и Аркропсинда,

являющихся городами большого значения, которыми управляют такие севаробасты, как Альбикормас и Бразиндас.

Помимо обязанности давать советы вице-королю почти все севаробасты занимают определенные государственные должности, причем самые высокие, как генерал, адмирал, префект зданий, продуктов, жертвоприношений, школ, торжественных праздников и другие, и, кроме того, имеют при себе особые Советы для исполнения своих обязанностей по данной должности.

При каждом губернаторе состоит особый Совет для управления городом или провинцией, как мы видели вначале в Спорунде — самой значительной области всего государства, включающей в себе все города, расположенные по ту сторону гор, и всех оставшихся там престарамбов, большая часть которых покинула свои земли и переселилась в Севарамб. Вместо них туда посылают людей с умственными или физическими недостатками, и оттуда идет название местности Спорумб, о чем мы уже говорили ранее.

Кроме только что перечисленных мною должностных лиц и начальников, еще имеются более низкого ранга должностные лица, в числе которых особенным почетом пользуются те, которые руководят молодежью, потому что от воспитания детей зависит будущее государства и всего народа.

Руководители некоторых производств также в большом почете, особенно руководители сельского хозяйства и построек, так как оба эти занятия наиболее полезны, и ими народ больше всего занят.

Должностные лица стоят выше народа, и обязанности их более почетны, чем у простых людей, поэтому они заслуживают большего вознаграждения, которое получают в зависимости от того положения, которое они занимают в республике. Прежде всего они имеют власть и получают удовлетворение от оказываемого им повиновения. Закон разрешает им иметь больше жен, чем другим гражданам, и каждый из них имеет определенное число рабов. Обычно они имеют лучшие жилища, лучшее питание и одежду, чем частные лица, и все оказывают им почет и уважение, в зависимости от их положения. Кроме того, получив государственную должность, каждый может надеяться добиться высшей власти, поднявшись до нее по тем ступеням, которые к ней ведут. Все вице-короли, после Севариаса, прошли этот путь, и другого пути к власти нет, так что все лица, обладающие заслугами и честолюбием, стараются добиться любви и уважения у своих сограждан, чтобы иметь их

голоса при выборах. Если подумать серьезно об обычаях и нравах севарамбов, окажется, что, в сущности, у нас те же желания и цели в наших заботах об увеличении своего имущества для пользования жизненными благами, как и у них.

Между ними и нами лишь та разница, что средства, которыми они пользуются для того, чтобы возвыситься, вполне законны и честны, в то время как мы сплошь и рядом доходим до низостей и преступлений, чтобы выкарабкаться из бедности и темноты Если всеми правдами и неправдами мы достигаем богатства и почестей, мы обычно злоупотребляем ими или оставляем наследство детям, предоставляя им право распоряжаться всем, как им заблагорассудится. Севарамбы же, которым разрешены лишь благие поступки, могут сохранить свое имущество и общественное положение постоянными добродетельными действиями, а детям своим оставляют в наследство лишь свой добрый пример для подражания.

Если бы случилось междуцарствие, самый старый из севарамбов вступил бы в управление государством вместо вицекороля до тех пор, пока Великий совет не изберет преемника.

Первое, что делает новый наместник Солнца,— собирает Генеральный совет всей нации, в котором принимают участие все осмазионты и все главные должностные лица. Он сообщает им, что Солнце остановило свой выбор на нем, и спрашивает их, желают ли они добровольно подчиниться воле бога и короля и признать его наместником, на что все громко кричат: «Erimbas imanto!» — то есть: «Да будет исполнена воля короля света!» После этого все сопровождают его в храм, где он приносит благоуханную жертву Солнцу в благодарность за проявленную к нему милость, обязуется служить ему, дает ему клятву верности, а народу обещает справедливость и защиту. После этого он идет и садится на трон, на котором мы видели Севарминаса во время данной им аудиенции. Все севаробасты следуют за ним, и самый старший надевает ему на голову сияющий венец, о котором мы уже говорили. Затем каждый из сенаторов обещает ему свою помощь и верность, а все остальные — подчинение и повиновение ему и его Совету. Если у него имеется какой-нибудь закон для предложения, он объявляет его во всеуслышание, подтверждает его необходимость, раздает копии его всем осмазионтам, просит их внимательно ознакомиться с ним и сказать ему их мнение. Через девять дней на таком же собрании этот закон утверждается, и каждый присутствующий уносит с собой копию с него, после чего вицекороль отпускает всех и сам направляется к себе во дворец.

Всякий раз, когда нужно принять какой-нибудь новый закон, собирают Генеральный совет, и проделывается все то, о чем я только что говорил.

Государственные должностные лица продолжают занимать свои должности столько времени, сколько это угодно вице-королю и его Совету, и очень редко случается, чтобы от них освобождали тех, кому они однажды были предоставлены, если только они сами не отказываются (что обычно делается по достижении шестидесяти- или семидесятилетнего возраста) или же если они плохо исполняют свои обязанности, что бывает очень редко. Но если вдруг, паче чаяния, случится, что вице-король окажется злым, нечестивым, тираном и пожелает нарушить основные законы, то делается все возможное, чтобы образумить его. Но если в конце концов это оказывается невозможным, старейший севаробаст может созвать Генеральный совет, изложить положение дела и спросить мнение Совета, не найдет ли Совет возможным испросить у Солнца опекуна для вице-короля, для того чтобы законы выполнялись и имели полную силу и авторитет, согласно установлениям Севариаса и его преемников. Если прочие члены Совета ответят утвердительно, то все идут в храм и после благоуханного жертвоприношения и молитвы Солнцу севаробасты бросают между собой жребий, и тот, кто вытянет изображение Солнца, объявляется опекуном вице-короля, который в этом случае будет рассматриваться как потерявший разум. После этого он больше не допускается в Совет, его держат в отдельном дворце, но тем не менее с ним должны обращаться как можно лучше и с уважением до тех пор, пока божество не соблаговолит вернуть ему утраченный разум. Когда же он снова сможет выполнять свои обязанности, он публично восстанавливается в своих правах тем же путем, каким был лишен их.

Эта оговорка существует в законах Севариаса на случай, если подобная вещь произойдет, но до сих пор такого случая не было и, возможно, никогда не будет. Та же оговорка относится к тем, которые действительно потеряют рассудок и не пожелают добровольно отказаться от власти.

Севариас оставил на этот предмет ряд распоряжений, а также и распоряжения о некоторых молитвах Солнцу по всяким поводам, а в особенности о той, которую мы перевели и которая читается всякий раз при избрании вице-короля.

Мне кажется, что теперь следует рассказать, как существует это большое государство, каким образом устроены там общественные склады и как ими пользуются.

Мы уже говорили, что одним из основных законов государства является отсутствие у подданных собственности на имущество и предоставление полного распоряжения им монарху. Это было заведено со времен Севариаса, а чтобы кормить людей и дать им возможность жить в довольстве, были устроены общественные склады всех полезных и необходимых для жизни предметов, а также предметов, служащих для удовольствий. Из этих складов, в зависимости от испытываемых потребностей, предметы распределяются по всем осмазиям. Каждая осмазия имеет свой особый склад, время от времени пополняемый из общих складов, для того, чтобы была возможность дать каждому как то, что ему необходимо для его существования, так и для того искусства или ремесла, которым он занимается. В деревенских осмазиях главным образом занимаются земледелием, и народ питается плодами урожаев. Каждая деревенская осмазия берет столько пшеницы, вина, растительного масла и других плодов, сколько ей необходимо, чтобы продолжать обработку земли и прокормить всех ее обитателей. Излишки отправляются в общественные склады. То же проделывается и в отношении скота в тех местах, где его разводят в большом количестве.

По охоте, рыбной ловле и другим отраслям имеются префекты, собирающие необходимый для данной работы материал в тех местах, где он находится или произрастает, и перевозящие его туда, где он обрабатывается. Например, есть места, где имеются хлопок, лен, пенька, шелк. Те, которые ведают этим делом, собирают все в тюки и отправляют в города, где производятся материи, а из городов эти материи отправляются туда, где в них ощущается необходимость. То же проделывается в отношении шерсти, кожи, металлов и всего остального, что необходимо для жизни. Что же касается строительных материалов, то интендант строений организует склады, из которых берет все, что ему потребуется для постройки новых зданий, для ремонта и поддержания старых. То же проделывается и в отношении предметов, предназначенных для публичных празднеств, разных торжеств, зрелищ; для всего этого имеются интенданты и в помощь им должностные лица, в распоряжении которых есть определенное количество людей, предназначенных для этой работы. Существуют осмазии, в которых воспитываются дети обоего пола, но каждый пол — отдельно; там имеются директора и учителя, которые занимаются образованием молодежи и, кроме того, обучают ремеслам и искусствам, причем каждая из таких осмазий имеет свои осо-

бые склады, своих должностных лиц и для грязной работы рабов. Из этих складов берется все необходимое для содержания каждого человека.

Если понаблюдать, как живут другие народы, то, в сущности, окажется, что всюду имеются склады; что города берут продукты из деревень, а деревни из города; у одних труд физический, у других — умственный; одни рождены, чтобы подчиняться, а другие — чтобы властвовать; имеются также школы для молодежи и учителя, чтобы обучать ее ремеслам; некоторые работают и зарабатывают только самое необходимое для жизни, а другие живут с большими удобствами, и, наконец, есть такие, которые живут только ради наслаждений. Все это, в сущности, одно и то же, но способ распределения благ различен. Среди нас есть люди, у которых богатства через край, а другие нуждаются во всем; есть такие, которые проводят жизнь в праздности и наслаждениях, а другие в поте лица зарабатывают на жизнь и влачат нищенское существование. Есть люди, занимающие высокие должности, но не обладающие ни достоинствами, ни способностями для выполнения своих обязанностей. И, наконец, есть вполне достойные люди, которые, не обладая богатством, погрязают в нищете и обречены на вечно жалкую жизнь.

Среди же севарамбов нет бедняков, нет людей, лишенных необходимых и полезных для жизни вещей, каждый имеет свою долю участия в удовольствиях и общественных развлечениях, и для того, чтобы пользоваться всем этим, ему не нужно убивать свое тело и душу тяжелым и непосильным трудом. Работа, ограниченная восемью часами в день, дает все эти преимущества ему, его семье и всем его детям, даже если бы у него была их тысяча. Никому нет надобности платить оброк, налоги или копить деньги для обогащения своих детей и для приданого дочерям или выкупа наследства. Они свободны от всех этих забот, они богаты с колыбели. И если не все занимают общественные должности, то, по крайней мере, они имеют удовлетворение, что их занимают те, которые возвысились благодаря своим достоинствам и уважению своих сограждан. Они все дворяне и все разночинцы, никто не может ни упрекнуть другого его низким происхождением, ни гордиться благородством своего собственного. Никому не приходится огорчаться, видя, как другие живут в праздности, в то время как он работает на удовлетворение их гордости и тщеславия. В конце концов, если подумать о счастье этого народа, то придется признать, что оно настолько совершенно, насколько это

возможно на этом свете, и что все остальные народы очень несчастны по сравнению с ним.

Если же сравнивать счастье королей, принцев и других монархов со счастьем вице-короля Солнца, то и тут окажется значительная разница. Обычно всем им очень трудно изыскивать необходимые средства для поддержания своих государств, и часто они вынуждены прибегать к силе и к жестокости, чтобы достигнуть своей цели. Он же совершенно не прибегает к таким средствам. Он — абсолютный хозяин всего народного имущества, и никто из его подданных не может отказать ему в повиновении или претендовать на какие-либо особые привилегии. Он может по своему желанию давать и отнимать, он объявляет мир или войну тогда, когда это ему кажется необходимым, ему повинуются во всем, и никто не осмеливается противиться его воле. Ему нечего опасаться бунта или народного восстания, никто не сомневается в его величии, и все ему подчиняются. Он никому не обязан, и никто не может на него посягнуть, потому что у кого хватило бы смелости возмутиться против Солнца и его наместников? Кто бы мог оказаться столь тщеславным, чтобы вообразить себя более достойным управлять, чем те, кого этот лучезарный король избрал своими заместителями? А если бы кто-нибудь оказался настолько безумным, чтобы захватить власть, как бы он мог это осуществить и где бы он смог найти людей, которые захотели бы его поддержать в его безумии и, возведя его в монархи, сделаться рабами? К тому же религия обязывает севарамбов повиноваться высшим, тем более что они не только признают Солнце своим королем, но поклоняются ему как богу и верят в то, что оно является источником всех благ, которыми они обладают. Поэтому они глубоко почитают законы и формы управления их государства, веря, что они установлены самим Солнцем через посредство его наместника Севариаса. Кроме того, получив хорошее воспитание, они с детства привыкают к повиновению законам; это становится как бы врожденным, и чем больше они в них вникают, тем охотнее они им подчиняются и тем справедливее и разумнее они им кажутся.

О ВОСПИТАНИИ СЕВАРАМБОВ

Мудрый законодатель, создавая столь прекрасные законы для своего народа, не мог пренебречь заботой о воспитании молодежи, прекрасно понимая, что от воспитания зависит со-

хранение или разрушение тех же законов и что падение нравов является обычно причиной многочисленных политических заблуждений. Очень трудно порочному и плохо воспитанному человеку стать умелым министром или хорошим подданным, потому что, с одной стороны, сила его страстей притягивает к пороку, а с другой — невежество не позволяет ему отличить добро от зла и правду от лжи. Люди от природы имеют большую склонность к пороку, и если не исправлять их справедливыми законами, хорошими примерами и воспитанием, дурные наклонности растут и крепнут и чаще всего заглушают заложенные в людях природой семена добродетели. Тогда они отдаются во власть своих разнузданных аппетитов, отдавая господство над разумом своим диким и буйным страстям, и нет таких несчастий, куда бы они не были завлечены. Отсюда идут насилие и грабеж, зависть, ненависть, гордость и желание покорять, восстания, войны, разгромы, пожары, кощунства и прочие бедствия, которым обычно подвергаются люди.

Хорошее воспитание очень часто исправляет, а иногда и совсем заглушает порочные наклонности людей и развивает добродетельные.

Это прекрасно понимал великий Севариас, и поэтому он издал несколько указов, касающихся воспитания детей. Прежде всего, признавая, что детей очень часто портят родители своей безумной снисходительностью или слишком большой строгостью, он не пожелал оставить эти юные растения на руках людей, столь мало способных к их взращиванию.

Поэтому он учредил общественные школы, чтобы воспитывать их всех вместе и под руководством лиц избранных и умелых, не побуждаемых ни любовью, ни ненавистью, чтобы проводить равное воспитание всех детей при помощи наставлений, наказаний и примеров, приучая их ненавидеть порок и любить добродетель; а чтобы родители не могли мешать наставникам исполнять свои обязанности, он пожелал, чтобы родители, отдав первые родительские заботы и проявив свою первую нежность к драгоценным плодам своей любви, отказались от своей родительской власти и передали ее государству и его должностным лицам, являющимся политическими отцами родины.

Согласно этому распоряжению, по достижении детьми семилетнего возраста отцы и матери четыре раза в год в определенные дни обязаны их отводить в храм Солнца, где, сняв с них белые одежды, которые они носили со дня рождения, вымыв их, обрив им головы и натерев маслом, их облачают в желтые одежды и посвящают божеству. Отец и мать целиком

лишаются данной природою власти над детьми, сохраняя лишь любовь и уважение, и с этого момента дети становятся детьми государства. Их тотчас же направляют в общественные школы, где в течение четырех лет их учат повиновению законам, обучают читать и писать, а также танцевать и обращаться с оружием.

После четырехлетнего пребывания в этих школах, когда дети физически окрепнут, их посылают в деревню, где в течение трех месяцев их учат обрабатывать землю, заставляя работать по четыре часа в день, а четыре часа они продолжают упражняться в тех предметах, которым их уже обучали в школах. Разница между воспитанием девочек и мальчиков очень невелика, но воспитываются они отдельно: осмазии бывают для одного и для другого пола, и обычно в деревне они отстоят далеко одна от другой.

Когда дети достигают четырнадцатилетнего возраста, меняются их жилища и одежда: желтую одежду снимают и надевают зеленую, и тогда на местном языке их называют *эдирнаи,* то есть живущие третье семилетие своей жизни. Первое семилетие их называют *адирнаи*, а второе — *гадирнаи*; иначе их называют также в зависимости от цвета их одежды: *алистаи* означает белые одежды, *эримбаи* — желтые одежды, *фурруаи* — зеленые одежды. Для девочек изменяется лишь окончание «аи» на «еи», например: *адирнеи, алистеи* и т. д. После этого их обучают основам грамматики и заставляют избрать себе профессию. В течение некоторого времени они проходят испытания, и если они оказываются способными, их отдают учителям для обучения, а если у них больших способностей не оказывается, то им предоставляется выбор либо стать земледельцами, либо каменщиками, что является основным занятием нации.

Девочек обучают соответствующим их полу ремеслам, не столь тяжелым, как мальчиков. Они занимаются пряжей, шитьем, ткут полотно и обучаются другим занятиям, где не требуется, как для мужчин, применения физической силы.

Когда им исполняется шестнадцать лет, а мальчикам девятнадцать, им разрешается любить и думать о браке. Это делается следующим образом.

В этом возрасте им разрешается в присутствии учителей встречаться на прогулках, на балах, на охоте, на спектаклях и на всех публичных празднествах. В этих случаях юноши могут обращаться к девушкам и свободно говорить им о своей любви, а девушки могут без стыда выслушивать их признания.

Происхождение, богатство, положение и прочие жизненные блага не имеют для них никакого значения, потому что в этом отношении они все равны и отличаются одни от других только полом и тремя годами в возрасте между юношами и девушками. Неравные браки разрешаются лишь тем девушкам, которые, не найдя себе мужа, вынуждены выбрать себе общественного деятеля, чтобы не остаться старыми девами. Если у них бывают какие-либо немощи, врожденные или вследствие несчастных случаев, освобождающие их от обязанности выйти замуж, их отсылают в Спорумб, так как таких людей в Севарамбе не терпят. Когда собираются вместе юноши и девушки, любовь делает свое дело и побеждает много сердец. Каждый старается понравиться красотою лица и очарованием ума. Тех, которые отличаются этими достоинствами в соединении с безукоризненной честностью и добродетелью, чаще всего предпочитают другим: благоразумные девушки предвидят, что такие легко достигнут высокого положения, а вследствие этого и они получат свою долю в почестях, ожидающих их мужей. Но бывает и совершенно противоположная предусмотрительность: из боязни, как бы достойный уважения человек, достигнув положения, не воспользовался в то же время соответствующей его чину привилегией иметь при желании более одной жены, они предпочитают выходить замуж за человека, ничем не выдающегося, чем полюбить такого, который, возвысившись, пожелал бы разделить свое сердце, которым они хотели бы обладать безраздельно. И так каждый, имея свои собственные наклонности, приспособляет свое поведение к своим вкусам: одни любят наслаждения, а другие почести.

Так как севарамбы умны от природы, вежливы и хорошо воспитаны, любовники не упускают случая при встречах со своими возлюбленными преподносить цветы и фрукты, пускать в ход улыбки, песни и красноречивые слова, чтобы высказать свою страсть. Все это им разрешено, и никто не может в этом найти повода к порицанию, наоборот, заслуживают презрения те, которых любовь не трогает, их считают людьми со злым нравом и гражданами, недостойными милостей родины.

Однако во всех этих случаях от правил приличия уклоняются очень редко, и ничего, что может оскорбить целомудрие, не делается и не говорится,— это решительно запрещено,— и даже самые дерзкие ничего не могут позволить себе, потому что они беседуют с девушками при всех и в присутствии их воспитательниц.

В течение восемнадцати месяцев девушки на выданье, называемые *энибеи*, и юноши-*спараи* имеют возможность видеться, знакомиться и любить друг друга, не заключая никаких условий, но, согласно обычаю, по истечении этого срока договариваются и дают друг другу слово, после чего отвергнутые соперники удаляются, а девушка продолжает видеться лишь с возлюбленным, обещавшим на ней жениться. Когда настает время оспарепибона, то есть торжественного бракосочетания, они идут в храм, где их сочетают браком, что я уже описывал в первой части этой истории.

После свадьбы юношам выдают синюю одежду по случаю достижения ими двадцати одного года, а также и девушкам, потому что они соединены с ними узами, но чтобы отметить, что девушка не достигла еще четвертого дирнемиса, то есть ей еще не исполнилось двадцати одного года, у ее синей одежды рукава зеленые. А достигнув полностью двадцати одного года, она надевает на голову покрывало и прикрывает волосы, которые до тех пор у нее остаются открытыми.

В вечер свадьбы устраивается пир, в котором принимает участие много людей различного возраста и пола; пир сопровождается музыкой и танцами. Это происходит в одной из зал предназначенной для них осмазии, в которой им приготовляют две комнаты, выходящих одна на улицу, а другая во двор, и тут осуществляется их союз. Однако в первые три года их брака им разрешается проводить вместе лишь одну ночь из трех, а затем до двадцати восьми лет — одну ночь из двух, после чего они свободны проводить вместе столько ночей, сколько им захочется. Самым большим достоинством женщины является любовь к мужу и воспитание нескольких детей родине. Среди жен частных лиц наибольшим почетом пользуется женщина, имеющая большее количество детей, а жены государственных должностных лиц — в зависимости от положения, занимаемого их мужем. Бесплодных женщин презирают, и если муж проживет с такой женой пять лет, то ему разрешается жениться на вдове или какой-нибудь девушке, не нашедшей себе мужа, или иметь рабу в качестве наложницы. Единственный возможный способ для бесплодных женщин смыть свой позор — это ухаживать за больными или, если у них есть на то способности, заниматься воспитанием молодежи. Каждая мать должна сама кормить своего ребенка, если она не настолько слаба, чтобы это представляло большой риск для ее здоровья. В противном случае ей дают кормилицу из женщин, у которых умер ребенок. Они очень уважаемы, потому что, за

неимением своего, они кормят плод другой женщины и растят родине ребенка.

Вот каков у севарамбов обычный порядок воспитания и поведения молодежи. Однако дети, обладающие необыкновенными дарованиями и способные к наукам и свободным искусствам, воспитываются иначе,— их освобождают ради умственного труда от физических работ. Для этой цели существуют специальные школы, и из учеников этих школ через каждые семь лет отбираются лица, отправляемые на наш материк для изучения всего, что там есть полезного. Это у них практикуется с тех пор, как было установлено Севаристасом, одобрявшим такого рода путешествия. Однако они не могут покинуть страну, не оставив, по крайней мере, трех детей, чтобы обеспечить свое возвращение. Не знаю, в этом ли причина того, что всегда, когда есть возможность, они возвращаются обратно, но я ни разу не слышал, чтобы с тех пор, как был установлен этот обычай, хотя бы один человек дезертировал и остался жить в другом месте; все те, которые не умерли в путешествии, вернулись на родину.

Благодаря этим путешествиям многие жители Севаринда и окружающих городов умеют говорить на нескольких европейских и азиатских языках и обычно преподают их тем, кто предназначен к путешествиям, до их отъезда с родины. Вот причина того, что Сермодас, Каршида и другие могли сразу же объясниться с нами; они уже знали несколько наших языков, беседуя в течение многих лет с азиатами и европейцами, причем те так и не знали, из какой они страны, обычно принимая их за персов или армян.

ПРИМЕЧАНИЯ

«УТОПИЯ» ТОМАСА МОРА

Рукописного оригинала «Утопии» («Libellus aureus nec minus salutaris quam festivus de optimo reipublicae statu deque nova insula Utopia») не сохранилось. Первое печатное издание ее вышло в 1516 году, в бельгийском городе Лувене, где в то время находился друг Мора, Эразм Роттердамский. Главный надзор за изданием, кроме него, имел Петр Эгидий, письмо к которому помещено перед текстом «Утопии». На заглавном листе книжки сказано было, что она издана «весьма тщательно». Но это была только обычная типографская реклама. Текст изобилует опечатками и разного рода ошибками в латинском языке. Отсюда возможно не лишенное остроумия предположение, что первоначальный текст был продиктован. Подобная предосторожность, равно как и печатание в другом городе, скорее всего могут быть объяснены цензурными опасениями.

Первое издание «Утопии» принадлежит к числу редчайших книг. В СССР оно имеется в библиотеке Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Интерес, возбужденный книгой, в связи с неудовлетворительностью первого издания вызвал перепечатку его в Париже в 1517 году — у книгопродавца Жиля де Гурмона. Это издание печаталось также без всякого участия автора и имеет еще больше опечаток, чем первое. Оно сделано по первому изданию, но представляет целый ряд интересных вариантов.

Крайняя неисправность первых двух изданий заставила Эразма обратиться в Базель к обычному издателю его собственных произведений, солидному типографу Фробену. Он выпустил в течение одного 1518 года два издания «Утопии» (в марте и ноябре). Эти издания, особенно второе, дают текст значительно более исправный. 1 марта

1517 года Эразм писал Мору из Антверпена: «Пришли сюда возможно скорее твою «Утопию» пересмотренную». Видимо, Мор исполнил это желание друга, так как в конце мая 1517 года тот же Эразм писал ему: «Твои эпиграммы и «Утопию» я послал в Базель». Отсюда можно заключить, что издание 1518 года печаталось по тексту первого издания, просмотренному Мором. Это, конечно, придает ему особую ценность.

В XIX веке на основании первого издания построил свое издание текста Виктор Михельс в сотрудничестве с известным педагогом Теобальдом Циглером (серия «Латинские литературные памятники XV и XVI столетий», Берлин, Вейдеман, 1895). Кроме рабской перепечатки первого издания со всеми его недостатками, Михельс приложил главнейшие варианты изданий Жиля де Гурмона и Фробена, но сделал это достаточно небрежно, особенно в отношении издания де Гурмона.

В том же 1895 году появилось издание Лептона (Оксфорд), построенное на основе издания Фробена (мартовская версия) и снабженное хорошим комментарием. По изданию Лептона сделан и настоящий перевод.

Обратимся теперь к русским трудам. Одним из первых познакомил русских читателей с Мором В. К. Тредьяковский. В одиннадцатом томе «Римской истории» Роллена в «Предуведомлении от трудившегося в переводе», автор передает стихами одно произведение «Фомы Мория Англичанина...», «сего славного и мудрого человека».

Что касается собственно «Утопии», то первые два перевода ее относятся к концу XVIII столетия. Первый — «Картина всевозможно лучшего правления, или Утопия. Сочинения Томаса Мориса Канцлера Аглинского, в двух книгах. Переведена с Аглинского на Французский Г. Руссо, а с Французского на Российский. С дозволения Управы Благочиния. В Санкт-Петербурге, на иждивении И. К. Шнора. 1789 года». Второй — «Философа Рафаила Гитлоде странствование в новом свете и описание любопытства достойных примечаний и благоразумных установлений жизни миролюбивого народа острова Утопии. Перевод с Аглинского языка, сочинение Томаса Мориса. В Санкт-Петербурге. С дозволения Управы Благочиния. На иждивении И. К. Шнора. 1790 года».

В 1901 году перевод «Утопии» дал Е. В. Тарле в приложении к своей магистерской диссертации «Общественные воззрения Томаса Мора в связи с экономическим состоянием Англии его времени» (СПб. 1901).

В 1903 году вышла работа А. Г. Генкеля: «Томас Мор. Утопия (De optimo rei publici statu, deque nova insula Utopia libri duo illustris viri Thomae Mori, regni Britanniarum cancellarii). Перевод с латинского А. Г. Генкель при участии Н. А. Макшеевой. С биографическим очерком

Т. Мора, составленным Н. А. Макшеевой (с портретом Т. Мора), СПб. 1903». Перевод этот переиздавался неоднократно даже после Октябрьской революции. Так, третье издание его вышло в 1918 году в Петрограде как «Издание Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов», а четвертое — в Харькове (1923), в издательстве «Пролетарий», причем на каждом из них стоит: «исправленное и дополненное», чего на самом деле не было.

В 1935 году в издательстве «Academia» вышел перевод «Утопии», выполненный профессором А. И. Малеиным. В 1947 году этот же перевод был напечатан издательством Академии наук СССР. В 1953 году текст перевода А. И. Малеина был заново отредактирован и исправлен Ф. А. Петровским для издательства Академии наук СССР. Перевод А. И. Малеина и Ф. А. Петровского воспроизводится и в настоящем издании.

Стр. 41. *Томас Мор... Эгидию.*— Так начинали свои письма древние римляне, которым подражает Мор. Петр Эгидий (1486—1533) — гуманист, друг Мора и Эразма Роттердамского.

Стр. 42. *...мой питомец Иоанн Клемент...*— Иоанн, или Джон, Клемент вырос в доме Мора и женился на его приемной дочери. Он работал в Оксфордском университете при кафедре греческого языка и затем был врачом в Лондоне (ум. в 1572 г.).

Гитлодей — греческое слово, первая часть которого ὕθλος — пустая болтовня, вздор; вторая: δάϊος — опытный, сведущий, или δαίζω — разделять. Этой фамилией Мор хотел подчеркнуть, что речь идет о лице несуществующем. В уста Гитлодея Мор в дальнейшем из осторожности влагает собственные мысли, а сам выступает его противником из страха перед цензурой.

Амауротский мост (Амаурот).— Название происходит от греческого слова ἀμαυρός — непознаваемый, темный. Отрицая этим именем существование подобного города в действительности, Мор вместе с тем намекает на «туманный» Лондон, многие черты которого он имеет в виду при последующем детальном описании Амаурота.

Анидр — от греческого: ἀνυδρός — из отрицательной частицы ἀν и ὕδωρ (вода) — то есть река без воды — следовательно, несуществующая.

Стр. 45. *...немаловажные спорные дела...*— Ссора между английским королем Генрихом VIII (1491—1547) и испанским принцем Карлом (впоследствии германским императором) была вызвана тем, что Карл, обрученный с сестрой Генриха, предпочел ей другую невесту. Поэтому, когда он в 1515 году получил в управление Нидерланды, Генрих заставил английский парламент запретить вывоз шерсти в эту страну. Улаживание конфликта было поручено в 1515 г. английскими купцами Мору.

Кутберт Тунсталл (1474—1559) — занимал ряд очень видных светских и духовных должностей; был другом Эразма и Мора и разделял их прогрессивные взгляды.

...по пословице... освещать солнце лампой.— Обилие в «Утопии» пословиц объясняется влиянием вышедшего в 1500 г. огромного сборника их («Adagia»), составленного Эразмом Роттердамским. Эта книга, знакомившая с античным мировоззрением в форме кратких, ясных и остроумных изречений и комментария к ним, имела большой успех.

Георгий Темзициий — личность малоизвестная. Обычно его отождествляют с Georg Temsecke, бельгийским сановником и писателем (ум. в 1536 г.).

Кассель — вероятно, город в северной Франции, где Темзициий занимал видный церковный пост.

Стр. 46. *Палинур* — ничем не замечательный кормчий кораблей троянского царевича Энея (по «Энеиде» Вергилия). Здесь — в смысле «заурядный моряк».

Улисс (или Одиссей) — герой поэмы Гомера «Одиссея». В своих долголетних странствованиях после разрушения Трои он приобрел большой опыт и знание людей.

Платон — греческий философ (427—348 гг. до н. э.), ездил в Египет, Сицилию и другие страны с целью расширения своих знаний и проведения в жизнь своих философских взглядов.

Стр. 47. *...из тех четырех, про которые читают уже повсюду...*— Флорентийский мореплаватель Америго Веспуччи (1451—1512) четыре раза посетил Новый Свет и дал первое ценное его описание. Благодаря этому новая часть света, хотя и открытая Колумбом, получила название Америки. «Путешествия» Веспуччи были изданы в прибавлении к «Введению в космографию», Сен-Дье, 1507.

...оставлен в крепости...— у Кабо Фрио в Бразилии. Этот эпизод действительно имел место во время последнего путешествия Веспуччи, в 1503 г.

«Небеса... укроют» — стих римского поэта I в. н. э. Лукана («Фарсалия», VII, 819).

«Дорога к всевышним отовсюду одинакова».— Аналогичное изречение приписывается греческому философу Анаксагору (V в. до н. э.). На вопрос друзей, не хочет ли он быть погребенным на родине, он ответил: «Нет никакой необходимости, ибо дорога в преисподнюю отовсюду одинакова» (Цицерон, Тускуланы, I, 104).

Тапробана — остров к юго-востоку от Индостана.

Каликвит — Каликут, город Малабарской Индии (не смешивать с Калькуттой).

Стр. 49. *Сцилла* — в греческой мифологии — чудовище, олицетворяющее скалу в Мессинском проливе.

Целено — по греческим мифам, одна из гарпий, чудовищ с лицом девушки, телом коршуна и огромными когтями.

Лестригоны — древнеиталийский народ, якобы живший в Кампании, а затем в Сицилии. По преданию, лестригоны были людоедами.

Стр. 51. *...после поражения западных англичан...*— В 1491 г., еще не оправившиеся от разорения, причиненного длительными войнами, жители графства Корнуэлл (на северо-западе Англии) восстали против короля и двинулись на Лондон, но потерпели поражение и были перебиты.

Иоанн Мортон (1420—1500) — государственный деятель, игравший видную роль в войне Алой и Белой Розы. Сторонник Ланкастерской династии, он принимал участие в походе 1461 г. и затем в коронации принца Эдуарда. Он имел благотворное влияние на Мора, который в молодости часто бывал в его доме.

Стр. 53. *...после войн с Францией.*— Вероятно, имеются в виду осада Булони Генрихом VII в 1492 г. и военные действия при Генрихе VIII.

Стр. 54. *Саллюстий* (86—34 гг. до н. э.) — римский историк. Цитата взята из его сочинения «О заговоре Катилины», гл. 16.

Стр. 55. *Ваши овцы... стали такими прожорливыми... что поедают даже людей...*— В знаменитом памфлете против обскурантизма и католической схоластики — «Письма темных людей», вышедшем почти одновременно с «Утопией», имеется намек на обилие овец в Англии: один обскурант желает другому здравствовать больше, «чем... овец в Англии» (кн. II, письмо 16). Упоминается об этом и у К. Маркса (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 23, стр. 731, прим. 193). Крылатое слово о прожорливости овец попало в английскую народную поэзию.

Таким образом, с тех пор...— Следующие за тем слова приведены почти в дословном переводе у К. Маркса (К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 23, стр. 746, прим. 221а).

Стр. 56. *Олигополия* — право немногих на торговлю; слово, образованное Мором по образцу «монополия».

Стр. 57. *Стопка* — по-видимому, имеется в виду игра в кости, при которой их выбрасывали не из руки, а из стакана или «стопки».

Стр. 58. *...высшее право высшею несправедливостью?* — Уже Цицерон («Об обязанностях», I, 10, 33) называет это выражение «избитой поговоркой». Смысл его тот, что чересчур прямолинейное, формальное применение законов приводит к несправедливости.

Манлий Торкват — римский полководец (IV в. до н. э.), велевший казнить своего собственного сына за нарушение дисциплины, после того как тот вступил в битву вопреки строгому запрещению отца.

Стр. 59. *Закон Моисеев* — Библия, Исход, XXII, 1—9.

Закон милосердия.— Имеется в виду Евангелие.

Полилериты.— Это название составлено из двух греческих слов: πολύς — многий и λῆρος — нелепая болтовня, вздор; этим Мор хотел, вероятно, сказать, что верить в существование такого народа нелепо.

Стр. 62. *...заповедных мест...*— В оригинале: asylorum, то есть убежищ, укрывшись в которые преступник считался неприкосновенным; такими местами были прежде всего церкви и их дворы, например Вестминстерское аббатство в Лондоне.

Стр. 63. *Кардинал улыбнулся...*— Последующий эпизод, кончая словами «отпустив нас», попал под папскую цензуру. Он опущен в издании «Утопии», вышедшем в Кельне в 1629 г., где на заглавном листе стоит, что издание «исправлено согласно списку очищенных книг кардиналом и епископом толедским».

«...душами вашими».— Евангелие, Лука, XXI, 19.

«Гневайтесь и не согрешайте».— Библия, псалом IV, 5.

Стр. 64. *«Над Елисеем кто смеялся...»* — Елисей — древнееврейский пророк. Плешивость его вызвала однажды насмешку мальчиков. Елисей разгневался и, по его молитве, из соседнего леса вышли две медведицы и растерзали сорок два ребенка (Библия, Четвертая Книга царств, гл. II). Упоминаемая монахом церковная песнь была составлена средневековым композитором Адамом «из монастыря святого Виктора».

«Отвечай глупому по глупости его...» — Библия, Притчи, XXVI, 4.

Стр. 65. *...если философы будут царями или цари философами...*— неточная цитата из Платона («Государство», V, 473).

Дионисий Младший — правитель Сицилии (367—356 и 346—343 гг. до н. э.). Дионисий пригласил Платона, чтобы учиться у него управлять государством, но серьезного влияния Платон на Дионисия не оказал, и положение философа при дворе Дионисия было столь шатким, что даже жизнь его, в силу придворных интриг, подвергалась опасности.

...французского короля...— Имеется в виду Людовик XII (1462—1515), французский король с 1498 г.

...удержать Милан...— В описываемое время Милан принадлежал фамилии Висконти, одна из представительниц этого рода приходилась бабушкой Людовику XII.

...беглый Неаполь...— Эпитет «беглый» объясняется тем, что Неаполь ускользал от пытавшихся захватить его французских королей.

...разорить Венецию...— По договору в Камбре (1508 г.) Венеция была разделена между Людовиком XII, Фердинандом Испанским, Максимилианом I Австрийским и папой Юлием II.

...подчинить себе всю Италию...— В описываемое время Италия состояла из пяти отдельных и независимых государств (Милан, Флоренция, Рим, Венеция и Неаполь) и ряда мелких феодальных владений, связанных с ними.

...власть над Фландрией, Брабантом... Бургундией...— В 1477 г. французский король Людовик XI после смерти бургундского герцога Карла Смелого захватил Бургундию. В то же время вследствие брака дочери Карла Марии с Максимилианом I Австрийским Фландрия и Брабант оказались присоединенными к Австрии.

Стр. 66. *...умилостивить золотом... гнев... императора...*— Императором Священной Римской империи в то время был Максимилиан I Австрийский (1493—1519), отличавшийся алчностью.

Королевство Наваррское.— Наварра — область на границе Франции и Испании. Владение ею неоднократно переходило по женской линии от одного французского знатного семейства к другому, но арагонские (испанские) короли постоянно изъявляли на нее притязания.

...опутать... брачными надеждами короля Кастилии...— Кастилия — область Испании, в XI—XV вв. была самостоятельным королевством. Во время написания «Утопии» шли переговоры о заключении союза между ней и Францией путем брака кастильского принца с дочерью Людовика XII.

Ахорийцы — греческое слово, составленное из отрицательной частицы ἀ и χώρα — страна: народ несуществующей страны. Образование, аналогичное слову «Утопия».

Стр. 67. *...повысить стоимость монеты...*— Такие операции с деньгами производили английские короли Эдуард IV и Генрих VII.

...прекратил кровопролитие.— Подобную демонстрацию проделал английский король Генрих VII в 1492 г. Двинувшись на Францию, он поспешил заключить с ней мир, не начиная военных действий.

Стр. 68. *...неоспоримая прерогатива государя.*— Имеется в виду известное английское положение: «Король не ошибается» («King does no wrong»).

...правильность изречения Красса...— Красс — богатый римлянин, член первого триумвирата вместе с Цезарем и Помпеем (60 г. до н. э.). Мор имеет здесь в виду текст римского писателя I в. н. э. Плиния Старшего («Естественная история», XXXIII, 10): «Марк Красс признавал богачом только того, кто на свой годичный доход может содержать легион».

Стр. 69. *...скорее питать овец, чем себя самого...*— перефраза из Платона («Государство», I, 343). «Ты думаешь, будто овчары или волопасы заботятся о благе овец либо быков, кормят их и ходят за ними, имея в виду что-нибудь другое, а не благо господ и свое собственное».

Фабриций (II в. до н. э.) — римский консул и полководец.

Стр. 70. *Макарийцы* — от греческого μάκαρ— блаженный, счастливый.

...не иметь... в казне... свыше тысячи фунтов золота или серебра...— Английские комментаторы отмечают, что Генрих VII, умирая, оставил 1 800 000 фунтов стерлингов.

Стр. 71. *«Октавия»* — трагедия, приписываемая римскому писателю и философу Сенеке (ок. 6 г. до н. э.— 65 г. н. э.). Октавия — имя жены римского императора Нерона, им отвергнутой.

Стр. 72. *...на крышах проповедовать...*— Евангелие, Лука, XII, 3.

...приладили его учение к нравам, как свинцовую линейку...— Место неясное. По-видимому, свинцовая линейка — это плотничий инструмент, вроде отвеса, или лота, для определения соответственного направления при постройках. Сделанная из свинца, она, в силу своей гибкости, применялась при сооружении кривых «лесбийских» сводов.

Микион — действующее лицо в комедии римского писателя Теренция (184—159 гг. до н. э.) «Братья» (I, 2, 65).

Стр. 73. *...Платон... поясняет правильность воздержания философов от занятий государственными делами.*— Платон, «Государство», VI, 496: мудрец «сохраняет спокойствие и делает свое дело, подобно человеку, который от града и вздымаемого ветром бурного вихря спрятался под стеною: тот, смотря, как исполняются беззаконий другие, рад, если сам остается чистым от неправды и дел беззаконных, и, проводя таким образом здешнюю жизнь, с прекрасной надеждою, весело и кротко ожидает своего исхода».

Стр. 77. *Миля* — разумеется древнеримская миля, имевшая в длину тысячу двойных шагов (passus) — 1478,7 метра.

...остров с обеих сторон... суживается.— Английские комментаторы видят здесь намек на описание Британии у римского историка I—II вв. н. э. Тацита («Биография Агриколы», гл. X).

Стр. 78. *Абракса.*— В современном коптском языке это слово (в форме «абраксас» или «абрасакс») значит: «священное имя», оно встречается и у средневековых гностиков (философов, стремившихся объединить христианское учение с основами греко-римского и древних восточных мировоззрений) и алхимиков. По цифровому значению греческих букв оно равно 365, то есть числу дней в году. Мор говорит дальше, что утопийцы чтили бога Митру, а у гностиков на их геммах, то есть каменных амулетах, слово «абраксас» часто соединялось с именем Митры.

На острове пятьдесят четыре города...— Пятьдесят четыре города было в тогдашней Англии и Уэльсе.

Стр. 79. *...не подкладывают под курицу яиц, но согревают... их равномерной теплотою...*— Искусственное выведение цыплят было известно до нашей эры в Египте, Китае, Индии. В Египте оно производилось в печах, отапливаемых верблюжьим и конским навозом. В XIV в. в Италии делались попытки воскресить это утраченное искусство. В первой половине XVIII в. Реомюр повторил эти опыты, первый инкубатор в собственном смысле слова был сконструирован Боккеманом в 1777 г.

Стр. 81. *...улица в двадцать футов ширины.*— Здесь разумеется, вероятно, английский фут, а не римский (равный 0,2957 метра). При Море лондонские улицы имели в ширину от десяти до двенадцати футов, так что двадцать футов была ширина идеальная.

Стр. 82. *...стеклом, которое там в очень большом ходу...*— Стеклянные окна были во времена Мора только в домах богатых людей. Еще в 1567 г. для охраны оконных стекол, ввиду их исключительной редкости и ценности, издавались особые распоряжения.

Стр. 84. *...подобную жизнь... ведут рабочие почти повсюду...*— Очевидно, имеется в виду Англия с ее рабочим законодательством XIV—XV вв.

Стр. 86. *Барзан* — слово, несомненно, иранского происхождения. Оно встречается дважды как собственное имя: так звали мифического царя Армении и одного из персидских сатрапов, современника Александра Великого. Оно может быть объяснено только из иранских языков и значит «высокий».

Адем — слово, составленное (вероятно, самим Мором) из греческих: отрицания ἀ и δήμος — народ, то есть без народа.

Стр. 91. *Каждая мать сама кормит ребенка...*— Подобное требование предъявляли к женщинам писатели древности — например, Тацит («Германия», гл. XX), Плутарх («О воспитании детей», гл. V). Античным авторам подражали гуманисты, например, Эразм в диалоге «Родильница». Все это место «Утопии», особенно же эпизод о кормилицах, напоминает «Государство» Платона (V, 460).

Стр. 96. *Орехи, амулеты и куклы* — игрушки древнеримских детей. «Бросить играть в орехи» было поговорочным выражением, обозначавшим выход из детского возраста. Амулет представлял собой шарик (у богатых и знатных — золотой, у бедных — кожаный), который носили дети, преимущественно мальчики, на шее до принятия ими так называемой мужской одежды; амулет предохранял ребенка от дурного глаза и порчи. В куклы девочки играли до замужества, то есть примерно до четырнадцати — шестнадцати лет.

Анемолийский — от греческого слова ἀνεμώλιος — ветреный, в переносном значении — несуществующий, мнимый.

Стр. 98. *Диалектика* — под греческим словом «диалектика» здесь разумеется искусство вести диспуты и рассуждения, основанное на средневековой формальной логике.

«Малая логика».— Имеется в виду бездарный схоластический учебник XIII в., составленный Петром Испанцем. Так как автор стал впоследствии папой, книжка получила широкую известность. «Малой» она названа была за свой небольшой объем, но сам Мор шутливо объяснял в одном письме это ее заглавие тем, что в ней «мало логики».

«Самого человека вообще» — то есть абстрактное понятие человека, а не отдельную, индивидуальную личность.

Стр. 99. *...склоняются к мнению, защищающему удовольствие...*— Здесь Мор имеет в виду трактат Цицерона «О высшем благе и зле», откуда взята вся дальнейшая философская терминология.

Стр. 100. *Противная партия* — то есть противники эпикурейцев, философы-стоики, в противовес материалистической этике эпикурейцев выдвигавшие отвлеченную добродетель, понимаемую как отказ от наслаждения, в качестве основы этики, и тем самым предвосхищавшие христианский аскетизм, против которого боролись гуманисты.

Стр. 101. *...жизнь, согласную с предписаниями природы.*— Имеется в виду учение греческого философа Эпикура (341—270 гг. до н. э.). Веспуччи сближал с ним мировоззрение вновь открытых им в Америке племен, с которыми Мор связывал свой рассказ об Утопии. В действительности, разумеется, между примитивным утилитаризмом этих племен и эпикурейской философией есть лишь то общее, что оба мировоззрения основывают свою этику на материалистических принципах. Именно этой своей стороной они и привлекали внимание гуманистов.

Стр. 103. *...увлекается жемчугом и камушками...*— сатирический намек на Генриха VIII и его придворных, питавших сильное пристрастие к драгоценным камням.

Стр. 109. *Феофраст* (ок. 372—287 гг. до н. э.) — греческий философ и натуралист, автор «Истории растений» и «Характеров». Его сочинения были впервые напечатаны в Венеции в 1497 г.

Ласкарис Константин — византийский ученый; его греческая грамматика, изданная в Милане в 1476 г., была первой книгой, напечатанной греческим шрифтом.

Федор Газа (1398—1478) — византийский ученый; его греческая грамматика была напечатана в Венеции в 1495 г.

Гесихий — греческий грамматик, вероятно, VI в.; его греческий словарь был напечатан в Венеции в 1514 г.

Диоскорид Педаний — греческий врач I в. н. э., первое издание его трудов вышло в Венеции в 1499 г.

...мелкие произведения Плутарха...— Здесь имеются в виду «Моралии» Плутарха.

Альд Мануций — знаменитый венецианский типограф (ок. 1450—1515 гг.), изобретатель курсивного шрифта. В его мастерской были впервые напечатаны очень многие произведения древних классиков.

Триций Апинат.— Это имя составлено Мором из двух латинских слов: tricae и apinae, которые означают: безделки, пустяки.

Стр. 111. *...не затягивать... своей пагубы... а согласиться умереть...*— Самоубийство в подобных случаях рекомендовали стоики.

Стр. 115. *...законов у них очень мало...*— Мысль Тацита («Летопись», III, 27): «В наиболее испорченном государстве наибольшее количество законов».

Стр. 118. *Нефелогеты* — вымышленное греческое имя, составленное из νεφέλη — облако, и γήτης — земледелец; значит: жители облаков.

Стр. 119. *Алаополиты* — имя такого же происхождения, первая часть ἀλαός — слепой, вторая πολίτης — гражданин.

Стр. 120. *...тайно... развесить... воззвания...*— намек на интриги Генриха VIII и его министра, лорда Дакара, против Шотландии. Эти интриги велись в 1515 г., то есть в то время, когда Мор писал «Утопию».

Стр. 121. *Заполеты* — имя, придуманное Мором, составлено из греческих ζα — усиливающая частица, и πωλητής — продавец, то есть — вполне продажные. Как показывает примечание на полях оригинала, разумеются швейцарцы, из которых преимущественно вербовались наемные войска.

Стр. 122. *В случае... плена или гибели его замещает, как по наследству...*— Подобный обычай был у спартанцев (Фукидид, IV, 38).

Стр. 123. *...поощрение и похвалу...*— Обычай сопровождать мужей в военных походах существовал у древних галлов, британцев и германцев («Записки Цезаря о войне с галлами», VII, 51; Тацит, Германия, гл. VIII и XVIII). Об участии женщин в войнах говорится и в «Государстве» Платона (VII, 457).

Стр. 127. *...в наиболее чистых христианских общинах.*— Примечание на полях оригинала поясняет, что здесь разумеются монастыри. Сказано это, вероятно, иронически, так как современные Мору монастыри были далеки от идеала.

Стр. 130. *...в конце концов сожигают...*— Вопреки христианской точке зрения, Мор считает сожжение трупа гораздо более почетным, чем зарывание его в землю.

...есть лица...— В последующем описании подразумеваются «братья общей жизни», поставившие себе целью реформировать общество на основах христианства. Эта община была основана в Голландии в XIV в. В одной из устроенных ею школ учился Эразм.

Стр. 131. *Бутрески.*— Это название, придуманное Мором, обычно объясняется как составленное из греческих: βου — усиливающая частица, и θρῆσκος — богобоязненный.

Стр. 136. *...вся их музыка...*— Рассуждение о значении музыки написано, по-видимому, под влиянием Аристотеля («Политика», VIII, 5, 8).

Стр. 139. *Рыба подлипало.*— По мнению древних, присасываясь к кораблю, она задерживала его ход (Плиний, Естественная история, IX, 191; XXXII, 1).

А. Малеин
и Ф. Петровский

«ГОРОД СОЛНЦА» КАМПАНЕЛЛЫ

Первоначальный текст «Города Солнца» («Civitas Solis») был написан на итальянском языке; все одиннадцать списков относятся, как предполагает издатель 1941 года Боббио, к первым десятилетиям XVII века. В 1613 году Кампанелла перевел свой «Город Солнца» на латинский язык, но перевод оставался неизданным в течение десяти лет. Впервые латинский текст «Города Солнца» был издан в 1623 году Т. Адами во Франкфурте в книге, озаглавленной: F. Thomae Campanellae Calabri O. P. realis philosophiae epilogisticae partes quatuor, hoc est de rerum natura, hominum moribus, politica (cui Civitas Solis iuncta est)... Francofurti, 1623, переиздавался затем в XVII столетии дважды. В 1637 году «Город Солнца» был включен во второй том подготовленного самим Кампанеллой собрания сочинений: Thomae Campanellae ord. praed. disputationum in quatuor partes suae philosophiae realis libri quatuor... Suorum operum t. II Parisiis, 1637. В 1643 году он был издан (уже после смерти автора) в Утрехте: F. Thomae Campanellae Civitas Solis poetica Idea Reipublicae Philosophicae; Ultraiecti, 1643. Эти последние издания (из которых утрехтское представляет собою перепечатку второго, парижского) довольно существенно разнятся с первым благодаря главным образом ряду дополнений, большая часть которых относится к последним страницам текста. Что же касается текста в этих латинских изданиях, то он иногда значительно отступает от первоначального итальянского, сохранившегося в одиннадцати списках и впервые опубликованного Сольми в 1904 году. В 1912 году ватиканский список итальянского текста вместе с сопоставлениями с текстом венского списка опубликовал И. И. Квачала в Юрьеве (ныне Тарту).

Издание итальянского текста Чамполи вышло в 1911 году (переиздано в 1939 г.), а издание Паладино — в 1920 году в Неаполе. Наконец, в 1941 году вышло критическое издание итальянского текста Боббио, в котором помещен и латинский текст по парижскому изданию 1637 года, а итальянский воспроизводит список, хранящийся в Лукке и являющийся, как указывает Боббио, последней редакцией этого первоначального текста «Города Солнца».

На русский язык «Город Солнца» был переведен в 1906 году и издан в том же году в Петербурге в качестве бесплатного приложения к журналу «Всемирный вестник». В 1907 году перевод А. Г. Генкеля вышел отдельной книгой: «Государство Солнца» («Civitas Solis»). Перевод с латинского, с биографическим очерком, примечаниями и дополнениями А. Г. Генкеля, СПб. 1907. Перевод А. Г. Генкеля неоднократно переиздавался.

В настоящем издании воспроизводится перевод Ф. А. Петровского, впервые напечатанный в издательстве «Academia» в 1934 году.

Перевод этот был сделан с первого латинского издания, ввиду того что, хотя последующая редакция (в изданиях 1637 и 1643 гг.) и принадлежит самому автору, а первое издание было выпущено не им самим, а Адами, есть основания полагать, что текст первого издания, несмотря на сомнения, которые могут возбуждать некоторые его части, все-таки ближе и чище воспроизводит идеи Кампанеллы, чем позднейшая его переработка. Дело в том, что в текст второго издания, а за ним и посмертного, третьего, введен целый ряд дополнений, иногда отягощающих, а порою даже искажающих первоначальные мысли автора и представляющих, в иных случаях, компромиссы с его противниками.

Что касается итальянского текста «Города Солнца», его невозможно было принять за основной, так как, во-первых, он никогда не был издан Кампанеллой и не являлся для него окончательным, а во-вторых, без самостоятельного сличения списков этого текста невозможен его необходимый анализ. Важнейшие случаи разночтений в латинских текстах оговорены в примечаниях.

Стр. 143. *Тапробана* — старинное название одного из островов Индийского океана, скорее всего Цейлона. Географическое расположение Цейлона не соответствует указанному в тексте, так как Цейлон расположен не на экваторе, а между экватором и тропиком Рака. Но на старинных картах, которые, несомненно, видел Кампанелла, экватор проходит через Тапробану. Остров этот упоминается уже у географа Страбона (род. в 66 г. до н. э.— ум. в 24 г. н. э.), Плиния (23—79 гг. н. э.) и других древних авторов. Упоминается он и в «Утопии» Мора.

Стр. 144. *Семь планет* — согласно системе Птоломея, Солнце, Луна, Меркурий, Венера, Марс, Юпитер и Сатурн.

Стр. 145. *Свод* храма изображает небо так, как оно видно на экваторе. Южный и северный полюсы должны находиться в противоположных точках нижней окружности свода, или купола, а экватор и эклиптика («большие круги») проходят по его середине. «Малые круги» — это суточные параллели. Все эти круги (или полукруги), таким образом, расположены «перпендикулярно к горизонту», или к плоскости главного купола. Устройство храма, как и устройство всего города, напоминает схему всей солнечной системы, как она представлялась Кампанелле. Это «астрономическое» построение подчеркивается и «глобусами» алтаря, и семью лампадами, изображающими семь планет. В изд. 1643 г. при описании храма добавлено примечание на полях: «Моисей, следуя образцу Вселенной, подобным же образом описывает храм и его лампады».

Стр. 146. *Ветров... они насчитывают до тридцати шести.*— Кампанелла увеличивает обычное число направлений ветра («румбов») —

тридцать два — до тридцати шести, так как оно кратно числу шести, которому Кампанелла приписывает мистическое значение.

Верховный правитель... именующийся на их языке «Солнце»...— В первом издании «Города Солнца» он называется здесь именно «Солнце» — «Sol». В дальнейшем тексте Кампанелла продолжает называть его или «Sol», или обозначает астрономическим знаком Солнца ⊙. В изданиях 1637 и 1643 гг. верховный правитель здесь назван НОН («Гог» или «Хох»), но в дальнейшем обозначается или ⊙, или просто ◯. Следуя тексту первого издания, мы не вводили обозначения НОН, которого нет и в итальянском тексте.

Пон, Син и Мор.— Обозначения этих правителей взяты из соответствующих букв итальянских слов, обозначающих мощь, мудрость и любовь (Possanza, Sapienza, Amore), то есть, по учению Кампанеллы, трех положительных определений всякого бытия, которые все вместе в совершенном виде соединяются в верховном существе, а в Городе Солнца — в его верховном правителе Солнце (Метафизике).

Число подчиненных ему должностных лиц...— В числе должностных лиц в изд. 1643 г. упомянут еще Арифметик, а вместо Физика — Физиолог.

Пифагорейцы — последователи древнегреческого мыслителя Пифагора. В связи со своим учением о мире, основой которого было число, пифагорейцы выработали сложную систему обрядов, которые Кампанелла имеет в виду, говоря о жителях Города Солнца.

Стр. 147. *...изображения града, снега, грозы и всех воздушных явлений.*— После этих слов в изд. 1643 г. добавлено: «Они владеют также искусством воспроизводить в комнатах всякие атмосферные явления: ветер, дождь, грозу, радугу и т. д.».

Стр. 148. *Феникс* — мифическая птица египтян, связанная с культом Солнца. Изображалась она в виде орла с красными и золотыми перьями. Согласно наиболее распространенному преданию, через каждые пятьсот лет Феникс сжигает себя самого и вновь возникает из пепла. Предания о Фениксе есть у Геродота (II, 73), в «Анналах» Тацита (VI, 28), у Плиния Старшего (X, 2) и других древних авторов.

Помпилий — полулегендарный римский царь. Нума Помпилий считался учредителем религиозных и гражданских законов Древнего Рима.

Замолксий — по преданию, ученик Пифагора, проводивший политические реформы у фракийцев.

Стр. 149. *...Китайцами еще раньше нас изобретены бомбарды и книгопечатание.*— Способ печатания с наборного шрифта известен был китайцам с 1041 г. н. э., а за несколько веков до этого они уже умели печатать с каменных (со II в. н. э.) и деревянных досок (VI в. н. э.). Изобретение китайцами тряпичной бумаги относится к 105 г. н. э. Что

касается огнестрельного оружия, то оно начало употребляться в Китае тоже раньше, чем в Европе, но, вероятно, не ранее XIII в.

...республика, монархия или аристократия? — Собеседник генуэзского моряка исходит из установленных Аристотелем «правильных» форм государственного устройства. Генуэзец не отвечает прямо на вопрос Гостинника, а начинает описывать государственный строй Города Солнца, указывая тем самым, что этот строй не подходит ни под одно из определений Аристотеля.

Стр. 150. *...дышали бы большею любовью к ближнему.*— После этого в изд. 1643 г. добавлено: «каковыми были они во времена апостольские и каковы они в большинстве и теперь»,— явная уступка «клирикам и монахам», не вяжущаяся с предшествующим рассуждением.

Августин (354—430) — один из первых христианских теологов, влиятельнейший авторитет католической церкви.

Стр. 154. *...правители непременно должны быть и философами, и историками, и политиками, и физиками.*— В изд. 1643 г. добавлено: «То же относится и к остальным двум соправителям».

Стр. 156. *Знаки Овна, Рака, Весов и Козерога* — то есть в начале марта, июня, сентября и декабря, соответственно четырем временам года. Здесь имеются в виду именно знаки зодиака, а не одноименные созвездия.

Стр. 157. *...статуи знаменитых мужей, которые женщины созерцают...*— Представление о том, что изображение, на которое смотрят женщины при зачатии, определит наружность потомства, существовало в глубокой древности. В Библии рассказывается, что Иаков клал перед скотом прутья с вырезанными полосами на коре, чтобы рождался скот пестрый, с крапинками и с пятнами. Кампанелла, в свою очередь, рекомендует этот способ для производства хорошего потомства как у людей, так и у животных (см. ниже, в отделе «О скотоводстве»).

...в благоприятном Доме...— «Дома́» — это деления воображаемого неподвижного небесного круга — круга генитуры (половина которого скрыта под горизонтом), по которому движется зодиак со своими созвездиями или знаками и планетами. Всех «домов» — двенадцать. Это: 1) дом жизни, подходящий к точке пересечения круга генитуры с горизонтом на востоке, 2) дом прибыли, 3) дом братьев и дружбы, 4) дом родителей, 5) дом детей, 6) дом пороков, 7) дом брака, 8) дом смерти и наследства, 9) дом религии и странствий, 10) дом чести, 11) дом заслуги и 12) дом вражды и неволи.

...в хорошем аспекте Юпитера...— Весь зодиакальный круг делится на двенадцать знаков (Овен, Телец, Близнецы, Рак, Лев, Дева, Весы, Скорпион, Стрелец, Козерог, Водолей, Рыбы; исходя от каждой из этих двенадцати точек, в зодиакальный круг можно вписать равносторонний треугольник, четырехугольник (квадрат) и шестиугольник и провести

из любой точки диаметры круга: этим путем мы получим аспекты, в которых одни точки круга находятся к другим. Так, взяв за исходную точку, например, знак Льва, мы увидим, что он будет находиться в противоположном (диаметральном) аспекте с Водолеем, в квадратном аспекте — с Тельцом и Скорпионом, в треугольном (или тригональном) — с Овном и Стрельцом и в шестиугольном (или секстильном) — с Близнецами и Весами. С остальными знаками Лев не находится в аспекте.

Планеты, находясь в разных знаках зодиакального круга, точно так же могут находиться в определенных аспектах друг к другу. Эти аспекты разделялись на благоприятные (хорошие) и неблагоприятные (дурные); к первым относятся «тригональный» и «секстильный», ко вторым — «квадратный» и «диаметральный».

Стр. 158. *...для Солнца и Луны, которые всего чаще бывают афетами.*— Птоломею и всем позднейшим астрологам жизнь представлялась движением, зависевшим от начального ее импульса, или «пуска» (по-гречески — ἄφησις). Эта зависимость жизни от начального (случайного) импульса указывает на механистическую точку зрения, которой держались Птоломей и его последователи в области биологии. В этом движении пущенной, подобно стреле из лука, жизни первенствующую роль играла та планета, которая являлась в данный момент господствующей и, так сказать, «пускающей» жизнь, по греческой терминологии — афетой, которая при этом должна была находиться в одном из афетических мест круга генитуры (всех этих мест считалось пять). «Афетами» могли быть или Солнце, или Луна, а другие планеты лишь в том случае, если ни Солнце, ни Луна не находились в данный момент в каком-нибудь «афетическом месте».

...Деву в гороскопе...— Имеется в виду созвездие или знак Девы в пункте гороскопа, то есть на восточном краю горизонта.

Они добиваются не столько сопутствия...— Сопутствие — астрологический термин в применении к находящимся близко друг от друга планетам, двигающимся в данный момент в одинаковом направлении.

Стр. 160. *Святой Фома* — Фома Аквинский (1225—1274), главнейший представитель средневекового католического богословия и схоластики.

Стр. 162. *...обязанности, художества, труды и работы...*— В изд. 1643 г. слов «художества, труды» нет.

...превозносят апостолов.— Кампанелла имеет в виду описываемую в библейских «Деяниях апостолов» (гл. 4 и др.) христианскую общину, с ее чертами «потребительского коммунизма». Идеализация ранней христианской общины как общины коммунистической характерна не только для Кампанеллы, но и для более поздних утопистов, вплоть до XIX в.

Климент Римский — один из первых епископов римской церкви. Ему приписывалось много сочинений, но достоверно принадлежит ему

только так называемое «Первое Климентово послание к Коринфянам», относящееся к периоду от 92 до 101 г. н. э.

Глосса — толкование. Кампанелла имеет в виду комментированное издание сочинения Грациана (XII в.), получившее название «Decretum Gratiani».

Тертуллиан (ок. 160—222 гг.) — христианский богослов. В его сочинениях находятся интересные сведения о жизни первых христианских общин.

Стр. 163. *Катон* Младший (95—46 гг. до н. э.) — римский государственный деятель. Мнение Катона Кампанелла извлек из биографии Плутарха.

Ересь Николаитов — одна из первых христианских ересей, сведения о которой очень скудны и недостоверны. Ее связывают с именем Николая, одного из семи первых диаконов; ей приписывали впоследствии и заповедь общности жен, и безнравственное поведение.

Кайета (Гаэтано) (1480—1547) — итальянский богослов, автор комментариев к произведениям Фомы Аквинского.

Стр. 164. *Брахманы.*— Брахманизм — древнейшая религия индийцев. По ее учению, все исходит от высшего божества — Брамы — и к нему возвращается; на этом основано учение о переселении душ. Жрецы этой религии составляют высшее сословие, или касту брахманов.

Иисус Навин — по библейскому рассказу, предводитель евреев после смерти Моисея.

Маккавеи — название еврейской династии, правившей около ста лет Иудеей (по 37 г. до н. э.). Маккавеи возглавили восстание против сирийского владычества и освободили Иудею от его ига.

Сципион — имя нескольких римских полководцев из одного и того же рода. Кого из них Кампанелла имеет в виду, решить трудно.

Стр. 165. *...орудия, называемые пушками...*— В изд. 1643 г. пропущено несколько слов о перевозке снаряжения и припасов.

Стр. 166. *...венок из травы...*— Обычай раздачи венков взят Кампанеллой из Древнего Рима. Самой почетной была corona civica из дубовых листьев. Из Рима же взят и обычай приносить в жертву доспехи, снятые с предводителя врагов.

...тяжеловооруженные всадники...— В изд. 1643 г.: «легковооруженные воины».

...как Ахилл на Кикна...— Кикн — по греческой мифологии, сын бога Посейдона, неуязвимый для оружия; был во время Троянской войны убит Ахиллом, который сбил его наземь и задушил ремнями от шлема (Овидий, Метаморфозы, кн. XII, ст. 64—145).

Стр. 168—169. *...но поединки не допускаются...*— После этих слов в изд. 1637 и 1643 гг. добавлено: «потому что этим унижается Суд. а также потому, что они часто ведут к несправедливости, если побежден-

ным оказывается правый». Дальше — как в изд. 1623 г. Недопущение поединков у Кампанеллы представляет собой характерную черту нового правопорядка, пришедшего на смену «рыцарским» правовым нормам. Последние, однако, были еще в полной силе в эпоху Кампанеллы.

Стр. 170. *Георгика* (от греческого γεωργός — земледелец) и ниже *Буколика* (от греческого βουκόλος — пастух).— «Георгиками» и «Буколиками» называются поэма Вергилия о земледелии и сборник «пастушеских» стихотворений (эклог).

Авраам — библейский патриарх, легендарный родоначальник еврейского народа.

Стр. 171. *Плеяды* — небольшая группа звезд, входящая в созвездие Тельца.

...жизнь еще более похвальную и достойную.— После этих слов в изд. 1643 г. добавлено: «Они восхищаются христианскими установлениями и с надеждою ожидают для себя и для нас апостольской жизни».

Каукакина — одна из провинций Индокитая (Кохинхина).

Стр. 172. *...твердые знаки в четырех углах мира.*— Твердыми знаками в зодиаке (signa fixa) назывались знаки Тельца, Льва, Стрельца и Водолея, то есть следующие за знаками начал четырех времен года. «Fixa» они назывались потому, что при вступлении в них Солнца каждое из времен года уже твердо устанавливалось.

Фортуна с Алголем.— Под Фортуной разумеется особая точка гороскопа, определявшаяся в астрологии из положения Солнца и Луны. Алголь (по-арабски — «дьявол») — одна из крупнейших переменных звезд в созвездии Персея.

Абсида.— Абсидами называются две крайних точки планетной орбиты, в которых планета находится всего ближе или всего дальше от Земли (Земля принимается за неподвижную). Первая из этих точек называется перигеем, вторая — апогеем, а прямая, их соединяющая,— линией абсид.

Меркурий... радостен... (по-латыни — Jovialis) — то есть обладает свойствами Юпитера, планеты «благоприятной».

...как уже было указано.— После этих слов в изд. 1643 г. добавлено: «Ибо они говорят, что бог установил причины вещей, которыми мудрец должен пользоваться, но не злоупотреблять». Это добавлено, чтобы смягчить астрологические выводы.

Стр. 173. *О болезнях Соляриев...*— Описание болезней и их причин, а также и средств их лечения основано главным образом на учениях античных врачей — Гиппократа, Цельса и Галена.

...телесными упражнениями...— В изд. 1643 г.: «умеренностью и телесными упражнениями».

Стр. 174. *Скот* Дунс (1265—1308) — известный богослов-схоластик.

Каллимах — александрийский ученый и поэт III в. до н. э.

Стр. 176. *Юстициарий* — очевидно, руководитель военных упражнений или поединков в Древнем Риме. К этому же роду должностей относится и должность гладиатора.

Ликторы — стражники-исполнители в Древнем Риме, носившие, как знак власти сопровождаемых ими должностных лиц, связки прутьев со вложенным в них топором. Здесь, очевидно, имеются в виду помощники палачей.

Стр. 178. *...затем исповедует всенародно свои собственные грехи...*— В изд. 1643 г. этих слов нет.

Стр. 180. *Четыре поворотные точки мира* — знаки Рака, Весов, Козерога и Овна, с которых начинаются времена года: знак Рака — летнего солнцестояния, Весов — осеннего равноденствия, Козерога — зимнего солнцестояния и Овна — весеннего равноденствия.

Стр. 181. *Счет времени ведется у них по тропическому, а не по сидерическому году...*— Тропический год — время между двумя последовательными прохождениями Солнца через точку весеннего равноденствия; сидерическим, или звездным, годом называется время полного оборота Солнца, то есть возвращения Солнца к одной и той же точке неба. Ввиду так называемой «прецессии», или предварения равноденствия, то есть постепенного отступательного движения точки весеннего равноденствия, тропический год несколько короче сидерического («предваряет» его).

...в наклонности...— Очевидно, имеется в виду постепенное изменение наклонности эклиптики (круга годичного движения Солнца) к экватору.

Голова Дракона.— Головой и хвостом Дракона называются восходящий и нисходящий лунные узлы, то есть точки пересечения лунной орбиты с эклиптикой. Кампанелла имеет в виду изменение положения плоскости лунной орбиты, при котором эти «узлы» все время движутся по эклиптике к западу и полный оборот делают приблизительно в девятнадцать лет.

Они восхваляют Птоломея...— Кампанелла, который выступал в защиту Галилея, не понимал, однако, сущности учения Коперника и Галилея, а в «Городе Солнца» он на основании своих физических, астрологических и религиозно-философских воззрений пытается создать свою собственную астрономическую систему, содержание которой он здесь и излагает. Колебание Кампанеллы в вопросе о том, правильна ли геоцентрическая (Птоломеева) или гелиоцентрическая (Коперникова) система, формулировано в конце его рассуждения («При этом, однако, они не уверены... является ли Солнце центром...»).

Аристарх (III в. до н. э.) — греческий астроном, учивший, что Земля движется вокруг своей оси и вокруг Солнца.

Филолай (V в. до н. э.) — ученик Пифагора. Ему приписывали учение о шарообразности Земли и считали его сторонником гелиоцентрической системы. Но от сочинений Филолая дошли до нас только скудные отрывки, по которым нельзя судить о его системе. Гелиоцентрическое учение приписывали и самому Пифагору (теория Коперника в папском запрещении 1616 г. названа «ложным Пифагоровым учением»), но это — недоразумение. Система Пифагора была геоцентрической.

Пророчество Иисуса Христа.— Имеется в виду «пророчество» о знамениях, предвещающих «конец мира».

...как и во многом другом...— Эти слова содержатся только в изд. 1623 г.

...ненавидят они Аристотеля...— По учению Аристотеля, мир не был создан и не возникал, а существовал вечно. Это учение противоречило и христианскому и астрологическому мировоззрениям.

Стр. 182. *...на основании аномалий.*— То есть ввиду отклонения планет от равномерного кругового движения.

...Птоломеевы и Коперниковы эксцентрики и эпициклы...— По теории Птоломея, планеты имеют двойное движение: они движутся по малому кругу, или «эпициклу», около некоторого центра, который в то же время сам двигается по большому кругу около Земли. Соединение этих двух движений образует видимый путь планеты на небесном своде, состоящий из ряда петель. Наблюдая движения Солнца и Луны, греческий астроном Гиппарх (II в. до н. э.) еще до Птоломея установил, что эти движения не равномерны. Чтобы объяснить эту неравномерность, он предполагал, что центр кругового движения этих светил не совпадает с центром Земли, а передвигается по эксцентрическому кругу, или, как говорит Кампанелла, по «эксцентрику». Отношение расстояния между центром земли и центром этих орбит к их радиусу было названо эксцентриситетом орбиты. У Коперника эпициклы имеют иное значение, чем у Птоломея: они служили для объяснения тех неправильностей в действительных движениях планет, которые не могли быть истолкованы эксцентричностью орбит.

Одно небо — против учения Птоломея и других древних астрономов об отдельных небесах, или сферах.

Дальше Кампанелла описывает видимое движение планет по небу и дает свои собственные толкования этих движений, при которых планеты то идут вперед, то попятно, то останавливаются. Сложность этих видимых движений объясняется на самом деле комбинацией их с движением Земли вокруг Солнца. Свои объяснения Кампанелла основывает не столько на астрономических, сколько на астролого-физических толкованиях. В его построениях интересно то, что он не согласен с современными ему астрономами и считает «попятное движение» планет не действительным, а кажущимся.

Соединение, квадратура, противостояние — различные положения планет относительно Земли и Солнца; соединение — положение планеты перед или за Солнцем (для Луны это — новолуние); квадратура — такое положение планеты, когда прямые, проведенные от Земли к планете и к Солнцу, образуют прямой угол (для Луны это — первая и последняя четверти); противостояние — положение планеты в точке, противоположной Солнцу (для Луны — полнолуние).

Стр. 183. *Первое небо.*— Здесь разумеется небо неподвижных звезд. Хотя Кампанелла и приписывает гражданам Города Солнца утверждение, что существует только одно небо, но здесь он сохраняет терминологию Птоломея. В течение суток Луна перемещается на небе к востоку на 13°.

Абсида — см. прим. к стр. 172.

...Солнце дольше задерживается в северной области, чем в южной, так как движение Солнца неравномерно, и весна и лето северного полушария длятся приблизительно 186 суток, а весна и лето в южном полушарии Земли (соответствующие нашим осени и зиме) длятся только 169 суток.

Халдеи — народ, населявший в древности юго-западную часть Вавилонии. Халдеи славились, наряду с египтянами, как замечательные астрономы и астрологи.

...является ли Солнце центром нижнего мира...— В этих и последующих словах соединены вкратце различные сомнения, какие возбуждала у Кампанеллы система Птоломея, которую, однако, он не решается прямо отвергнуть. Слова: «обращаются ли вокруг других планет лупы» — намек на открытие Галилеем спутников Юпитера. Так как это открытие было опубликовано в 1610 г., то понятно, что в первоначальном тексте «Города Солнца», написанном около 1602 г., ничего о планетных спутниках не говорится. Об этом открытии (не называя, однако, Галилея) говорит Кампанелла и в своей «Астрологии» (1630), упоминая не только о четырех спутниках Юпитера, открытых при помощи телескопа, но и о двух спутниках Сатурна, за которых на самом деле были приняты части его кольца.

Для астрологических соображений Кампанеллы было решительно безразлично (как он сам говорит), обращается ли Солнце вокруг Земли или Земля вокруг Солнца, так как для его выводов важно было только видимое или чувственно воспринимаемое движение, а не то, как оно происходит на самом деле.

Стр. 185. *...из-за перемещения абсид...*— Под перемещением абсид Кампанелла, очевидно, разумеет медленные изменения форм и положения планетных орбит, замеченные Коперником на основании сравнения данных современных ему наблюдений с наблюдениями эпохи Птоломея.

Основываясь на разных астрологических соображениях и предсказаниях, в 1000 г. н. э. многие ждали конца мира. Сам Кампанелла ждал если не конца мира, то, во всяком случае, какого-то великого мирового переворота в 1600 г., что и явилось для него одной из побудительных причин приурочить к кануну этого «рокового» года возглавлявшееся им восстание в Калабрии.

Стр. 186. *Великие соединения.*— Разумеются соединения планет.

Чего не хочешь самому себе...— Имеются в виду слова Евангелия (Матфей, VII, 12, и Лука, VI, 31).

Стр. 187. *...великих синодов в треугольнике Рака...*— «Синоды» — астрологический термин для обозначения соединения планет в определенных знаках зодиака. «Треугольник Рака» — то есть треугольник, образуемый знаками Рака, Скорпиона и Рыб, которые находятся между собою в «треугольном», или «тригональном» аспекте.

Новая звезда в Кассиопее.— Эта новая звезда вспыхнула в созвездии Кассиопеи осенью 1572 г. и достигла такого блеска, что была видна даже днем. В 1574 г. она совершенно исчезла из виду. Звезду эту описал известный датский астроном Тихо Браге (1546—1601).

Подзорные и слуховые трубы.— Подзорная труба была изобретена около 1608 г. Наряду с этим Кампанелла предвещает и изобретение слуховых инструментов, при помощи которых будет слышна гармония неба, или музыка сфер, которая, по учению древних, происходит будто бы от взаимного трения небесных сфер друг о друга. Кампанелла здесь совершенно забывает, что Солярии отвергают учение о сферах и признают только одно небо (см. прим. к стр. 182).

Стр. 188. *Рак — ...женский знак Венеры и Луны...*— По учению астрологов, знаки зодиака, как и планеты, разделялись по разным признакам: они делились на «мужские» и «женские», на «водные» (или «влажные»), «воздушные», «огненные» и т. д.

После слов: «раз он — знак водный» в позднейших изданиях следует (текст дается по изд. 1643 г.):

«И каким образом звезды могут это знать и делать? Все совершается в надлежащие сроки, установленные богом. Они уж слишком увлекаются астрологией!

Мореход

Вот что они ответили мне: бог есть непосредственно-всеобщая причина вещей, но не в смысле непосредственности частной причины, а всеобщего начала и силы; ибо не бог ест, когда ест Петр, как и не бог мочится и ворует, хотя и дает возможность и способность есть, мочиться и брать, как непосредственная причина, прежде которой никакой другой нет и по отношению к которой всякая другая является более частной, модифицирующей бесконечность божественного действия.

Гостинник

О, как прекрасно говорят о том же наши ученые схоластики, в особенности божественный Фома в сочинении против магометанских философов, утверждающих, что действие первой причины более непосредственно в смысле прямого контакта, чем действие второй: см. 3 con. Gen. cap. 70 и 2 dist. 37 и pot. q. 1 art. 3 и 5 и opusc. 9 q. 38, где он учит, что всеобщая причина действует непосредственно в смысле начала, а не в смысле контакта, как действует частная причина. Продолжай.

Мореход

Итак, они говорят, что бог создал для всех будущих действий и всеобщие и частные причины, причем эти последние не могут действовать, когда не действуют первые. Так, растение не может цвести, если не согревает его Солнце. Смена же времен зависит от всеобщих причин, то есть от небесных; и, следовательно, все наши действия возможны при условии действия неба. Но причины свободные используют время как по отношению к себе самим, так иногда и по отношению к другим вещам. Ибо человек заставляет и деревья цвести при помощи огня, и светильником освещает дом в отсутствие Солнца. Причины же естественные принудительно зависят от времени. Таким образом, как одно происходит днем, другое — ночью, одно — зимою, другое — летом, или весною, или осенью столько же по причинам свободным, сколько и по естественным, так и одно — в одном веке, другое — в другом. И как свободная причина не принуждается ни спать, когда наступает ночь, ни вставать при наступлении утра, но действует сообразно своей потребности, используя таким образом в своих интересах смену времен,— точно так же ничто не вынуждает ее изобретать аркебузы или книгопечатание при великих соединениях в Раке, ни учреждать монархии, когда приходятся они в Овне. Это же относится и к прочему — к посевам в сентябре, подрезыванию деревьев в марте и т. д. И они не могут поверить, чтобы первосвященник премудрых христиан запрещал астрологию иначе как тем, кто злоупотребляет ею для предсказания действий, зависящих от свободной воли и сверхъестественных событий: ибо звезды служат для сверхъестественных явлений лишь знамениями, для естественных — всеобщими причинами, а для волевых актов — только поводами, побуждениями и склоняющими к ним мотивами. Ведь восход Солнца не принуждает нас вставать с постели, а только побуждает, представляя к этому удобства, как и ночь представляется неудобной для вставания и удобною для спанья. Значит, когда они воздействуют на свободную волю косвенно и случайно, действуя на тело и на свойственное телу ощущение, связанное с телесным органом, то душа возбуждается этим ощущением

или к любви, или к ненависти, или ко гневу и к прочим страстям. Но и тут еще она может поддаться или не поддаться возбужденной в ней страсти. Таким образом, и ереси, и войны, и голод, указуемые звездами, возникают большей частью оттого, что люди большей частью допускают управлять собою чувственным побуждениям, а не разуму, из-за чего совершают поступки, разуму противные. Но иногда они следуют страстям разумно, когда, например, в порыве справедливого гнева начинают справедливую войну.

Гостинник

И об этом превосходно говорит божественный Фома, а также наш первосвященник. Он допускает применение астрологии и в медицине, и в земледелии, и в мореплавании, вместе со всеми своими схоластиками, разрешающими предположительные предсказания даже относительно произвольных действий. Но, ввиду разрастания злонамеренности и злоупотребления этим разрешением, они запрещают хотя и не самые предположения, но основанные на них предсказания, не потому, что они всегда лживы, но потому, что они большей частью или всегда опасны. Ведь полагающиеся на астрологию государи и народы затевают бесчисленное множество или прямо зловредных предприятий, или хоть и полезных, но обреченных на неудачу, как это видно на примерах Арбака, Агафокла, Друза, Архелая; наконец, мы ожидаем того же самого и в отношении некоего герцога Финляндии, положившегося на предсказание Тихо Браге. Да и против наших первосвященников на многое осмеливаются государи, доверяясь подобным предсказаниям наглых обманщиков.

Мореход

Так же и Солярии говорят, что одно надо запрещать как лживое, другое — как опасное, поскольку оно может привести к идолопоклонству, или к уничтожению свободы, или к разложению государственного строя. Наоборот, я говорю тебе, Солярии уже изобрели способ избегать звездного рока, ибо всякое искусство дается богом не иначе, как на пользу. Поэтому всякий раз, когда приближается затмение — или только нездоровое, при господстве в это время благодетельных планет, или прямо губительное, при междуцарствии зловредных,— или зловещая комета, или дурное направление в афетическом месте, того, кому звезды угрожают несчастьем, заключают они в белую комнату, опрыскапную благовониями и розовым уксусом, зажигают семь светильников из воска, смешанного с ароматами, исполняют радостную музыку и заводят веселые разговоры, дабы развеять семена заразы, распространяющиеся с неба в воздухе.

Гостинник

Какие, право, все полезные средства и как мудро они их применяют! Небо ведь воздействует вещественно, и противодействовать ему можно вещественными противоядиями. Но вызывает возражения число светильников, сила которых как будто бы заключается в самом их числе, что отдает суеверием.

Мореход

Действительно, они опираются на пифагорейское учение о действенных свойствах чисел, но не знаю, по суеверию ли: они основываются не на одном лишь числе, но на числе в соединении с врачебными средствами.

Гостинник

Тогда это совсем не суеверие: ибо никакой канон, ни божественное Писание не осудили силы чисел; наоборот, врачи пользуются этою силой применительно к периодам и кризисам болезней. И в Писании сказано, что бог сотворил все числом, весом и мерою, и таинственные свойства чисел подтверждаются семью днями творения, семью ангелами, трубящими в трубы, семью чашами, семью громами, семью светильниками, семью печатями, семью таинствами, семью дарами святого духа и семью очами на камне Захарии. Сколько это породило философских рассуждений о числах, и в особенности о седмерице у святого Августина, святого Илария и Оригена! Итак, я не осуждал бы Соляриев, раз они, как видно, являются врачами недугов, нисходящих с неба, и защитниками свободы воли.

Ведь они своими семью факелами подражают небу, подобно тому как подражал ему Моисей своими семью светильниками: и в Риме считается суеверием лишь то, когда сила, имеющая свой источник в боге, приписывается одним только числам, а не исчисленным вещам и тому, по отношению к чему числа не имеют ни применения, ни силы. Также суеверно поступает и тот, кто старается использовать небесные явления или травы там, где они ни при чем: это чистейшее пустосвятство, которым дьявол, обезьяна бога, подражает богу — создателю чисел. И у Вергилия радуется он нечетному числу. Наоборот, когда естественная сила ревеня приписывается труту по невежеству, это — не суеверие; но если труту или числу приписывается сила божественная, это — суеверие. Смотри богословие. Теперь продолжай свой рассказ, от которого мы отклонились.

Мореход

Итак, Солярии полагают, что женские знаки сообщают плодородие тем областям, где властвуют женщины, и дают господство на Земле вещам слабейшим, поддерживая, способствуя и доставляя выгоды или невыгоды одним и отстраняя их от других, как было сказано».

Дальше следует, как и в изд. 1623 г.; «Откуда и понятно...» — и т. д.

Нубия — страна к югу от Египта, по среднему течению Нила.

Монопотапа или Мономотапа — негритянское государство в Африке по нижнему течению реки Замбези, существовавшее до XVIII в.

Русская в Турции — султанша Роксолана, любимая жена Солимана II Великолепного (1520—1566). По одним источникам, была русской, по другим — итальянкой. Она имела неограниченное влияние на султана.

Бона в Польше — королева польская, жена Сигизмунда I (1506—1548).

Мария в Венгрии — венгерская королева Мария (1505—1558), дочь Филиппа I Красивого, бывшая женою венгерского короля Людовика II (ум. в 1522 г.).

Елизавета в Англии — Елизавета Тюдор (1558—1603), королева английская, при которой была совершенно разбита «Непобедимая армада», флот короля испанского Филиппа II.

Екатерина во Франции — знаменитая Екатерина Медичи (1519—1589), королева французская, жена Генриха II, после смерти которого в царствование своих сыновей Франциска II, Карла IX и Генриха III была полновластной правительницей Франции. По ее распоряжению произошло избиение гугенотов 24 августа 1572 г. («Варфоломеевская ночь»).

Бьянка в Тоскане — Бьянка Капелли (ум. в 1587 г.), дочь венецианского сенатора, вторая жена великого герцога тосканского Франциска.

Маргарита в Бельгии (т. е. в Нидерландах) — Маргарита Парм-ская (1522—1586), побочная дочь Карла V, воспитывавшаяся при дворе венгерской королевы Марии. В 1558 г. была назначена Филиппом II Испанским наместницей в Нидерландах.

Мария в Шотландии.— Имеется в виду, вероятно, не Мария Стюарт, о которой Кампанелла написал трагедию, а ее мать, Мария Гиз (1515—1560), жестоко преследовавшая протестантов.

Изабелла — королева кастильская (1450—1504), жена короля испанского Фердинанда V.

Le donne...— первый стих поэмы Ариосто (1474—1533) «Неистовый Роланд».

...бесчисленные мерзости.— После этих слов в изд. 1643 г. следует: «которым состояние мира способствует, но к которым не принуждает».

Место экзальтации Юпитера.— «Экзальтация», «тройственность» — астрологические термины, обозначающие «достоинства» планет, то есть свойства, приписывавшиеся им в различных положениях в созвездиях зодиака. *Апогей Солнца* — то есть точка летнего солнцестояния, находящаяся в знаке Рака.

...изобретению книгопечатания и огнестрельного оружия.— После этих слов в изд. 1643 г. следует:

«И это не было причиной, а скорей только случаем для великой перемены законов по промыслу божию, всегда направленному ко благу, если только мы его не извращаем.

Тут рассказали они мне удивительные вещи о соответствии небесного и земного, о состоянии умов, о распространении христианского закона в Новом Свете, о его непоколебленной силе в Италии, о шатаниях в Северной Германии, Англии, Скандинавии и Паннонии. Об этих предзнаменованиях я не хочу и говорить, потому что по справедливым причинам это запрещено премудрым нашим папою. Не буду говорить о реформах Ксерифа и София в Африке и Персии, происходивших в то время, как у нас Виклеф, Гус и Лютер расшатывали религию, а Минориты и Капуцины ее прославляли, и о том, каким образом одним и тем же перемещением светил на небе одни пользуются ко благу, другие же используют его ко злу, хотя ересь и упоминается апостолом в числе дел плоти и потому относится к чувственным страстям, возбуждаемым Марсом, Сатурном и Венерою при беспрепятственном подчинении им нашей воли.

Расскажу, однако, о том, что Солярии уже изобрели искусство летать и разные другие искусства под влиянием Луны и Меркурия и при содействии абсиды Солнца...»

Дальше, со слов: «при содействии абсиды Солнца» — текст опять совпадает с изд. 1623 г.

Стр. 189. *...служат определяющими причинами.*— На полях изд. 1623 г. при этих словах стоит примечание: «Светила в отношении дел божественных суть только знаки. В отношении же человеческих — они суть знаки и причины, но только побудительные. В отношении же естественных — знаки и причины или побудительные, или иногда и принудительные. И так как ересь, согласно апостолу, есть дело плоти,— ибо ум склоняется к ереси плотским разумением,— то светила, действуя непосредственно на тело и чувство, суть причины ересей постольку, поскольку поддающийся влиянию человек предается нечестию».

Слова: «ересь, согласно апостолу, есть дело плоти» — указание на апостола Павла, который говорит об этом в Послании к Колоссянам.

Секта Али, восстановленная Софием...— Али — приемный сын и зять Магомета. Его сторонники образовали секту шиитов. Шиитский исламизм стал с 1499 г. официальной религией в Персии. Секта Суфи, или суфиев — самая значительная из шиитских сект.

Знаки Стрельца и Льва.— Все страны в области земного шара находятся, по учению Птоломея, под господством определенных знаков зодиака; так, в Африке господствует Рак, в Италии — Лев, в Испании —

Скорпион и т. д. Подобное же влияние на разные страны приписывалось астрологами и определенным планетам.

Домом Солнца... Домом Луны... — В астрологии считалось, что все планеты имеют свои «дома», или жилища, в отдельных знаках зодиака, при нахождении в которых они проявляют свою наибольшую силу. При «перевертывании» знаков зодиака и окажется, что если домом Солнца, например, считается знак Льва, то в южном полушарии таким домом должен будет оказаться противоположный ему знак Водолея и т. д. Эти «дома» не следует путать с «домами» круга генитуры.

Между словами: «И все знаки... перевертывают» и «это необходимо, согласно законам природы» в изд. 1643 г. добавлено: «И на экваторе между тропиками и самые знаки называются по-иному, чем за его пределами и в полярных областях».

...почитаемого... философа... — Кампанелла подразумевает здесь самого себя и описывает свою пытку на допросе.

...поступать против нашего решения. — После этих слов в изд. 1643 г. поставлено: «ни бог не управляет нами принудительно; ибо человек настолько свободен, что способен даже богохульствовать. И разве бог разделен?»

Стр. 190. *...из трупов еретиков...* — В изд. 1643 г.: «из тлетворного мозга еретиков».

Иезуиты — духовный орден, учрежденный в 1534 г. Игнатием Лойолой с целью распространения и укрепления католицизма. Был главным органом борьбы католической реакции против протестантизма. Был уничтожен в 1773 г. папой Климентом XIV, но восстановлен в 1814 г. Пием VII.

Миноритъ, или францисканцы — монашеский орден, основанный в 1209 г. Франциском Ассизским.

Капуцины — католический монашеский орден, одна из ветвей ордена францисканцев (миноритов). Основан в 1525 г.

Фернанд Кортец (1485—1554) — завоеватель Мексики.

Вместо: *«Ересь апостол Павел...»* до *«Аминь»* — в изд. 1643 г. такой текст:

«Гостинник

Скажи только одно: каким образом заставляют они двигаться корабли без помощи ветра и весел?

Мореход

Посредством устроенного на корме большого опахала с шестом, к которому привешен уравновешивающий его груз, так что мальчик может поднимать и опускать его одной рукой. У большого же паруса

оно укреплено на свободно вращающейся оси на двух вилках. Кроме того, некоторые суда двигаются у них двумя колесами, поворачивающимися в воде при помощи канатов, идущих от большого колеса, поставленного на носу и крест-накрест надетых на кормовые колеса. Большое колесо, которое вертит малые, находящиеся в воде колеса, приводится в движение так же легко, как на том приспособлении, при помощи которого Калабрийки и Француженки крутят, сучат и прядут нитки».

Ф. Петровский

«НОВАЯ АТЛАНТИДА» ФРЭНСИСА БЭКОНА

После смерти Фрэнсиса Бэкона, последовавшей 9 апреля 1626 года, «Новая Атлантида» («New Atlantis») осталась в виде неоконченного фрагмента и была впервые опубликована его духовником и литературным душеприказчиком Раули в 1627 году. Написана же она была Бэконом, по словам Раули, около 1623 года по-английски, причем через короткое время был сделан перевод «Новой Атлантиды» на латинский язык «для пользы других народов». В 1638 году Раули выпустил том сочинений Бэкона, переведенных на латынь, «Operum Moralium et Civilium Tomus», включивший «Новую Атлантиду».

Первый русский перевод «Новой Атлантиды» вышел в 1821 году: «Новая Атлантида; сочинение Франциска Бакона, Аглинскаго канцлера; перевод с французскаго. Москва, типография г-жи Божуковой, 1821 г.». В 1922 году в издательстве «Былое» «Новая Атлантида» вышла в переводе и с примечаниями проф. С. Я. Лурье. Этот перевод неоднократно переиздавался.

Настоящий перевод «Новой Атлантиды», выполненный З. Е. Александровой, был впервые опубликован в издании Академии наук СССР (Москва, 1954).

Стр. 193. *Южные моря.*— Имеется в виду Тихий океан.

Стр. 203. *Геркулесовы столбы* — древнее название Гибралтара.

Камбалу.— У мусульманских писателей «Хан-Балык» (т. е. «город хана») часто неправильно произносилось как «Камбалу»; под этим названием известен был (по описанию Марко Поло) в средневековой Европе город, расположенный около нынешнего Пекина. Название «Камбалу» относится к периоду монгольского владычества; при Минской династии (XIV—XVII вв.) город был переименован в Пекин (т. е. «северная столица»).

Кинсаи.— Под этим названием у Марко Поло описан Ханчжоу.

Стр. 204. *...одним из... великих людей...* — Имеется в виду Платон, давший в диалогах «Тимей» и «Критий» описание устройства и судеб государства, существовавшего некогда на острове Атлантиде.

...великий писатель ваш... — Платон.

Стр. 214. *...в одной вашей книге...* — Имеется в виду «Утопия» Томаса Мора.

Ф. Коган-Бернштейн

«ГОСУДАРСТВА ЛУНЫ» СИРАНО ДЕ БЕРЖЕРАКА

Трактат Сирано де Бержерака «Иной свет, или Государства и империи Луны» («L'Autre Monde ou les Etats et les Empires de la Lune») был закончен около 1650 года. Однако напечатан он был, как, впрочем, и почти все произведения Сирано, только после смерти автора, стараниями старого приятеля Сирано, его школьного товарища Никола Лебре в 1656 году. Издание снабжено довольно нелепым предисловием Лебре, где последний старается защитить своего умершего друга от обвинений в антирелигиозности и тем обеспечить «Государствам Луны» мирное печатное существование. Текст трактата напечатан по рукописи, бывшей в руках Лебре; он носит следы многочисленных поправок и переделок, сделанных, вероятнее всего, рукою Лебре, который таким образом оказался и редактором сочинений Сирано. Цель редакционных поправок все та же — по возможности очистить текст от таких мест, которые могли бы очернить «память автора» и «создать затруднения» издателю. В 1659 году это издание было повторено. Все последующие издания «Государств Луны» перепечатывались с издания 1659 года. Всего до конца столетия во Франции вышло пять или шесть изданий как «Государств Луны», так и других сочинений Сирано. С 1699 года утопические трактаты, а также письма были неоднократно издаваемы в Амстердаме. Наконец, в 1858 году в Париже были изданы сочинения Сирано (под редакцией П. Лакруа); еще одно издание вышло в 1875 году.

Лишь в 1861 году на аукционной распродаже одного книжного и рукописного собрания, происходившей в Париже, была впервые обнаружена рукопись «Государств Луны», поступившая затем в Парижскую национальную библиотеку. В 1908 году в Мюнхенской королевской библиотеке был отыскан второй рукописный экземпляр этой книги. Он, как оказалось, попал в Мюнхен в составе библиотечного наследия курфюрстов Пфальцских, которые в XVII веке были в культурном отношении тесно связаны с Францией. Сравнительное изучение обеих рукописей показало, что парижская является, по всей вероятности, одной из очень ранних копий еще не вполне отредактированного труда, а мюнхенская — копией вполне отредактированной, вероятно одной из тех, кото-

рые Сирано распространил среди своих друзей после 1650 года. На основании этих двух рукописей, по сравнению их с традиционным текстом, восходящим к изданию 1659 года, немецкий ученый Лео Иордан издал в 1910 году критически проверенный сводный текст «Государств Луны», положенный в основу первого русского перевода, вышедшего в издательстве «Academia» в 1931 году (Москва — Ленинград) под редакцией академика В. И. Невского. Издание Лео Иордана, а также хорошо комментированный солидный, снабженный вариантами труд Ф. Лашевра, выпустившего в 1921 году в Париже собрание сочинений Сирано, были учтены в современном французском издании «Государств Луны и Солнца» с предисловием и комментариями Х. Вебера («Эдисьон Сосьяль», Париж, 1959), по которому был сделан новый русский перевод «Государств Луны», выполненный Е. А. Гунстом для настоящего издания. В примечаниях к настоящему изданию использованы комментарии Х. Вебера к французскому изданию 1959 года и комментарии к русскому изданию 1931 года.

Стр. 228. *Кардано* Джироламо (1501—1576) — итальянский ученый, математик, медик и философ. С 1534 г. был профессором математики в Милане и Болонье, занимался врачеванием и составлением астрологических альманахов и гороскопов. В 1570 г. был посажен в тюрьму по подозрению в волшебстве, но в следующем году выпущен на свободу. Последние годы жил в Риме. Занимаясь составлением гороскопов, Кардано составил и свой собственный, в котором предсказал день своей смерти. Чтобы оправдать свое предсказание, он, как рассказывали, уморил себя голодом в 1576 г. Кардано оставил многочисленные ученые трактаты. В математике его имя связано с открытием формул для решения уравнений третьей степени. Философские воззрения его носят пантеистический характер; изложение их очень туманно и запутано.

Стр. 230. *Вы доложитесь лекарскому начальнику?* — В обязанности лекарского начальника портовых городов входила проверка состояния здоровья экипажей и пассажиров всех прибывающих кораблей на предмет предотвращения эпидемий.

...во Франции, но в Новой...— Новой Францией называлась теперешняя Канада, точнее земли, прилегавшие с севера и юга к реке Св. Лаврентия. Название это было дано стране французским мореплавателем Жаком Картье, исследовавшим в 1534 г. течение реки Св. Лаврентия и провозгласившим открытые им земли владениями Франции. Однако попытки колонизовать Новую Францию эмигрантами из метрополии начались только в первые годы XVII столетия. С 1628 по 1674 г. Новая Франция находилась в ведении частных компаний, субсидируемых правитель-

ством, но с губернатором во главе. С 1674 г. колония получила окончательную организацию с некоторыми чертами самоуправления. Очень рано стало сказываться враждебное отношение между Новой Францией и лежавшей к югу от нее Новой Англией, то есть английскими колониями, составившими позднее основное ядро США. Вражда эта, объясняемая местными причинами и в то же время бывшая отголоском неприязненных отношений обеих метрополий, окончилась завоеванием Новой Франции англичанами в 1763 г.

...меня представили вице-королю...— В рукописи называется имя господина Монманьи, который был губернатором Квебека и Новой Франции с 1636 по 1647 г. Это обстоятельство дало основание некоторым исследователям творчества Сирано думать, что начало его работы над трактатом о «Государствах Луны» относится еще к 30-м годам XVII в.

...с нашими отцами иезуитами? — Иезуитский орден, или «Общество Иисуса», самый младший по времени основания монашеский орден католической церкви, в XVII в. проник и в Новую Францию, где ставил себе задачей христианизацию туземного населения. Очень скоро иезуиты приобрели там настолько могущественное и влиятельное положение, что светская администрация колонии была всецело в их руках. Чрезмерное влияние католического духовенства, и в частности иезуитов, в Канаде немало способствовало обострению вражды между французской колонией и соседними английскими, население которых состояло по большей части из крайних протестантов, выселившихся из Европы из-за преследований со стороны католиков; это обстоятельство имело большое значение в процессе гибели Канады как французской колонии.

Стр. 231. *А зачем предполагать, что небо круглое, раз убедиться в этом нельзя...*— Сирано выступает здесь против Птоломея, учившего, что звезды находятся на равном расстоянии от земли.

Стр. 232. *...о наличии какой-то разумной силы, которая приводит светила в движение и управляет ими.*— Наличием в мироздании разумной силы объясняли движение светил Платон (в диалоге «Тимей») и Аристотель. Эта мысль была подхвачена и развита средневековой схоластикой.

...на эту тему несколько сочинений Гассенди.— Основное сочинение Гассенди, являющееся изложением его проникнутого доктриной Эпикура философского учения «Syntagma philosophicium», увидело свет лишь в 1658 году, то есть после смерти Сирано, но такие важные его произведения, как «Epistola de apparente magnitudine solis» и «Institutio Astronomica», были напечатаны соответственно в 1642 и 1647 гг.

Стр. 233. *...Солнце — огромное тело, которое в четыреста тридцать четыре раза больше Земли...*— По данным современной науки, Солнце в 1283 раза больше Земли.

Неужели только потому, что Солнце отмеривает наши дни и годы, можно утверждать, что оно создано для того, чтобы мы не натыкались лбом на стены? — Важное для концепции Сирано возражение официальной христианской доктрине: человек не есть центр мироздания, не на потребу человеку создана Вселенная.

Стр. 234. *...дало повод пифагорейцам предсказывать всемирный пожар.*— Гибель мира от огня предсказывали пифагорейцы и стоики. Эпикур также считал возможным подобный вариант конца света.

...Солнце, очищаясь от ржавчины, далеко отбросило ее от себя... центр нашего мира притянул их к себе...— Сходная идея образования планет солнечной системы из частиц, отторгнутых Солнцем, лежит в основе гипотезы Лапласа.

Стр. 235. *...темные места на Солнце, кажущиеся нам пятнами, не что иное, как миры, находящиеся в стадии образования.*— Открытие пятен на Солнце, сделанное почти одновременно Яном Фабрициусом в 1611 г., Шейнером и Галилеем в 1612 г., возбудило в среде ученых противоречивые отклики. Так, итальянец Рейта счел эти пятна небольшими планетами-спутниками Солнца. Напротив, Галилей, а вслед за ним и Гассенди высказали предположение, что пятна на Солнце представляют собой сгущения, родственные нашим облакам.

...в лес за хворостом для праздничного костра...— Рассказывая о кострах ивановой ночи (24 июня), автор имеет в виду общераспространенный по всей Европе обычай, являющийся пережитком древнего язычества и перенесенный европейскими колонистами в Америку.

Стр. 236—237. *...масса Луны меньше массы... Земли... значит, и воздействует она на меньшее пространство; поэтому-то я позднее почувствовал на себе силу ее притяжения.*— Здесь в рассуждениях Сирано мелькает догадка о законе, позднее сформулированном Ньютоном как закон всемирного тяготения.

Стр. 237. *...местность эта оказалась... Земным раем...*— По библейским сказаниям, Земной рай находился в Месопотамии и был орошаем реками Тигром и Евфратом.

Древо жизни — по библейским сказаниям, находилось в Земном раю; его плоды, вкушаемые человеком, избавляли последнего от болезней и смерти.

Стр. 239. *Енох* — по библейским сказаниям, потомок Сифа, сына Адама и Евы, седьмой патриарх, считая от Адама, и дед Ноя. О нем рассказывается, что он «ходил перед богом», то есть стремился к высшей чистоте и святости; в награду за это ему было даровано бессмертие, отнятое у рода человеческого за грех его прародителей Адама и Евы, и он живым был взят в рай.

Илия — ветхозаветный пророк, жизнь которого излагается в Третьей и Четвертой Книгах царств. Современник израильского царя Ахава

Илия рисуется как ревностный защитник культа Иеговы против наводнявших Палестину финикийских культов. Сказания о нем говорят, что в конце жизни он был живым взят на небо на огненной колеснице.

Евангелист Иоанн — один из двенадцати апостолов, пережил всех остальных своих товарищей и, после долгого заточения на острове Патмосе, умер в конце I в. н. э. в городе Эфесе, где имел очень много учеников и последователей. Легенда о том, что он был взят живым в рай, распространилась значительно позднее и вероятнее всего восходит к каким-нибудь апокрифическим сочинениям.

Стр. 240. *Лестница Иакова.*— По библейским сказаниям, еврейский праотец Иаков, внук Авраама и сын Исаака, видел во сне лестницу, поднимавшуюся от земли на небо к престолу Иеговы (Бытие, XXVIII, 12—16).

...ибо их влияние на гороскоп Людовика Справедливого... весьма благотворно.— Имеется в виду король Людовик XIII, умерший в 1643 г. Сторонники мнения, что сочинение Сирано было задумано, и даже, может быть, частью написано, гораздо ранее 1650 г., ссылаются на это место в тексте в подтверждение своих догадок.

Стр. 241. *Ахав* — мифическое имя дочери Ноя, не встречающееся в Книге Бытия.

Стр. 242. *Елисей* — ветхозаветный пророк, деятельность которого относится к IX—VIII вв. до н. э. и изложена в Четвертой Книге царств, ученик и последователь Илии, ведший борьбу против последних царей израильского царства. С его именем связано развитие так называемых пророческих школ, в которых под руководством признанных и известных своей деятельностью народных вождей-пророков воспитывались молодые люди, продолжавшие дело своих учителей.

Стр. 244. *Эскулап* — греческое название Асклепий — древнегреческий бог врачебного искусства, культ которого проник в Рим в III в. до н. э. Как в Греции, так и в Риме Эскулапу были посвящены змеи, разводимые в его храмах. Отсюда, вероятно, и позднейшее предание, приводимое здесь.

Сципион.— Вероятно, имеется в виду Публий Корнелий Сципион Африканский, победитель Ганнибала, умерший около 183 г. до н. э. и стоявший во главе культурного движения в сторону греческой образованности, или Публий Корнелий Сципион Эмилиан (185—129 гг. до н. э.), разрушитель Карфагена и представитель того же культурного направления.

Александр.— Несомненно, имеется в виду Александр Македонский (356—323 гг. до н. э.).

Карл Мартел — в 715—741 гг. майордом, или правитель, франкских королевств Австразии и Нейстрии (Западной Германии и Северной

Франции), известный своими победами над арабами, проникшими в 730-х годах из Испании во Францию. Был очень нелюбим духовенством за крутую политику по отношению к высшим духовным лицам. Отсюда, может быть, следует объяснять возникновение легенды о змеях.

Эдуард Английский.— Неясно, о каком короле Англии здесь может идти речь; предположительно можно думать, что имеется в виду Эдуард II (1307—1327), приобретший при жизни сильную ненависть как со стороны дворянства, так, особенно, со стороны духовенства.

Стр. 245. *Моисей* — древнееврейский вождь и пророк, с именем которого связаны предания о выходе евреев из Египта. Его жизнь и деятельность следует относить к XIII—XII вв. до н. э. С именем того же Моисея связано предание о составлении пяти древнейших и основных частей Библии, так называемого «Пятикнижия» (Книги Бытия, Исход, Левит, Чисел и Второзакония). В первой из них записаны космогонические сказания евреев и сказания о последующих временах до переселения евреев в Египет. Это последнее обстоятельство имеет в виду Сирано, шутливо говоря устами пророка Илии, что Адам и все его потомки ничего не могли сказать о сотворении мира вплоть до Моисея.

Архангел — привратник рая; имеется в виду архангел Михаил, по библейским сказаниям, вождь небесного воинства в борьбе с темными силами ада; ему, между прочим, поручено было изгнание Адама и Евы из рая.

Стр. 246. *...для сорочек одиннадцати тысяч девственниц.*— Иронический намек на одиннадцать тысяч дев-мучениц, которые были предметом особого почитания в прирейнских странах и отчасти в восточной Франции.

Стр. 249. *Демон Сократа.*— Понятие «демон» у древних греков вообще означало существо, обладающее сверхъестественной силой, принадлежащее к невидимому миру и имеющее влияние на жизнь и судьбу людей. Замечаемое в жизни людей преобладание благополучия или несчастия привело к представлению об особом демоне, который при самом рождении дается человеку на всю жизнь и своим характером определяет его судьбу; счастливый человек — тот, кто при рождении получил доброго демона. Очень большое значение отводил демонам и Сократ, который признавал, что он сам находится под постоянным и непосредственным воздействием состоявшего при нем демона. Об этом-то «демоне Сократа» и говорит Сирано, делая из него своего собственного покровителя в лунном мире.

Фивы — главный город греческой области Беотии, получившей в IV в. до н. э. перед македонскими завоеваниями на очень короткое время руководящее влияние на общие греческие дела.

Эпаминонд — греческий полководец и политический деятель IV в. до н. э., своею деятельностью доставивший родному городу Фивам, до

тех пор не имевшему большого значения в общегреческих делах, первое и руководящее место среди греческих государств и сломивший вековую гегемонию Спарты. С его смертью в 362 г. до н. э. значение Фив снова упало, благодаря чему открылся путь для прямого вмешательства Македонии во внутренние дела Греции.

Катон Марк Порций — см. прим. к стр. 163. Всю жизнь оставался сторонником республиканской партии. Этим объясняется его упорная борьба против стремившегося к диктатуре Цезаря. В 46 г. до н. э. Катон, находясь в Африке, в городе Утике, лишил себя жизни, узнав о победе Цезаря над республиканским войском.

Брут Марк Юний (79—42 гг. до н. э.) — зять Катона Утического, римский политический деятель и вождь республиканской партии. Глава заговора против Цезаря, приведшего к убийству последнего в 44 г. до н. э. В 42 г. до н. э., после поражения руководимых им республиканских войск при Филиппах, в Македонии, лишил себя жизни.

Стр. 249—250. *Император Август* — Юлий Цезарь Октавиан Август (ум. в 14 г. н. э.) — племянник и приемный сын Цезаря, продолжатель его дела, окончательно установивший в Риме единоличную власть, сохранив, однако, внешнее значение прежних республиканских учреждений.

Стр. 250. *Друз* Нерон Клавдий — пасынок императора Августа и младший брат императора Тиберия. Известен своими походами из Галлии в Германию. Во время этих походов Друз перешел за Везер и проник так далеко в Германию, как после него не проникал ни один римлянин. Умер, упав с лошади, в обратном походе из Германии.

Ливия — вторая жена императора Августа, мать Друза и императора Тиберия.

Агриппа (Корнелиус Генрих) Неттесгеймский (1486—1538) — немецкий гуманист, врач, философ, особенно склонный к мистике и алхимии. У современников и в истории Агриппа приобрел славу великого чародея и волшебника.

Аббат Тритем.— Имеется в виду гуманист Иоганн Гейденберг (1462—1516), известный под именем Иоганна Тритема, Триттенгейма или Трителисуса, от селения Триттенгейм близ Трира, где он родился. С 1483 г. был аббатом; позднее стал настоятелем в одном из монастырей города Вюрцбурга. Как ученый-гуманист, собирал рукописи и книги. В составленных им хрониках — «Шпонгеймской» и «Гирсауской» (о происхождении франков) он пользовался источниками, позднее утерянными. Известен Тритем также и как библиограф: ему принадлежит «Книга церковных писателей» с данными о 963 авторах и «Каталог знаменитых мужей Германии» (303 лица). Однако особенно прославился Тритем еще при жизни изобретенным им криптографическим пись-

мом, получившим широкое распространение. Это обстоятельство приобрело ему славу оккультиста и колдуна, каким его здесь и разумеет автор.

Доктор Фауст.— Первое известие о нем восходит к упомянутому выше аббату Тритему, который в 1507 г. писал своему другу о некоем маге и чародее Сабеллике, прозванном Фаустом, предостерегая от его шарлатанства. Точных сведений о жизни этого лица не сохранилось, но уже в XVI столетии о нем ходили баснословные рассказы, сводившиеся к тому, что Фауст в молодости учился в Кракове, затем продал душу черту, заключив с ним договор, подписанный кровью. Двадцать четыре года Фауст вел веселую и разгульную жизнь, путешествуя по Средней Европе в сопровождении черта в виде лошади или собаки. Легенда о Фаусте впервые была издана в 1587 г.; в ней связь Фауста с чертом уже объясняется не только стремлением Фауста к материальным благам, но также его ненасытною жаждой знания. Позднее история Фауста неоднократно служила предметом обработки, пока эта полулегендарная личность не получила окончательного оформления в произведении Гете.

Ла Бросс Пьер — любимец французского короля Филиппа III (1270—1285), управлявший его двором. В 1285 г. был обвинен в отравлении старшего сына короля посредством волшебства и казнен. О нем осталось воспоминание как о кудеснике и чародее. В первой половине XVII в. во Франции два различных Ла Бросса подвергались обвинению в чародействе.

Цезарь.— Здесь имеется в виду или Цезарий Гейстербахский — цистерцианский монах, настоятель монастыря в Гейстербахе близ Кельна (ок. 1180—1240 гг.), автор пользовавшихся большой известностью «Бесед о чудесах», или же Цезарь Нострадамус (1505—1566) — известный французский астролог, составитель гороскопов, придворный врач французского короля Карла IX.

Орден Розенкрейцеров — тайное общество, возникшее в начале XVII в. Его члены ставили себе целью всестороннее улучшение состояния церкви и государства. Основателем союза Розенкрейцеров был Иоганн Андреэ; в одном из изданных им анонимных памфлетов Андреэ рассказывает о некоем немецком дворянине Розенкрейце, который будто бы ездил в 1378 г. на Восток и там от индийских мудрецов узнал тайны философского камня и жизненного эликсира. В действительности под Розенкрейцем Андреэ подразумевал самого себя. В своих сочинениях и письмах он употреблял печать в виде креста с четырьмя розами, откуда произошли и эмблема позднейших розенкрейцеров, и самое их название. Первоначальные розенкрейцеры, члены братства, учрежденного Андреэ, не были особенно ясно выраженными мистиками; большого распростра-

нения это братство не получило, так как этому мешала изнурявшая Германию Тридцатилетняя война. В 1622 г. в Гааге возникло другое братство розенкрейцеров, довольно быстро распространившееся в Голландии, Германии и Италии; в этом обществе мистика и алхимия стояли на первом плане. Вероятно, именно этот союз «Истинных Розенкрейцеров», как они себя называли, и имеет в виду Сирано.

«De sensu rerum» («О смысле вещей»).— Это сочинение Кампанеллы, напечатанное во Франкфурте в 1620 г., носит на себе явные следы увлечения астрологией и так называемой «натуральной магией».

Ламот Ле Вейе Франсуа (1588—1672) — французский писатель, воспитатель дофина, позднее короля Людовика XIV, представитель скептических традиций, шедших от Монтеня.

Тристан Лермит Франсуа (1601—1655) — французский драматический писатель. Молодость провел очень бурно и за поединок принужден был даже бежать в Англию. Позднее был помилован и служил при дворе герцога Гастона Орлеанского, брата Людовика XIII. Всю свою жизнь имел репутацию отчаянного игрока и, вероятно, на этой почве познакомился и сблизился с Сирано. Написал ряд трагедий, из которых одна, «Марианна», имела большой успех и заставляла сравнивать автора с Корнелем. С 1643 г. был членом Французской Академии.

Стр. 251. *...Диоген отверг предложения Александра, когда последний подошел к его бочке.*— Диоген — греческий философ (414—323 гг. до н. э.), ученик Антисфена, последователя Сократа. Антисфен, понимая односторонне учение Сократа, цель жизни видел в добродетели, а добродетель — в воздержании. Диоген не прибавил ничего к учению Антисфена, но сам своею жизнью довел его до крайности. На этой почве еще в древности возникло множество анекдотических рассказов о Диогене, из которых многие были чистыми выдумками. Один из таких анекдотов описывал встречу Диогена с Александром Македонским и заключался в том, что первый, в ответ на обещание македонского царя исполнить любую его просьбу, попросил его не загораживать ему своей фигурой солнце.

Стр. 255. *...вдыхал нос жестокосердого богача.*— Здесь подразумевается богатый, выведенный в евангельской притче о богатом и Лазаре. Богатый, весь день заполняющий пиршествами, противополагается бедняку Лазарю, лежащему у ворот его дома и стремящемуся питаться хотя бы крохами, падающими со стола богача.

Стр. 257. *Гортензий* — комическое действующее лицо в хорошо известном и много читавшемся в XVII в. романе Шарля Сореля «Франсион». Первое издание его вышло в 1622 г. Это место трактата Сирано показывает, что автор не только был хорошо знаком с произведением Сореля, но и делал из него некоторые заимствования.

Стр. 259. *...европеец, родом из Старой Кастилии. Он умудрился с помощью птиц взлететь в лунный мир...*— Сирано имеет здесь в виду Доминго Гонзалеса, героя «Путешествия на Луну» Фрэнсиса Годуина, напечатанного в Шотландии в городе Перте в 1638 г. и переведенного на французский язык в 1648 г.

Стр. 260. *...если поглубже вникнуть в вещество, убеждаешься, что оно едино...*— Представление о единстве материи, восходящее к атомистической теории Демокрита и Эпикура, разделялось и Гассенди.

...он по симпатии стремится обратить все... в такое же состояние, в каком находится сам.— О симпатии и антипатии между элементами много рассуждали алхимики, с которыми спорил Гассенди.

Стр. 261. *Гордиев узел* — находился в храме Юпитера в Гордионе (Малая Азия). По преданию, был разрублен Александром Македонским.

Стр. 262. *...чтобы занять некое место, до тех пор не занятое.*— Сирано выступает здесь последователем Лукреция и Гассенди.

Стр. 263. *...все пребывает во всем...*— Это изречение принадлежит греческому философу Анаксагору (V в. до н. э.), однако Сирано вкладывает в него совсем иной смысл, нежели Анаксагор, не признававший за материей способности к качественному изменению.

Стр. 264. *Перипатетики* — последователи философии Аристотеля, составлявшие школу, непрерывно существовавшую в течение почти восьми веков. Название происходит от греческого слова περιπατέω — прогуливаюсь; название объясняется тем, что Аристотель любил вести философские беседы с учениками, прогуливаясь в роще Ликея. В данном месте произведения Сирано под «перипатетиками» подразумеваются глухие к голосам современности люди, продолжающие держаться средневековой лжеаристотелевской схоластической философии.

Стр. 265. *...дуба, живительный огонь коего...*— По учению атомистов, тела растений, так же как и тела животных, оживлял содержащийся в них огонь.

Стр. 269. *...короля, носящего брыжи, или короля, предпочитающего плоеный воротничок.*— Намек на вражду Франции и Испании.

Стр. 272. *...сколько бы он ни утверждал, что поверил, он все равно верить не будет.*— Здесь Сирано весьма прозрачно намекает на Галилея, которого инквизиция принудила отречься от своих убеждений на суде в 1633 г.

Стр. 276. *...выходит, что Геракл, Ахилл, Эпаминонд, Александр и Цезарь не заслуживают никаких почестей на том основании, что они умерли, не дожив и до сорока лет...*— Не считая Геракла и Ахилла, возраст которых, по мифичности этих лиц, не может быть учтен, утверждение Сирано правильно только относительно Александра Македонского, умершего тридцати трех лет; Эпаминонд умер в возрасте около пятидесяти лет, Цезарь — пятидесяти шести.

Стр. 277. *Семь эллинских мудрецов.*— Так называли Питтака из Митилены на о. Лесбосе, Солона Афинского, Клеобула с о. Родоса, Периандра Коринфского, Хилона, эфора из Спарты, Фалеса Милетского и Бианта из Приэны в Малой Азии, живших в VII—VI вв. до н. э.

Кассий Гай Лонгин — римский политический деятель, сторонник республики, долголетний политический враг Цезаря и, вместе с Брутом, глава заговора, приведшего к убийству Цезаря в 44 г. до н. э. Кончил жизнь самоубийством после поражения республиканских войск при Филиппах в 42 г. до н. э.

...сказали бы парке: «Любезная барышня, возьми другую чью-нибудь нить...» — Парки — первоначально три латинские богини, покровительствовавшие рождению человека; позднее они слились с тремя греческими божествами мойрами, из которых одна была божеством рождения, другая — жизни, третья — смерти. Их обычное изображение в виде трех прядущих женщин восходит к Греции и было воспринято в Риме.

Стр. 279. *Лаиса* — имя двух знаменитых греческих гетер, живших в V и IV вв. до н. э.

Стр. 280. *...пифагорейцы... придерживались таких же взглядов...*— Пифагорейцы верили в переселение душ и, видимо, поэтому были вегетарианцами.

Ведь у обоих вас отец и мать — бог и его отрицание.— Сирано иронизирует здесь над неоплатониками, определявшими материю как простое отрицание бога, источника духовности и единственно подлинной реальности.

Стр. 290. *Один великий поэт и мыслитель нашего мира...*— Имеется в виду Лукреций.

Стр. 300. *...воображение в силах излечивать все болезни...*— Подобное же считали Кардано и Монтень, теория эта восходит к взглядам античных врачей.

«ИСТОРИЯ СЕВАРАМБОВ» ДЕНИ ВЕРАСА

Первая часть «Истории севарамбов» («Histoire des Sevarambes») Дени Вераса вышла в Англии в 1675 году на английском языке; после значительной переработки она появилась и на французском языке (1677) в Париже. Там же увидели свет в 1678—1679 годах вторая и третья части романа, в которых была развернута картина общества, основанного на коммунистических началах.

Роман «История севарамбов» имел большой успех во Франции и за ее пределами. Он издавался на французском языке вплоть до конца XVIII века в Париже и особенно много в Амстердаме, выдержав не менее двадцати изданий. Несколько раз роман издавался до середины

XVIII века в переводе на английский язык полностью или в отрывках, был неоднократно переведен на немецкий, итальянский и голландский языки. Наибольшее число изданий падает на начало XVIII века, но и в конце его, накануне французской революции, «История севарамбов» несколько раз была издана во Франции. И даже в XIX веке, когда роман был забыт во Франции, его охотно читали в Англии и в Германии.

«История севарамбов», как один из первых самых крупных утопических романов, вызвал много подражаний. Таков, например, роман Claude Gilbert, Histoire de l'île de Calejava, Dijon, 1700, или Tyssot de Patot, Les voyages et aventures de Jacques Masse, Bordeaux, 1700, и ряд других. Некоторые отзвуки «Истории севарамбов» можно найти во многих произведениях более поздней утопической литературы.

«История севарамбов» привлекала также к себе внимание великих французских просветителей XVIII века — Монтескье, Вольтера,— но их она интересовала не с точки зрения социальных идей, а с точки зрения религиозной политики.

Впервые, как мы уже говорили, на английском языке первая часть «Истории севарамбов» вышла еще в 1675 году. Через несколько лет неизвестный автор издал продолжение романа, написанное в фантастическом духе и не имеющее ничего общего с первой его частью. С выходом в свет в 1719 году бессмертного «Робинзона Крузо» Дефо и в 1727 году «Путешествий Гулливера» Свифта в Англии сильно возрос интерес к роману Вераса. Английские критики часто сопоставляли «Историю севарамбов» с романами Дефо и Свифта. Быть может, этим отчасти объясняется ее успех в Англии. В 1738 году «История севарамбов» была впервые издана на английском языке полностью в переводе с французского издания.

В Германии успех Вераса был наиболее длительным. Впервые «История севарамбов» была переведена на немецкий язык в 1689 году и тепло принята критиками. О романе хорошо отзывался Лейбниц, Кант называет «Историю севарамбов» вслед за утопиями Платона и Мора.

У нас роман Вераса издан был только в советское время (1937 г.) под общей редакцией академика В. П. Волгина. Этот же перевод (Е. Дмитриевой) воспроизводится в настоящем издании.

Стр. 311. *Восточная Индия.*— Именем Восточной Индии (Ост-Индия), в противоположность Америке, называвшейся Западной Индией (Вест-Индия), называли обычно Индостан, Индокитай и острова юго-восточной Азии.

Стр. 313. *Тексель* — остров, принадлежащий Голландии и расположенный к северу от Зюдерзее.

Индийская компания...— Имеется в виду Нидерландская Ост-Индская компания, существовавшая с 1602 до 1798 г. Это была монопольная торговая компания, способствовавшая созданию Голландской колониальной империи в юго-восточной Азии.

Стр. 316. *Я воевал в течение трех лет...*— По-видимому, речь идет о войнах Франции в союзе с Голландией против Испании начиная с 1635 г.

Стр. 330. *Ланды* — равнинная местность во Франции вдоль Бискайского залива. В XIX в. ланды были засажены соснами и дубами.

Стр. 349. *...не болел ли кто-либо из нас неаполитанской болезнью.*— Подразумевается сифилис.

Стр. 353. *...о положении империи...*— Имеется в виду положение Германской империи после Вестфальского мира, заключенного в 1648 г.

Стр. 376. *Великий Могол* — титул монгольских властителей, правивших Индией в течение XIV—XVII вв.

Стр. 393. *...род его шел от парси...*— Парси — последователь религии, основанной, по преданию, Заратустрой, или Зороастром (религия древнего Ирана).

...поклонение солнцу и огню.— В религии, основанной Заратустрой, огонь и солнце играют большую роль. Рай, ангелы созданы из света, а ад является созданием тьмы.

Стр. 397. *...ко двору великого государя...*— Под великим государем, по-видимому, подразумевается Великий Могол.

Ф. Шуваева

СОДЕРЖАНИЕ

Л. Воробьев. Утопии и действительность 5

ТОМАС МОР. УТОПИЯ. *Перевод А. Малеина и Ф. Петровского.*

Томас Мор шлет привет Петру Эгидию 41
Первая книга беседы, которую вел выдающийся муж Рафаил Гитлодей, о наилучшем состоянии государства, в передаче знаменитого мужа Томаса Мора, гражданина и виконта славного британского города Лондона 45
Вторая книга беседы, которую вел Рафаил Гитлодей, о наилучшем состоянии государства, в передаче лондонского гражданина и виконта Томаса Мора 77

КАМПАНЕЛЛА. ГОРОД СОЛНЦА. *Перевод Ф. Петровского* . . 143

ФРЭНСИС БЭКОН. НОВАЯ АТЛАНТИДА. *Перевод З. Александровой* 193

СИРАНО ДЕ БЕРЖЕРАК. ГОСУДАРСТВА ЛУНЫ. *Перевод Е. Гунста* 227

ДЕНИ ВЕРАС. ИСТОРИЯ СЕВАРАМБОВ. *Перевод Е. Дмитриевой*

К читателю 309
Часть первая 316
Часть вторая 351
История Севариаса, законодателя севарамбов, первого вице-короля Солнца, и его преемников, или Третья часть истории севарамбов 393

Примечания *А. Малеина, Ф. Петровского, Ф. Коган-Бернштейн, Ф. Шуваевой* 451

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
СЕРИЯ ПЕРВАЯ
Том 34

УТОПИЧЕСКИЙ РОМАН
XVI—XVII веков

*

Редактор Е. Осенева
Оформление «Библиотеки»
Д. Бисти
Художественный редактор
Л. Калитовская
Технический редактор
Л. Платонова
Корректоры
Н. Шкарбанова и Д. Эткина

*

Сдано в набор 16/IX 1970 г. Подписано к печати 2/I 1971 г. Бумага типогр. № 1. Форм. 60×84 1/16— 31 печ. л. 28,92 усл. печ. л. 29,85+5 накидок = 30,45 уч.-изд. л. Тираж 300 000 экз. Заказ № 1391.
Цена 1 р. 54 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

*

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Главполиграфпрома Комитета по
печати при Совете Министров СССР
Москва, М-54, Валовая, 28